РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 10 (октябрь) 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: *Издательство "ЮРКОМПАНИ"*

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3830 от 13 декабря 2021 г.)

Научно-правовой журнал «Российский научный вестник» включён в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Science Index, индексируется в Google Scholar,

каждой статье присваивается DOI (Digital Object Identifier).

Выходит один раз в месяц.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:
Владимир Усанов

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Роман Ерцев**

Дизайн: **Екатерина Ерошина**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис В 218. Этаж 2.

Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Для писем: *121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.*

Home page: *www.r.law-books.ru* **E-mail:** *mail@law-books.ru*

WhatsApp: *+7-903-672-55-88* **Многоканальный:** *+8-800-700-45-88*

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: ***Усанов Владимир Евгеньевич***, академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: ***Шайхуллин Марат Селирович***, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: ***Рыжов Валерий Борисович***, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алферова Елена Васильевна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН.

Грудцына Людмила Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, председатель Московской городской коллегии адвокатов "Норма права", Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Исраелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова.

Булаков Олег Николаевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России.

Садовникова Галина Дмитриевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Усанов Владимир Евгеньевич - академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки

Андреева Любовь Васильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Белов Валерий Евгеньевич - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Editorial Board:

Editor-in-chief: ***Usanov Vladimir Evgenievich***, Academician of RAO, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: ***Shaikhullin Marat Selirovich***, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State-Legal Studies of the Eurasian Research Institute of Legal Problems

Deputy Editor-in-Chief: ***Ryzhov Valery Borisovich***, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and municipal administration of the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow Pedagogical State University

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences

Alferova Elena Vasilievna - Candidate of Law, Leading Researcher, Head of the Department of Law, INION RAS.

Grudtsina Ludmila Yurievna - Doctor of Law, Professor, chairman of the Moscow City Bar Association "Norm of Law", Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkova.

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University of the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «O.E. Kutafin Moscow State Law University» (MGUA).

Specialty: 5.1.3 - Private legal (civilistic) sciences

Andreeva Lyubov Vasilievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Higher School of Law Department of the Institute of Public Administration and Management of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation.»

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, FSBEI HE «Russian

Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

Ари Палениус - проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро - Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо

Безерра Феликс Валуа Гуара - JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсалоглы - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан - проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман - JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии

Ким Эшли - D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг - проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка - проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Миндагулов Алькен Хайдарович - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене - проф., Университет им. МиколасаРомериса (Литва)

Пол Брэнд - профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис - профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич - доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович - доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр - доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

Ari Palenius - prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena RosyoKarnero - Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo

Bezerra Felix Valois Goira - Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins

VeliyevIsakhan Veysal Oglou - doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich - the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan - prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman - Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia

Kim Ashley - D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng - prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka - prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Mindagulov Alken Haydarovich - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)

Nematov Akmal Raufdzhonovich - the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene - prof., University MykolasRomeris (Lithuania)

Paul Brend - professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies - professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich - the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich - Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander - the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- HUMAN RIGHTS
- NATIONAL SECURITY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONSTITUTIONAL TRIAL

Specialty: 5.1.3 - Private-legal (civilistic) sciences (legal sciences)

- LAW OF OBLIGATION
- CORPORATE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- ADMINISTRATIVE LAW
- EDUCATION MANAGEMENT

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник»

1. Общие положения

1.1. Под рецензированием понимается процедура рассмотрения членами редакционной коллегии научно-правового журнала «Российский научный вестник», а также привлеченными специалистами по тематике рецензируемых материалов из других организаций, научных статей, отражающих основные результаты исследования, проведенного автором (авторами), (далее – статей), представляемых для опубликования в научно-правовом журнале «Российский научный вестник» (далее – Журнал), до публикации.

1.2. Журнал осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Рецензия должна обеспечивать всестороннюю и объективную оценку, анализ достоинств и недостатков представленной статьи.

1.3. Цель рецензирования – повышение научного уровня материалов, публикуемых в Журнале, и обеспечение качества статьи, соответствующее международным правилам, принятым в авторитетных реферативных базах научного цитирования.

1.4. К рецензированию привлекаются как члены редакционного совета Журнала, так и сторонние рецензенты, имеющие ученую степень доктора или кандидата наук (либо их зарубежный эквивалент), обладающие достаточным опытом научной работы по заявленному в статье научному направлению, знакомые с требованиями, предъявляемыми редакцией Журнала к публикуемым материалам. Все рецензенты имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

1.5. Как правило, рецензент не должен работать в одной организации с автором (авторами) статьи. Редакция делает все возможное и стремится к исключению «конфликта интересов» между авторами и рецензентами.

1.6. Объем рецензии не регламентируется, но, как правило, должен укладываться в 1–2 страницы компьютерного набора текста (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал – полуторный, кегль – 12).

1.7. При поступлении рукописи статьи в редакцию все авторы предупреждаются о процедуре обязательного рецензирования. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

1.8. При отрицательном отзыве либо наличии серьезных замечаний к статье со стороны рецензента работа, как правило, отправляется на дополнительное рецензирование. Более одного рецензента обязательно назначается в случаях, когда статья выполнена на «стыке» наук или научных направлений.

1.9. Окончательное решение о возможности опубликования статьи принимает редакционный совет с учетом полученной рецензии (рецензий), а также мотивированного ответа автора (авторов) статьи.

1.10. При положительной рецензии автору направляется уведомление о принятии статьи к рассмотрению редсоветом. Авторам, которым отказано в публикации статьи, направляется мотивированный отказ.

1.11. Оригиналы рецензий или их копии в электронном виде хранятся в редакции пять лет с момента подписания рецензентом.

Правила рецензирования

2.1. Рецензирование организует главный редактор или заместитель главного редактора Журнала. Выбор экспертов-рецензентов относится к полномочиям редакционного совета. Рецензент назначается в зависимости от его специализации и квалификации с учетом тематики представленной в редакцию научной статьи.

2.2. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются результатами интеллектуальной деятельности, способными к правовой охране, и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.3. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

2.4. Рецензирование осуществляется в срок до 30 дней.

2.5. В рецензии отражаются следующие вопросы:

- соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
- соответствует ли статья современным достижениям научно-теоретической мысли;
- присутствует ли научная новизна в рассматриваемой статье;
- доступна ли статья читателям, которым она адресована, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и проч.;
- целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу научной литературы;
- в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- являются ли метаданные к статье полным информативным отражением содержания статьи и отвечают ли они требованиям к метаданным, принятым в Журнале;
- может ли аннотация статьи послужить подтверждением научной ценности представленного на рецензирование материала и привлечь читателей к рассматриваемой проблеме, участию в дальнейшей дискуссии;
- вывод о возможности опубликования данной статьи в Журнале: «рекомендуется» (положительная рецензия), «рекомендуется при условии исправления отмеченных рецензентом недостатков» (доработка) или «не рекомендуется» (отрицательная рецензия).

2.6. Рецензия направляется редакцией на электронный адрес автора. Автору не сообщаются сведения о рецензенте.

2.7. При наличии замечаний рецензента автор статьи вносит в нее соответствующие изменения и присылает ее повторно. Автору рекомендуется также дать письменный комментарий относительно учета замечаний рецензента. Срок представления автором исправленной статьи ограничен одним месяцем. Если статья не прислана автором в указанный срок, она снимается с рассмотрения.

2.8. При незначительных замечаниях рецензента, требующих только редакторских правок, и с согласия автора может быть принято решение о приеме статьи без дополнительной авторской доработки.

2.9. В случае мотивированного несогласия автора с мнением рецензента решение по статье принимает редакционный совет.

2.10. Содержание рецензии рассматривается редакционным советом при утверждении статьи к опубликованию, который принимает одно из решений:
- принять статью к опубликованию без исправлений;
- направить статью на дополнительное рецензирование;
- вернуть статью автору для исправления по замечаниям рецензента;
- отклонить статью (с обязательной мотивацией).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Российский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Каждой статье присваивается DOI — Digital Object Identifier (цифровой идентификатор объекта, мировой стандарт отображения данных в Интернете).

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов), и прошла обязательное рецензирование. Срок рассмотрения рукописи: до 30 дней. В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

В статье может быть до 3 соавторов (включительно). Тексты статей принимаются объемом от 10 до 20 машинописных страниц (не более 40 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word . Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация, ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом). В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2].

Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата и доктора наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков недобросовестного заимствования и недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (компенсационный взнос в этом случае не возвращается).

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Краевская А.Г., Изутина С.В. * Правовые проблемы регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении Российской Федерации. 19

Амирханова Ю.С. * Молодежь как адресат публичной политики и молодой гражданин как субъект публичных правоотношений: к вопросу о конституционно-правовой субъектности. 26

Жинкин С.А. * Личностная эффективность деятельности государства: к постановке проблемы. . . . 31

Реди Е.В., Лисовик А.Н. * Достижения и перспективы развития студенческого спорта в России. . . 35

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Григорьев И.В., Гурьев А.И., Штро Г.Д. * Социальная поддержка участников СВО: дефекты региональной регламентации и механизмы их преодоления. 38

Бодяков В.Н., Морозов Р.М., Владимиров С.В. * Отдельные аспекты применения дистанционных технологий при расследовании преступлений. 45

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Бочарова Е.А. * Правовые механизмы противодействия коррупции в системе государственных и муниципальных закупок: теория и практика применения. 49

Войновский В.З. * Функции и задачи, права и обязанности Федеральной таможенной службы РФ в рамках реализации контроля исчисления, начисления и списания утилизационного сбора. 54

Щербаков А.В., Богданов М.Н. * Безопасность уголовно-исполнительной системы и ее обеспечение посредством правоохранительной деятельности: понятие и сущность. 60

Утяшов Э.К., Утяшова О.В. * Действие нормативных правовых актов во времени в условиях режима военного положения. Постановка проблемы. 69

Логинов В.В. * Использование данных искусственного интеллекта в процессе принятия управленческих решений в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций. 75

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Стрельникова А.А., Селезнёв А.В., Терехов А.В. * ДНК-фенотипирование как инструмент криминалистического профилирования: зарубежный опыт и перспективы применения в России. 79

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Габитов К.Н. * Понятие и особенности взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти. 87

Цыганова Е.А., Масловская М.В. * Особенности обеспечения конституционного права на свободу совести и вероисповедания отдельных субъектов права в Российской Федерации и за рубежом. . . 92

Горбунов М.Д. * Правосознание в отечественной науке, континентальном конституционализме и аналитической юриспруденции: постановка проблемы. 101

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Героева А.А. * Риск-ориентированный подход к организации внутреннего контроля в системе обеспечения финансовой безопасности предприятия. 106

Вареница К.А. * Проблемы доказывания фактического размера заработной платы при неформальных трудовых отношениях: доктринальный подход и судебная практика. 111

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Мартынов Р.А. * Невиновное причинение вреда в судебной практике. 119

Крохина Ю.А. * Правоприменительная практика судов в системе регуляторов валютных отношений 123

Джура В.В., Заиченко Я.И. * Расширенное использование искусственного интеллекта (ИИ) в цифровом правосудии. 129

Беляков Д.С. * Предмет доказывания как фактор обеспечения законности судебного решения. . 133

Алексеева Е.В., Колесникова М.М. * Исторические аспекты развития института подсудности дел в современном гражданском процессе. 137

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Попов Д.С. * Автономия воли учредителя и lex societatis личного фонда: пределы выбора применимого права. 146

Клюев Я.Д. * Правовое регулирование применения информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти. 152

Воробьев А.В. * Правовой режим неотапливаемых нежилых помещений в многоквартирных домах 160

Краевская А.Г., Тюрин И.В. * Правовые аспекты пользования и распоряжения донорскими органами и тканями при трансплантации. 166

Денисов Д.Г., Крапивин О.В., Никеров Д.И., Бодько С.П., Абдуллаев К.М. * Специальная физическая подготовка сотрудников ФСИН России: разработка и теоретическое обоснование комплекса упражнений. 176
Васильев Р.В. * Подготовка пожарных к оказанию первой помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях. 180
Реди Е.В., Попова Е.Д. * Исследование уровня значимости присутствия родителей на спортивных соревнованиях. 184
ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
Безматерных А.О. * Трансформация цикла принятия управленческих решений на основе предиктивного анализа. 187
ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
Васильев А.С. * Смарт-контракт в гражданском праве: технологическая основа, правовая природа и направления развития регулирования. 192
Кудинова А.В. * Гражданско-правовые аспекты применения искусственного интеллекта в прогнозировании успеха ЭКО. 200
Ильчук Д.С., Мадыгина О.А. * Гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта при оказании медицинских услуг. 205
Нальгиева Р.М. * Публичный интерес как основание участия прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) субъектов предпринимательской деятельности в условиях экономических санкций. 209
Рейц А.Н., Шахов Д.Ю., Тарасов Ю.А. * Квазисубъектность адвокатского кабинета: гражданско-правовая ответственность адвоката и риски конкурсного производства. 217
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
Богданов М.Н., Щербаков А.В. * К вопросу о современном состоянии функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы. 225
Бодяков В.Н., Морозов Р.М., Грязнов С.А. * Современные способы противодействия мошенничеству, совершаемому осужденными, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. 234
Копылова О.П., Стрельникова А.А. * Альтернативная подследственность в уголовном процессе России: проблемы правового регулирования и правоприменения. 238
Богатова Е.В., Спирина А.С. * Правовой статус работника уголовно-исполнительной системы, его структура и содержание. 244
Ляпин В.М., Доценко Н.А. * К вопросу реализации служебной и боевой подготовки в уголовно-исполнительной системе. 248
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ
Третьяков А.С., Наконечная Е.В., Мешкова С.С. * Физическая культура как средство снижения учебного стресса и повышения работоспособности студентов. 254
Алеевская А.О. * Формирование нравственных ценностей курсантов образовательных организаций ФСИН России в контексте традиционных российских ценностей. 258
Нецветаева В.О. * Интеграция модели «4К» в систему профессионально-педагогической подготовки будущих офицеров уголовно-исполнительной системы. 262
Ветрова И.В., Лозовая А.И., Лозовой А.А. * Цифровизация физического воспитания в российских вузах: проблема вовлечённости студентов и профилактика гиподинамии. 269
Демидов О.Г., Казначеев В.А., Крапивин О.В., Соболев Е.А. * Дистанционные образовательные технологии в пенитенциарной системе: педагогические риски и возможности. 275
Кокшаров Е.В., Сапаров Б.М. * Физическая подготовка курсантов вузов МЧС России: теоретические подходы и направления совершенствования. 280
Третьяков А.С., Наконечная Е.В., Суворова Н.В. * Занятия физической культурой и спортом как фактор психологического благополучия студентов. 285
ИННОВАЦИИ В МИРЕ
Реди Е.В. * Спорт и физическая культура в современном обществе. 289
Спирица Е.В. * Язык без речи: навык как пропущенное звено между схемой и опытом в подготовке профайлеров. 292
ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ
Муравьев А.В., Пожималин В.Н., Сухинин И.В., Шарипов А.Н. * Влияние физической подготовки на устойчивость студентов и курсантов высших учебных заведений ФСИН России к учебным и психоэмоциональным нагрузкам. 300

Третьяков А.С., Наконечная Е.В., Суворова Н.В. * Влияние цифровых инструментов (мобильных приложений) и технологии нейростимуляции (TDCS) на восстановление студентов после физических нагрузок в период экзаменационной сессии. 305

POLICY AND LAW
Kraevskaya A.G., Izutina S.V. * Legal problems of regulation of artificial intelligence in healthcare of the Russian Federation. 19
Amirkhanova Yu.S. * Youth as the target of public policy and the young citizen as a subject of public legal relations: on the issue of constitutional legal personhood. 26
Zhinkin S.A. * The personal effectiveness of state activity: setting the problem. 31
Redi E.V., Lisovik A.N. * Achievements and development prospects in university sports. 35
HUMAN RIGHTS
Grigorev I.V., Gurev A.I., Shtro G.D. * Social support for participants of the special military operation: errors in regional regulation and mechanisms for overcoming them. 38
Bodyakov V.N., Morozov R.M., Vladimirov S.V. * Certain aspects of the use of remote technologies in crime investigation. 45
NATIONAL SECURITY
Bocharova E.A. * Legal mechanisms for combating corruption in the system of state and municipal procurement: theory and practice of application. 49
Voinovsky V.Z. * Functions, tasks, rights and duties of the federal customs service of the Russian Federation in controlling the calculation, accrual and write-off of the recycling fee. 54
Shcherbakov A.V., Bogdanov M.N. * Security of the criminal-executive system and its ensuring through law-enforcement activities: concept and essence. 60
Utyashov E.K., Utashova O.V. * The effectiveness of normative legal acts over time under a state of military situation. Statement of the problem. 69
Loginov V.V. * Use of artificial intelligence data in managerial decision-making for population protection against emergencies. 75
INTERNATIONAL PUBLIC LAW
Strelnikova A.A., Seleznev A.V., Terekhov A.V. * DNA phenotyping as a tool for forensic profiling: foreign experience and prospects for application in Russia. 79
CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
Gabitov K.N.* Concept and features of interaction between local government bodies and state authorities 87
Tsyganova E.A., Maslovskaya M.V.* Features of ensuring the constitutional right to freedom of conscience and religion for certain entities in the Russian Federation and abroad. 92
Gorbunov M.D.* Legal consciousness in domestic legal science, continental constitutionalism, and analytical jurisprudence: statement of the problem. 101
LAW AND ECONOMICS
Geroeva A.A. * Risk-based approach to organizing internal control in the enterprise financial security system. 106
Varenitsa K.A. * Problems of proving the actual amount of wages in informal labor relations: doctrinal approach and judicial practice. 111
JUSTICE AND JURISPRUDENCE
Martynov R.A. * Innocent causation of harm in judicial practice. 119
Krokhina Yu.A. * The law enforcement practice of courts within the system of regulators of currency relations. 123
Dzhura V.V., Zaichenko Ya.I. * Advanced use of artificial intelligence (AI) in digital justice. 129
Belyakov D.S. * Subject of evidence as a factor in ensuring the legality of a judgment. 133
Alekseeva E.V., Kolesnikova M.M. * Historical aspects of the development of the institution of jurisdiction in modern civil procedure. 137
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
Popov D.S. * The founder's autonomy and the lex societatis of a personal fund: limits on the choice of applicable law. 146
Klyuev Ya.D. * Legal regulation of the use of information technologies in the activities of executive authorities. 152
Vorobyev A.V. * Legal regime of unheated non-residential premises in apartment buildings. 160
Kraevskaya A.G., Tyurin I.V. * Legal aspects of the use and disposal of donor organs and tissues during transplantation. 166
Denisov D.G., Krapivin O.V., Nikerov D.I., Bodko S.P., Abdullaev K.M. * Special physical training for FPS of Russia personnel: development and theoretical justification of an exercise complex. 176
Vasiliev R.V. * Training of firefighters to provide first aid to victims of road accidents. 180

Redi E.V., Popova E.D. * Study of the significance level of parents' presence at sports competitions. . . 184
CONTROL THEORY
Bezmaternykh A.O. * Transformation of the managerial decision-making cycle based on predictive analytics. 187
CIVIL AND BUSINESS LAW
Vasilyev A.S. * Smart contract in civil law: technological basis, legal nature and directions for the development of regulation. 192
Kudinova A.V. * Civil and legal aspects of applying artificial intelligence in predicting the success of ECO-projects. 200
Ilchuk D.S., Madygina O.A. * Civil regulation of artificial intelligence in the provision of medical services 205
Nalgieva R.M. * Public interest as grounds for participation of the prosecutor in insolvency (bankruptcy) cases of business entities under economic sanctions. 209
Reitz A.N., Shakhov D.Yu., Tarasov Yu.A. * The quasi-subjectivity of the advocate's cabinet: civil-law liability of the advocate and risks of insolvency proceedings. 217
CRIMINAL LAW AND PROCESS
Bogdanov M.N., Shcherbakov A.V. * On the current state of the domestic criminal-executive system. . 225
Bodyakov V.N., Morozov R.M., Gryaznov S.A. * Modern methods of countering fraud committed by convicts held in institutions of the penal system of the Russian Federation. 234
Kopylova O.P., Strelnikova A.A. * Alternative jurisdiction in the Russian criminal process: problems of legal regulation and law enforcement. 238
Bogatova E.V., Spirina A.S. * Legal status of a penitentiary system employee, its structure and content. 244
Lyapin V.M., Dotsenko N.A. * On the implementation of professional and combat training in the penal correction system. 248
EDUCATION MANAGEMENT
Tretyakov A.S., Nakonechnaya E.V., Meshkova S.S. * Physical education as a means of reducing academic stress and increasing student performance. 254
Aleyevskaya A.O. * Formation of moral values of cadets of educational establishments of the federal penal service of Russia in the context of traditional russian values. 258
Netsvetaeva V.O. * Integration of the "4c" model into the system of professional and pedagogical training of future officers of the penal system. 262
Vetrova I.V., Lozovaya A.I., Lozovoy A.A. * Digitalization of physical education in russian universities: the problem of student engagement and prevention of hypodynamia. 269
Demidov O.G., Kaznacheev V.A., Krapivin O.V., Sobolev E.A. * Distance educational technologies in the penitentiary system: pedagogical risks and opportunities. 275
Koksharov E.V., Saparov B.M. * Physical training of university cadets of the ministry of emergency situations of Russia: theoretical approaches and areas of improvement. 280
Tretyakov A.S., Nakonechnaya E.V., Suvorova N.V. * Physical education and sports as a factor in the psychological well-being of students. 285
INNOVATION IN THE WORLD
Redi E.V. * Sports and physical education in modern society. 289
Spiritsa E.V. * Language without speech: skill as the missing link between scheme and experience in profiler training. 292
EDUCATION IN RUSSIA AND THE WORLD
Muravyov A.V., Pozhimalin V.N., Sukhinin I.V., Sharipov A.N. * The impact of physical fitness on the resistance of students and cadets of higher educational institutions of the FSIN of Russia to academic and psychoemotional stress. 300
Tretyakov A.S., Nakonechnaya E.V., Suvorova N.V. * Impact of digital tools (mobile apps) and neurostimulation technology (TDCS) on students 'recovery from physical activity during the exam session 305

- ПОЛИТИКА И ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-19-25
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

КРАЕВСКАЯ Анна Геннадьевна,
Магистрант ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
e-mail: mail@law-books.ru

ИЗУТИНА Светлана Викторовна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых отношений
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье проведен системный анализ действующего правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в российском здравоохранении. Установлена фрагментарность нормативной базы, отсутствие специального федерального закона и унифицированного понятийного аппарата. Выявлены критические коллизии между правом на удаление персональных данных и обязанностью хранения медицинской документации, а также между режимами обработки обезличенных данных и медицинской тайны. Доказана неприспособленность традиционной модели деликтной ответственности к вероятностным алгоритмическим системам. Установлено отсутствие механизмов защиты пациентов от алгоритмической дискриминации и права на объяснение логики автоматизированных решений. Результаты формируют доказательную базу для законотворческой деятельности в сфере цифровизации здравоохранения.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект в медицине, правовое регулирование, персональные данные, медицинская тайна, юридическая ответственность, алгоритмическая дискриминация, права пациентов, цифровизация здравоохранения.*

KRAEVSKAYA Anna Gennadievna,
Master's student of the Plekhanov Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

IZUTINA Svetlana Viktorovna,
Ph.D., Associate Professor, Department of Civil Law Relations, FSBEI HE "PRUE named after G.V. Plekhanov"

LEGAL PROBLEMS OF REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HEALTHCARE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article contains a systematic analysis of the current legal regulation of the use of artificial intelligence technologies in Russian healthcare. The fragmentation of the regulatory framework, the absence of a special federal law and a unified conceptual apparatus have been established. Critical conflicts have been identified between the right to delete personal data and the obligation to store medical records, as well as between the regimes for processing anonymized data and medical secrets. The inability of the traditional model of tort liability to probabilistic algorithmic systems has been proven. The lack of mechanisms for protecting patients from algorithmic discrimination and the right to explain the logic of automated decisions has been established. The results form the evidence base for legislative activities in the field of digitalization of healthcare.*

Key words: *artificial intelligence in medicine, legal regulation, personal data, medical secrecy, legal responsibility, algorithmic discrimination, patient rights, digitalization of healthcare.*

Современный этап развития здравоохранения характеризуется глубокой цифровой трансформацией, ядром которой выступает интеграция технологий искусственного интеллекта и систем обработки больших данных в процессы диагностики, лечения и организации медицинской помощи. Эта трансформация сопровождается возникновением многоплановых правовых вопросов междисциплинарного характера, расположенных на пересечении медицинского, информационного, конституционного и гражданского права. Складывающаяся нормативная архитектура демонстрирует фрагментарность и неоднородность: нормы разнесены между различными правовыми актами, частично дублируют друг друга, а в значимых аспектах оставляют существенные пробелы, не позволяющие обеспечить предсказуемость правоприменения и должный уровень защиты прав участников отношений.

Цель настоящего исследования состоит в проведении системного правового анализа регулирования применения технологий искусственного интеллекта и больших данных в российском здравоохранении, направленного на выявление нормативных пробелов и коллизий. В основу исследования положены три гипотезы: существующая система регулирования носит фрагментарный характер и не обеспечивает адекватной защиты прав пациентов; законодательство содержит системные коллизии между требованиями защиты персональных данных и необходимостью использования больших данных для обучения искусственного интеллекта; отсутствие специализированного регулирования создает неопределенность в распределении ответственности между разработчиком, медицинской организацией и врачом.

Анализ нормативной базы констатирует отсутствие легального определения искусственного интеллекта на уровне федерального закона. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 содержит дефиницию искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека, однако данный акт носит программно-целевой характер и не формирует императивного правового режима. Приведенное определение концептуально неполно для медицинского контекста, поскольку не учитывает специфику клинического применения таких систем, как алгоритмы поддержки принятия клинических решений, интерпретации диагностических изображений и предиктивного моделирования. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в статье 38 позволяет квалифицировать программное обеспечение на основе искусственного интеллекта как медицинское изделие при наличии целевого предназначения для решения медицинских задач. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 июня 2012 года № 4н устанавливает классификацию систем искусственного интеллекта по степени потенциального риска: класс 2а и 2б относится к средней степени риска и применяется для анализа диагностических изображений, тогда как класс 3 предназначен для систем поддержки принятия решений в критических клинических ситуациях и относится к категории высокого риска.

Критическим недостатком существующего подхода является то обстоятельство, что системы машинного обучения обладают способностью к модификации алгоритмов в процессе эксплуатации, что принципиально отличает их от традиционных медицинских изделий с фиксированными характеристиками. Действующее регулирование не предусматривает механизмов контроля за эволюцией алгоритмов после государственной регистрации, что создает риски непредсказуемого изменения клинических характеристик программного обеспечения. Анализ национальных стандартов демонстрирует начальную стадию формирования нормативно-технической базы: ГОСТ Р 57276-2016 устанавливает базовую терминологию в области искусственного интеллекта, однако не содержит специфических требований для медицинского применения. Существенным недостатком является отсутствие национального стандарта, адаптированного специально для программного обеспечения на основе машинного обучения медицинского назначения. ГОСТ ISO 13485–2017, представляющий собой адаптированную версию международного стандарта ISO 13485:2016 для систем менеджмента качества медицинских изделий, имеет статус модифицированного стандарта, что означает наличие содержательных изменений по сравнению с международным оригиналом и исключает их полную эквивалентность.

Правовой режим обработки медицинских данных формируется совокупностью конституционных гарантий и специального законодательства. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» в статье 10 относит сведения о состоянии здоровья к специальным категориям персональных данных, обработка которых по общему правилу запрещена. Институт медицинской тайны регулируется статьей 13 Федерального закона № 323-ФЗ, устанавливающей запрет на разглашение сведений о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе. Конституционная основа защиты приватности медицинских данных формируется статьей

23 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни, и статьей 24, запрещающей сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

Разработка и обучение систем искусственного интеллекта требует доступа к большим объемам медицинских данных, что создает фундаментальную коллизию между необходимостью использования массивов информации и императивными требованиями их защиты. Федеральный закон № 152-ФЗ в части девятой статьи 10 допускает обработку специальных категорий персональных данных в обезличенном виде для целей статистических и иных исследований без получения согласия субъекта данных, однако законодательство не устанавливает конкретных технических требований к процедурам обезличивания и не определяет критерии оценки остаточного риска реидентификации. Современные исследования в области приватности данных неоднократно демонстрировали уязвимость традиционных методов деперсонализации медицинской информации: сочетание нескольких квазиидентификаторов, таких как возраст, пол, географические признаки, даты клинических событий и редкие диагнозы, позволяет с высокой вероятностью повторно идентифицировать конкретного пациента в формально обезличенном датасете путем сопоставления с внешними источниками данных. Статья 91.1 Федерального закона № 323-ФЗ, регулирующая функционирование единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения и допускающая использование обезличенных медицинских сведений для проведения научных исследований, не содержит детализированных требований к методам и метрикам обезличивания, таким как уровни k-анонимности, l-разнообразия, t-близости или механизмы дифференциальной приватности, что оставляет существенную правовую неопределенность в выборе и оценке адекватности применяемых технологий деперсонализации.

Дополнительная правовая неопределенность возникает относительно объема и содержания информации, которая должна быть предоставлена пациенту для получения информированного согласия при использовании систем искусственного интеллекта в процессе оказания медицинской помощи. Действующее законодательство не содержит ответа на вопрос о необходимости раскрытия информации о факте использования алгоритмических систем, принципах их функционирования, источниках и характеристиках обучающих данных, метриках точности и ограничениях применимости, что создает дефицит правовой базы для реализации принципа автономии пациента и его права на полноту информации о методах лечения.

Использование систем искусственного интеллекта в клинической практике порождает сложную правовую проблему распределения ответственности при причинении вреда здоровью пациента. Традиционная модель деликтной ответственности в медицине основывается на концепции вины медицинского работника и установлении причинно-следственной связи между его действиями и наступившим вредом, однако при использовании алгоритмических систем цепочка причинности существенно усложняется. Вред может быть обусловлен ошибкой в логике алгоритма, некритичным принятием врачом необоснованной рекомендации без должной клинической верификации, дефектами на стадии разработки программного обеспечения, систематическими смещениями или недостаточным качеством обучающих данных, либо комбинацией указанных факторов. Можно выделить два сценария ответственности медицинского работника: в первом случае некритичное принятие рекомендации алгоритма без надлежащей клинической верификации и сопоставления с объективными данными о состоянии пациента квалифицируется как профессиональная небрежность и образует состав гражданско-правового деликта по статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, а при наличии тяжких последствий — состав преступления, предусмотренного статьями 109 или 118 Уголовного кодекса Российской Федерации; во втором случае, когда врач добросовестно осуществил верификацию рекомендации алгоритма в соответствии со стандартами медицинской помощи, однако не смог выявить неочевидную системную ошибку алгоритма, установление его вины представляется проблематичным.

Распределение ответственности в правовой связке «медицинская организация — медицинский работник — разработчик программного обеспечения» требует учета специфических свойств алгоритмов машинного обучения. В соответствии со статьей 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации медицинская организация несет ответственность за вред, причиненный ее работником при исполнении трудовых или служебных обязанностей, что позволяет пациенту предъявить требования непосредственно к организации здравоохранения. Для удовлетворения регрессного требования медицинской организации к разработчику программного обеспечения необходимо доказать причинную связь между наступившим вредом и конкретным нарушением со стороны разработчика, что может включать наличие программного дефекта, несоответствие фактических характеристик системы заявленным

в технической документации параметрам, нарушение гарантийных обязательств, непредоставление критически важных обновлений безопасности или недостаточность инструкций по применению.

Особую сложность представляет проблема правовой квалификации понятия «недостатка товара» применительно к системам искусственного интеллекта. Применимость статей 1095–1098 Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности изготовителя за вред, причиненный вследствие недостатков товара, к программному обеспечению на основе машинного обучения осложняется вероятностной природой выводов таких систем. Единичный ошибочный вывод алгоритма сам по себе не свидетельствует о наличии «недостатка товара» в правовом смысле, поскольку любая система машинного обучения характеризуется определенной вероятностью статистической ошибки. Квалификация недостатка требует установления систематического отклонения фактических характеристик системы от заявленных разработчиком свойств и клинически валидированных метрик эффективности на целевой популяции пациентов. Дополнительную сложность создают системы с непрерывным обучением: после внедрения в клиническую практику модель может изменять свои параметры и характеристики качества на основе новых данных, что затрудняет идентификацию конкретной версии алгоритма, повлекшей причинение вреда, и определение юридически значимого момента возникновения недостатка — на стадии первоначальной поставки либо в процессе эксплуатации.

Правовая защита пациентов в условиях применения автоматизированных систем принятия решений формируется совокупностью общих и специальных норм. Часть седьмая статьи 14 Федерального закона № 152-ФЗ закрепляет универсальное право субъекта персональных данных не быть объектом решения, порождающего юридические последствия в отношении него или иным образом затрагивающего его права и законные интересы, если такое решение принимается исключительно на основе автоматизированной обработки его персональных данных. Это право носит надотраслевой характер и распространяется на сферу здравоохранения, поскольку медицинская деятельность по определению включает обработку специальных категорий персональных данных, содержащих сведения о состоянии здоровья. Соответственно, указанная норма требует обязательного наличия «человека в контуре» — медицинского работника, который осуществляет проверку и принятие итогового клинического решения, выходящее за пределы исключительно автоматизированной обработки данных.

Однако законодательство не конкретизирует содержание права пациента на получение информации об использовании автоматизированной обработки его данных в процессе оказания медицинской помощи. Регламент Европейского Союза 2016/679 о защите данных предусматривает право субъекта данных получить содержательную информацию о логике автоматизированного принятия решений, а также о значении и предполагаемых последствиях такой обработки, тогда как российское законодательство не содержит аналогичной нормы, что создает правовую неопределенность и препятствует эффективной реализации права пациента на информированное согласие.

Существенную правовую проблему представляет риск алгоритмической дискриминации при использовании систем искусственного интеллекта, обучаемых на исторических массивах медицинских данных. Такие системы могут воспроизводить и усиливать существующие статистические смещения по защищаемым или коррелирующим признакам, включая пол, возраст, этническую и социальную принадлежность, инвалидность и место проживания. Источники смещений включают непредставительность обучающих выборок относительно целевой популяции, систематические различия в доступе к медицинской помощи и качестве документирования, исторические клинические практики, отражающие селективность назначения процедур, а также ошибки аннотирования и проблемы переносимости моделей между различными медицинскими учреждениями и регионами. Конституционная основа противодействия дискриминации задается статьей 19 Конституции Российской Федерации, гарантирующей равенство прав и свобод человека независимо от пола, расы, национальности, языка и других обстоятельств, а также статьей 11 Федерального закона № 323-ФЗ, закрепляющей недопустимость отказа в оказании медицинской помощи по мотивам, не связанным с медицинскими показаниями. Однако прямое применение указанных норм к случаям алгоритмической дискриминации сталкивается с методологическими и процессуальными трудностями: во-первых, смещение в моделях машинного обучения зачастую носит непреднамеренный и неявный характер, проявляясь через использование прокси-переменных, статистически связанных с защищаемым признаком; во-вторых, установление факта и степени дискриминации требует проведения специализированной технической экспертизы, включающей стратифицированный анализ метрик по подгруппам и оценку калибровки модели; в-третьих, действующее регулирование не содержит обязанности разработчиков и медицинских организаций

проводить обязательные аудиты алгоритмов на предмет справедливости и отсутствия дискриминационных смещений, равно как и не устанавливает формализованные критерии допустимых расхождений в качестве работы системы по различным демографическим группам.

Системный анализ выявленных правовых проблем позволяет констатировать наличие двух критических коллизий и одного существенного пробела в действующем регулировании. Первая коллизия заключается в противоречии между закрепленным в части четвертой статьи 14 Федерального закона № 152-ФЗ правом субъекта персональных данных на удаление его данных, в том числе в форме отзыва согласия и требования прекращения обработки с последующим уничтожением данных, и обязанностью медицинских организаций по длительному хранению медицинской документации, установленной статьей 70 Федерального закона № 323-ФЗ, предусматривающей для определенных видов документов срок хранения до двадцати пяти лет. При использовании медицинских данных в качестве обучающей выборки для алгоритмов машинного обучения указанная коллизия приобретает дополнительное техническое измерение: требование реализации «права на забвение» по существу трансформируется в сложную техническую задачу исключения вклада конкретного образца из параметров уже обученной модели без полного переобучения всей системы. Современное состояние научно-технической базы демонстрирует ограниченную применимость методов так называемого machine unlearning: воспроизводимые процедуры удаления влияния отдельного примера либо отсутствуют для широкого класса архитектур нейронных сетей и сценариев применения, либо сопряжены с существенными методическими и вычислительными издержками и рисками деградации качества модели. В результате даже при уничтожении первичных персональных данных в источнике след их статистического влияния может сохраняться в весовых коэффициентах модели, что ставит под вопрос полноту исполнения юридического требования об удалении и порождает нормативно-технологический разрыв между правовой обязанностью и фактической технической исполнимостью.

Вторая коллизия возникает на стыке части девятой статьи 10 Федерального закона № 152-ФЗ, допускающей обработку обезличенных персональных данных без каких-либо ограничений, и статьи 13 Федерального закона № 323-ФЗ, закрепляющей режим медицинской тайны без прямого исключения для обезличенных медицинских сведений. Данное противоречие порождает правовую неопределенность в отношении возможности использования обезличенных данных, в том числе извлекаемых из массивов единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, для целей коммерческой разработки и тестирования медицинских систем искусственного интеллекта. С одной стороны, по логике Федерального закона о персональных данных надлежащее обезличивание выводит информацию из категории персональных данных и снимает связанные с ними ограничения обработки; с другой стороны, медицинская тайна по смыслу Федерального закона об основах охраны здоровья граждан охватывает сведения о факте обращения и состоянии здоровья, и закон не содержит явной оговорки о том, что процедура обезличивания автоматически снимает режим конфиденциальности таких сведений. Отсутствие унифицированных нормативно закрепленных критериев «достаточного» обезличивания в клиническом контексте, а также установленной процедуры деперсонификации данных единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, включая допустимые методики, пороговые значения метрик риска реидентификации и формализованный порядок предоставления доступа третьим лицам, ведет к фрагментированным практикам и создает риски ретроактивного пересмотра правомерности использования данных.

Существенный пробел в регулировании выявлен в сфере телемедицинских технологий. Статья 36.2 Федерального закона № 323-ФЗ предусматривает, что при проведении консультаций с применением телемедицинских технологий лечащий врач может быть назначен только при очном приеме, а при дистанционном взаимодействии постановка диагноза и назначение лечения не допускаются. Данная норма исторически была ориентирована на предотвращение клинических ошибок при отсутствии возможности непосредственного физического осмотра пациента, однако в условиях развития цифровых сервисов и инструментов искусственного интеллекта возникает правовой вопрос о допустимости первичной автоматизированной предварительной оценки симптомов, например, в формате алгоритмического триажа или риск-скоринга, с последующей обязательной верификацией медицинским работником. Действующая редакция закона прямо не отвечает на данный вопрос, поскольку терминологическое различие между понятиями «диагноз», «предварительная оценка риска» и «рекомендационная подсказка» не проведено, а правовой статус алгоритмического вывода как медицинского решения либо вспомогательного аналитического материала остается неопределенным.

Результаты проведенного исследования подтверждают выдвинутые гипотезы и позволяют

сформулировать развернутые выводы о состоянии правового регулирования применения искусственного интеллекта в российском здравоохранении. Установлена фрагментарность и несистемность регулирования: отсутствие специального федерального закона, посвященного использованию искусственного интеллекта в здравоохранении, создает правовую неопределенность для всех участников правоотношений, включая разработчиков программного обеспечения, медицинские организации, медицинских работников и пациентов. Квалификация систем искусственного интеллекта в качестве медицинских изделий в рамках действующего законодательства не учитывает их специфические свойства, такие как критическая зависимость качества работы от характеристик обучающих данных, вероятностный характер выводов, подверженность дрейфу данных и способность к эволюции характеристик после государственной регистрации, что требует особых режимов пострыночного мониторинга, управления изменениями и периодической валидации на локальных популяциях пациентов.

Выявлены устойчивые коллизии в регулировании обработки медицинских данных, проявляющиеся в виде противоречий между необходимостью использования масштабных и качественных массивов медицинской информации для обучения и валидации моделей искусственного интеллекта и императивными требованиями защиты персональных данных и соблюдения режима медицинской тайны. Отсутствуют юридически закрепленные процедуры управляемого забывания данных в контексте обученных моделей машинного обучения, равно как и единые национальные стандарты обезличивания с установленными метриками оценки остаточного риска реидентификации, что создает барьеры для правомерного использования медицинских данных в целях разработки инновационных технологий.

Установлена правовая неопределенность в распределении ответственности между участниками цепочки разработки и применения систем искусственного интеллекта. Действующие конструкции гражданско-правовой деликтной ответственности демонстрируют ограниченную адекватность применительно к специфике алгоритмических систем, основанных на вероятностных моделях машинного обучения. Отсутствуют нормативно закрепленные критерии разграничения зон ответственности между разработчиком программного обеспечения, медицинской организацией и медицинским работником, а также не определены доказательственные стандарты установления причинной связи в условиях многофакторной детерминации вреда и вероятностного характера алгоритмических выводов.

Доказана недостаточность правовой защиты прав пациентов в условиях применения автоматизированных систем принятия решений. Действующее законодательство не содержит закрепленного права пациента на получение понятного объяснения логики алгоритмического вывода, состава и характеристик использованных данных, степени уверенности системы и ограничений применимости, что ограничивает полноту реализации права на информированное согласие и подрывает принцип автономии пациента. Кроме того, законодательство не устанавливает обязательных требований к проведению оценки и предотвращению алгоритмической дискриминации: не определены критерии допустимых межгрупповых различий в метриках качества работы системы, отсутствуют процедуры обязательного аудита справедливости алгоритмов и механизмы корректирующих действий при выявлении систематических смещений, что создает риск воспроизводства исторических неравенств и неблагоприятного дифференцированного влияния на отдельные подгруппы пациентов по защищаемым признакам.

Выявлен дефицит институциональных механизмов контроля и надзора за разработкой и применением систем искусственного интеллекта в здравоохранении. Существующая система государственной регистрации медицинских изделий недостаточно адаптирована к программному обеспечению на основе машинного обучения: лишены нормативного статуса процедуры обязательного аудита алгоритмов на объяснимость и прозрачность, тесты на отсутствие дискриминационных смещений по релевантным демографическим группам, требования к непрерывному мониторингу дрейфа данных и деградации калибровки в постмаркетинговой фазе, а также формализованные требования к ведению неизменяемых журналов версий программного обеспечения, конфигураций, данных, обновлений и клинически значимых инцидентов. Не институционализированы механизмы независимой междисциплинарной этической экспертизы систем высокого риска, отсутствуют публичные реестры зарегистрированных систем искусственного интеллекта медицинского назначения с раскрытием ключевой информации о показателях клинической эффективности и безопасности, ограничениях применимости и истории обновлений, что снижает прозрачность рынка медицинских технологий и уровень доверия профессионального медицинского сообщества и пациентов к инновационным решениям.

Практическое значение результатов проведенного исследования заключается в формировании системной доказательной базы для законотворческой деятельности по разработке специального федерального законодательства и ком-

плекса национальных стандартов, регулирующих применение технологий искусственного интеллекта в здравоохранении Российской Федерации. Выявленные нормативные пробелы и коллизии определяют приоритетные направления совершенствования правовой базы, направленной на обеспечение баланса между стимулированием развития инновационных цифровых технологий в медицине и защитой конституционных прав граждан на охрану здоровья, неприкосновенность частной жизни и недискриминацию.

Список литературы:

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // http://pravo.gov.ru.

[2] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

[3] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

[4] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Российская газета», N 263, 23.11.2011.

[5] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // «Российская газета», N 165, 29.07.2006.

[6] Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ», 14.10.2019, N 41, ст. 5700.

[7] Приказ Минздрава России от 06.06.2012 N 4н (ред. от 24.06.2025) «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» // «Российская газета», N 245, 24.10.201.

References:

[1] "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // http://pravo.gov.ru.

[2] "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 31.07.2025) // "Collection of Legislation of the Russian Federation, "05.12.1994, No. 32, Art. 3301.

[3] "Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 31.07.2025) // "Collection of Legislation of the Russian Federation, "17.06.1996, No. 25, Art. 2954.

[4] Federal Law of 21.11.2011 N 323-FZ (ed. 23.07.2025) "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, No. 263, 23.11.2011.

[5] Federal Law of 27.07.2006 N 152-FZ (as amended by 24.06.2025) "On Personal Data" // "Rossiyskaya Gazeta," No. 165, 29.07.2006.

[6] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 (as amended by 15.02.2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030") // "Collection of Legislation of the Russian Federation, "14.10.2019, No. 41, Art. 5700.

[7] Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 4n dated 06.06.2012 (as amended on 24.06.2025) On approval of nomenclature classification of medical devices Rossiyskaya Gazeta," No. 245, 24.10.201.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-26-30

АМИРХАНОВА Юлия Сергеевна,
Аспирант, Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет имени А. С. Грибоедова», г. Москва,
e-mail: yuliya.amirhanova@gmail.com

МОЛОДЕЖЬ КАК АДРЕСАТ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ И МОЛОДОЙ ГРАЖДАНИН КАК СУБЪЕКТ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Аннотация. *В данной работе исследуется соотношение законодательного признания молодежи участником реализации молодежной политики и конституционно-правовой субъектности молодых граждан и их объединений. Для чего в работе рассмотрены подходы, характеризующие молодежь как адресата политики, субъект социальных изменений либо носителя коллективного интереса. Обосновано, что включение молодежи в перечень субъектов деятельности в сфере молодежной политики не наделяет возрастную группу единой волей, компетенцией и универсальным представительством. Автором предлагается трехуровневая модель правового положения: адресат публичной политики – индивидуальный участник правоотношения – институциональная форма коллективного участия, а также сформулированы критерии разграничения фактической вовлеченности и юридически значимого участия в публичных решениях.*

Ключевые слова: *молодежь, молодой гражданин, конституционно-правовая субъектность, молодежная политика, публичные правоотношения, коллективные права, молодежные объединения, участие в публичном управлении.*

AMIRKHANOVA Yulia Sergeevna,
Postgraduate Educational private institution of higher education «Moscow University named after A. S. Griboyedov» Moscow

YOUTH AS THE TARGET OF PUBLIC POLICY AND THE YOUNG CITIZEN AS A SUBJECT OF PUBLIC LEGAL RELATIONS: ON THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL LEGAL PERSONHOOD

Annotation. *This article examines the relationship between the legislative recognition of youth as participants in the implementation of youth policy and the constitutional-legal agency of young citizens and their associations. To this end, the study analyzes approaches characterizing youth as a policy target, an agent of social change, or a bearer of collective interests. It is argued that including youth in the list of actors within the sphere of youth policy does not endow this age group with a unified will, competence, or universal representation. The author proposes a three-level model of legal status – comprising the target of public policy, the individual participant in legal relations, and the institutional form of collective participation – and formulates criteria for distinguishing between de facto involvement and legally significant participation in public decision-making.*

Key words: *youth, young citizen, constitutional-legal agency, youth policy, public legal relations, collective rights, youth associations, participation in public governance.*

Введение

После включения молодежной политики в п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации и принятия Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 489-ФЗ) вопрос о статусе молодежи приобрел публично-правовое значение. Закон определяет молодежь как социально-демографическую группу, относит ее к субъектам деятельности в сфере молодежной политики и закрепляет формы ее участия [1; 2, ст. 2, 7]. Вместе с тем выраже-

ния «молодежь участвует» и «молодежь является субъектом» могут обозначать социальную активность возрастной группы, участие конкретных граждан или правоспособность организационно оформленного объединения, а их смешение ведет либо к расщеплению единой публичной воли неопределенного множества лиц, либо к представлению о молодых гражданах исключительно как об объекте управления.

Целью исследования является определение юридического смысла субъектности молодежи в публичных отношениях и установление носителя соответствующих прав, обязанностей и процессуальных возможностей. Научная новизна настоящей статьи состоит в разграничении уровней правового положения молодежи и в определении юридически значимого участия как участия, реализуемого в нормативно установленной процедуре, обязывающей компетентный субъект принять, рассмотреть и оценить волеизъявление участника.

Конституционная основа и законодательные термины

Конституция Российской Федерации гарантирует права и свободы личности, равенство, свободу объединений, участие граждан в управлении делами государства и судебную защиту (ст. 2, 17–19, 30, 32, 46). [1] Отнесение молодежной политики к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов не создает самостоятельного набора субъективных конституционных «прав молодежи», специальные меры должны оцениваться через статус конкретного адресата и предусмотренное законом основание их предоставления.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона № 489-ФЗ молодежь – это граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Пункт 7 статьи 2 данного закона относит молодежь к субъектам деятельности в сфере молодежной политики, а ст. 7 называет формы участия: деятельность в консультативных органах, форумы, исследования, подготовку инициатив, создание объединений и формирование органов молодежного самоуправления [2]. В данном случае термин «субъекты» объединяет участников неоднородной сферы деятельности и не устанавливает для них единый объем правосубъектности либо публично-властной компетенции.

Из нормативного признания группы участником политики не следует существование у нее единого органа, общей юридически выраженной воли или права действовать от имени каждого молодого гражданина. Законодательное собирательное понятие необходимо для целеполагания и планирования, но не заменяет установление субъекта конкретного правоотношения, а возможность установить иной максимальный возраст для отдельных мер также показывает функциональную природу возрастного критерия: он очерчивает круг адресатов, а не образует постоянный коллектив с единым членством.

Научная дискуссия

В научной литературе можно выделить три основные позиции: молодежь как адресат публичной политики; как активный участник политических и управленческих процессов; как потенциальный носитель коллективного интереса. Они не образуют взаимоисключающих теорий, поскольку социальная и конституционно-правовая субъектность отвечают на разные вопросы: способна ли группа воздействовать на общественные процессы и является ли она носителем юридически определенных прав и обязанностей.

Е. А. Блинкова и В. В. Виноградов ставят вопрос о возможности характеристики молодежи как субъекта правовых отношений [4]. Стоит поддержать необходимость правового анализа молодежи, однако возрастная принадлежность недостаточна для признания единой правосубъектности всей группы. В каждом случае необходимо установить, кто является участником отношения – гражданин, объединение, инициативная группа или орган молодежного самоуправления, – а также каким нормативным актом определены его возможности.

Субъектно-объектная модель, отраженная в работах Т. В. Шелудяковой и Г. Р. Змановского, О. В. Мясоутова, исходит из того, что молодежь является адресатом публичных мер и одновременно участвует в их реализации [8; 6]. С этой позицией следует согласиться в части отрицания патерналистского подхода, исключающего мнение молодых граждан из подготовки решений, однако в юридическом анализе формула требует уточнения: адресат программы не лишен прав, а участие в мероприятии не всегда предполагает влияние на юридически значимое решение.

А. Э. Ушамирский связывает социальную субъектность молодежи со способностью самостоятельно принимать решения и воздействовать на других участников отношений, он подчеркивает ее неодинаковую степень в разных группах молодежи [7, с. 18–21]. Этот подход справедливо показывает, что субъектность зависит от условий и не возникает автоматически при создании формальной площадки участия. Однако фактическое влияние не решает юридического вопроса о том, кому принадлежит право внести предложение, получить ответ и обжаловать отказ, поэтому социальный критерий необходимо дополнить критериями правовой идентификации участника и процедуры осуществления его возможностей.

Д. А. Гаджиева определяет коллективные

права как принадлежащие признанной государством общности и не сводимые к сумме индивидуальных прав, среди условий их существования называет целостность, устойчивость, добровольность принадлежности и необходимость совместного осуществления интереса [5, с. 9-11]. Эти критерии позволяют оценить молодежь как возможного коллективного правообладателя, молодежь в целом им не соответствует: ее состав изменчив, интересы неоднородны, а универсальный механизм формирования общей воли отсутствует. При этом молодежное объединение вправе выражать интересы своих членов в пределах устава и закона, но не становится представителем всех молодых граждан.

С. А. Авакьян рассматривает представительство как самостоятельную проблему конституционного права [3]. Применительно к молодежной политике необходимо различать выражение мнения части молодых людей и юридически оформленное представительство, так, молодежный совет либо парламент вправе вырабатывать предложения, но не представляет всю молодежь автоматически. Следует установить правовое основание его деятельности, порядок формирования, круг представляемых лиц, механизм внесения предложений и обязанность компетентного органа их рассмотреть.

Таким образом, социальная субъектность характеризует самостоятельность и влияние, доктрина коллективных прав – возможного правообладателя, а конституционно-правовой анализ – носителя конкретного правомочия и форму его реализации. Эти уровни не должны подменять друг друга.

Трехуровневая модель правового положения молодежи

Первый уровень – молодежь как нормативно выделенная социально-демографическая категория и адресат публичной политики. Возрастная дефиниция применяется для программирования, развития инфраструктуры и оценки доступности мер, а понятие «интересы молодежи» допускается в публичном планировании, но не доказывает согласия всей возрастной группы с конкретной инициативой и не удостоверяет равного права каждого на любую меру поддержки. Для определения правообладателя необходима проверка возраста, гражданства и иных юридических фактов.

Второй уровень – молодой гражданин как индивидуальный субъект публичных правоотношений: его возможности вытекают из общего конституционного статуса и специальных норм. Один человек может быть заявителем на получение поддержки, участником обсуждения, автором обращения, обучающимся, работником, добровольцем или членом объединения – эти качества пересекаются, но не сливаются в единый исчерпывающий статус «молодежи». Принадлежность к возрастной группе, например, может быть условием допуска к конкурсу, но не подтверждает право на его выигрыш.

Для лиц 14-17 лет особенно важно разграничивать принадлежность к молодежи и объем самостоятельной реализации отдельных прав. Статья 60 Конституции РФ связывает полный объем самостоятельного осуществления прав и обязанностей с 18-летием, но не отрицает прав несовершеннолетнего [1]. Участие в объединениях, ученическом самоуправлении и инициативах определяется возрастом, предметом отношения, правилами процедуры и, когда это необходимо, участием законных представителей. Недопустимы как автоматический запрет любой самостоятельной активности, так и механический перенос на несовершеннолетнего всех возможностей совершеннолетнего участника.

Третий уровень – организационно оформленные формы коллективного участия. Общественное объединение, некоммерческая организация, орган студенческого самоуправления и молодежный совет имеют разную правовую природу, они действуют соответственно в пределах свободы объединений и уставных целей, нормативно определенной компетенции либо положения о консультативном органе: инициативная группа участвует в той мере, в какой ее участие допускает соответствующая процедура, а наличие у организации прав во взаимоотношениях с публичным органом не означает передачи ей властной компетенции и не создает особого коллективного права всей возрастной группы.

Предложенная модель отвечает на три разных вопроса: на кого направлена политика; кому принадлежит конкретное право; кто вправе выражать коллективную позицию. Она преодолевает бинарную формулу «субъект или объект»: даже не участвующий в мероприятиях молодой гражданин сохраняет конституционные права, а активное объединение не становится органом публичной власти.

Юридически значимое участие

Статья 7 Федерального закона № 489-ФЗ объединяет формы различной юридической природы: форум, исследование, молодежную инициативу, деятельность в консультативном органе и создание объединения [2]. Регистрация на форуме подтверждает участие в мероприятии; обращение, направленное по установленным правилам, порождает обязанность рассмотрения; рекомендация консультативного органа имеет значение в пределах процедуры ее направления и оценки. Поэтому число участников мероприятий не свидетельствует само по себе о влиянии на

публичное решение.

Юридически значимое участие предполагает четыре условия: правовое основание, определяющее предмет и круг участников; идентифицируемого заявителя и компетентного адресата; правила регистрации, рассмотрения и сообщения результата; возможность оспорить нарушение процедуры либо отказ в допуске. Обязанность рассмотреть предложение не означает обязанности согласиться с ним. При этом не каждую коммуникацию необходимо превращать в административное производство, но, если предложения используются при подготовке публичного решения, порядок их передачи и рассмотрения должен быть известен заранее – молодежный совет при муниципальном органе иллюстрирует данное различие. Открытый порядок формирования повышает доверие к составу совета, но не создает представительства всех молодых жителей, если положение о совете предусматривает направление рекомендаций и срок их рассмотрения, возникает формализованный канал взаимодействия, когда же работа сводится к заседаниям без регистрации и оценки предложений, ее общественная полезность не превращается в юридическое воздействие на решение.

Заключение

Конституционно-правовое положение молодежи невозможно свести к формуле «объект» или «субъект». Молодежь является предусмотренной законом группой адресатов публичной политики, но возрастной признак сам по себе не создает общую юридическую волю, универсальное представительство и публично-властную компетенцию. Включение молодежи в перечень субъектов деятельности по ст. 2 Федерального закона № 489-ФЗ подтверждает возможность ее участия в реализации политики, но не устраняет различия в правовом положении конкретных участников.

Носителем конституционных прав и субъектом конкретного публичного правоотношения является молодой гражданин; коллективное действие реализуется через объединения, организации, инициативные группы и консультативные структуры в пределах их правового статуса. Такой вывод не отрицает социальную субъектность молодежи, но исключает ее некорректный перенос в юридическую доктрину. Приоритетом развития регулирования должно быть не признание молодежи единым коллективным правообладателем, а создание прозрачных процедур, в которых волеизъявление молодых граждан и их объединений приобретает юридическое значение и получает проверяемую обратную связь от публичной власти.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.01.2021, № 1 (часть I), ст. 28.

[3] Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Издательский Дом (типография). 2022. 484 с.

[4] Блинкова Е. А., Виноградов В. В. Молодежь как субъект правовых отношений // Modern Science. 2020. № 5-2. С. 69–73.

[5] Гаджиева Д. А. Категория коллективных прав личности в конституционной теории и практике Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. 23 с.

[6] Змановский Г. Р., Мясоутов О. В. Молодежь: субъект-объектный статус в системе молодежной политики муниципального образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 484–488. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-4-484-488..

[7] Ушамирский А. Э. К проблеме субъектности молодежи // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 16–29.

[8] Шелудякова Т. В. Государственная молодежная политика в России и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2017. 22 с.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 04.01.2021, No. 1 (Part I), Art. 28.

[3] Avakyan S. A. Representation in constitutional law: questions of theory and practice: monograph. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Publishing House (printing house). 2022. 484 p.

[4] Blinkova E. A., Vinogradov V. V. Youth as a subject of legal relations // Modern Science. 2020. № 5-2. S. 69-73.

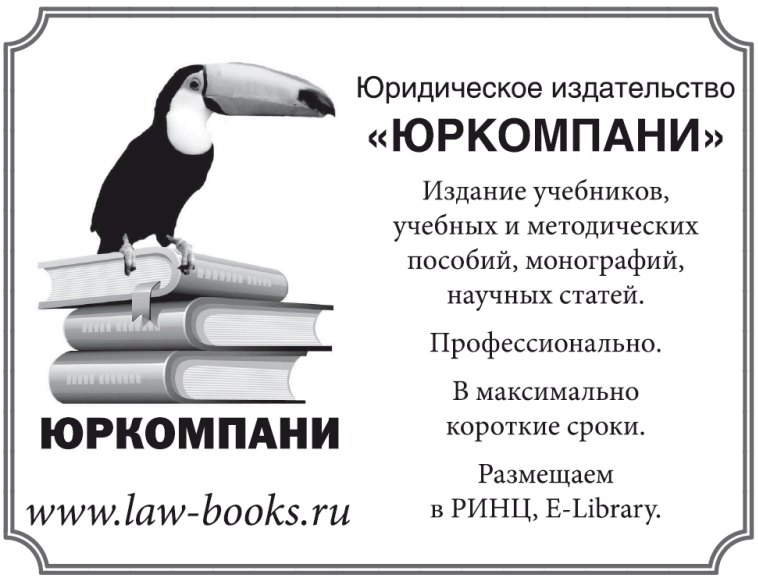
[5] Hajiyeva D.A. Category of collective individual rights in the constitutional theory and practice of the Russian Federation: author. dis....

cand. jurid. Sciences: 5.1.2. M., 2024. 23 pp.

[6] Zmanovsky G.R., Myasoutov O.V. Youth: subject-object status in the youth policy system of the municipality // Izvestia Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2020. Vol. 20, no. 4. S. 484-488. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-4-484-488..

[7] Ushamirsky A.E. To the problem of youth subjectivity // Theories and problems of political research. 2016. № 4. S. 16-29.

[8] Sheludyakova T.V. State youth policy in Russia and foreign countries: constitutional and legal research: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. Voronezh, 2017. 22 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-31-34

ЖИНКИН Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета,
ORCID ID 0000-0002-0291-4469,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛИЧНОСТНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В статье анализируется сущность феномена личностной эффективности государственной деятельности. Автором отмечается, что целевой подход к понятию эффективности, широко используемый в отечественной юридической науке, при всех своих достоинствах оставляет без внимания личность как главного актора политической и правовой жизни. Поэтому государство в своей деятельности обязательно должно ставить и выполнять те цели и задачи, которые связаны с развитием личности, с формированием у нее социально ориентированных качеств. В то же время, по мнению автора, личностную эффективность государственной деятельности следует отличать от ряда близких понятий, в частности, от личностных факторов эффективности государственной деятельности. К таким факторам можно отнести доверие широких социальных слоев к государственной власти и ее мероприятиям, высокий уровень политической и правовой культуры населения, широкое распространение в обществе идей социальной консолидации и т.д. Личностную эффективность государственной деятельности не следует также смешивать с другой важной категорией – личностной ориентированностью государственной деятельности, государственной политики. Автором подчеркивается, что личностная эффективность и личностная ориентированность должны стать важнейшими характеристиками как современной государственной деятельности в целом, так и отдельных проводимых государством мероприятий.*

Ключевые слова: *государство, деятельность, эффективность, личностная.*

ZHINKIN Sergey Alekseevich,
doctor of law professor of the Department of theory and the history of the state and law Kuban state University

THE PERSONAL EFFECTIVENESS OF STATE ACTIVITY: SETTING THE PROBLEM

Annotation. *The article analyzes the essence of the phenomenon of personal effectiveness in state activity. The author notes that the target oriented approach to the concept of effectiveness, which is widely used in domestic legal science, despite all its merits, neglects the individual as the main actor in political and legal life. Therefore, in its activities, the state must necessarily set and achieve those goals and tasks that are related to the development of the individual and the formation of socially oriented qualities in them. At the same time, according to the author, the personal effectiveness of state activity should be distinguished from a number of related concepts, in particular, from the personal factors that contribute to the effectiveness of state activity. Such factors may include the trust of broad social strata in the state authorities and their measures, a high level of political and legal culture among the population, the widespread dissemination of ideas of social consolidation in society, etc. The personal effectiveness of state activity should not be confused with another important category – the personal orientation of state activity and state policy. The author emphasizes that personal effectiveness and a focus on the individual should become the key characteristics of both modern state activity as a whole and the individual measures implemented by the state.*

Key words: *state, activity, efficiency, personal.*

Феномен эффективности государственной деятельности, как, собственно, и сама такая деятельность, в современный период имеет весьма многоаспектный характер. Даже простое перечисление функций государства наводит на мысль о том, что каждая из функций как основных направлений деятельности государства характеризуется своей собственной эффективностью. Более того, эффективность реализации каждой отдельной функции государства измеряется многими показателями, проверяется по многим критериям. И важнейшей группой показателей эффективности государственной деятельности в различных сферах, на мой взгляд, должны выступать показатели, имеющие личностный характер, личностное содержание. Совокупность этих показателей будет образовывать личностную эффективность государственной деятельности.

Определимся прежде всего с самим понятием эффективности государственной деятельности, учитывая большую многогранность последней, охватывающей самые различные сферы и мероприятия. Думается, при дефинировании эффективности государственной деятельности за основу следует принять целевую концепцию эффективности правовых норм, получившую распространение еще в советской юридической науке и имеющую, на мой взгляд, универсальное значение при исследовании проблем эффективности в политической и правовой системах. В этом плане следует назвать такие работы, как монографии В.И. Никитинского «Эффективность норм трудового права» [7] и коллективную работу «Эффективность правовых норм» [13], труды А.С. Пашкова, Л.С. Явича, Л.И. Спиридонова [12]. Данной концепции было уделено серьезное внимание и в ряде диссертационных исследований, в том числе в личностном аспекте. В этом плане хотелось бы привести в качестве лишь небольшого примера диссертационные работы А.А. Абрамовой «Эффективность механизма правового регулирования» [1], В.В. Груздева «Теория правового состояния личности» [3], Д.Н. Мешкова «Эффективность воздействия права на отношения личности и государства» [6].

Немало трудов в современной отечественной науке и образовательной деятельности посвящено и проблемам обеспечения эффективности государственного управления. В этом плане следует отметить учебные пособия В.В. Лобанова «Государственное управление и общественная политика» [5] и «Эффективность государственного и муниципального управления» под редакцией И.Ю. Чазова и В.Ю. Войтович [11], а также учебник В.Е. Чиркина «Публичное управление» [10]. Нельзя также не упомянуть ряд монографических исследований – коллективную монографию «Особенности публичного управления в современной России» [8] и исследование И.В. Понкина [9]. Затрагивались проблемы эффективности государственного управления и правового регулирования и в контексте конституционной реформы [2], и в плане отрицательного ракурса такой эффективности [4].

Однако, отдавая должное четкости и конкретности выводов целевой концепции относительно сущности эффективности правового регулирования и удобству ее применения к государственной деятельности, следует вместе с тем отметить, что в данном случае как бы «остается за кадром» личность как главный объект правового регулирования (хотя в литературе она иногда подменяется некоей обезличенной совокупностью общественных отношений) и как главный объект социального управления и ориентир государственной политики. И, вместе с тем, вне критической оценки остаются сами цели государственной деятельности и правового регулирования. А эти цели, несомненно, должны быть личностно ориентированы, поскольку, согласно Конституции РФ, именно «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». При всем видимом удобстве измерения эффективности государственных мероприятий посредством целевого подхода остается вне поля зрения главная – личностная – составляющая эффективности. Очевидно, что цели такой личностной эффективности могут носить несколько неконкретный характер, а полученные результаты далеко не всегда могут быть точно измерены. Однако это вовсе не означает, что само личностное измерение эффективности государственной деятельности не имеет права на существование.

Итак, преломляя основы целевой концепции эффективности правовых норм к исследованию эффективности государственной деятельности, можно сделать вывод о том, что эффективность государственной деятельности – это соотношение между теми целями, которые поставило государство, инициируя и затем осуществляя соответствующую деятельность, и реально наступившими результатами. При таком подходе можно выделять и измерять как эффективность государственной деятельности в целом, так и ее отдельных направлений и отдельных, конкретных мероприятий государственной власти. Личностная же эффективность в таком случае должна рассматриваться как достижение поставленных государством целей в сфере развития и самореализации человеческой личности. Однако личностная эффективность вообще может рассматриваться и вне взаимосвязи с какими бы то ни было поставленными целями – как осуществление личностного развития в обществе в результате проводимой

государством политики, как массовое развитие социально полезных личностных качеств. К таким качествам и их поведенческим преломлениям можно отнести духовность, взаимопомощь, благотворительность, заботу о близких, патриотизм и т.д. При этом, конечно, требует конкретизации и само использованное выше понятие «личностное развитие». Необходимо определить параметры такого развития в современный период, факторы, пути и методы реализации такого развития на данном историческом этапе.

Личностную эффективность государственной деятельности следует отличать от некоторых смежных понятий и, в частности, от личностных факторов эффективности государственной деятельности. К таким факторам можно отнести, например, доверие широких социальных слоев к государственной власти и ее мероприятиям, высокий уровень политической и правовой культуры населения, широкое распространение в обществе идей социальной консолидации и т.д.

Личностную эффективность государственной деятельности не следует также смешивать с личностной ориентированностью государственной деятельности, государственной политики. Думается, что личностная ориентированность должна стать важнейшей характеристикой как современной государственной деятельности в целом, так и отдельных проводимых государством мероприятий. И само понятие такой личностной ориентированности, несомненно, должно быть конкретизировано как в доктринальном, так и в практическом плане

Итак, личностная эффективность нуждается в детальном научном рассмотрении в качестве важнейшей разновидности эффективности государственной деятельности, в качестве ориентира государственной политики. При этом должны быть конкретизированы параметры, аспекты, факторы, пути и методы достижения такой эффективности.

Список литературы:

[1] Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования. Дисс… канд.юрид.наук. Красноярск, 2006.

[2] Адыгезалова Г.Э., Дзидзоев Р.М. Обсуждаем конституционную реформу в России // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С.102-110.

[3] Груздев В.В. Теория правового состояния личности. Дисс… докт.юрид.наук. Н. Новгород, 2012.

[4] Жинкин С.А. Об отрицательной эффективности в праве, ее видах и показателях // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 1. С.7-13.

[5] Лобанов В.В. Государственное управление и общественная политика. Учеб. пособие. СПб., 2004.

[6] Мешков Д.Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства. Дисс… канд.юрид.наук. Владимир, 2007.

[7] Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., 1971.

[8] Особенности публичного управления в современной России: монография / (О.Г. Александров и др. / под общ. Ред. Т.М. Резер. Екатеринбург, 2018.

[9] Понкин И.В. Правовые основы, цели, принципы, инструменты, модели и концепты публичного управления. М., 2016.

[10] Чиркин В.Е. Публичное управление: учебник. М., 2004.

[11] Эффективность государственного и муниципального управления. Учеб. пособие. / Под ред. И.Ю. Чазова, В.Ю. Войтович. Ижевск, 2019.

[12] Эффективность действия правовых норм / Пашков А.С., Явич Л.С., Спиридонов Л.И. и др Л., 1977.

[13] Эффективность правовых норм. /Кудрявцев В. Н. Никитинский В. И. Самощенко И. С. Глазырин В. В. М., 1980.

References:

[1] Abramova A.A. Effectiveness of the legal regulation mechanism. Diss... cand.yurid.nauk. Krasnoyarsk, 2006.

[2] Adygezalova G.E., Dzidzoev R.M. Discussing constitutional reform in Russia // Legal Bulletin of Kuban State University. 2020. № 2. P.102-110.

[3] Gruzdev V.V. Theory of the legal state of personality. Diss... doct.jurid.nauk. N. Novgorod, 2012.

[4] Zhinkin S.A. On negative effectiveness in law, its types and indicators // Legal Bulletin of Kuban State University. 2024. № 1. S.7-13.

[5] Lobanov V.V. Public administration and public policy. Tutorial. St. Petersburg, 2004.

[6] Meshkov D.N. Effectiveness of the effect of law on relations between the individual and the state. Diss... cand.yurid.nauk. Vladimir, 2007.

[7] Nikitinsky V.I. Effectiveness of labor law norms. M., 1971.

[8] Features of public administration in modern Russia: monograph / (O.G. Alexandrov et al / Under the general Ed. T.M. Reser. Yekaterinburg, 2018.

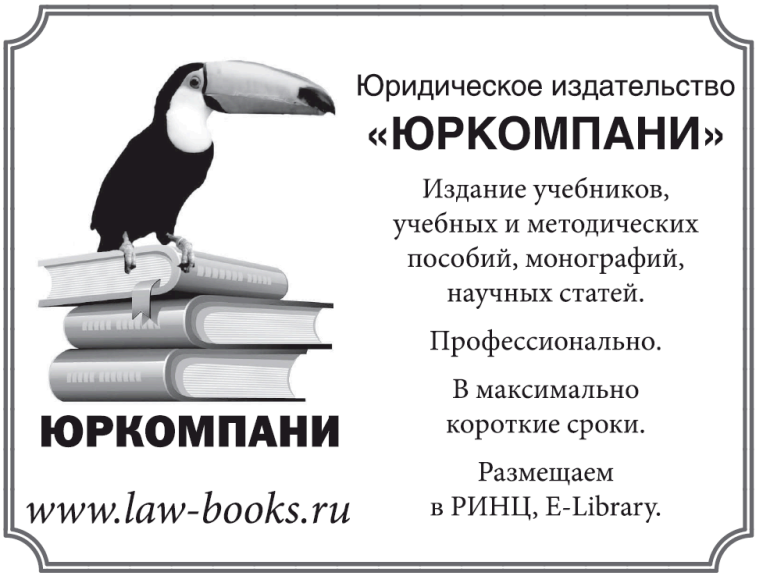
[9] Ponkin I.V. Legal foundations, goals, principles, tools, models and concepts of public administration. M., 2016.

[10] Chirkin V.E. Public management: textbook. M., 2004.

[11] Efficiency of public and municipal administration. Study manual / Ed. I.Yu. Chazova, V.Yu. Voitovich. Izhevsk, 2019.

[12] Effectiveness of legal regulations / A.S. Pashkov, L.S. Yavich, L.I. Spiridonov et al., 1977.

[13] Effectiveness of legal norms / Kudryavtsev V.N. Nikitinsky V.I. Samoshchenko I.S. Glazyrin V.V. M., 1980.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-35-37

РЕДИ Елена Владимировна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск,
e-mail: Russlen90@mail.ru

ЛИСОВИК Алла Николаевна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия,
e-mail: Lissa0407@mail.ru

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТА В РОССИИ

Аннотация. *Данная работа посвящена проблемным вопросам студенческого спорта в образовательном процессе. В этом исследовании рассмотрено фактическое положение развития студенческого спорта в высших образовательных учреждениях на современном этапе развития, подчеркнуты значимые проблемы и основные перспективы развития студенческого спорта. В ходе исследования было отмечено, что в настоящее время физическое воспитание в высших образовательных учреждениях значительно отстает от общих нормативов, что не позволяет в полной мере реализовать уровень физического воспитания студентов высших образовательных учреждений по выполнению социальных задач в обеспечении физических здоровых и полноценных современных молодой людей с активной жизненной позицией, поэтому необходимы различные теоретические и методические подходы физического воспитания.*

Ключевые слова: *студенческий спорт, студенческая среда, физическое воспитание, универсиада.*

REDI Elena Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

LISOVIK Alla Nikolaevna,
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

ACHIEVEMENTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN UNIVERSITY SPORTS

Annotation. *This work is devoted to the problematic issues of student sports in the educational process. This study examines the actual situation of the development of student sports in higher educational institutions at the present stage of development, highlights significant problems and the main prospects for the development of student sports. In the course of the study, the author noted that currently physical education in higher educational institutions lags far behind the general standards, which does not allow to fully realize the level of physical education of students of higher educational institutions to fulfill social tasks in providing physically healthy and full-fledged modern young people with an active lifestyle, therefore, various theoretical and methodological approaches of physical education.*

Key words: *student sports, student environment, physical education, universiade.*

Введение. Тема студенческого спорта является очень популярной, подтверждением чего выступает огромное количество информации, изложенной в научных источниках. Именно поэтому вопрос студенческого спорта, анализ проблем и вопросы, связанные с его развитием в будущем, рассматриваются во многих диссертациях и научных трудах. Повышенная заинтересованность многих авторов к студенческому спорту обусловлена снижением здоровья молодых людей, понижением у них ценностного ориентира и соблюдения здорового образа жизни, а также повышением требований со стороны государства по выполнению социальных задач в обеспечении физических здоровых и полноценно развитых современных молодых людей с активной жизненной позицией [1].

На современном этапе развития спортивного направления в высших образовательных учреждениях профессионального образования появляются различные новые задачи, состоящие в сохранении здоровья молодых людей и в физическом их воспитании. Направление этих задач обусловлено не только полноценным развитием физического состояния студентов высших образовательных учреждений, но и повышением интереса к физкультуре и спорту, созданием необходимых условий для сохранения физического здоровья и реализацией профилактических работ по исключению заболеваний среди молодых людей [2].

Спорт в студенческой среде является многогранным и многокомпонентным процессом, в котором реализуются задачи, направленные на развитие физических возможностей и повышения здорового образа жизни.

Основная часть. Рассматривая разнообразные научные труды исследователей, можно отметить то, что отечественная наука на современном этапе развития рассматривает данный феномен с различных позиций. Например, проблема активного развития студенческого спорта анализируется специалистами на различных уровнях:

социально-экономическом;

спортивном;

образовательном;

правовом;

общенаучном.

Анализируя многочисленные исследования российских и зарубежных авторов, можно сделать вывод о том, что автор С.В. Лапочкин, к примеру, рассматривает феномен студенческого спорта как «неотъемлемое средство физической культуры и спорта, позволяющий повысить физическое воспитание современной молодежи, а также в большей степени сохранить и улучшить их здоровье в общественном устройстве» [4].

Проведенный анализ научных публикаций авторов В.И. Дубровского и Ю.П. Лисицина позволяет сделать вывод о том, что спортивное направление имеет множество отличительных особенностей от других форм образования.

В первую очередь, эти особенности включают интеллектуальный, психоэмоциональный и физический уровни, что в свою очередь последний уровень является мощнейшим методом влияния на физические и умственные способности молодых людей.

Многие авторы подчеркивают существенную значимость к вовлечению молодых людей к спорту и физической культуре в высших учебных заведениях. Связано это с тем, что главная задача высших учебных заведений профессионального направления заключается в повышении мотивации студентов, вызывающей удовлетворение от активной деятельности, здорового образа жизни, эстетической красоты, ловкости и умелости движений, а также в повышении стремления успешно выполнять сложные упражнения, показывая успешные результаты, а также желание быть сильным и ловким, здоровым и в целом быть успешным человеком в обществе» [3].

Развитие спорта и физической культуры в молодежной студенческой среде позволяет сделать вывод о том, что высшие образовательные учреждения профессионального направления должны быть нацелены на проведение факультативов по физической культуре и спорту для сохранения и улучшения физических и психических качеств молодых людей, а также сохранения и укрепления собственного здоровья. Спортивное студенческое движение базируется на реализации базового компонента, целенаправленного на повышение уровня физкультуры и спорта среди студентов.

Вывод. Проведенный анализ исследования позволяет говорить о том, что образование физического воспитания в различных высших образовательных учреждениях профессионального направления находится в настоящее время на низком уровне, поскольку этот уровень в большей степени не реализует социальные государственные задач обеспечения, укрепления и сохранения здоровья молодых людей. В настоящее время этот недостаточный уровень воспитания и образования физической культуры и спорта не готовит молодых людей к полноценной жизни и выполнению своих профессиональных функций.

Решение проблемного вопроса студенческого спорта и вопроса его перспективного развития, а также формирование положительного отношения молодых людей к занятиям физической культуры и спорту в различных высших образовательных учреждениях профессионального

направления многие современные авторы видят в реализации следующих задач:

создание различных спортивных кружков и факультативов по различным спортивным направлениям;

улучшение технико-материальных ресурсов путем приобретения современных спортивных инструментов и средств, позволяющих повысить физический уровень студентов;

применение современных методов и подходов реализации физического развития студентов;

обеспечение контроля результатов педагогической деятельности, валеологии, медицины и других научных отраслей, затрагивающих физическое воспитание молодых людей;

разработка современной информационной базы для тесного сотрудничества студенческих спортивных учреждений со среднетехническими и высшими образовательными организациями с целью проведения тренингов, консультаций, обмена информацией и практикой применения;

вовлечение к проблеме физического воспитания предпринимателей для оказания финансовой поддержки и спонсорства;

вовлечение молодых людей к систематическим физическим занятиям путем участия их в спортивных мероприятиях, соревнования международного и регионального уровня.

Однако все перечисленные задачи и направления недостаточны для полноценного спортивного развития молодых людей и привлечения их к спорту. В настоящее время важно применять современные теоретические и методические подходы среди студентов, реализовывая физическое воспитание будущих экспертов и специалистов.

В настоящее время проблема развития физического воспитания в высших учреждениях профессионального направления направлена на разработку современных теоретических и практических подходов, а также организационных методов физической культуры и спорта.

Список литературы:

[1] Гаязова А.В. Проблемы студенческого спортивного движения. Перспективы развития современного студенческого спорта: на пути к Универсиаде-2013 в Казани: Всероссийская научно-практическая конференция. Казань, 2020: 48 – 52.

[2] Долгова Н.А. Нормативно-правовой аспект модернизации физического воспитания студентов и университетского спорта в Украине. Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2018; Выпуск 19, No 20 (163): 195 – 200.

[3] Дубровский В.И. Валеология. Здоровый образ жизни. Москва, 2019.

[4] Лапочкин С.В. Отдельные аспекты проектирования развития студенческого спорта и физической культуры в молодежной среде. Вестник Кемеровского государственного университета. 2020; No 2: 107 – 110.

[5] Лапочкин С.В. Формирование нового понимания значения спорта и физической культуры в молодежной среде посредством исследования спортивного наследия универсиад. Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2018; Т. 15, No 2: 49 – 56.

[6] Лисицин Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. Москва, 2020.

References:

[1] Gayazova A.V. Problems of the student sports movement. Prospects for the development of modern university sports: on the way to the Universiade 2013 in Kazan: All-Russian scientific and practical conference. Kazan, 2020:48 - 52.

[2] Dolgova N.A. Regulatory aspect of modernization of physical education of students and university sports in Ukraine. Scientific statements. Series: Humanities. 2018; Issue 19, No. 20 (163): 195 - 200.

[3] Dubrovsky V.I. Valeology. Healthy lifestyle. Moscow, 2019.

[4] Lapochkin S.V. Individual aspects of designing the development of university sports and physical culture in the youth environment. Bulletin of Kemerovo State University. 2020; No 2: 107 – 110.

[5] Lapochkin S.V. Formation of a new understanding of the importance of sports and physical culture in the youth environment through the study of the sports heritage of universiades. Pedagogical-psychological and biomedical problems of physical culture and sports. 2018; T. 15, No. 2:49 - 56.

[6] Lisicin J.P. Public Health and Public Health. Moscow, 2020.

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-38-44
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ГРИГОРЬЕВ Иван Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им В.Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0003-1956-4650,
e-mail: adarichi@mail.ru

ГУРЬЕВ Александр Игоревич,
студент 5 курса института прокуратуры Уральского государственного юридического университета им В.Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0009-3973-235X,
e-mail: gurev1090@gmail.com

ШТРО Георгий Дмитриевич,
студент 5 курса института прокуратуры Уральского государственного юридического университета им В.Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0005-1785-1869,
e-mail: zhora.shtro.04@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА УЧАСТНИКОВ СВО: ДЕФЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме дефектов региональной регламентации дополнительных мер социальной поддержки участников специальной военной операции. Цель работы – выявление и систематизация типичных ошибок регионального нормотворчества, а также анализ механизмов их преодоления. Методологическую основу составили формально-юридический метод, анализ судебной и прокурорской практики. Выделены три группы дефектов региональной регламентации: ограничения, связанные с регистрационным учётом граждан; дифференциация по принадлежности к воинским частям; необоснованное сужение круга получателей по сравнению с федеральным уровнем. Доказывается, что перечисленные условия не основываются на отраслевых принципах адресности и нуждаемости, противоречат конституционному принципу равенства, для которого единственным критерием выступает факт участия в боевых действиях. На материалах судебной практики показано, что подобные нормы признаются недействующими, что влечёт для регионов незапланированные бюджетные расходы и необходимость пересмотра нормативной базы. Обосновывается ключевая роль органов прокуратуры в защите и восстановлении нарушенных прав. Аргументируется необходимость систематизации региональных правовых актов и унификации перечня мер поддержки. Сформулированы практические предложения по приведению регионального законодательства в соответствие с актами федерального уровня.*

Ключевые слова: *специальная военная операция, участники специальной военной операции, социальная защита, социальное обеспечение, социальная поддержка, меры социальной поддержки, дефекты правового регулирования, принцип адресности, прокурорский надзор, судебная практика.*

GRIGOREV Ivan Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Labor Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg), Candidate of Law

GUREV Aleksandr Igorevich,
5th year student of the Institute of Public Prosecutor's Office of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg)

SHTRO Georgiy Dmitrievich,
5th year student of the Institute of Public Prosecutor's Office of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg)

SOCIAL SUPPORT FOR PARTICIPANTS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION: ERRORS IN REGIONAL REGULATION AND MECHANISMS FOR OVERCOMING THEM

Annotation. *The article is devoted to the problem of defects in the regional regulation of additional measures of social support for participants in a special military operation. The aim of the work is to identify and systematize typical errors in regional rule-making, as well as to analyse the mechanisms for overcoming them. The methodological basis consists of the formal-legal method and an analysis of judicial and prosecutorial practice. Three groups of defects in regional regulation have been identified: restrictions related to the registration of citizens; differentiation based on affiliation with military units; and unjustified narrowing of the circle of recipients compared to the federal level. It is proven that the listed conditions are not based on sectoral principles of targeting and need, and they contradict the constitutional principle of equality, for which the only criterion is the fact of participation in combat operations. Based on judicial practice materials, it is shown that such norms are declared invalid, which entails unplanned budget expenditures for the regions and the need to revise the regulatory framework. The key role of the prosecutor's offices in protecting and restoring violated rights is substantiated. The need to systematize regional legal acts and unify the list of support measures is argued. Practical proposals have been formulated to bring regional legislation into compliance with federal-level acts.*

Key words: *special military operation, participants in a special military operation, social protection, social security, social support, measures of social support, defects in legal regulation, the principle of targeting, prosecutorial supervision, judicial practice.*

Введение

«Адресная социальная поддержка», упомянутая в ч. 7 ст. 75 Конституции Российской Федерации (далее – РФ), не получила легального определения, поэтому в статье будем следовать выработанным научным позициям. В доктрине права социального обеспечения устоялось представление о том, что социальная защита – это широкое понятие, включающее в себя социальное обеспечение, одним из институтов которого является социальная поддержка [1, с. 65], оказываемая лицам, имеющим право на льготы, в том числе в связи с участием в военных действиях [2, с. 101]. Сказанное в полной мере соответствует положениям п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, согласно которому социальная защита, включая социальное обеспечение, отнесена к совместному ведению РФ и её субъектов, причём первое понятие шире второго и охватывает не только пенсии и пособия, но и иные меры [3, с. 7].

Под мерами социальной поддержки следует понимать особый прием дифференциации правового регулирования, заключающийся в предоставлении материальных благ и услуг с частичной оплатой или бесплатно в целях удовлетворения специфических потребностей отдельных категорий граждан. Данное представление в полной мере распространяется на меры поддержки, устанавливаемые субъектами РФ, поскольку они являются видовым проявлением категории «меры социальной поддержки». Согласно ч. 3 ст. 48 Федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» и п. 5 ст. 1 Федерального закона от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», субъекты РФ вправе за счёт собственных бюджетов устанавливать дополнительные меры социальной поддержки для отдельных категорий граждан, в том числе исходя из установленных региональными нормативными правовыми актами критериев нуждаемости. Вместе с тем данное право не является абсолютным, поскольку региональное законодательство должно соответствовать конституционному принципу равенства прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ).

Региональные меры социальной поддержки должны соответствовать также отраслевым принципам права социального обеспечения – адресности и нуждаемости. Реализация принципа адресности предполагает оказание помощи нуждающимся, используя индивидуальный подход и объективную оценку степени нуждаемости гражданина или семьи [4, с. 109]. Е. В. Кравченко справедливо рассматривает принцип адресности как «эффективный инструмент реализации задач по снижению уровня бедности, повышению благосостояния населения» [5, с. 1647]. Нуждаемость Т. В. Иванкина описывала как определенный уровень потребности, при наличии которого гражданин получает право на ее удовлетворение за счет специальных фондов [6, с. 46]. Абсолютно справедливой видится позиция авторов, отмечающих усиление в последние годы адресности социальной поддержки на разных уровнях нормотворчества [7, с. 11].

В 2026 году был принят указ Президента РФ от 15.05.2026 г. № 327 «О единых базовых мерах поддержки лиц, принимающих (принимавших) участие в специальной военной операции, и других категорий лиц в субъектах РФ» (далее – указ Президента РФ № 327).

Данным указом Президента определены четыре категории граждан, которым российским регионам рекомендовано предоставлять меры поддержки за счёт собственных средств – это а) лица, принимающие (принимавшие) участие (содействующие (содействовавшие) выполнению задач) в специальной военной операции; б) лица, выполняющие (выполнявшие) задачи по отражению вооруженного вторжения на территорию РФ, в ходе вооруженной провокации на государственной границе РФ и территориях субъектов РФ, прилегающих к районам проведения специальной военной операции; в) лица, принимавшие в соответствии с решениями органов государственной власти ДНР, ЛНР участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил ДНР, Народной милиции ЛНР, воинских формирований и органов ДНР и ЛНР начиная с 11.05.2014 г.; и г) члены семей вышеуказанных лиц. Кроме того, в нём были предложены конкретные единые базовые меры поддержки для указанных лиц (льготы на культуру, газификацию, трудоустройство, образование, медицину и т.д.).

По нашему мнению, положения данного указа могут явиться основой пересмотра региональной регламентации социальной поддержки участников специальной военной операции (далее – СВО). Вместе с тем соответствующие полномочия субъектов РФ правильнее было закрепить в тексте федерального закона (например, в Главе II Федерального закона от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»), поскольку ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 21.12.2021 г № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» устанавливает возможность разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ только Конституцией РФ, федеральными законами и договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти.

Анализ дефектов региональной регламентации социальной поддержки участников СВО

Региональная регламентация отношений по социальной поддержке участников СВО характеризуется разрозненностью. При этом положения отдельных региональных актов уже явились предметом судебных разбирательств, поскольку содержали положения, нарушающие права граждан.

Судебное оспаривание подобных норм выступает основным механизмом восстановления нарушенных прав. Важно отметить, что признание неправомерного положения недействующим влечёт для субъекта РФ не только обязанность предоставить поддержку конкретному заявителю, но и необходимость пересмотра нормативного акта в целом, что расширяет круг получателей на будущее и создаёт дополнительные бюджетные обязательства, не учтённые при первоначальном планировании.

Анализ судебной практики позволяет выделить три группы дефектов, первая из которых связана с регистрационным учётом граждан. Показательным примером является Закон Ставропольского края от 28.02.2023 г. № 18-кз, по которому меры поддержки предоставлялись гражданам, чьим местом жительства или службы на дату начала СВО являлся данный субъект. Гражданам, переехавшим в Край после 24.02.2022 г. и принимавшим участие в боевых действиях, отказывали в обеспечении. Апелляционным определением Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 21.02.2025 № 66а-148/2025 была признана недействующей рассматриваемая норма в части слов «на дату начала СВО». В решении отмечается, что устанавливая социальные гарантии для военнослужащих, федеральный законодатель не выделяет обособленные группы данных лиц, не ставит право на получение мер социальной поддержки в зависимость от даты начала проживания на территории субъекта РФ, а также не предоставляет органам государственной власти субъектов РФ право определять отдельные группы военнослужащих, имеющих право на получение дополнительных социальных гарантий,

реализуемых региональными органами государственной власти. В данном случае первоначальная редакция регионального закона нарушала принцип равенства прав граждан на получение мер социальной поддержки, поскольку определяющим фактором их установления является не момент начала проживания в субъекте РФ, а выполнение задач, сопряжённых с особым риском и повышенной опасностью для жизни и здоровья.

Иначе условие о регистрации было применено в п. 11 ч. 1 ст. 4 Закона Республики Крым от 15.01.2015 г. № 66-ЗРК/2015 «О предоставлении земельных участков, находящихся в собственности Республики Крым или муниципальной собственности, и некоторых вопросах земельных отношений», закрепляющем право на бесплатное получение земельных участков для ветеранов боевых действий, направлявшихся для обеспечения выполнения задач или принимавших участие в боевых действиях в ходе СВО, имеющих постоянную регистрацию на территории Республики Крым по состоянию на 24.02.2022 года. При этом Порядок предоставления земельных участков, утвержденный постановлением Совета министров Республики Крым от 29.12.2022 г. № 1288, устанавливал дополнительное условие – необходимость подтверждения отсутствия постоянной регистрации в другом субъекте РФ по состоянию на 24.02.2022 года.

В данном случае очевидно, во-первых, нарушение ч. 2 ст. 3 Закона РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», устанавливающей, что регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов РФ, а во-вторых, нарушение Закона Республики Крым от 15.01.2015 г. № 66-ЗРК/2015, не содержащего условия об отсутствии постоянной регистрации на территории другого субъекта РФ.

Второй группой дефектов выступает связь права на меры социальной поддержки к прохождению службы в конкретных воинских подразделениях, сформированных на территории субъекта РФ. Соответствующие законоположения являются формальным организационным критерием, подменяющим юридически значимое основание поддержки – факт участия в СВО.

В качестве примера можно привести постановление Правительства Мурманской области от 28.06.2022 г. № 500-ПП «Об установлении дополнительной меры социальной поддержки в форме единовременной материальной помощи», которым право на выплату предоставлялось исключительно гражданам, зачисленным в воинские подразделения, сформированные и дислоцированные на территории области для целей участия в СВО. Гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы, фактически выполнявшим задачи в зоне проведения СВО, отказывали в предоставлении выплаты. Причина отказа носила сугубо формальный характер, так как воинская часть, в которой он проходил службу, не относилась к числу подразделений, «сформированных специально для целей участия в СВО».

По нашему мнению, незаконный характер приведённой нормы раскрывается в нескольких аспектах. Во-первых, федеральное законодательство не проводит дифференциации внутри категории участников СВО по признаку принадлежности к какому-либо воинскому формированию. Указы Президента РФ от 02.11.2022 г. № 787 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах РФ, войсках национальной гвардии РФ» и от 31.07.2024 г. № 644 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах РФ, войсках национальной гвардии РФ», также не разделяют граждан в зависимости от того, в каком подразделении они проходят службу. Во-вторых, введение критерия принадлежности к определённым подразделениям создаёт неоправданное различие между лицами, находящимися в одинаковых ситуациях. В-третьих, подобное условие порождает ситуации, когда военнослужащие, фактически проживавшие в субъекте РФ и направленные в зону СВО из воинских частей, дислоцированных на его территории, лишаются права на региональные выплаты по организационному признаку, не имея при этом возможности претендовать на аналогичную поддержку в другом субъекте РФ, поскольку место их жительства и место службы связаны именно с конкретным регионом.

Третья группа дефектов заключается в сужении круга получателей дополнительных мер социальной поддержки по сравнению с определённым на федеральном уровне. Установление подобных норм связаны с попыткой субъекта РФ ввести временные или категориальные фильтры, исключающие из числа получателей лиц, относящихся к участникам СВО по федеральному законодательству.

Так, постановлением Правительства Республики Хакасия от 28.06.2023 г. № 518 «О направлении средств из резервного фонда Республики Хакасия, выделении средств из резервного фонда Правительства Республики Хакасия и об утверждении Порядка предоставления единовре-

менной денежной выплаты гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Республики Хакасия и заключившим контракт с Министерством обороны Российской Федерации о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации» были установлены временные рамки, ограничивавшие право на выплату для военнослужащих, подписавших контракт в определённый период – с 29 ноября по 31 декабря 2024 г. По административному иску прокуратуры Республики Хакасия Верховным Судом Республики указанные положения были признаны недействующими.

Причина, по которой подобные нормы следует считать дефектами, кроется в нарушении иерархии правового регулирования. Федеральный закон от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» определяет категорию «ветеран боевых действий» через единый критерий – факт участия. Какого-либо разграничения внутри данной категории по дате заключения контракта, сроку службы или иным временным параметрам федеральный законодатель не проводит. Следовательно, субъекты РФ, вводя дополнительные темпоральные фильтры, фактически создают внутри единой федеральной категории две неравные группы – «имеющих право» и «не имеющих право» на региональную выплату, что противоречит принципу равенства.

Схожая проблема прослеживается в законе Свердловской области от 05.08.2026 г. № 73-ОЗ «О внесении изменения в Закон Свердловской области «О занятости населения в Свердловской области»», устанавливающем работодателям, осуществляющим деятельность на территории Свердловской области, у которых численность работников превышает 100 человек, квоту для приёма на работу граждан, принимавших участие в СВО и (или) выполнявших задачи по отражению вооруженного вторжения на территорию РФ, а также в ходе вооруженной провокации на Государственной границе РФ и территориях субъектов РФ, прилегающих к районам проведения СВО в размере 1 процента среднесписочной численности работников. Указанные перечень лиц, на которых распространяется квотирование существенно уже, определенного указом Президента РФ № 327, и не распространяется на лиц, принимавших участие в боевых действиях в составе Вооружённых Сил ДНР, Народной милиции ЛНР, воинских формирований и органов ДНР и ЛНР начиная с 11 мая 2014 г. Соответствующее положение регионального закона, по нашему мнению, может спровоцировать появление негативной судебной практики.

Аналогичный дефект содержится в Законе Челябинской области от 30.04.2026 № 54-ЗО «Об определении числа рабочих мест для трудоустройства граждан», предусматривающем квоту только граждан, завершивших службу по мобилизации, по контракту, а также лиц, чьи контракты с добровольческими формированиями прекратили действие в ходе СВО. В данном случае в региональный перечень не включены предусмотренные Указом Президента РФ № 327 лица, выполнявшие задачи по отражению вооружённого вторжения на территорию РФ, а также в ходе вооружённой провокации на Государственной границе РФ, и лица, принимавшие участие в боевых действиях в составе формирований ДНР и ЛНР с 11 мая 2014 года. При этом особого внимания заслуживает тот факт, что в постановлении Губернатора Челябинской области от 12.08.2026 № 265 «О мерах поддержки лиц, принимающих (принимавших) участие в специальной военной операции, и других категорий лиц в Челябинской области» содействие приоритетному трудоустройству гарантируется всем лицам, обозначенным в Указе Президента РФ № 327, что свидетельствует о непоследовательности регионального нормотворчества.

Роль органов прокуратуры в устранении дефектов региональной регламентации

Анализ судебной практики позволил выделить закономерность – во многих делах, где региональные акты признавались недействующими, инициатором искового механизма выступали органы прокуратуры. Как отмечается в исследованиях Университета прокуратуры РФ, благодаря прокурорскому вмешательству пресекаются факты необоснованных отказов в предоставлении выплат, в том числе по таким основаниям, как заключение контракта за пределами региона и отсутствие регистрации по месту жительства [8, с. 64], что полностью коррелирует с выделенными выше дефектными факторами. Следовательно, прокурорское вмешательство способно не только восстановить права конкретных заявителей, но и повлечь системное изменение регионального законодательства.

Прокурорский надзор в рассматриваемой сфере трансформировался в отдельное и приоритетное направление деятельности органов прокуратуры [9; с. 66]. Особое значение имеет мониторинг правоприменения, проводимый прокурорами для выявления пробелов правового регулирования и противоречий между нормативными правовыми актами. Так, по инициативе прокуратуры Новгородской области был изменён порядок использования бюджетных ассигнований резервного фонда Правительства Новгородской области, в результате чего срок рассмотрения документов о единовременной выплате участникам СВО, получившим ранения, сократился втрое [9, с. 62].

Масштаб прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере отражён в статистических данных, оглашённых Генеральным прокурором РФ при выступлении в Совете Федерации РФ. В 2025 г. благодаря действиям прокуратуры восстановлены права более 600 тыс. участников СВО и членов их семей, им выплачена компенсация и средства поддержки на сумму 18,5 млрд. рублей. В ноябре 2025 г. в структуре Генеральной прокуратуры РФ создан отдел по защите прав и законных интересов участников СВО и их семей , что свидетельствует об институционализации данного направления надзорной деятельности.

Практические выводы и рекомендации

Несмотря на то, что региональные меры поддержки имеют существенное значение в механизме социальной защиты участников СВО, их регламентация не лишена недостатков, исправлять которые приходится в судебном порядке. Признание дефектных положений недействующими влечёт для субъектов РФ незапланированные бюджетные расходы, издержки и необходимость пересмотра законодательных актов.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации.

Прежде всего, органам прокуратуры регионального уровня необходимо проверить условия социальной поддержки, установленные в соответствующих субъектах РФ, и, при необходимости, принять меры, направленные на приведение норм в соответствие с федеральным законодательством и имеющейся судебной практикой.

Правоприменительным органам, прежде всего региональным органам социальной защиты населения, при рассмотрении обращений граждан и вынесении решений о предоставлении мер поддержки следует учитывать сложившуюся судебную практику.

На федеральном уровне представляется целесообразным закрепить норму о предоставлении региональных мер поддержки по месту фактического проживания участников СВО непосредственно в тексте федерального закона. Соответствующие дополнения могут быть внесены в Федеральный закон от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», либо в Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Альтернативным механизмом может стать включение названного положения в государственную программу либо национальный проект по поддержке участников СВО, что обеспечило бы его реализацию через инструменты межбюджетного финансирования и региональные подпрограммы. Аналогичное суждение уже высказывалось в исследовании законодательства Сахалинской области, в котором предлагалось сделать дополнительные выплаты едиными для всех участников СВО независимо от места прописки по месту жительства [10, с. 284].

Кроме того, представляются обоснованными предложения отдельных авторов о разработке и принятии Федерального закона «О гарантиях прав и мер социальной поддержки участников специальной военной операции» [11, с. 307], который позволил бы систематизировать федеральные, региональные и муниципальные правовые акты и унифицировать перечень и объём мер поддержки.

На наш взгляд, реализация перечисленных мер позволит не только устранить имеющиеся дефекты в региональной регламентации социальной поддержки, но и превентивно исключить их появление в будущем, укрепив тем самым гарантии равенства в системе социальной защиты участников СВО.

Список литературы:

[1] Дианова И. В., Шайхатдинов В. Ш. Применение цифровых технологий в сфере социальной поддержки отдельных категорий граждан на федеральном, региональном и муниципальном уровнях // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 2 (27). С. 57-72.

[2] Шайхатдинов В. Ш. Дополнительное социальное обеспечение: анализ проблем теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4 (30). С. 100-109.

[3] Применко Ю.В. Принцип адресности права социального обеспечения: теоретико-правовой аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 108–112. DOI: 10.52452/19931778_2024_4_108..

[4] Федорова М. Ю. Конституционализация правового регулирования социальной защиты в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 4-18. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_4..

[5] Кравченко Е. В. Адресность предоставления мер социальной поддержки: особенности и направления развития // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 8. С. 1645-1664. DOI: 10.18334/ce.14.8.110701.

[6] Иванкина Т. В. Проблемы правового регулирования распределения общественных фондов потребления. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1979. – 102 с.

[7] Истомина Е. А., Федорова М.Ю. Конституционная терминология в сфере социальной защиты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 2. С. 5-13. DOI: 10.34076/22196838_2024_2_5..

[8] Ережипалиев Д. И. Обеспечение прокурором прав семей участников специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах. – 2024. – № 9. – С. 62-66.

[9] Мананников Д.Ю. Защита прав и социальных гарантий участников СВО и членов их семей как приоритетное направление деятельности органов прокуратуры (по материалам прокурорской практики) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 11 (328). С. 57–66.

[10] Лучинина А. С. Проблемы и перспективы правового регулирования социальной поддержки участников СВО и членов их семей // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – № 2 (83). – Т. 2. – С. 283-288.

[11] Евдокимов К.Н. Особенности прокурорского надзора за соблюдением прав участников СВО / К.Н. Евдокимов. — DOI 10.17150/2411-6262.2026.17(2).302-309. // Baikal Research Journal. – 2026. – Т. 17, № 2. – С. 302–309.

References:

[1] Dianova I.V., Shaikhatdinov V. Sh. Application of digital technologies in the field of social support for certain categories of citizens at the federal, regional and municipal levels // Municipality: economy and management. 2019. № 2 (27). S. 57-72.

[2] Shaikhatdinov V. Sh. Additional social security: analysis of problems of theory and practice // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. № 4 (30). S. 100-109.

[3] Applied by Yu.V. The principle of targeting social security law: theoretical and legal aspect // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2024. № 4. S. 108-112. DOI: 10.52452/19931778_2024_4_108..

[4] Fedorova M. Yu. Constitutionalization of the legal regulation of social protection in the Russian Federation // Russian law: education, practice, science. 2021. № 6. S. 4-18. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_6_4..

[5] Kravchenko E.V. Targeting the provision of social support measures: features and directions of development // Creative economy. 2020. T. 14. № 8. S. 1645-1664. DOI: 10.18334/ce.14.8.110701.

[6] Ivankina T.V. Problems of legal regulation of the distribution of public consumption funds. - Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, 1979. - 102 s.

[7] Istomina E. A., Fedorova M. Yu. Constitutional terminology in the field of social protection // Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. 2024. № 2. S. 5-13. DOI: 10.34076/22196838_2024_2_5..

[8] Erezhipaliev D. I. Ensuring by the prosecutor the rights of families of participants in a special military operation // Law in the Armed Forces. – 2024. – № 9. - S. 62-66.

[9] Manannikov D.Yu. Protection of the Rights and Social Guarantees of Members of the Armed Forces and Members of Their Families as a Priority Activity of the Prosecution Authorities (Based on Materials of Prosecutorial Practice) // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. 2024. № 11 (328). S. 57-66.

[10] Luchinina A. S. Problems and Prospects of Legal Regulation of Social Support for SWO Participants and Their Families // International Scientific Journal "Bulletin of Science." – 2025. – № 2 (83). - VOL. 2. - S. 283-288.

[11] Evdokimov K.N. Peculiarities of prosecutorial supervision of the observance of the rights of participants in the SVO / K.N. Evdokimov. — DOI 10.17150/2411-6262.2026.17(2).302-309. // Baikal Research Journal. – 2026. - T. 17, NO. 2. - S. 302-309.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-45-48

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: morozur@mail.ru

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, e-mail: sergvladimirof@yandex.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Рассматриваются особенности применения дистанционных технологий при расследовании преступлений. Анализируются возможности видео-конференц-связи, веб-конференций, электронного документооборота и цифровых платформ при производстве следственных действий. Показано, что дистанционные технологии обеспечивают реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, снижают временные и материальные издержки, повышают доступность правосудия и позволяют сохранить доказательственную информацию. Отдельное внимание уделено специфике применения таких технологий в учреждениях уголовно-исполнительной системы, где они органично встроены в режим служебной деятельности. Приведены примеры из практики и предложены направления совершенствования правового регулирования.*

Ключевые слова: *дистанционные технологии, видео-конференц-связь, отбывание наказания, следственные действия, расследование преступлений, уголовно-исполнительная система, электронный документооборот, разумный срок судопроизводства, цифровизация, доказательства.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL), Associate Professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN of Russia

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

CERTAIN ASPECTS OF THE USE OF REMOTE TECHNOLOGIES IN CRIME INVESTIGATION

Annotation. *The paper examines the specifics of using remote technologies in the investigation of crimes. It analyses the capabilities of video conferencing, web conferences, electronic document management, and digital platforms in conducting investigative activities. It is shown that remote technologies ensure the implementation of the principle of a reasonable timeframe for criminal proceedings, reduce time and material costs, increase the accessibility of justice, and help preserve evidentiary information. Special attention is paid to the specifics of using such technologies in institutions of the penal system, where they are seamlessly integrated into the operational mode. Examples from practice are provided, and directions for improving legal regulation are suggested.*

Key words: *distance technologies, video conferencing, serving a sentence, investigative actions, crime investigation, the penal system, electronic document management, a reasonable period of legal proceedings, digitalization, evidence.*

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий существенно изменило облик современного уголовного судопроизводства. Если еще два десятилетия назад участие лица в следственном действии предполагало его личное присутствие в кабинете следователя, то сегодня закон допускает производство целого ряда процессуальных действий опосредованно, через системы видео-конференц-связи и веб-конференции. Под дистанционными технологиями в настоящей работе понимаются основанные на информационно-телекоммуникационных сетях технические и организационно-правовые способы обеспечения удаленного взаимодействия участников уголовного судопроизводства, позволяющие следователю, дознавателю и суду получать и фиксировать доказательственную информацию без непосредственного нахождения участников в одном помещении. Такое понимание охватывает как собственно системы видео-конференц-связи, так и сопутствующие им средства электронного документооборота, цифровой фиксации и защищенной передачи данных.

Правовую основу применения этих технологий образуют нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Статья 189.1 УПК РФ закрепляет особенности проведения допроса, очной ставки и опознания с использованием систем видео-конференц-связи, определяя порядок вызова участника, удостоверения его личности, разъяснения прав и оформления результатов [2].

Важное значение использования дистанционных технологий заключается в том, что они позволяют реализовать принцип разумного срока, закрепленный в уголовно-процессуальном законодательстве

Кроме того, возможность производства следственных действий дистанционно позволяет реализовать принцип доступности правосудия таких категорий как: лица с ограниченными возможностями здоровья, несовершеннолетние, а также лица, находящиеся в удаленных и труднодоступных местностях. При этом, важно подчеркнуть, что использование дистанционных технологий не должно рассматриваться как некий способ упрощения установленного законом порядка получения доказательств.

Особое значение применение дистанционных технологий в уголовном судопроизводстве имеет для деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС), виду того, что сотрудники исправительных учреждений и следственных органов могут эффективно взаимодействовать, не прерывая установленный распорядок дня учреждения и не прибегая к длительным перемещениям лиц, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащихся под стражей. Например, в практике складываются ситуации, когда лицо, от которого необходимо получить показания, отбывает наказание в исправительном учреждении, расположенном на значительном удалении от места производства предварительного расследования, что безусловно может повлиять на сроки, тогда как видео-конференц-связь позволит провести допрос в определенное время, не прерывая работу по другим уголовным делам, находящимся в производстве следователя [4]. Кроме того, это позволит сэкономить не только время, но и сни-

зить материальные издержки потому как отпадает необходимость в командировании сотрудников правоохранительных органов и обеспечении охраны при этапировании допрашиваемых лиц.

На сегодняшний день в учреждениях УИС используются защищенные каналы связи, в учреждениях оборудованы специальные помещения для организации видео-конференц-связи. Применение таких средств позволяет обеспечить сохранность доказательственной информации, исключить возможность ее несанкционированного изменения и создать условия для последующего судебного контроля. Полагаем необходимым отметить, что данная работа безусловно строится в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства, а технические возможности исправительных учреждений постоянно совершенствуются в рамках государственных программ цифровой трансформации.

С точки зрения организации производства следственного действия в дистанционном формате, следует уделить тщательное внимание его подготовке. Так, на подготовительном этапе следователь определяет необходимость проведения следственного действия в дистанционном формате, согласовывает время, направляет поручение органу по месту нахождения допрашиваемого, а также уведомляет защитника и иных заинтересованных лиц. Также на подготовительном этапе обязательно проверяется готовность и работоспособность технических средств и каналов связи, что, в частности, особенно важно при организации допроса лиц, отбывающих наказание в учреждениях, расположенных, например, в местностях со сложными климатическими условиями.

Порядок производства основного этапа следственного действия предусматривает: удостоверение личности участников, разъяснение прав и обязанностей, собственно производство следственного действия и обязательная фиксацию его хода и результатов. На заключительном этапе оформляется протокол, направляется подписка с приобщенными документами в течение установленного законом срока – в соответствии с частью шестой статьи 189.1 УПК РФ такой срок составляет 24 часа [2]. Безусловно, только неукоснительное соблюдение данной последовательности обеспечит доказательственное значение сведениям, полученным в ходе его производства.

Также отдельной спецификой будет обладать и тактика производства дистанционного допроса. Так, например, отсутствие непосредственного зрительного контакта в одном помещении создает как сложности, так и предоставляет дополнительные возможности. С одной стороны, следователю (дознавателю) необходимо обращать внимание и учитывать технические особенности производства следственного действия (задержка видеосигнала, качество изображения и звука) и возможное влияние третьих лиц, находящихся рядом с допрашиваемым. С другой стороны, пребывание допрашиваемого в привычной для него обстановке нередко способствует более спокойному и последовательному изложению показаний [6]. Безусловно поддерживаем позицию авторов отмечающих, что тактические приемы производства дистанционного допроса должны адаптироваться под формат взаимодействия, ввиду чего возрастает роль предварительной подготовки вопросов, более точных их формулировок и логической последовательности [8].

Анализ практики и результативности применения дистанционных технологий позволяет прийти к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования данного направления деятельности. В частности, необходима: более детальная конкретизация требований к качеству каналов связи; к порядку удостоверения личности участников; к обеспечению конфиденциальности передаваемой информации. В этой связи полагаем целесообразным развитие единых технических регламентов (например, определяющих минимальные требования к техническому оборудованию), а также совершенствование программ дополнительной профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, путем выделения дополнительного объема времени на изучение вопросов тактики подготовки и производства следственных действий в дистанционном формате. Кроме того, актуальной задачей остается и дальнейшая проработка вопросов, связанных с оперативным обменом документами между органами предварительного расследования и учреждениями УИС, напрямую влияет на соблюдение процессуальных сроков.

Таким образом, современные реалии свидетельствуют о все большем спектре применения дистанционных технологий в процессе расследования преступлений. Их использование позволяет в полной мере обеспечить реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, а также снижает издержки и повышает доступность правосудия. В учреждениях УИС такие технологии органично встроены в служебную деятельность и применяются в строгом соответствии с законом, способствуя эффективному взаимодействию всех участников процесса. Дальнейшее их развитие должно идти по пути совершенствования правового регулирования, технического оснащения и подготовки кадров, что в конечном счете будет только способствовать соблюдению законности и правопорядка.

Список литературы:

[1] Князьков А.С., Кузнецов А.А. О насущных проблемах раскрытия и расследования преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2020. – № 1 (92). – С. 12–21.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[3] Следователям и дознавателям разрешат дистанционные допросы // Legal.Report: сетевое издание. – URL: https://legal.report/sledovateli-i-doznavateli-perehodyat-na-distanczionku-vsled-za-sudami (дата обращения: 09.08.2026).

[4] Кряжев В.С., Степаненко Д.А. Некоторые тактические и организационные особенности допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 1 (29). – С. 124–134.

[5] Тенгизова Ж.А., Джумаева Р.Х. Допрос как следственное действие: порядок проведения и отличительные особенности // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 178–181.

[6] Обзор судебной практики применения законодательства о видео-конференц-связи при рассмотрении уголовных дел // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 09.08.2026).

[7] Современные экспертные технологии выявления и исследования следов преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 96–105.

References:

[1] Knyazkov A.S., Kuznetsov A.A. On the pressing problems of solving and investigating crimes / /Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 1 (92). - S. 12-21.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended and supplemented) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[3] Investigators and interrogators will be allowed remote interrogations // Legal.Report: online publication. – URL: https://legal.report/sledovateli-i-doznavateli-perehodyat-na-distanczionku-vsled-za-sudami (дата обращения: 09.08.2026).

[4] Kryazhev V.S., Stepanenko D.A. Some tactical and organizational features of the interrogation of victims and witnesses in the investigation of crimes of terrorist and extremist orientation // Forensics: yesterday, today, tomorrow. – 2024. – № 1 (29). - S. 124-134.

[5] Tengizova Zh.A., Dzhumaeva R.Kh. Interrogation as an investigative action: the procedure for conducting and distinctive features // Gaps in Russian legislation. – 2020. - T. 13, NO. 4. - S. 178-181.

[6] Review of judicial practice of applying the legislation on video conferencing when considering criminal cases // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://vsrf.ru (access date: 09.08.2026).

[7] Modern expert technologies for identifying and researching traces of crimes // Theory and practice of forensic examination. – 2023. - T. 18, NO. 2. - S. 96-105.

- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-49-53
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

БОЧАРОВА Елизавета Алексеевна,
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: liza.bocharova.03@bk.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена рассмотрению правовых механизмов противодействия коррупционным правонарушениям в сфере государственных и муниципальных закупов, включающих в себя превентивные, процедурные и санкционные средства. Особый акцент в статье сделан на анализе расхождений между законодательными предписаниями и реальной правоприменительной практикой. Автор приходит к выводу о том, что нормативная закрепленность механизмов сама по себе не гарантирует реального снижения уровня коррупции, т.к. коррупционные практики адаптируются к формальным запретам и смещаются в сегменты закупочного цикла, наименее охваченные процедурным контролем.*

Ключевые слова: *коррупция, государственное и муниципальные закупки, контрактная система, противодействие коррупции, превентивные механизмы, санкционные механизмы.*

BOCHAROVA Elizaveta Alekseevna,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

LEGAL MECHANISMS FOR COMBATING CORRUPTION IN THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Annotation. *This article is devoted to the consideration of legal mechanisms for countering corruption offenses in the field of state and municipal procurement, including preventive, procedural and sanctions measures. A special emphasis in the article is placed on the analysis of discrepancies between legislative prescriptions and actual law enforcement practice. The author comes to the conclusion that the regulatory anchoring of the mechanisms by itself does not guarantee a real reduction in the level of corruption, because Corrupt practices adapt to formal prohibitions and shift to the segments of the procurement cycle that are least covered by procedural control.*

Key words: *corruption, state and municipal procurement, contract system, anti-corruption, preventive mechanisms, sanctions mechanisms.*

Современные условия функционирования публичных финансов предъявляют к контрактной системе требования качественно нового уровня. При всей очевидности достижений в нормативном регулировании закупочной деятельности и цифровизации процедур целый ряд проблем, касающийся эффективного и рационального расходования бюджетных средств, по-прежнему остается нерешенным. В этих условиях на первый план выдвигаются задачи предотвращения необоснованных расходов и обеспечения устойчивости системы государственного и муниципального заказов. Одной из наиболее острых и вместе с тем наименее поддающихся правовому регулированию проблем в этой сфере остается коррупция, которая представляет собою деструктивную деформацию современной системы государственного управления, причиняющую необратимый ущерб самим основам правовой государственности, посягающую на конституционные и иные права граждан, а равно на охраняемые законом интересы иных участников правоотношений. Коррупционные правонарушения, совершаемые в системе государственных и муниципальных закупок (далее – государственные закупки), обладают способностью причинять государству и обществу наиболее значительный по своим масштабам ущерб по сравнению с иными видами коррупци-

онных деяний [1, с. 4]. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] (далее – ФЗ «О государственных закупках») закрепил основы контрактной системы и прямо указал среди своих целей предотвращение коррупции и иных злоупотреблений. Однако, данная проблема так и не получила своего искоренения, в связи с чем особую актуальность приобретает анализ существующих правовых механизмов противодействия коррупции и выявления причин их недостаточной эффективности.

Противодействие коррупции в сфере государственных закупок реализуется посредством разнородного набора инструментов, охватывающих нравственные, социальные, политические и правовые средства. Однако при всей значимости неправовых форм воздействия, именно правовые механизмы обладают наибольшим регулятивным потенциалом, что обусловлено их формальной определенностью, общеобязательностью и обеспеченностью государственным принуждением [3, с. 262]. Структурно они могут быть подразделены на три блока. Первый – превентивные механизмы, задачей которых является устранение или ослабление условий возникновения коррупции. Например, обязанность участника закупки по декларированию факта отсутствия конфликта интересов, антикоррупционная экспертиза документации о закупке или существование института недобросовестных поставщиков, направленного на минимизацию рисков вовлечения указанных лиц в сферу закупок, формирование среды ответственных участников и обеспечение защиты финансовых интересов государства [4, с. 8]. Второй – процедурные механизмы, обеспечивающие прозрачность и конкуренцию на стадиях планирования, определения поставщика и исполнения контракта. Кроме того, существенным процедурным механизмом выступает и единая информационная система, а также внутренний государственный финансовый контроль, регламентированный ст. 99 ФЗ «О государственных закупках». Третий – санкционные механизмы, включающие меры юридической ответственности и иные негативные последствия для нарушителей.

Однако, несмотря на столь развернутую систему правовых средств, их наличие само по себе не гарантирует реального снижения коррупции в сфере закупок. Нормативная закрепленность механизмов не означает их действенности: между формальным предписанием и его практической реализацией сохраняется существенный разрыв.

Указанный дефект обнаруживается уже на уровне превентивных механизмов. Показательным в этом отношении является институт конфликта интересов, призванный, казалось бы, исключить саму возможность заинтересованности должностных лиц заказчика в исходе закупки. Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что даже при наличии достоверной информации о таком инциденте уполномоченные органы не всегда принимают необходимые меры реагирования. Так, Прокуратура Иркутской области было выявлено, что комиссия по осуществлению закупок, располагая сведениями о конфликте интересов между участником закупки и заказчиком, выразившимся в том, что контрактный управляющий ОГБУЗ «Усть-Илимская городская детская поликлиника» и учредитель ООО «Валькирия», владеющий 50% уставного капитала общества, являются одним лицом, не отклонила соответствующую заявку. При этом, Министерство по регулированию контрактной системы в сфере закупок Иркутской области, поддерживая вывод комиссии, исходило из того, что совпадении фамилии, имени и отчества контрактного управляющего и учредителя общества (участника электронного аукциона) не свидетельствует о конфликте интересов. Однако суд признал электронный аукцион ничтожным [5]. Приведенный пример иллюстрирует сразу несколько проблем. Во-первых, он показывает, что на практике конфликт интересов может толковаться ограничительно – вплоть до отрицания его наличия при совпадении лишь формальных идентифицирующих данных, что свидетельствует о дефектах правоприменительного толкования. Во-вторых, даже при наличии прямого нормативного запрета, правоприменители могут не усматривать конфликт интересов там, где он очевиден, а значит, обязанность комиссии отклонить заявку не реализуется на практике. В-третьих, восстановление законности происходит исключительно постфактум. Все это свидетельствует о том, что нормативная закрепленность превентивного механизма не гарантией его срабатывания, поскольку требует не только наличия запрета или обязанности, но и его единообразного понимания всеми участниками закупочного процесса.

Более того, правоприменительная практика и официальная статистика выявляемых нарушений демонстрируют, что значительная часть коррупционных проявлений не только не устраняется, но и приобретает более латентные формы, приспосабливаясь к существующим запретам и процедурам. Наиболее показательными примерами такой адаптации является схема с завышением максимальной цены контракта посредством подложных коммерческих предложений. В деле, рассмотренном Центральным районным судом г. Барнаула, указанные действия послужили основанием для уголовного преследования и осужде-

ния по ч. 4 ст. 159 УК РФ [6]. Виновные, используя свое служебное положение, обеспечивали подготовку и сбор коммерческих предложений, в т.ч. и от имени подставных коммерческих организаций, содержащих заведомо для них существенное (явное) завышение рыночной (фактической) стоимости выполнения работ, а также обеспечивали участие в конкурсных процедурах иных коммерческих организаций для создания видимости конкуренции. Аналогичный механизм был выявлен и прокуратурой Самарской области [7]. Особого внимания заслуживает схема, связанная с «закупочным покровительством», когда коррупционные отношения не проявляются в виде прямого нарушения конкурентных процедур, а реализуются через внутреннее содействие поставщику. Так, прокуратурой Белгородской области установлены факты коррупционного обогащения лица, занимающего публично значимую должность через взаимодействие с учредителем и руководителем коммерческой организации при заключении и выполнении государственных контрактов на поставку медицинских изделий: сотрудница больницы заблаговременно сообщала поставщику, какие товары потребуются заказчику, в каком количестве и с какими характеристиками, а также передавала адреса компаний, которым следовало направлять запросы коммерческих предложений для расчета выгодной цены [8].

Приведенные примеры наглядно демонстрируют двойственный характер правоприменительной деятельности в закупочной процедуре. С одной стороны, они свидетельствуют о том, что санкционные механизмы работают: нарушения выявляются, виновные лица привлекаются к юридической ответственности, незаконно полученные доходы обращаются в доход государства. Соответственно, система реагирования на коррупционные проявления в целом функционирует. С другой стороны, сам факт необходимости применения санкционных механизмов указывает на то, что коррупционные практики не исчезают под воздействием формальных запретов. Иными словами, превентивные и процедурные механизмы оказываются недостаточно эффективными, а санкционные механизмы включаются лишь постфактум – после того, как нарушение уже совершено, а ущерб причинен. Таким образом, ключевой проблемой является не отсутствие правовых механизмов как таковых и не их неработоспособность, а смещение баланса в сторону реактивного реагирования. Именно поэтому совершенствование правового регулирования должно быть направлено на усиление превентивного потенциала механизмов в тех аспектах закупочного процесса, где формальный контроль наименее эффективен.

Однако для понимания того, где именно следует приложить усилия, необходимо конкретизировать в каких нормах контрактной системы заложены предпосылки для коррупционных злоупотреблений. Анализ ФЗ «О государственных закупках» показывает, что такими точками уязвимости выступают, прежде всего: ст. 22, регламентирующая порядок определения начальной цены контракта и содержащая неоднозначные положения, дающие инициаторам закупки возможность влиять на выбор поставщика; ст. 33, касающаяся описания объекта закупки, но являющаяся при этом недостаточно конкретизированной, что позволяет заинтересованным лицам манипулировать требованиями к поставляемыми товарами и услугами, подстраивая их под конкретного исполнителя; и ст. 34, затрагивающая общие требования к контракту, но, при этом, отличающаяся недостаточной определенностью формулировок, что создает широкое поле для дискреционного усмотрения и позволяет обходить установленные правила [9, с. 237]. Именно эти дефекты нормативного регулирования и создают ту самую почву, на которой превентивные и процедурные механизмы утрачивают свою действительность. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости внесения изменений в законодательство о контрактной системе, направленных на устранение выявленных дефектов. Однако устранение дефектов отдельных норм не исчерпывает задачи совершенствования правового регулирования – оно должно сопровождаться развитие контрольных механизмов, способных обеспечить соблюдение законодательно установленных требований на практике.

В сложившихся условиях приоритетным направлением совершенствования правового регулирования становится интеграция в законодательство различных видов контроля – информационного, финансового, процедурного и общественного. Их взаимодействие способно обеспечить многоуровневую систему выявления и предупреждения коррупциогенных факторов на всех стадиях закупочного цикла. Не менее значимым направлением представляется разработка специализированной подсистемы, функционирующей на базе единой информационной системы в сфере закупок и обеспечивающей деятельность контрольных органов посредством автоматизированной проверки и использования таких инструментов как: удаленный доступ к документам, содержащим ценовую информацию, использованную заказчиком для определения начальной цены контракта, а также к документам, относящимся к процедуре выбора поставщика, и к полным комплектам документов об исполнении государственных контрактов. При этом справед-

ливым представляется мнение, согласно которому ключевое внимание в рамках контроля должно быть уделено идентификации и устранению условий, способствующих коррупционным действиям должностных лиц, отвечающих за закупочные процедуры [10, с. 39]. Подобный подход обусловлен тем, что именно такое лицо является носителем дискреционных полномочий на всех стадиях закупочного процесса – от формирования технического задания и определения начальной центы контракта до оценки заявок и подведения результатов. Наряду с этим самостоятельного решения требует вопрос об антикоррупционной экспертизе конкурсной документации [11, с. 368]. Институциональные основы соответствующего механизма были заложены Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [12], однако его регулирование охватывает главным образом экспертизу нормативно-правовых актов и их проектов, тогда как формируемая заказчиком перед проведением торгов конкурсная документация правовым актом не является и поэтому остается вне сферы действия соответствующего законодательства. Возникающий нормативный пробел требует разработки методики антикоррупционной экспертизы конкурсной документации. При этом такая экспертиза не должна ограничиваться перечнем признаков коррупциогенности, а задавать воспроизводимую процедуру их обнаружения, оценки и документирования. Именно это, на наш взгляд, позволит снизить риск пропуска коррупциогенных факторов в конкурсной документации и обеспечить законность в системе государственных и муниципальных закупок. Предложенные направления совершенствования носят взаимодополняющий характер. Их совокупное действие способно сместить акцент с реактивного реагирования на нарушения, уже совершенные и причинившие ущерб, к их предупреждению на стадиях, предшествующих заключению контракта. Именно в этом, как показывает проведенный анализ, и заключается ключевой резерв повышения эффективности правовых механизмов противодействия коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок.

Список литературы:

[1] Максуров А.А. Противодействие коррупции в системе государственных закупок в России и за рубежом: монография. Москва: РУСАЙНС, 2025. 92 с.

[2] Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652; 2026. – № 32. – Ст. 4527.

[3] Монгуш Х.В. Противодействие коррупции при осуществлении государственных и муниципальных закупок // Вестник науки. 2025. № 4 (85). С. 261-266.

[4] Аверина К.Е. К вопросу о правовой природе реестра недобросовестных поставщиков // Сфера науки. 2026. № 1. С. 1-10.

[5] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 октября 2019 г. по делу № А19-2680/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/5643d865-a6c0-4b1a-b184-eb09c234a459 (дата обращения: 29.09.2026).

[6] Приговор Центрального районного суда г. Барнаула от 18 декабря 2024 г. по делу № 1-114/2024 // Официальный сайт Центрального районного суда г. Барнаула. URL: https://centralny.alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28439204&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 23.09.2026).

[7] Решение арбитражного суда Самарской области от 02 декабря 2025 г. по делу № А55-17075/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/805891c7-136c-405f-b681-ebbdab12737b (дата обращения: 23.09.2026).

[8] Апелляционное определение Белгородского областного суда от 21 апреля 2026 г. по делу № 33-1850/2026 // Официальный сайт Белгородского областного суда. URL: https://oblsud.blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16126289&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 23.09.2026).

[9] Землин А.И., Левшиц Д.Ю., Логинов М.Г. Вопросы обеспечения законности закупочной деятельности бюджетными учреждениями высшего образования с использованием правовых средств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 296-300.

[10] Дятлов Г.А. Антикоррупционные меры в сфере государственных закупок и национальных проектов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2025. № 2. С. 36-41.

[11] Спиридонова Д.Д. Профилактика коррупции в организации государственных закупок // Вестник науки. 2026. № 3 (96). С. 364-371.

[12] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228; 2026. – № 17 (часть I). – Ст. 2150.

References:

[1] Maksurov A.A. Countering corruption in the public procurement system in Russia and abroad:

monograph. Moscow: RUSINES, 2025. 92 pp.

[2] Federal Law of April 05, 2013 No. 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" (as amended by 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – № 14. - Art. 1652; 2026. – № 32. - Art. 4527.

[3] Mongush H.V. Anti-corruption in public and municipal procurement // Bulletin of Science. 2025. № 4 (85). PP. 261-266.

[4] Averina K.E. On the legal nature of the register of unscrupulous suppliers // Sphere of science. 2026. № 1. S. 1-10.

[5] Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated October 11, 2019 in case No. A19-2680/2019 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/5643d865-a6c0-4b1a-b184-eb09c234a459 (access date: 29.09.2026).

[6] Verdict of the Central District Court of Barnaul dated December 18, 2024 in case No. 1-114/2024 // Official website of the Central District Court of Barnaul. URL: https://centralny.alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28439204&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 23.09.2026).

[7] Decision of the Arbitration Court of the Samara Region dated December 02, 2025 in case No. A55-17075/2025 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/805891c7-136c-405f-b681-ebbdab12737b (access date: 23.09.2026).

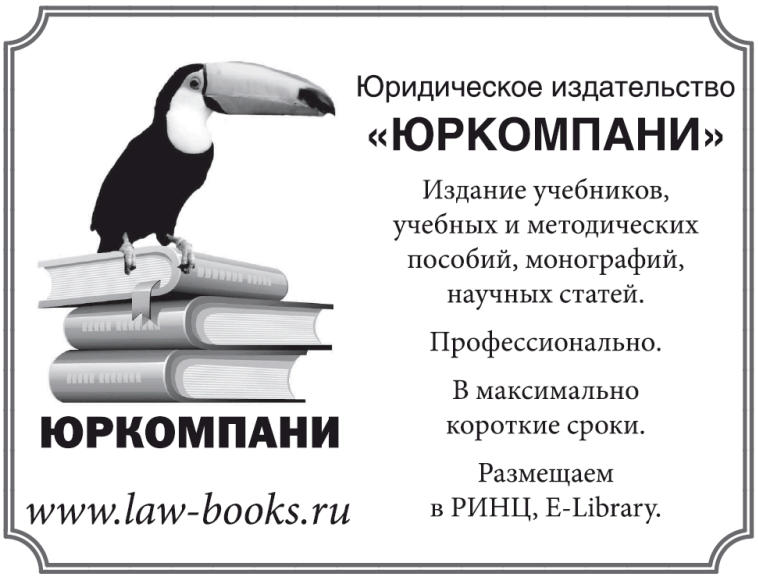
[8] Appeal ruling of the Belgorod Regional Court of April 21, 2026 in case No. 33-1850/2026 // Official website of the Belgorod Regional Court. URL: https://oblsud.blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16126289&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 23.09.2026).

[9] Zemlin A.I., Levshits D.Yu., Loginov M.G. Issues of ensuring the legality of procurement activities by budgetary institutions of higher education using legal means // Law and state: theory and practice. 2025. № 7. S. 296-300.

[10] Dyatlov G.A. Anti-corruption measures in the field of public procurement and national projects // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2025. № 2. S. 36-41.

[11] Spiridonova D.D. Prevention of corruption in the organization of public procurement // Bulletin of Science. 2026. № 3 (96). PP. 364-371.

[12] Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" (as amended by 25.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. - No. 52 (part 1). - Art. 6228; 2026. - No. 17 (Part I). - Art. 2150.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-54-59

ВОЙНОВСКИЙ Вадим Захарович,
аспирант Северо-Западный институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: Vadim_voinovskiy@mail.ru

ФУНКЦИИ И ЗАДАЧИ, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ, ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ РФ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ ИСЧИСЛЕНИЯ, НАЧИСЛЕНИЯ И СПИСАНИЯ УТИЛИЗАЦИОННОГО СБОРА

Аннотация. *Статья посвящена анализу полномочий Федеральной таможенной службы Российской Федерации в сфере администрирования утилизационного сбора в отношении транспортных средств. Рассматривается правовая природа сбора, задачи таможенных органов при контроле корректности его исчисления и уплаты, а также права и обязанности участников соответствующих правоотношений. Особое внимание уделено проверке документов и сведений, контролю статуса плательщика, порядку доначисления платежа, применению мер принудительного взыскания и отражению уплаты либо освобождения от уплаты сбора в электронных информационных ресурсах. Сделан вывод о том, что эффективность контроля определяется не только полнотой нормативного регулирования, но и качеством межведомственного информационного взаимодействия, достоверностью представляемых сведений и соблюдением баланса публичных финансовых интересов с гарантиями прав плательщиков.*

Ключевые слова: *утилизационный сбор, Федеральная таможенная служба, таможенный контроль, транспортные средства, исчисление платежей, начисление, списание, администрирование доходов бюджета, электронное взаимодействие.*

VOINOVSKY Vadim Zakharovich,
graduate student of the North-West Institute of Management - branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation," Russia, St. Petersburg

FUNCTIONS, TASKS, RIGHTS AND DUTIES OF THE FEDERAL CUSTOMS SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONTROLLING THE CALCULATION, ACCRUAL AND WRITE-OFF OF THE RECYCLING FEE

Annotation. *This article examines the powers of the Federal Customs Service of the Russian Federation in administering the recycling fee imposed on vehicles. It analyses the legal nature of this fee, the tasks performed by customs authorities when verifying its calculation and payment, and the rights and duties of participants in the corresponding legal relations. Special attention is given to the verification of documents and data, control over payer status, procedures for additional assessment, enforcement measures, and the recording of payment or exemption in electronic information systems. The article concludes that effective control depends not only on legal regulation but also on interagency data exchange, the reliability of submitted information, and a balance between public fiscal interests and the legal guarantees of payers.*

Key words: *recycling fee, Federal Customs Service, customs control, vehicles, payment calculation, accrual, write-off, budget revenue administration, electronic interaction.*

Введение. Утилизационный сбор занимает особое место в системе обязательных платежей, связанных с обращением транспортных средств на территории Российской Федерации. Его назначение состоит в формировании финансовой основы для обеспечения экологически безопасного обращения с транспортными средствами, утратившими потребительские свойства. Вместе с тем практическое значение данного платежа значительно шире: он влияет на условия ввоза автомобилей, структуру рынка транспортных средств, экономическое поведение импортёров и физических лиц, а также на доходную часть бюджета.

Федеральная таможенная служба Российской Федерации выступает одним из ключевых субъектов администрирования утилизационного сбора в отношении транспортных средств, ввозимых в Российскую Федерацию. Таможенные органы проверяют наличие обязанности по уплате сбора, правильность определения плательщика, корректность применяемых коэффициентов, достоверность документов и сведений, а также принимают меры при выявлении неполной уплаты платежа. Их деятельность не сводится к технической регистрации сведений: она включает финансовый контроль, правовую оценку обстоятельств ввоза и использование цифровых информационных систем.

Актуальность темы обусловлена ростом объёма трансграничного перемещения автомобилей, развитием электронного документооборота, изменением правил определения размера утилизационного сбора и рисками применения недостоверных сведений о транспортных средствах. В этих условиях особую значимость приобретает ясное разграничение функций, задач, прав и обязанностей таможенных органов, а также процедурных гарантий плательщиков.

Цель статьи заключается в систематизации полномочий Федеральной таможенной службы Российской Федерации при реализации контроля исчисления, начисления и списания утилизационного сбора. Для достижения цели рассматриваются содержание контрольной деятельности таможенных органов, механизм взаимодействия с плательщиками и ключевые направления совершенствования соответствующей практики.

Правовая природа утилизационного сбора. Утилизационный сбор — это обязательный платёж, который вносится при ввозе транспортного средства в Российскую Федерацию либо при его производстве на территории страны в случаях, установленных законом. Его правовая конструкция относится к публично-правовой сфере, поскольку обязанность уплаты возникает не из договора, а напрямую из закона и из юридически значимых обстоятельств, связанных с выпуском транспортного средства в обращение [4].

Размер такого платежа складывается из базовой ставки и коэффициента, который рассчитывается исходя из характеристик транспортного средства. Для контроля значение имеют категория автомобиля, объём и тип двигателя, вид транспортного средства, его возраст, масса, назначение, статус ввозящего лица и другие параметры, предусмотренные действующими правилами. Если хотя бы один из этих элементов определён неверно, сумма платежа может оказаться заниженной. Утилизационный сбор не тождествен таможенной пошлине или налогу и обладает самостоятельной правовой природой. При этом при ввозе транспортных средств его администрирование тесно связано с таможенными процедурами, проверкой сведений в декларации, идентификацией товара и электронным информационным обменом. По этой причине таможенные органы располагают широкими контрольными полномочиями в соответствующей сфере.

Роль Федеральной таможенной службы. Федеральная таможенная служба в пределах своей компетенции обеспечивает государственный контроль за исполнением обязанности по уплате утилизационного сбора. Главная задача ФТС России состоит в том, чтобы транспортное средство не было выпущено, передано в пользование или допущено к дальнейшему оформлению без надлежащего подтверждения уплаты сбора либо без законных оснований для освобождения от него [7].

Контрольная работа службы охватывает целый ряд взаимосвязанных действий. Прежде всего устанавливается сам факт ввоза транспортного средства и определяются его характеристики, от которых зависит расчёт платежа. Затем выявляется лицо, обязанное внести сбор, и проверяется правильность исчисления его суммы. Отдельно подтверждается как факт уплаты, так и правомерность освобождения от неё, а соответствующие сведения отражаются в информационных системах. Если возникает недоимка, служба принимает меры к её погашению, взаимодействуя с другими государственными органами и информационными ресурсами. При этом ФТС России выполняет не только контрольную, но и информационно-координационную функцию. Достоверные электронные сведения об автомобиле и о статусе утилизационного сбора важны для последующей регистрации транспортного средства, его постановки на учёт и законного участия в гражданском обороте.

Основные задачи таможенных органов. Контроль исчисления, начисления и списания утилизационного сбора предполагает решение комплекса задач. Их условно можно разделить на

предварительные, текущие и последующие.

К предварительным задачам относится установление правового статуса транспортного средства и лица, осуществляющего его ввоз. Таможенный орган должен определить, подпадает ли конкретное транспортное средство под действие правил об утилизационном сборе, имеются ли основания для применения льготного коэффициента или освобождения от платежа, а также соответствует ли заявленный статус плательщика фактическим обстоятельствам [1-3].

Текущий контроль направлен на проверку корректности расчета. Таможенный орган сопоставляет сведения, представленные плательщиком, с документами на транспортное средство, данными декларации, идентификационными признаками, технической документацией и иными доступными источниками. Особое значение имеет проверка достоверности сведений о дате выпуска, категории автомобиля, объеме двигателя, мощности, экологических и конструктивных характеристиках. Последующий контроль осуществляется в тех случаях, когда признаки нарушения выявляются после завершения первоначального оформления. Основанием могут стать результаты анализа рисков, сопоставление сведений из разных информационных систем, обращения иных органов, выявление противоречий в документах или сведения о неправомерном использовании льготного порядка уплаты. Ключевая задача ФТС России состоит не только в доначислении суммы при ее занижении, но и в формировании предсказуемой практики применения законодательства. Плательщик должен понимать, какие сведения требуются, каким образом определяется размер платежа, в какие сроки возможно проведение проверки и какие последствия наступают при нарушении установленного порядка.

Права ФТС РФ. Для реализации контрольных функций таможенные органы наделены рядом прав. Их использование должно быть связано с целями проверки и осуществляться в пределах компетенции.

Таблица наиболее значимых прав.

Направление	Содержание полномочия
Истребование документов	Запрос документов, подтверждающих характеристики транспортного средства, обстоятельства ввоза, статус лица и расчет сбора
Проверка сведений	Сопоставление данных декларации, электронных паспортов, технической документации, платежных документов и иных источников
Проведение таможенного контроля	Использование форм контроля, предусмотренных таможенным законодательством, включая проверку документов и сведений
Доначисление платежа	Определение суммы утилизационного сбора, подлежащей дополнительной уплате при выявлении ошибки или недостоверных сведений
Требование об уплате	Направление плательщику требования о погашении задолженности в установленном порядке
Применение мер взыскания	Принятие предусмотренных законом мер при неисполнении обязанности по уплате
Информационное взаимодействие	Получение и передача сведений государственным органам в пределах установленной компетенции

Право на истребование документов не означает возможности требовать любые сведения без связи с предметом проверки. Запрашиваемые материалы должны быть необходимы для установления обстоятельств, влияющих на обязанность по уплате сбора, его размер либо наличие оснований для освобождения. Право на доначисление утилизационного сбора реализуется при наличии достаточных оснований. Например, оно может быть связано с неправильным определением возраста автомобиля, неверным указанием его технической категории, необоснованным применением пониженного коэффициента или использованием статуса физического лица в ситуации, когда транспортное средство фактически приобреталось для коммерческой деятельности [6].

Обязанности таможенных органов. Таможенные органы наделены властными полномочиями, однако одновременно несут обязанности перед плательщиками и государством. Их исполнение обеспечивает законность контрольных процедур и снижает риск административных споров.

ФТС России и её территориальные органы обязаны действовать строго в пределах предоставленных полномочий и обеспечивать единообразное применение правил исчисления утилизационного сбора. Решения принимаются только

на основе достоверных и проверенных сведений. Таможенный орган обязан соблюдать сроки совершения таможенных операций и направления процессуальных документов, а также предоставлять участникам разъяснения по вопросам, относящимся к его компетенции. Отдельно обеспечивается защита сведений, содержащих персональные данные, коммерческую и иную охраняемую законом тайну [10].

Если таможенный орган доначисляет платежи, отказывает в применении льготного порядка либо иным образом изменяет статус платежа, своё решение он обязан мотивировать. Плательщик должен понимать, какие именно сведения признаны недостоверными, какой коэффициент применён, как произведён расчёт и в каком порядке он может представить возражения. Это же требование относится к обеспечению возможности административного и судебного обжалования решений, действий или бездействия должностных лиц. При применении цифровых технологий к обязанностям таможенных органов добавляется поддержание корректности информационного обмена. Техническая ошибка в электронной системе не должна автоматически приводить к отрицательным последствиям для добросовестного плательщика, если ему не предоставлена возможность подтвердить исполнение обязанности и устранить расхождения.

Права и обязанности плательщиков. Эффективное администрирование утилизационного сбора невозможно без активного участия плательщика. Он не только перечисляет денежные средства, но и представляет полные, точные и документально подтверждённые сведения о транспортном средстве.

Плательщик обязан своевременно исчислить и уплатить утилизационный сбор, если соответствующая обязанность возникла. Для этого необходимо корректно определить характеристики транспортного средства, влияющие на расчёт, и представить документы, подтверждающие заявленные сведения. Недопустимо использовать льготы и пониженные коэффициенты при отсутствии законных оснований. Плательщик также исполняет законные требования таможенного органа и своевременно устраняет выявленные расхождения в документах и информационных системах[5;11].

Одновременно плательщик вправе получать информацию о применимом порядке расчёта, знакомиться с материалами проверки в предусмотренном объёме, представлять дополнительные документы и пояснения, заявлять возражения и обжаловать решения таможенных органов в административном либо судебном порядке.

Баланс прав и обязанностей имеет принципиальное значение. Если контроль будет строиться исключительно на фискальном подходе, это создаст избыточные барьеры для граждан и бизнеса. Если же проверка окажется формальной, возрастут риски недопоступления бюджетных доходов, легализации неправомерных льгот и искажения конкурентных условий на автомобильном рынке.

Контроль исчисления и начисления сбора. Контроль исчисления начинается с определения исходных данных для расчёта. Таможенный орган устанавливает вид транспортного средства, его категорию, возраст, технические параметры и иные юридически значимые характеристики. Затем проверяется применённый плательщиком коэффициент и соответствие расчёта действующим правилам. При выявлении несоответствий может быть произведен перерасчет. Например, если физическое лицо заявило льготный коэффициент, но обстоятельства ввоза свидетельствуют о предпринимательской цели приобретения автомобиля, таможенный орган вправе проверить правомерность такого подхода. Аналогично проверяется достоверность сведений о дате изготовления, поскольку от неё зависит отнесение транспортного средства к новой или бывшей в эксплуатации категории [6].

Начисление утилизационного сбора в контрольном смысле означает определение таможенным органом денежной обязанности, подлежащей исполнению плательщиком. Такое решение должно основываться на проверяемых данных, содержать расчёт и быть доведено до заинтересованного лица в установленном порядке. Для снижения числа споров целесообразно использовать риск-ориентированный подход. Углублённая проверка наиболее оправданна при наличии признаков занижения платежа: нетипично низкой стоимости автомобиля, противоречивых технических характеристик, повторяющихся операций одного лица, несоответствий между документами или заявлений о льготе при отсутствии очевидных оснований.

Списание и корректировка платежа. Вопрос списания утилизационного сбора следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, это отражение факта исполнения обязанности по уплате в соответствующих информационных ресурсах. Во-вторых, это корректировка состояния расчётов в случаях возврата, зачёта, отмены ранее принятого решения или признания начисления необоснованным. Корректное списание уплаченной суммы имеет практическое значение для дальнейшего оформления транспортного средства. Наличие непогашенной задолженности либо отсутствие сведений об оплате в системе может препятствовать совершению последующих юри-

дически значимых действий. Поэтому электронная фиксация должна осуществляться своевременно и исключать дублирование платежей [3;7].

При установлении переплаты либо ошибочного начисления должны действовать процедуры, позволяющие плательщику восстановить нарушенное имущественное положение. Это предполагает рассмотрение заявления, проверку оснований для возврата или зачёта, принятие мотивированного решения и отражение результата в информационных системах.

Важным условием является разделение ошибки плательщика и ошибки государства. Если неверное начисление возникло вследствие некорректной работы цифрового ресурса или неполноты межведомственных данных, риск таких обстоятельств не должен необоснованно возлагаться на лицо, добросовестно представившее необходимые документы.

Цифровизация контроля. Современное администрирование утилизационного сбора невозможно без цифровых инструментов. Информационные системы позволяют сопоставлять сведения о транспортном средстве, платежах, таможенном оформлении, электронных паспортах и регистрационных действиях. Это сокращает бумажный документооборот, ускоряет проверку и повышает вероятность выявления несоответствий. Вместе с тем, цифровизация порождает новые риски. К ним относятся ошибки автоматического сопоставления данных, различия в форматах межведомственной информации, несвоевременное обновление сведений, неправомерный доступ к персональным данным и недостаточная прозрачность алгоритмов, применяемых при оценке рисков.

Оптимальная модель предполагает сочетание автоматизированной обработки типовых случаев и содержательной проверки спорных ситуаций должностным лицом. Автоматизированная система способна выявить расхождение, однако окончательное решение о доначислении должно быть юридически обоснованным и учитывать документы и пояснения, представленные плательщиком.

Проблемы правоприменения. Одной из наиболее сложных проблем остаётся неоднозначность квалификации статуса плательщика. В частности, вопросы возникают при применении льготных коэффициентов физическими лицами, когда ввоз транспортных средств формально осуществляется для личного пользования, но фактические обстоятельства могут свидетельствовать об иной цели.

Вторая проблема связана с качеством технических данных. Документы, выданные в разных государствах, могут содержать отличающиеся сведения о дате изготовления, объёме двигателя, экологическом классе или категории транспортного средства. Таможенному органу необходимо оценивать такие расхождения без излишнего формализма, но с соблюдением требований к достоверности информации.

Третья проблема заключается в зависимости правового результата от корректной работы электронных систем. Ошибки в обмене сведениями могут привести к ситуации, когда платёж фактически произведён, но не отражён в информационной базе. В подобных случаях приоритет должно иметь установление реального факта исполнения обязанности, а не исключительно формальное наличие отметки в цифровом ресурсе.

Наконец, контрольные мероприятия должны быть соразмерны рискам. Избыточные запросы документов и длительные проверки в отношении добросовестных участников снижают доверие к государственному управлению и увеличивают административную нагрузку без существенного роста эффективности контроля [2].

Заключение. Федеральная таможенная служба Российской Федерации играет ключевую роль в контроле исчисления, начисления и списания утилизационного сбора в отношении ввозимых транспортных средств. Её функции включают проверку юридически значимых характеристик автомобиля, установление статуса плательщика, контроль полноты уплаты, принятие решений о доначислении, отражение платежей в информационных системах и применение мер при выявлении задолженности.

Полномочия таможенных органов должны реализовываться в единстве с их обязанностями: соблюдать законность, обеспечивать мотивированность решений, защищать права плательщиков, учитывать представленные доказательства и гарантировать возможность обжалования. Контроль не должен превращаться в механическое сопоставление цифровых записей, поскольку его содержание заключается в правовой оценке реальных обстоятельств конкретного случая.

Дальнейшее развитие системы администрирования утилизационного сбора связано с повышением качества межведомственного обмена данными, унификацией требований к технической документации, внедрением риск-ориентированного контроля и созданием понятных электронных процедур для плательщиков. Такой подход позволит одновременно обеспечить полноту поступления обязательных платежей, снизить число споров и сформировать более предсказуемую практику таможенного администрирования.

Список литературы:

[1] Агабекян О. Налоговая система Российской Федерации 3-е изд., пер. и доп. Учебник для

вузов. – ЛитРес, 2025. – С. 14-19.

[2] Афанасьева Н. А. и др. Роль таможенных платежей в наполнении федерального бюджета // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, аудита и анализа в современных условиях. – 2025. – С. 43.

[3] Витюк В. В. Политические и историко-правовые аспекты формирования ЕАЭС и таможенного законодательства ЕАЭС: евразийский проект на постсоветском пространстве // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2026. – №. 2 (29). – С. 107-117.

[4] Ганюшин П. В. Законность как принцип деятельности таможенных органов Российской Федерации // ББК 65.298 А437. – С. 204.

[5] Голубкина К. В. Нормативно-правовое регулирование стратегического планирования в транспортном комплексе РФ // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова. – С. 72.

[6] Пьянкова С. Г., Блинова Е. А. Совершенствование механизмов правового регулирования налогового администрирования субъектов электронной коммерции // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – №. 2 (22). – С. 179.

[7] Иванова А. А. Стратегический подход к администрированию таможенными платежами: целевые ориентиры и реализация // ББК 65.298 А437. – С. 39.

[8] Карпушкина А. В., Лихолетов В. В. Рабочая программа к ОП ВО от 26.06. 2019 № 084-2128.

[9] Камнева Т. А. Роль судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики. – 2025. – С. 40.

[10] Лукьянова И. Н., Исанов С. О. Научный руководитель: Мурсалимов Айнур Тагирович, Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России Россия, Уфа // «Инновационное развитие современной науки: новые подходы и актуальные исследования 9декабря 2025, Москва). Сб. материалов XX. – 2025. – С. 24.

[11] Закирова А. А. и др. Определение степени износа исходя из технических характеристик и технического состояния // Всероссийская студенческая конференция: сборник статей III. – 2026. – С. 56.

[12] Зильберман А. С. Семантика безопасности: треугольник Фреге как основа моделирования и оптимизации системы охраны труда // Ответственный редактор. – 2026. – С. 49.

References:

[1] Agabekyan O. Tax System of the Russian Federation 3rd ed., Trans. And Addendum Textbook for Universities. - Litres, 2025. - S. 14-19.

[2] N. A. Afanasyeva et al. The role of customs payments in filling the federal budget // Current problems of accounting, audit and analysis in modern conditions. – 2025. - S. 43.

[3] Vityuk V.V. Political and historical and legal aspects of the formation of the EAEU and the customs legislation of the EAEU: Eurasian project in the post-Soviet space // Bulletin of the Siberian State University of Railways: Humanitarian Studies. – 2026. – №. 2 (29). - S. 107-117.

[4] Ganyushin P.V. Legality as a principle of the activities of the customs authorities of the Russian Federation // BBK 65.298 A437. - S. 204.

[5] Golubkina K. V. Regulatory regulation of strategic planning in the transport complex of the russian federation // Bulletin of the admiral F. F. Ushakov state maritime university. - S. 72.

[6] Pyankova S. G., Blinova E. A. Improving the mechanisms of legal regulation of tax administration of e-commerce entities // Ufa Humanitarian Scientific Forum. – 2025. – №. 2 (22). - S. 179.

[7] Ivanova A. A. Strategic approach to administration of customs payments: targets and implementation // BBK 65.298 A437. - S. 39.

[8] Karpushkina A. V., Likholetov V. V. Work program for HE OP dated 26.06. 2019 No. 084-2128.

[9] Kamneva T. A. The role of forensic examination in criminal proceedings // Jurisprudence: topical issues of theory and practice. – 2025. - S. 40.

[10] Lukyanova I.N., Isanov S.O. Supervisor: Mursalimov Ainur Tagirovich, Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Russia, Ufa // "Innovative Development of Modern Science: New Approaches and Relevant Research December 9, 2025, Moscow). Sat. materials XX. - 2025. - S. 24.

[11] A. A. Zakirova et al. Determination of the degree of wear based on technical characteristics and technical condition // All-Russian student conference: collection of articles III. - 2026. - S. 56.

[12] Zilberman A.S. Semantics of safety: frege triangle as the basis for modeling and optimization of the occupational safety system // Executive Editor. – 2026. - S. 49.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-60-68

ЩЕРБАКОВ Андрей Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Аннотация. *В настоящей научной статье автором ставится задача на базе теоретико-правового анализа законодательных и доктринальных положений в части понятийно-категориального аппарата безопасности, определиться с его применением в контексте исследуемой темы, выявить сущность безопасности, выделить основные детерминанты и компоненты основ её обеспечения применительно к уголовно-исполнительной системе и правоохранительной деятельности УИС, а также определиться с ее понятийным аппаратом. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации по вопросам обеспечения безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.*

Результаты. Полученные выводы могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной практике по вопросам обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, безопасность, сотрудники администрации, подозреваемые, обвиняемые, осужденные, угрозы безопасности.*

SHCHERBAKOV Andrey Vasilievich,
Candidate of Law, Associate Professor Head of the Department of the Organization of the regime, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Regime Organization, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

SECURITY OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM AND ITS ENSURING THROUGH LAW-ENFORCEMENT ACTIVITIES: CONCEPT AND ESSENCE

Annotation. *In this scientific article, the author sets the task of using a theoretical and legal analysis of legislative and doctrinal provisions regarding the conceptual and categorical apparatus of security to determine its application in the context of the topic under study, identify the essence of security, highlight the main determinants and components of its foundations in relation to the penal system and law enforcement activities of the Federal Penitentiary Service of Russia, and determine its conceptual apparatus. The author analyzes legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as scientific publications on the issues of ensuring the security of institutions and bodies of the penal system.*

Results. The findings can be used in the legislative and law enforcement practices related to ensuring the security of the Russian Federation's penal system.

Key words: *penal system, security, administration staff, suspects, accused, and convicts, security threats.*

Введение. Проблема обеспечения комплексной безопасности (личной, общественной и государственной) на концептуальном уровне закреплена в нормативных правовых актах (Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») и получает научную разработку, в связи с признанием её приоритетного характера, нарастанием угроз, потребностями формирования и реализации научно обоснованного комплекса мер противодействия указанным угрозам и во взаимосвязи с этим – обеспечения нормального функционирования и развития человека, позитивных компонентов социальной системы, государства.

Безопасность уголовно-исполнительной системы, генетически связанная с общей системой безопасности, вместе с тем, заключает в себе существенную специфику, предопределённую предназначением данной системы, закономерностями и условиями её функционирования (отдельные вопросы безопасности уголовно-исполнительной системы рассматриваются современными исследователями) [5, с. 199].

В настоящем научном исследовании автором ставится задача на базе теоретико-правового анализа законодательных и доктринальных положений в части понятийно-категориального аппарата безопасности, определиться с его применением в контексте исследуемой темы, выявить сущность безопасности, выделить основные детерминанты и компоненты основ её обеспечения применительно к уголовно-исполнительной системе и правоохранительной деятельности УИС.

Методы и принципы исследования. Для изучения вопросов безопасности уголовно-исполнительной системы посредством правоохранительной деятельности ее учреждений и органов применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частно-научные).

Основная часть. Прежде всего, следует обратить внимание на отсутствие в настоящее время законодательного определения рассматриваемого понятия. Попытка легально определить общее понятие безопасности была предпринята в Законе Российской Федерации «О безопасности» 1992 г. (Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» – в настоящее время утратил силу)), где соответственно, под ней понималось состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В действующем Федеральном законе «О безопасности» 2010 г. (Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности») определение понятия «безопасность» отсутствует.

Как отмечает в своем научном исследовании Д.А. Косоногов это, прежде всего, может быть связано с многообразием видов безопасности, которые, в свою очередь, не попадают под признаки общего определения [6, с. 215-222]. Между тем, очевидно, что различия сфер безопасности не отрицают общего, в любом случае присущего ей интегративного набора признаков и элементов, которые, в свою очередь, наполняются конкретным, обусловленным особенностями её вида, содержанием [7, с. 72-74]. Некоторыми авторами критически воспринимается приведённая трактовка безопасности, в частности, высказываются критические замечания по поводу используемых в ней терминов «состояние» и «защищенность». Позиционно следует согласиться с тем, что безопасность и процесс её обеспечения должны рассматриваться в динамике, а также с учетом активной деятельности субъектов по предупреждению опасности, а также в плане обеспечения нормального функционирования и развития охраняемой системы.

Вместе с тем, следует принять во внимание суждение о том, что состояние защищённости целесообразно рассматривать в широком понимании, в контексте совокупности внутренних и внешних условий, создаваемых и поддерживаемых в процессе деятельности соответствующих субъектов в связи с предотвращением или минимизацией негативного воздействия угроз на объекты безопасности и обеспечением существования, функционирования и развития указанных объектов и охраняемой системы в целом [18, с. 16-20]. Защищенность, как представляется, не является чем-то «застывшим» (статичным), а напротив, предполагает процессе непрерывного мониторинга угроз и противодействия им. В свою очередь, состояние защищённости может быть определено через уровень действенности предпринимаемых мер и их следствие (результат) – стабильное функционирование и развитие уголовно-исполнительной системы.

По мнению автора, в полной мере соответствует как смысловому значению рассматриваемого понятия (безопасность в Толковом словаре русского языка определяется как «отсутствие опасности, стабильность, сохранность, надёж-

ность; безопасный – неопасный, не угрожающий, не могущий причинить зла или вреда, безвредный, сохранный, верный, надёжный»), так и логике обеспечения безопасности в условиях изменчивости её внешних и внутренних детерминантов и компонентов обеспечения, её понимание как состояния защищённости объекта от различных угроз, обеспечивающего его устойчивое существование и развитие [21, с. 30-33].

Постановочно следует согласиться и с тем, что сам набор основных элементов, детерминирующих ход и содержание процесса обеспечения безопасности в принципе неизменен и может быть сведён к трём основным группам:

жизненно важные интересы, иначе объекты безопасности;

угрозы безопасности (совокупность условий и факторов, порождающих возможность причинения ущерба указанным объектам);

силы и средства обеспечения безопасности [22, с. 295-296].

Заметим также, что в основополагающем программном документе, а именно, Стратегии национальной безопасности (2021г.) национальная безопасность определяется именно через состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, в контексте обеспечения фундаментальных, имеющих важнейшее значение для Российского государства, его граждан и общества в целом, интересов (аналогичное определение содержалось в ранее действовавшей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утверждённой Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 – в настоящее время утратила законную силу). По всей видимости, отсутствие легального определения понятия «безопасность» в действующем одноимённом Законе 2010 г. следует рассматривать в качестве пробела, требующего восполнения [8, с. 7-10], как представляется, законодательная дефиниция безопасности должна опираться на сложившееся в доктрине и отражённое в концептуальном программном документе (Стратегии национальной безопасности РФ) традиционное понимание указанной категории. Вместе с тем, следует в целом позитивно оценивать определение в данном законодательном акте основных принципов и содержания деятельности по обеспечению безопасности.

Характеризуя сущность рассматриваемой категории, следует иметь в виду, что под сущностью явления обычно понимают такую категорию, которая характеризует устойчивые глубинные процессы, происходящие в самом явлении или в группе явлений [12, с. 7]. Образно говоря, сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия [16, с.458].

В свою очередь, сущность безопасности, исходя из представленного выше ее доктринального понимания, независимо от её сферы, вида может быть сведена к формуле: предупредить угрозы охраняемым объектам, либо нейтрализовать их источник, и во взаимосвязи с этим – обеспечить нормальное их функционирование и развитие. Данное интегративное понимание сущности безопасности в целом распространяется и на безопасность уголовно-исполнительной системы. При этом нужно учитывать её функционально-содержательную специфику, проявляющую себя особенностях угроз и объектов данного вида безопасности, субъектов, методов и средств её обеспечения.

Безопасность уголовно-исполнительной системы специально не выделена в Стратегии национальной безопасности в качестве её отдельного вида: исходя из п. 5 Стратегии, национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством России Российской Федерации и законодательством Российской Федерации. Вместе с тем, нужно учитывать, во-первых, специфику уголовно-исполнительной системы и её безопасности, и, во-вторых, то обстоятельство, что применительно к рассматриваемой системе речь идёт об интересах, как отдельной личности, так и интересах государства, а также и общества.

Во-вторых, отмеченная специфика, с одной стороны, а также допускаемые отдельными сотрудниками уголовно-исполнительной системы отступления от требований закона, - с другой стороны, выступают источниками и формами угроз безопасности как персонала пенитенциарных учреждений, так и самих осуждённых. Здесь, как представляется диссертанту, важно проявлять объективность и опираться на фактический материал, использовать эмпирические источники, научно обоснованные методы познания, избегать односторонности освещения проблемы.

В-третьих, нормальному функционированию пенитенциарных учреждений может угрожать деятельность внешних факторов. И в этой связи, следует вести речь о внешней и внутренней сторонах безопасности уголовно-исполнительной системы. Здесь в полной мере применимы общетеоретические выкладки о том, что:

внутренняя безопасность выступает критерием целостности системы и условием поддержания её нормального функционирования в условиях деструктивного воздействия внешней и внутренней среды [9, с. 34-48];

внешняя безопасность означает способность системы взаимодействовать со средой без

нарушения гомеостаза последней. Применительно к уголовно-исполнительной системе следует также иметь в виду, что персонал уголовно-исполнительной системы, выполняя служебные задачи на одном из направлений ограничения и предупреждения преступности, тем самым гарантирует безопасность всем членам общества, а также и свою личную безопасность [13, с. 43-45].

Органы и учреждения уголовно-исполнительной системы относятся правоохранительным органам. Здесь обоснуем данный тезис с опорой на специальную литературу. Обобщение позиций правоведов, изложенных в современной учебной и научной литературе [1, с. 110-113], позволяет выдвинуть следующие доводы в обоснование занимаемой автором позиции.

А) Правоохранительная деятельность представляет собой вид государственной деятельности, которая осуществляется специально уполномоченными органами в установленном законом порядке, при наличии конкретных оснований, в строгом соответствии с правилами и процедурами, закрепленными в правовых актах, обычно сопровождается применением мер юридического воздействия и направлена на охрану правопорядка.

Б) Правоохранительная деятельность включает в себя следующие основные составляющие: охрана существующего в государстве правопорядка; защита существующего правопорядка; предупреждение нарушении существующего в государстве правопорядка.

В) Для конкретных видов правоохранительных органов в соответствии с возложенными на них полномочиями законодательство предусматривает свои специфические функции и задачи.

Что касается органов и учреждений УИС, то, как уже отмечалось выше, указанные органы и учреждения выполняют социально значимые функции и задачи, ориентированные на исправление осуждённого, его ресоциализацию, а также защиту общества от преступлений и преступников и в целом, - на обеспечение безопасности и поддержание правопорядка.

В специальной литературе акцентировано внимание на роли органов и учреждений УИС в предупреждении преступных проявлений, посягающих на безопасность УИС.

В этой связи констатируем: служба в уголовно-исполнительной система заключает в себе правоохранительный аспект, в полной мере относится к правоохранительной деятельности [2, с. 9-12].

Очевидно, что главным, основным источником угрозы безопасности уголовно-исполнительной системы выступает преступность, которая в современной специальной литературе обоснованно рассматривается в виде сложного и относительно самостоятельного социального явления, развивающегося вместе с обществом, и, одновременно, подчиняющегося собственной «криминогенной» природе развития [4, с. 575]. Преступность, как отмечают современные исследователи, обладает рядом свойств, проявляющих себя в прямых и обратных связях с обществом, в том числе: интрузивностью; деструктивностью; мимикрийностью [15, с. 110]. В криминологической науке выделены две крупные подструктуры преступности: 1) устойчивую (в целом – рецидивную), и 2) ситуативную (первичную); при этом отмечается их довольно тесная связь (рецидивная преступность, в силу определённых обстоятельств, в том числе, несрабатывания принципа неотвратимости наказания, постоянно пополняется за счёт первичной [10, с. 46] (как представляется автору, в переводе первичной преступности в рецидивную определённую роль играет и пенитенциарный фактор – воздействие среды закрытых пенитенциарных учреждений, трудности постпенитенциарной адаптации и ресоциализации, в сочетании, с «поддержкой» преступного мира, и т.д.)).

Заметим также, что современные исследователи высказывают суждения по вопросу содержания и формы преступности, оценивая ее с точки зрения специфической социальной подсистемы. Так, по мнению И.В. Шалахина, в содержание преступности входит, во-первых, людская составляющая, то есть лица, совершившие преступления (контингент преступников), во-вторых, всё то, что ими применено, причинено, изъято и присвоено в ходе совершения преступления, приобщено, накоплено, использовано или используется для своего существования в качестве преступников (криминальный опыт и следствия преступности, иначе говоря, её материальная культура [22, с. 125]).

В свою очередь, под формой преступности указанным автором понимается её социальная организация, включающая несколько уровней и приводящая в действие преступный контингент, который в результате этого сохраняет и преумножает элементы материальной криминальной культуры; оформленное содержание преступности и есть функционирующий преступный мир, проявляющий себя в преступной идеологии (ментальности), в преступных взаимосвязях, в процессе совершения конкретных преступлений.

Очевидно, что сосредоточенность в исправительных учреждениях лиц с устойчивой преступной мотивацией, выступающих носителями криминальной субкультуры [23, с. 341-343], и принадлежащих преступному миру, предопределяет повышенную криминогенность мест лишения

свободы, порождает так называемую пенитенциарную преступность и придаёт ей устойчивый характер, повышает ее опасность для уголовно-исполнительной системы. В свою очередь, пенитенциарная преступность обладает существенной спецификой, и рассматривается в специальной литературе в широком и узком смысловом значении. Соответственно, в пенитенциарную преступность в широком смысле включаются преступления, совершаемые как на территории исправительных учреждений; так и за их пределами, при условии, что преступные деяния посягают на уголовно-исполнительные правоотношения; в узком смысле слова пенитенциарная преступность - это совокупность преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы за определенный промежуток времени [11, с. 20-23].

Отмеченная специфика пенитенциарной преступности проявляется: в сфере пенитенциарных отношений и, соответственно, локализации на ограниченных пространствах территорий исправительных учреждений; в структуре (носит узко выраженный характер, и ограничивается сравнительно не широким спектром преступных посягательств); в субъектном составе (чаще всего – осужденные к наказанию в виде лишения свободы, и отбывающие его); в специфичности предметов (средств, орудий), с помощью которых совершаются указанные преступления; в специфике психоэмоциональной стороны такого рода преступных проявлений (в её основе - повышенная агрессия, напряжённость, наличие конфликтной ситуации, кроме того, в ряде случаев, противоречивость отношений осуждённых и персонала исправительных учреждений); в её повышенной латентности, в свою очередь, обусловленная целым комплексом причин и условий.

Иные источники угроз безопасности уголовно-исполнительной системы – разнообразные неблагоприятные социальные и иные факторы, условия, коррелирующие с ее организацией и функционированием и способные оказывать на неё негативное (деструктивное) воздействие [24, с. 486-492]. В частности, речь идёт о недостатках в организации деятельности исправительного учреждения, не удовлетворительном надзоре за поведением осуждённых, неоднозначном характере деятельности различных организаций в связи с их вовлечением в отношения, связанные с пенитенциарной деятельностью, проблема снижения культурного уровня населения, и одновременно, усиление в ней позиций правового нигилизма, проникновение элементов криминальной субкультуры, недостаточная укомплектованность уголовно-исполнительной системы и проблемы соответствия личностных и деловых качеств, уровня подготовки части сотрудников требованиям работы в новых, переходных условиях реформирования, необеспеченность поставленных в программных документах целевых установок и задач ресурсами, коррупционный фактор [14, с. 34-37], и др.

В свою очередь, классификация такого рода факторов и условий возможна по различным основаниям. Так, исходя из масштаба, распространённости, возможно, выделить глобальные, региональные и локальные факторы; с учётом силы проявления и размера возможного вреда, следует различать форму опасности и угрозу её возникновения [19, с. 122]; с учётом внутрисистемного или внешнего источника, выделяются внутренние или внешние угрозы.

В современных условиях, в силу ряда неблагоприятных факторов социального, криминологического, политико-правового характера, обостряются криминогенно-криминальные угрозы, появляются новые формы и источники угроз безопасности уголовно-исполнительной системы (как внешние, так и внутренние [13, с. 43-45]). Позиционно следует согласиться с высказанным в специальной литературе мнением о повышенной устойчивой криминогенности учреждений пенитенциарной системы, обусловленной системой факторов, усиленной на современном этапе развития уголовно-исполнительных отношений негативными тенденциями в изменении качественного состава осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы [11, с. 21]. Безопасность уголовно-исполнительной системы органично взаимосвязана с безопасностью смежных правовых сфер, причем иногда эти сферы пересекаются. В частности, можно указать на безопасность участников уголовного судопроизводства в пенитенциарных учреждениях (такое понимание следует, в том числе, из смысла ч. 4 ст. 13 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Заметим также, что в безопасности уголовно-исполнительной системы во взаимосвязи с динамикой развития общества и государства, их компонентов, обнаруживаются новые сферы.

В частности, речь идёт об информационной безопасности уголовно-исполнительной системы, а именно состояния защищённости информационной сферы обозначенной системы, достигаемого в результате прогнозирования, выявления и нейтрализации факторов, создающих опасность для её нормального функционирования [20, с. 31-34]. При этом информационная безопасность может рассматриваться, в том числе, в разрезе потенциальных или реальных посягательств на значимую для охраняемой системы информацию, а также и в разрезе использования информации в качестве средства негативного воздействия на человека.

Позиционно следует согласиться с высказанным в специальной литературе суждением, согласно которому обеспечение безопасности связано с деятельностью соответствующих субъектов по поводу создания и соблюдения требований, необходимых и достаточных противодействию угрозам, контролем над их исполнением [6, с. 218]. При этом, очевидно, такого рода деятельность должна быть организована, упорядочена при помощи, в том числе, правовых норм, институционально оформлена, носит управляемый характер, с учетом особенностей сферы обеспечения безопасности, её вида, предназначения и условий функционирования защищаемой от опасности системы (личных, государственных и общественных интересов [17, с. 27]).

В специальной литературе выделены уровни комплекса организационных, правовых и иных мероприятий в части обеспечения безопасности осуждённых: общегосударственный; региональный; внутрисистемный; в рамках соответствующих учреждений [19, с. 126-127]. Заметим, что Уголовно-исполнительный кодекс РФ включает специальную норму (ст. 13), закрепляющую право осуждённых на личную безопасность.

Как уже отмечалось, особая значимость придаётся обеспечению безопасности персонала уголовно-исполнительной системы, что в полной мере обоснованно и объясняется как важностью охраны жизни, здоровья, иных правоохраняемых интересов личности, так и особой ролью деятельности сотрудников, выполняющих задачи в условиях функционирования рассматриваемой системы и, в свою очередь, обеспечивающих в этой связи (наряду со своей безопасностью), безопасность осуждённых, всех лиц, находящихся в пределах соответствующего пенитенциарного учреждения, безопасность его объектов, коммуникаций, информационных и иных компонентов. Позиционно следует согласиться с тезисом о необходимости рассматривать безопасность персонала пенитенциарной системы в широком плане – не только в связи с непосредственной угрозой их жизни и здоровью, но и через призму негативного воздействия на сотрудников.

Кроме того, к факторам «риска» работы в условиях пенитенциарного учреждения могут быть отнесены различного рода экстремальные и кризисные ситуации, связанные с организацией исполнения наказания, кризисные ситуации, вызванные не обеспечением устойчивости функционирования исправительных учреждений, экстремальные и кризисные ситуации, возникающие в связи с осложнением оперативной обстановки вне исправительного учреждения, кризисные и экстремальные ситуации техногенного характера, а также, находящиеся вне сферы социального контроля, факторы природного и биологического характера. В свою очередь, безопасность персонала уголовно-исполнительной системы обеспечивается посредством использования комплекса организационных, правовых и иных мер, разрабатываемых и осуществляемых на общегосударственном, региональном, внутрисистемном (в рамках уголовно-исполнительной системы) и локальном уровнях. Кроме того, по всей видимости, возможно и целесообразно не только в научно-теоретическом, но и в практическом (прикладном) плане выделить два органично взаимосвязанных между собой компонента безопасности уголовно-исполнительной системы:

нормативно-правовой (в свою очередь, включающий в себя законодательный и подзаконный уровни, а также группу норм международного права, действие которых в рамках правовой системы Российской Федерации санкционировано положением ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, принятыми в её развитие законодательными положениями (в частности, ст. 3 УИК РФ));

институциональный (включающий в себя систему субъектов данного процесса, а также совокупность применяемых организационных и иных средств и методов, дифференцированных по уровням, характеру, и другим признакам).

Процесс обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы, принимая во внимание интегративный характер национальной безопасности, должен основываться на общих законодательно установленных (ст. 2 Федерального закона о безопасности 2010 г.) и доктринально обоснованных принципах.

В этом плане следует также вести речь об использовании основных (общих для безопасности и её различных видов) инструментов (в числе которых, прогнозирование и мониторинг угроз; правовое регулирование в рассматриваемой сфере; разработка и применение комплекса соответствующих мер; подключение научной, международной и иных составляющих; и др.). Вместе с тем, отмеченная специфика уголовно-исполнительной системы предполагает, во-первых, наполнение «общих» инструментов особенным, отражающим указанную специфику содержанием, во-вторых, наличие у уголовно-исполнительной системы арсенала собственных, присущих ей средств обеспечения безопасности (к которым, в частности, относится режим исполнения наказания (ч. 2 ст. 9 УИК РФ. Набор указанных средств конкретизируется, в том числе, в специальных программных документах, в том числе, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г.)).

В механизме обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы особую роль

играют субъекты, принадлежащие данной системе и выполняющие в ней функции и задачи, которые по своему характеру, принимая во внимание статус и полномочия сотрудников УИС, в полной мере относятся к правоохранительной деятельности. В этом плане следует выделить:

Федеральную службу исполнения наказаний (головной орган управления и контроля, координации процесса обеспечения безопасности на внутрисистемном уровне, выполняющий государственные функции в части контроля по соблюдению законности при исполнении наказаний, а также в связи с обеспечением правопорядка и безопасности в пенитенциарных учреждениях);

учреждения и органы, непосредственно исполняющие уголовные наказания и включающие в своём составе соответствующие службы, подразделения (в том числе, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, направленную, на предупреждение и пресечение преступных проявление в исправительных учреждениях, обеспечение безопасности лиц, вовлечённых в сфере уголовно-исполнительных отношений [3, с. 3-6]).

В специальной литературе разрабатывается категория «собственная безопасность уголовно-исполнительной системы», под которой, в свою очередь, понимается внутриорганизационная система мер, средств, условий, характеризующих готовность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы противостоять неправомерному вмешательству в их деятельность при взаимоотношениях с внешней средой и негативным внутренним процессом в целях нормального функционирования и развития данной системы [6, с. 221]. Данный подход выглядит вполне обоснованным, принимая во внимание особенности уголовно-исполнительной системы, а также потребности её безопасного функционирования и развития.

Заключение. Обобщение изложенного позволяет прийти к следующим выводам относительно сущности безопасности уголовно-исполнительной системы и обеспечения её посредством правоохранительной деятельности органов и учреждений УИС.

Безопасность уголовно-исполнительной системы, генетически связанная с общей системой безопасности, и в этой связи имеющая общую сущностную основу (предупредить угрозы системе и её объектам, нейтрализовать источники угроз либо минимизировать их негативное на систему воздействие, и во взаимосвязи с этим обеспечить нормальное функционирование и развитие системы) вместе с тем, заключает в себе существенную специфику, предопределённую предназначением данной системы, закономерностями и условиями её функционирования.

Отмеченная специфика проявляет себя:

в особенностях источников и форм угроз (основным источником угрозы безопасности уголовно-исполнительной системы, и одновременно, её формой выступает пенитенциарная преступность, в свою очередь, специфичная по структурно-функциональным и иным признакам, кроме того, потенциальные и реальные угрозы заключают в себе факторы и условия социального, политико-правового, культурно-идеологического и иного характера, процессы и явления, коррелирующие с функционированием уголовно-исполнительной системы в современных условиях развития Российского общества и государства);

в сторонах и объектах безопасности (соответственно, внутренняя сторона включает в себя безопасность осуждённых, персонала, всех лиц, находящихся в пределах исправительных учреждений, нормальное функционирование уголовно-исполнительной системы, её инфраструктурных, информационных и иных компонентов; внешняя сторона в данном случае представлена безопасностью самого общества, на которое пенитенциарная система оказывает негативное воздействие);

в субъектах и арсенале средств обеспечения безопасности (в механизме обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы особую роль играют субъекты, принадлежащие данной системе и выполняющие в ней функции и задачи, в соответствии со своим статусом и полномочиями, по своему характеру в полной мере относящиеся к правоохранительной деятельности; при этом «общие» инструменты обеспечения безопасности наполняются особенным, отражающим указанную специфику содержанием, кроме того, уголовно-исполнительная система располагает арсеналом собственных, присущих ей средств обеспечения безопасности, к которым, в частности, относится режим исполнения наказания, средства контроля и надзора за лицами, его отбывающими, средства предупреждения и пресечения правонарушений среди указанных лиц).

Список литературы:

[1] Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113.

[2] Горяинов К.К., Косоногов Д.А. Взаимодействие подразделений собственной безопасности ФСИН России с иными правоохранительными органами // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 3. С. 9 – 12.

[3] Горяинов К.К., Иваньков И.А. Оперативно-разыскное обеспечение исполнения наказания и его цели // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.

2016. № 2. С. 3 - 6.

[4] Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. - Москва: Рос. криминол. ассоц., 2003. - 575с.

[5] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития. Монография. Псков. 2024.199с.

[6] Косоногов Д.А. О понятии обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 215-222.

[7] Конин В.Н. Понятие и сущность безопасности // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 72 - 74.

[8] Калюжный А.Н. Федеральный закон «О безопасности»: итоги реализации и перспективы развития // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 7 – 10.

[9] Кирьянов А.Ю. Общая характеристика понятия «безопасность». Подходы к определению и виды. Безопасность бизнеса. 2010. № 1. С. 34-48.

[10] Конев А.А. Учение о преступности : понятие, признаки, свойства : монография / А. А. Конев. - Нижний Новгород : изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2006 (Н.Новгород : Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы). - 193 с.

[11] Кудрявцев А.В. Оперативно-розыскная деятельность как средство снижения криминогенности уголовно-исполнительных правоотношений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 5. С. 20-23.

[12] Марцев А.И. Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступности [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук. 12.00.08 / Свердл. юрид. ин-т. - Свердловск: [б. и.], 1975. - 33 с.

[13] Майстренко Г.А. Безопасность сотрудников уголовно-исполнительной системы как государственная форма защиты и пути её решения // Российский следователь. 2016. № 6. С. 43-45.

[14] Мацкевич И.М., Аминов И.И. Проблема противодействия коррупционным рискам в уголовно-исполнительной системе // Российский следователь. 2016. № 24. С. 34-37.

[15] Овчинский А.С., Чеботарёва С.О. Матрица преступности [Текст] / А.С. Овчинский, С.О. Чеботарева; под науч. ред. В. С. Овчинского. - Москва: Норма, 2008. - 110с.

[16] Прохоров А.М. Философский энциклопедический словарь.– М., 1989. 458 с.

[17] Перегудов А.Г. Курс лекций по обеспечению безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания в ИТУ. Уфа: УВШ МВД России, 1996. 672с.

[18] Смирнов А.А. Критический анализ ревизионистских подходов к определению понятия «безопасность» // Административное право и процесс. 2015. № 5. С. 16-20.

[19] Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительная система России: теоретические, правовые и организационные основы: монография / Л.Б. Смирнов; Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. - Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. - 228 с.

[20] Сурин В.В. Информационная безопасность уголовно-исполнительной системы: подходы к определению понятия // Информационное право. 2013. № 1. С. 31-34.

[21] Халиуллин Р.Г. Безопасность: многообразие подходов и проблемы определения понятия [Электронный ресурс] // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 30-33.

[22] Шалахин И.В. Теория и методология изучения и ограничения (предупреждения) преступности, обеспечения криминологической безопасности личности. М., 2011. С. 295-296.

[23] Щербаков А.В., Яковлева П.Д. Субкультура как фактор, оказывающий влияние на безопасность исправительных учреждений. В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2024. С. 341-343.

[24] Щербаков А.В., Артимович В.В. Факторы, определяющие роль в обеспечении безопасности уголовно-исполнительной системы. В сборнике: Организационно-правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань. 2022. С. 486-492.

References:

[1] Galuso V.N. Theory of law protection in the Russian Federation: pro et contra // State and law. 2012. № 11. S. 110-113.

[2] Goryainov K.K., Kosonogov D.A. Interaction of the internal security units of the Federal Penitentiary Service of Russia with other law enforcement agencies // Criminal executive system: law, economics, management. 2017. № 3. S. 9-12.

[3] Goryainov K.K., Ivankov I.A. Operational and search support for the execution of punishment and its goals // Criminal executive system: law, economics, management. 2016. № 2. S. 3-6.

[4] Dolgova A.I. Crime, its organization and criminal society / A.I. Dolgova. - Moscow: Ros. criminol. assoc., 2003. - 575s.

[5] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Fundamentals of comprehensive security of penitentiary system institutions at the present stage of its development. Monograph. Pskov. 2024.199s.

[6] Kosonogov D.A. On the concept of ensuring their own safety in the penal system // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2012. № 2. S. 215-222.

[7] Konin V.N. Concept and essence of security // Administrative law and process. 2012. № 3. S. 72-74.

[8] Kalyuzhny A.N. Federal Law "On Security": Implementation Results and Development Prospects // Military Law Journal. 2014. № 3. S. 7-10.

[9] A.Yu. Kiryanov. General description of the concept of "safety." Approaches to definition and species. Business security. 2010. № 1. S. 34-48.

[10] Konev A.A. The doctrine of crime: concept, signs, properties: monograph / A.A. Konev. - Nizhny Novgorod: Publishing House of the Volga-Vyatka Acady. state services, 2006 (N. Novgorod: Publishing House of Volga-Vyat. acad. state service). - 193 s.

[11] Kudryavtsev A.V. Operational-search activities as a means of reducing the criminogenicity of criminal executive legal relations // Criminal executive system: law, economics, management. 2013. № 5. S. 20-23.

[12] Martsev A.I. Theoretical issues of general and special crime prevention [Text]: Abstract dis. for the degree of Doctor of Law. 12.00.08 / Verdl. jurid. in-t. - Sverdlovsk: [b. and.], 1975. - 33 s.

[13] Maistrenko G.A. Safety of employees of the penitentiary system as a state form of protection and ways to solve it // Russian investigator. 2016. № 6. S. 43-45.

[14] Matskevich I.M., Aminov I.I. The problem of countering corruption risks in the penal system // Russian investigator. 2016. № 24. S. 34-37.

[15] Ovchinsky A.S., Chebotareva S.O. Crime matrix [Text] / A.S. Ovchinsky, S.O. Chebotareva; under scientific. ed. V. S. Ovchinsky. - Moscow: Norma, 2008. - 110s.

[16] Prokhorov A.M. Philosophical encyclopedic dictionary. - M., 1989. 458 pp.

[17] Peregudov A.G. Course of lectures on ensuring safety, the order of execution and serving the sentence in the ITU. Ufa: UVSH Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. 672s.

[18] Smirnov A.A. Critical analysis of revisionist approaches to the definition of the concept of "security" // Administrative law and process. 2015. № 5. S. 16-20.

[19] Smirnov L.B. The penal system of Russia: theoretical, legal and organizational foundations: monograph L.B. Smirnov; Leningrad State University named after A.S. Pushkin. - St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2007. - 228 s.

[20] Surin V.V. Information security of the penal system: approaches to defining the concept // Information law. 2013. № 1. S. 31-34.

[21] Khaliullin R.G. Security: variety of approaches and problems of defining the concept of [Electronic resource] // Legal education and science. 2007. № 4. S. 30-33.

[22] Shalakhin I.V. Theory and methodology of studying and limiting (preventing) crime, ensuring criminological security of the individual. M., 2011. S. 295-296.

[23] A.V. Shcherbakov, P.D. Yakovleva. Subculture as a factor influencing the safety of correctional facilities. In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2024. S. 341-343.

[24] A.V. Shcherbakov, V.V. Artimovich. Factors determining the role in ensuring the safety of the penal system. In the collection: Organizational and legal support of the activities of the penitentiary system: problems and development prospects. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science. Ryazan. 2022. S. 486-492.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-69-74

УТЯШОВ Эдуард Климентьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного университета нефти и газа. (г. Москва, Россия),
e-mail: ueknet@rambler.ru

УТЯШОВА Ольга Викторовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры истории и экономической теории АГПС МЧС (Москва, Россия),
e-mail: 7127917@ rambler.ru

ДЕЙСТВИЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ВО ВРЕМЕНИ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Анализ реализации нормативных правовых актов в четырех субъектах Российской Федерации, где осуществляется режим военного положения демонстрирует, что действие законов «мирного времени», действовавших до его введения вступает в противоречие с правоотношениями, которые возникают вследствие реализации мер этого режима. Продемонстрированы наглядные противоречия и соответствующие коллизии правового регулирования. Поставленные вопросы приобретают теоретическую и практическую значимость, посвященную проблеме переживания законов в указанном режиме. В такой постановке вопроса теоретические исследования не проводились. Целью работы являются поиск теоретически обоснованных путей выхода из коллизионных ситуаций между законами «мирного времени» и правовым режимом военного положения. Сформулированы выводы о применении принципов права при обнаружении пробелов и коллизий.*

Ключевые слова: *Правовой режим военного положения, переживание законов, коллизии нормативных правовых актов и отношений в условиях военного положения. Пути и способы преодоления коллизионных правоотношений, принципы права как форма права.*

UTYASHOV Edward Klimentievich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Russian State University of Oil and Gas. (Moscow, Russia)

UTASHOVA Olga Viktorovna,
candidate of economic sciences, Associate Professor, Department of history and economic theory AGPS EMERCOM (Moscow, of Russia)

THE EFFECTIVENESS OF NORMATIVE LEGAL ACTS OVER TIME UNDER A STATE OF MILITARY SITUATION. STATEMENT OF THE PROBLEM

Annotation. *An analysis of the implementation of regulatory legal acts in four constituent entities of the Russian Federation where a martial law regime is in effect demonstrates that the application of "peacetime" laws that were in force before its introduction contradicts the legal relations that arise as a result of implementing the measures of this regime. Clear contradictions and corresponding conflicts in legal regulation have been demonstrated. The issues raised acquire theoretical and practical significance, focusing on the problem of how laws operate under this regime. Theoretical studies have not been conducted in this formulation of the issue. The aim of the work is to find theoretically grounded ways to resolve conflict situations between the laws of*

“peacetime” and the legal regime of martial law. Conclusions are formulated regarding the application of legal principles when gaps and conflicts are identified.

Key words: *the legal regime of martial law, the operation of laws, conflicts between regulatory legal acts and relations under martial law. Ways and methods of overcoming conflict related legal relations, legal principles as a form of law.*

Эффективность правового регулирования определяется многими факторами, включающих в себя: качество законодательной и правоприменительной юридической техники; правильность выбора соответствующих средств и способов достижения целей; состояние правовой культуры; готовность общества воспринимать нормативные изменения; полноту и своевременность регулирования общественных отношений и ряд других факторов.

В связи с последним обстоятельством, общая и отраслевая теория права уделяет пристальное внимание исследованию вопросов действия нормативных правовых актов во времени и в пространстве. Основные выводы, сделанные наукой по итогам подобных исследований, содержатся в учебниках, многочисленных научных исследованиях [13] и отражены, применительно к правовой системе Российской Федерации в соответствующем законодательном акте [3]. В то же время ряд сложных и проблемных вопросов этой тематики до конца не исследованы либо не разрешены наукой и юридической практикой. Это касается вопросов «переживания закона», в том числе так называемых «длящихся правоотношений», и действия законов на территориях, где осуществляется режим военного положения.

Действие законов во времени и в пространстве в условиях указанного режима является одним из элементов юридической конструкции режима военного положения, которая представляет собой устойчивую, умозрительную, типизированную, наглядную модель особого порядка правового регулирования общественных отношений в чрезвычайно важных ситуациях для государства и общества, задающую определенный вектор деятельности адресатов права, позволяющую формировать определенную последовательность построения нормативного материала и его применение. Подобная конструкция призвана обеспечить системность и полноту регулирования отношений в его условиях [14,15].

В рамках постановки проблемы исследования действия нормативных правовых актов во времени в условиях режима военного положения юридической науке следует дать ответ на вопрос: какие из них реализуются при осуществлении указанного правового режима – действовавшие до его введения, т.е. акты «мирного времени» и продолжающие действовать в новых условиях, т.е. переживающие по времени изменившиеся общественные отношения или какие-то из них должны прекратить, либо приостановить свое действие в связи с осуществлением особого правового регулирования, которое называется правовым режимом, в нашем случае – военного положения?

Введение его в действие на территории четырех субъектов РФ в сентябре 2022 года [8] предусматривает использование соответствующих мер, предусмотренных ФКЗ 2001 г. «О военном положении». Их перечень затрагивает значительную сферу конституционных, административных, имущественных, трудовых, финансовых, предпринимательских и иных общественных отношений. При этом действующее нормативное регулирование «мирного времени» на этих территориях не отменялось и не приостанавливалось. Правотворческие изменения выборочно, ситуативно коснулись некоторых вопросов в сфере уголовно-процессуального права, исполнительного производства [7], мобилизации, статуса участников СВО, осуществления закупок для государственных нужд и ряда других вопросов.

В то же время на этих территориях продолжают действовать многочисленные законы мирного времени, регулирующие общественные отношения по пользованию землей, лесным фондом, недрами, защите экологии, передвижению транспортных средств, деятельности органов местного самоуправления, здравоохранения, образования и т. д. К примеру, на протяжении нескольких лет после введения режима военного положения не решался вопрос об отмене штрафов с камер фиксации за превышения скорости военной техникой и транспортными средствами, занимающихся эвакуацией граждан из зоны боевых действий. Взимание платы за перемещение боевой техники и перевозку военных грузов, снаряжения по платным дорогам, в частности М-4 «Дон». Лишь через два с половиной года осуществления этого режима внесено изменение в ст. 32.6.1 КоАП РФ о приостановлении исполнения постановления о лишении специального права за совершение административного правонарушения, которое было применимо к военнослужащим в условиях военного положения.

«Переживание законов» обнаруживалось и при использовании охотничьего оружия, необходимого военнослужащим Вооруженных Сил РФ для защиты от FPV-дронов, так как действующее законодательство предусматривало его исполь-

зование только охотниками при наличии разрешения от соответствующих территориальных органов Росгвардии (которых к тому же на начальном этапе указанного режима на присоединенных территориях и не существовало). Подобные проблемы в ходе осуществления режима военного положения возникали и при эксплуатации маломерных судов, мотоциклов, квадроциклов и других средств, где существует необходимость получения соответствующего специального права.

Указанный правовой режим в соответствии с Конституцией Российской Федерации осуществляется при наличии агрессии против государства и как особый вид правового регулирования должен установить (определить) какие правовые акты и прежде всего нормативного содержания должны приостановить свое действие, чтобы не противоречить его смыслу и содержанию. Например, крайне затруднительно представить, как на территории осуществления режима военного положения при проведении и строительстве оборонительных сооружений, особенно в условиях боевых действий, командирами воинских частей, соединений при принятии решения о наступлении или переходе к обороне соблюдались требования Федерального закона 2004 г. «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» [6], Приказа Минприроды России № 684 от 25 декабря 2018 г. «Об утверждении содержания ходатайства о переводе земель лесного фонда в другую категорию и состава прилагаемых к нему документов» [9], Приказа Рослесхоза № 664 от 31 августа 2021 г. «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства лесного хозяйства по предоставлению государственной услуги по рассмотрению в установленном порядке ходатайств о переводе земель из одной категории в другую, ходатайств о переводе земельных участков из состава земель одной категории в другую, направлению в Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации рассмотренных ходатайств с проектом акта о переводе земель или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую либо проектом акта об отказе в переводе земель или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую» [10].

При этом ст. 42 Земельного кодекса РФ [2] обязывает собственников и лиц, не являющихся собственниками, использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту. За нарушение требований, содержащихся в них предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Ст. 8.8. КоАП РФ «Использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению». В УК РФ не приостановлены, не отменены и не изменены на период режима военного положения ст. 260. «Незаконная рубка лесных насаждений», ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений», ст. 262 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов». Ряд статей главы 26 УК РФ «Экологические преступления», продолжают действовать, хотя объект их защиты в экстремальных ситуациях и особенно в условиях военных действий при режиме военного положения фактически нарушается.

Подобная возможная коллизионная ситуация связанная с «переживанием законов» мирного времени, не рассчитанных на действие в условиях правового режима военного положения, видится при осуществлении регулирования общественных отношений как в публичной, так и частной сферах.

Опыт осуществления режима военного положения демонстрирует, что ФКЗ «О военном положении» [1] не содержит детального правового регулирования многих вопросов общественной жизни в его условиях, ряд его положений вступает в противоречие с иными действующими законами и для субъектов правоотношений возникают проблемы в реализации значительного массива юридических норм.

Выход из сложившейся ситуации, на первый взгляд, видится в создании перечня нормативных правовых актов, действие которых должно быть приостановлено (или изменено) на соответствующих территориях в период режима военного положения. Подобный массив актов позволил бы участникам четко и недвусмысленно понимать какими юридическими предписаниями нужно руководствоваться, а какими в данной ситуации не следует, а какими можно пренебречь. Однако такое решение представляется контрпродуктивным по объективным причинам. В силу своей трудоемкости и сложности подобная деятельность займет значительное время и в силу этого подобные изменения будут устаревать, не успевая за динамичными изменениями в условиях военного положения. Подобный перечень не сможет охватить все сферы и детали предмета правового регулирования указанного режима, возможных и не предвидимых изменений общественных отношений особенно с учетом их особенностей в том или ином субъекте РФ. Следовательно, такой вариант представляется малоэффективным, т.к. не обеспечивает возможность принятия правильных и своевременных решений, в условиях осуществления режима военного положения.

Способом, позволяющим в значительной степени избежать коллизий между законами «мирного времени» и правовым режимом военного положения, является возможность приостановления работы непрофильных (не связанных с осуществлением или оказанием содействия режиму военного положения) органов государственной власти на территориях соответствующих субъектов либо значительное ограничение круга вопросов, отнесенных к их ведению на период осуществления указанного режима. Подобное решение предполагает сокращение объема правовых актов, как правотворческого, так и правоприменительного содержания, издаваемых ими, что позволило бы избежать коллизий между актами «мирного» времени и военного положения. Возможно, что в какой-то ситуации подобные акты и понадобились бы, но их отсутствие как явление является пробелом, возникшим вследствие квалифицированного молчания, и не предусматривает юридической ответственности. Этот путь имеет и другие положительные последствия, связанные с выводом значительного количества государственных служащих и работников этих органов, учреждений с территории военных действий, экономией материальных, финансовых ресурсов, сокращением отчетности и иных бюрократических процедур.

Оптимальным решением продемонстрированных проблем, по мнению авторов, является реализация принципов права как самостоятельной формы права, на которые даются отсылки в ст. 2 ФКЗ «О военном положении» 2001 г., ст. 19 ФЗ «Об обороне» 1996 г. [4], ст. 37 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» 1998 г. [5] и в ряде других актов. Признание их формой права в общей теории допускается доктриной интегративного правопонимания. Эта концепция исходит из определенной иерархии форм права, таких как основополагающие принципы права, международные договоры, нормативные правовые акты, правовые обычаи [12]. Они, в отличие от юридических норм, имеют большую степень абстрактности, охватывают значительный круг правоотношений, определяют направления правового регулирования, значительно меньше подвержены изменениям. Под основополагающими принципами права понимают «теоретическое обобщение наиболее существенного, типичного, выражающего закономерности, находящиеся в основе какой-либо системы» [12].

Применительно к изучаемому вопросу следует признать, что принципы, являясь самостоятельной формой права, могут реализовываться напрямую. Такое решение освобождает правоприменителей – органы государственной власти и военного управления от поиска юридических норм при пробелах в праве и способствует выбору нормы права при их коллизиях, возникающих, в том числе, вследствие переживания законов «мирного времени» в условиях военного положения. Правоприменитель, особенно при пробелах в законодательстве, обилии оценочных, абстрактных, относительно-определенных норм, будет вправе, сославшись на общие принципы, принимать соответствующие решения [16]. Подобный вывод подтверждается не только теоретическими обобщениями, вытекающими из темы исследования, но и законодательным закреплением принципов права в соответствующих нормативных правовых актах, а также правовыми позициями российских судов [11].

Список литературы:

[1] Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении». Собрание законодательства Российской Федерации. 4 февраля 2002 г. N 5. Ст. 375.

[2] Земельный кодекс Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ. Российская газета. 30 октября 2001 г. N 211-212.

[3] Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». Собрание законодательства Российской Федерации 20.06.1994. N 8. Ст. 801.

[4] Федеральный закон от 31 мая 1996 г. N 61-ФЗ «Об обороне». https://base.garant.ru/135907/.

[5] Федеральный закон от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Собрание законодательства. 30 марта 1998 г. N 13 ст. 1475.

[6] Федеральный закон 2004 г. «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую». Парламентская газета. 28 декабря 2004 г. N 244.

[7] Федеральный закон от 29.12.2025 N 566-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Российская газета. 12 января 2026 г. N 1-2.

[8] Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. N 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405400229/.

[9] Приказ Минприроды России № 684 от 25 декабря 2018 г. «Об утверждении содержания ходатайства о переводе земель лесного фонда в другую категорию и состава прилагаемых к нему документов». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322284/.

[10] Приказ Рослесхоза № 664 от 31 августа 2021 г. «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства лесного хозяйства по предоставлению государственной услуги по рассмотрению в установленном порядке ходатайств о переводе земель из одной категории в другую, ходатайств о переводе земельных участков из состава земель одной категории в другую, направлению в Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации рассмотренных ходатайств с проектом акта о переводе земель или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую либо проектом акта об отказе в переводе земель или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую». https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403038197/.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Российская газета. 2 декабря 2003 г. N 244.

[12] Ершов В.В. Основополагающие (общие) принципы права: понятие и юридическая природа. Теория государства и права. / Под ред. Корнева В.Н. М., 2013. С.253.

[13] Игнатов А. Н. О действии закона во времени и пространстве. // Общество и право 2008. № 1(19). С.124.

[14] Утяшов Э.К. Правовой режим как юридическая конструкция. // Юридическая наука и современность. 2023. № 3. С. 67-72.

[15] Утяшов Э.К. Юридическая конструкция режима военного положения. Цели создания и структура. // Образование и право. № 3. 2024. С. 65.

[16] Утяшов Э.К. Обоснование принципов права как регуляторов правовых режимов: на примере режима военного положения. Международная научно-прикладная конференция: «Проблемы правопонимания: история и современность, посвященная памяти профессора В.М. Курицына (16 декабря 2021 г.)» Сборник научных трудов. М., Московский университет МВД имени В. Я Кикотя. 2022 г. с. 115-119.

References:

[1] Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of January 30, 2002 "On Martial Law." Collection of legislation of the Russian Federation. February 4, 2002 No. 5. Art. 375.

[2] Land Code Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001. Russian newspaper. October 30, 2001 N 211-212.

[3] Federal Law No. 14.06.1994 of 5-FZ (as amended 01.05.2019) "On the Procedure for Publication and Entry into Force of Federal Constitutional Laws, Federal Laws, Acts of the Chambers of the Federal Assembly." Collection of legislation of the Russian Federation 20.06.1994. No. 8. Art. 801.

[4] Federal Law of May 31, 1996 N 61-FZ "On Defense." https://base.garant.ru/135907/.

[5] Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 "On Military Duty and Military Service." Legislation collection. March 30, 1998 No. 13 tbsp. 1475.

[6] Federal Law 2004 "On the Transfer of Land or Land Plots from One Category to Another." Parliamentary newspaper. December 28, 2004 No. 244.

[7] Federal Law of 29.12.2025 N 566-FZ "On Amendments to Article 40 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings." Russian newspaper. 12 Jan 2026 N 1-2.

[8] Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 N 756 "On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya and Kherson regions." https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405400229/.

[9] Order of the Ministry of Natural Resources of Russia No. 684 dated December 25, 2018 "On approval of the content of the application for transferring forest land to another category and the composition of the documents attached to it." https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322284/.

[10] Order of the Federal Forestry Agency No. 664 dated August 31, 2021 "On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Forestry Agency for the Provision of State Services for the Consideration of Applications for the Transfer of Land from One Category to Another in Accordance with the Established Procedure, applications for the transfer of land from one category to another, sending to the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation the considered applications with a draft act on the transfer of land or land plots as part of such land from one category to another or a draft act on the refusal to transfer land or land plots as part of such land from one category to another." https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403038197/.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003 No. 5 "On the Application by Courts of Generally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation" (as amended). Russian newspaper. December 2, 2003 No. 244.

[12] Ershov V.V. Fundamental (general) principles of law: concept and legal nature. Theory of

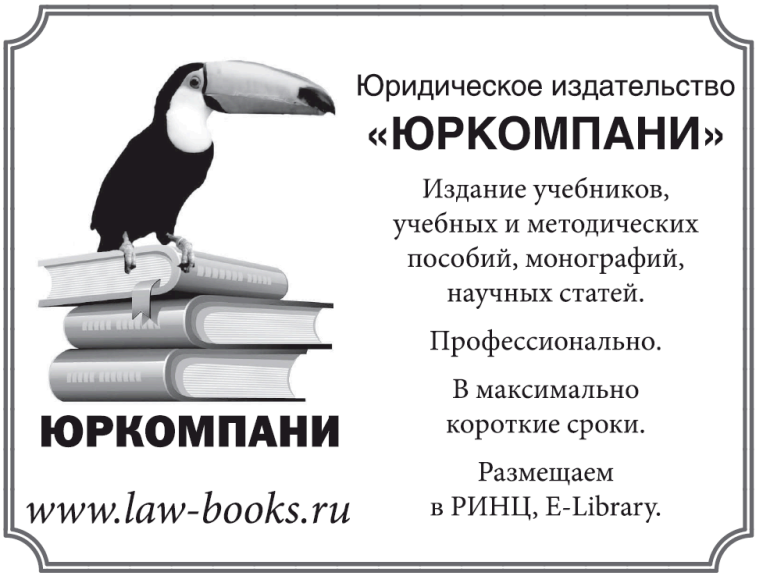
state and law / Ed. Korneva V.N. M., 2013. S.253.

[13] Ignatov A. N. On the effect of law in time and space // Society and Law 2008. № 1(19). S.124.

[14] Utyashov E.K. Legal regime as a legal construction // Legal science and modernity. 2023. № 3. S. 67-72.

[15] Utyashov E.K. Legal construction of the martial law regime. Goals of creation and structure // Education and law. № 3. 2024. S. 65.

[16] Utyashov E.K. Justification of the principles of law as regulators of legal regimes: on the example of the martial law regime. International Scientific and Applied Conference: "Problems of legal understanding: history and modernity, dedicated to the memory of Professor V.M. Kuritsyn (December 16, 2021)" Collection of scientific works. M., Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V. Ya Kikot. 2022 pp 115-119.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-75-78

ЛОГИНОВ Валерий Викторович,
кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры безопасности в ЧС, Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: bazalt@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Аннотация. *В статье рассмотрены принципы разработки алгоритмов взаимодействия человека и искусственного интеллекта для информационной поддержки принятия решений при возникновении чрезвычайных ситуаций. Обосновываются правила обращения к искусственному интеллекту при сборе данных об обстановке в зоне её возникновения. Изложены требования нормативных документов, касающихся защиты информации, в контексте работы с источниками информации, находящимися вне государственной юрисдикции. Делаются выводы о возможном использовании данных в системе обеспечения комплексной безопасности.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, принятие решений, информационная поддержка, защита информации, алгоритм взаимодействия.*

LOGINOV Valery Viktorovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Emergency Safety, Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Yekaterinburg

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DATA IN MANAGERIAL DECISION-MAKING FOR POPULATION PROTECTION AGAINST EMERGENCIES

Annotation. *The article examines the principles of developing algorithms for human-AI interaction to provide information support for decision-making during emergency situations. It outlines the rationale for engaging artificial intelligence when gathering data on the situation within the affected area. The requirements of regulatory documents regarding information protection are outlined in the context of working with information sources located outside state jurisdiction. Conclusions are drawn concerning the potential use of such data within a comprehensive security system.*

Key words: *artificial intelligence, decision-making, information support, information protection, interaction algorithm.*

В современных условиях искусственный интеллект (ИИ) активно внедряется во все области деятельности современного общества. Его применение принципиально меняет функциональную структуру участия человека в тех или иных процессах, а также изменяет принципы использования информации, как основы принятия решений в том или ином виде деятельности [1].

При использовании ИИ в области принятия решений наиважнейшей его задачей является автоматизированный сбор данных аналитики о возможном (или свершившимся) событии в некой функционирующей структуре и влияния последствий этого события на цели функционирования данной структуры. Также от ИИ в идеале требуется не только оценка последствий, но и предложение вариантов решений, направленных на восстановление функционирования структуры.

Рассматривая возможности применения ИИ при принятии решений, важно учитывать масштаб охвата решением конкретной площади территории, с учетом её критической важности и количества населения, на ней находящегося. В системах национальной и региональной безопасности, полагаться на ИИ будет опрометчиво с точки зрения многообразия факторов, влияющих на безопас-

ность. Но при её обеспечении на муниципальном и, особенно на объектовом уровне, есть основания опираться на данные полученные при использовании ИИ.

Принципиально ИИ способен выполнить эту задачу, если в соответствующих базах данных будет необходимая информация, касающаяся свойств и параметров объекта, которые влияют на достижение системой безопасности целей функционирования. Можно представить базу данных, обрабатываемых ИИ, множеством:

$$Q_{\text{ИИ}} = \{q_1; q_2 \dots q_n\}$$

где:

q показатель параметра события;

n количество показателей.

Обработка ИИ этого множества, будет основой принятия решения на определенные действия, которые будут выполнены с определенной достоверностью I.

Между тем реальная обстановка будет характеризоваться множеством параметров, представляющим условную базу для принятия наиболее эффективного решения:

$$Q_{\text{РО}} = \{q_{\text{Р1}}; q_{\text{Р2}} \dots q_{\text{Р}n}\}$$

где:

qР реальный показатель параметра события;

nР количество показателей, оценивающих реальную обстановку.

Важно заметить, что для принятия обоснованных решений необходимо знать параметры обстановки, необязательно полностью соответствующие ей, но отклонения от их значений, не должны иметь влияния на общий замысел решения и пути достижения цели. Теоретически, для определения влияний отклонений параметров оценки обстановки, необходимо будет определить значимость отдельного показателя параметра ситуации:

$$i_n = \frac{q_n}{q_{\text{Р}n}} k_{\text{Э}n}$$

где:

kЭn показатель коэффициента веса параметра события, причем

$$\sum_{i=1}^{n} k_{\text{Э}n} = 1.$$

В этом случае достоверность оценки ситуации, а значит, её влияние на эффективность принимаемого решения будет определяться выражением:

$$I = \sum_{i=1}^{n} i_n$$

При взаимодействии человека с ИИ нет необходимости пользоваться сложными формулами, тем не менее, они отражают общие принципы использования данных, генерируемых ИИ на современном уровне его развития. Анализируя выражения (1-4) можно определить основные принципы взаимодействия пользователя с ИИ:

специалисты дежурных служб реагирования на ситуации, вызывающие отклонения функционирования системы от штатного состояния должны иметь определённые алгоритмы взаимодействия с ИИ при возникновении конкретной ситуации;

при сборе данных о последствиях произошедшего события важно определить количество параметров n, как по данным ИИ, так и при докладах о ситуации с мест и данным автоматических датчиков:

при оценке ситуации необходимо определить факторы с наибольшей (критической) степенью влияния на обстановку kЭn;

при недостатке информации о параметрах сложившейся ситуации q, необходимым представляется поиск этой информации по косвенным признакам, в том числе на основе данных, предоставляемых ИИ.

При разработке алгоритмов взаимодействия человека с ИИ, для достижения целей системы защиты населения и территорий, необходимо будет опираться на существующую нормативно-правовую базу.

В этой связи необходимо четко определить правовой статус роли ИИ в общей системе поддержки принятия решений [2]. В таких системах, на любом уровне их функционирования, ответственность за принятое решение лежит на

руководителе, который полномочен принять решение. Это положение существенно повышает требования к информации, предоставляемой ИИ и квалификации лиц, разрабатывающих проекты решений. Требование к ИИ как к источнику информации основывается на принципах её достоверности и своевременности. В современной реальности ИИ, как самообучающаяся система, должен проводить анализ эффективности принятых решений по аналогичным ситуациям и проецировать их на запросы пользователей, в соответствии с имеющимися запросами. При этом нельзя не учитывать возможность злоумышленной атаки сгенерированными данными на модели ИИ, в результате которых они могут быть изменены под цели организаторов атаки. Требование своевременности информации может быть выполнено, только при доступе обработки ИИ данных датчиков параметров обстановки, что не всегда возможно по нормативно-правовым или техническим причинам. Поэтому любые данные ИИ должны подвергаться критическому анализу и подтверждаться данными реальной оперативной обстановки.

Оценивая возможности ИИ, многими авторами отмечаются его возможности по прогнозированию происшествий, влияющих на системы безопасности [3]. В области защиты населения и территорий от чрезвычайных особенно важными являются решения направленные на опережение проявления опасного фактора. Такие решения основаны на непрерывном мониторинге и обоснованных прогнозах возникновения угроз. Согласно выражению (2) эффективность таких решений будет зависеть от числа показателей реальной обстановки nP, попавших в базу данных обработки ИИ. На объектовом и муниципальном уровнях, где число показателей сравнительно невелико, данные ИИ операторы дежурно-диспетчерских служб, могут соотнести с реальной обстановкой, в том числе используя накопленный профессиональный опыт. На более высоких уровнях функционирования систем безопасности, осмыслить оператором, все показатели, принятые для анализа ИИ, не представляется возможным, что может привести к неэффективному и ошибочному решению.

Важным аспектом взаимодействия пользователя с ИИ является защита информации, ввиду нахождения баз данных и средств их обработки вне юрисдикции государства. Защита информации, согласно приказу Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11.04.2025 № 117 предусматривает взаимодействие пользователя и ИИ в формате строго заданных шаблонно вопросов и ответов, при обеспечении контроля соответствия ответов, установленным оператором шаблонам [4]. Фактически аналогичные требования установлены и для взаимодействия в формате свободной текстовой формы, где устанавливаются допустимые тематики и ведётся контроль соответствия им запросов пользователей.

Анализируя вышеизложенное, следует заметить, что установленные шаблоны будут влиять на полноту и целостность данных, необходимых для принятия обоснованных решений. Учитывая возможности, предоставляемые ИИ, необходимо при разработке шаблонов, учитывать невозможность передачи на общедоступные серверы информации, которая может снизить общее состояние безопасности. Если рассматривать общение с ИИ, как два информационных потока – встречный от ИИ и направленный к ИИ от оператора, то первый необходимо подвергать критическому анализу, соотносясь с данными реальной обстановки, а второй завуалировано маскировать шаблонными запросами, имея целью максимально скрыть масштабы ущерба и реальное состояние защиты объекта.

Эффективность решения, сгенерированного ИИ, также будет зависеть от адекватности модели, на основе которой оно предлагалось. Обычно она основывается на возможностях сил и средств, которые можно привлечь для восстановления функционирования нарушенной системы. Часто их состав и возможности могут быть предметом защиты информации, и в связи с этим необходимо четкое разделение в запросах к ИИ, информации способной нанести ущерб системе со стороны внешних сил и информации исключающей такую возможность. Например, запрос о возможном времени расчистки определённого количества завалов, группировкой техники, может дать представление не только о составе этой группировки, но и степени поражения объекта, что может быть крайне нежелательным в определенных условиях. При этом запрос о возможностях конкретной единицы техники по вывозу массы завалов, не дает представления о разрушениях.

Рассматривая использование ИИ для информационной поддержки принятия решений, нельзя не сказать о его возможности самообучаться и предлагать решения на основе опыта восстановления функционирования нарушенных систем [5]. Его возможности в этом случае имеет смысл использовать для оценки принимаемых решений. Он может представить определенные (открыто распространяемые) документы, издаваемые для защиты населения от воздействия неблагоприятных факторов в аналогичной ситуации. Также с его помощью можно проводить мониторинг социальных сетей, в которых имелось

обсуждение последствий происшествия и реагирование на него органов управления. Для оценки применения ИИ в практике информационной поддержки принятия решений по обеспечению безопасности важно иметь анализ его применения в реальной обстановке. Имея определенные модели реагирования на происшествия и шаблоны обращений к ИИ, можно довольно точно оценить его составляющую в объёме информации, принятой к сведению при обосновании соответствующих решений. В этой связи необходима оценка возможностей ИИ в предоставлении информации в сроки, регламентированные руководящими документами.

Оценивая уровень современного развития ИИ и тенденции его использования в различных видах деятельности можно сделать следующие выводы:

возможности ИИ в обязательном порядке должны быть использованы при принятии решений в области;

возможности ИИ при подготовке принятия решений, целесообразно использовать на локальном уровне, на более высоких уровнях, можно получить неоправданный риск больших ошибок;

при разработке алгоритмов взаимодействия человека с ИИ, необходимо учитывать его главное достоинство – быстроту получения информации, с учетом критического её осмысления;

должностные лица органов управления, отвечающих за сбор информации о текущей обстановки, должны иметь утверждённые алгоритмы, взаимодействия с ИИ;

важной частью этого взаимодействия являются мероприятия защиты информации.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 15.02.2024 N 124 "О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом" /п.4.

[2] Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского уни¬верситета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32, № 6. С. 1094–1099.

[3] Газизов, А. Р. Роль искусственного интеллекта в улучшении обнаружения угроз / А. Р. Газизов, Р. Э. Хагуш // Педагогический вестник. – 2025. – № 36. – С. 13-15. – EDN ATQZCK.

[4] Приказ ФСТЭК России от 11 апреля 2025 г. № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» /п.60.

[5] Ищейнов В.Я. Применение искусственного интеллекта в информационной безопасности/ Журнал Делопроизводство – 2024, № 2, с. 90–93.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation No. 124 dated February 15, 2024, "On Amendments to Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019, 'On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation' and to the National Strategy Approved by Said Decree," Clause 4.

[2] Minbaleev A. V. The Concept of "Artificial Intelligence" in Law // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law." 2022. Vol. 32, No. 6. P. 1094–1099.

[3] Gazizov, A. R. The Role of Artificial Intelligence in Improving Threat Detection / A. R. Gazizov, R. E. Khagush // Pedagogical Bulletin. – 2025. – No. 36. – P. 13–15. – EDN ATQZCK.

[4] Order of the FSTEC of Russia No. 117 dated April 11, 2025, "On Approval of Requirements for the Protection of Information Contained in State Information Systems and Other Information Systems of State Bodies, State Unitary Enterprises, and State Institutions" / Clause 60.

[5] Ishcheynov V.Ya. Application of Artificial Intelligence in Information Security / *Deloproizvodstvo* Journal – 2024, No. 2, pp. 90–93.

- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-79-86
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

СТРЕЛЬНИКОВА А.А.,
студент кафедры «Системы автоматизированной поддержки принятия решений» Тамбовского государственного технического университета,
e-mail: n.strelnikova06@yandex.ru

СЕЛЕЗНЁВ А.В.,
доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Тамбовского государственного технического университета, кандидат технических наук, доцент,
e-mail: kriminalistik@rambler.ru

ТЕРЕХОВ А.В.,
доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Тамбовского государственного технического университета, кандидат технических наук, доцент,
e-mail: a_l_e_x_68@mail.ru

ДНК-ФЕНОТИПИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу ДНК-фенотипирования – технологии прогнозирования внешних признаков человека по следам биологического происхождения, изъятым в ходе расследования преступлений. Рассмотрены генетические основы пигментации глаз, волос и кожи, а также морфологии лица; охарактеризованы системы HIrisPlex-S, Parabon Snapshot и Diffface – от валидированных в криминалистической практике тест-систем до исследовательских моделей реконструкции лица. Проанализированы практика применения и правовое регулирование технологии в США, Нидерландах, Германии, Великобритании и Китае. Отдельное внимание уделено правовым и этическим проблемам, связанным с обработкой генетических данных, риском дискриминации по этническому признаку и вероятностным характером выводов эксперта. На основе сопоставления зарубежного регулирования с российским законодательством (УПК РФ, федеральные законы «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и «О персональных данных») сформулированы предложения по адаптации технологии к отечественной правоприменительной практике: направления совершенствования уголовно-процессуального регулирования, требования к научно-технической базе экспертных учреждений и подготовке кадров. Сделан вывод о том, что внедрение ДНК-фенотипирования в России возможно только при условии одновременного развития правовой базы, методической валидации и этических гарантий защиты прав граждан.*

Ключевые слова: *ДНК-фенотипирование, генетический фоторобот, криминалистика, судебная экспертиза, молекулярная генетика, внешние признаки человека, HIrisPlex-S, генетические данные, персональные данные.*

STRELNIKOVA A.A.,
Student of the Department «Systems of Automated Decision Support» at Tambov State Technical University

SELEZNEV A.V.,
Associate Professor of the Department «Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence» at Tambov State Technical University, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

TEREKHOV A.V.,
Associate Professor of the Department «Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence» at Tambov State Technical University, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

DNA PHENOTYPING AS A TOOL FOR FORENSIC PROFILING: FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR APPLICATION IN RUSSIA

Annotation. *The article analyses DNA phenotyping – a technology for predicting a person's externally visible characteristics from traces of biological origin collected during crime investigations. It examines the genetic basis of eye, hair and skin pigmentation and of facial morphology, and describes the HIrisPlex-S, Parabon Snapshot and Difface systems, ranging from forensically validated test systems to research models of facial reconstruction. The practice and legal regulation of the technology in the USA, the Netherlands, Germany, the United Kingdom and China. Special attention is paid to the legal and ethical problems associated with the processing of genetic data, the risk of discrimination on ethnic grounds, and the probabilistic nature of expert conclusions. Based on a comparison of foreign regulation with Russian legislation (the Criminal Procedure Code, the Federal Laws «On State Genomic Registration in the Russian Federation» and «On Personal Data»), proposals are formulated for adapting the technology to domestic law enforcement practice: directions for improving criminal procedure regulation, requirements for the scientific and technical base of expert institutions, and personnel training. It is concluded that the introduction of DNA phenotyping in Russia is possible only if the legal framework, methodological validation and ethical safeguards for citizens' rights are developed simultaneously.*

Key words: *DNA phenotyping, genetic photofit, forensic science, forensic examination, molecular genetics, externally visible characteristics, HIrisPlex-S, genetic data, personal data.*

Современная криминалистика переживает период активной технологической трансформации, связанной с внедрением достижений молекулярной генетики в практику раскрытия и расследования преступлений [1]. Традиционные методы идентификации личности – дактилоскопия, визуальное опознание, составление субъективных портретов со слов очевидцев – дополняются генетическими технологиями, которые способны работать там, где свидетелей и записей камер наблюдения попросту нет. Одной из наиболее перспективных инноваций последних полутора десятилетий стало прогнозирование внешности человека по оставленным им следам ДНК – так называемый генетический фоторобот [2]. Строго говоря, это не портрет в традиционном смысле, а вероятностная оценка внешне выраженных признаков, которая служит ориентирующей информацией для розыска.

Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения раскрываемости преступлений в ситуациях, когда на месте происшествия обнаружены следы биологического происхождения – кровь, слюна, волосы, – но отсутствуют свидетели, видеозаписи или пригодные для идентификации отпечатки пальцев. Именно в таких случаях ДНК-фенотипирование может стать единственным источником сведений о внешности лица, оставившего след, и позволить сузить круг поиска.

Научные основания ДНК-фенотипирования заложены в исследованиях М. Кайзера, Ф. Луи, С. Уолш и ряда других зарубежных генетиков, которые последовательно изучали связь отдельных участков генома с внешне различимыми признаками человека [3; 4]. В отечественной литературе вопросы использования генетических методов в криминалистике рассматривались неоднократно, однако работ, специально посвящённых именно фенотипированию (а не ДНК-идентификации), пока немного [2; 5; 6]. В ряду методов профилирования неустановленного лица по следам преступления [7; 8] ДНК-фенотипирование выделяется тем, что опирается на объективные биологиче-

ские данные.

Цель статьи – комплексный анализ технологии ДНК-фенотипирования и оценка перспектив её применения при расследовании преступлений в России. Для достижения цели поставлены следующие задачи: рассмотреть научные основы метода и существующие системы генетического прогнозирования внешности; проанализировать зарубежный опыт применения и правового регулирования технологии; выявить правовые и этические ограничения; сформулировать предложения по адаптации технологии в российской правоприменительной практике.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой метод (при анализе зарубежных моделей регулирования), формально-юридический анализ российского законодательства и анализ научной литературы. Эмпирической базой стали публикации российских и зарубежных исследователей в области молекулярной генетики и судебной экспертизы, материалы разработчиков систем фенотипирования, а также нормативные правовые акты Российской Федерации и зарубежных государств.

ДНК-фенотипирование – это технология прогнозирования фенотипических признаков человека, прежде всего внешности, на основе анализа его генетического материала. В отличие от традиционной ДНК-идентификации, которая устанавливает личность путём сравнения генетических профилей и предполагает наличие образца сравнения или профиля в базе данных, фенотипирование позволяет получить сведения о внешности даже тогда, когда профиль неизвестного лица нигде не зарегистрирован: эксперт работает не со сравнением, а с прогнозом.

Внешность человека – результат сложного взаимодействия множества генов и факторов окружающей среды. Наиболее изученным аспектом в этой области является пигментация. В частности, цвет глаз во многом зависит от работы генов HERC2 и OCA2: HERC2 регулирует активность OCA2, который отвечает за выработку меланина в радужной оболочке. Для прогнозирования цвета глаз широко применяется модель IrisPlex, анализирующая шесть генетических маркеров (SNP) в генах HERC2, OCA2, SLC24A4, SLC45A2, TYR и IRF4. Точность определения голубого и карего цветов с её помощью составляет 90–95 %, однако прогнозирование промежуточных оттенков (зелёного, орехового) остается менее достоверным [3; 9].

Пигментация волос, в отличие от цвета глаз, определяется более сложной комбинацией генов, среди которых существенное значение имеют MC1R, TYR, TYRP1 и SLC45A2 [10]. Вклад отдельных вариантов MC1R особенно заметен при формировании рыжего фенотипа, поскольку они связаны с изменением соотношения феомеланина и эумеланина. Возможности системы HIrisPlex для разных оттенков волос так же неодинаковы: наиболее устойчивые результаты (порядка 80–90 %) получены для чёрного и рыжего цветов, тогда как при промежуточной пигментации точность прогноза снижается до 60–70 % [3].

Генетические факторы участвуют и в формировании структуры волос: с толщиной волоса и особенностями его завитка связывают варианты генов EDAR, FGFR2 и TCHH. Вместе с тем для EDAR характерна выраженная популяционная специфика: вариант, влияющий на толщину волоса, преобладает у представителей Восточной Азии [9].

Для определения оттенка кожи также используется совокупность генетических маркеров, в частности SLC24A5, SLC45A2, TYR, OCA2 и HERC2. Значение отдельных вариантов зависит от популяции: например, А. В. Чемерис с соавторами выделяют в европейских популяциях маркеры SLC24A5, которые рассматриваются как одни из наиболее информативных. При этом совокупная точность прогноза оттенка кожи оценивается примерно в 70–85 % [10].

Значительно сложнее задача прогнозирования морфологии лица: на её формирование одновременно влияют большое число генов и факторы среды. Тем не менее, как отмечают И. А. Кубасов и О. О. Уманцева, выявлены устойчивые ассоциации ряда генов (в частности, PAX3, PRDM16, RUNX2, DCHS2, GLI3, PAX1 и TP63) с морфологией отдельных областей лица, прежде всего носа [9]. Эти сведения являются важнейшими для систем нового поколения, которые пытаются выйти за рамки оценки пигментации и перейти к комплексной реконструкции внешности.

Наиболее известной и валидированной системой ДНК-фенотипирования пигментации остаётся HIrisPlex-S – разработка международной группы исследователей под руководством профессора Манфреда Кайзера (Erasmus University Medical Center, Нидерланды), объединившая ранее созданную систему HIrisPlex для прогнозирования цвета глаз и волос с модулем прогнозирования цвета кожи [3]. Система работает по единой схеме: из биологического образца – крови, слюны, волос или костной ткани – выделяется ДНК, целевые участки амплифицируются методом полимеразной цепной реакции, после чего проводится генотипирование методом мультиплексной минисеквенирующей реакции (SNaPshot) либо с помощью секвенирования нового поколения. Полученные генотипы обрабатываются статистической моделью на основе логистической регрессии, а на выходе эксперт получает не категорич-

ное утверждение, а вероятностный прогноз для каждого признака – например, «вероятность голубого цвета глаз составляет 91 %» (рис. 1) [9].

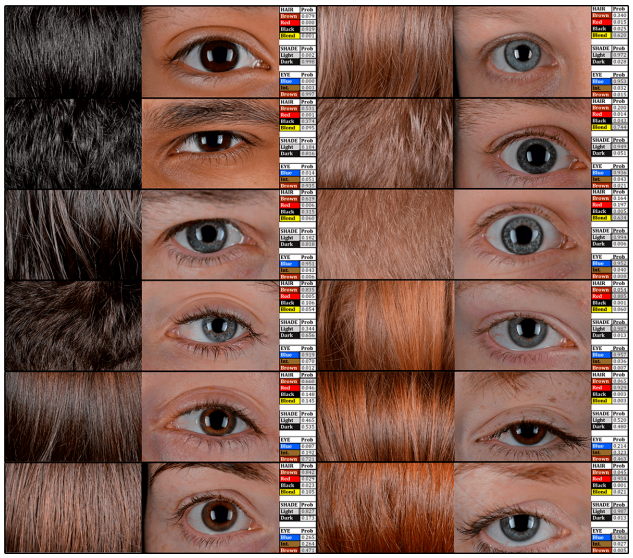

Рис. 1. Пример вероятностного прогноза цвета волос и глаз (система HIrisPlex – предшественник HIrisPlex-S) [4].

Более широкий подход реализован в сервисе Snapshot DNA Phenotyping, разработанном американской компанией Parabon NanoLabs. В отличие от систем, ориентированных прежде всего на пигментацию, Snapshot использует существенно большее число маркеров – сотни тысяч SNP – и применяет методы машинного обучения для установления связей между генотипом и признаками внешности. Сервис прогнозирует не только пигментацию, но также веснушчатость, морфологию лица и биогеографическое происхождение; итоговый композитный портрет строится при заданных следствием возрасте и индексе массы тела. По информации разработчиков, технология применялась в значительном числе уголовных расследований, включая дела о преступлениях, совершённых задолго до проведения генетического анализа [2].

Существенное значение для дальнейшего развития метода имеет применение технологий секвенирования нового поколения (NGS), в том числе платформ Illumina и Ion Torrent. Их использование расширяет возможности анализа образцов с малым количеством или выраженной деградацией ДНК.

Принципиально новый этап – модели, которые реконструируют трёхмерное изображение лица непосредственно по геномным данным, минуя отдельное прогнозирование каждого признака. Ещё в 2019 г. группа Д. Серо продемонстрировала возможность сопоставления генетических данных и трёхмерных сканов лица с помощью методов машинного обучения (классификаторов «лицо – ДНК») [2].

Дальнейшее развитие подхода представлено моделью Diffface, разработанной в Китайской академии наук. При обучении на выборке из 9674 добровольцев ханьской национальности средняя ошибка реконструкции только по ДНК составила около 3,5 мм; при добавлении сведений о возрасте, поле и индексе массы тела она снизилась до 2,9 мм. Следует подчеркнуть, что Diffface остаётся исследовательской разработкой, обученной на этнически однородной выборке; сведения о её криминалистической валидации и использовании в следственной практике в открытых источниках отсутствуют.

Знаковым для практики генетического розыска в целом стало дело «Golden State Killer». В США в 2018 году генеалогический поиск по открытым базам данных помог установить личность Джозефа Деанджело, совершившего в 1970–1980-х годах серию убийств и изнасилований. Решающим инструментом розыска в этом деле послужила именно генетическая генеалогия, а не фенотипирование, однако оно привлекло внимание правоохранительных органов к возможностям генетических методов [11].

Нидерланды одними из первых в Европе закрепили возможность ДНК-фенотипирования в уголовно-процессуальном законодательстве: действующие нормы допускают определение цвета глаз, волос и кожи. Эта же страна остаётся научным центром разработки систем HIrisPlex и HIrisPlex-S [3]. Показательно, что в отличие от Германии голландское законодательство допускает и определение биогеографического происхождения, что делает вопрос о рисках этнического профилирования особенно актуальным.

В Великобритании специального закона о ДНК-фенотипировании нет: использование генетической информации в уголовном процессе регулируется общими нормами, а порядок хранения биологических образцов и ДНК-профилей – Законом о защите свобод 2012 г. (Protection of Freedoms Act 2012) [11]. Подходы разных государств к правовому регулированию ДНК-фенотипирования заметно различаются. В Германии ограничения установлены особенно жёстко: изменениями 2019 года допущено определение лишь цвета глаз, волос и кожи, а также возраста; определение биогеографического происхождения и реконструкция черт лица в перечень допустимых исследований не вошли. Такой подход связывают со стремлением минимизировать риски дискриминации и чрезмерного расширения возможностей генетического профилирования [5]. В Китае параллельно развиваются исследования азиатских фенотипов и соответству-

ющие вычислительные модели (в том числе рассмотренная выше Difface). Одной из задач этого направления является снижение зависимости результатов от выборок, сформированных преимущественно на данных европейских популяций [2].

Центральной проблемой дискуссии остается конфиденциальность. Генетическая информация содержит сведения не только о внешности, но и о предрасположенности к заболеваниям, родственных связях и происхождении. Утечка или несанкционированное использование таких данных создаёт риски, существенно более серьёзные, чем при работе с обычной персональной информацией [11].

Не менее существенна проблема точности. ДНК-фенотипирование даёт вероятностный, а не категоричный результат. Ошибочное прогнозирование может привести как к необоснованному обвинению непричастного, так и к уходу от ответственности действительного преступника; кроме того, обнаруженный на месте происшествия след может принадлежать лицу, не имеющему отношения к преступлению. Отсюда необходимость строгих стандартов валидации методик и чётких критериев допустимости подобных заключений в качестве судебных доказательств [12]. Вместе с тем часть авторов полагает, что этические возражения против метода преувеличены, а надёжность прогнозов ряда внешних признаков (цвета глаз и волос, пигментации кожи, приблизительного возраста) достаточно высока [6].

Отдельного внимания заслуживает вопрос информированного согласия. В большинстве случаев ДНК-фенотипирование применяется к образцам, изъятым с места происшествия, без согласия лица, которому принадлежит ДНК. Это ставит вопрос о пределах права на генетическую приватность человека, который ещё не признан виновным и не обязательно причастен к преступлению. С этим соседствует проблема сроков и порядка хранения генетических профилей, доступа к соответствующим базам данных и возможности их использования в иных целях – научных исследованиях или медицинской диагностике.

В России ДНК-фенотипирование находится на начальной стадии развития. Если опираться на данные отечественной литературы, отдельные исследования в этой области ведутся в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России и научных подразделениях Следственного комитета РФ, однако практическое применение технологии пока ограничено единичными случаями и не носит системного характера. Действующее российское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих именно ДНК-фенотипирование. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 195–207) регулирует порядок назначения и производства судебных экспертиз, включая генетические, но не учитывает специфику вероятностных фенотипических заключений [13]. Федеральный закон № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» определяет геномную информацию как биометрические персональные данные, включающие кодированную информацию об определённых фрагментах ДНК (п. 3 ст. 1), и допускает её использование в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений (ч. 2 ст. 14) [14]. Вместе с тем этот закон ориентирован на идентификацию личности (ст. 2), а возможность получения по биологическим следам сведений о внешности им прямо не урегулирована; кроме того, ч. 2 ст. 13 допускает использование биологического материала лишь для получения геномной информации в целях, предусмотренных ст. 14, что требует уточнения применительно к определению внешне выраженных признаков. Общие требования к обработке биометрических персональных данных содержатся в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ст. 11) [15], однако порядок получения и использования таких данных применительно к следам с места происшествия он не описывает.

Подобное вмешательство в генетическую приватность затрагивает права, гарантированные ч. 1 ст. 23 и ст. 24 Конституции РФ, и в силу ч. 3 ст. 55 Конституции допустимо только на основании федерального закона и лишь в той мере, в какой это необходимо для достижения конституционно значимых целей; особую остроту вопросу придаёт то, что генетические данные раскрывают информацию не только о самом лице, но и о его родственниках [16]. Для внедрения технологии в российскую практику необходимо прежде всего определить процессуальные основания и порядок назначения соответствующего исследования, а также правила оценки его результатов. Одновременно требуется установить пределы допустимого прогнозирования. Одним из возможных вариантов является использование метода только при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 15 УК РФ) [17] и ограничение работы с чувствительными признаками, прежде всего с данными об этническом происхождении, по аналогии с немецким подходом [5]. Отдельно должны быть урегулированы вопросы хранения биологических образцов и полученных профилей, в том числе сроки их хранения и уничтожения. В дальнейшем может потребоваться создание национальной референсной базы фенотипических данных.

Одним из практических препятствий для внедрения технологии является недостаточная материально-техническая обеспеченность [18].

Речь идёт не только о приобретении оборудования, но и о разработке программных решений, использующих референсные базы, соответствующие популяционной структуре населения России [19], поскольку существующие модели валидированы преимущественно на европейских выборках. Не менее важна подготовка специалистов: соответствующие методы и ограничения их применения целесообразно включать в программы профессиональной переподготовки экспертов экспертно-криминалистических подразделений МВД России и Следственного комитета РФ. На первоначальном этапе целесообразно ограничить практическое применение технологии пилотными проектами. Например, А. А. Рудавин и Д. В. Теткин предлагают сосредоточить такие проекты на расследовании тяжких преступлений прошлых лет и установлении личности неопознанных останков [5]. Это позволило бы накопить собственный практический материал и одновременно проверить процессуальные и методические процедуры до их более широкого использования. Существенным фактором остаётся стоимость необходимой инфраструктуры, которая потребует значительных бюджетных затрат.

Отдельная проблема связана с процессуальным статусом результатов ДНК-фенотипирования. Гл. 27 УПК РФ не дифференцирует процедуры для традиционной ДНК-идентификации и вероятностного фенотипирования, что создаёт правовой пробел при оценке доказательственной силы таких заключений в соответствии со ст. 88 УПК РФ [13]. Поскольку метод формирует вероятностный прогноз и не устанавливает тождества конкретного человека, полученные сведения не могут рассматриваться как прямой аналог результата геномной идентификации. В связи с этим представляется обоснованным разграничивать ориентирующую информацию, используемую для сужения круга поиска, и доказательства, непосредственно подтверждающие принадлежность биологического следа определённому лицу [8]. Соответственно, изменения УПК РФ целесообразно направить на закрепление за фенотипическими заключениями статуса ориентирующей информации, определение порядка назначения такой экспертизы и установление требований к содержанию заключения эксперта (ст. 204 УПК РФ), в том числе к форме выражения вероятностных выводов. Таким образом, ДНК-фенотипирование вышло за рамки исключительно экспериментальных исследований и используется в ряде стран как дополнительный инструмент криминалистического поиска. Вместе с тем возможности метода неодинаковы для различных признаков: прогнозирование пигментации сегодня разработано значительно лучше, чем восстановление индивидуальных черт лица. Зарубежная практика применения HIrisPlex-S и Parabon Snapshot, а также исследовательские разработки типа Difface показывают перспективность технологии, но одновременно выявляют ряд ограничений, связанных с точностью прогнозов, особенностями исходных выборок и правовыми последствиями использования генетической информации.

Применительно к России технология находится на стадии начальной институционализации [5]: отсутствуют специальное правовое регулирование и развитая приборная база. Представляется, что успешная имплементация технологии требует синхронного развития нормативной базы, методической валидации и этических гарантий защиты прав граждан. При соблюдении баланса между эффективностью расследования и защитой прав граждан ДНК-фенотипирование способно стать значимым инструментом отечественной криминалистики, прежде всего при работе с тяжкими нераскрытыми преступлениями и неопознанными останками.

Список литературы:

[1] Лавелина, В. В. Роль исследования ДНК в криминалистике: вчера, сегодня, завтра / В. В. Лавелина // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 3. С. 35–38.

[2] Юрьева, К. О. Краткий обзор последних достижений ДНК-фенотипирования в криминалистике / К. О. Юрьева // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2024. № 2(56). С. 183–189.

[3] Walsh S., Liu F., Wollstein A. [et al.] The HIrisPlex system for simultaneous prediction of hair and eye colour from DNA // Forensic Science International: Genetics. 2013. Vol. 7, № 1. P. 98–115.

[4] Kayser M. Forensic DNA phenotyping: predicting human appearance from crime scene material for investigative purposes // Forensic Science International: Genetics. 2015. Vol. 18. P. 33–48.

[5] Рудавин, А. А. Организационно-правовые возможности использования метода криминалистического ДНК-фенотипирования в практике раскрытия и расследования преступлений / А. А. Рудавин, Д. В. Теткин // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 3. С. 74–79.

[6] Использование ДНК-фенотипирования при расследовании преступлений: криминалистический и этический аспекты / А. В. Чемерис, А. Ф. Халиуллина, И. А. Макаренко [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 5. С. 522–532. DOI 10.17150/2500-4255. 2024.18(5).522-532..

[7] Гайфуллина, А. Р. Применение ме-

тода профайлинга в криминалистике / А. Р. Гайфуллина // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2026. № 1(29). С. 187–197. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.29.14..

[8] Аминев, Ф. Г. Цифровое криминалистическое моделирование неустановленных преступников по следам преступлений / Ф. Г. Аминев, А. В. Чемерис, А. Ф. Халиуллина // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 5. С. 545–553.

[9] Кубасов, И. А. О разработке моделей поддержки принятия решений, используемых для установления фенотипических признаков человека на основе анализа его ДНК / И. А. Кубасов, О. О. Уманцева // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2025. № 2. С. 104–110.

[10] Генетические проблемы ДНК-портретирования как части ДНК-фенотипирования: обзор / А. В. Чемерис, А. А. Халиков, Р. Р. Гарафутдинов [и др.] // Судебная медицина. 2024. Т. 10, № 3. С. 398–410. DOI 10.17816/fm16167.

[11] Рачева, Н. В. ДНК-фенотипирование и криминалистика: перспективы сотрудничества / Н. В. Рачева, Н. О. Костин // Технологии XXI века в юриспруденции : Материалы четвёртой международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20 мая 2022 года / Отв. редактор: Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2022. С. 250–259.

[12] Кубасов, И. А. Разработка методов ДНК-фенотипирования для расследования и раскрытия преступлений / И. А. Кубасов // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 166–172.

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[14] О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 49. Ст. 5740.

[15] О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

[16] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

[17] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[18] Васильченко, А. В. Перспективы развития ДНК-исследований при раскрытии и расследовании преступлений / А. В. Васильченко // Актуальные вопросы расследования преступлений в условиях развития цифровых технологий : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры криминалистики и кафедры уголовного процесса, Уфа, 17 октября 2025 года. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2025. С. 73–76.

[19] Пилякин, М. И. К вопросу о развитии ДНК-криминалистики / М. И. Пилякин, Р. Х. Кушхов, И. Х. Еркеев // Евразийский юридический журнал. 2024. № 7 (194). С. 413–415.

References:

[1] Lavelina, V.V. The role of DNA research in forensics: yesterday, today, tomorrow / V.V. Lavelina // Forensic examination and research. 2022. № 3. S. 35-38.

[2] Yurieva, K. O. A brief overview of the latest achievements of DNA phenotyping in forensics / K. O. Yurieva // Issues of criminology, forensics and forensic expertise. 2024. № 2(56). S. 183-189.

[3] Walsh S., Liu F., Wollstein A. [et al.] The HIrisPlex system for simultaneous prediction of hair and eye colour from DNA // Forensic Science International: Genetics. 2013. Vol. 7, № 1. P. 98–115.

[4] Kayser M. Forensic DNA phenotyping: predicting human appearance from crime scene material for investigative purposes // Forensic Science International: Genetics. 2015. Vol. 18. P. 33–48.

[5] Rudavin, A. A. Organizational and legal possibilities of using the method of forensic DNA phenotyping in the practice of solving and investigating crimes / A. A. Rudavin, D. V. Tetkin // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. № 3. S. 74-79.

[6] The use of DNA phenotyping in the investigation of crimes: forensic and ethical aspects / A. V. Chemeris, A. F. Khaliullina, I. A. Makarenko [et al.] // All-Russian Criminological Journal. 2024. VOL. 18, NO. 5. S. 522-532. DOI 10.17150/2500-4255. 2024.18(5).522-532..

[7] Gaifullina, A. R. Application of the profiling method in forensics / A. R. Gaifullina // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2026. № 1(29). S. 187-197. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.29.14..

[8] Aminev, F. G. Digital forensic modeling of unidentified criminals following the traces of crimes / F. G. Aminev, A. V. Chemeris, A. F. Khaliullina // All-Russian Criminological Journal. 2025. VOL. 19, NO. 5. S. 545-553.

[9] Kubasov, I. A. On the development of decision support models used to establish phenotypic signs of a person based on the analysis of his DNA / I. A. Kubasov, O. O. Umantseva // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2025. № 2. S. 104-110.

[10] Genetic problems of DNA portraiture as part of DNA phenotyping: review / A. V. Chemeris, A. A. Khalikov, R. R. Garafutdinov [et al.] // Forensic medicine. 2024. VOL. 10, NO. 3. S. 398-410. DOI 10.17816/fm16167.

[11] Racheva, N.V. DNA phenotyping and forensics: prospects for cooperation / N.V. Racheva, N.O. Kostin // Technologies of the XXI century in jurisprudence: Materials of the fourth international scientific-practical conference, Yekaterinburg, May 20, 2022 / Otv. editor: D.V. Bakhteev. - Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University," 2022. S. 250-259.

[12] Kubasov, I. A. Development of DNA phenotyping methods for investigating and solving crimes/I. A. Kubasov // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2. S. 166-172.

[13] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 26.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[14] On state genomic registration in the Russian Federation: Federal Law of 03.12.2008 No. 242-FZ (as amended on 08.03.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 49. Art. 5740.

[15] On Personal Data: Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ (as amended on 26.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3451.

[16] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

[17] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 13.06.1996 dated 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[18] Vasilchenko, A.V. Prospects for the development of DNA research in the disclosure and investigation of crimes / A.V. Vasilchenko // Actual issues of investigating crimes in the development of digital technologies: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Criminalistics and the Department of Criminal Procedure, Ufa, October 17, 2025. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. S. 73-76.

[19] Pilyakin, M. I. On the development of DNA forensics / M. I. Pilyakin, R. Kh. Kushkhov, I. Kh. Erkeev // Eurasian Law Journal. 2024. № 7 (194). S. 413-415.

- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-87-91
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ГАБИТОВ Каир Нурутдинович,
Аспирант Дагестанского государственного университета,
e-mail: Gabitov.kair@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются конституционно-правовые основы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Дана оценка эффективно их взаимодействия на практике. Кроме того, в статье проанализированы существующие пробелы правового регулирования в вопросе взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти.*

Ключевые слова: *публичная власть, организация публичной власти, органы местного самоуправления, органы государственной власти, государственный контроль, административно-правовые отношения, основы конституционного строя.*

GABITOV Kair Nurutdinovich,
Postgraduate Student, Dagestan State University

CONCEPT AND FEATURES OF INTERACTION BETWEEN LOCAL GOVERNMENT BODIES AND STATE AUTHORITIES

Annotation. *This article examines the constitutional and legal foundations for interaction between state and local government bodies. An assessment of the effectiveness of their interaction in practice is provided. Furthermore, the article analyzes existing gaps in legal regulation regarding interaction between local government and state authorities.*

Key words: *public authority, organization of public authority, local government bodies, state authorities, state control, administrative-legal relations, foundations of the constitutional system.*

Публичная власть во все времена играла важнейшую роль в организации управления обществом. В последнее время ввиду большого количества вызов, с которыми сталкивается Россия, публичная власть приобретает важнейший приоритет. Органы местного самоуправления имеют большую значимость для разрешения вопросов местного значения, решения которых помогают достигать общенациональных государственных целей. Между тем их деятельность очень тесно связана с органами государственной власти, которые зачастую курируют деятельность местного самоуправления. Такая деятельность позволяет государству наиболее эффективно достигать поставленных задач. Именно важность взаимодействия органов местного самоуправления придает актуальность изучению этого вопроса.

Институт публичной власти в российском законодательстве демонстрирует в последние годы поступательную динамику развития, и многие его сущностные характеристики получили достаточно детальную нормативную регламентацию. Вместе с тем отдельные концептуальные элементы до сих пор остаются за рамками законодательного осмысления. К числу таких недостаточно прояснённых категорий относится, в частности, понятие взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления [1].

В определении единой системы публичной власти, закреплённой в Федеральном законе от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», законодатель не ограничился перечислением структурных элементов

данной системы и целевых ориентиров её функционирования [8]. В указанном нормативном акте также акцентируется необходимость налаживания эффективного взаимодействия между различными уровнями публичной власти в целях повышения благосостояния населения. Все это также напрямую вытекает из части 3 статьи 132 Конституции РФ, которая закрепляет, что: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Таким образом, совместная деятельность органов публичной власти прежде всего должна быть направленна на улучшение жизни граждан [9].

Прежде чем приступать к рассмотрению особенностей взаимодействия ОМСУ и ФОИВ хотелось бы дать определение их системе взаимодействие. Понятие взаимодействия в широком смысле может быть интерпретировано как наличие взаимных связей, совместная деятельность либо взаимоотношения между субъектами, направленные на достижение общих целей. Применительно к системе публичной власти под взаимодействием предлагается понимать связь между органами государственной и муниципальной власти, в рамках которой происходит одновременное изменение состояния нескольких властных субъектов в процессе их коллективной деятельности, ориентированной на эффективное решение задач в целях повышения благосостояния граждан. Иными словами, взаимодействие уровней публичной власти представляет собой процесс, нацеленный на установление закономерных связей между соответствующими органами для выработки действенного механизма коллективных решений, необходимых как для функционирования государства, так и для улучшения уровня жизни населения.

При анализе взаимодействия органов публичной власти следует в первую очередь отметить, что государственные структуры и органы местного самоуправления решают общие задачи: они обеспечивают защиту прав и свобод человека и гражданина, создают условия для достойной жизни и труда, способствуют повышению благосостояния народа. Указанное взаимодействие должно характеризоваться следующими признаками:

во-первых, это обязательная активная деятельность по реализации собственных прав и полномочий для разрешения вопросов, отнесённых к ведению взаимодействующих органов;

во-вторых, деятельность носит двусторонний характер, предполагая обоюдную совместную работу органов государственной власти и местного самоуправления, направленную на решение конкретных вопросов в интересах населения;

в-третьих, в таком взаимодействии не должно быть главной или подчинённой стороны — оно должно строиться на равноправной, партнёрской основе с учётом статуса каждого органа и быть ориентированным на достижение общего результата;

в-четвёртых, необходимо наличие чётко определённых целей, ради которых и осуществляется совместная деятельность органов разных уровней публичной власти.

Обобщая изложенное, можно заключить, что взаимодействие государственной власти и муниципальных органов обусловливается непосредственно характером деятельности и находится в прямой зависимости от её целей и задач. Следовательно, речь идёт о разграничении полномочий органов власти в процессе решения конкретных вопросов с учётом имеющихся ресурсов и применяемых механизмов.

При этом следует учитывать, что взаимодействие не всегда предполагает исключительно согласованное функционирование [2]. В его рамках допустимо наличие различных целевых установок, самостоятельность интересов, полномочий и функций. Тем не менее основное предназначение взаимодействия государственной и местной власти состоит в обеспечении коммуникации между органами в установленном законодательством порядке для реализации закреплённой компетенции в интересах населения. Именно поэтому для достижения конечного результата необходима скоординированная деятельность этих органов власти.

После того как мы рассмотрели общие принципы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, на наш взгляд, необходимо подробнее остановиться и рассмотреть вопрос того в каких формах может проходить эти взаимодействия. Анализ форм взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления позволяет выделить несколько ключевых направлений их совместной деятельности:

Во-первых, взаимодействие может инициироваться непосредственно государственными структурами. В данном случае оно выражается в оказании методической поддержки муниципальным образованиям, а также в наделении их отдельными государственными полномочиями. Помимо этого, важным элементом выступает контроль со стороны государства за тем, насколько органы местного самоуправления и их должностные лица соблюдают законодательство и надле-

жащим образом исполняют переданные им функции.

Во-вторых, активная роль в выстраивании взаимодействия принадлежит и самому местному самоуправлению. Это проявляется в нормотворческой деятельности представительных органов муниципалитетов, в их праве вносить законопроекты в законодательные органы субъектов Российской Федерации, а также в разработке и принятии программ, направленных на развитие местного самоуправления.

В-третьих, возможна совместная реализация взаимодействия, когда обе стороны участвуют в заключении контрактов, выполнении координационных функций и создании общих координационных, консультативных или совещательных структур.

Особое место среди перечисленных форм занимает государственный контроль за деятельностью местного самоуправления. Он осуществляется по двум основным направлениям: проверка соблюдения законности и контроль за выполнением переданных муниципалитетам государственных полномочий [7].

Не менее значимой формой взаимодействия является передача отдельных государственных полномочий на муниципальный уровень, что, как правило, сопровождается выделением необходимых финансовых средств. Однако, несмотря на достаточно детальную законодательную регламентацию, на практике сохраняется ряд проблем. В частности, отсутствуют чёткие ограничения относительно объёма передаваемых полномочий, а также не всегда удаётся корректно определить достаточный объём ресурсов для их реализации. Это порождает трудности, связанные с определением пределов таких полномочий, а также с финансовой и кадровой перегрузкой местных органов власти, что свидетельствует о недостаточной правовой урегулированности процессов передачи и контроля за исполнением государственных полномочий [3].

Характер взаимодействия государственной и муниципальной власти также напрямую зависит от того, каким образом организована система публичной власти в целом. В этой связи принято выделять три базовые модели построения такого взаимодействия: административную, децентрализованную и смешанную. Каждая из них отражает степень самостоятельности местного самоуправления, объём контрольных полномочий государства и принципы распределения компетенций между уровнями публичной власти.

Административная модель предполагает жесткий контроль со стороны государственной власти над деятельностью муниципальных органов, а также интеграцию местного самоуправления в систему государственной власти в качестве отдельного институционального элемента. Децентрализованная модель, напротив, характеризуется самостоятельным осуществлением полномочий каждым уровнем власти; в данном случае государственные и муниципальные органы сосуществуют как два независимых уровня публичной власти, при этом влияние государства на местные структуры минимально. Смешанная модель предполагает, что контроль за деятельностью местного самоуправления ограничивается лишь теми государственными полномочиями, которые были делегированы муниципалитетам, а уровни публичной власти выступают как равноправные партнеры.

Российская модель взаимодействия, на наш взгляд, тяготеет к смешанному типу. Несмотря на конституционное положение о независимости местного самоуправления (ст. 12 Конституции РФ), на практике оно остается подконтрольным государству и в определенной степени зависимым от него. Вместе с тем самостоятельность уровней публичной власти не является абсолютной и ограничивается как конституционными нормами, так и вытекающими из них правовыми рамками. В современных условиях концепция неограниченной свободы действий любого органа публичной власти, даже в пределах установленной компетенции, не может быть реализована. Это обусловлено невозможностью полностью разграничить полномочия между органами и должностными лицами публичной власти в законодательстве. Хотя подобное разграничение существует между федеральным и региональным уровнями по ключевым вопросам, для каждого уровня власти при совместной деятельности это сделать крайне трудно.

Во-первых, сложность законодательного закрепления разграничения полномочий между государственными и муниципальными органами связана с многообразием и объемностью их совместной деятельности. Во-вторых, всегда сохраняется определенная сфера отношений или область совместного ведения, не урегулированная нормами права, но требующая координации и концентрации усилий для достижения общих целей [6].

Введение в Конституцию РФ положений о системе публичной власти (ч. 3 ст. 132) не изменило принципиально существующих форм взаимодействия, однако законодатель обозначил наличие единой системы, включающей все уровни власти. Это должно способствовать укреплению вертикали власти, повышению эффективности и системности взаимодействия.

От дуалистической модели, характерной для начала 90-х годов XX века, происходит переход

к смешанной модели. Для нее свойственно наличие двух независимых уровней публичной власти, самостоятельность которых ограничена компетенциями и необходимостью соблюдения законодательства. С принятием конституционных положений усилилось влияние государства на местное самоуправление, и при его дальнейшем росте возможны изменения в статусе муниципальных органов, вплоть до его понижения, и формирование «вертикали публичной власти».

Н.Л. Пешин отмечает, что с формированием системы публичной власти местное самоуправление приобретает «государственную природу» [5]. В такой модели каждый уровень власти действует в рамках своей компетенции, при этом государственные органы принимают ключевые решения, а региональные и муниципальные структуры обеспечивают их исполнение, что и обусловливает «вертикальность» взаимодействия. Подобная ситуация не является однозначно негативной при условии сохранения значительной самостоятельности низовых уровней в рамках их полномочий и возможности получения поддержки от вышестоящих уровней.

Взаимодействие органов местного и государственного управления в таком контексте должно быть тщательно продумано во избежание нарушений и излишнего давления на муниципалитеты. Необходимы гарантии соблюдения основных принципов взаимодействия: самостоятельности в рамках полномочий, полного сотрудничества и активной деятельности каждого участника. Многие из этих принципов уже нашли отражение в законодательстве. Как справедливо отмечает Е.В. Колесников, ориентация на Конституцию и закон обеспечивает нормальное функционирование системы публичной власти [4].

Таким образом, взаимоотношения государственных и муниципальных органов представляют собой комплексное сотрудничество в социальной, экономической, правовой, культурной и иных сферах жизни общества, а также в обеспечении безопасности, направленное на повышение благосостояния населения. В связи с этим особую значимость приобретает корректная правовая регламентация таких отношений, особенно в контексте активного развития положений о единой системе публичной власти. Существующая модель взаимодействия органов местного самоуправления и федеральных органов исполнительной власти требует совершенствования. Необходима выработка официального толкования понятия взаимодействия органов публичной власти, выделение отдельных категорий полномочий для их справедливого распределения и упорядочения взаимоотношений между уровнями власти, а также определение пределов деятельности каждого из них.

Список литературы:

[1] Ермолаев В. О. Взаимодействие государственной власти и местного самоуправления: характеристика, основы, особенности // Право и государственность. 2024. № 1 (2).

[2] Камалов, Ф.С. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в Российской Федерации // Общество и государство. 2025. № 1.

[3] Китаева, В. Е. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления / В. Е. Китаева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 4(43). – С. 58-67. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2020.4/3153. – EDN QTQZWS.

[4] Колесников Е.В. Конституция Российской Федерации и проблемы типологии законов // Право и государственность. 2023. № 1 (1). С. 24–31.

[5] Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 24–29.

[6] Ситников, М. А. Перспективы развития системы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в России / М. А. Ситников, Т. В. Макарова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 10. – С. 715-722. – DOI 10.34755/IROK.2024.28.99.013. – EDN IAPHWH.

[7] Шеремет, Д. В. Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления / Д. В. Шеремет, М. А. Булгаров // Modern Science. – 2022. – № 12-1. – С. 184-186. – EDN HYDJUU.

[8] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

[9] "Конституция Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».

References:

[1] Ermolaev V. O. Interaction of state power and local self-government: characteristics, foundations, features // Law and statehood. 2024. № 1 (2).

[2] Kamalov, F.C. Constitutional and Legal Foundations of Interaction of Local Self-Government Bodies with State Authorities in the Russian Federation // Society and the State. 2025. № 1.

[3] Kitaeva, V. E. Constitutional and legal foundations of interaction between state authorities

of the constituent entities of the Russian Federation and local self-government / V. E. Kitaeva // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. – 2020. – № 4(43). - S. 58-67. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2020.4/3153. – EDN QTQZWS.

[4] Kolesnikov E.V. Constitution of the Russian Federation and problems of typology of laws // Law and statehood. 2023. № 1 (1). S. 24-31.

[5] Peshin N.L. Constitutional reform of local self-government: unity of public authority as a new universal principle of the organization of local self-government // Constitutional and municipal law. 2020. № 11. S. 24-29.

[6] Sitnikov, M. A. Prospects for the development of a system of interaction between state authorities and local self-government in Russia / M. A. Sitnikov, T. V. Makarova // Current issues of the modern economy. – 2024. – № 10. - S. 715-722. – DOI 10.34755/IROK.2024.28.99.013. – EDN IAPHWH.

[7] Sheremet, D. V. Interaction of state authorities and local governments / D. V. Sheremet, M. A. Bulgarov // Modern Science. – 2022. – № 12-1. - S. 184-186. – EDN HYDJUU.

[8] On the general principles of the organization of public power in the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of December 21, 2021 No. 414-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52 (part I). Art. 8973.

[9] "Constitution of the Russian Federation" // SPS" Consultant Plus".

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-92-100
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ЦЫГАНОВА Елена Александровна,
студент 3 курса магистратуры Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск,
e-mail: lena.tsyganova.2020@mail.ru

МАСЛОВСКАЯ Мария Владиленовна,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск,
e-mail: maslovskaya2003@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию особенностей реализации конституционного права на свободу совести и вероисповедания в отношении отдельных категорий субъектов права в России и за рубежом. В работе анализируются международно-правовые и национальные гарантии, сложившиеся механизмы их практического воплощения, а также проблемные аспекты, связанные с дискриминацией по религиозному признаку и введением необоснованных ограничений. Основной акцент сделан на правовом положении трёх уязвимых групп: несовершеннолетних, осуждённых к лишению свободы и лиц призывного возраста. Применительно к последним детально рассматривается институт альтернативной гражданской службы как правовой инструмент, позволяющий согласовать воинскую обязанность и свободу вероисповедания.*

Ключевые слова: *свобода совести, свобода вероисповедания, религиозные объединения, конституционные права, защита прав, альтернативная гражданская служба, осужденные, несовершеннолетние, Европейский суд по правам человека.*

TSYGANOVA Elena Alexandrovna,
Master's degree student in the third year at National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk

MASLOVSKAYA Maria Vladilenovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of State and Administrative Law, Faculty of Law, National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk

FEATURES OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION FOR CERTAIN ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD

Annotation. *This article focuses on the implementation of the constitutional right to freedom of conscience and religion in relation to certain categories of legal entities in Russia and abroad. It analyzes international and national legal guarantees, existing mechanisms for their practical implementation, and problematic aspects related to religious discrimination and the introduction of unjustified restrictions. The article primarily examines the legal status of three vulnerable groups:*

minors, prisoners, and individuals of military age. In relation to the latter, the article examines the institution of alternative civilian service in detail as a legal tool that allows for the reconciliation of military service and religious freedom.

Key words: *freedom of conscience, freedom of religion, religious associations, constitutional rights, protection of rights, alternative civilian service, convicts, minors, and the European Court of Human Rights.*

Среди фундаментальных прав, закреплённых в Конституции Российской Федерации и подлежащих безусловной государственной защите, особое место занимает право каждого человека на свободу совести, а также на свободный выбор и выражение религиозных убеждений (свобода вероисповедания).

Актуальность темы обуславливается тем, что на сегодняшний день сформирована солидная правовая база гарантий права на свободу мысли, совести и религии. Соблюдение данных гарантий обеспечивается на национальном и международном уровне наличием разработанной системы уставных и договорных контрольных механизмов, в рамках которых государства отчитываются о выполнении своих обязательств. Тем не менее, несмотря на наличие хорошо разработанной национальной и международно-правовой системы защиты права на свободу мысли, совести и религии, проблемы реализации данного права, включая преследования и дискриминацию по признаку отношения к религии, остро стоят во многих странах.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ особенностей обеспечения конституционного права на свободу совести и вероисповедания отдельных субъектов права в Российской Федерации и за рубежом.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

изучить право религиозных объединений на свободу совести и вероисповедания в Российской Федерации и за рубежом;

изучить право несовершеннолетних на свободу совести и вероисповедания в Российской Федерации;

изучить право осужденных на свободу совести и вероисповедания в исправительных учреждениях Российской Федерации и за рубежом;

выявить особенности права лиц призывного возраста на замену военной службы альтернативной гражданской службой на основе убеждений или вероисповедания в Российской Федерации и за рубежом

Теоретическую основу исследования составили положения действующего законодательства по указанным вопросам: международные акты, Конституция Российской Федерации, законы Российской Федерации; научная и учебная литература по теме работы, публикации в периодических изданиях таких авторов как Д. Н. Бахрах, В. Н. Белик, А. А. Губанов, Д. М. Евстифеев, А. В. Попова, А. М. Рабец и других.

Методология исследования. При решении поставленных задач применялся широкий спектр методов: наряду с общенаучными подходами – историко-логическим, системно-функциональным, социологическим и диалектическим – задействовались методы специально-юридического характера, среди которых сравнительно-правовой, формально-юридический, формально-логический и структурно-логический. В рамках настоящего исследования представляется целесообразным исходно отметить, что структуру гражданского общества невозможно представить без такого значимого элемента, как религиозные объединения. Именно данные организации выступают той институциональной формой, посредством которой граждане реализуют принадлежащее им право на коллективное (совместное) исповедание религии, а в более широком смысле – право на свободу совести и вероисповедания.

Религиозные объединения относятся к наиболее древнейшим групповым формированиям, действующим еще со времен древности, но образованных после существования кочевых и этнических общин. На сегодняшний день в мире большое разнообразие религиозных объединений, поскольку также велико многообразие религиозных взглядов и учений. В связи с этим у каждого государства возникает необходимость нормативного закрепления и урегулирования способов взаимосвязи с образованными духовными организациями. Понятие «религиозное объединение» следует рассматривать с двух сторон:

во-первых, как религиоведческую структуру, определяющую суть и особенности взаимоотношений, возникающих в ходе развития и деятельности духовной организации;

во-вторых, правовое понятие, созданное с учетом всех составляющих религиоведения, а также закрепляющее юридический статус объединений с учетом всех входящих в него признаков.

Анализ научной юридической литературы по вопросу определения понятия «религиозное объединение» показал, что не было среди ученых единства подходов к данному определению. Бахрах Д. Н. подчеркивает, что религиозные объединения действуют на основе добровольности и самоуправления, но их цели – исповедания той

или иной религии и отправление религиозных культов. В этой связи объединение определяется как организованная и обособленная группа людей, которая наделена возможностью вступать в различные правоотношения как единое целое, то есть является особой разновидностью коллективных субъектов [7, с. 43]. Губанов А. А. и Евстифеев Д. М. считают, что понятие «религиозные объединения» представляет собой составляющую часть сложной структуры церковных взаимоотношений в обществе, рассматривающую в постоянном развитии и динамике. Главенствующую роль в определении статуса таких организаций отведена государству, которое устанавливает права, обязанности, а также соответствующие критерии религиозного объединения [9, с. 125]. Таким образом, одним из отличий религиозных объединений является то, что важнейшей задачей их функционирования является совместное исповедание религии, а также распространение религиозных идеологий и мировоззрений.

Конституция РФ (ст. 28) закрепила право каждого на совместную реализацию принципа свободы совести и свободы вероисповедания [1]. Позднее принимается Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (статья 3), который уточняет нормы Основного закона Российской Федерации [3].

Религиозные объединения согласно нормам российского законодательства создаются в форме религиозных групп и религиозных организаций.

Согласно ст. 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 125-ФЗ религиозной группой является добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица [3].

Основным отличием религиозной организации от религиозной группы является то, что религиозная организация имеет положение, определяющее ее как юридическое лицо со всеми имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями.

С целью результативного регулирования указанной области необходимо обозначить виды и критерии разделения указанных правовых элементов.

В зависимости от того, на какой территориальной области осуществляют свою деятельность религиозные организации, они подразделяются на местные и централизованные.

Таким образом, в данном случае применяется критерий деления в зависимости от территориальной сферы деятельности религиозной организации, при этом он распространяет свое действие не на все объединения.

Анализ зарубежного законодательства позволяет выделить ряд «общих» прав религиозных организаций [12, с. 213]:

религиозные объединения должны действовать в соответствии с Уставом, либо внутренними установлениями, которые не противоречат нормам законодательству государства (например, Россия, Словакия, Словения, Таджикистан Армения, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Беларусь, Литва и пр.).

религиозные объединения в рамках осуществления своей деятельности имеют право основывать культовые объекты, специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества) (Россия, Словения, Таджикистан, Узбекистан, Австралия, Болгария, Ботсвана, Италия, Македония и др.).

религиозные организации в рамках своей конфессии вправе совершать религиозные обряды, ритуалы и церемонии.

религиозные организации ряда стран вправе производить, приобретать, экспортировать, импортировать и распространять различные предметы религиозного назначения, а также религиозную литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы (Таджикистан, Узбекистан, Австралия, Болгария, Италия, Словения, и пр.).

5)религиозные организации имеют право непосредственно, или путем учрежденияблаготворительных организаций осуществлять благотворительную деятельность. Например, В России ст. 18 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации также обладают рассматриваемым правом.

Подводя результат вышеизложенному, можно выделить то, что законодательство России определяет религиозные объединения как отдельный независимый тип некоммерческих организаций.

Далее рассмотрим особенности права несовершеннолетних на свободу совести и вероисповедания в Российской Федерации и за рубежом.

Согласно нормам российского законодательства, каждый человек (в том числе несовершеннолетние) имеют право самостоятельно принимать решение о своем отношении принадлежности к какой-либо религии. В силу возраста несовершеннолетние лица не могут принимать подобные решения, так как в силу возраста, недостаточности жизненного опыта и эмоциональной незрелости, в связи с чем законодательство исходит из презумпции единства интересов родителей

и детей.

В свою очередь, данное право ребенка защищается от препятствия к его осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, равно как и от принуждения к приобщению к какой-либо религии. Родители, либо лица, их заменяющие, не имеют права принуждать несовершеннолетних лиц к участию в исполнении каких-либо религиозных обрядов. Также, образовательные учреждения также не вправе обязывать учащихся посещать занятия или факультативы религиозного содержания.

В межнациональных семьях вопрос религиозной принадлежности детей стоит наиболее остро, что может отрицательно сказаться на обстановке в семье и интересах несовершеннолетнего.

Согласимся с мнением А. М. Рабеца, что одним из путей разрешения данной проблемы может стать внесение изменений в Семейный кодекс, закрепив, что «родители вправе предоставлять ребенку информацию о вере, которую он исповедует, однако не вправе принуждать ребенка исповедовать ту или иную религию». Взрослея, ребенок, знакомый с информацией о религиях, которые исповедуют родители, сможет сам решить, к какой религии ему примкнуть [13, с. 81].

Право на свободу вероисповедания несовершеннолетних лиц находит также отражение в региональном законодательстве, в силу нахождения семейного права в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов. В соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных организациях» стоит выделить две формы участия несовершеннолетних в религиозных обвинениях – это получение религиозного образования (ст. 19) и осуществление участия в деятельности организации (ст. 8) [3].

Необходимо отметить, что одной из важных проблем в настоящее время является привлечение подрастающего поколения в разнообразные секты и нетрадиционные организации. Большинство таких организаций представляют опасность не только отдельной личности и подростку, но и семье, обществу и в целом государству, а также приносят неутешительный вред моральному, духовному и физическому состоянию человека. Такое вовлечение происходит в основном путем применения различных психологических манипуляций таких как транс, гипнотизация, влияние на психическое и физическое здоровье, при этом разрушая в человеке все нравственные и моральные качества.

Нередко нетрадиционные религиозные организации располагаются под вывесками философских или культурно-развлекательных обществ. Для соблазнения подростков им даются обещания чудесной силы, полной свободы. Итак, согласно нормам российского законодательства, каждый человек (в том числе несовершеннолетние) имеют право самостоятельно принимать решение о своем отношении принадлежности к какой-либо религии. В силу возраста несовершеннолетние не могут принимать подобные решения, так как такие лица не имеют достаточного жизненного опыта и эмоциональной незрелости, в связи с чем законодательство исходит из презумпции единства интересов родителей и детей.

Следующим рассматриваемым субъектом права является право осужденных на свободу совести и вероисповедания в исправительных учреждениях. Правовое положение лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определённый срок, в части реализации религиозных прав урегулировано статьёй 14 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ). Указанная норма закрепляет за данной категорией осуждённых гарантии соблюдения свободы совести и вероисповедания [2].

В данном аспекте законодатель исходит из того, что осуждённые сохраняют правовой статус граждан Российской Федерации, а следовательно, обладают правом как исповедовать любую религию (либо не исповедовать никакой), так и свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения, а также действовать в соответствии с ними. Вместе с тем при осуществлении указанного права законодатель устанавливает определённое ограничение. Оно заключается в следующем: реализуя свободу совести и вероисповедания в любой допустимой форме, осуждённые не вправе нарушать Правила внутреннего распорядка исправительного учреждения (далее – ИУ), равно как и ущемлять права и законные интересы иных лиц – других осуждённых, сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также граждан, не связанных с учреждением.

В целях практического обеспечения рассматриваемого права по просьбе осуждённых в исправительные учреждения могут приглашаться священнослужители. При этом обязательным требованием выступает принадлежность соответствующего религиозного объединения к числу зарегистрированных в установленном законодательством порядке. В ИУ, осужденным также разрешается пользование предметами культа и религиозной литературой, совершение религиозных обрядов. Для осуществления этих целей администрация ИУ выделяет соответствующее помещение.

Ряд международных нормативно-правовых актов обеспечивающих и, в то же время, ограничивающих данное также подробно регламентируется право осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания. Так, Минимальные стан-

дартные правила обращения с заключенными (ст. 42), устанавливают, что каждый заключенный, в пределах осуществимого права, должен иметь возможность удовлетворять свои религиозные потребности, участвуя в религиозных обрядах находясь в местах лишения свободы, имеет право иметь в своем распоряжении религиозные писания, свойственные его вероисповеданию. Также, в местах отбывания наказания в виде лишения свободы, в случае нахождения достаточного количества заключенных, которые исповедуют одну религию, администрации исправительного учреждения следует назначать священнослужителя соответствующей религии, а также разрешать священнослужителю соответствующие религиозные обряды. Также Минимальные стандартные правила обращения с заключенными устанавливают, что в случае, если число лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, достаточно велико, то священнослужителя следует назначать на полное рабочее время. В свою очередь, священнослужителю предоставляется возможность регулярно совершать необходимые религиозные обряды, а также в отведенное для этого время периодически посещать наедине заключенных, принадлежащих к его вероисповеданию.

Европейские пенитенциарные правила в ст. 29 также устанавливают, что исправительные организации и их должностные лица должны уважать свободу совести и свободу вероисповедания осужденных. Исповедовании своей религии заключенными, совершение обрядов не должно нарушать внутренний режим исправительного учреждения.

Следует привести пример явного нарушение права на свободу вероисповедания с стороны исправительной колонии. Примером коллизии между режимными требованиями исправительного учреждения и правом осуждённого на свободу вероисповедания служит дело «Коростелев против России». Заявитель – лицо мусульманского вероисповедания – отбывал наказание в колонии Ямало-Ненецкого автономного округа, где был подвергнут дисциплинарным взысканиям за совершение ночных молитв в часы, отведённые для обязательного сна (с 22:00 до 06:00). По утверждению заявителя, ночная молитва является религиозной обязанностью, особенно в период Рамадана [11].

Национальные суды (Сыктывкарский городской суд и Верховный суд Республики Коми) встали на сторону администрации, указав на нарушение заявителем правил внутреннего распорядка. Тем не менее Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в постановлении от 12 мая 2020 года констатировал нарушение статьи 9 Конвенции. При этом ЕСПЧ особо отметил: право на свободу вероисповедания сохраняется за заключёнными и в условиях изоляции от общества; любые ограничения данного права допустимы лишь при условии их строгой обоснованности и соразмерности.

Проведя анализ порядка осуществления права на свободу совести и свободу вероисповедания осужденными, мы пришли к выводу, что одним из важных и актуальных на сегодняшний день является согласованность реализации права на свободу совести осужденными и актов, закрепляющих правила внутреннего распорядка мест, исполняющих наказание.

В рамках данного исследование также необходимо рассмотреть право лиц призывного возраста на замену военной службы альтернативной гражданской службой на основе убеждений или вероисповедания.

Согласно нормам Федерального закона от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие также, наравне с гражданами Российской Федерации обладают правами и свободами человека и гражданина, но с некоторыми ограничениями [5]. Так, военнослужащие имеют право в свободное от военной службы время участвовать в богослужениях как физические лица. Если военнослужащий имеет определенное отношение к религии, то есть религиозные убеждения по каким-либо причинам, не соответствующие военной службе, либо пропагандирует данное вероучение, используя свое служебное положение, то он не вправе отказаться от исполнения своих обязанностей военной службы.

Также, законодательством установлено, что государство не обязано удовлетворять потребности военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов. Но воинская часть при наличии возможности, имеет право содействовать военнослужащим в предоставлении им зданий и помещений для совершения религиозных обрядов, а также в предоставлении возможности приглашения священнослужителей. Создание каких-либо религиозных объединений в воинской части не допускается.

Часть 3 ст. 59 Конституции Российской Федерации предусматривает право на замену гражданином военной службы на альтернативную в ряде случаев, которые нашли свое закрепление в положениях ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» [4]:

если несение военной службы противоречит убеждениям или вероисповеданию призывника;

если призывник является представителем коренных малочисленных народов Российской Федерации, ведет традиционный образ жизни,

традиционную хозяйственную деятельность и занимается традиционными промыслами.

Многие граждане в защиту своего права на прохождение альтернативной службы обращаются в судебные органы власти, в том числе на уровне международного права. Так, в решении Европейского Суда по правам человека от 13 июля 2021 года по делу «Асланян против Молдовы и России» рассматривалась следующая ситуация. Заявитель, принадлежащий к религиозному объединению «Свидетели Иеговы», на территории Приднестровья был осуждён за уклонение от военной службы (поскольку отказался от её прохождения по религиозным соображениям и потребовал предоставления альтернативной службы) и приговорён к одному году тюремного заключения [10]. ЕСПЧ усмотрел в этих действиях властей неправомерное вмешательство в право заявителя на свободу вероисповедания. В итоговом постановлении Суд признал, что государствами-ответчиками было допущено нарушение статьи 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Рассмотрим особенности прохождения альтернативной гражданской службы на примере некоторых стран. Следует заметить, что только в Финляндии разделяется убеждения призывника, которым в законодательстве дается четкое определение как осознанным и устоявшимся жизненным принципам человека, и отказ от прохождения военной службы по другим соображениям, как религиозным, нравственным и моральным. В Финляндии нет динамичной статистики по рассмотрению заявлений призывников на прохождение альтернативной гражданской службы. Средние показатели отказов в прохождении такой службы в год варьируются около 30-40, но при этом официальные данные по количеству подаваемых заявлений отсутствуют. В настоящее время за уклонение от воинской обязанности Законом Финляндии «О невоенной службе» закрепляется применение мер уголовной ответственности.

В Австрии не создан как таковой институт альтернативной гражданской службы, хотя число граждан призывников, которые выбирают альтернативную службу, считается одним из самых многочисленных по всему миру.

Интерес представляет опыт такой страны как Бразилия. Конституция указанной страны закрепляет положения о том, что военная служба является долгом каждого гражданина по защите своего государства (исключения составляют женщины и священнослужители). Данный правовой акт также закрепил нормы о возможности прохождения альтернативной службы. В мирное время лица, чьи духовные и философские взгляды противоречат военным принципам, могут заявить об отказе от военной службы по религиозным и мировоззренческим соображениям и получить разрешение на прохождение альтернативной службы. Однако стоит отметить, что вся информация, касающаяся данного института правовых отношений (условия, продолжительность и т.д.) в Бразилии, является закрытой и не подлежит распространению в различных источниках. В иных, кроме Конституции Бразилии, юридических актах не содержатся какие-либо особые нормы, регулирующие такой правовой институт как альтернативная гражданская служба [12].

В России на законодательном уровне не определяется, какие именно взгляды и убеждения предполагают возможность воспользоваться правом на прохождение альтернативной службы. Данное положение предоставляет лицам больше вариантов обоснования своих убеждения, однако может послужить основанием для незаконного отказа в получении указанного права. В связи с этим возникает необходимость правового урегулирования понятия убеждения, установив его особые критерии, но при этом не ограничивать человека в аргументации своего выборы с целью соблюдения его прав и свобод.

Обратимся к судебной практике, иллюстрирующей подход к оценке обоснованности требований о замене военной службы альтернативной. Борисоглебский городской суд Воронежской области 29 сентября 2020 года рассмотрел дело по иску Попова П. А., который оспаривал решение призывной комиссии и просил заменить военную службу альтернативной, ссылаясь на свои пацифистские и космополитические убеждения [14].

В ходе разбирательства представитель призывной комиссии заявил, что доводы истца не являются результатом его собственного мировоззрения, а заимствованы из интернет-ресурсов, поскольку сам Попов не смог объяснить содержание представленных им документов. Суд установил, что представленные заявителем материалы не подтверждают наличие у него убеждений либо вероисповедания, которые делали бы невозможным прохождение военной службы. Призывная комиссия отказала в замене службы по двум основаниям: ввиду пропуска срока подачи заявления и ввиду несоответствия представленных документов заявленным доводам. Суд, проверив законность данного решения, не обнаружил у Попова сформированных убеждений, объективно препятствующих военной службе, и оставил решение комиссии без изменения, признав его обоснованным.

Необходимо отметить, что в настоящее время российское законодательство в сфере регулирования альтернативной гражданской службы подлежит модернизации в связи с происходящи-

ми в стране событиями. Вопрос о формах использования граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, в период мобилизации, а период военного положения и в военное время не был урегулирован, в связи с чем данный пробел ограничивал возможность реализации конституционного права на замену военной службы альтернативной при проведении призыва по мобилизации. Так, 4 ноября 2022 г. был принят Федеральный закон от № 421-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [6] определил, что граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу в организациях Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов в качестве гражданского персонала, при объявлении мобилизации продолжают проходить альтернативную гражданскую службу в указанных организациях. Положения закона закрепляют, что граждане России, проходящие такую службу, продолжают ее несение при объявлении мобилизации. То есть проведение мероприятий по переводу почти всех государственных структур на режим военного времени не препятствует возможности гражданином пользоваться своими религиозными правами и придерживаться своих устоявшихся нравственных принципов и взглядов даже в особо тяжелые времена для страны.

Подводя выводы, отметим, что на сегодняшний день страны дают своим гражданам шанс сделать выбор в пользу прохождения альтернативной службы в рамках обязательной военной службы. Вместе с тем каждое государство выделяет свои условия и аспекты отбора претендентов на ее прохождение.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Право на свободу совести и вероисповедания, закреплённое в Конституции РФ и международных актах, относится к числу фундаментальных личных гарантий. Однако в практической плоскости его реализация сопряжена с рядом проблем для отдельных категорий граждан – несовершеннолетних, осуждённых, призывников, а также лиц, принадлежащих к религиозным меньшинствам.

Основные ограничения, выявленные в ходе анализа, связаны с тремя сферами: режимными требованиями исправительных учреждений, условиями прохождения альтернативной гражданской службы, а также семейно-правовыми отношениями. В каждой из этих сфер требуется дополнительное правовое регулирование, обеспечивающее разумный баланс между публичными интересами государства и свободой личности.

В статье обоснованы конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на устранение пробелов и усиление гарантий для субъектов права. Приоритетными направлениями выступают гармонизация национального законодательства с международными стандартами и повышение эффективности работы правозащитных институтов. Перспективы дальнейшего развития правового регулирования связываются с последовательной реализацией указанных мер, что в итоге должно способствовать более полному осуществлению конституционного права на свободу совести и вероисповедания в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 1-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 29 декабря 2022 года: [принят Государственной думой 18 декабря 1996 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 года] / Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba6 4f9de457550a2c022849f6 //.

[3] О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон № 125-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 29 декабря 2022 года: [принят Государственной думой 19 сентября 1997 года : одобрен Советом Федерации 24 сентября 1997 года] // Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/.

[4] Об альтернативной гражданской службе: Федеральный закон № 113-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 31 июля 2020 года: [принят Государственной думой 28 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года // Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37866/..

[5] О статусе военнослужащих: Федеральный закон № 76-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 29 декабря 2022 года: [принят Государственной думой 16 марта 1998 года : одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 года] // Консультант Плюс : [справ.-правов. система]. –Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/..

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» : Федеральный закон № 421: текст с изменениями и дополнениями на 4 ноября 2022 года: [принят Государственной думой 27 октября 2022 года : одобрен Советом Федерации 2 ноября 2022 года] // Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430555/..

[7] Бахрах Д. Н. Административный договор: вопросы теории // Росийский юридический журнал – 1995. – № 2. – С. 69-79.

[8] Белик В. Н. Конституционные права личности и их защита : учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 159 с.

[9] Губанов А. А., Евстифеев Д. М. Понятие религиозных объединений // Сборник статей по материалам VI международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 124-131.

[10] Информация о Постановлении Европейского Суда по правам человека от 13 июля 2021 года по делу «Асланян против Республики Молдова и Российской Федерации» (жалоба № 74433/11) // Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724645&ysclid=mpgmmhgn9g976155532#lqkkKKVEEc6wuK9x.

[11] КС не стал рассматривать жалобу осужденного на нарушение права на свободу вероисповедания в колонии. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-stal-rassmatrivat-zhalobu-osuzhdennogo-na-narushenie-prava-na-svobodu-veroispovedaniya-v-kolonii/.

[12] Попова А. В. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 389 с.

[13] Рабец А. М. Право ребенка на индивидуальность и проблемы его реализации в Российской Федерации // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2018. – № 2 (113). – С. 79-87.

[14] Решение Борисоглебского городского суда Воронежской области от 29 сентября 2020 г. № 2А-957/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/PV9lyvra1xYv/..

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of 14.03.2020 was published on the Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ: text with amendments and additions as of December 29, 2022: [adopted by the State Duma on December 18, 1996: approved by the Federation Council on December 25, 1996] / Consultant Plus: [website of the information and legal company]. - Electronic resource. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba6 4f9de457550a2c022849f6 //.

[3] On freedom of conscience and religious associations: Federal Law No. 125-FZ: text with amendments and additions as of December 29, 2022: [adopted by the State Duma on September 19, 1997: approved by the Federation Council on September 24, 1997] // Consultant Plus: [website of the information and legal company]. – Electronic resource. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/.

[4] On alternative civilian service: Federal Law No. 113-FZ: text with amendments and additions as of July 31, 2020: [adopted by the State Duma on June 28, 2002: approved by the Federation Council on July 10, 2002 // Consultant Plus: [website of the information and legal company]. – Electronic resource. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37866/..

[5] On the status of military personnel: Federal Law No. 76-FZ: text with amendments and additions as of December 29, 2022: [adopted by the State Duma on March 16, 1998: approved by the Federation Council on March 12, 1998] // Consultant Plus: [legal reference system]. - Electronic resource. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/..

[6] On Amendments to the Federal Law "On Mobilization Preparation and Mobilization in the Russian Federation": Federal Law No. 421: text with amendments and additions as of November 4, 2022: [adopted by the State Duma on October 27, 2022: approved by the Federation Council on November 2, 2022] // Consultant Plus: [website of the information and legal company]. – Electronic resource. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430555/..

[7] Bakhrakh D. N. Administrative contract: theoretical issues // Russian Law Journal – 1995. – No. 2. – pp. 69-79.

[8] Belik V. N. Constitutional rights of the individual and their protection: textbook. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2026. – 159 p.

[9] Gubanov A. A., Evstifeev D. M. The concept of religious associations // Collection of articles

based on the materials of the VI international scientific and practical conference. – 2018. – pp. 124-131.

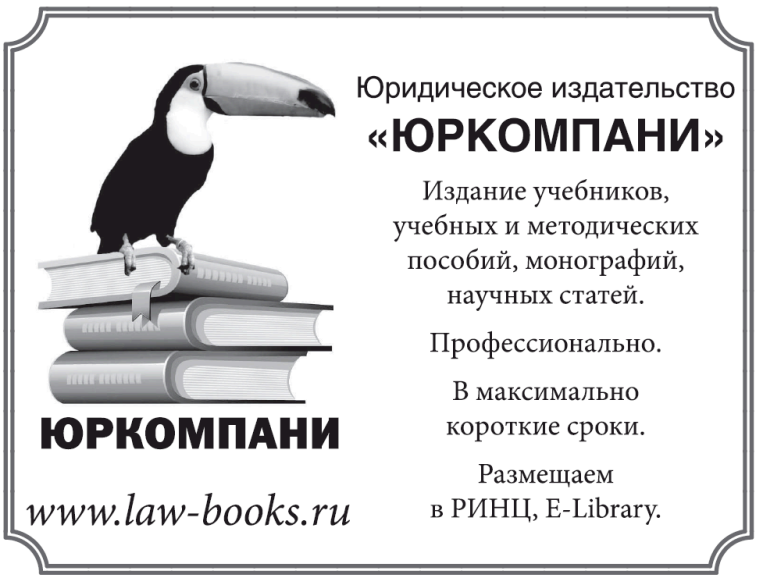
[10] Information on the Judgment of the European Court of Human Rights of 13 July 2021 in the case of Aslanyan v. the Republic of Moldova and the Russian Federation (application no. 74433/11) // Consultant Plus: [website of the information and legal company]. – Electronic resource. – Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724645&ysclid=mpgmmhgn9g976155532#lqkkKKVEEc6wuK9x.

[11] The Constitutional Court refused to consider the complaint of a convicted person regarding the violation of the right to freedom of religion in the penal colony. – Electronic resource. – Access mode: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-stal-rassmatrivat-zhalobu-osuzhdennogo-na-narushenie-prava-na-svobodu-veroispovedaniya-v-kolonii/.

[12] Popova A. V. Constitutional Law of Foreign Countries: a textbook for universities. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2026. – 389 p.

[13] Rabets A. M. The Child's Right to Individuality and the Problems of Its Implementation in the Russian Federation // Scientific Notes of the Russian State Social University. – 2018. – No. 2 (113). – P. 79-87.

[14] Decision of the Borisoglebsk City Court of the Voronezh Region dated September 29, 2020 No. 2A-957/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. - Electronic resource. - Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/PV9lyvra1xYv/..

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-101-105
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, 0000-0001-5266-8852, e-mail: maxandgor@gmail.com, maximdmigorbunov@yandex.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ, КОНТИНЕНТАЛЬНОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Статья представляет собой исследование, посвященное проблеме несоответствия понятия «правосознание» в дискурсивном пространстве правовых традиций континентального, англосаксонского и отечественного права. Цель работы заключается в выявлении проблемной области, в которой исторические, философские и институциональные особенности названных традиций определяют разное смысловое наполнение и функциональную роль данного понятия. Научная новизна работы заключается в определении содержания понятия «правосознание» в разных правовых традициях и установлении детерминации явления существующим контекстом правовой культуры системном сопоставлении, которое раскрывает, как судьба одного концепта детерминирована фундаментальными установками правовой культуры, и доказывается, что правосознание не является универсальным термином, а выступает характерным показателем глубинных различий в правопонимании различных правовых традиций. В континентальной традиции оно сохранилось как интегральный, ценностно нагруженный концепт, связывающий право с культурой и активно используемый в конституционализме. В отечественном дискурсе его эволюция отразила путь от заимствования к современной редукции до инструмента измерения поведенческих установок и законопослушания индивида. Англосаксонская традиция характеризуется отсутствием прямого эквивалента понятия, в силу чего его функции распределены между рядом узкоспециализированных понятий, таких как «практический разум» и «юридическая грамотность». В заключение делается вывод о невозможности универсального употребления понятия «правосознание» вне конкретного историософского контекста и необходимости дальнейшей исследовательской работы в данном направлении.*

Ключевые слова: *философия права, правосознание, правопонимание, семиотика, аксиология права, континентальная правовая мысль, англосаксонская юриспруденция, отечественная догма права, практический разум.*

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-78-00004, https://rscf.ru/project/26-78-00004/

GORBUNOV Maxim Dmitrievich,
Candidate of Science (Law), Associated Professor, Department of Theory and History of State and Law, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, 0000-0001-5266-8852

LEGAL CONSCIOUSNESS IN DOMESTIC LEGAL SCIENCE, CONTINENTAL CONSTITUTIONALISM, AND ANALYTICAL JURISPRUDENCE: STATEMENT OF THE PROBLEM

Annotation. *The article is a study devoted to the problem of the inconsistency of the concept of "legal consciousness" in the discursive space of the legal traditions of continental, Anglo-Saxon, and domestic law. The aim of the work is to identify the problem area in which the historical, philosophical, and institutional features of these traditions determine the different semantic content and functional role of this concept. The scientific novelty of the work lies in determining the content of*

the concept of "legal consciousness" in different legal traditions and establishing the determination of the phenomenon by the existing context of legal culture in a systematic comparison that reveals how the fate of a single concept is determined by the fundamental attitudes of legal culture, and proves that legal consciousness is not a universal term but acts as a characteristic indicator of profound differences in legal understanding among different legal traditions. In the continental tradition, it has persisted as an integral, value-laden concept linking law with culture and actively used in constitutionalism. In domestic discourse, its evolution reflected a path from borrowing to its modern reduction to an instrument for measuring an individual's behavioral attitudes and law-abidingness. The Anglo-Saxon tradition is characterized by the absence of a direct equivalent of the concept, owing to which its functions are distributed among a number of highly specialized concepts, such as "practical reason" and "legal literacy." In conclusion, it is concluded that the universal use of the concept of "legal consciousness" outside a specific historiosophical context is impossible and that further research in this direction is necessary.

Key words: *philosophy of law, legal consciousness, legal understanding, semiotics, axiology of law, continental legal thought, Anglo-Saxon jurisprudence, domestic dogma of law, practical reason.*

Funding: This research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, grant No. 26-78-00004, https://rscf.ru/project/26-78-00004/

Введение

Понятие «правосознание» в системе философско-правовых категорий, характеризующих взаимодействие человека и нормативной системы общества, занимает особенное положение. Абстрактная догматическая природа понятия, с одной стороны, сочетается с концептуальной смысловой зависимостью от условий правовой культуры, сложившейся интеллектуальной и политико-правовой традиции, с другой. При этом, если догматическая составляющая данного понятия широко исследована в отечественной правовой науке [3; 8; 11], то контекст его употребления в иных правовых традициях исследован недостаточно, что автоматически делает рамки первой группы исследований ограниченными. В данной связи актуальность восполнения данного пробела обуславливается целым рядом обстоятельств: во-первых, в условиях конвергенции правовых систем и глобализации правового дискурса острой становится проблема ложного представления об эквивалентном значении ключевых правовых понятий; во-вторых, радикальная трансформация отечественной правовой системы от дореволюционной через советскую к современной породила терминологическую и смысловую путаницу на стыке традиционной позитивистской догмы, советского нормативизма и новых реалий, заданных Конституцией РФ; в-третьих, в современную эпоху традиционный узконормативный подход к оценке правового поведения и правопослушания, ставший основой отечественного понимания правосознания, требует пересмотра.

Необходимо отметить, что такое неоднозначное положение категории «правосознание» в условиях методологического дефицита и ограниченного понимания опыт других правовых традиций сегодня привело к тому, что в российской науке звучат призывы отказаться от данного понятия вообще, как обладающего «малой познавательной, прогностической и практической ценностью исследований правосознания, а также о его крайней неудобностью для применения эмпирических методов исследования. Последнее негативно сказывается на достоверности любых суждений о правосознании, оставляя их в сфере умозрения и субъективизма» [1, с. 139].

Представляется, что подобные выводы во многом обусловлены претензией на универсальность понятия «правосознание» как теоретико-правовой категории, в то время как фактически оно должно рассматриваться как семиотический и историософский феномен, содержание и практика использования которого определяются по-разному в различных дискурсах. Данные обстоятельства определяют необходимость формулирования проблемной области и направления исследований в сфере комплексного анализа понятия «правосознание» в разных правовых дискурсах в традициях континентального, отечественного и англосаксонского права, породивших его различные самостоятельные версии, отразившие соответствующие философские установки, исторический опыт и практические потребности.

Правосознание в континентальном дискурсе: либеральный конституционализм

Анализ семантических и историософских характеристик понятия «правосознание» в основных правовых традициях континентального, отечественного и англосаксонского права показывает, что оно является важным показателем отличительных черт каждой традиции в сферах философско-правовой методологии и политико-правовой теории, отражая их уникальный исторический опыт. В результате правосознание как явление представляет собой в рассматриваемых традициях разные феномены.

В континентальном дискурсе понятие «пра-

восознание» представляет собой интегральный философско-правовой концепт, сформировавшийся на основе исторической школы права и концепции народного духа [6, с. 37–44], через работы по социологии права [4, с. 97–100] трансформировавшись в важную практически значимую категорию конституционализма [2, с. 81–104]. Здесь правосознание выступает связующим звеном между общественной моралью, культурой и позитивным правом и критерием общего чувства справедливости в конституционном правосудии правового государства. Для континентальной традиции характерна важная семантическая особенность – широкое понимание правосознания как социокультурного феномена, который: во-первых, имеет коллективный характер явления, выраженного в языке и практике общественных институтов, во-вторых, выступает критерием и условием легитимации правовой системы, поскольку закон, противоречащий сложившемуся правосознанию, воспринимается как нелегитимный и теряет свое нормативное значение; в-третьих, является связующим звеном между моралью и правом, вбирая в себя культурные традиции общества, трансформируя их в правовые принципы и влияет на практику создания и применения права.

Правосознание в отечественном дискурсе: контекст правового воздействия

В отечественном дискурсе правосознание является теоретически значимой категорией, существующей в условиях редукционизма доминирующей доктрины правового позитивизма. Необходимо отметить, что эта редукция была выражена далеко не сразу. Общей ранней предпосылкой для отечественной теории правосознания стало научное преемство континентальной традиции, исторической школы права и социологической юриспруденции, идеи которых были адаптированы к российской правовой реальности [5, с. 33–39; 9, с. 188–194]. В это же время формировалась жесткая официозная позитивистская установка на принудительный отгосударственный характер права, при котором правовое сознание граждан воспринималось скорее как объект нормативного воздействия.

В советской догме права, несмотря на доминирование марксистских установок, официальная наука фактически оставалась строго догматичной. Советский нормативизм воспроизводил общие категории классического правового позитивизма в рамках узкого понимания права, исключая правосознание из сферы правовых явлений. Наметившийся в последние годы слом прежних установок в рамках широкого подхода к пониманию права, осознания ценностей свободы и осознания гражданами правовых явлений носил в целом ограниченный характер [7, с. 12–16]. Принятие Конституции 1993 года наметило новые перспективы для интеграции понятия «правосознание» в систему правовых оценок и конституционного контроля, построенного на основе критериев принятия правовой системы. Однако понятие, сохраняя свое место в науке, сегодня понимается ограниченно и инструментально как показатель соответствия поведения индивидов требованиям закона в системе одноканального правового воздействия государство-общество, фактически не встраиваясь в систему практических критериев правовой законности.

Необходимо констатировать, что правосознание во многом остается сугубо теоретической правовой конструкцией и слабо представлено в юридической практике. В отечественном конституционализме слабо выражена идея о зависимости нормативности права и легитимности государства от восприятия позитивного права человеком на предмет соответствия универсальным ценностям и прагматической эффективности, подтверждая общую установку на одноканальный субординированный характер отношений между государством и обществом. В таком контексте правосознание в России действительно не приобрело глубокой функциональной роли в правовой системе [1, с. 123–144].

Правосознание в англосаксонском дискурсе: концептуальные альтернативы

В англосаксонском дискурсе понятие «правосознание» в целом концептуально замещается понятиями, не являющимися его прямым аналогом, более подходящими эмпирическим антиметафизическим установкам [10, с. 949–963; 12, с. 29–34]. На уровне правовой теории понятие замещается категорией «практического разума» [13, p. 332–334], имеющей нормативный характер, а в практике представлено концептом «юридической грамотности» [14, p. 143–159], каждое из которых выполняет свою узкую функцию.

Следует заключить, что англосаксонская традиция в условиях особенностей правового дискурса и характеристик общего права не содержит однозначного концептуального аналога понятию «правосознание» в континентальной интерпретации. Названная традиция не отрицает общие закономерности взаимодействия права и человека в социокультурном пространстве, но анализирует его с использованием иных инструментов и одновременно в различных плоскостях без образования единого концепта.

Заключение

Таким образом, семантика «правосознание» раскрывает фундаментальные характеристики соответствующих традиций правовой культуры: континентальной (системность и ценностную на-

полненность), отечественной (этатизм и формальную нормативность), англосаксонской (эмпиризм и процедурную легитимность). В итоге представления об универсальности понятия «правосознание» не только опровергаются разными историософскими и дискурсивными контекстами, но и препятствуют построению научного диалога. Реальное употребление понятия объясняется не общей логикой права, а специфическими вызовами и правовыми задачами конкретного общества, пониманием правовых связей и общественных ценностей. Эта практика употребления не только образует проблемную область соответствующих исследований, но создает особый сравнительно-правовой контекст на разных уровнях правовой реальности, в особенности в контексте конституционных практик и правового воздействия на поведение и сознание граждан.

Список литературы:

[1] Алексенко А.В. «Правосознание» как бесплодная теоретическая концепция // Право и политика. 2025. № 7. С. 123–144.

[2] Блохин П. Защита основных прав средствами конституционного правосудия в Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 81–104.

[3] Бурлаков В.И. Правосознание и правопорядок // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 1-2. С. 49–53.

[4] Жалкиев В.Т. Категориализация социальной солидарности в концепции Э. Дюркгейма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4. С. 97–100.

[5] Жуков В.Н. Социология права в дореволюционной России: основные направления и идеи // Право и государство: теория и практика. 2015. № 2 (122). С. 33–39.

[6] Корчагина О.А., Лезина Е. П. Историческая школа права в учениях Ф. К. Савиньи и Г. Ф. Пухты // Контентус. 2018. № 4 (69). С. 37–44.

[7] Ломоносова А.А. К вопросу о формировании «широкого» подхода к правопониманию в советской юридической науке // Вопросы экономики и права. 2012. № 12. С. 12–16.

[8] Ломтев В.В. Категория «Правосознание» в современной Российской теории права: теоретико-методологический анализ // Философия права. 2012. № 6 (55). С. 120–123.

[9] Пашенцев Д.А., Чернявский А. Г. Формирование русской исторической школы права // Образование и право. 2016. № 2. С. 188–194.

[10] Рассказов Л.П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 105. С. 949–963.

[11] Реуф В.М., Сальников С.П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник экономической безопасности. 2009. № 12. С. 50–57.

[12] Яворский Д.Р. «Природа», «Здравый смысл», «Рынок»: британский эмпиризм XVII-XVIII веков в поисках социокультурных универсалий // Logos et Praxis. 2008. № 2. С. 29–34.

[13] Gledhill J. Practical Reason // The Cambridge Habermas Lexicon / A. Allen, E. Mendieta, eds. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 332–334.

[14] White J.B. The Invisible Discourse of the Law: Reflections on Legal Literacy and General Education // University of Colorado Law Review. 1983. Vol. 54. P. 143–159.

References:

[1] Alekseenko A.V. “Legal Consciousness” as a Fruitless Theoretical Concept // Law and Politics. 2025. No. 7. P. 123–144.

[2] Blokhin P. Protection of Fundamental Rights by Means of Constitutional Justice in Germany // Comparative Constitutional Review. 2014. No. 3 (100). P. 81–104.

[3] Burlakov V.I. Legal Consciousness and Legal Order // Current Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2014. No. 1-2. P. 49–53.

[4] Zhalkiev V.T. Categorization of Social Solidarity in the Concept of E. Durkheim // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4. P. 97–100.

[5] Zhukov V.N. Sociology of Law in Pre-Revolutionary Russia: Main Directions and Ideas // Law and State: Theory and Practice. 2015. No. 2 (122). P. 33–39.

[6] Korchagina O.A., Lezina E.P. The Historical School of Law in the Teachings of F.K. Savigny and G.F. Puchta // Contentus. 2018. No. 4 (69). P. 37–44.

[7] Lomonosova A.A. On the Formation of a “Broad” Approach to Legal Understanding in Soviet Legal Science // Issues of Economics and Law. 2012. No. 12. P. 12–16.

[8] Lomtev V.V. The Category of “Legal Consciousness” in Contemporary Russian Legal Theory: Theoretical and Methodological Analysis // Philosophy of Law. 2012. No. 6 (55). P. 120–123.

[9] Pashentsev D.A., Chernyavsky A.G. Formation of the Russian Historical School of Law // Education and Law. 2016. No. 2. P. 188–194.

[10] Rasskazov L.P. The Anglo-Saxon Legal Family: Genesis, Main Features and Most Important Sources // Polythematic Online Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University. 2015. No. 105. P. 949–963.

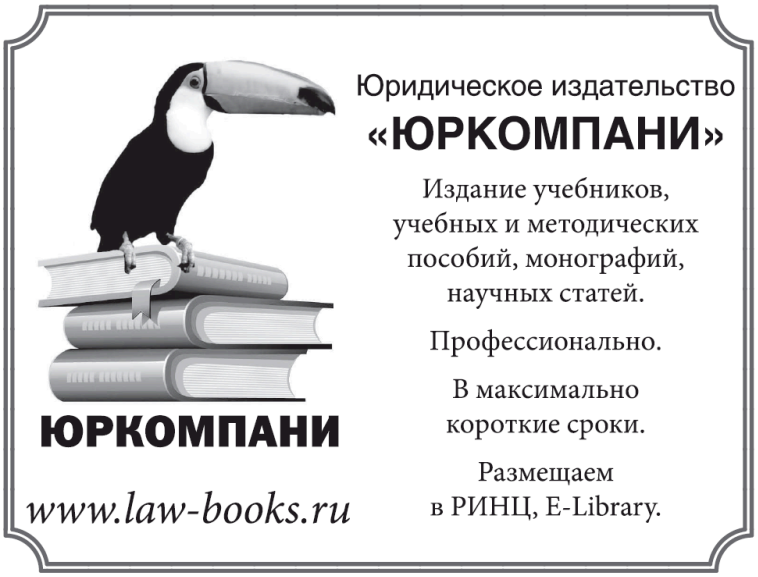
[11] Reuf V.M., Salnikov S.P. Legal Consciousness

as a Function and Functions of Legal Consciousness // Bulletin of Economic Security. 2009. No. 12. P. 50–57.

[12] Yavorsky D.R. “Nature”, “Common Sense”, “Market”: British Empiricism of the 17th–18th Centuries in Search of Sociocultural Universals // Logos et Praxis. 2008. No. 2. P. 29–34.

[13] Gledhill J. Practical Reason // The Cambridge Habermas Lexicon / A. Allen, E. Mendieta, eds. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 332–334.

[14] White J.B. The Invisible Discourse of the Law: Reflections on Legal Literacy and General Education // University of Colorado Law Review. 1983. Vol. 54. P. 143–159.

- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-106-110
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ГЕРОЕВА Амаль Ахмедовна,
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: amager.ahm@bk.ru

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. *В статье обоснован риск-ориентированный подход к организации внутреннего контроля как инструменту обеспечения финансовой безопасности предприятия. Показано, что равномерное распределение контрольных процедур не учитывает различия между рисками по размеру возможного ущерба, скорости его реализации и состоянию действующих средств контроля. Предложено авторское понятие контура риск-ориентированного внутреннего контроля финансовой безопасности, объединяющего защищаемый финансовый интерес, риск-событие, контрольную процедуру, ответственного исполнителя, доказательство выполнения, порог допустимого остаточного риска и механизм эскалации. Научная новизна состоит также в разработке матрицы «потенциальный финансовый ущерб — дефицит контроля», позволяющей относить риски к зонам немедленного воздействия, усиленного наблюдения или стандартного мониторинга. Сформулирован принцип доказуемой остаточной защищенности, согласно которому результативность контроля определяется не количеством процедур, а подтвержденным снижением остаточного риска до установленного уровня. Предложен порядок внедрения модели и система показателей для оценки ее эффективности.*

Ключевые слова: *риск-ориентированный подход, внутренний контроль, финансовая безопасность, остаточный риск, контрольная процедура, внутренний аудит, комплаенс.*

GEROEVA Amal Ahmedovna,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

RISK-BASED APPROACH TO ORGANIZING INTERNAL CONTROL IN THE ENTERPRISE FINANCIAL SECURITY SYSTEM

Annotation. *The article substantiates a risk-based approach to internal control as a tool for ensuring an enterprise's financial security. Uniform distribution of control procedures is shown to disregard differences in potential loss, the speed of risk materialization, and the condition of existing controls. The author proposes the concept of a risk-based internal control circuit for financial security. It links a protected financial interest, a risk event, a control procedure, a responsible owner, evidence of performance, an acceptable residual-risk threshold, and an escalation mechanism. The study also introduces a matrix of potential financial loss and control deficiency, which assigns risks to immediate-action, enhanced-monitoring, or standard-monitoring zones. The principle of demonstrable residual protection is formulated: control effectiveness should be assessed by verified reduction of residual risk to an approved level rather than by the number of procedures performed. A phased implementation process and indicators for evaluating the model's effectiveness are proposed.*

Key words: *risk-based approach, internal control, financial security, residual risk, control procedure, internal audit, compliance.*

Финансовая безопасность предприятия зависит от способности своевременно выявлять события, способные нарушить платежеспособность, сохранность активов, достоверность отчетности и устойчивость денежных потоков. Внутренний контроль обеспечивает такую способность только в том случае, если его процедуры соотносятся с конкретными рисками и меняются вместе с ними. Формальное наличие регламентов, согласований и проверок само по себе не показывает, какие угрозы действительно снижены и какой остаточный риск сохраняется после выполнения контрольных действий.

Правовая основа внутреннего контроля закреплена в статье 19 Федерального закона «О бухгалтерском учете»: экономический субъект обязан организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни [1]. Рекомендации Минфина России связывают внутренний контроль с эффективностью деятельности, сохранностью активов, достоверностью отчетности и соблюдением законодательства; к его элементам отнесены контрольная среда, оценка рисков, процедуры контроля, информация и коммуникация, а также оценка внутреннего контроля [2]. Следовательно, законодательная обязанность не ограничивается бухгалтерской проверкой. Она предполагает управленческий процесс, встроенный в принятие финансовых решений.

Научная литература также рассматривает внутренний контроль и внутренний аудит как элементы обеспечения экономической безопасности. Е. А. Сафохина связывает их действие со стабильным функционированием и развитием хозяйствующего субъекта, разграничивая внутренний контроль как постоянный процесс и аудит как независимую оценку его состояния [3, с. 264–265]. В. И. Бобошко подчеркивает значение контроля для сохранности активов, надежности учетных данных и минимизации рисков хозяйственной деятельности [4, с. 263]. Эти положения позволяют определить место внутреннего контроля в системе финансовой безопасности, но не решают вопрос о распределении ограниченных контрольных ресурсов между неоднородными угрозами.

Проблема особенно заметна на предприятиях, где контроль строится по перечню операций или подразделений. Проверки проводятся с одинаковой периодичностью, хотя возможные последствия ошибок различаются многократно. Современные исследования относят к функциям внутреннего контроля выявление рисков, мониторинг бизнес-процессов, обеспечение прозрачности отчетности и предупреждение нерационального использования ресурсов [5, с. 53]. Однако при отсутствии правил приоритизации число процедур растет быстрее, чем их полезность: сотрудники фиксируют выполнение действий, а руководство не получает сопоставимой оценки остаточного риска.

Цель исследования состоит в разработке организационной модели внутреннего контроля, ориентированной на защиту финансовых интересов предприятия и приоритизацию контрольного воздействия. Использованы системный, риск-ориентированный и структурно-функциональный подходы, методы классификации и сравнительного анализа. Объектом исследования является система внутреннего контроля предприятия, предметом — организационные связи между финансовыми рисками, контрольными процедурами и решениями об их изменении.

Научная новизна работы состоит в предложении понятия «контур риск-ориентированного внутреннего контроля финансовой безопасности» (КРОВК-ФБ). Под ним понимается непрерывная совокупность взаимосвязанных элементов: защищаемый финансовый интерес; риск-событие; показатель раннего предупреждения; контрольная процедура; владелец риска и исполнитель контроля; доказательство выполнения; допустимый уровень остаточного риска; порядок эскалации и корректирующего воздействия. В отличие от реестра рисков, который преимущественно описывает угрозы, КРОВК-ФБ закрепляет полный путь от угрозы до управленческого решения и подтверждения его результата.

Организация такого контура начинается не с инвентаризации действующих проверок, а с определения защищаемых финансовых интересов. К ним относятся непрерывность расчетов, ликвидность, сохранность денежных средств и имущества, достоверность финансовой информации, соблюдение обязательных платежей, допустимый уровень долговой нагрузки и устойчивость ключевых источников выручки. Для каждого интереса устанавливаются события, способные вызвать ущерб: кассовый разрыв, невозврат дебиторской задолженности, несанкционированный платеж, искажение отчетности, налоговая претензия, коррупционная схема, утечка данных или прекращение работы критичного контрагента.

Следующим этапом является оценка присущего риска до учета действующих процедур и остаточного риска после их применения. Риск-ориентированный подход уже используется в специальных системах контроля финансового сектора, где оценка клиентов и операций определяет глубину мониторинга. Исследование Л. Х. Боташевой и О. В. Лифановской показывает, что результативность такой системы зависит от связанности идентификации, оценки риска, мониторинга, сообщений о подозрительных операци-

ях, обучения и аудита, а также от достаточности кадровых, информационных и методических ресурсов [6, с. 1]. Для нефинансового предприятия эта логика применима не к клиентскому профилю как таковому, а к каждому существенному финансовому риску.

Для приоритизации предлагается авторская матрица «потенциальный финансовый ущерб — дефицит контроля». По первой оси риск относится к критическому, существенному или умеренному уровню с учетом прямых потерь, нарушения платежеспособности, штрафов и устойчивости деятельности. По второй оси определяется состояние контроля: отсутствующий, частично действенный или подтвержденно действенный. Комбинация двух оценок образует три зоны управленческого реагирования.

Зона немедленного воздействия охватывает критические риски при отсутствующем или частично действенном контроле, а также существенные риски без установленной процедуры. Для них требуется назначение владельца, разработка или изменение контроля, установление срока и информирование руководства.

Зона усиленного наблюдения включает существенные риски при частично действенном контроле и критические риски, по которым результативность процедур подтверждена, но последствия реализации остаются высокими. Здесь применяются повышенная частота мониторинга, сценарный анализ и резервные процедуры.

Зона стандартного мониторинга объединяет умеренные риски и существенные риски при подтвержденно действенном контроле. Сохранение процедуры допускается при периодическом тестировании и отсутствии негативной динамики индикаторов.

Матрица устраняет характерный недостаток традиционного подхода, при котором высокий присущий риск автоматически означает максимальный объем проверок. Если действующий контроль доказуемо снижает риск до допустимого уровня, ресурс следует направить на участки с большим дефицитом контроля. В связи с этим предлагается принцип доказуемой остаточной защищенности: контроль признается результативным не по факту его выполнения и не по количеству подписей, а при наличии проверяемых данных о снижении остаточного риска до установленного порога. Доказательствами могут быть результаты повторного исполнения процедуры, журналы автоматизированного контроля, показатели устранения отклонений, выборочное тестирование и подтверждение внутреннего аудита.

Риск-ориентированная модель должна охватывать не только бухгалтерские и казначейские операции. Антикоррупционные риски способны порождать прямой финансовый ущерб, рост закупочных расходов, санкции и потерю деловой репутации. Н. И. Руднева относит к ключевым элементам антикоррупционной политики оценку рисков, контрольные механизмы, обучение работников и защиту информаторов [7, с. 4]. Статья 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» возлагает на организации обязанность разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции [8]. Поэтому риск конфликта интересов, недобросовестной закупки или скрытого вознаграждения должен включаться в единый контур финансовой безопасности, а не учитываться обособленно от системы внутреннего контроля.

Требования к независимости контрольной функции особенно важны при рисках, связанных с действиями руководителей. А. М. Цирин, анализируя обновленные стандарты антикоррупционного комплаенса, обосновывает необходимость прямого доступа комплаенс-функции к совету директоров или независимому комитету и защищенного канала сообщений о нарушениях [9, с. 132–133]. В предлагаемой модели критический риск не может закрываться процедурой, исполнение и оценка которой полностью зависят от владельца проверяемого процесса. Для таких случаев необходимо функциональное подчинение контрольного работника руководителю более высокого уровня или комитету по аудиту.

Организационное распределение ответственности целесообразно строить на трех уровнях. Владельцы бизнес-процессов ежедневно выполняют встроенные контрольные процедуры и отвечают за первичные доказательства. Подразделения управления рисками, внутреннего контроля и комплаенса устанавливают методику оценки, проверяют полноту риск-контрольных связей и организуют эскалацию. Внутренний аудит независимо оценивает дизайн и фактическую результативность системы. Д. О. Жуков отмечает, что внутренний аудит обеспечивает руководство достоверной информацией и оценивает эффективность процессов управления рисками, контроля и корпоративного управления [10, с. 142]. При этом аудит не должен подменять владельцев риска или самостоятельно выполнять регулярные контрольные операции.

Документирование профессионального суждения является обязательной частью КРОВК-ФБ. Решение о приемлемости остаточного риска должно содержать исходные данные, критерии оценки, допущения и сведения о лице, утвердившем отклонение. Н. Г. Викторова и Ф. Г. Шухов показывают, что отсутствие детальной рабочей документации увеличивает правовые и репутационные риски аудитора и затрудняет

судебную защиту профессионального решения [11, с. 248]. Для предприятия это означает, что протокол оценки риска выполняет одновременно управленческую и доказательственную функцию.

Цифровизация усиливает контроль при условии, что автоматизированное правило связано с конкретным риском и регулярно тестируется. Приоритетными являются автоматическая проверка полномочий и лимитов, выявление дублей платежей, анализ отклонений в закупочных ценах, контроль изменений справочников, мониторинг просроченной задолженности и событий информационной безопасности. В специализированных сферах дополнительные процедуры определяются отраслевыми нормами, включая требования законодательства о противодействии легализации преступных доходов и финансированию терроризма [12]. Автоматизация не отменяет профессионального анализа: алгоритм должен иметь владельца, версию, порог срабатывания, журнал исключений и процедуру проверки ложных сигналов.

Результативность модели предлагается оценивать по пяти группам показателей: доля критических рисков с назначенным владельцем и установленным порогом остаточного риска; доля контролей, прошедших тестирование; средний срок устранения критического дефицита контроля; повторяемость однотипных нарушений; размер предотвращенных или своевременно локализованных финансовых потерь. Дополнительно следует учитывать стоимость контроля. Процедура, расходы на которую устойчиво превышают ожидаемое снижение потерь, должна быть упрощена, автоматизирована или заменена, если это не противоречит обязательным требованиям.

Внедрение КРОВК-ФБ может осуществляться поэтапно. На первом этапе определяется перечень защищаемых финансовых интересов и критических бизнес-процессов. На втором формируется реестр риск-событий и выполняется их оценка по предложенной матрице. На третьем устанавливаются связи между рисками, процедурами, ответственными и доказательствами выполнения. На четвертом проводится тестирование дизайна и фактической работы контролей. На пятом руководство утверждает допустимые уровни остаточного риска и порядок эскалации. Цикл завершается независимой оценкой внутреннего аудита и пересмотром модели после существенных изменений деятельности или внешней среды.

Заключение. Риск-ориентированная организация внутреннего контроля переводит систему финансовой безопасности от формального соблюдения процедур к управлению конкретными угрозами. Предложенный КРОВК-ФБ обеспечивает прослеживаемую связь между финансовым интересом предприятия, риск-событием, контрольным действием и решением об остаточном риске. Матрица «потенциальный финансовый ущерб — дефицит контроля» позволяет направлять ресурсы в зоны, где возможные последствия сочетаются с недостаточной защищенностью. Принцип доказуемой остаточной защищенности задает критерий результативности: предприятие должно подтверждать снижение риска, а не только факт выполнения проверки. Практическое применение модели повышает сопоставимость контрольных решений, укрепляет ответственность владельцев процессов и создает для руководства информационную основу для защиты ликвидности, активов и устойчивости предприятия.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

[2] Информация Минфина России от 25.12.2013 № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности».

[3] Сафохина Е. А. Внутренний контроль и аудит как фактор обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 264–267. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10302..

[4] Бобошко В. И. Роль внутреннего контроля и внутреннего аудита в обеспечении экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 262–268. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10495..

[5] Артемьев Н. В., Вакуленко Р. Я., Дмитриева Е. А., Ивашкевич Т. В., Васин Ю. Г. Роль системы внутреннего контроля в контексте экономической безопасности предприятия // Экономика и управление: проблемы, решения. 2026. Т. 7. № 2. С. 53–60. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.02.07.006..

[6] Боташева Л. Х., Лифановская О. В. Перспективные направления совершенствования системы внутреннего контроля [Электронный источник] в целях ПОД/ФТ/ФРОМУ на предприятиях финансового сектора // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № S3. URL: https://esj.today/PDF/61FAVN325.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

[7] Руднева Н. И. Совершенствование антикоррупционной политики предприятия как гарант экономической безопасности [Электронный источник] // Наука и Образование. 2025. Т. 8.

№ 1. URL: https://www.opusmgau.ru/index.php/see/article/view/7304 (дата обращения: 17.09.2026).

[8] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[9] Цирин А. М. Реализация новых стандартов антикоррупционного комплаенса в организациях сферы ТЭК // Правовой энергетический форум. 2026. Т. 12. № 2. С. 123–133. DOI: 10.61525/S231243500038953-6..

[10] Жуков Д. О. Внутренний аудит в системе обеспечения финансовой безопасности организаций АПК // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 6-1 (112). С. 142–145. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-6-1-142-145..

[11] Викторова Н. Г., Шухов Ф. Г. Правовая неопределенность в аудиторской деятельности и смежных институтах: риски профессионального суждения и барьеры судебной защиты // Право и практика. 2026. № 2. С. 243–249. DOI: 10.24412/2411-2275-2026-2-243-249..

[12] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

References:

[1] Federal Law of 06.12.2011 No. 402-FZ "On Accounting" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 50. Art. 7344.

[2] Information of the Ministry of Finance of Russia dated 25.12.2013 No. PZ-11/2013 "Organization and implementation by an economic entity of internal control of the facts of economic life, accounting and compilation of accounting (financial) statements.".

[3] Safokhina E. A. Internal control and audit as a factor in ensuring the economic security of an economic entity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 5. S. 264-267. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10302..

[4] V.I. Boboshko. Role of internal control and internal audit in ensuring economic security of an economic entity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 8. S. 262-268. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10495..

[5] Artemyev N.V., Vakulenko R. Ya., Dmitrieva E. A., Ivashkevich T. V., Vasin Yu. G. The role of the internal control system in the context of economic security of an enterprise // Economics and management: problems, solutions. 2026. VOL. 7. № 2. S. 53-60. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2026.02.07.006..

[6] Botasheva L. Kh., Lifanovskaya O. V. Promising areas for improving the internal control system [Electronic source] for AML/CFT/FROMU at financial sector enterprises // Bulletin of Eurasian Science. 2025. VOL. 17. № S3. URL: https://esj.today/PDF/61FAVN325.pdf (Accessed: 17.09.2026).

[7] Rudneva N.I. Improving the anti-corruption policy of the enterprise as a guarantor of economic security [Electronic Point] // Science and Education. 2025. VOL. 8. № 1. URL: https://www.opusmgau.ru/index.php/see/article/view/7304 (access date: 17.09.2026).

[8] Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6228.

[9] A. M. Tsirin. Implementation of new standards of anti-corruption compliance in organizations in the fuel and energy sector // Legal Energy Forum. 2026. VOL. 12. № 2. S. 123-133. DOI: 10.61525/S231243500038953-6..

[10] Zhukov D. O. Internal audit in the system of ensuring financial security of agro-industrial complex organizations // Economics and business: theory and practice. 2024. № 6-1 (112). S. 142-145. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-6-1-142-145..

[11] Viktorova N. G., Shukhov F. G. Legal uncertainty in auditing activities and related institutions: risks of professional judgment and barriers to judicial protection // Law and practice. 2026. № 2. S. 243-249. DOI: 10.24412/2411-2275-2026-2-243-249..

[12] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part 1). Art. 3418.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-111-118
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ВАРЕНИЦА Кирилл Алексеевич,
студент 1 курса направления «юриспруденция» (40.04.01) образовательной программы «Российская уголовная юстиция» юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск,
e-mail: kirill.varenitsa@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТИЧЕСКОГО РАЗМЕРА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ПРИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. *В статье рассматривается проблема установления фактического размера заработной платы в случаях, когда трудовые отношения возникли на основании фактического допуска к работе, но не были надлежащим образом оформлены. Отдельное внимание уделено разграничению двух самостоятельных обстоятельств доказывания: существования трудового отношения и размера причитавшегося работнику вознаграждения. На основе положений трудового и гражданского процессуального законодательства, Рекомендации МОТ № 198 и судебной практики предложена трехуровневая модель определения размера заработной платы: установление согласованного сторонами размера по совокупности доказательств; определение обычного вознаграждения работника соответствующей квалификации в данной местности; применение минимальной заработной платы как субсидиарного ориентира. Анализируются банковские операции, переписка, сведения о заработке работников сопоставимой квалификации, объявления о вакансиях, документы работодателя и статистические данные. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления общего правила определения размера заработной платы при неоформленных трудовых отношениях.*

Ключевые слова: *неформальные трудовые отношения, заработная плата, фактический размер заработной платы, доказывание, обычное вознаграждение, судебная практика, банковские переводы, статистические данные.*

VARENITSA Kirill Alekseevich,
1st year law student (40.04.01) of the educational program "Russian Criminal Justice" of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, Tomsk

PROBLEMS OF PROVING THE ACTUAL AMOUNT OF WAGES IN INFORMAL LABOR RELATIONS: DOCTRINAL APPROACH AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *The article examines the problem of determining the actual amount of wages in cases where an employment relationship arose on the basis of actual access to work but was not properly formalized. Special attention is paid to distinguishing between two independent circumstances of proof: the existence of an employment relationship and the amount of remuneration due to the employee. Based on the provisions of labour and civil procedural legislation, ILO Recommendation No. 198, and judicial practice, a three level model for determining the amount of wages is proposed: establishing the amount agreed upon by the parties based on the totality of evidence; determining the usual remuneration for an employee with the relevant qualifications in the given locality; and applying the minimum wage as a subsidiary reference point. Banking transactions, correspondence, information about the earnings of workers with comparable qualifications, job advertisements, employer documents, and statistical data are analyzed.*

Key words: *informal employment relations, wages, actual wage amount, proof, usual remuneration, judicial practice, bank transfers, statistical data.*

Проблема неформальной занятости обычно рассматривается через вопрос о признании отношений трудовыми. Действительно, пока суд не установит, что гражданин выполнял работу лично, в интересах, под управлением и контролем работодателя, требования, основанные на трудовом законодательстве, не получают надлежащей правовой опоры. Однако после признания отношений трудовыми возникает второй, не менее сложный вопрос: какую именно заработную плату должен был получать работник и в каком размере на самом деле образовалась задолженность. При отсутствии письменного трудового договора эти обстоятельства далеко не всегда подтверждаются теми же доказательствами, которыми устанавливается сам факт работы.

В соответствие со статьями 57,129 и 135 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) условия оплаты труда относятся к существенным элементам трудового договора, а заработная плата устанавливается трудовым договором в соответствие с действующей у работодателя системой оплаты труда [2].

Нормальная модель трудового отношения предполагает наличие письменного договора, приказа о приеме на работу, локальных актов, расчетных листков и документов о выплате. При неоформленной занятости значительная часть этой доказательственной базы отсутствует именно вследствие нарушения обязанности работодателя оформить трудовой договор в письменной форме. В результате работник оказывается в ситуации, когда право на оплату труда признается, но точный размер этого права требует самостоятельного судебного разрешения.

В научной литературе оплата труда исследуется как один из признаков трудового отношения и как содержание обязанности работодателя [12, с. 104; 13, с. 386; 15, с. 205]. В более ранних работах также систематизированы способы доказывания неофициальных выплат и значение периодичности перечислений [14, с. 150; 15, с. 301].

Вместе с тем вопрос о том, по какой последовательности суд должен устанавливать именно размер заработной платы после признания неоформленного отношения трудовым, остается разработан менее подробно. На практике применяются разные источники: банковские выписки, переписка, сведения о вознаграждении других работников, документы работодателя, статистические данные, а при невозможности установить обычное вознаграждение – минимальная заработная плата.

Цель настоящей статьи состоит в формировании последовательного подхода к доказыванию фактического размера заработной платы при неформальных трудовых отношениях. Для достижения цели необходимо разграничить предмет доказывания по требованиям об установлении трудовых отношений и взыскании заработной платы; определить доказательственное значение различных источников сведений о размере вознаграждения; проанализировать механизм, предусмотренный пунктом 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» (далее – ППВС № 15) [4]; выявить проблемы его применения и сформулировать предложения по их разрешению.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также обобщение судебной практики. При анализе судебных актов учитывалось не только то, какое решение принято по конкретному делу, но и каким способом суд переходил от доказанного факта выполнения работы к определению денежного размера обязанности работодателя.

Разграничение предмета доказывания

При разрешении спора о неоформленной занятости необходимо различать доказательство существования трудового отношения и доказательство размера заработной платы. Эти вопросы связаны, но не совпадают. Факт регулярного перечисления денег может одновременно подтверждать возмездный характер отношений и указывать на величину оплаты, однако из самого факта работы не следует автоматически конкретный размер ежемесячного заработка.

Часть 2 статьи 67 ТК РФ предусматривает, что трудовой договор, не оформленный письменно, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя. Верховный Суд Российской Федерации в определении от 10 апреля 2023 г. № 16-КГ23-4-К4 подчеркнул, что при фактическом выполнении работы в интересах работодателя, под его контролем и управлением наличие трудового правоотношения презюмируется, а формальное отсутствие документов само по себе не должно лишать работника защиты [6]. Эта позиция имеет принципиальное значение и для требований об оплате труда: отсутствие документа, который должен был оформить работодатель, не должно превра-

щаться в основание для полного отказа во взыскании вознаграждения.

При этом процессуальное правило статьи 56 ГПК РФ сохраняет значение: каждая сторона доказывает обстоятельства, на которые ссылается [3]. Особенность трудового спора состоит в информационном неравенстве. Документы о штатном расписании, системе оплаты труда, начислениях и расчетах находятся преимущественно у работодателя. Работник, допущенный к работе без договора, нередко располагает только перепиской, движением средств по банковскому счету, фотографиями документов либо сведениями коллег. Поэтому механическое возложение на него обязанности представить именно документ о согласованном окладе фактически воспроизводило бы последствия нарушения, допущенного работодателем.

Рекомендация Международной организации труда от 15.06.2006 № 198 «О трудовом правоотношении» (далее – Рекомендация МОТ № 198) исходит из принципа приоритета фактов: существование трудового отношения должно определяться прежде всего по фактическим обстоятельствам выполнения работы и выплаты вознаграждения, независимо от наименования или формального оформления отношений [5]. Для проблемы заработной платы этот принцип целесообразно развивать дальше. Если фактические обстоятельства свидетельствуют не только о выполнении работы, но и о сложившемся порядке ее оплаты, они должны учитываться при установлении реального содержания обязанности работодателя.

Правовая модель определения размера заработной платы

Ключевое специальное разъяснение содержится в пункте 23 ППВС № 15. При отсутствии письменных доказательств размера заработной платы суд вправе определить ее исходя из обычного вознаграждения работника соответствующей квалификации в данной местности, а если установить такое вознаграждение невозможно — исходя из минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации. Данное правило фактически создает механизм, который не позволяет свести заработок неоформленного работника к нулю только из-за отсутствия трудового договора.

Формально ППВС № 15 посвящено труду у работодателей – физических лиц и у субъектов малого предпринимательства, отнесенных к микропредприятиям. На практике, однако, содержащийся в пункте 23 подход используется судами и в спорах с иными работодателями. Особенно показательно определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2026 г. № 88-15806/2026: кассационный суд прямо указал, что разъяснения пункта 23 являются актуальными для всех субъектов трудовых отношений [8]. Такая формулировка подтверждает тенденцию к восприятию правила об обычном вознаграждении как общего способа устранения доказательственной неопределенности.

С доктринальной точки зрения данный механизм следует понимать не как свободное усмотрение суда заменить заявленную заработную плату средней статистической величиной, а как последовательность способов установления размера вознаграждения. Первоначально суд должен проверить, возможно ли установить соглашение сторон либо фактически сложившийся размер оплаты по доказательствам конкретного отношения. Только при недостаточности такой базы возникает необходимость обращаться к объективному внешнему ориентиру – обычному вознаграждению работника сопоставимой квалификации. Минимальная заработная плата должна использоваться последней, поскольку она представляет собой государственную гарантию, а не презумпцию фактической рыночной стоимости труда.

Такой подход позволяет предложить трехуровневую модель. На первом уровне устанавливается индивидуально согласованный или фактически сложившийся размер заработка. На втором – обычное вознаграждение работника соответствующей квалификации в данной местности. На третьем – региональная минимальная заработная плата либо федеральный МРОТ в предусмотренных законом случаях. Переход к следующему уровню оправдан только тогда, когда предыдущий не дает достоверного результата.

Доказательства фактически согласованного размера оплаты

Наиболее убедительными доказательствами фактического размера оплаты являются сведения, которые одновременно связаны с работодателем, относятся к периоду выполнения работы и позволяют проследить повторяемость либо назначение платежей. К ним относятся банковские выписки, расчетные документы, ведомости, переписка о размере оплаты и сроках выплат, сообщения с расчетами за конкретный период, а также документы, составленные самим работодателем.

Банковская выписка сама по себе фиксирует лишь движение денежных средств. Ее доказательственная сила возрастает, когда перечисления повторяются через сходные интервалы, совпадают со сроками выплаты заработной платы, исходят от работодателя или связанного с ним лица и корреспондируют содержанию переписки. Именно такая совокупность была исследована Седьмым кассационным судом общей юрисдикции в определении от 13 июля 2021 г.

№ 88-10854/2021: электронная переписка и сведения о перечислении неофициальной части заработной платы позволили подтвердить фактический размер заработка и взыскать задолженность [7]. Для неформального трудового отношения этот пример важен не суммой взыскания, а связью отдельных косвенных фактов в единую доказательственную базу.

Переписка в электронной почте и мессенджерах может прямо содержать сумму оклада, ставку за смену, размер аванса, расчет премии или объяснение причин задержки выплаты. Однако необходимо установить принадлежность аккаунтов и контекст сообщений. Изолированный скриншот, не позволяющий определить автора, дату либо источник, имеет меньшую доказательственную ценность. По этой причине практическое значение имеет сохранение исходной переписки, выгрузок, метаданных, а при высоком риске удаления – ее нотариальная фиксация.

Сведения о заработной плате других работников того же работодателя также могут быть значимы, если речь идет о сопоставимой трудовой функции, квалификации и условиях труда. Они не доказывают автоматически тождество заработка, поскольку система оплаты может предусматривать разные надбавки, премии и индивидуальные условия. Вместе с тем сильное расхождение между формально указанным минимальным окладом и фактически выплачиваемыми суммами другим работникам способно опровергать позицию работодателя о реальном характере формальной суммы.

Объявление о вакансии занимает промежуточное положение. Оно может отражать публичное предложение работодателя относительно условий найма, но только при возможности надежно установить источник, дату размещения, работодателя и соответствие вакансии выполняемой работником функции. Если эти признаки отсутствуют, доказательство становится легко оспоримым. Это отчетливо видно в решении Заельцовского районного суда г. Новосибирска по делу № 2-1164/2024: представленный истцом скриншот вакансии не был принят, поскольку из него невозможно было определить сайт и лицо, разместившее объявление [10].

Свидетельские показания в рассматриваемой категории дел имеют вспомогательный характер. Коллеги могут подтвердить устную договоренность, порядок выдачи денег, ставку за смену или общую схему оплаты. Но вопрос о точном размере денежного требования требует особенно осторожной оценки: память свидетеля, его осведомленность об индивидуальных условиях истца и заинтересованность должны сопоставляться с объективными данными. Наиболее надежной представляется ситуация, когда показания объясняют уже имеющиеся банковские операции, переписку или документы, а не заменяют их полностью.

Отдельно следует учитывать документы, которыми располагает только работодатель. Штатное расписание, положение об оплате труда, сведения о начислениях работникам аналогичной должности и платежные документы могут быть истребованы судом. Непредставление таких материалов не означает автоматического признания суммы, названной истцом, но должно оцениваться вместе с распределением обязанности доказывания и причиной отсутствия документов у работника. Иначе сторона, нарушившая обязанность по оформлению трудовых отношений, получает процессуальное преимущество от собственного нарушения.

Обычное вознаграждение работника как способ восполнения доказательственного пробела

Если индивидуально согласованный размер оплаты установить не удается, центральной становится категория «обычного вознаграждения работника его квалификации в данной местности». Законодатель не раскрывает порядок определения этой величины. На практике суды обращаются к официальной статистике, сведениям о заработке работников аналогичной должности и иным данным, позволяющим приблизить оценку к реальному рынку труда.

В решении Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 22 июля 2024 г. по делу № 2-1164/2024 истец утверждал, что при приеме на работу был согласован заработок не менее 80 000 руб. в месяц. Скриншот вакансии суд отклонил, копию штатного расписания ответчика также не признал достаточным доказательством из-за отсутствия оригинала и подтверждений фактической выплаты указанного в нем оклада. В результате суд использовал сведения «НОВОСИБИРСКСТАТА»: средняя начисленная заработная плата по профессиональной группе, включавшей должность мастера цеха, составляла 79 753 руб. Эта величина была положена в основу расчета задолженности [10]. Более наглядный пример дает решение Новоуренгойского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 июня 2025 г. по делу № 2-644/2025. Суд пришел к выводу, что работник был допущен к работе до надлежащего заключения письменного договора, поэтому формальный оклад 23 000 руб. не мог безусловно считаться согласованным. Были исследованы сведения о вознаграждении лица, ранее занимавшего сопоставимую должность, показания работника организации и банковские выплаты. Для окончательного определения обыч-

ного вознаграждения суд обратился к данным территориального органа Росстата и установил месячный заработок в размере 169 007 руб. [9].

Эти дела показывают практическую ценность статистического ориентира, но одновременно выявляют его ограничения. Во-первых, статистика формируется по укрупненным профессиональным группам, поэтому должность конкретного работника может лишь приблизительно соответствовать выбранной категории. Во-вторых, сведения публикуются с временным лагом. В-третьих, отдельные формы статистического наблюдения не охватывают все категории работодателей, что особенно заметно именно в сфере малого бизнеса, где неформальная занятость встречается часто. В-четвертых, средняя начисленная заработная плата включает различные элементы оплаты, тогда как стороны спора могут обсуждать сумму «на руки». Поэтому статистическая величина требует объяснения, а не механического применения.

Апелляционное определение от 27 января 2026 г. № 33-1151/2026 демонстрирует еще одну сторону проблемы. Суд сопоставил фактически полученные истцом суммы с данными статистики по Красноярскому краю – 86 591 руб. для соответствующей квалификационной группы. Выплаты за отдельные месяцы значительно превышали статистический ориентир, поэтому задолженность за эти месяцы отсутствовала; за месяц, когда выплата была существенно меньше, задолженность была рассчитана с учетом обычного вознаграждения [11]. Следовательно, статистика может использоваться не только для исчисления долга, но и как контрольный ориентир при оценке фактических выплат.

С учетом этого под «обычным вознаграждением» целесообразно понимать не одну заранее установленную статистическую цифру, а объективно определяемый диапазон оплаты за сопоставимую работу в конкретной местности и периоде. Приоритет следует отдавать наиболее близким к спорному отношению сведениям: оплате работников той же или сходной должности у данного работодателя, подтвержденным предложениям работодателя на рынке труда, затем – данным официальной статистики по максимально точной профессиональной группе. Такой порядок лучше соответствует индивидуальному характеру заработной платы, чем автоматическое обращение к среднему региональному показателю.

Неформальное трудовое отношение и «серая» заработная плата: пределы сопоставления

На практике необходимо четко отделять неоформленные трудовые отношения от ситуации, когда письменный трудовой договор существует, но работник утверждает, что фактическая заработная плата была выше указанной в нем. Во втором случае суды значительно строже оценивают возможность взыскания так называемой «серой» части. В судебной практике встречается подход, согласно которому сама по себе неофициальная выплата не означает возникновения обязанности продолжать ее в заявленном размере. Вместе с тем имеются дела, где совокупность банковских перечислений и переписки позволяла установить фактический заработок [7].

Для исследуемой темы это разграничение необходимо. Пункт 23 ППВС № 15 рассчитан прежде всего на отсутствие надлежащего оформления, когда невозможно достоверно установить волю сторон относительно размера оплаты. Если письменный договор содержит конкретное условие о заработной плате, спор касается уже не заполнения пробела, а доказательства существования дополнительной договоренности либо иных элементов системы оплаты. Так, модель «обычное вознаграждение – минимальная заработная плата» не должна автоматически переноситься на любые споры о неофициальных выплатах.

Иначе говоря, неформальность отношений влияет не только на состав доказательств, но и на сам метод определения денежного требования. При полном отсутствии оформления задача суда состоит в восстановлении содержания незафиксированного трудового правоотношения. При наличии письменного договора суд проверяет утверждение о том, что фактические условия отличались от закрепленных письменно. Эти ситуации требуют различного стандарта аргументации.

Проблемы правового регулирования и предложения

Проведенный анализ позволяет выделить несколько проблем действующей модели. Первая состоит в том, что общее правило определения заработной платы неоформленного работника фактически закреплено не в Трудовом кодексе, а в постановлении Пленума Верховного Суда, причем формальная сфера действия этого постановления ограничена отдельными работодателями. Судебная практика расширяет применение пункта 23, однако такой способ устранения пробела зависит от устойчивости правоприменительной практики.

Вторая проблема – отсутствие нормативных критериев обычного вознаграждения. Не определено, какой источник должен иметь приоритет, насколько узкой должна быть профессиональная группа, за какой период брать статистику, как учитывать районные коэффициенты, переменную часть заработка и неполное рабочее время. Отсюда возможно значительное различие расчетов по сходным делам.

Третья проблема связана с оценкой кос-

венных доказательств. Банковский перевод без назначения платежа, скриншот вакансии, свидетельские показания или сумма выплаты другому работнику по отдельности редко дают достаточную степень достоверности. Однако их совокупность способна достаточно точно восстанавливать фактическую модель оплаты. Поэтому для данной категории споров особенно важен не поиск единственного удовлетворяющего документа, а оценка согласованности нескольких независимых источников.

Представляется обоснованным закрепить непосредственно в трудовом законодательстве правило, по содержанию близкое пункту 23 ППВС № 15, распространив его на всех работодателей. Возможной формой могло бы быть дополнение статьи 135 ТК РФ положением о том, что при признании отношений трудовыми и невозможности установить согласованный размер заработной платы по имеющимся доказательствам ее размер определяется судом исходя из обычного вознаграждения работника сопоставимой квалификации в соответствующей местности, а при невозможности установить такое вознаграждение – исходя из минимальной заработной платы, применимой к работнику. Такое правило устранило бы зависимость способа защиты от организационно-правового статуса работодателя.

Кроме того, в разъяснениях Верховного Суда целесообразно конкретизировать примерный порядок установления обычного вознаграждения. На первом месте могут находиться достоверные сведения о вознаграждении работников сопоставимой должности у того же работодателя и подтвержденные предложения этого работодателя о найме; далее – официальные статистические данные по профессии и региону; при отсутствии таких сведений – минимальная заработная плата. Перечень должен оставаться открытым, поскольку рынок труда и способы выплаты вознаграждения меняются быстрее, чем процессуальные формы их фиксации.

Результат

По результатам исследования можно сформулировать трехуровневый подход к определению фактического размера заработной платы при неоформленных трудовых отношениях. Первый уровень – установление индивидуального размера по совокупности прямых и косвенных доказательств: банковским операциям, переписке, расчетным и внутренним документам работодателя, сведениям о фактически применявшейся ставке. Второй уровень применяется, когда соглашение сторон достоверно не восстанавливается: суд определяет обычное вознаграждение работника сопоставимой квалификации с учетом местности и периода работы. Третий уровень – субсидиарный, предполагающий использование минимальной заработной платы как гарантированного нижнего ориентира.

В рамках первого уровня целесообразно использовать критерий взаимного подтверждения доказательств. Регулярный перевод денежных средств приобретает большее значение при совпадении со сроками оплаты; сообщение о сумме – при наличии последующего платежа; сведения о заработке коллеги – при сопоставимости должности и условий труда. Такая модель снижает риск как необоснованного завышения требований работником, так и получения работодателем выгоды из отсутствия документов, которые он обязан был оформить.

Судебная практика 2024-2026 гг. показывает укрепление подхода, основанного на применении обычного вознаграждения и официальной статистики [8-11]. Одновременно сохраняется потребность в более четких критериях выбора статистической группы и соотношения статистики с доказательствами конкретной договоренности. В этом видится основное направление дальнейшего развития правового регулирования.

Заключение

Доказывание фактического размера заработной платы при неформальных трудовых отношениях представляет собой самостоятельную доказательственную задачу, которая возникает после или одновременно с установлением самого факта трудового отношения. Отсутствие письменного договора не может означать отсутствие права на вознаграждение, поскольку обязанность надлежащего оформления отношений лежит на работодателе, а фактический допуск к работе порождает трудовые права и обязанности.

Наиболее обоснованным является последовательный переход от индивидуальных доказательств фактической договоренности к объективным внешним ориентирам. Банковские выписки, переписка, внутренние документы и сведения о сопоставимых работниках должны оцениваться не изолированно, а в совокупности. Если определить согласованный размер таким способом невозможно, суд вправе обратиться к обычному вознаграждению работника соответствующей квалификации, используя прежде всего данные, наиболее близкие к конкретному работодателю и трудовой функции, а затем официальную статистику. Минимальная заработная плата должна оставаться последним способом восполнения доказательственной неопределенности.

Закрепление указанной модели непосредственно в Трудовом кодексе и уточнение критериев определения обычного вознаграждения позволили бы повысить единообразие судебной практики. Это особенно важно потому, что риск

отсутствия обязательных документов не должен полностью переноситься на работника, фактически выполнившего трудовую функцию, но в то же время судебное определение заработка должно опираться на проверяемые и объективные сведения, исключающие произвольный расчет.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[5] Рекомендация Международной организации труда от 15.06.2006 № 198 «О трудовом правоотношении». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.04.2023 № 16-КГ23-4-К4. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[7] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2021 по делу № 8Г-10015/2021 (№ 88-10854/2021). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[8] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2026 по делу № 8Г-14340/2026 (№ 88-15806/2026). URL: https://base.garant.ru/471378905/ (дата обращения: 22.09.2026).

[9] Решение Новоуренгойского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20.06.2025 по делу № 2-644/2025. [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/p63CbhHpdNdW/ (дата обращения: 23.09.2026).

[10] Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 22.07.2024 по делу № 2-1164/2024. [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/J3lV11W96sUP/ (дата обращения: 25.09.2026).

[11] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 27.01.2026 № 33-1151/2026. [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/jUkz15bAzAo5/ (дата обращения: 25.09.2026).

[12] Ветошкин Е. И. Системность оплаты как признак трудового отношения в судебной практике по доказыванию фактического трудового отношения // Молодой ученый. 2026. № 32 (635). С. 102-105. [Электронный ресурс] // URL: https://moluch.ru/archive/635/139646/ (дата обращения: 24.09.2026).

[13] Вареница К. А., Каравайцев Н. Д. Судебные споры о «черной» заработной плате: способы доказывания // Молодой ученый. 2026. № 24 (627). С. 385-387. [Электронный ресурс] // URL: https://moluch.ru/archive/627/138203/ (дата обращения: 26.09.2026).

[14] Кочуганова Е. А. Оплата труда как признак трудовых отношений // Молодой ученый. 2022. № 10 (405). С. 149-151. [Электронный ресурс] // URL: https://moluch.ru/archive/405/89392/ (дата обращения: 26.09.2026).

[15] Куренной А. М. Трудовое право России: учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2015. 604 с.

[16] Процевский В. А., Горлов Е. В. Проблемы реализации права на вознаграждение за труд // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 200-213.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[2] Labor Code of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 197-FZ (as amended 25.05.2026). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (ed. 04.08.2026, rev. and addendum, entry. by virtue of 01.09.2026). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2018 No. 15 "On the application by the courts of legislation regulating the work of workers working for employers - individuals and employers - small businesses that are classified as micro-enterprises." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[5] Recommendation of the International Labor Organization of 15.06.2006 No. 198 "On Labor Legal

Relations." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[6] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.04.2023 No. 16-KG23-4-K4. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[7] Determination of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction of 13.07.2021 in case No. 8G-10015/2021 (No. 88-10854/2021). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[8] Determination of the First Court of Cassation of General Jurisdiction of 13.07.2026 in case No. 8G-14340/2026 (No. 88-15806/2026). URL: https://base.garant.ru/471378905/ (access date: 22.09.2026).

[9] Decision of the Novourengoy City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of 20.06.2025 in case No. 2-644/2025. [Electronic resource] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/p63CbhHpdNdW/ (access date: 23.09.2026).

[10] Decision of the Zaeltsovsky District Court of Novosibirsk dated 22.07.2024 in case No. 2-1164/2024. [Electronic resource] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/J3lV11W96sUP/ (access date: 25.09.2026).

[11] Appeal ruling of the Krasnoyarsk Regional Court of 27.01.2026 No. 33-1151/2026. [Electronic resource] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/jUkz15bAzAo5/ (access date: 25.09.2026).

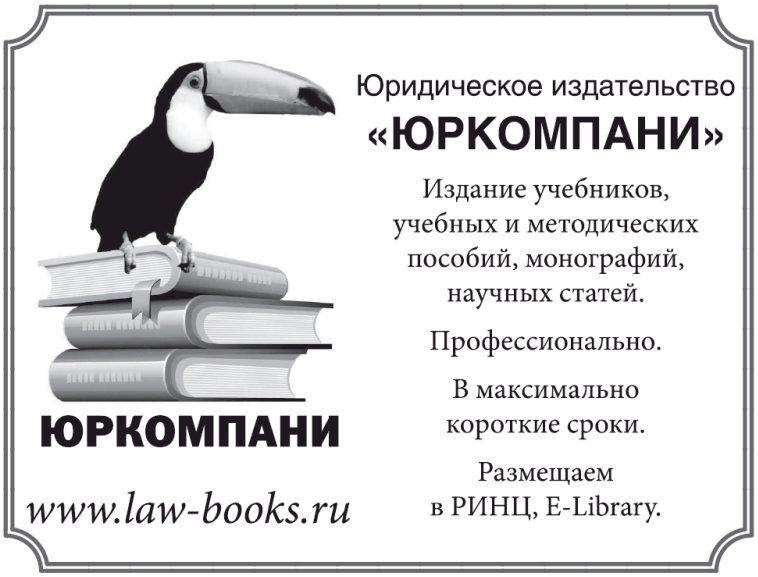
[12] Vetoshkin E.I. Systematic payment as a sign of labor relations in judicial practice to prove the actual labor relations // Young scientist. 2026. № 32 (635). S. 102-105. [Electronic resource] // URL: https://moluch.ru/archive/635/139646/ (access date: 24.09.2026).

[13] Varenitsa K.A., Karavaitsev N.D. Litigation on "black" wages: ways to prove // Young scientist. 2026. № 24 (627). S. 385-387. [Electronic resource] // URL: https://moluch.ru/archive/627/138203/ (access date: 26.09.2026).

[14] E.A. Kochuganova. Remuneration as a sign of labor relations // Young scientist. 2022. № 10 (405). S. 149-151. [Electronic resource] // URL: https://moluch.ru/archive/405/89392/ (access date: 26.09.2026).

[15] Kurennaya A.M. Labor law of Russia: textbook. 3rd ed. M.: Prospect, 2015. 604 p.

[16] Protsevsky V. A., Gorlov E. V. Problems of realizing the right to remuneration for labor // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2023. № 47. S. 200-213.

- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-119-122
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

МАРТЫНОВ Роман Анатольевич,
студент юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: addcondzazar095095@mail.ru

НЕВИНОВНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. *В статье анализируется институт невиновного причинения вреда (казуса) как элемент субъективной стороны преступления в контексте современной судебной практики и теории уголовного права Российской Федерации. На основе системного толкования статьи 28 УК РФ и материалов правоприменительной практики автором статьи раскрываются три состава казуса: отсутствие осознания общественной опасности деяния, отсутствие предвидения последствий при невозможности или отсутствии обязанности их предвидеть, а также невозможность предотвратить последствия из-за психофизиологических ограничений в экстремальных условиях. Выявляются критерии отграничения казуса от преступной небрежности, подчёркивается сложность такой дифференциации, ведущая к судебным ошибкам. Отмечается междисциплинарный характер института, требующий при определённых обстоятельствах проведения комплексных экспертиз. Делается вывод о демократической природе нормы, исключающей объективное вменение, и о необходимости дальнейшего теоретического и законодательного совершенствования для единообразия правоприменения.*

Ключевые слова: *невиновное причинение вреда, казус, субъективная сторона, небрежность, объективное вменение, судебная практика.*

MARTYNOV Roman Anatolyevich,
student at the Law Institute of the National Research Tomsk State University

INNOCENT CAUSATION OF HARM IN JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *The article analyzes the institution of non intentional causing of harm (casus) as an element of the subjective side of a crime in the context of modern judicial practice and the theory of criminal law in the Russian Federation. Based on a systematic interpretation of Article 28 of the Criminal Code of the Russian Federation and materials from law enforcement practice, the author of the article identifies three elements of a casus: the absence of awareness of the social danger of the act, the absence of foresight of the consequences when it is impossible or there is no duty to foresee them, and the impossibility of preventing the consequences due to psychophysiological limitations in extreme conditions. The criteria for distinguishing between an accident and criminal negligence are identified, and the complexity of such differentiation, which can lead to judicial errors, is emphasized. The interdisciplinary nature of the institution is noted, which, under certain circumstances, requires comprehensive expert assessments. The conclusion is drawn about the democratic nature of the norm that excludes objective imputation, and about the need for further theoretical and legislative improvement to ensure uniformity in law enforcement.*

Key words: *innocent infliction of harm, accident, subjective side, negligence, objective imputation, judicial practice.*

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит определения понятия «невиновное причинение вреда», а в статье 28 только закрепляет условия, при которых деяние может признаваться как невиновное причинение вреда [1].

Конструкция невиновного причинения вреда, именуемая в теории уголовного права субъективным случаем (казусом), в системе действующего законодательства представлена тремя элементами:

1. Лицо не осознавало общественной опасности своего деяния и по обстоятельствам дела не могло ее осознавать (часть 1 статьи 28 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Например, в здании железнодорожного вокзала К. обращается к А. с просьбой передать пакет с лекарственными препаратами для родственника, находящимся в другом городе, страдающего тяжелым заболеванием. Впоследствии оказывается, что в пакете находились наркотические вещества. При таких обстоятельствах К. не может быть привлечен к уголовной ответственности в силу того, что он не осознавал и по обстоятельствам дела не мог осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) [2]. Более того, привлечение к уголовной ответственности К. за незаконную перевозку наркотических средств будет означать именно объективное вменение, что прямо запрещено законом.

2. Лицо не предвидело наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть (часть 1 статьи 28 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Данный вид казуса тесно связан с преступной небрежностью и наиболее часто встречается на практике.

В качестве примера такого вида невиновного причинения вреда можно привести следующее решение суда. К. был осужден за причинение смерти по неосторожности, совершенное при следующих обстоятельствах. Закурив, он бросил через плечо горящую спичку, которая попала в лежащую у дороги бочку из-под бензина и вызвала взрыв его паров. В результате этого дно бочки вылетело и, попав в С., причинило ему смертельное ранение. Принимая во внимание все обстоятельства происшествия, вышестоящая судебная инстанция, отменяя обвинительный приговор, пришла к выводу, что смерть С. наступила в результате несчастного случая, поскольку на К. не была возложена обязанность предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего поведения и предупреждения фактически наступивших последствий, следовательно, он причинил вред без вины [3].

Другим примером невиновного причинения вреда может являться случай, когда находящийся в состоянии опьянения пешеход внезапно вышел на проезжую часть дороги и попал под автомобиль, водитель которого управлял транспортным средством, соблюдая Правила дорожного движения.

И в том, и в другом рассматриваемых примерах неблагоприятные последствия наступили в результате казуса.

Отличие в указанных элементах невиновного причинения вреда состоит в том, что в зависимости от состава преступления, это деяние характеризуется по-разному: в формальных составах оно предусматривает отсутствие осознания виновным противоправности своих действий (бездействий); в материальных составах лицо, совершающее общественно опасное деяние, не может и не должно предвидеть возможности наступления опасных последствий. Наличие любого из этих критериев отличает казус от преступной небрежности, в качестве которой можно привести следующий пример.

Водитель, управляя автомобилем, не соблюдает правила дорожного движения и совершает аварийную ситуацию, в результате которой причинен вред здоровью другому участнику дорожного движения. Несмотря на то, что водитель не хотел причинить вред здоровью другому участнику дорожного движения, его небрежность при управлении автомобилем является основанием для привлечения к ответственности.

Из анализа судебной практики по применению данного института следует, что у судов возникают сложности в разграничении казуса и небрежности, что влечет за собой судебные ошибки.

Из приведенных примеров следует, что в части 1 статьи 28 Уголовного кодекса Российской Федерации описывается полное отсутствие интеллектуального момента (осознания и предвидения) при казусе как умышленной, так и неосторожной формой вины, как в формальных, так и в материальных составах преступлений у лица, объективно совершившего общественно опасные или иные действия (бездействия), в результате которых наступили общественно опасные последствия.

При этом теория уголовного права, и судебная практика при отграничении преступного поведения от непреступного пользуются двумя критериями: объективным и субъективным.

Объективный критерий заключается в обязанности лица предвидеть наступление опасных последствий.

Субъективный критерий заключается в наличии возможности предвидеть наступление опасных последствий.

При невиновном причинении вреда отсутствуют либо оба критерия небрежности (объективный и субъективный) либо один из них [4].

Третий элемент конструкции невиновного причинения вреда изложен в части 2 статьи 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих пси-

хофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Исследуемая разновидность невиновного причинения вреда достаточно редко встречается на практике и вызывает определенные вопросы ввиду сложности установления тех обстоятельств, которые говорят о невиновности.

Примером такого невиновного причинения вреда может служить следующий казус: К., обладая необходимым опытом, а также профессиональными знаниями и навыками, позволяющими надлежащим образом выполнить свои профессиональные обязанности, из-за отсутствия врача был вынужден остаться на третье ночное дежурство, в ходе которого, неправильно ввел препарат, что повлекло обильную кровопотерю, и, как следствие, повлекло смерть пациента.

В данном случае врач во время введения данного препарата находился в состоянии сильного физического переутомления, в результате чего он не мог правильно ввести препарат, что было бы возможным при его нормальном психофизиологическом состоянии.

Как видно из рассматриваемого примера, данный вид казуса отличается от неосторожного преступного деяния в силу объективных (не зависящих от человека) факторов, препятствующих ликвидации наступления последствий.

Согласно положениям действующего уголовного законодательства ответственность не наступает, если невозможность предотвращения последствий обусловлена следующими критериями:

несоответствием психофизических качеств лица, сложившимся в конкретной ситуации экстремальным требованиям (например, в условиях аварии из-за неисправности транспорта);

нервно-психическими перегрузками лица (например, при работе в сложных условиях труда несколько смен подряд).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что отсутствие обязанности или возможностей у лица предвидеть вредные последствия является обстоятельством, исключающим его вину, поэтому независимо от наступивших последствий, гражданин, совершивший деяние не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Рассматриваемая уголовно-правовая норма носит комплексный характер и находится на стыке различных отраслей науки уголовного права, психологии, психофизиологии, психиатрии и т.д., в связи с чем, для установления невиновного причинения вреда, обусловленного экстремальной ситуацией или нервно-психическими перегрузками, во многих случаях требуется проведение судебно-психиатрических или комплексных экспертиз, а также детальное изучение всех обстоятельств дела и личности лица, совершившего противоправное деяние.

На сегодняшний день в правоприменительной деятельности происходят ошибки квалификации преступлений, в результате чего в апелляционном (кассационном) порядке обвинительные приговоры судов первой инстанции отменяются с постановлением оправдательных приговоров и принимаются реабилитационные меры в отношении незаконно осужденных.

Уголовно-правовые дефиниции, относящиеся к невиновному причинению вреда, сохраняют «потенциал проблемности», обуславливая оптимизацию дальнейших теоретических разработок и совершенствование законодательной базы.

Само существование института невиновного причинения вреда говорит о демократических началах уголовного законодательства, отвечающего реалиям современности. Тем не менее, в практическом подходе необходимо совершенствовать данный аспект ввиду необходимости исключения ошибок при квалификации преступлений.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2026. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] Апелляционное постановление Верховного суда Республики Хакасия № 22–1668/2019 от 24 декабря 2019 г. по делу № 1–180/2019. // [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru (дата обращения: 07.08.2026).

[3] Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957–1959 / Верховный Суд РСФСР; под ред. Председателя Верховного суда РСФСР А.Т. Рубичева. – М.: Госюриздат, 1960. С. 19.

[4] Уголовное право России. Общая и Особенная части. // Под ред. В.К. Дуюнова. М., 2008. С. 273.

References:

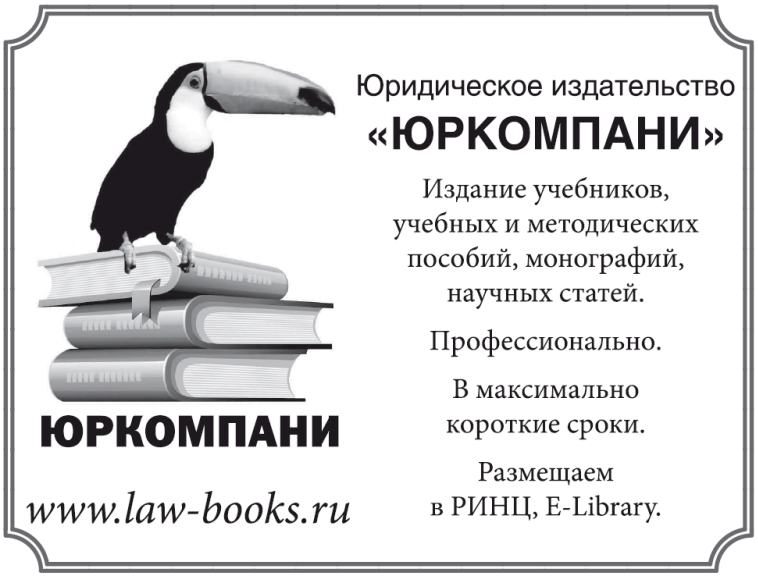
[1] Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law of June 13, 1996 No. 63-FZ: (as amended by 04.08.2026) // ConsultantPlus: ref. legal system. Version Prof. M., 2026. Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[2] Appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Khakassia No. 22-1668/2019 dated December 24, 2019 in case No. 1-180/2019 // [Electronic resource] // URL: https://sudact.ru (date of appeal: 07.08.2026).

[3] Collection of decisions of the Presidium and definitions of the Judicial Collegium for Criminal

Cases of the Supreme Court of the RSFSR. 1957-1959 / Supreme Court of the RSFSR; ed. Chairman of the Supreme Court of the RSFSR A.T. Rubicheva. - M.: Gosyurizdat, 1960. S. 19.

[4] Criminal law of Russia. General and Special parts // Ed. V.K. Duyunova. M., 2008. S. 273.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-123-128
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

КРОХИНА Юлия Александровна,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СУДОВ В СИСТЕМЕ РЕГУЛЯТОРОВ ВАЛЮТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Несмотря на детальную регламентацию валютного контроля в отечественном законодательстве, на практике сохраняются сложности при квалификации гражданско-правовых сделок как валютных операций, а также определении объема обязательств контрагентов.*

Важное значение в формировании валютного законодательства и правовой доктрины принадлежит судебной практике. Она поддерживает равновесие между строгими государственными требованиями и запросами рыночных участников, содействует единообразию применения права и закладывает базу для последующего улучшения законодательства. Судебная практика содействует согласованию общественных и частных интересов в области валютного регулирования. Подобные решения создают не только практику правоприменения, но и доктринальные основания для понимания справедливости и соразмерности в валютном контроле.

Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о значительном количестве споров, возникающих вследствие несоблюдения валютных предписаний при совершении гражданско-правовых сделок. Отсутствие единообразного подхода к оценке подобных нарушений создает правовую неопределенность, что негативно отражается на стабильности гражданского оборота. Особую сложность у судов вызывают вопросы соотношения принципа свободы договора с императивными требованиями валютного регулирования. Неправильная квалификация валютной операции может привести к существенным финансовым санкциям для частного субъекта и даже к признанию сделки недействительной.

Обоснован прогноз, что в ситуации санкционного давления и усложнения финансовых механизмов значение судов в создании предсказуемой и справедливой системы валютного регулирования будет усиливаться.

Ключевые слова: *валютные операции, валютный контроль, валютное регулирование, судебная практика, судебный прецедент, правоприменение.*

KROKHINA Yulia Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics

THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF COURTS WITHIN THE SYSTEM OF REGULATORS OF CURRENCY RELATIONS

Annotation. *Despite the detailed regulation of currency control in domestic legislation, in practice, difficulties persist in qualifying civil transactions as currency operations and determining the scope of counterparty obligations.*

Judicial practice plays a crucial role in the development of currency legislation and legal doctrine. It maintains a balance between strict state requirements and the demands of market participants, promotes uniform application of the law, and lays the foundation for subsequent legislative improvements. Judicial practice facilitates the reconciliation of public and private interests in the area of currency regulation. Such decisions not only create legal practice but also provide doctrinal foundations for understanding fairness and proportionality in currency control. An analysis of judicial practice reveals a significant number of disputes arising from non-compliance with currency regulations in civil transactions. The lack of a uniform approach to assessing such violations

creates legal uncertainty, which negatively impacts the stability of civil transactions. Courts are particularly challenged by the relationship between the principle of freedom of contract and the mandatory requirements of currency regulation. Incorrect classification of a currency transaction can lead to significant financial sanctions for a private entity and even to the invalidation of the transaction.

It is predicted that, in a situation of sanctions pressure and the increasing complexity of financial mechanisms, the role of courts in creating a predictable and fair system of currency regulation will increase.

Key words: *currency transactions, currency control, currency regulation, judicial practice, judicial precedent, law enforcement.*

Правоприменительная деятельность судов имеет определяющее значение для становления и эволюции норм валютного права, выполняя не только функцию интерпретации правовых положений, но и служа существенным гарантом стабильности правового поля в области валютных отношений. В обстановке быстро трансформирующихся экономических условий законодательные нормы нередко отстают от возникающих проблем, и как раз судебные акты, в первую очередь высших судов, заполняют подобные пробелы, создавая устоявшиеся методики урегулирования конфликтов [7]. Реализация валютных операций, тесно сопряженная с аспектами государственного суверенитета и экономической стабильности, нуждается в адаптивном и продуманном регулировании, которое часто складывается именно в ходе реализации права.

Исключительную важность судебная практика обретает в сфере гражданско-правовых соглашений, касающихся операций с иностранной валютой. Арбитражные инстанции, разрешая конфликты между субъектами внешнеэкономических отношений, по сути, создают правовую концепцию, очерчивающую рамки допустимых действий резидентов и нерезидентов. Так, проблема действительности соглашений, совершенных с отступлением от валютных норм, продолжительное время являлась предметом споров, и лишь последовательная линия Высшего Арбитражного Суда РФ, отраженная в серии постановлений и разъяснений, дала возможность сформировать единую позицию. Суды установили, что исключительно нарушение валютных предписаний не является основанием для ничтожности сделки, поскольку требуется оценивать значимость данного отступления, если законом прямо не предусмотрено иное. Это фундаментальный вывод, гарантировавший устойчивость гражданского оборота и охрану добросовестных рыночных субъектов [4].

Помимо этого, судебная практика содействует согласованию общественных и частных интересов в области валютного регулирования. С одной стороны, государство стремится к жесткому надзору за перемещением валютных ресурсов, с другой — участники рынка требуют определенности и гарантии своих прав. Разрешая это противоречие, суды формируют критерии, дающие возможность разделять нарушения на значительные и незначительные, принимать во внимание степень вины сторон и наличие умысла. Подобные решения создают не только практику правоприменения, но и доктринальные основания для понимания справедливости и соразмерности [3], в том числе в валютном контроле.

Значимо подчеркнуть, что судебная практика также является вектором для законодателя. Изучение сложностей в судебных разбирательствах часто ведет к корректировке нормативных актов, что улучшает правовое регулирование. Например, трактовка судами термина "валютная операция" или признаков резидентства оказала воздействие на последующие версии закона "О валютном регулировании и валютном контроле" [5]. Таким образом, судебная практика выступает не только толкователем существующего права, но и двигателем его прогресса.

В первую очередь необходимо проанализировать информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 мая 2000 г. № 52 [8], включающее обзор судебной практики по делам, связанным с применением норм валютного законодательства. В нем изложены ключевые позиции арбитражных судов по вопросам ответственности за несоблюдение валютного регулирования, действительности соглашений с валютными ценностями и правомерности действий субъектов внешнеэкономической деятельности.

Одним из существенных моментов, указанных в письме, является трактовка норм о резидентах и нерезидентах. Суды исходят из того, что статус резидента устанавливается на момент проведения валютной операции, а не на дату судебного разбирательства. Это особенно важно для ситуаций, когда организация изменяет резидентство в период исполнения обязательств.

Также ВАС РФ акцентирует внимание на применении ответственности за несоблюдение требований по репатриации валютной выручки. Отмечается, что отсутствие вины субъекта внешнеэкономической деятельности может являться основанием для отмены штрафных взысканий, если нарушение обусловлено обстоятельствами, не подконтрольными резиденту, к примеру, пове-

дением иностранного партнера или ограничениями иностранного государства.

Особого рассмотрения требует вопрос о последствиях нарушения валютного законодательства при совершении сделок. Суды придерживаются взгляда, что сам по себе факт несоблюдения правил валютного контроля не ведет к безусловной недействительности соглашения, если иное прямо не установлено законом. Это означает, что стороны вправе требовать исполнения договорных обязательств, даже если одна из них нарушила предписания валютного регулирования. Кроме того, письмо касается проблемы доказывания в спорах, относящихся к валютным операциям. Арбитражные суды отмечают, что бремя подтверждения правомерности осуществления валютных платежей возлагается на резидента, который должен предоставить документы, свидетельствующие о выполнении установленных требований. Вместе с тем отсутствие отдельных разрешительных бумаг не всегда указывает на нарушение, если резидент способен доказать соответствие операции действующим нормам.

Анализ практики, представленной в письме, демонстрирует, что арбитражные суды пытаются находить баланс между защитой государственных интересов в сфере валютного контроля и обеспечением стабильности гражданского оборота. Это проявляется в дифференцированном подходе к назначению санкций, учете конкретных условий дела и отказе от формального толкования норм в ущерб сути правоотношений.

Ещё одним значимым актом является Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса РФ об административных правонарушениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024) [9].

Судебные органы отдельно выделяют особенности осуществления расчетов в рублях между российскими юридическими лицами и физическими лицами, не являющимися резидентами. Устоявшаяся правоприменительная позиция заключается в том, что подобные платежи могут производиться исключительно в безналичной форме посредством счетов в уполномоченных банках. Оплата наличными деньгами допускается лишь в строго ограниченных случаях, не применимых к деятельности подавляющего большинства организаций. Наглядной иллюстрацией данного подхода является недопустимость получения наличных средств от иностранных граждан при отчуждении в их пользу имущества компании, в том числе основных средств. Согласно разъяснениям, содержащимся в обзоре, такие сделки не могут быть отнесены к розничной купле-продаже, для которой законодательством разрешены расчеты наличными с нерезидентами. Правовая квалификация основывается на нормах Гражданского кодекса РФ, определяющих розничную торговлю как предпринимательскую деятельность. Таким образом, разовая продажа активов, ранее использовавшихся в хозяйственных целях, не образует розничной торговли. Следовательно, если контрагентом выступает физическое лицо-нерезидент, все расчеты должны носить безналичный характер.

Это правило едино для любого имущества — как движимого (включая транспорт), так и недвижимого (в том числе жилые помещения). При продаже недвижимости правовое обоснование имеет свою особенность: Гражданский кодекс выделяет такие правоотношения в самостоятельный вид договора купли-продажи недвижимости, что изначально исключает возможность подведения их под режим розничной торговли.

Особого упоминания требует проблема заемных отношений с участием нерезидентов. Даже если такие операции номинированы в рублях, правовая природа квалифицирует их как валютные. Это предполагает, что наличные расчеты по ним правомочны только для профессиональных финансовых институтов — банков и кредитных организаций. Все иные юридические лица обязаны выдавать и погашать займы строго через банковские счета в уполномоченных учреждениях, на что прямо указывает анализируемая судебная практика. В рамках рассмотрения этих вопросов суд привел две иллюстрации [10]. В первой ситуации организация продала физическому лицу-нерезиденту за наличные деньги бывший в употреблении автомобиль КамАЗ, который числился в ее основных средствах и не использовался длительное время. Поскольку объект не был приобретен специально для перепродажи, а являлся использованным активом, такая сделка не признается розничной торговлей. Во втором случае российская организация продала квартиру иностранному гражданину, приняв оплату наличными рублями. Суд установил, что данная сделка представляет собой договор купли-продажи недвижимости, а не розничной купли-продажи.

Отдельного анализа требует институт репатриации денежных средств. Законодательство возлагает на резидентов жесткую обязанность по контролю за средствами, переведенными иностранным контрагентам. В случае неисполнения партнером условий договора резидент должен предпринимать активные шаги к возврату уплаченного. Судебная практика акцентирует внимание на сценариях, когда оплаченные товары не ввезены в Россию, а задолженность перед иностранным поставщиком списана. В подобных обстоятельствах действия резидента расцениваются как нарушение валютного законодательства,

поскольку нормы о валютном регулировании не содержат изъятий для случаев прощения долга нерезиденту [1, 2].

Особо рассматриваются ситуации неисполнения обязательств при наличии аванса. Если иностранный контрагент частично исполнил обязательство, представив документы, подтверждающие поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг на сумму предоплаты, требование о возврате остатка средств не предъявляется. Схожий подход применяется к поставкам с естественной убылью: расхождения между фактически полученным объемом и условиями контракта в пределах установленных норм не признаются нарушением.

Особую группу образуют случаи объективной невозможности возврата средств. Для освобождения от ответственности резидент обязан документально подтвердить принятие всех предусмотренных мер по взысканию задолженности. В их число входят обращения в дипломатические и торговые представительства, а также возбуждение судебного производства по месту нахождения контрагента. Лишь полное и надлежащее оформление предпринятых действий может служить основанием для констатации невозможности исполнения валютных обязательств.

Проблема документального подтверждения приобретает критическую важность в валютных правоотношениях. Ярким примером служит Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.11.2024 N Ф03-4843/2024 [11] по вопросу репатриации в связи с подтверждением факта оказания услуг. Транспортно-логистическая компания «Рэйл Сервис» проиграла спор с налоговым органом о законности предписания вернуть 9,6 млн долларов США, перечисленных корейскому контрагенту. Налоговая инспекция установила нарушение валютного законодательства, поскольку компания не представила надлежащих документов, подтверждающих реальность оказания транспортных услуг. Суды трех инстанций согласились с позицией ФНС, указав, что предоставленные акты и коносаменты не отвечали требованиям к первичным учетным документам, а сами услуги доказаны не были. Доводы компании о санкционных ограничениях как о препятствии для возврата средств были отклонены с разъяснением, что санкции регулируют частноправовые отношения, тогда как обязанность соблюдать валютное законодательство остается в силе. В результате предписание признано законным, а наложенный на компанию штраф за нарушение валютного контроля в размере 133 млн рублей оставлен без изменения. Данное судебное решение подтверждает строгий подход контролирующих органов и судов к соблюдению валютного законодательства, в особенности в части документального оформления операций с нерезидентами [12]. Даже в условиях санкционного давления резиденты обязаны обеспечивать полное и надлежащее документальное сопровождение сделок; отсутствие подтверждающих документов может повлечь признание операций нарушающими закон и требование о возврате средств, создавая тем самым условия для возникновения убытков.

Еще одним механизмом валютного регулирования, оказывающим непосредственное влияние на хозяйственную деятельность организации, выступает обязанность открытия специального валютного счета в уполномоченном банке. Такой счет занимает центральное место в системе валютного контроля, будучи значимым инструментом мониторинга движения иностранной валюты в рамках внешнеэкономической деятельности. Его главная функция — обеспечение прозрачности валютных операций и создание эффективного механизма соблюдения резидентами требований закона. Через этот счет проводятся все расчеты по внешнеторговым контрактам, что дает возможность уполномоченным банкам и контролирующим органам осуществлять надзор за соответствием операций установленным правилам. Особую роль играет функция концентрации валютной выручки, обеспечивающая выполнение требования об обязательной продаже ее части. Специальный счет служит своего рода буферной зоной, где временно аккумулируются валютные средства до завершения всех необходимых процедур валютного контроля. Это препятствует нецелевому использованию валюты и гарантирует соблюдение сроков репатриации. Значима также учетная функция данного счета: все операции фиксируются и в любой момент могут быть проверены контролирующими органами. Таким образом, специальный валютный счет — не простая формальность, а рабочий инструмент, который при грамотном использовании помогает участникам ВЭД снижать риски нарушений валютного законодательства. Его наличие позволяет структурировать валютные потоки, обособляя средства, полученные от внешнеэкономической деятельности, от прочих валютных поступлений. В контексте ужесточения валютного контроля значение специальных счетов лишь возрастает, поскольку они становятся ключевым элементом системы мониторинга движения валютных средств и соблюдения резидентами своих обязательств перед государством.

В этой связи показательно Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.05.2024 N Ф02-7355/2023 [13]. ООО «Ива-лес» обратилось в суд с иском к ПАО «Сбер-

банк» о взыскании 23 млн рублей, списанных в качестве комиссии за ведение валютного счета после одностороннего изменения банком тарифов в 2022 году. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска, ссылаясь на условия договора, допускающие изменение тарифов банком при уведомлении клиента. Однако кассационная инстанция указала на допущенные нарушения: суды не исследовали экономическую обоснованность резкого увеличения размера комиссии и ее «заградительный» характер, ограничивающий распоряжение средствами. Не было учтено и то, мог ли истец в таких условиях вывести валюту. Дело направлено на новое рассмотрение для оценки добросовестности действий банка и соответствия тарифа принципам разумности и соразмерности.

Из этого примера видно, что валютный счет существенно воздействует на хозяйственную деятельность организации и ее отношения с контрагентами. В первую очередь, он позволяет компании проводить расчеты в иностранной валюте, что необходимо для внешнеторговых операций, зарубежных инвестиций и кредитования. Однако колебания валютных курсов формируют риски финансовых потерь, требуя мер по хеджированию таких рисков. Для контрагентов сотрудничество с такой организацией означает возможность расчетов в стабильной валюте, что снижает их собственные валютные риски, но одновременно заставляет учитывать потенциальные задержки, связанные с процедурами валютного контроля и дополнительными банковскими проверками.

Отдельного внимания заслуживает значение судебной практики в обнаружении и пресечении схем, направленных на обход валютного контроля. Изучая цепочки сделок и действительные экономические связи между сторонами, суды формируют критерии для разграничения правомерной оптимизации и противоправного поведения. Эта деятельность особенно важна для противодействия нелегальному вывозу капитала за границу. В конечном счете, накопленная судебная практика создает тот самый «правовой фундамент», который позволяет уравновесить государственные интересы в области валютного контроля с потребностями бизнеса в предсказуемых правилах игры на международной арене.

В целях избежания риска признания сделок недействительными [6], хозяйствующим субъектам необходимо скрупулезно проверять соответствие планируемых операций не только нормам гражданского и валютного законодательства, но и тенденциям актуальной судебной практики по вопросам валютного регулирования.

Таким образом, валютное законодательство, в особенности в условиях санкций, становится действенным инструментом государственного контроля над гражданским оборотом, сужая свободу договора и повышая риски для участников сделок с иностранным элементом.

Список литературы:

[1] Агапова А.В., Панасовская В.В. Валютный контроль, осуществляемый таможенными органами Российской Федерации: анализ судебной практики // Вестник арбитражной практики. 2024. N 2. С. 87 - 95.

[2] Агапова А.В., Панасовская В.В. Валютный контроль, осуществляемый таможенными органами Российской Федерации: анализ судебной практики // Вестник арбитражной практики. 2024. N 2. С. 87 - 95.

[3] Алексеева Е.В. Критерии справедливости судебного решения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. N 7. С. 19 - 23.

[4] Должиков А.В., Ревазов М.А. Использование латинских максим в судебной практике России // Российская юстиция. 2024. N 4. С. 50 - 58.

[5] Печегин Д.А. Совершение валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов: анализ отдельных аспектов через призму судебной практики // Российский судья. 2024. N 1. С. 22 - 25.

[6] Ткачева М.А. О судебном "исцелении" ничтожной сделки как санкции за недобросовестное поведение стороны сделки // Вестник арбитражной практики. 2023. N 4. С. 26 - 33.

[7] Шматков Л.М. Онтология судебного решения и его соотношение с материально-правовой реальностью // Арбитражные споры. 2024. N 2. С. 137 – 156; Болдырев Н.А. Судебная практика как формальное основание ограничений прав и свобод человека // Актуальные проблемы российского права. 2023. N 9. С. 38 - 46.

[8] Информационное письмо ВАС РФ от 31.05.2000 N 52 "Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с применением законодательства о валютном регулировании и валютном контроле" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27844.

[9] Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520/.

[10] Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024) // URL: https://www.consultant.ru/

document/cons_doc_LAW_479520.

[11] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.11.2024 N Ф03-4843/2024 // URL: kad.arbitr.ru.

[12] Инструкция Банка России от 16.08.2017 № 181-И (ред. от 09.01.2024) «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций…» // Вестник Банка России. – 2017. – № 94.

[13] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.05.2024 N Ф02-7355/2023 // URL: kad.arbitr.ru.

References:

[1] Agapova A.V., Panasovskaya V.V. Currency control exercised by the customs authorities of the Russian Federation: analysis of judicial practice // Bulletin of arbitration practice. 2024. N 2. S. 87-95.

[2] Agapova A.V., Panasovskaya V.V. Currency control exercised by the customs authorities of the Russian Federation: analysis of judicial practice // Bulletin of arbitration practice. 2024. N 2. S. 87-95.

[3] Alekseeva E.V. Criteria for the fairness of a court decision in civil proceedings // Arbitration and civil proceedings. 2025. N 7. S. 19-23.

[4] Dolzhikov A.V., Revazov M.A. The use of Latin maxims in the judicial practice of Russia // Russian justice. 2024. N 4. S. 50-58.

[5] Pechegin D.A. Performance of currency transactions to transfer funds to the accounts of non-residents using forged documents: analysis of certain aspects through the prism of judicial practice // Russian judge. 2024. N 1. S. 22-25.

[6] Tkacheva M.A. On judicial "healing" of an insignificant transaction as a sanction for unfair behavior of the party to the transaction // Bulletin of arbitration practice. 2023. N 4. S. 26-33.

[7] Shmatkov L.M. Ontology of the court decision and its relationship with the substantive reality // Arbitration disputes. 2024. N 2. S. 137-156; Boldyrev N.A. Judicial practice as a formal basis for restrictions on human rights and freedoms // Actual problems of Russian law. 2023. N 9. S. 38-46.

[8] Information letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 31.05.2000 No. 52 "Review of the practice of arbitration courts resolving disputes related to the application of legislation on currency regulation and currency control "// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27844.

[9] Review of judicial practice on certain issues of the application of Article 15.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.06.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520/.

[10] Review of judicial practice on certain issues of application of Article 15.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.06.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520.

[11] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 08.11.2024 N Ф03-4843/2024 // URL: kad.arbitr.ru.

[12] Bank of Russia Instruction No. 181-I dated 16.08.2017 (as amended 09.01.2024) "On the Procedure for Residents and Non-Residents to Submit Supporting Documents and Information to Authorized Banks when Performing Foreign Exchange Transactions..." // Bank of Russia Bulletin. – 2017. – № 94.

[13] Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of 15.05.2024 N F02-7355/2023 // URL: kad.arbitr.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-129-132
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ДЖУРА Виктория Владимировна,
доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского, административного и уголовного судопроизводства ВСФ ФГБОУВО Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, г. Иркутск, Россия,
e-mail: Viktorya.dzhura@yandex.ru

ЗАИЧЕНКО Яна Ивановна,
доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского, административного и уголовного судопроизводства, Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Иркутск, Россия,
e-mail: ms.dana777@bk.ru

РАСШИРЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ) В ЦИФРОВОМ ПРАВОСУДИИ

Аннотация. *В статье рассмотрена роль искусственного интеллекта (ИИ) в цифровом правосудии, включая его регламентацию в действующем процессуальном праве. Раскрыта специфика цифрового правосудия, вызывающая интерес в науке и практике. Раскрывается роль искусственного интеллекта (ИИ) в цифровом правосудии не только как пилотный проект, а как концепция неминуемой реальности с учётом правовых и этических аспектов. Выделены основные направления применения ИИ в правосудии с учетом правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. Отдельного исследования требуют вопросы рисков и проблем использования искусственного интеллект для повышения эффективности и оптимизации деятельности судебных органов власти.*

Ключевые слова: *цифровое правосудие, судебный акт, искусственный интеллект, цифровизация, электронный документ, нейросети.*

DZHURA Victoria Vladimirovna,
Candidate of Law, Head of the Department of Civil, Administrative and Criminal Justice of the All-Russian Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia

ZAICHENKO Yana Ivanovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Civil, Administrative and Criminal Justice, East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia

ADVANCED USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE (AI) IN DIGITAL JUSTICE

Annotation. *The article examines the role of artificial intelligence (AI) in digital justice, including its regulation in the current procedural law. The specifics of digital justice that are of interest in science and practice are revealed. The role of artificial intelligence (AI) in digital justice is revealed not only as a pilot project, but as a concept of inevitable reality, taking into account legal and ethical aspects. The main areas of AI application in justice are identified, taking into account the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation. The issues of risks and problems associated with using artificial intelligence to improve the efficiency and optimize the operations of judicial authorities require separate study.*

Key words: *digital justice, judicial act, artificial intelligence, digitalization, electronic document, neural networks.*

Расширенное использование искусственного интеллекта (далее - ИИ) в цифровом правосудии предполагает интеграцию технологий для автоматизации рутинных задач, анализа данных и поддержки принятия решений, при этом сохраняя ключевую роль человека в окончательном принятии решений. Во многом ИИ соотносится со многими сферами жизни: экономикой [1], финансами, образованием, здравоохранением и пр. Внедрение ИИ в судебную систему Российской Федерации происходит постепенно, в рамках концепции и с учётом правовых и этических аспектов.

Следует выделить основные направления применения ИИ в правосудии:

Анализ документов и проверка на соответствие действующему законодательству. ИИ может быстро проверять договоры, исковые заявления и другие юридические документы на наличие противоречий, ошибок или несоответствий нормам права. Например, нейросети способны выявлять «проблемные» пункты в сложных контрактах.

Поиск правовых норм и правовых позиций. Алгоритмы могут подбирать релевантную судебную практику по схожим делам, что экономит время судей и юристов. В некоторых судах России уже используются нейросетевые технологии для анализа правовых позиций.

Генерация юридических документов. Продвинутые сервисы на базе больших языковых моделей (например, GPT) могут автоматически составлять черновики исковых заявлений, договоров, протоколов и других документов. Пользователю достаточно ввести основные параметры, а генеративная модель сформирует шаблон, который затем корректируется специалистом.

Судебная аналитика и прогнозирование. ИИ способен оценивать перспективы дела на основании статистики ранее вынесенных решений. Это помогает адвокатам и судьям прогнозировать вероятность удовлетворения иска или исхода дела.

Автоматизация рутинных процессов: протоколирование судебных заседаний с помощью технологий распознавания речи; интеллектуальная маршрутизация и анализ обращений граждан; проверка процессуальных документов на формальные ошибки; автоматическое формирование проектов судебных актов с типовыми формулировками.

Обработка доказательств и видеоаналитика. Системы компьютерного зрения в сочетании с ИИ могут анализировать видеозаписи с камер наблюдения для подтверждения алиби, установления личности или выявления подозрительного поведения.

Автоматизация приказного и упрощенного производства. ИИ может использоваться для рассмотрения бесспорных дел и (или) «малых исков», например, при выдаче приказов о выплате алиментов, если обе стороны согласны с условиями и пр.

Электронные документы, электронные доказательства, онлайн заседания, шаблонность судебных актов и многое другое непосредственно вошло в нашу реальность. Пленум Верховного Суда РФ помогает нижестоящим судам работать в условиях развития цифровизации правосудия.

Постановления Пленумов Верховного Суда РФ играют важную роль в обеспечении единообразного применения законодательства, в том числе в контексте цифровизации правосудия, что дает основание полагать о развитии и оптимизации цифровизации в правосудии. Например, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» регламентирует использование электронных документов в судопроизводстве, определяет ключевые понятия и порядок подачи документов в электронном виде. Постановление непосредственно не касается ИИ, оно создаёт правовую основу для цифровизации судебных процессов, что косвенно влияет на внедрение ИИ-технологий [1]. В пункте 42 нового постановления, раскрывается положение, касающееся искусственного интеллекта, которое напрямую связано и с подготовкой дела, и с его рассмотрением в первой инстанции. Оно указывает, что участвующие в деле лица, представившие в суд сведения о фактах, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщать об этом суду [2]. На практике это может стать основанием для возражений против такого доказательства, либо содержать в процессуальных документах ссылки на несуществующие судебные акты [2] посредством сгенерированного текста нейросети. Так, например, Общество с ограниченной ответственностью получило судебный штраф в размере 50 тыс. руб. при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции за то, что включило в текст жалобы ссылки на несуществующие судебные дела. Документ был составлен с помощью технологий искусственного интеллекта, а представитель общества не проверил их соответствие действительности [3].

В перспективе правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенные постановлениях Пленума или Президиума Верховного Суда Российской Федерации, могут содержать разъяснения по вопросам использования ИИ в правосудии, например, относительно допустимости доказательств, сгенерированных с помощью ИИ, или ответственности за ошибки, допущенные при его применении. В сентябре 2026 года председатель Верховного Суда Российской Федерации Краснов И.В. утвердил документ, который задает стратегию внедрения ИИ в судопроизводство и его дальнейшее развитие. Посыл данного документа заключается в повышении эффективности судебной системы, где окончательное решение остается за судьей, а ИИ выступает помощником [4].

Отдельного исследования требуют вопросы рисков и проблем использования искусственного интеллекта: прозрачность и предвзятость алгоритмов; «галлюцинации» и технические сбои; ответственность за ошибки и защита данных. Прозрачность алгоритмов проявляется в том, что участники процесса должны понимать, как формируются рекомендации или проекты решений. Отсутствие прозрачности может нарушать принципы состязательности и равенства сторон.

Предвзятость алгоритмов означает, что нейросети обучаются на исторических данных, которые могут содержать перекосы судебной практики. Без контроля ИИ рискует воспроизводить и усиливать эти искажения.

Генеративные модели иногда создают убедительные, но вымышленные ссылки на судебные акты, цитаты или правовые нормы. Это может привести к ошибкам в документах и процессуальным нарушениям. Относительно ответственности за ошибки, то здесь неясно, кто должен нести ее за негативные последствия решений, принятых с использованием ИИ: пользователь, разработчик, поставщик данных или другой участник процесса.

Защита данных представляется в следующем. Судебные AI-системы должны размещаться на защищённых государственных серверах и использовать системы авторизации для обеспечения конфиденциальности. Перспективы развития по использования искусственного интеллекта в правосудия с каждым днем возрастают. В России создание рабочей группы по использованию ИИ в правосудии направлено на формулировку концептуальных подходов к его применению. Верховный Суд РФ обобщает судебную практику по делам, связанным с ИИ [5], чтобы создать единые подходы к рассмотрению споров и правонарушений в этой сфере.

На международном уровне существуют примеры регулирования: в ЕС в 2024 году принят Регламент об искусственном интеллекте (EU AI Act) [6], который относит системы, применяемые в правосудии, к категории высокого риска, требуя от них прозрачности, контроля и высокого качества данных.

Для эффективного использования ИИ в правосудии необходимо: 1) разработать чёткое законодательное регулирование, учитывающее специфику алгоритмических решений; 2) обеспечить обучение судей и юристов работе с ИИ-инструментами; 3) внедрить механизмы проверки и контроля качества работы алгоритмов; 4) решить вопросы ответственности и защиты данных.

Одним из примеров применения ИИ в цифровом правосудии является сервис «ИСКРА» от компании «Гарант» (Искра представляет собой искусственный разум в системе ГАРАНТ — AI-ассистент, разработанный на базе технологий генеративного искусственного интеллекта (ИИ) и многомиллионного информационного банка системы ГАРАНТ. Новая версия ИСКРЫ теперь представлена в оболочке системы ГАРАНТ, без необходимости перехода на отдельный ресурс). Он помогает автоматизировать рутинные задачи, анализировать данные и поддерживать принятие решений. С его помощью можно получить краткое заключение, подкреплённое ссылками на законодательство, и получить разъяснения, подкреплённые ссылками на правовые нормы.

Таким образом, расширенное использование ИИ в цифровом правосудии имеет большой потенциал для повышения эффективности судебной системы, но требует сбалансированного подхода, учитывающего правовые, этические и технологические аспекты.

Список литературы:

[1] Петрунин Ю. Ю. «Искусственные нейронные сети в экономике: математический инструмент, модель или методология?» // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2024. — № 4. — С. 92–113.

[2] Джура В.В. Судебные акты в цивилистическом процессе и доктрине // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 10А. С. 49-56.

[3] О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 57 // СПС «Консультант плюс».

[4] О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 года № 15 //

СПС «Консультант плюс».

[5] Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27-7831/20251 // СПС «Консультант плюс».

[6] Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации: Приказ Верховного Суда РФ от 03.09.2026 N 59-П // СПС «Консультант плюс».

[7] Верховный Суд РФ обобщит судебную практику по делам об использовании ИИ // https://pravo.ru/.

[8] Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте (EU AI Act, Regulation (EU) 2024/1689) от 13.06. 2024 г.

References:

[1] Petrunin Yu. Yu. "Artificial neural networks in economics: a mathematical tool, model or methodology?" // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. — 2024. — № 4. - S. 92-113.

[2] Jura V.V. Judicial acts in civil process and doctrine // Issues of Russian and international law. 2021. T. 11. № 10A. S. 49-56.

[3] On some issues of application of legislation regulating the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 57 // SPS "Consultant Plus.".

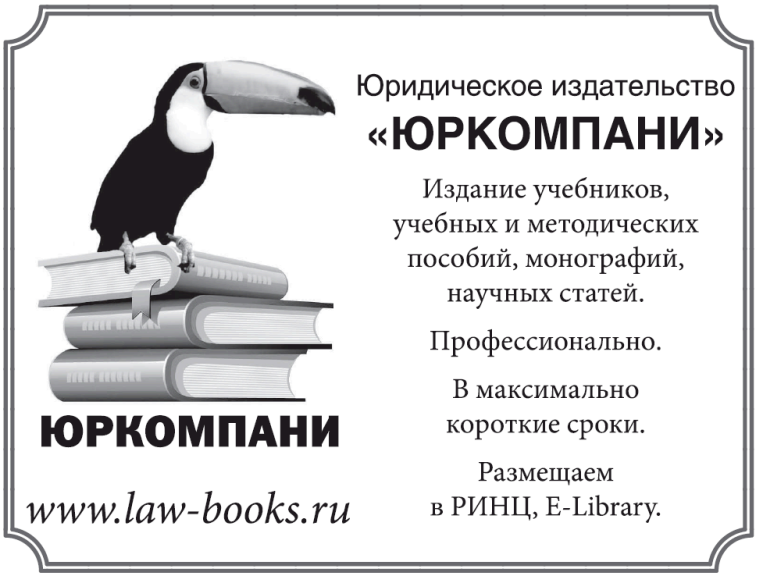
[4] On the preparation of civil cases for trial: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 21, 2026 No. 15 // SPS "Consultant Plus.".

[5] Determination of the Arbitration Court of the West Siberian District dated May 14, 2026 in case No. A27-7831/20251 // SPS "Consultant Plus.".

[6] On approval of the Concept for the introduction of artificial intelligence technologies in the legal proceedings of the Russian Federation: Order of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.09.2026 N 59-P // SPS "Consultant Plus.".

[7] The Supreme Court of the Russian Federation will summarize the judicial practice in cases of the use of AI // https://pravo.ru/.

[8] EU AI Act, Regulation (EU) 2024/1689 of 13.06. 2024.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-133-136
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

БЕЛЯКОВ Данила Сергеевич,
аспирант Юго-Западного государственного университета,
e-mail: spartafeed21122000@mail.ru

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется влияние правильного определения предмета доказывания на обеспечение законности судебного решения в гражданском судопроизводстве. Обосновывается, что установление круга юридически значимых обстоятельств представляет собой не самостоятельную стадию доказывания, а процессуальную основу применения норм материального права и принятия законного судебного акта. На основе положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации анализируется взаимосвязь предмета доказывания с распределением бремени доказывания, пределами судебного исследования обстоятельств дела и оценкой доказательств. Сделан вывод о том, что ошибки при определении предмета доказывания влекут неполное установление фактических обстоятельств спора, неправильное применение норм материального права и, как следствие, принятие незаконного судебного решения.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, предмет доказывания, судебное решение, законность, доказывание, доказательства, юридически значимые обстоятельства.*

BELYAKOV Danila Sergeevich,
graduate student at Southwestern State University

SUBJECT OF EVIDENCE AS A FACTOR IN ENSURING THE LEGALITY OF A JUDGMENT

Annotation. *The article examines the impact of correctly defining the subject of evidence on ensuring the legality of a judgment in civil proceedings. It is justified that the establishment of a circle of legally significant circumstances is not an independent stage of evidence, but the procedural basis for the application of substantive law and the adoption of a legal judicial act. On the basis of the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, the relationship of the subject of evidence with the distribution of the burden of proof, the limits of the judicial study of the circumstances of the case and the assessment of evidence is analyzed. It was concluded that errors in determining the subject of evidence entail an incomplete establishment of the factual circumstances of the dispute, the incorrect application of substantive law and, as a result, the adoption of an illegal court decision.*

Key words: *civil proceedings, subject of evidence, court decision, legality, evidence, evidence, legally significant circumstances.*

Одним из основных требований, предъявляемых к судебному решению в гражданском судопроизводстве, является его законность. Согласно части 1 статьи 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации решение суда признается законным и обоснованным, если оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, подлежащими применению к спорному правоотношению. Вместе с тем правильное применение материального закона невозможно без установления фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение для разрешения конкретного дела. По этой причине законность судебного решения находится в прямой зависимости от правильного определения предмета доказывания, поскольку именно он определяет пределы судебного познания и содержание доказательственной деятельности участников процесса [1, с. 20].

Несмотря на широкое использование категории предмета доказывания в процессуальной науке, действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит ее нормативного определения. Законодатель оперирует понятием «обстоятельства, имеющие зна-

чение для правильного рассмотрения и разрешения дела», используя его, в частности, в статьях 56 и 148 ГПК РФ. Такой подход свидетельствует о том, что предмет доказывания представляет собой не абстрактную научную конструкцию, а совокупность конкретных юридических фактов, установление которых необходимо для применения соответствующей нормы материального права. Следовательно, содержание предмета доказывания определяется не усмотрением суда или участников процесса, а объективными признаками спорного правоотношения и гипотезой применяемой материально-правовой нормы.

Именно поэтому предмет доказывания нельзя рассматривать исключительно как перечень обстоятельств, подлежащих установлению. Его процессуальное значение значительно шире. Он определяет направление всей доказательственной деятельности, позволяет установить круг относимых доказательств, влияет на распределение обязанности по доказыванию между сторонами и служит критерием оценки полноты исследования обстоятельств дела. Иными словами, предмет доказывания представляет собой процессуальную основу формирования фактической стороны судебного решения [2, с. 54-60]. Связь предмета доказывания с законностью судебного решения наиболее отчетливо проявляется при применении статьи 56 ГПК РФ. Закрепленное в ней правило о том, что каждая сторона должна доказать обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, предполагает предварительное определение круга таких обстоятельств. До тех пор, пока суд не установил, какие именно юридические факты имеют значение для разрешения спора, невозможно определить ни объем обязанностей сторон по доказыванию, ни пределы судебного исследования доказательств. Следовательно, распределение бремени доказывания является производным от правильно сформированного предмета доказывания.

Практическое значение данного положения проявляется при рассмотрении большинства категорий гражданских дел. Так, при разрешении споров о взыскании убытков предмет доказывания определяется положениями статей 15 и 393 Гражданского кодекса Российской Федерации. Суду необходимо установить факт нарушения обязательства, наличие убытков, причинную связь между противоправным поведением должника и возникшими потерями, а также размер причиненного ущерба. Если хотя бы одно из перечисленных обстоятельств остается неисследованным либо ошибочно исключается из предмета доказывания, применение указанных норм материального права становится невозможным. В подобной ситуации судебное решение не отвечает требованию законности независимо от того, насколько полно исследованы иные обстоятельства дела [3, с. 165].

Аналогичный подход применяется и при рассмотрении дел о признании сделок недействительными. Например, при разрешении требований о признании сделки недействительной вследствие ее совершения под влиянием существенного заблуждения суд обязан установить наличие самого заблуждения, его существенный характер, влияние данного обстоятельства на волеизъявление лица и существование причинной связи между заблуждением и совершением сделки. Исследование обстоятельств, не входящих в юридический состав соответствующего основания недействительности, не способно компенсировать отсутствие установления указанных фактов. Следовательно, законность судебного решения обеспечивается не количеством исследованных доказательств, а правильностью определения тех обстоятельств, которые действительно имеют юридическое значение.

Особую роль в формировании предмета доказывания играет стадия подготовки дела к судебному разбирательству. В соответствии со статьей 148 ГПК РФ одной из основных задач подготовки является определение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Данная норма носит не организационный, а процессуальный характер, поскольку именно на этом этапе формируется модель последующего судебного исследования. Суд определяет характер спорного правоотношения, устанавливает подлежащие применению нормы материального права и исходя из их содержания формирует круг юридически значимых обстоятельств.

Соответствующий подход получил развитие и в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». Верховный Суд Российской Федерации указал, что судья обязан определить закон, которым следует руководствоваться при разрешении дела, установить правоотношения сторон и обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения спора. По существу, Пленум исходит из того, что определение предмета доказывания представляет собой обязанность суда, реализация которой предшествует исследованию доказательств и обеспечивает законность последующего судебного разбирательства.

При этом деятельность суда не ограничивается первоначальным определением юридически значимых обстоятельств. По мере рассмотрения дела предмет доказывания может уточняться в связи с изменением исковых требований,

предъявлением встречного иска, заявлением новых возражений либо выявлением обстоятельств, имеющих значение для правильного применения норм материального права. Однако подобная корректировка не означает произвольного изменения предмета судебного исследования. Каждое дополнение должно быть обусловлено содержанием материального правоотношения и направлено на установление обстоятельств, без которых невозможно вынести законное решение.

В научной литературе нередко высказывается мнение о том, что активная роль суда при определении предмета доказывания противоречит принципу состязательности. Представляется, что подобная позиция не в полной мере учитывает особенности современного гражданского процесса. В соответствии с частью 2 статьи 12 ГПК РФ суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их процессуальные права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения либо несовершения процессуальных действий, оказывает содействие в реализации принадлежащих им процессуальных прав и создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств. Следовательно, процессуальная активность суда направлена не на замену деятельности сторон, а на обеспечение условий, при которых судебное решение будет соответствовать требованиям законности и обоснованности [4, с. 290].

Не менее тесная взаимосвязь прослеживается между предметом доказывания и оценкой доказательств. В силу статьи 67 ГПК РФ суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. Однако сама категория относимости не может существовать вне предмета доказывания. Доказательство признается относимым лишь в том случае, если содержащиеся в нем сведения подтверждают или опровергают обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Следовательно, ошибка при определении предмета доказывания неизбежно приводит к искажению оценки доказательств: часть действительно значимых доказательств может быть ошибочно признана неотносимой, тогда как сведения, не имеющие юридического значения, напротив, необоснованно учитываются судом при формировании внутреннего убеждения.

Указанная зависимость имеет существенное практическое значение. Нередко причиной отмены судебных постановлений становится не отсутствие доказательств как таковых, а неправильное определение круга обстоятельств, подлежащих установлению. В подобных случаях суд первой инстанции исследует значительный объем доказательственного материала, однако выводы оказываются основанными на фактах, не имеющих определяющего значения для применения соответствующей нормы материального права. При этом обстоятельства, образующие юридический состав спорного правоотношения, остаются без надлежащей проверки. В результате создается ситуация, при которой формальная полнота судебного исследования не обеспечивает законности судебного решения [5, с. 140].

Следует учитывать, что содержание предмета доказывания не остается неизменным на протяжении всего судебного разбирательства. Оно может корректироваться при изменении основания или предмета иска, предъявлении встречного иска, вступлении в дело третьих лиц с самостоятельными требованиями либо при установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о необходимости применения иной нормы материального права. Вместе с тем подобная корректировка должна осуществляться исключительно в пределах спорного материального правоотношения. Расширение предмета доказывания за счет обстоятельств, не влияющих на юридическую квалификацию спора, приводит к необоснованному увеличению объема судебного исследования и затягиванию процесса, тогда как его неоправданное сужение создает риск неполного выяснения фактических обстоятельств дела.

Особое значение правильное определение предмета доказывания приобретает при вынесении судебного решения. Согласно статье 196 ГПК РФ при принятии решения суд обязан определить, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены, какие обстоятельства не установлены, какие правоотношения сторон вытекают из установленных фактов и какой закон должен быть применен по данному делу. Последовательность разрешения указанных вопросов не является случайной. Законодатель исходит из того, что применение материального закона возможно лишь после установления юридически значимых обстоятельств. Следовательно, ошибки, допущенные при определении предмета доказывания на предыдущих стадиях процесса, непосредственно отражаются на содержании итогового судебного акта.

Данная позиция последовательно проводится и в судебной практике. В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъясняется, что решение является законным тогда, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в

полном соответствии с нормами материального права, подлежащими применению к спорному правоотношению. Вместе с тем соблюдение этих требований объективно невозможно без установления полного круга юридически значимых обстоятельств, поскольку именно они служат основанием для применения соответствующей материально-правовой нормы. Таким образом, предмет доказывания выступает связующим элементом между фактической стороной дела и его правовой квалификацией [6, с. 105].

Представляется, что в современной судебной практике проблема определения предмета доказывания сохраняет высокую актуальность. Значительная часть процессуальных ошибок обусловлена не нарушением правил оценки доказательств, а неверным определением того, какие именно обстоятельства должны быть установлены судом. Вследствие этого внимание участников процесса концентрируется на доказывании второстепенных фактов, тогда как обстоятельства, образующие юридический состав спорного правоотношения, остаются вне пределов судебного исследования. Подобная ситуация негативно влияет не только на законность судебного решения, но и на реализацию принципов процессуальной экономии, поскольку устранение допущенных нарушений зачастую возможно лишь в судах вышестоящих инстанций посредством отмены судебного акта и направления дела на новое рассмотрение.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что предмет доказывания следует рассматривать не только как центральный элемент института судебного доказывания, но и как самостоятельную процессуальную гарантию законности судебного решения. Именно посредством определения круга юридически значимых обстоятельств обеспечивается правильное распределение обязанности по доказыванию, устанавливаются пределы судебного исследования, определяется относимость представляемых доказательств и создаются необходимые условия для правильного применения норм материального права. Ошибки, допущенные при формировании предмета доказывания, оказывают комплексное влияние на все последующие стадии гражданского процесса и способны повлечь принятие незаконного судебного решения даже при соблюдении иных процессуальных требований. В связи с этим совершенствование теоретических подходов к определению предмета доказывания, а также формирование единообразной судебной практики по вопросам установления юридически значимых обстоятельств следует рассматривать как одно из приоритетных направлений дальнейшего развития гражданского процессуального права и повышения эффективности судебной защиты гражданских прав.

Список литературы:

[1] Рыжков К. С. Законность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе / К. С. Рыжков // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 4. – С. 17-21.

[2] Баскончин Д. С. Предмет доказывания в гражданском процессе / Д. С. Баскончин, Д. В. Гуськов, С. Х. Сеидова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2025. – № 3 (51). – С. 54-60.

[3] Хасбулаев У. Х. Бремя доказывания в гражданском процессе / У. Х. Хасбулаев // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 164-166.

[4] Дзуматов А. Д. Активность суда в процессе доказывания в условиях состязательности в гражданском судопроизводстве / А. Д. Дзуматов // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – № 2. – С. 286-293.

[5] Нахова Е. А. Концептуальные аспекты учения о предмете доказывания в гражданском процессе / Е. А. Нахова // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 131-158.

[6] Шаповалов И. А. Предмет доказывания и основание иска в аргументации судебного решения по гражданскому делу: опыт функционального анализа / И. А. Шаповалов // Правоведение. – 2016. – № 5 (328). – С. 95-113.

References:

[1] Ryzhkov K. S. Legality of a court decision in civil and arbitration proceedings K. S. Ryzhkov // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Right. – 2022. – № 4. - S. 17-21.

[2] Baskonchin D. S. Subject of evidence in civil proceedings D. S. Baskonchin, D. V. Guskov, S. Kh. Seidova // Bulletin of Penza State University. – 2025. – № 3 (51). - S. 54-60.

[3] Khasbulaev U. Kh. Burden of proof in civil proceedings U. Kh. Khasbulaev // Civil service and personnel. – 2023. – № 5. - S. 164-166.

[4] Dzumatov A. D. The activity of the court in the process of proof in the context of competition in civil proceedings A. D. Dzumatov // Siberian Legal Review. – 2020. – № 2. - S. 286-293.

[5] Nakhova E. A. Conceptual aspects of the doctrine of the subject of proof in civil proceedings E. A. Nakhova // Leningrad Law Journal. – 2023. – № 1 (71). - S. 131-158.

[6] Shapovalov I. A. The subject of proof and the basis of the claim in the argumentation of a court decision in a civil case: experience in functional analysis I. A. Shapovalov // Jurisprudence. – 2016. – № 5 (328). - S. 95-113.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-137-145
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

АЛЕКСЕЕВА Евгения Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», https://orcid.org/0000-0002-5044-1790,
e-mail: jenn08@mail.ru

КОЛЕСНИКОВА Марианна Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: marianna0044@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторической эволюции института подсудности для совершенствования современного процессуального законодательства и правоприменительной практики. В статье анализируются исторические аспекты развития института подсудности гражданских дел в российском процессуальном праве. Автор выявляет преемственность и трансформацию критериев разграничивая компетенции между мировыми и районными (общими) судами, исследует доктринальные подходы дореволюционных, советских и современных процессу процессуалистов к определению подсудности. В статье обосновываются выводы о том, что современная модель подсудности базируется на сочетании родового и территориального критериев, сохраняет фундаментальные принципы, заложенные судебными уставами 1864 года, и адаптируется к изменяющимся потребностям правоприменительной практике.*

Ключевые слова: *подсудность, гражданский процесс, историческое развитие, родовая подсудность, территориальная подсудность, судебная реформа, компетенция судов, мировой суд.*

ALEKSEEVA Evgenia Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor at the Department of Civil Procedural Law, Northwestern Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "V. M. Lebedev Russian State University of Justice"

KOLESNIKOVA Marianna Mihajlovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Procedural Law, Northwestern Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "V. M. Lebedev Russian State University of Justice"

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF JURISDICTION IN MODERN CIVIL PROCEDURE

Annotation. *The relevance of the research is determined by the need to understand the historical evolution of the institution of jurisdiction in order to improve modern procedural legislation and law enforcement practice. The article analyzes the historical aspects of the development of the institution of jurisdiction in civil cases in Russian procedural law. The author identifies the*

continuity and transformation of criteria by delineating competencies between the world and district (general) courts, explores the doctrinal approaches of pre-revolutionary, Soviet and modern legal processualists to the definition of jurisdiction. The article substantiates the conclusions that the modern model of jurisdiction is based on a combination of generic and territorial criteria, preserves the fundamental principles laid down by the judicial statutes of 1864, and adapts to the changing needs of law enforcement practice.

Key words: *jurisdiction, civil procedure, historical development, generic jurisdiction, territorial jurisdiction, judicial reform, jurisdiction of courts, world court.*

1. Введение

Погружение в нюансы гражданского процессуального права немыслимо без изучения категории «подсудность», благодаря которой можно установить границы правовых возможностей конкретных органов судебной власти, предоставленных им для разрешения гражданско-правовых споров. Согласимся с мнением В.М. Нестерова о том, что «при установлении подсудности дел нельзя руководствоваться случайными критериями, а необходимо установить ее таким образом, чтобы этим в полной мере были обеспечены права граждан» [11, с. 33]. Также немаловажным видится и тот аспект, что такие критерии должны учитывать сложность дела, опыт судейского корпуса и значение судебного акта для формирования устойчивой правоприменительной практики.

Изучение истории развития правового регулирования российского института подсудности обусловлено ее теоретической и практической важностью. Прав был Дж. Сантаяна, сказавший: «Кто не помнит истории, обречен на ее повторение» [17], – поскольку изучение исторического опыта позволяет глубже заглянуть в глубь сущего, выявить необходимые закономерности, избежать когда-то совершенных ошибок. Обращение к историческому опыту способствует широкому пониманию правовой природы подсудности, ее соотношению с иными базовыми категориями – компетенцией, юрисдикцией, полномочиями, – т.е. от которых зависит качество судебной защиты прав и законных интересов компетенцией суда, юрисдикцией и правом на судебную защиту. Исследование эволюции критериев подсудности, в свою очередь, наглядно демонстрирует, как в ретроспективе осуществлялся переход от сословной модели судоустройства к современной, в основе которой находятся принципы законности и справедливости правосудия, независимости суда, процессуального равноправия и добросовестности участников судопроизводства.

Таким образом, обращение к историческим аспектам формирования данной правовой конструкции обусловлено потребностью в осмыслении закономерностей ее эволюционного развития, что имеет значение для дальнейшего совершенствования действующего процессуального законодательства и единообразия правоприменительной практики, способствует обоснованию направлений судебной реформы и расширяет научное представление о закономерностях функционирования российской судебной системы.

2. Основное исследование

Как обоснованно констатирует Е.С. Полушкин, современное состояние институтов подведомственности и подсудности представляет собой итог многовековой эволюции отечественного судопроизводства, берущей начало от судебных преобразований 1864 года [13, с. 118-119].

Длительный период становления отечественной государственности показывает, что подсудность как самостоятельный и единообразно разработанный процессуальный институт длительное время не существовала. Изначально стоит сделать акцент, что на ранних этапах развития русского государства судебные и административные функции не были разграничены. Поэтому русские князья, их наместники и волостели осуществляли одновременно управленческие и судебные полномочия.

После принятия христианства сформировалось разграничение между княжеским и церковным судом. К ведению церковной юстиции относились дела духовенства, церковные споры и отдельные категории дел, связанные с браком, семьей и религиозными обязанностями. На наш взгляд, можно констатировать, что происходило формирование персонального критерия в подсудности, а также территориального, поскольку значение приобретает как сословный, семейный и даже предпринимательский статус, а также место совершения деяния [18].

2.1. Предпосылки становления отечественной категории «подсудность» в средневековый период

В свете формирования централизованного Московского государства обращает внимание то обстоятельство, но возникновение идеи о подсудности можно связать с укреплением и развитием приказной системы. Доктринальные источники свидетельствуют, что еще во время правления Ивана IV Грозного была сформирована система приказов, возникших изначально как личные поручения. В дальнейшем, когда последние «обрастали» документацией и определенным штатов

лиц, началась их трансформация в учреждения [4, с. 2] Характерным для данного процесса было то, что приказы ранжировались по таким параметрам, как территория, где осуществлялось поручение, по группе общественных отношений (земельные, власти и подчинения, брачно-семейные вопросы и пр.), а также по кругу лиц. Приказ нередко соединял административные, финансовые, полицейские и судебные функции, что препятствовало формированию единой судебной системы.

Далее Соборное уложение 1649 г. закрепило тенденцию к дальнейшей централизации судебной власти, но не устранило множественность судебных органов. Судебная система включала суд государя, суд Боярской думы, приказные суды, церковные, военные и вотчинные формы юрисдикции. Значительная часть приказов обладала специальной подсудностью, определявшейся по роду дел или по принадлежности участников к определенной социальной либо служебной группе. В результате вопрос о надлежащем суде зависел не столько от универсальных процессуальных правил, сколько от статуса лица и характера соответствующего правоотношения.

Реформы Петра I были известны своей нацеленностью на создание более упорядоченной системы органов власти и суда. Так, в 1711 г. был учрежден Правительствующий Сенат, ставший высшим органом государственной власти и высшей судебной инстанцией. В 1717–1718 гг. вместо приказов были созданы коллегии, в том числе Юстиц-коллегия, осуществлявшая руководство рядом судебных учреждений [2, с. 465]. Предпринимались попытки создать губернские и надворные суды, а также разграничить компетенцию центральных и местных органов. Однако судебная власть по-прежнему оставалась тесно связанной с администрацией, а судебная система не приобрела устойчивого и универсального характера. Тем не менее, именно в этот период предпринимались первые последовательные попытки отделения суда от управления, хотя окончательно реализовать их не удалось. На данном этапе понятие «подсудность» еще не выкристаллизовывалось, право того времени преимущественно оперировало понятием ведомства судебных и административных учреждений.

2.2. От Петровских реформ к Уставу гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г.

В Российской Империи (до 1864 года) судебная система базировалась на нормативных предписаниях Учреждений для управления губерний Всероссийской империи 1775 г., что предопределяло зависимое положение судебных органов, которые фактически интегрировались в административный аппарат и строились по сословному принципу [9, с. 349-350]. Этот акт сформировал разветвленную систему местных учреждений и закрепил сословный принцип организации суда. Для дворян учреждались уездные суды и верхние земские суды; для городского населения – городовые магистраты и губернские магистраты; для государственных крестьян – нижние и верхние расправы. Палаты гражданского и уголовного суда выполняли функции губернских судебных органов и рассматривали наиболее значимые дела.

Значимость сословного принципа также выражалось в компетентном подходе. Например, спор с участием дворянина или крестьянина мог рассматриваться по первой инстанции разными судами, отличался и порядок обжалования решени1. Имела значение и сфере общественных отношений, из которой такой спор складывался, поэтому правосудие того времени одновременно осуществлялось коммерческими, духовными, военными и иными специальными судами.

Основное бремя по судебному разбору споров лежало на уездных судах. В некоторых случаях они выступали как суды для всех сословий, за исключением городского населения, для которого, в частности, существовали магистраты. Вместе с тем крестьянское население продолжало находиться под воздействием особых форм вотчинной, волостной и административной юстиции [19].

В первой половине XIX в. была осуществлена кодификация российского законодательства, имевшая колоссальное значение В 1830 г. было издано Полное собрание законов Российской империи, а в 1832 г. – Свод законов Российской империи. Свод систематизировал нормы о судоустройстве, гражданском и уголовном процессе, статусе отдельных судебных органов и порядке обжалования. Однако сама систематизация не устранила множественность судебных учреждений и отсутствие единого подхода к определению подсудности. Особое место занимали коммерческие суды. На основании Общего положения о коммерческих судах и Устава судопроизводства торгового, утвержденных в 1832 г., они рассматривали споры, связанные с торговыми сделками, купеческой деятельностью и несостоятельностью [15]. Таким образом, можно констатировать, что уже до 1864 г. сформировалась модель специальной экономической юрисдикции, обособленной от общих судов.

2.3. Судебные уставы 1864 г. и их роль в становлении института подсудности

20 ноября 1864 г. император Александра II утвердил Судебные уставы, среди которых особое для настоящего исследования значение имеет Устав гражданского судопроизводства [16]. Примечательно, что в Указе Правительствующе-

му Сенату император указал на необходимость укрепления независимости судебной власти и предоставления ей самостоятельности.

Следствием судебной реформы 1864 г. явилось создание бессословных судебной системы, представляемой двумя звеньями – общими (коронными) и местными (мировыми) судами. Мировой суд учреждался в уездах и городах для производства по делам о незначительных правонарушениях уголовного характера, а также по гражданско-правовым спорам с суммой иска, не превышающей 500 рублей, где судопроизводство отличалось упрощенной формой. Мировые судьи приобретали свой статус по итогам выборов: в уездных территориях избирались земскими собраниями, а в столичных городах Москве и Санкт-Петербурге – городскими думами, при этом срок их полномочий составлял три года [16]. Интересно, что при определении подсудности гражданских дел мировым судьям положения 29-43 Устава гражданского судопроизводства исходили из двух основных критериев - имущественного характера спора и цены иска [11, с. 34]. Как отмечает В.М. Нестеров, основными критериями определения подсудности мировых судей была как простота и быстрота рассмотрения дела, а также материально-правовые признаки иска, т.е. мировым судьям были переданы в ведение целые отрасли или группы правоотношений (с крайне небольшими исключениями) - трудовые, семейные, имущественные, отношения пользования имуществом.

Выдающиеся отечественный специалист Е.В. Васьковский трактовал предметную (объективную, родовую) подсудность как законодательно определенные категории гражданских дел, отнесенные к компетенции судов определенного вида [3, с. 215]. Е.А. Нефедьев, в свою очередь, указывал, что именно правила о предметной подсудности предопределяют отнесение дела к ведению судов того или иного рода [12, с.124].

Весьма показательной в контексте судебной компетенции является точка зрения дореволюционных ученых-правоведов на соотношение юрисдикции общих и специализированных судов. В частности, А.Х. Гольмстен констатировал, что под коммерческими судами понимались суды, уполномоченные решать конфликты, отнесенные к сфере торгового права. В компетенцию этих судов входили три категории споров: споры по торговым сделкам, дела о векселях при цене иска свыше 500 рублей и дела о торговой несостоятельности лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью [6, с.87].

Юрисдикция судебных учреждений распространялась на все гражданско-правовые споры без исключения. Нормативные предписания, того времени закрепляли следующую структуру судебной системы: мировые суды, общие суды, коммерческие суды, духовные суды, крестьянские суды, суды для инородцев. Общие суды включали следующие звенья: окружные суды, мировые судьи, уездные члены окружных судов, городские судьи, а также земские начальники [16, с.12].

Проводимый в историческом аспекте анализ подсудности мировых судей позволяет заметить определенную трансформацию их компетенции, направленную на сужение их полномочий. И.С. Землянских анализируя положения Устава гражданского судопроизводства 1864 г., констатирует, что изначально мировым судьям была подведомственна значительно более широкая совокупность споров: в частности, к их юрисдикции были отнесены индикационные иски (о восстановлении нарушенного владения) при условии, что с момента правонарушения истекло не более шести месяцев [7, с.67]. Данное обстоятельство подтверждает тенденцию последующего ограничения компетенции мировых судей по сравнению с первоначальной редакцией Устава. Кроме того, мировая юстиция занималась отдельными делами, связанными с примирением сторон и упрощенным порядком производства. Окружным судам по общему правилу принадлежали иски, не подлежавшие ведомству мировых судей. Однако это правило имело остаточный характер: окружному суду не относились дела, подсудные специальным судам либо непосредственно судебным палатам и Сенату [8].

Территориальная подсудность в гражданском процессе тех времен основывалась прежде всего на общем правила – месте жительства ответчика. Но закон уже устанавливал специальные правила для споров о недвижимом имуществе, наследстве; допускались случаи договорной подсудности.

2.4. Судебные реформы конца XIX века до октября 1917 г.

В 1880–1890-е гг. развитие подсудности пошло по пути ограничения отдельных начал судебной реформы. Наиболее существенное значение имело Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. Как отмечал А.Ф. Кони, принятие указанного акта явилось бурей, «которая смела с лица русской земли мировые судебные учреждения и обратила в ничто их многолетнюю работу по воспитанию народа в чувствах законности» [10, с.324]. Так, в большинстве земских губерний мировая юстиция была упразднена, а часть ее полномочий передана земским начальникам, городским судьям и уездным членам окружных судов. Тем самым произошло соединение административных и судебных функций в деятельности земского начальника.

Одновременно сохранялась особая компетенция волостных судов по делам между крестьянами.

Введение земских начальников изменило не только состав местных судебных органов, но и саму природу подсудности. Если Судебные уставы 1864 г. связывали компетенцию суда преимущественно с законом, территорией и характером спора, то после 1889 г. важное значение вновь приобрел сословный и административный критерий. Земские начальники обладали властными полномочиями в отношении крестьянского населения и одновременно осуществляли правосудие по гражданским и уголовным делам. Это означало отход от принципа строгого отделения судебной власти от администрации [14].

При этом реформа 1889 г. не была реализована единообразно на всей территории империи. Мировые суды сохранялись в ряде крупных городов и отдельных регионов, а введение судебных учреждений по правилам 1864 г. продолжалось постепенно. В 1894 г. новая система была распространена, в частности, на Олонецкую, Оренбургскую и Астраханскую губернии; в Сибири и некоторых других территориях судебная реформа была проведена позднее [1].

В научной литературе 1894 г. рассматривается как начало нового этапа развития судебного законодательства, связанного с деятельностью комиссии по пересмотру Судебных уставов. В дальнейшем эта комиссия получила название Муравьевской и работала в 1894–1899 гг. Ее задачей являлась систематизация многочисленных поправок к судебному законодательству и подготовка его нового изложения [6].

2.5. Становление законодательной мысли о подсудности в Советское время.

Октябрьская революция положила конец дореволюционной системе подсудности, однако в постреволюционный период развития законодательной мысли о подсудности не произошло. В одно стороны, это объяснимо политическими причинами, с другой – отсутствием процессуального кодекса. Таким образом, целый комплекс причин препятствовал формированию устойчивых правил подведомственности и подсудности. Важное значение имело создание единой системы народных судов. Советское законодательство стремилось сконцентрировать рассмотрение гражданских дел в одном основном звене – народном суде.

Первым системным актом советского гражданского процессуального права стал Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (далее – ГПК РСФСР 1923 г.) [15]. Его принятие имело принципиальное значение для формирования института подсудности. В кодексе подсудности была посвящена самостоятельная глава, включавшая нормы как о компетенции различных судебных органов, так и о территориальном распределении дел.

Согласно ст. 21 ГПК РСФСР 1923 г., ведению народного суда подлежали все дела, возникающие из гражданских правоотношений, за исключением дел, отнесенных законом к компетенции других учреждений. Тем самым народный суд был установлен в качестве основного суда общей гражданской юрисдикции. При этом в Кодексе не было четкого разграничения между понятиями подведомственности и подсудности. Глава «Подсудность» одновременно определяла: какие категории дел подлежат рассмотрению судами; какие дела относятся к компетенции народного суда; какой именно суд должен рассматривать конкретное дело; правила территориального распределения дел. В дальнейшем законодательство стало разграничивать эти категории. Подведомственность стала пониматься как распределение дел между судами и иными органами, а подсудность – как распределение уже подведомственных суду дел между судами одного или разных уровней.

ГПК РСФСР 1923 г. закрепил несколько основных видов территориальной подсудности. Общим правилом являлось предъявление иска по месту жительства ответчика. Это правило традиционно основывалось на необходимости обеспечить участие ответчика в процессе и облегчить исполнение судебного решения. Одновременно Кодекс устанавливал альтернативную подсудность. В предусмотренных законом случаях истец мог выбрать один из нескольких судов. Например, требования о возмещении вреда могли предъявляться по месту причинения вреда либо по месту жительства ответчика. Право выбора принадлежало истцу, если дело одновременно подпадало под юрисдикцию нескольких судов.

Особое значение имела исключительная подсудность. Иски о правах на строения, земельные участки и предприятия предъявлялись по месту нахождения соответствующего имущества. По этому же правилу рассматривались иски об освобождении имущества от описи и продажи, а также требования к имуществу, оставшемуся после смерти собственника. Статья 29 ГПК РСФСР 1923 г. тем самым закрепила классическую связь вещного спора с местонахождением объекта.

ГПК РСФСР 1923 г. также допускал соединение требований и участие нескольких ответчиков. Если дело было подсудно нескольким судам одной категории, выбор суда предоставлялся истцу. Это правило получило дальнейшее развитие в советском и российском процессуальном законодательстве.

В 1920–1930-е гг. подсудность развивалась

в условиях изменения судебной системы и усиления централизованного государственного управления. Народные суды стали основным звеном рассмотрения гражданских дел. Одновременно существовали губернские, областные, краевые и верховные суды, компетенция которых определялась устройством РСФСР и союзного государства.

Родовая подсудность зависела от категории дела и уровня судебного органа. Большинство гражданских споров рассматривалось народными судами в качестве судов первой инстанции. Вышестоящие суды могли рассматривать отдельные категории дел непосредственно, а также изымать дела из нижестоящих судов и принимать их к своему производству. Такая возможность отражала усиление начала судебной централизации. Более того, подсудность находилась в теснейшей связи с подведомственностью, что порой указанные категории были сложноотделимы. Так, при рассмотрении трудовых, жилищный, земельных спорах первоначально задействовались профсоюзы, жилищные комиссии и иные организации. Как подчеркивает А.Ф. Воронов, подведомственность наряду с подсудностью стала одним из базовых понятий доктрины гражданского процесса, а затем и соответствующего законодательства [5, 19]. Кроме того, районный народный суд стал основным звеном, рассматривавшим гражданские дела по первой инстанции. Верховные суды автономных республик и союзных республик осуществляли судебный надзор, рассматривали отдельные дела и разрешали вопросы между нижестоящими судами.

В Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (утв. Законом СССР от 8 декабря 1961 г.) имела место ст. 4 «Подведомственность гражданских дел судам», при этом статьи «Подсудность» в данном акте не было, хотя она упоминалась в нескольких нормах [5, 19].

Следующим важным этапом стало принятие Гражданского процессуального кодекса РСФСР 11 июня 1964 г. (далее – ГПК РСФСР 1964 г.) В отличие предыдущего, новый Кодекс более четко разграничил подведомственность и подсудность, нормы об этих институтах были помещены в разные главы, например, правила подсудности – в главу 11. Такое разграничение имело принципиальное теоретическое и практическое значение. Подведомственность отвечала на вопрос о том, должен ли спор рассматриваться судом либо иным органом. Подсудность определяла, какой именно суд общей юрисдикции должен рассмотреть спор, если он относится к судебной компетенции [20].

ГПК РСФСР 1964 г. закрепил традиционную систему видов подсудности: родовую; территориальную; общую; альтернативную; исключительную; договорную; подсудность по связи дел. Также Кодекс регулировал передачу дела из одного суда в другой.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. изменение политической и экономической системы повлекло расширение судебной защиты частных прав. Возникли новые категории гражданско-правовых споров, связанные с предпринимательством, приватизацией, собственностью, банковской деятельностью и защитой прав потребителей. Существенное значение имело восстановление самостоятельной арбитражной юрисдикции. Экономические споры между организациями стали передаваться в систему арбитражных судов, а их разграничение с судами общей юрисдикции осуществлялось преимущественно по субъектному и предметному критериям. Это потребовало более четкого разграничения подведомственности и подсудности.

2.6. Развитие института подсудности в Российской Федерации

После принятия Конституции РФ 1993 г. судебная система стала строиться на принципах самостоятельности суда, равенства граждан и организаций перед законом и судом, доступности судебной защиты. Конституционные положения обусловили дальнейшее развитие правил о судебной компетенции и стали основой подготовки нового гражданского процессуального законодательства. В 1998 г. был принят Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации», а в 2000 г. началось законодательное формирование современной системы мировой юстиции.

В настоящее время институт подсудности гражданских дел, опирающийся на ст. 47 Конституции РФ, урегулирован по большей части положениями Федеральных конституционных законов «О судебной системе Российской Федерации» и «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», которые определяют статусы и уровни судов, рассматривающих гражданские дела, ст. 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, который был принят в 2002 г., и ст. 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации». Обращает на себя внимание дублирование положений двух последних законов, при этом имевшие место противоречия были устранены лишь в 2008 и 2015 гг.

Ключевое значение имеет закрепленная в ГПК РФ модель остаточной подсудности применительно к районным судам. На основании ст. 24 ГПК РФ районные суды уполномочены рассматривать все гражданские дела, отнесенные к подведомственности судов общей юрисдикции, за исключением тех категорий, которые законода-

тельно отнесены к ведению мировых судей, судов субъектов РФ и Верховного Суда РФ. Как справедливо подчеркивается в научной литературе, данная конструкция является преемственной по отношению к ст. 202 Устава гражданского судопроизводства 1864 г., где аналогичная остаточная подсудность закреплялась за окружными судами [7, с.68]. Выбор модели остаточной подсудности, как полагают исследователи, преследует цель акцентировать ключевую роль наиболее загруженного и значимого звена судебной системы. В имперской России таким звеном являлись окружные суды, в настоящее время статусом наиболее востребованных судов обладают районные суды, которые только за полугодие регистрируют миллионы гражданских и административных дел.

В постсоветской науке процессуального права обоснованно отмечается, что именно на данном этапе произошло окончательное организационное и функциональное отделение судебной власти от исполнительной, а судебные инстанции приобрели определяющую роль в разрешении юрисдикционных конфликтов. Создание арбитражной системы повлекло за собой объективное повышение значимости института подведомственности как правового регулятора. Именно в этот период было произведено терминологическое разграничение подведомственности и подсудности. Современное законодательство сохранило сформировавшиеся критерии разграничения подведомственности и подсудности и продолжило развитие посредством прямого нормативного закрепления конкретных категорий дел, относимых к ведению каждого из юрисдикционных органов, при этом сохранив универсальный характер подведомственности гражданских дел судам общей юрисдикции. В настоящий момент вопрос о подведомственности не представляет столь яркого значение, поскольку в 2019 г. были внесены изменения, когда из процессуальных цивилистических кодексов исключили понятие «подведомственность», изменив его на категорию «компетенция». Такой результат был вполне ожидаем после того, как у системы арбитражных судов России исчезло отдельное ведомство в виде Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а все система федеральных судов была объединена под эгидой Верховного Суда Российской Федерации. В итоге в кодексах осталось понятие «подсудность» и появилось понятие «компетенция».

3. Выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что развитие института подсудности в российском гражданском процессе от петровской эпохи до современности представляет собой длительный переход от ведомственно-сословного распределения судебных дел к нормативно-определенной системе разграничения компетенции между судами. На ранних этапах российской государственности, вплоть до Петровских реформ вряд ли можно говорить о полноценном существовании института подсудности. В дальнейшем, до первой половины XIX в., подсудность имела сословный характер, при этом появляются элементы предметной и территориальной подсудности. Ситуацию изменила судебная реформа 1864 г., когда начала формироваться целостная парадигма подсудности гражданских дел. Например, мировым судьям были переданы малозначительные гражданские дела, окружные суды получили остаточную компетенцию по спорам, не отнесенным к ведению мировых и специальных судов. Одновременно закреплялись правила подсудности по месту жительства ответчика, месту нахождения недвижимости, связи нескольких требований и соглашению сторон. Тем самым подсудность стала приобретать процессуально-правовой, а не исключительно административно-организационный характер.

Контрреформа конца XIX в. частично ограничила достижения судебной реформы. Передача в 1889 г. ряда судебных полномочий земским начальникам привела к повторному соединению административной и судебной компетенции и придала местной подсудности сословно-территориальный характер. Восстановление мирового суда законом 15 июня 1912 г. свидетельствовало о стремлении возвратиться к идее самостоятельной местной юстиции, однако до 1917 г. в России сохранялось сочетание общих, мировых, волостных, коммерческих, военных и иных специальных судов.

После Октябрьской революции дореволюционная судебная система была упразднена, а ее место заняли народные суды и революционные трибуналы. ГПК РСФСР 1923 г. стал первым советским актом, системно закрепившим правила подсудности. Он сформировал основу общей, альтернативной и исключительной территориальной подсудности, однако первоначально объединял в одной главе вопросы подсудности и подведомственности. Это отражало переходный характер советского права и отсутствие окончательно сформированного разграничения между судебной и внесудебной юрисдикцией.

ГПК РСФСР 1964 г. существенно развил данный институт. В нем были разграничены подведомственность и подсудность, а также нормативно закреплены родовая, общая территориальная, альтернативная, исключительная, договорная подсудность и подсудность по связи дел. Районный народный суд стал основным судом первой инстанции, обладавшим остаточной компетенци-

ей по гражданским делам, не отнесенным законом к ведению других судов. В советский период подсудность окончательно утратила сословный характер и стала определяться преимущественно предметом спора, территорией и уровнем суда.

Современный этап начался с конституционного признания права каждого на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено. ГПК РФ 2002 г. сохранил исторически сложившиеся виды подсудности, но придал им более последовательную процессуальную структуру. Кодекс разграничил компетенцию мировых судей, районных судов, судов субъектов Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Районные суды рассматривают в первой инстанции все гражданские дела, за исключением дел, прямо отнесенных к подсудности мировых судей, военных судов, судов субъектов Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Мировые судьи рассматривают наиболее простые и малозначительные гражданские дела, перечень которых определяется законом.

Историческая эволюция подсудности может быть представлена как переход через несколько последовательных моделей:

от приказно-ведомственной и сословной подсудности – к территориально организованной судебной системе;

от соединения административных и судебных функций – к принципу самостоятельности суда;

от неопределенного понятия судебного «ведомства» – к разграничению подведомственности и подсудности;

от множественности специальных судов – к преимущественно единой системе судов общей юрисдикции;

от административного усмотрения при выборе суда – к законодательно установленным правилам родовой и территориальной подсудности.

В конечном счете современный институт подсудности является результатом сочетания исторической преемственности и правовой модернизации. Его дореволюционные элементы проявляются в сохранении общего правила рассмотрения дела по месту жительства ответчика, исключительной подсудности споров о недвижимости, договорной подсудности и распределения дел между судами различных уровней. Советский период обеспечил отказ от сословного критерия и сформировал централизованную систему народных судов. ГПК РФ 2002 г. объединил эти достижения с конституционными гарантиями судебной защиты, превратив подсудность в механизм не только распределения дел между судами, но и обеспечения права на законный, заранее определенный суд.

Список литературы:

[1] Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/wiki/ (дата обращения: 29.08.2026).

[2] Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2002. 704 с.

[3] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Бр. Башмаковы, 1913 - XII, 691 с.

[4] Веселовский С. Б. Приказный строй управления Московскаго государства. Кіевъ: Типография И.Н. Кушнаревъ и Ко. 1912. С. 2. https://yurbus.su/sistema-prikazov-moskovskogo-carstva-moskovskoj-rusi.

[5] Воронов А.Ф. Есть ли подведомственность? (Преподавание, наука, практика) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 13 - 46.

[6] Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 429 с.

[7] Ершов В.В., Сырых В.М., Колунтаев С.А. и др. История суда и правосудия в России. Том 5. Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 - октябрь 1917 года) Москва: Норма, 2020.

[8] Землянских И.С. Предметная подсудность: понятие, особенности и практика применения // Международный научный журнал «Вестник Науки». 2025. № 7 (88). Том 2. Июль. С.66-72.

[9] Исаченко В.Л. Гражданский процесс. Том I. – 2-е изд.: Спб., 1909 // https://ru.wikisource.org/wiki/.

[10] Кавелин К.Д. Основные начала русского судоустройства от Уложения 1649 г. до Учреждения о губерниях 1775 г. М., 2022. Стб. 349 - 350.

[11] Кони А.Ф. Мировые судьи // Избранные труды и речи: в 2 ч. Ч. 1. Обвинительные речи. М.: Юрайт, 2023. С. 324.

[12] Нестеров В.М. Изменение подсудности мировых судей по гражданским делам // Мировой судья. 2024. № 3. С. 32 - 37.

[13] Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1909. 403 с.

[14] Полушкин Е.С. Исторические аспекты развития института подведомственности в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С.118-124.

[15] Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1. [Устав уголовного судопроизводства]. Санкт-Петербург: Гос. канцелярия, 1866, 1866. - [3], VII, XXVI, 504 с.

[16] Толстая А.И. История государства и

права России: учебник для вузов. 3-е изд., стереотипное. М.: Юстицинформ, Омега-Л, 2010. 320 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.08.2026).

[17] Учреждения судебных установлений от 20 ноября1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866. Ч. 3. С. 12-18.

[18] Сайт: https://ru.citaty.net/tsitaty/634835-dzhordzh-santaiana-kto-zabyvaet-uroki-istorii-obrechion-na-ikh-povtoren/.

[19] Сайт: https://www.vsrf.ru/files/26312/.

[20] Сайт: https://guides.rusarchives.ru/funds/128/uezdnye-sudy.

References:

[1] Great Russian Encyclopedia [Electronic Resource]. URL: https://bigenc.ru/wiki/ (access date: 29.08.2026).

[2] Brockhaus F., Efron I. Encyclopedic Dictionary. Modern version. M., 2002. 704 p.

[3] Vaskovsky E.V. Civil procedure course. T. 1: Subjects and objects of the process, procedural relations and actions. M.: Br. Bashmakov, 1913 - XII, 691 p.

[4] Veselovsky S. B. Prikazny management system of the Moscow state. Kyiv: Printing house I.N. Kushnarev and Co. 1912. P. 2. https://yurbus.su/sistema-prikazov-moskovskogo-carstva-moskovskoj-rusi.

[5] Voronov A.F. Is there any jurisdiction? (Teaching, science, practice) // Bulletin of the civil process. 2020. № 5. S. 13-46.

[6] Holmsten A.Kh. Textbook of Russian civil proceedings. St. Petersburg: Printing house of M. Merkushev, 1913. 429 p.

[7] Ershov V.V., Syrykh V.M., Koluntaev S.A. et al. History of trial and justice in Russia. Volume 5. Judicial system and legal proceedings during the period of counter-reforms and in the era of bourgeois revolutions (1881 - October 1917) Moscow: Norma, 2020.

[8] Zemlyanskikh I.S. Subject jurisdiction: concept, features and practice of application // International scientific journal "Bulletin of Science." 2025. № 7 (88). Volume 2. July. S.66-72.

[9] Isachenko V.L. Civil procedure. Volume I. - 2nd ed.: St. Petersburg, 1909 // https://ru.wikisource.org/wiki/.

[10] Kavelin K.D. The main principles of the Russian judicial system from the Code of 1649 to the Institution of the Provinces of 1775 M., 2022. Stb. 349 - 350.

[11] Koni A.F. Justices of the Peace // Selected Works and Speeches: in 2 h. Part 1. Accusatory speeches. M.: Yurayt, 2023. P. 324.

[12] Nesterov V.M. Change in the jurisdiction of justices of the peace in civil cases // Justice of the peace. 2024. № 3. S. 32-37.

[13] Nefedyev E.A. Textbook of Russian civil proceedings. M.: Printing house A.I. Mamontova, 1909. 403 p.

[14] Polushkin E.S. Historical aspects of the development of the institution of jurisdiction in civil proceedings // Current problems of Russian law. 2019. № 3 (100). P.118-124.

[15] Judicial statutes of November 20, 1864, outlining the reasoning on which they are based: Part 1. [Statute of Criminal Procedure]. St. Petersburg: State. chancellery, 1866, 1866. - [3], VII, XXVI, 504 c.

[16] Tolstaya A.I. History of the state and law of Russia: a textbook for universities. 3rd ed., Stereotypical. M.: Justicinform, Omega-L, 2010. 320 p // SPS "ConsultantPlus" (contact date: 29.08.2026).

[17] Institutions of judicial rulings of November 20, 1864 // Judicial statutes of November 20, 1864, outlining the reasoning on which they are based. St. Petersburg, 1866. PART 3. S. 12-18.

[18] Сайт: https://ru.citaty.net/tsitaty/634835-dzhordzh-santaiana-kto-zabyvaet-uroki-istorii-obrechion-na-ikh-povtoren/.

[19] Site: https://www.vsrf.ru/files/26312/.

[20] Сайт: https://guides.rusarchives.ru/funds/128/uezdnye-sudy.

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-146-151
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ПОПОВ Даниил Сергеевич,
магистрант 2 курса магистерской программы «Международное, частное и публичное право», Международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: danyapopow@gmail.com

АВТОНОМИЯ ВОЛИ УЧРЕДИТЕЛЯ И LEX SOCIETATIS ЛИЧНОГО ФОНДА: ПРЕДЕЛЫ ВЫБОРА ПРИМЕНИМОГО ПРАВА

Аннотация. *Статья посвящена возможности применения коллизионного принципа автономии воли при определении права, применимого к отношениям с участием российского личного фонда. Отправной точкой исследования выступает п. 5 ст. 1202 ГК РФ, введенный в 2024 г. и допускающий применение иностранного права при наличии иностранного элемента. Функциональная близость личного фонда к трасту рассматривается с учетом его квалификации в российском праве как юридического лица, обладающего собственным личным законом. В качестве ориентиров используются смежные модели автономии воли и специальное регулирование иных российских юридических лиц. Основное внимание уделено кругу отношений, которые могут быть подчинены иностранному праву, достаточности иностранного элемента и допустимости выбора нейтрального правопорядка. Обосновывается целесообразность ограничения предусмотренной законом автономии воли внутренними отношениями личного фонда и дальнейшего уточнения ее содержания и пределов.*

Ключевые слова: *личный фонд, автономия воли, личный закон юридического лица, иностранный элемент, применимое право.*

POPOV Daniil Sergeevich,
second-year Master's student, Master's Programme "International, Private and Public Law", International Law School, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

THE FOUNDER'S AUTONOMY AND THE LEX SOCIETATIS OF A PERSONAL FUND: LIMITS ON THE CHOICE OF APPLICABLE LAW

Annotation. *The article examines the application of the conflict-of-laws principle of party autonomy in determining the law applicable to relations involving a Russian personal fund. The analysis focuses on paragraph 5 of Article 1202 of the Russian Civil Code, introduced in 2024, which permits the application of foreign law where a foreign element is present. The functional similarity between a personal fund and a trust is considered in light of its classification under Russian law as a legal entity governed by its own lex societatis. Related models of party autonomy and special rules applicable to other Russian legal entities are used as comparative reference points. Particular attention is paid to the scope of relations that may be governed by foreign law, the sufficiency of the foreign element, and the permissibility of choosing a neutral law. The article argues that the autonomy granted by the provision should be confined to the internal relations of a personal fund and that its scope and limits require further clarification.*

Key words: *personal fund, party autonomy, lex societatis, foreign element, applicable law.*

Введение

В 2021 году в российском праве получил законодательное закрепление институт личного фонда – особой разновидности унитарного некоммерческого юридического лица, предназначенной для обособления имущества гражданина и управления им в соответствии с определенными учредителем условиями [1]. Уже в 2024 году в рамках первого системного реформирования данного института законодатель дополнил ст. 1202 ГК РФ, посвященную личному закону юридического лица, новым пунктом 5, согласно которому уставом личного фонда, созданного по российскому праву, может быть предусмотрено применение иностранного права к отношениям с участием самого фонда, его учредителя, выгодоприобретателей и лиц, входящих в состав его органов, если такие отношения складываются с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложнены иным иностранным элементом [2]. Цель настоящей статьи состоит в определении содержания и пределов предусмотренной данной нормой автономии воли применительно к российскому личному фонду. Исследование основано на формально-юридическом, системном и сравнительно-правовом методах.

Постановка проблемы

На первый взгляд предоставление учредителю личного фонда подобной автономии не выглядит совершенно чуждым природе данного института. В российской доктрине личный фонд неоднократно сопоставлялся с англо-американским институтом доверительной собственности (трастом) и характеризовался как функционально близкая ему конструкция: оба института позволяют обособить имущество и организовать его долгосрочное управление в соответствии с волей учредителя в интересах определенных им лиц [3, с. 14; 4, с. 105]. В этой связи нельзя не обратить внимание на ст. 6 Гаагской конвенции 1985 года, которая закрепляет возможность выбора учредителем права, применимого к трасту [5].

Однако такое функциональное сходство не должно заслонять принципиального различия между двумя институтами. В традиционном понимании английского права траст не является юридическим лицом, а титул на переданное имущество разделяется между доверительным собственником, которому принадлежит юридический титул (legal title), и выгодоприобретателем, обладающим титулом по праву справедливости (equitable title) [6, p. 30]. Сам траст, таким образом, не выступает носителем прав на обособленное имущество и не участвует в обороте от собственного имени. Российский личный фонд, напротив, обладает правосубъектностью юридического лица и является собственником переданного ему имущества (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ). Поэтому, на наш взгляд, п. 5 ст. 1202 ГК РФ непосредственно ставит вопрос о допустимости применения коллизионного принципа автономии воли в сфере действия личного закона юридического лица (lex societatis).

В зарубежной доктрине наиболее близкая по своей логике концепция была предложена Дж. Дэмманном, который выступал за отделение выбора применимого корпоративного права от места инкорпорации и предоставление корпорации возможности свободно определять такое право непосредственно в своем учредительном документе [7, p. 54]. Заложенная в п. 5 ст. 1202 ГК РФ идея во многом созвучна данной концепции, поскольку российский личный фонд сохраняет свой статус юридического лица, созданного по российскому праву, но получает возможность подчинить отдельные отношения с участием связанных с ним лиц иностранному праву. Вместе с тем А. В. Асосков, анализируя предложенную концепцию, справедливо обращал внимание на существенные отличия данной сферы от договорных обязательств и ставил под сомнение возможность непосредственного перенесения на нее принципа автономии воли в его традиционном понимании [8, с. 278]. В этой связи полагаем, что действующее регулирование нуждается как минимум в дополнительных разъяснениях и уточнении пределов такой автономии, основные проблемные аспекты которой будут рассмотрены далее.

Предметные пределы применения иностранного права

Прежде всего следует отметить, что из содержания рассматриваемой нормы не вполне ясно, к каким именно отношениям может применяться избранное иностранное право, поскольку законодатель ограничивается лишь указанием на «отношения с участием» самого фонда, его учредителя, выгодоприобретателей и лиц, входящих в состав его органов, не определяя при этом предметные границы. С учетом места данной нормы в ст. 1202 ГК РФ такое регулирование, по крайней мере буквально, не позволяет установить, какие именно вопросы, относимые пунктом 2 указанной статьи к сфере личного закона юридического лица, могут быть подчинены иностранному праву. При широком толковании используемая законодателем формулировка потенциально позволяет распространить избранное право на такие элементы lex societatis, как, например, содержание правоспособности личного фонда, порядок приобретения им гражданских прав и принятия на себя обязанностей или способность отвечать по своим обязательствам, что может затрагивать

положение третьих лиц, в том числе кредиторов, поскольку соответствующие вопросы определяют пределы участия фонда в обороте и его способность нести возникшие перед ними обязанности. В литературе высказывалась позиция, согласно которой формулировка п. 5 ст. 1202 ГК РФ допускает применение иностранного права исключительно к внутренним отношениям личного фонда [9, с. 37]. Представляется, однако, что непосредственно из текста закона такое ограничение не следует. Не дает однозначных оснований для подобного вывода и телеологическое толкование нормы с учетом истории ее принятия, так как соответствующие положения появились в законопроекте лишь при его подготовке ко второму чтению и не получили отдельного обоснования в пояснительных материалах [10].

Показательно, что в иных случаях законодатель значительно более точно определяет сферу возможного применения иностранного права к российским юридическим лицам. Так, ч. 2 ст. 12.3 Федерального закона «О международных компаниях и международных фондах» прямо относит к ней отношения, связанные с осуществлением прав учредителей международного фонда, а также его внутренние отношения, включая вопросы создания и ликвидации фонда, управления им и взыскания убытков с его органов управления [11]. В силу ст. 12.17 указанного закона аналогичные положения применяются и к международным личным фондам [11]. Еще подробнее пределы применения иностранного права урегулированы для международных компаний, в отношении которых законодатель устанавливает специальные изъятия из применения российского корпоративного законодательства и одновременно сохраняет действие отдельных императивных норм российского права [12, с. 114].

В этой связи обоснованным видится законодательное уточнение п. 5 ст. 1202 ГК РФ посредством прямого ограничения его действия внутренними отношениями личного фонда и определения, по крайней мере в общем виде, круга вопросов, которые могут быть подчинены иностранному праву. Необходимость такого уточнения дополнительно обусловлена ограничением доступа к документам личного фонда, поскольку в силу п. 1 ст. 6 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» устав личного фонда не относится к общедоступным документам [13]. В подобных условиях распространение предусмотренного уставом выбора иностранного права за пределы внутренних отношений фонда создавало бы риски для кредиторов и иных третьих лиц, которые не давали согласия на такой выбор и могли даже не знать о его существовании и содержании.

Иностранный элемент

Не меньшую неопределенность вызывает и установленное требование о наличии иностранного элемента. Наряду с прямо названным участием в соответствующих отношениях иностранных граждан или юридических лиц законодатель указывает на «иной иностранный элемент», не раскрывая содержания данного понятия. Отметим, что подобная открытая формулировка в целом соответствует общепринятому пониманию данной категории в международном частном праве. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», перечень иностранных элементов, приведенный в п. 1 ст. 1186 ГК РФ, не является исчерпывающим и может охватывать, в частности, совершение действия или наступление юридического факта за границей [14]. А. В. Асосков, комментируя данные положения, указывает на невозможность сформировать закрытый перечень релевантных иностранных элементов ввиду того, что различные нормы могут придавать значение разным связям отношения с иностранным правопорядком [15, с. 13]. В свою очередь, А. Л. Маковский обращает внимание на возникающую в подобных случаях проблему определения того, обладает ли конкретная иностранная характеристика достаточным значением для обращения к иностранному праву [16, с. 188–189].

Вопрос о достаточности иностранного элемента для возникновения возможности выбора права возникает и в рассматриваемом нами случае. Так, нахождение за рубежом значительной части имущества фонда, особенно если соответствующее отношение непосредственно связано с управлением или распоряжением таким имуществом, по-видимому, может рассматриваться в качестве достаточного иностранного элемента. Напротив, совершение за границей отдельного юридически значимого действия, например проведение заседания органа фонда или подписание отдельного документа, едва ли само по себе должно позволять подчинить иностранному праву внутренние отношения фонда. Аналогично преимущественное взаимодействие фонда с иностранными кредиторами и контрагентами, не являющимися участниками конкретного отношения, не должно автоматически придавать иностранный характер отношениям между фондом, его учредителем, выгодоприобретателями и членами его органов.

Неясно также, как следует оценивать искусственное либо сугубо формальное создание иностранного элемента с целью воспользоваться описанным механизмом. В качестве возможного ориентира может рассматриваться п. 5 ст.

1210 ГК РФ, согласно которому выбор иностранного права при связи всех существенных обстоятельств отношения с одной страной не устраняет действие императивных норм права этой страны. Однако допустимость применения подобной аналогии закона представляется дискуссионной и, наряду с вопросом о достаточности отдельных категорий иностранных элементов, требует дополнительного уточнения на законодательном уровне или в судебной практике.

Возможность выбора нейтрального права

Наконец, п. 5 ст. 1202 ГК РФ не позволяет однозначно установить, может ли учредитель избрать право любой иностранной юрисдикции либо такой выбор должен быть обусловлен объективной связью с соответствующим правопорядком. В сфере договорных обязательств возможность выбора так называемого нейтрального права уже давно рассматривается как одно из классических проявлений принципа автономии воли [17, с. 48]. Вместе с тем в тех областях международного частного права, где автономия воли получила распространение позднее, данный выбор нередко ограничивается правопорядками, имеющими определенную связь с регулируемым отношением. Так, для уже упоминавшихся выше международных компаний возможность применения иностранного права предусмотрена только в случае редомициляции и касается права, применявшегося к соответствующему юридическому лицу до изменения его личного закона [12, с. 110]. Европейское регулирование наследственных отношений также допускает выбор наследодателем права, применимого к наследованию, однако в соответствии со ст. 22 Регламента (ЕС) № 650/2012 такой выбор ограничен правом государства его гражданства, а при наличии нескольких гражданств – правом любого из соответствующих государств [18]. Схожее ограничение в праве ЕС установлено и для выбора права, применимого к режиму имущества супругов, который согласно ст. 22 Регламента Совета (ЕС) 2016/1103 допускается в пользу права государства обычного места жительства обоих или одного из них либо права государства гражданства любого из них на момент заключения соглашения [19].

Если исходить из предложенного выше более узкого понимания предметных пределов такой автономии и ограничивать ее внутренними отношениями фонда, возможность выбора нейтрального правопорядка, на наш взгляд, выглядит в данном случае весьма оправданной. Обращение к праву юрисдикции с более предсказуемым регулированием сопоставимых отношений, например, к английскому праву, может отвечать интересам учредителя и иных связанных с фондом лиц, позволяя им использовать более устоявшиеся правовые подходы, что является особенно актуальным, принимая во внимание относительную новизну института личных фондов для российского права и отсутствие сформировавшейся судебной практики по вопросам его функционирования. В то же время вопрос о предпочтительности одной из двух описанных моделей автономии воли применительно к личным фондам также пока остается открытым и требует дальнейшего обсуждения в научном и профессиональном сообществе.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что закрепленная в п. 5 ст. 1202 ГК РФ возможность применения иностранного права к отношениям, связанным с личными фондами, представляет собой достаточно необычное проявление принципа автономии воли в сфере личного закона юридического лица. Проведенный анализ показывает, что действующее регулирование не позволяет однозначно определить ни предметные пределы такой автономии, ни требования к иностранному элементу, ни допустимую степень свободы при выборе соответствующего правопорядка. Указанные вопросы, безусловно, не исчерпывают проблематики, связанной с содержанием рассматриваемой нормы, однако уже они свидетельствуют о необходимости ее дальнейшего доктринального осмысления, а в перспективе – выработки более определенных законодательных и правоприменительных подходов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5115.

[2] Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4933.

[3] Емелькина Я. В. Управляющий личным фондом как участник правоотношения по управлению имуществом // Гражданское право. 2025. № 2. С. 14–17.

[4] Косарева В. В. Сравнительно-правовой анализ траста и личного фонда в России // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 2 (68). С. 98–111.

[5] Конвенция о праве, применимом к трастам, и их признании (Гаага, 01.07.1985) // Гаагская конференция по международному частному праву (HCCH). URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59 (дата обращения: 27.09.2026).

[6] Pettit P. H. Equity and the Law of Trusts. 12th

ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 741 p.

[7] Dammann J. A New Approach to Corporate Choice of Law // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2005. Vol. 38. No. 1. P. 51–107.

[8] Асосков А. В. Рецензия на статьи Дж. Дэмманна, посвященные концепции свободы выбора права, применимого к корпоративным отношениям // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 4. С. 271–280.

[9] Лаврова И. Г. К вопросу о некоторых особенностях регулирования личных фондов в международном частном праве // Гражданское право. 2026. № 2. С. 36–39.

[10] Законопроект № 190808-8 «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/190808-8 (дата обращения: 27.09.2026).

[11] Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

[12] Арнаутов Д. Р. Особенности права, применимого к редомицилированным международным компаниям // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 7. С. 102–131.

[13] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 17.07.2019. № 154.

[15] Асосков А. В. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения // Судья. 2019. № 11. С. 12–19.

[16] Маковский А. Л. Статья 1186. Определение права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц или гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом // Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. С. 180–190.

[17] Лунц Л. А. Внешнеторговая купля-продажа (коллизионные вопросы). М.: Юридическая литература, 1972. 104 с.

[18] Регламент (ЕС) № 650/2012 Европейского парламента и Совета от 04.07.2012 о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении аутентичных актов по вопросам наследования и о создании Европейского свидетельства о наследовании // Official Journal of the European Union. 2012. L 201. P. 107–134. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/650/oj (дата обращения: 27.09.2026).

[19] Регламент Совета (ЕС) 2016/1103 от 24.06.2016 об осуществлении расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам режимов имущества супругов // Official Journal of the European Union. 2016. L 183. P. 1–29. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/1103/oj (дата обращения: 27.09.2026).

References:

[1] Federal Law No. 287-FZ of 01.07.2021 “On Amendments to Parts One and Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part I). Art. 5115.

[2] Federal Law No. 237-FZ of 08.08.2024 “On Amendments to Part One and Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 33 (Part I). Art. 4933.

[3] Emelkina Ya. V. Manager of a Personal Fund as a Participant in Property Management Relations // Civil Law. 2025. No. 2. P. 14–17.

[4] Kosareva V. V. Comparative Legal Analysis of the Trust and the Personal Fund in Russia // Leningrad Law Journal. 2022. No. 2 (68). P. 98–111.

[5] Convention of 01.07.1985 on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition // Hague Conference on Private International Law (HCCH). URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59 (accessed: 27.09.2026).

[6] Pettit P. H. Equity and the Law of Trusts. 12th ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 741 p.

[7] Dammann J. A New Approach to Corporate Choice of Law // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2005. Vol. 38. No. 1. P. 51–107.

[8] Asoskov A. V. Review of J. Dammann’s Articles on the Concept of Freedom of Choice of Law Applicable to Corporate Relations // Civil Law Review. 2007. Vol. 7. No. 4. P. 271–280.

[9] Lavrova I. G. On Certain Features of the Regulation of Personal Funds in Private International Law // Civil Law. 2026. No. 2. P. 36–39.

[10] Draft Law No. 190808-8 “On Amendments to Part One and Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Legislative Support System of the State Duma. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/190808-8 (accessed: 27.09.2026).

[11] Federal Law No. 290-FZ of 03.08.2018 “On International Companies and International Funds” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32 (Part I). Art. 5083.

[12] Arnautov D. R. Issues of the Law Applicable to Redomiciled International Companies // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 7. P. 102–131.

[13] Federal Law No. 129-FZ of 08.08.2001 “On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3431.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of 09.07.2019 “On the Application of Private International Law Rules by Courts of the Russian Federation” // Russian Gazette. 17.07.2019. No. 154.

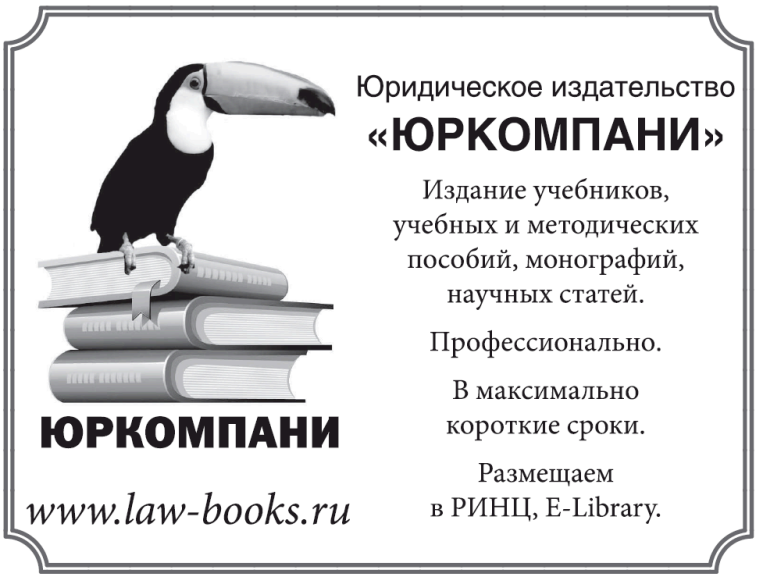
[15] Asoskov A. V. New Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the Application of Private International Law Rules: Key Clarifications // Judge. 2019. No. 11. P. 12–19.

[16] Makovsky A. L. Article 1186. Determination of the Law Applicable to Civil-Law Relations Involving Foreign Persons or Civil-Law Relations Complicated by Another Foreign Element // Article-by-Article Commentary on Part Three of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow: Statut, 2011. P. 180–190.

[17] Lunts L. A. Foreign Trade Sale and Purchase (Conflict-of-Laws Issues). Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1972. 104 p.

[18] Regulation (EU) No. 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 04.07.2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession // Official Journal of the European Union. 2012. L 201. P. 107–134. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/650/oj (accessed: 27.09.2026).

[19] Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24.06.2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes // Official Journal of the European Union. 2016. L 183. P. 1–29. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/1103/oj (accessed: 27.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-152-159
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

КЛЮЕВ Ярослав Дмитриевич,
Студент магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова,
e-mail: 9104422416@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *В статье исследуются теоретико-правовые аспекты регулирования использования информационных технологий в системе исполнительной власти. Актуальность исследования определена масштабной цифровой трансформацией государственного управления, которое сопровождается внедрением информационных систем, переходом к электронному документообороту, расширением практики межведомственного информационного взаимодействия и развитием цифровых форм предоставления государственных услуг. Рассматриваются особенности нормативно-правового регулирования указанных процессов, а также правовые условия функционирования государственных информационных ресурсов и информационных систем, используемых органами исполнительной власти.*

Отдельное внимание уделено проблематике обеспечения законности при осуществлении государственного управления с применением информационных инструментов, соблюдению требований в сфере защиты информации и персональных данных, обеспечению информационной безопасности и реализации прав граждан и организаций в рамках электронного взаимодействия с государственными органами. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере с учётом технологических изменений, принципов правовой определённости и гарантированности прав участников информационного взаимодействия.

Ключевые слова: *исполнительная власть, информационное обеспечение, информационные технологии, электронный документооборот, персональные данные, электронное взаимодействие, государственные услуги.*

KLYUEV Yaroslav Dmitrievich,
Master's student of the Higher School of Public Audit (faculty)
Lomonosov Moscow State University

LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE AUTHORITIES

Annotation. *This article examines the theoretical and legal aspects of regulating the use of information technologies within the executive branch of government. The relevance of the study is determined by the large-scale digital transformation of public administration, which is accompanied by the implementation of information systems, the transition to electronic document management, the expansion of interagency information exchange, and the development of digital forms of public service delivery. The article considers the specific features of the legal regulation of these processes, as well as the legal conditions governing the functioning of state information resources and information systems used by executive authorities. Particular attention is paid to ensuring legality in public administration through the use of digital tools, compliance with requirements in the field of information and personal data protection, ensuring information security, and safeguarding the rights of citizens and organizations within the framework of electronic interaction with public authorities. The article substantiates the need for further improvement of legislation in this area, taking into account technological developments, the principles of legal certainty, and the protection of the rights of participants in information exchange.*

Key words: *Executive branch of government, information provision, information technology, electronic document management, personal data, electronic interaction, public services.*

Введение

Цифровизация государственного управления является одним из ключевых направлений развития современной системы публичной власти. Информационные технологии активно используются органами исполнительной власти при предоставлении государственных услуг, межведомственном взаимодействии, обработке информации и осуществлении государственных функций. Их применение способствует повышению эффективности государственного управления, но одновременно обусловливает возникновение новых правовых вопросов, связанных с защитой информации и персональных данных, обеспечением законности и соблюдением прав граждан. В связи с этим особое значение приобретает совершенствование правового регулирования применения информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти. Актуальность данной проблематики обусловлена необходимостью адаптации законодательства к стремительному развитию цифровых технологий и новым общественным отношениям, возникающим в процессе их использования.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей правового регулирования применения информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти, а также выявление основных проблем и направлений совершенствования законодательства в данной сфере.

Понятие и функции информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти

Информационные технологии являются важнейшим инструментом современного государственного управления. Согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под информационными технологиями понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, а также способы их осуществления. В деятельности органов исполнительной власти они представляют собой совокупность программных, организационных и технических средств, обеспечивающих работу с информацией, принятие управленческих решений, межведомственное взаимодействие и предоставление государственных услуг.

К основным признакам информационных технологий в государственном управлении относятся системность, автоматизация информационного процесса, использование программно-технических средств, электронный обмен данными, оперативная обработка значительных объёмов информации, а также обеспечение её достоверности, сохранности и защищённости. Их применение осуществляется с учётом правового режима информации, включая требования к обработке персональных данных и защите информации ограниченного доступа.

Основными функциями информационных технологий являются информационная, управленческая, коммуникативная, аналитическая, контрольная и сервисная. Они обеспечивают сбор и обработку сведений, подготовку управленческих решений, электронное взаимодействие органов власти, анализ данных, контроль исполнения решений и предоставление государственных услуг в электронной форме.

По назначению информационные технологии в государственном управлении включают системы электронного документооборота, государственные информационные системы и реестры, технологии межведомственного электронного взаимодействия, информационно-аналитические системы, электронное предоставление государственных услуг и средства защиты информации. Их практическая реализация осуществляется посредством государственных информационных систем, официальных сайтов органов власти, Единого портала государственных и муниципальных услуг и иных цифровых платформ.

Использование информационных технологий способствует повышению эффективности государственного управления за счёт сокращения сроков обработки документов и предоставления услуг, снижения объёма бумажного документооборота, ускорения межведомственного обмена информацией и повышения доступности государственных услуг. Возможность их предоставления в электронной форме предусмотрена Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Неотъемлемым условием цифровизации государственного управления является обеспечение информационной безопасности. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает требования к обработке персональных данных, в том числе государственными органами, и направлен на защиту прав и свобод человека и гражданина.

Стратегические направления развития информационных технологий определены Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Документ предусматривает развитие информационного общества и цифровой экономики, а также повышение качества государственных услуг посредством применения информационно-коммуникационных технологий.

Информационные технологии в деятельности органов исполнительной власти представля-

ют собой не просто технические средства обработки информации, а важнейший инструмент современного государственного управления. Они обеспечивают информационное и организационное функционирование органов власти, принятие управленческих решений и предоставление государственных услуг.

Принципы и основные направления использования информационных технологий органами исполнительной власти

Информационные технологии сегодня играют важную роль в развитии государственного управления. Их использование помогает упростить и ускорить различные административные процессы, повысить качество государственных услуг и сделать принятие управленческих решений более оперативным. Кроме того, современные цифровые технологии позволяют пользователям быстрее получать необходимый массив информации и удобнее взаимодействовать с органами власти в электронном формате.

Правовое регулирование информационных технологий в России, в частности, определяется Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Он устанавливает основные требования к работе с информацией, в том числе её доступности, достоверности и защите. Для государственных органов это особенно важно, поскольку реализация принципа открытости и прозрачности должна обеспечиваться с учётом установленных законом ограничений доступа к информации и требований о защите персональных данных.

Существенное значение имеет Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», предусматривающий возможность получения государственных услуг в электронной форме. Использование цифровых сервисов позволяет гражданам подавать заявления, получать сведения о ходе рассмотрения обращений и результаты предоставления услуг дистанционно, что способствует снижению временных и административных издержек.

Информационные технологии сегодня формируют важные направления в работе органов исполнительной власти. Они применяются для предоставления государственных услуг в электронном виде, ведения документооборота и обмена информацией между различными ведомствами. Благодаря этому государственные органы могут быстрее получать и обрабатывать необходимые сведения, а гражданам не приходится повторно предоставлять данные, которые уже находятся в распоряжении государства. Кроме того, цифровые инструменты упрощают анализ накопленной информации и позволяют использовать её при принятии управленческих решений.

Таким образом, цифровизация меняет систему государственного управления, переводя многие процессы в электронный формат, что в последующем приводит к упрощению получения государственных услуг, повышению эффективности работы органов власти и улучшению обмена информацией между ними. При этом важными условиями остаются защита персональных данных, информационная безопасность и соблюдение прав человека.

Государственные информационные системы и электронное взаимодействие органов исполнительной власти

Цифровизация государственного управления приводит к тому, что информационные ресурсы и технологии становятся важной частью деятельности органов власти. Существенную роль в данном процессе играют государственные информационные системы (ГИС), с помощью которых осуществляется сбор, накопление, хранение, обработка и предоставление данных, необходимых для выполнения государственных функций. Развитие и совершенствование таких систем позволяет повысить результативность управленческих процессов, обеспечить более оперативный обмен информацией и создать условия для удобного взаимодействия государственных органов с гражданами и организациями.

Функционирование ГИС и электронное взаимодействие органов власти основываются не только на применении технических средств, но и на соответствующем нормативно-правовом регулировании. Важное место в данной системе занимают постановления Правительства РФ, устанавливающие порядок функционирования отдельных информационных систем и регламентирующие электронное взаимодействие государственных органов.

В качестве одного из ключевых элементов цифровой инфраструктуры государственного управления следует рассматривать федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее - ЕПГУ). Порядок ее функционирования определяется постановлением Правительства РФ от 24.10.2011 № 861. ЕПГУ обеспечивает доступ граждан и организаций к информации о государственных и муниципальных услугах, позволяет направлять заявления онлайн, получать сведения о ходе их рассмотрения и результаты предоставления услуги.

Функциональное значение ЕПГУ не ограничивается непосредственным взаимодействием государства с заявителями. Портал является составной частью цифровой инфраструктуры госу-

дарственного управления, обеспечивающей информационную связь между пользователем и уполномоченным органом. В предусмотренных законодательством случаях необходимые для предоставления услуги сведения могут передаваться посредством электронного взаимодействия между государственными информационными системами.

Совершенствование данной системы осуществляется посредством расширения механизмов ее интеграции с другими цифровыми ресурсами.

Так, постановлением Правительства РФ от 31.12.2022 № 2560 утверждены правила взаимодействия официальных сайтов и официальных страниц государственных органов с федеральной государственной информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Указанное регулирование направлено, в том числе, на обеспечение информационно-технологического взаимодействия систем, используемых при предоставлении государственных и муниципальных услуг и исполнении государственных функций в электронной форме.

Развитие ЕПГУ сопровождается внедрением новых форм цифрового взаимодействия. В частности, постановлением Правительства РФ от 19.09.2025 № 1443 урегулировано применение мобильного приложения федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для представления гражданами сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность, а также в иных документах, выданных государственными органами. Это свидетельствует о расширении способов использования цифровой инфраструктуры при взаимодействии граждан с государством.

Электронное взаимодействие органов исполнительной власти можно рассматривать как комплекс организационных, правовых и технических средств, направленных на эффективный обмен информацией между государственными органами и применяемыми ими информационными системами. Результативность такого взаимодействия во многом определяется едиными требованиями к содержанию и передаче данных, возможностью достоверной идентификации участников информационного обмена, а также соблюдением необходимых мер по защите и обеспечению безопасности электронных документов.

Одним из практических результатов развития межведомственного электронного взаимодействия становится отсутствие необходимости граждан и организаций от повторно предоставлять сведений, которыми уже располагают органы власти. Если для этого имеются предусмотренные законом основания, нужная информация может быть получена непосредственно через электронный обмен данными между соответствующими информационными системами. Такой подход способствует реализации принципа «одного окна»: заявителю не требуется самостоятельно обращаться в разные государственные структуры, поскольку взаимодействие с государством осуществляется через единую цифровую платформу, а часть необходимых сведений запрашивается и передаётся между ведомствами без его непосредственного участия.

Важным направлением остается интеграция информационных ресурсов федерального, регионального и муниципального уровней. Согласованное функционирование информационных систем различных органов позволяет повысить оперативность обмена данными, сократить дублирование информационных ресурсов и обеспечить более эффективное выполнение государственных и муниципальных функций. Так, развитие государственных информационных систем и систем электронного взаимодействия органов исполнительной власти является комплексным процессом, включающим совершенствование нормативной базы, механизмов межведомственного обмена и информационной инфраструктуры.

Дальнейшая цифровизация связана с расширением функциональных возможностей ГИС, развитием интеграционных механизмов, повышением уровня качества услуг и обеспечением информационной безопасности.

Правовое регулирование предоставления государственных услуг в электронной форме

Правовое регулирование предоставления государственных услуг в электронной форме является значимым направлением развития современного законодательства. Под предоставлением государственной услуги в электронной форме целесообразно понимать осуществление уполномоченным государственным органом административных процедур с применением информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающих электронное взаимодействие с заявителем на отдельных этапах либо на протяжении всего процесса предоставления услуги. Соответственно, правовое регулирование данной сферы представляет собой совокупность нормативных предписаний, определяющих порядок электронного взаимодействия, требования к информационным системам и электронным документам, а также гарантии реализации и защиты прав заявителей.

Основу правового регулирования предоставления государственных и муниципальных услуг составляет Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предостав-

ления государственных и муниципальных услуг». Он закрепляет порядок предоставления услуг в электронной форме, включая подачу заявлений, отслеживание хода их рассмотрения и получение результатов. Важную роль в этой системе играет Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), деятельность которого регулируется Федеральным законом № 210-ФЗ и постановлением Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861. Портал предоставляет гражданам доступ к информации об услугах и позволяет совершать необходимые юридически значимые действия в электронном формате.

Правовое регулирование рассматриваемой сферы имеет многоуровневый характер. Помимо федеральных законов, важную роль играют постановления Правительства РФ и административные регламенты, которые конкретизируют порядок электронного взаимодействия, межведомственного обмена данными, идентификации заявителей, а также сроки и последовательность предоставления государственных услуг. Юридическая значимость электронных документов и действий определяется, в частности, Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», устанавливающим правила использования электронной подписи. Важное место занимает и Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регулирующий вопросы использования информационных технологий и защиты информации.

Важную роль в цифровой трансформации административных процедур играет межведомственное электронное взаимодействие. Благодаря ему органы власти могут самостоятельно запрашивать и получать необходимые сведения, которыми уже располагают другие органы или организации. Таким образом, цифровизация государственных услуг затрагивает не только способ подачи заявления, но и сам порядок предоставления услуги. Взаимодействие органов власти в электронной среде делает административные процедуры более удобными для граждан, сокращает число необходимых действий и способствует оперативному рассмотрению обращений.

Сегодня цифровизация государственного управления уже не сводится к тому, чтобы просто перевести привычные процедуры в электронный вид. Она меняет сам подход к организации работы государственных органов, затрагивая технологии, внутренние процессы и правовое регулирование. Распространение автоматической обработки данных, электронных способов подтверждения личности, обмена информацией между ведомствами требует обновления действующих правовых норм. При этом внедрение цифровых технологий не должно ограничивать права заявителей или снижать уровень предоставляемых им правовых гарантий.

Таким образом, развитие правового регулирования электронных государственных услуг должно учитывать не только возможности цифровизации, но и необходимость реальной защиты прав участников административных отношений. Особое значение здесь имеют четкие правила проведения электронных процедур, надежная защита информации и сохранение доступных способов контроля и обжалования решений органов власти. Следовательно, электронная государственная услуга представляет собой уже не техническую замену традиционному обращению, а особую форму осуществления публичных полномочий, требующую самостоятельного правового регулирования.

Проблемы правового регулирования и обеспечения информационной безопасности

Стремительное развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на характер общественных отношений и одновременно повышает значение информационной безопасности как самостоятельного направления государственной правовой политики. Её конституционно-правовые основы, в частности, закреплены в статьях 23, 24 и 29 Конституции Российской Федерации, которые гарантируют неприкосновенность частной жизни, защиту информации о ней, а также право свободно искать, получать и распространять информацию. При этом расширение цифрового пространства сопровождается появлением новых угроз и правовых вопросов, на которые действующее законодательство не всегда способно своевременно и в полной мере реагировать. Это обусловливает необходимость дальнейшего развития и совершенствования правовых и организационных механизмов обеспечения информационной безопасности.

Одним из наиболее заметных препятствий для эффективного правового регулирования является высокая скорость технологических преобразований, существенно опережающая процесс формирования соответствующих нормативных механизмов. Использование искусственного интеллекта, облачных технологий, автоматизированных систем обработки данных и других цифровых инструментов постепенно становится частью различных сфер общественной жизни. Вместе с тем появление подобных решений сопровождается возникновением новых видов информационных рисков, правовые последствия которых не всегда достаточно ясно определены законодательством. В подобных условиях возникают вопросы относительно правомерности применения конкретных технологий, содержания обязан-

ностей участников цифровых отношений, а также оснований и пределов возложения на них юридической ответственности.

Самостоятельного внимания требует проблема соотношения задач по обеспечению информационной безопасности с необходимостью сохранения конституционных прав и свобод человека. Противодействие возникающим информационным угрозам не должно осуществляться посредством необоснованного ограничения прав граждан, поскольку соответствующие меры должны отвечать требованиям законности, необходимости и соразмерности.

Расширение государственных механизмов контроля за цифровой средой без установления надлежащих правовых пределов, напротив, способно создать дополнительные риски для неприкосновенности частной жизни и свободы распространения информации. Поэтому одной из важных задач правового регулирования становится определение таких границ государственного вмешательства, которые позволяли бы обеспечивать безопасность, не допуская несоразмерного ограничения прав личности.

Сложность представляет и вопрос определения лиц, подлежащих ответственности за нарушения в информационной сфере. Специфика цифровых отношений заключается в их трансграничности, возможности распределённой обработки информации и одновременном участии в соответствующих процессах нескольких субъектов. Такие особенности могут существенно затруднять установление того, чьи именно действия стали непосредственной причиной наступления определенных негативных последствий. В связи с этим требуется дальнейшее совершенствование правовых средств, направленных не только на предупреждение и пресечение цифровых угроз, но и на установление виновных лиц, применение к ним предусмотренных мер ответственности и эффективное восстановление нарушенных прав.

Следовательно, современная система правового обеспечения информационной безопасности должна учитывать постоянное изменение технологической среды и обладать достаточной гибкостью для своевременной адаптации к возникающим вызовам. При этом развитие соответствующего регулирования не может ограничиваться исключительно усилением мер защиты информации: оно должно осуществляться с учётом публичных интересов и конституционных гарантий личности.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация деятельности органов исполнительной власти является закономерным этапом развития современного государственного управления.

Информационные технологии всё активнее применяются при реализации государственных функций, межведомственном взаимодействии и предоставлении государственных услуг. В этих условиях особое значение приобретает создание правовых условий, позволяющих эффективно использовать цифровые инструменты при одновременном обеспечении законности деятельности публичной администрации и защиты прав граждан.

Действующее законодательство уже сформировало значительную нормативную основу цифровой трансформации государственного управления.

Вместе с тем, быстрое развитие технологий требует постоянного совершенствования правового регулирования. При этом более целесообразным представляется не дальнейшее увеличение количества специальных норм, а формирование единых правовых принципов использования цифровых технологий. Такой подход позволит обеспечить устойчивость и предсказуемость административных процессов независимо от изменения конкретных технологических решений.

Одним из наиболее перспективных направлений остаётся автоматизация административных процедур. Алгоритмические решения способны сократить временные и организационные затраты, повысить единообразие применения правовых норм и снизить влияние субъективных факторов. Однако автоматизация не должна означать отказ от человеческого участия в процессах, затрагивающих права и законные интересы граждан. Необходимо сохранять возможность проверки обоснованности решений, осуществления человеческого контроля и установления конкретных лиц, несущих ответственность за их принятие и реализацию.

Важное значение имеет и совершенствование правового режима государственных данных, их эффективное использование создаёт дополнительные возможности для принятия обоснованных управленческих решений, прогнозирования и планирования. Вместе с тем расширение работы с данными должно осуществляться с обязательным соблюдением требований информационной безопасности, законодательства о персональных данных и иных гарантий прав граждан.

Дальнейшая цифровизация государственного управления связана также с использованием искусственного интеллекта, технологий анализа больших данных и цифровых платформ. Их применение требует понятных правовых требований к пределам автоматизации, порядку контроля за результатами работы цифровых систем и распределению юридической ответственности между

соответствующими участниками административных процессов. Таким образом, дальнейшее развитие правового регулирования применения информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти должно быть направлено на формирование гибкой и технологически нейтральной правовой модели. Её основу должны составлять законность, информационная безопасность, защита прав граждан, прозрачность административных процедур и эффективный государственный контроль.

Назначение цифровых технологий заключается в повышении эффективности деятельности органов исполнительной власти, качества государственных услуг и результативности взаимодействия государства с обществом. Именно сочетание технологического развития с правовой определённостью позволит сформировать устойчивую модель цифрового государственного управления, отвечающую как современным потребностям государства, так и интересам граждан.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

[3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

[5] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

[6] Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

[7] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

[8] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

[9] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями).

[10] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» (с изменениями).

[11] Бачило, И. Л. Информационное право : учебник для вузов / И. Л. Бачило. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 419 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-00608-7.

[12] Бринёв, В. К. Информационное право : учебное пособие / В. К. Бринёв. — Москва : Проспект.

[13] Копылов, В. А. Информационное право : учебник / В. А. Копылов. — Москва : Юрайт. — С. 196–200.

[14] Рассолов, М. М. Информационное право : учебник / М. М. Рассолов. — Москва : Юрайт. — Гл. 10 «Информационно-правовое обеспечение управления».

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended).

[2] Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection".

[3] Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature".

[4] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ "On Personal Data".

[5] Federal Law No. 12.06.2002 of 67-FZ "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation".

[6] Federal Law No. 21.12.2021 of 414-FZ "On General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation".

[7] Federal Law of 26.07.2017 No. 187-FZ "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation".

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030".

[9] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended).

[10] Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 No. 313 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Information Society"" (as amended).

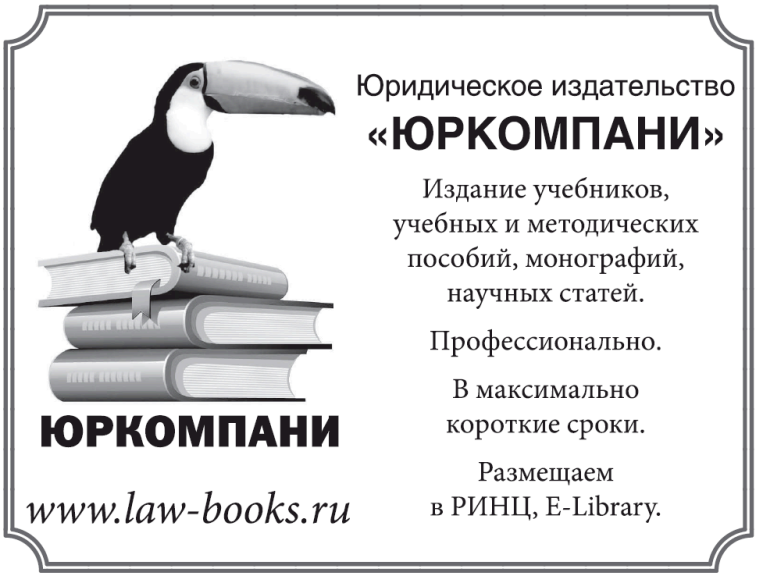
[11] Bachilo, I. L. Information law: a textbook for universities / I. L. Bachilo. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 419 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-00608-7.

[12] Brinev, V.K. Information law: textbook / V.K. Brinev. - Moscow: Prospect.

[13] Kopylov, V. A. Information law: textbook / V. A. Kopylov. - Moscow: Yurayt. - S. 196-200.

[14] Brine, M. M. Information law: textbook /

M. M. Brine. - Moscow: Yurayt. - Ch. 10 "Information and legal support of management.".

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-160-165
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ВОРОБЬЕВ Андрей Васильевич,
аспирант «Институт аспирантура и докторантура»
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва,
e-mail: info@450040.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НЕОТАПЛИВАЕМЫХ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ

Аннотация. *В статье исследуется правовой режим неотапливаемых нежилых помещений в многоквартирных домах. Обосновывается, что отсутствие в помещении отопительных приборов само по себе не является достаточным основанием для признания его неотапливаемым. Выявлено отсутствие в действующем регулировании специальных положений, определяющих понятие и критерии признания помещения неотапливаемым. Предлагается определять неотапливаемость на основе совокупности проектных, технических, правовых и фактических обстоятельств, включая первоначальное проектное решение помещения, наличие и функциональное назначение теплопотребляющих элементов, законность произведенного переустройства, а также способ отопления помещения и объективную возможность обеспечения централизованной системой отопления нормативной температуры внутреннего воздуха. На основе анализа судебной практики обосновывается необходимость нормативного закрепления понятия «неотапливаемое нежилое помещение» и единых критериев его признания, позволяющих обеспечить единообразие правоприменения.*

Ключевые слова: *теплоснабжение, тепловая энергия, неотапливаемое нежилое помещение, правовой режим, многоквартирный дом, отопление, теплопотребление, переустройство, централизованная система отопления, проектная документация, судебная практика, судебная практика, энергетическое право.*

VOROBYEV Andrey Vasilevich,
Postgraduate of «The Institute of Postgraduate and
Doctoral Studies» Kutafin Moscow State Law University
(MSAL), Moscow

LEGAL REGIME OF UNHEATED NON-RESIDENTIAL PREMISES IN APARTMENT BUILDINGS

Annotation. *The article examines the legal regime of unheated non-residential premises in apartment buildings. It is substantiated that the absence of heating devices in a premises, in itself, is not sufficient to classify it as unheated. The study identifies the lack of specific provisions in the current legal framework defining the concept and criteria for classifying a premises as unheated. The author proposes that the unheated status of a premises should be determined on the basis of a combination of design, technical, legal, and factual circumstances, including the original design solution of the premises, the presence and functional purpose of heat-consuming elements, the legality of alterations, as well as the method of heating and the objective possibility of maintaining the required indoor air temperature through the centralized heating system. Based on an analysis of judicial practice, the article substantiates the need to establish by law the concept of an "unheated non-residential premises" and uniform criteria for its classification in order to ensure consistency in law enforcement.*

Key words: *heat supply, thermal energy, unheated non-residential premises, legal regime, apartment building, heating, heat consumption, alteration, centralized heating system, design documentation, judicial practice, energy law.*

Одной из актуальных проблем правового регулирования теплоснабжения нежилых помещений в многоквартирных домах является определение правового режима помещений, которые фактически не отапливаются либо конструктивно не предназначены для отопления.

Действующая редакция Правил предоставления коммунальных услуг не устанавливает специального правового регулирования, определяющего понятие и критерии признания помещения неотапливаемым, а судебная практика показывает, что отсутствие в помещении отопительных приборов само по себе не позволяет во всех случаях сделать однозначный вывод об отсутствии потребления тепловой энергии. [1].

Нежилое помещение может получать тепловую энергию посредством общих элементов системы отопления, через смежные конструкции либо иным косвенным способом. Одновременно возможно существование помещений, которые еще на стадии проектирования здания были предусмотрены как неотапливаемые либо впоследствии были законно переустроены с использованием самостоятельного источника тепловой энергии.

Следовательно, в правоприменении требуется разграничение фактического отсутствия отопительных приборов и юридически значимой неотапливаемости помещения.

1. Понятие и содержание правового режима неотапливаемого нежилого помещения

Действующее законодательство не содержит специального и исчерпывающего определения неотапливаемого нежилого помещения. Между тем отсутствие законодательного определения и единых критериев приводит к неодинаковому подходу судов к разрешению споров о начислении платы за отопление. В этой связи предлагается закрепить понятие «неотапливаемое нежилое помещение» и установить критерии его признания.

По мнению автора, неотапливаемое нежилое помещение следует определить как нежилое помещение, в котором отсутствуют отопительные приборы и иные теплопотребляющие элементы внутридомовой инженерной системы отопления и(или) в котором проведено переустройство в соответствии с требованиями, установленными действующим законодательством.

Данное определение позволяет выделить два самостоятельных основания возникновения правового режима неотапливаемого помещения.

Первое основание связано с первоначальными характеристиками объекта. Если помещение при проектировании и строительстве здания изначально не предусматривалось как отапливаемое, отсутствие в нем отопительных приборов и иных теплопотребляющих элементов является не результатом последующего вмешательства собственника, а характеристикой самого объекта.

Второе основание связано с законным переустройством помещения. В таком случае первоначально отапливаемое помещение может приобрести режим неотапливаемого в результате проведенного в установленном порядке переустройства, в том числе при переходе на самостоятельный источник тепловой энергии и выполнении мероприятий, направленных на исключение фактического потребления тепла из централизованной системы. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что правовой режим неотапливаемого помещения должен определяться не по одному формальному признаку, а посредством совокупной оценки его технических и юридических характеристик.

2. Критерии признания нежилого помещения неотапливаемым

Первым критерием является первоначальное проектное решение помещения и предусмотренное им наличие теплопотребляющих элементов и их функциональное назначение. Проектная документация позволяет установить, предусматривалось ли помещение как отапливаемое, какие элементы внутридомовой системы отопления были предусмотрены и каким образом помещение было включено в систему теплоснабжения здания.

Вторым критерием должна выступать законность произведенного переустройства. Самовольный демонтаж отопительных приборов не может автоматически приводить к изменению правового режима помещения. Правовой результат в виде признания помещения неотапливаемым может возникнуть только при соблюдении предусмотренного законом порядка переустройства.

Третьим критерием является способ отопления помещения и возможность обеспечения в нем нормативной температуры внутреннего воздуха за счет централизованной системы отопления. Необходимо установить, осуществляется ли отопление помещения посредством централизованной системы либо необходимый температурный режим обеспечивается за счет самостоятельного источника тепловой энергии. При этом невозможность обеспечения централизованной системой отопления нормативной температуры внутреннего воздуха с учетом назначения и вида помещения должна подтверждаться результатами технического обследования и (или) экспертным заключением.

Таким образом, для признания нежилого помещения неотапливаемым предлагается исходить из комплексного критерия неотапливаемости, включающего три вышеуказанных взаимосвязан-

ных элемента. Такой подход позволяет оценивать неотапливаемость помещения с учетом совокупности его проектных, технических, правовых и фактических характеристик.

3. Проектные и технические характеристики неотапливаемого помещения

Особое значение при установлении правового режима помещения приобретает вопрос о доказательствах его первоначального технического состояния. В судебной практике технический паспорт не всегда признается достаточным доказательством отапливаемости помещения. Так, в деле № А27-6336/2020 суд указал, что обозначение в техническом паспорте вида отопления как «центральное» само по себе не свидетельствует о том, что спорное помещение фактически является отапливаемым [2].

Данный подход представляется обоснованным. Технический паспорт и проектная документация имеют различное юридическое назначение, в связи с чем сведения технического паспорта не всегда позволяют установить первоначальное проектное решение в отношении конкретного помещения.

Показательным является дело № А73-1926/2025, в котором суд кассационной инстанции направил спор на новое рассмотрение, поскольку нижестоящими судами не было в полной мере учтено, что технический паспорт сам по себе не подтверждает подключение подвального помещения к системе центрального отопления, а проектная документация на дом отсутствовала [3].

Следовательно, проектная документация должна рассматриваться как одно из основных доказательств первоначального правового и технического режима помещения, а технический паспорт — как дополнительное доказательство, содержание которого должно оцениваться в совокупности с другими документами.

Это особенно важно в отношении старого жилищного фонда, в котором техническая документация неоднократно изменялась или утрачена, а сведения о первоначальном состоянии помещений могут отсутствовать либо противоречить друг другу.

Кроме того, судебная практика исходит из того, что даже законный демонтаж отопительных приборов не всегда означает полное освобождение собственника от расходов. Верховный Суд РФ в определении от 07.06.2019 № 308-ЭС18-25891 по делу № А53-39337/2017 указал, что поскольку плата за отопление вносится совокупно без разделения на плату в помещении и плату на общедомовые нужды, собственники, демонтировавшие систему отопления на законных основаниях с оформлением соответствующих разрешительных документов, как правило, не подлежат освобождению от оплаты той ее части, которая приходится на общедомовые нужды [4].

Данный правовой подход имеет принципиальное значение для формирования правового режима неотапливаемого помещения. Неотапливаемость помещения и отсутствие обязанности участвовать в расходах на отопление общедомового имущества не являются тождественными юридическими категориями.

Собственник может не потреблять тепловую энергию непосредственно в границах своего помещения и одновременно оставаться участником отношений по содержанию общего имущества многоквартирного дома.

Поэтому законодательное закрепление понятия неотапливаемого помещения должно сопровождаться установлением специального порядка определения той части расходов, которую собственник обязан нести независимо от отсутствия отопления непосредственно внутри помещения.

Отдельную проблему представляет вопрос о периоде, за который может быть произведен перерасчет платы при подтверждении неотапливаемости помещения. В судебной практике встречается буквальное толкование абзаца 7 пункта 42(1) Правила предоставления коммунальных услуг, согласно которому непредставление либо несвоевременное представление подтверждающих документов исключает перерасчет за предшествующие периоды [5]. Вместе с тем, такой подход не во всех случаях учитывает объективные характеристики помещения, существовавшие до момента обращения потребителя, в частности наличие проектной документации, подтверждающей первоначальное проектирование помещения как неотапливаемого. Представляется обоснованным связывать возможность перерасчета не только с моментом представления документов, но и с периодом фактического существования обстоятельств, подтверждающих неотапливаемость помещения.

Именно отсутствие такого разграничения является одной из причин возникновения судебных споров и экономически необоснованного перераспределения расходов между собственниками помещений за периоды, в которых фактическое индивидуальное потребление тепловой энергии централизованной системой в помещении отсутствовало, тогда как плата за тепловую энергию определялась исходя из совокупного объема ее потребления.

4. Самовольное отключение и законное переустройство: разграничение правовых последствий

Особого внимания требует разграниче-

ние помещения, которое изначально являлось неотапливаемым, помещения, ставшего неотапливаемым в результате законного переустройства, и помещения, в котором собственник самовольно демонтировал отопительные приборы.

В последнем случае изменение фактического состояния помещения не может само по себе повлечь изменение его правового режима.

Право собственности на нежилое помещение не предоставляет собственнику права произвольно изменять состояние элементов внутридомовой системы отопления. В этой связи следует отметить, что переоборудование нежилого помещения путем демонтажа радиаторов отопления без соответствующего разрешения уполномоченных органов не может порождать правовых последствий в виде освобождения собственника помещения, допустившего такие самовольные действия, от обязанности по оплате услуг теплоснабжения. Кроме того, такие действия, применительно к конкретным обстоятельствам, могут рассматриваться как злоупотребление лица, их совершившего, правом в части общедомовой системы отопления. Это связано с тем, что, если помещение подключено к общедомовым системам отопления через стояки и внутридомовые трубопроводы, его отключение может нарушить гидравлический баланс системы и повлиять на отопление остальных помещений. В таких случаях управляющие или теплоснабжающие организации отказываются признавать помещение неотапливаемым, ссылаясь на необходимость поддержания стабильной работы общедомовой системы и сохранения нормативных параметров теплопотребления.

Напротив, если переустройство произведено в соответствии с требованиями законодательства, его последствия должны учитываться при определении дальнейшего режима теплоснабжения помещения. Таким образом, законность переустройства является самостоятельным юридическим критерием, отделяющим неотапливаемое помещение от помещения, в котором собственник самовольно прекратил использование отопительных приборов.

5. Значение фактического способа отопления

Неотапливаемость помещения не следует отождествлять с отсутствием отопительных приборов. Судебная практика показывает, что помещение может поддерживать необходимый температурный режим посредством самостоятельных источников тепла. Так, в деле № А28-13860/2020 суд указал, что отсутствие части отопительных приборов само по себе не исключает теплопотребления, а наличие собственного теплового оборудования не свидетельствует автоматически о прекращении использования внутридомовой системы отопления [6].

Одновременно в деле № А27-11584/2019 суд признал помещение неотапливаемым, установив отсутствие теплопотребляющих установок и фактическое отопление помещения от иных источников [7]. В деле № А56-45604/2019 суд отклонил довод компании о том, что нагрев помещения осуществляется от стен соседних с ним помещений, так как установил, что подвальное помещение является угловым и две его стены являются наружными стенами дома, теплопотери через пол подвала и через стены составляют 10-15%, в связи с чем без применения самостоятельных нагревательных приборов использование данного помещения невозможно [8].

Сопоставление указанных дел позволяет сделать важный вывод: для определения правового режима помещения необходимо установить не только наличие либо отсутствие отопительных приборов, но и фактический источник поддержания температурного режима помещения.

При этом само использование альтернативного источника тепловой энергии также не должно автоматически свидетельствовать о неотапливаемости. Необходимо установить, исключено ли фактическое потребление тепловой энергии от централизованной системы и осуществлено ли соответствующее переустройство в установленном порядке.

Само использование альтернативного источника тепловой энергии также не должно автоматически свидетельствовать о неотапливаемости помещения. Необходимо установить, исключено ли фактическое потребление тепловой энергии от централизованной системы и осуществлено ли соответствующее переустройство в установленном порядке. Указанный подход подтверждается также судебной практикой [9, 10].

6. Проблема отсутствия единых критериев и предложения по совершенствованию правового регулирования

Сложившаяся судебная практика демонстрирует отсутствие единого подхода к определению совокупности обстоятельств, необходимых для признания нежилого помещения неотапливаемым. В одних делах решающее значение придается первоначальной проектной документации, а в других фактическому наличию отопительных приборов, наличию транзитных трубопроводов либо доказанности самостоятельного источника отопления. В результате сходные по существу ситуации могут получать различную юридическую оценку.

Показателен контраст между делами № А06-7030/2024 и № А28-14133/2023 [11, 12]. В первом случае отсутствие доказательств того,

что помещение изначально не имело центрального отопления, послужило основанием для взыскания платы за тепловую энергию. В другом споре суд сформулировал более развернутый подход, согласно которому помещение по общему правилу предполагается отапливаемым, однако данный вывод может быть опровергнут технической документацией либо совокупностью иных допустимых доказательств, свидетельствующих о первоначальной неотапливаемости или законном переустройстве помещения. Указанный подход может быть использован в качестве основы для формирования единых законодательных критериев признания нежилого помещения неотапливаемым. Вместе с тем отсутствие таких критериев в действующем законодательстве сохраняет неопределенность при разрешении соответствующих споров и обусловливает необходимость их нормативного закрепления.

На основании проведенного анализа предлагается рассматривать правовой режим неотапливаемого нежилого помещения как совокупность установленных законом особенностей определения прав и обязанностей собственника в отношениях по теплоснабжению, обусловленных отсутствием самостоятельного потребления тепловой энергии централизованной системой при сохранении обязанностей, связанных с общим имуществом многоквартирного дома.

Предложенное понимание правового режима позволяет определить основные юридически значимые обстоятельства, подлежащие установлению при решении вопроса об отнесении помещения к неотапливаемым. Выявленное в судебной практике отсутствие единых подходов к оценке таких обстоятельств обусловливает необходимость их нормативного закрепления.

В этой связи предлагается дополнить Правила предоставления коммунальных услуг положением о неотапливаемом нежилом помещении и установить перечень критериев его признания.

При этом перечень документов, подтверждающих неотапливаемость, не должен быть закрытым. В зависимости от времени строительства, особенностей проектирования и последующих изменений объекта доказательственное значение могут иметь проектная документация, техническая документация на многоквартирный дом, документы о вводе объекта в эксплуатацию, документы о согласованном переустройстве, акты обследования, заключения экспертов и специалистов и иные надлежащие доказательства. Такой подход соответствует выявленной в статье судебной проблеме, связанной с невозможностью свести доказывание неотапливаемости к одному виду документа.

Представляется целесообразным закрепить следующие основные критерии признания помещения неотапливаемым:

Первоначальное проектное решение помещения, предусматривающее наличие либо отсутствие теплопотребляющих элементов централизованной системы отопления, а также их функциональное назначение;

Законность произведенного переустройства помещения, в результате которого исключено непосредственное потребление тепловой энергии централизованной системой отопления;

Способ отопления помещения и объективная возможность обеспечения централизованной системой отопления нормативной температуры внутреннего воздуха.

Таким образом, правовой режим неотапливаемого нежилого помещения должен определяться на основании совокупности первоначального проектного и технического состояния помещения, законности произведенного переустройства и фактического способа отопления, включая объективную возможность обеспечения нормативной температуры централизованной системой отопления.

Такой подход позволяет разграничить первоначально неотапливаемые помещения, помещения, ставшие неотапливаемыми в результате законного переустройства, и помещения, в которых отопление прекращено самовольно. При этом отсутствие отдельных отопительных приборов само по себе не может рассматриваться как достаточное основание для признания помещения неотапливаемым.

Следовательно, признание помещения неотапливаемым должно основываться на установлении юридически и фактически значимых обстоятельств, характеризующих его первоначальное состояние, законность произведенного переустройства и фактический способ отопления. Нормативное закрепление указанных критериев позволит сформировать единый подход к определению правового режима неотапливаемых нежилых помещений и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 N 808 (ред. от 31.03.2025) "Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 20.08.2012, N 34, ст. 4734.

[2] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.08.2021 N Ф04-4441/2021 по делу N А27-6336/2020 // СПС «Консультант Плюс».

[3] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.02.2026 N

Ф03-3979/2025 по делу N А73-1926/2025 // СПС «Консультант Плюс».

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.06.2019 N 308-ЭС18-25891 по делу N А53-39337/2017 // СПС «Консультант Плюс».

[5] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.08.2023 N Ф09-4411/23 по делу N А47-3555/2021 // СПС «Консультант Плюс».

[6] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.02.2022 N Ф01-15/2022 по делу N А28-13860/2020 // СПС «Консультант Плюс».

[7] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.10.2020 N Ф04-4189/2020 по делу N А27-11584/2019 // СПС «Консультант Плюс».

[8] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.06.2020 N Ф07-6683/2020 по делу N А56-45604/2019 // СПС «Консультант Плюс».

[9] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.12.2017 N Ф03-4784/2017 по делу N А51-6891/2015 // СПС «Консультант Плюс».

[10] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.09.2017 N Ф06-24686/2017 по делу N А12-48753/2016 // СПС «Консультант Плюс».

[11] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.11.2025 N Ф06-6315/2025 по делу N А06-7030/2024 // СПС «Консультант Плюс».

[12] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.11.2025 N Ф01-3421/2025 по делу N А28-14133/2023 // СПС «Консультант Плюс».

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation of 08.08.2012 No. 808 (as amended by 31.03.2025) "On the Organization of Heat Supply in the Russian Federation and on Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 20.08.2012, No. 34, Art. 4734.

[2] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 26.08.2021 N Ф04-4441/2021 in case N A27-6336/2020 // SPS "Consultant Plus.".

[3] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 02.02.2026 N F03-3979/2025 in case N A73-1926/2025 // SPS "Consultant Plus.".

[4] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.06.2019 N 308-ES18-25891 in case N A53-39337/2017 // SPS Consultant Plus.

[5] Decision of the Arbitration Court of the Ural District of 16.08.2023 N F09-4411/23 in case N A47-3555/2021 // SPS "Consultant Plus.".

[6] Decision of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 25.02.2022 N Ф01-15/2022 in case N A28-13860/2020 // SPS "Consultant Plus.".

[7] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 07.10.2020 N Ф04-4189/2020 in case N A27-11584/2019 // SPS "Consultant Plus.".

[8] Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District of 29.06.2020 N Ф07-6683/2020 in case N A56-45604/2019 // SPS "Consultant Plus.".

[9] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 18.12.2017 N Ф03-4784/2017 in case N A51-6891/2015 // SPS "Consultant Plus.".

[10] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 12.09.2017 N F06-24686/2017 in case N A12-48753/2016 // SPS "Consultant Plus.".

[11] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 25.11.2025 N F06-6315/2025 in case N A06-7030/2024 // SPS "Consultant Plus.".

[12] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 28.11.2025 N F01-3421/2025 in case N A28-14133/2023 // SPS "Consultant Plus.".

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-166-175
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

КРАЕВСКАЯ Анна Геннадьевна,
Студент 4 курса Факультета Высшей школы права ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва, e-mail: mail@law-books.ru

ТЮРИН Илья Владимирович,
Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва, e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛЬЗОВАНИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ ДОНОРСКИМИ ОРГАНАМИ И ТКАНЯМИ ПРИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ

Аннотация. *В настоящей статье исследуются особенности правового регулирования отношений в сфере трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации, в том числе, в разрезе норм действующего гражданского законодательства. Проведен обстоятельный анализ правовой природы донорских правоотношений, равно как и рассмотрен статус донорских органов и тканей как специфических объектов гражданских прав с признанием особенностей их гражданского оборота. Авторами достаточно подробно приводится система российских нормативных правовых актов, регулирующих деятельность в области медицинской трансплантации, включая федеральные законы и подзаконные акты. Особое внимание уделено ключевым принципам гражданско-правового регулирования, применяемым к донорству органов и тканей: добровольности; безвозмездности; соблюдения медицинской тайны; презумпции согласия на донорство. В статье называются важные элементы правового статуса субъектов правоотношений по трансплантации органов и тканей, перечисляются основные требования, предъявляемые к медицинским организациям, донорам и реципиентам. В заключительной части исследования предпринимается комплексная попытка по выделению существенных проблем в действующем отечественном законодательстве, посвященном вопросам трансплантации, как то: некоторая разобщенность понятийного аппарата разных нормативных правовых актов; прямые коллизии правовых норм; фактическая неопределенность гражданско-правового режима донорских органов и тканей; объективно заметные пробелы в системе норм, регулирующих привлечение к юридической ответственности в области донорства, и др. Предлагаются возможные направления по эффективному совершенствованию законодательства РФ о трансплантации органов и тканей, такие как: создание единого и технически доступного реестра волеизъявлений граждан относительно донорства; закрепление правовых норм об обязательном страховании профессиональной ответственности медицинских работников; уточнение круга лиц, законно управомоченных на дачу согласия о посмертном донорстве, и некоторые другие предложения.*

Ключевые слова: *охрана здоровья; трансплантация органов и тканей; донорство органов и тканей; гражданско-правовое регулирование; информированное добровольное согласие; доноры; реципиенты; медицинские организации; защита прав пациентов; страхование профессиональной ответственности; юридическая ответственность в медицинской сфере; правовые пробелы; правовые коллизии; совершенствование законодательства Российской Федерации.*

KRAEVSKAYA Anna Gennadievna,
4th year student of the Faculty of Higher School of Law FSBEI HE "Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov," Moscow

TYURIN Ilya Vladimirovich,
Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines
FSBEI HE "Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov," Moscow

LEGAL ASPECTS OF THE USE AND DISPOSAL OF DONOR ORGANS AND TISSUES DURING TRANSPLANTATION

Annotation. *This article examines the specifics of legal regulation of relations in the field of transplantation of human organs and tissues in the Russian Federation, including in the context of the norms of current civil legislation. A detailed analysis of the legal nature of donor legal relations was carried out, as well as the status of donor organs and tissues as specific objects of civil rights with recognition of the peculiarities of their civil circulation. The authors describe in sufficient detail the system of Russian regulatory legal acts regulating activities in the field of medical transplantation, including federal laws and by-laws. Particular attention is paid to the key principles of civil law regulation applied to organ and tissue donation: voluntariness; gratuitousness; compliance with medical secrecy; presumptions of consent to donation. The article names important elements of the legal status of subjects of legal relations on organ and tissue transplantation, lists the main requirements for medical organizations, donors and recipients. In the final part of the study, a comprehensive attempt is made to highlight significant problems in the current domestic legislation on transplantation issues, such as: some disunity of the conceptual apparatus of various regulatory legal acts; direct conflicts of law; actual uncertainty of the civil law regime of donor organs and tissues; objectively noticeable gaps in the system of norms governing legal liability in the field of donation, etc. Possible directions are proposed to effectively improve the legislation of the Russian Federation on organ and tissue transplantation, such as: creating a single and technically accessible register of citizens' will regarding donation; consolidation of legal norms on compulsory insurance of professional liability of medical workers; clarification of the circle of persons legally authorized to give consent to posthumous donation, and some other proposals.*

Key words: *health protection; organ and tissue transplantation; organ and tissue donation; civil law regulation; informed voluntary consent; donors; recipients; medical organizations; protection of patients "rights; professional liability insurance; legal liability in the medical field; legal gaps; legal conflicts; improvement of the legislation of the Russian Federation.*

Современное правовое регулирование отношений, связанных с донорством органов, основано на комплексной и довольно сложной систем нормативных правил. В контексте конкретно гражданско-правового регулирования донорские органы представляют собой специфический объект правоотношений, который нуждается в особом теоретическом подходе к его пониманию, иными словами, в правильном определении своей правовой сущности.

Согласно статье 128 Части I Гражданского кодекса Российской Федерации [1], к объектам гражданских прав традиционно относятся: вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые и иные имущественные права, а также некоторые другие объекты. Однако донорские органы не могут быть отнесены к классическим объектам гражданских прав в силу особенностей природы их происхождения и их социального предназначения.

На наш взгляд, следует рассматривать донорские органы как объекты «sui generis» (то есть, как уникальные в своем роде объекты), обладающие особым правовым режимом, ведь они не являются вещами в устоявшемся понимании науки гражданского права в силу их полного изъятия из законного гражданского оборота и поэтому не могут быть предметом договоров купли-продажи, дарения или иных возмездных и безвозмездных сделок.

Основным законодательным актом, регулирующим в настоящее время отношения в сфере трансплантации органов и тканей человека, является Закон Российской Федерации № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [9]. Данный нормативный правовой акт устанавливает общие правовые основы биологической трансплантации, определяет условия и порядок её проведения.

Другой документ, Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту – 323-ФЗ) [7] содержит некоторые принципиальные положения о трансплантации, дополняющие про-

фильное законодательство. В частности, статья 47 данного Закона закрепляет основные принципы донорства органов и тканей человека. Подзаконное регулирование в обозначенной сфере осуществляется посредством норм Постановления Правительства № 750 «Об утверждении Правил передачи невостребованного тела, органов и тканей умершего человека для использования в медицинских, научных и учебных целях, а также использования невостребованного тела, органов и тканей умершего человека в указанных целях» [10], устанавливающего порядок обращения с названными биологическими материалами.

Донор как особый субъект соответствующих правоотношений должен обладать полной дееспособностью и предварительно предоставить свое информированное добровольное согласие на изъятие органа или ткани. Абз. 2 статьи 3 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» устанавливает дополнительное ограничение для живых доноров в виде запрета на такое донорство при наличии факта личной зависимости от реципиента (Закон прямо упоминает только служебные отношения, но речь тут вполне может идти и о родстве или о свойстве).

Реципиент – это физическое лицо, которому производится пересадка органа или ткани, причем, оно должно нуждаться в трансплантации именно по медицинским показаниям. Порядок направления пациентов на трансплантацию непосредственно регулируется специальными нормативными документами, утверждаемыми Министерством здравоохранения РФ, в частности, ныне действующим Приказом № 567н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)» [11].

Гражданско-правовое регулирование донорства человеческих органов основывается на специфических принципах, во многом отличающихся от общеизвестных принципов гражданского права. Так, принцип добровольности донорства непосредственно закреплен в абз. 3 статьи 3 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», согласно которой изъятие органов/тканей у живого донора допустимо только при наличии его информированного и добровольного согласия.

Принцип безвозмездности донорства установлен статьей 15 все того же Закона, прямо запрещающей куплю-продажу, как органов, так и тканей человека, то есть, здесь де факто исключается какая-либо возможность применения к передаче донорских органов норм общей части гражданского права о возмездных сделках. Далее, принцип соблюдения медицинской тайны, который закреплен в статье 13 323-ФЗ и распространяется на все сведения о донорах и их реципиентах. Информация о проведенных операциях по трансплантации органов и тканей составляет врачебную тайну и не подлежит разглашению без согласия пациентов.

Российское законодательство также устанавливает и принцип презумпции согласия на изъятие органов и/или тканей у умершего человека. Согласно статье 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», изъятие органов и тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент их изъятия было предварительно поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо, его близкие родственники или иной его законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие органов и тканей после смерти лица.

Для живых доноров органов и тканей, в свою очередь, по смыслу положений статьи 3 рассматриваемого выше Закона установлено требование о наличии их добровольного согласия на трансплантацию. Согласие, при этом, должно быть основано на полном информировании о всех возможных осложнениях для здоровья донора в связи с предстоящим оперативным вмешательством по изъятию органа или ткани.

Статья 20 323-ФЗ конкретизирует требования к информированному добровольному согласию участников процедур трансплантации, определяя его в качестве согласия, данного после получения в доступной форме всей необходимой информации о целях и методах оказания медицинской помощи, связанных с ней рисках, о возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания такой помощи.

В отношении несовершеннолетних как неполностью дееспособных и в отношении недееспособных лиц действуют особые правила получения согласия на медицинское вмешательство: согласно части 2 статьи 20 323-ФЗ информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство дает один из родителей (иной законный представитель) в отношении лица, не достигшего возраста пятнадцати лет, либо лица, больного наркоманией в возрасте до шестнадцати (в отдельных случаях – до восемнадцати) лет, либо в отношении лица, признанного в законном порядке недееспособным.

В то же время абз. 1 статьи 3 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» устанавливает абсолютный запрет на изъятие органов и тканей у живых лиц, не достигших возраста 18 лет, за исключением случаев пересадки костного мозга или стволовых клеток. Таким образом, даже наличие согласия законных представителей несовершеннолетних на донорство орга-

нов последних не имеет здесь по большей части правового значения.

При донорском изъятии же органов у умершего лица юридически значимым выступает волеизъявление, как самого умершего при жизни, так и его близких родственников. В подобной ситуации абз. 2 статьи 8 названного выше Закона РФ и часть 7 статьи 47 323-ФЗ предоставляют близким родственникам право заявить о своем несогласии на изъятие органов даже тогда, когда умерший при жизни прямо не выражал такого несогласия.

Гражданское законодательство РФ признает право лица на отзыв уже данного им согласия на трансплантацию. В контексте донорства органов это право приобретает особое значение в силу очевидной необратимости последствий медицинского вмешательства. В частности, живой донор органов имеет право отозвать свое согласие на любой стадии подготовки к соответствующей операции до момента начала медицинского вмешательства. Указанный отзыв не требует указания каких-либо мотивов и просто должен быть выражен в той же форме, что и само первоначальное согласие.

Юридически последствия отзыва согласия заключаются в полном прекращении гражданских обязательств медицинской организации по проведению трансплантационной операции. При этом медицинская организация не вправе требовать от донора возмещения уже понесенных расходов на подготовку к операции, поскольку отношения в сфере донорства имеют по общему правилу безвозмездный характер [14, с. 190].

В обратном же случае действительно бы могло применяться правило части 1 статьи 782 Части II Гражданского кодекса Российской Федерации [2] об оплате фактически понесенных исполнителем расходов. В отношении умершего лица отзыв его согласия может быть осуществлен путем подачи соответствующего заявления в медицинскую организацию самим лицом еще при его жизни либо его близкими родственниками, после момента смерти, но до момента изъятия органов (в порядке, специально предусмотренном Минздравом России [20]).

Что же касается субъектного состава правоотношений по трансплантации органов и тканей человека, то, помимо самих доноров, их законных представителей и реципиентов, он в обязательном порядке включает в себя и специальных субъектов, правовой статус которых напрямую определяется федеральным законодательством. Так, согласно абз. 2 статьи 4 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», такую трансплантацию, равно как и забор/заготовку органов/тканей для нее, вправе осуществлять организации здравоохранения, перечень которых определяется Министерством здравоохранения РФ по согласованию с Российской академией наук.

В настоящее время обозначенный выше перечень медицинских организаций включает в себя исключительно федеральные и региональные учреждения [21]. Таким образом, муниципальные и частные здравоохранительные организации не управомочены законно осуществлять какую-либо деятельность по трансплантации органов и тканей в нашей стране.

Дополнительно к самому перечню организаций Министерство здравоохранения РФ приняло еще в 2012 году другой нормативный правовой акт, ранее упомянутый по тексту, – Приказ № 567н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)». Он, в свою очередь, устанавливает общие требования к медицинским организациям, осуществляющим трансплантацию органов и тканей, включая допустимые критерии материально-технического, кадрового и организационного обеспечения деятельности указанных субъектов.

Взаимодействие между медицинскими организациями (особенно между центрами трансплантации регионального значения и федеральными медицинскими центрами) в сфере трансплантации органов и тканей осуществляется на основе договоров о сотрудничестве и координации. Такие договоры могут регулировать вопросы: обмена информацией о потенциальных донорах и реципиентах; транспортировки органов и тканей; соблюдения параметров высокотехнологичного качества и безопасности производимой трансплантации; профессиональной подготовки медицинских кадров.

Российское законодательство в области осуществления публичных закупок, в особенности нормы Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [8], регулирует, помимо прочего, в общем виде и процедурные вопросы государственных закупок медицинского оборудования, а также расходных материалов, необходимых для осуществления трансплантации (например, в положениях статьи 14, в подп. «а» п. 2 части 10 статьи 24, в п. 1 части 1 статьи 33 и др.).

Нарушение требований к правильным хранению и использованию донорских органов и тканей влечет различные виды юридической ответственности. В первую очередь, гражданско-правовая ответственность наступает в случаях причинения вреда жизни и здоровью пациентов (как доноров, так и реципиентов) вследствие ненадлежащего исполнения медицинской органи-

зацией своих обязательств по трансплантации.

Так, часть 3 статьи 98 Федерального закона № 323-ФЗ устанавливает, что вред, причиненный жизни и здоровью граждан при оказании им медицинской помощи, возмещается медицинскими организациями в тех объеме и порядке, который установлен законодательством Российской Федерации. По смыслу статьи 1079 Части II Гражданского кодекса РФ медицинская организация будет обязана возместить вред, причиненный применением специальных медицинских технологий как источником повышенной опасности, с которым непосредственно сопряжена деятельность по трансплантации органов. Часть 1 статьи 1085 Части II ГК РФ отмечает, что возмещению подлежат, в числе прочего, расходы на: последующее лечение; дополнительное питание; приобретение необходимых лекарств; протезирование; медицинский уход со стороны обученного персонала; профилактическое санаторно-курортное лечение; приобретение специально оборудованных транспортных средств и профессиональную переподготовку лица, пострадавшего от причиненного вреда.

Размер компенсации морального вреда определяется судом с учетом характера причиненных потерпевшему донору или реципиенту физических/нравственных страданий, установленной степени вины причинителя вреда со стороны медицинской организации и иных заслуживающих внимания обстоятельств (согласно абз. 2 статьи 151 Части I ГК РФ).

Обратим внимание на то обстоятельство, что ситуация в сфере возмещения вреда пострадавшим пациентам несколько усугубляется отсутствием механизма обязательного страхования профессиональной ответственности медицинских работников, в том числе, проводящих операции и подготовку к ним в связи с трансплантацией органов и тканей.

Отдельные отечественные исследователи прямо подчеркивают: уже не первый год сохраняется необходимость принятия специального федерального закона об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности медицинских организаций за вред, который причинен их работниками при лечении граждан [16, с. 25]. В настоящее же время в соответствии с п. 7 части 1 статьи 72 323-ФЗ медицинские работники не обязаны, а только управомочены страховать риск своей профессиональной ответственности.

Описав общую конструкцию правового режима деятельности по трансплантации органов и тканей в нашей стране, перейдем к рассмотрению спорных моментов, в ней наблюдаемых. Анализ текущего состояния действующего российского законодательства в профильной сфере позволил выявить ряд довольно существенных пробелов и коллизий, препятствующих достижению высокой эффективности правового регулирования трансплантационных процедур.

Во-первых, заметной межотраслевой проблемой является общее «моральное» устаревание норм Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», принятого на заре эпохи формирования российского медицинского права и поэтому не во всем учитывающего современные достижения трансплантологии как обособленного направления естественно-технических наук.

Во-вторых, до сих пор наблюдается отсутствие единообразного понятийного аппарата в разных нормативных правовых актах, посвященных медицинским вопросам. Так, Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и 323-ФЗ содержат отличные друг от друга формулировки базовых понятий, что явно создает правовую неопределенность при их применении. В частности, при описании трансплантации как вынужденной меры медицинского вмешательства 323-ФЗ оперирует понятиями «методы лечения» (часть 1 статьи 47) и «заключение врачебной комиссии медицинской организации с привлечением соответствующих врачей-специалистов» (часть 2 статьи 47), в то время как в аналогичных положениях Закона РФ 1992 г. встречаются упоминания «медицинских средств» и «заключения консилиума врачей-специалистов» (абз. 1 и 2 статьи 1). Кроме этого, абз. 1 статьи 4 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» ограничивает право осуществления трансплантации исключительно государственными и муниципальными учреждениями здравоохранения, что, на наш взгляд, не соответствует современным принципам организации здравоохранения, закрепленным в 323-ФЗ.

Да, это действительно могло быть оправданным в те непростые годы, когда система частной медицинской помощи в России только лишь зарождалась, однако, действующий перечень принципов охраны здоровья, отраженный в пп. 1-9 статьи 4 323-ФЗ, не сообщает ни о какой публично-правовой «монополии» на деятельность в отдельных медицинских сферах, отводя государству и муниципальным образованиям ключевую роль гарантов обеспечения права граждан на здоровье, несущих ответственность в случаях неисполнения такой обязанности. Коллизия содержания правовых норм наблюдается и в регулировании некоторых вопросов предоставления согласия на посмертное донорство. Часть 6 статьи 47 323-ФЗ требует письменного волеизъявления дееспособного гражданина о согласии или несогласии на изъятие органов и тканей из его тела после смерти, в то время как статья 8 Зако-

на РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» попросту устанавливает презумпцию согласия донора: предполагается, что согласие на изъятие органов умершего уже было дано, если при его жизни он или иные управомоченные законом лица не заявили о таком несогласии. Последний подход явственно выглядит как источник для возможных злоупотреблений при обнаружении врачами банального отсутствия необходимого документа о согласии на трансплантацию.

Все та же статья 8 названного выше Закона РФ требует доработки и в другом отношении: ее реализация на практике была бы намного более упорядоченной при появлении в нормах данной статьи специального требования о создании и ведении единого федерального реестра волеизъявлений граждан и их представителей относительно возможности посмертного донорства органов [22]. К сожалению, накопленный до настоящего времени опыт показывает, что медицинские организации зачастую вынуждены полагаться на устные заявления родственников доноров, а это, в свою очередь, создает довольно порочную правоприменительную практику и соответствующие риски для медицинских работников, принявших подобные заявления.

Наконец, касательно приведенной ранее статьи 8 неопределенность сохраняется и в отношении точного описания круга лиц, имеющих законное право заявить о согласии/несогласии на изъятие органов. Сама статья 8 Закона РФ отсылает по данному поводу к части 7 статьи 47 323-ФЗ, где не только поименованы супруг/супруга донора, но и используется понятие «близкие родственники», в числе которых официально названы дети и родители, усыновленные и усыновители, родные братья и сестры, внуки, дедушки или бабушки.

Обратим внимание на то, что в ряде сторонних федеральных законов список близких родственников и иных управомоченных субъектов существенно отличается от упомянутого в 323-ФЗ. Например, в абз. 3 статьи 14 Семейного кодекса РФ [3] в составе близких родственников (пусть и в рамках несколько иного контекста – наше прим.) названы родственники по прямой восходящей/нисходящей линии, а именно родители, дети, дедушки, бабушки, внуки и, кроме этого, полнородные и неполнородные братья и сестры.

В еще одном нормативном правовом акте – Федеральном законе «О погребении и похоронном деле» [6] согласие на изъятие органов и (или) тканей из тела умершего (абз. 3 части 1 статьи 5) могут дать, в том числе, близкие родственники, к которым прямо отнесены дети и родители, усыновленные и усыновители, родные братья и сестры, внуки, дедушки или бабушки. При этом, на основании части 3 цитируемой статьи 5 согласие на трансплантацию могут дать и супруги, иные родственники, законные представители умершего гражданина и, при отсутствии таковых, даже любые лица, принявшие обязанность по организации погребения. Таким образом, вопрос о полноте перечня всех лиц, фактически заинтересованных в произведении посмертной трансплантации и соответственно управомоченных на принятие решения о возможности такого донорства, на наш взгляд, по-прежнему остается открытым. Более того, возможны случаи, когда управомоченных субъектов насчитывается сразу несколько, однако, между ними нет единого мнения относительно того, нужно ли проводить трансплантацию или нет. Что необходимо делать в таких ситуациях, и кому будет принадлежать решающий голос при итоговом согласовании донорства, закон, к сожалению, пока умалчивает.

Еще одной проблемой, близкой по сути к вышеназванным пробелам законодательства о трансплантации, является неопределенность момента времени, до которого может быть заявлено несогласие на изъятие органов и тканей, в том числе, путем отзыва уже данного согласия. Закон здесь опять же не устанавливает четких хронологических рамок, что, в свою очередь, создает, с одной стороны, процедурные сложности и издержки для медицинских организаций, сотрудники которых начали приступать к изъятию органов и тканей, а, с другой, – риски для здоровья пациентов-реципиентов, которых уже начали готовить к операции по пересадке биологического материала.

Отдельную теоретическую сложность вызывает то обстоятельство, что до настоящего времени так и не определена правовая сущность донорских органов и тканей как самостоятельных объектов гражданского оборота, равно как и точные пределы самой их оборотоспособности. Действующее российское законодательство не обособляет такие объекты в самостоятельную категорию (что наглядно можно понять, ознакомившись с содержанием нормы статьи 128 Части I ГК РФ). В то же время представители научной доктрины в течение длительной дискуссии пока что не до конца определились в данном вопросе: имеются, как голоса «за» [17, 19], так и голоса «против» [15, 18], в отношении того, считать ли донорские органы и ткани еще одним полноценным объектом гражданских прав. Склоняемся к той позиции, что это – все же строго ограниченные законом в обороте объективно материальные вещи, пусть и естественного происхождения (но никак не нематериальные блага в силу особого свойства неотчуждаемости последних).

Наконец, контуры правового института юри-

дической ответственности в сфере трансплантации органов и тканей также представляются несколько размытыми касательно целого ряда моментов. Напомним, что части 3-4 статьи 98 323-ФЗ устанавливают всего лишь самые общие принципы возмещения вреда [23], причиненного пациентам при оказании им медицинской помощи, в том числе, трансплантационной, однако, особый характер сложности операций по пересадке органов и тканей требует здесь более тщательного правового регулирования. Стоит ли ожидать от Минздрава России какие-то особые методики по настоящему вопросу в обозримом будущем – вопрос пока еще риторический.

Говоря о правовом институте ответственности в обозначенной области нельзя пройти мимо профильных норм российского уголовного законодательства. В частности, привлечение к уголовной ответственности за нарушения, допущенные при трансплантации органов и/или тканей, регулируется в статье 120 «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации» и в п. «ж» части 2 статьи 127.1 «Торговля людьми» Уголовного кодекса Российской Федерации [4].

Впрочем, данные правовые нормы фактически не охватывают все возможные составы преступлений в исследуемой сфере, а именно до сих пор отсутствует уголовный запрет в отношении нарушений условий хранения и использования донорских органов/тканей, приведших к их биологической непригодности и, как следствие, к причинению вреда организму реципиентов.

Устранение представленных выше недостатков в текущем состоянии механизма правового регулирования трансплантационной деятельности предполагает применение комплексного подхода реформирования отечественного медицинского и смежного с ним законодательства. Среди конкретных предложений будет уместным обозначить следующие меры:

Выработка и закрепление унифицированного терминологического аппарата одновременно в правовых нормах Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и в правовых нормах 323-ФЗ;

Дополнение статьи 128 Части I ГК РФ положением о донорских органах и тканях человека как об особой разновидности объектов гражданских прав, при этом, существенно ограниченной в свободном гражданском обороте;

Создание единого федерального реестра волеизъявлений граждан относительно посмертного донорства органов и тканей путем принятия соответствующего подзаконного нормативного правового акта (на уровне Правительства РФ или Минздрава России). Предполагается, что подача таких заявлений будет юридически и технически доступна, как в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг, так и на едином портале государственных и муниципальных услуг;

Уточнение нормативного положения части 7 статьи 47 323-ФЗ в части того, что к близким родственникам, имеющим законное право заявить о своем несогласии на изъятие органов/тканей у умершего лица, относятся супруг (супруга), родители и дети, усыновители и усыновленные, полнородные/неполнородные братья и сестры, дедушка, бабушка и внуки (по аналогии с тем, как они были перечислены в абз. 3 и 4 уже упоминавшейся ранее статьи 14 Семейного кодекса РФ);

В целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов доноров и реципиентов органов и тканей человека видится разумной трансформация в п. 7 части 1 статьи 72 323-ФЗ права медицинских работников на страхование их профессиональной ответственности в непосредственную обязанность, как минимум, в тех сферах здравоохранительной деятельности, где может быть причинен существенный вред жизни и здоровью граждан (в том числе, и в сфере трансплантационных процедур);

Устранение излишнего в нынешних условиях ограничения из абз. 1 статьи 4 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», фактически отстраняющего от получения права на легальное осуществление трансплантационной деятельности медицинские организации, учрежденные не государством/муниципальными образованиями;

Ликвидация достаточно опасной правовой коллизии между содержанием частей 6 и 7 статьи 47 323-ФЗ и статьи 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», которую возможно будет устранить только путем установления в положениях данного Закона РФ полной недопустимости изъятия органов и тканей из тела гражданина после его смерти без наличия письменного волеизъявления самого гражданина (при его полной дееспособности) либо его близких родственников о согласии/несогласии на посмертное донорство.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410.

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23 марта 2026 г.) // Российская газета. 1996. № 17.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 09 апреля 2026 г.) // Российская газета. 1996, № 113-115, 118.

[5] Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (в ред. от 23 марта 2026 г.) // СЗ РФ. 1995. № 14, ст. 1212.

[6] Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (в ред. от 06 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 146.

[7] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // Российская газета. 2011. № 263.

[8] Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 28 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

[9] Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. от 01 мая 2022 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 62.

[10] Постановление Правительства РФ от 21 июля 2012 г. № 750 «Об утверждении Правил передачи невостребованного тела, органов и тканей умершего человека для использования в медицинских, научных и учебных целях, а также использования невостребованного тела, органов и тканей умершего человека в указанных целях» (в ред. от 17 декабря 2016 г.) // СЗ РФ. 2012. № 31, ст. 4375.

[11] Приказ Минздрава России от 31 октября 2012 г. № 567н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека)» (в ред. от 12 декабря 2018 г.) // Зарегистрирован в Минюсте России 21 декабря 2012 г. № 26306).

[12] Приказ Минздрава России от 12 ноября 2021 г. № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» (ред. не изменялась) // Зарегистрирован в Минюсте России 25 ноября 2021 г. № 65977.

[13] Приказ Минздрава России и РАН от 10 ноября 2022 г. № 738н/ № 3 «Об утверждении перечня медицинских организаций, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека» (в ред. от 20 января 2026 г.) // Официальный Интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 25.11.2022 г., № 0001202211250012.

[14] Киктенко К.Г., Кирилина А.А. Цивилистические основания донорства // Закон. № 8/2023. С. 179-207.

[15] Красновский Г.Н., Иванов Д.Н. Актуальные вопросы правового регулирования трансплантации органов и тканей в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. № 5/1993. С. 50-54.

[16] Маркина М.В. Страхование ответственности медицинских работников // Медицинское право. № 01/2026. С. 23-26.

[17] Метелин Е.Е. Гражданско-правовой договор в системе отношений по трансплантации органов и тканей человека // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. № 3/2008. С 43-46.

[18] Назаренко В.Е. К вопросу о характеристике органов и тканей человека как объекта гражданских прав // Актуальные исследования. № 17/2024. С. 28-30.

[19] Синицын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 340 с.

[20] Данный порядок непосредственно закреплен в Приложении № 1 к Приказу Минздрава России от 12 ноября 2021 г. № 1051н [12] – наше прим.

[21] Перечень медицинских организаций, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека, официально утвержденный в Приложении к Приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 10 ноября 2022 года № 738н/3 [13] – наше прим.

[22] Порядок ведения данного реестра следовало бы нормативно закрепить на уровне Постановления Правительства РФ или Приказа Минздрава России – наше прим.

[23] Общий правовой механизм возмещения вреда жизнью и здоровью граждан описан в статьях 1084-1094 Части II ГК РФ и в некоторых сторонних федеральных законах, например, в статье 20 Федерального закона от 30 марта 1995г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» [5], однако, каких-либо специализированных методик расчета размера и порядка возмещения указанного вреда в медицинском законодательстве РФ, в том числе, в сфере трансплантации органов и тканей, к сожалению, пока не существует – наше прим.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part

One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on July 31, 2025) // SZ RF. 1994. No. 32, Art. 3301.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ dated January 26, 1996 (as amended on June 24, 2025) // SZ RF. 1996. No. 5, Art. 410.

[3] Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on March 23, 2026) // Rossiyskaya Gazeta. 1996. № 17.

[4] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 09, 2026) // Rossiyskaya Gazeta. 1996, № 113-115, 118.

[5] Federal Law of March 30, 1995 No. 38-FZ "On the Prevention of the Spread of the Disease Caused by the Human Immunodeficiency Virus (HIV Infection) in the Russian Federation" (as amended on March 23, 2026) // NW RF. 1995. No. 14, Art. 1212.

[6] Federal Law of January 12, 1996 No. 8-FZ "On Burial and Funeral Business" (as amended on April 06, 2024) // SZ RF. 1996. No. 3, Art. 146.

[7] Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" (as amended on December 29, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 263.

[8] Federal Law of April 05, 2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs" (as amended on December 28, 2025) // NW RF. 2013. No. 14, Art. 1652.

[9] Law of the Russian Federation of December 22, 1992 No. 4180-1 "On transplantation of organs and (or) human tissues" (as amended on May 01, 2022) // Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation. 1993. No. 2, Art. 62.

[10] Decree of the Government of the Russian Federation of July 21, 2012 No. 750 "On approval of the Rules for the transfer of an unclaimed body, organs and tissues of a deceased person for use in medical, scientific and educational purposes, as well as the use of an unclaimed body, organs and tissues of a deceased person for the specified purposes" (as amended on December 17, 2016) // SZ RF. 2012. No. 31, Art. 4375.

[11] Order of the Ministry of Health of Russia dated October 31, 2012 No. 567n "On approval of the Procedure for the provision of medical care in the profile "surgery (transplantation of organs and (or) human tissues)" (as amended on December 12, 2018) // Registered with the Ministry of Justice of Russia on December 21, 2012 No. 26306).

[12] Order of the Ministry of Health of Russia dated November 12, 2021 No. 1051n "On approval of the Procedure for giving informed voluntary consent to medical intervention and refusal of medical intervention, form of informed voluntary consent to medical intervention and forms of refusal of medical intervention" (ed. Not changed) // Registered with the Ministry of Justice of Russia on November 25, 2021 No. 65977.

[13] Order of the Ministry of Health of Russia and the Russian Academy of Sciences of November 10, 2022 No. 738n/No. 3 "On approval of the list of medical organizations engaged in the collection, preparation and transplantation of human organs and (or) tissues" (as amended on January 20, 2026) // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, 25.11.2022, No. 0001202211250012.

[14] Kiktenko K.G., Kirilina A.A. Civilistic grounds of donation // Law. № 8/2023. S. 179-207.

[15] Krasnovsky G.N., Ivanov D.N. Topical issues of legal regulation of organ and tissue transplantation in the Russian Federation // Bulletin of Moscow University. Ser. 11. Right. № 5/1993. S. 50-54.

[16] Markina M.V. Health professional liability insurance // Medical law. № 01/2026. S. 23-26.

[17] Metelin E.E. Civil contract in the system of relations on transplantation of human organs and tissues // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. № 3/2008. FROM 43-46.

[18] Nazarenko V.E. On the question of the characterization of human organs and tissues as an object of civil rights // Actual research. № 17/2024. S. 28-30.

[19] Sinitsyn S.A. Claim protection of property rights in Russian and foreign civil law: actual problems. - M.: Infotropic Media, 2015. - 340 s.

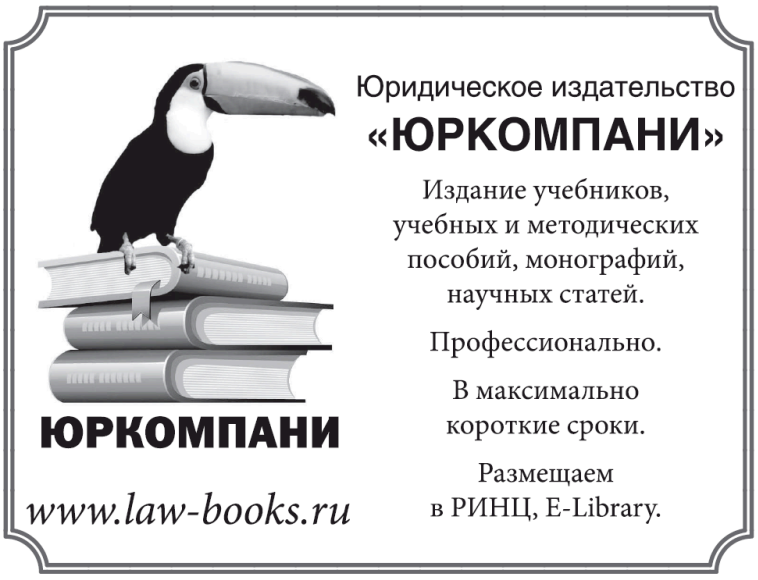
[20] This procedure is directly enshrined in Appendix No. 1 to the Order of the Ministry of Health of Russia dated November 12, 2021 No. 1051n [12] - our note.

[21] The list of medical organizations carrying out the sampling, preparation and transplantation of human organs and (or) tissues, officially approved in the Appendix to the Order of the Ministry of Health of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences of November 10, 2022 No. 738n/3 [13] - our approx.

[22] The procedure for maintaining this register should be normatively fixed at the level of the Decree of the Government of the Russian Federation or the Order of the Ministry of Health of Russia - our approx.

[23] The general legal mechanism for compensation for harm to the life and health of citizens is described in Articles 1084-1094 of Part II of the Civil Code of the Russian Federation and in some third-party federal laws, for example, in Article 20 of the Federal Law of March 30, 1995. No. 38-FZ "On the prevention of the spread in the Russian Federation of the disease caused by the human immunodeficiency virus (HIV infection)" [5], however, any specialized methods for calculating the size and procedure for compensation for the

specified harm in the medical legislation of the Russian Federation, including in the field of organ transplantation and tissues, unfortunately, does not yet exist - our approx.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-176-179
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ДЕНИСОВ Дмитрий Геннадьевич,
начальник кафедры физической подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: Dmitrii-5.74-197@mail.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,
доцент института Академии ФСИН России по кафедре физической подготовки и спорта, доцент,
e-mail: o.krapivin@list.ru

НИКЕРОВ Дмитрий Иванович,
старший преподаватель кафедры физического воспитания и здоровья ФГБОУ ВО Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: dima-nikerov@mail.ru

БОДЬКО Сергей Петрович,
доцент кафедры физического воспитания, лечебной физкультуры и спортивной медицины Рязанского государственного медицинского университета, доцент,
e-mail: bodko.sergei@gmail.ru

АБДУЛЛАЕВ Кудрат Магомедрафисович,
преподаватель кафедры физической подготовки факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России,
e-mail: ahmedova2203@gmail.ru

СПЕЦИАЛЬНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ: РАЗРАБОТКА И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КОМПЛЕКСА УПРАЖНЕНИЙ

Аннотация. *Данная работа посвящена исследованию и разработке комплекса упражнений для сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). В условиях службы в ФСИН России физическая подготовка сотрудников требует специфического подхода, отличающегося от традиционных программ, используемых в других подразделениях. Сотрудники ФСИН России в основном выполняют статичные, регламентированные задачи в ограниченном пространстве, при высоком уровне нервно-психического напряжения. Именно эта особенность определяет необходимость разработки адаптированной программы специальной физической подготовки [1].*

Ключевые слова: *сотрудники ФСИН России, физическая подготовка, уголовно-исполнительная система, нервно-психическое напряжение, комплекс упражнений, специальная физическая подготовка.*

DENISOV Dmitry Gennadyevich,
Head of the Physical Training Department, Faculty of Law, Vladimir Law Institute, Federal Penitentiary Service of Russia; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor, Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department of Physical Fitness and Sports Associate Professor

NIKEROV Dmitry Ivanovich,
Senior Lecturer, Department of Physical Education and Health, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

BODKO Sergey Petrovich,
Associate Professor, Department of Physical Education, Therapeutic Physical Culture, and Sports Medicine, Ryazan State Medical University, Associate Professor

ABDULLAEV Kudrat Magomedrafisovich,
Lecturer, Department of Physical Fitness, Faculty of Psychology and Probation, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

SPECIAL PHYSICAL TRAINING FOR FPS OF RUSSIA PERSONNEL: DEVELOPMENT AND THEORETICAL JUSTIFICATION OF AN EXERCISE COMPLEX

Annotation. *This work is devoted to the study and development of a set of exercises for employees of the Federal Penitentiary Service (FSIN of Russia). In the context of service in the Federal Penitentiary Service (FSIN of Russia), the physical training of employees requires a specific approach that differs from the traditional programs used in other units. FSIN employees mainly perform static, regulated tasks in a limited space, under conditions of high levels of neuropsychological stress. It is this feature that determines the need to develop an adapted program of special physical training.*

Key words: *personnel of the Russian Federal Penitentiary Service, physical training, penal system, neuropsychic strain, set of exercises, specialized physical training.*

Вопрос профессиональной подготовки приобретает особую актуальность в ведомствах силовой структуры, так как к кадровому составу предъявляется комплекс жестких критериев, соблюдение которых выступает залогом результативного выполнения служебных обязанностей. Несмотря на широкую вариативность должностей в подразделениях ФСИН России, максимально высокие стандарты профессиональной подготовки, определяющие ключевые факторы функционирования всей системы, установлены именно для сотрудников ФСИН России [4].

1. Общие задачи подготовки сотрудников ФСИН России:

развитие физических качеств (быстроты, силы, ловкости, гибкости и выносливости) и их постоянное совершенствование;

воспитание уверенности в себе и в своих силах и повышение устойчивости организма к воздействию негативных факторов служебной деятельности;

вовлечение сотрудников УИС в регулярные занятия физической подготовкой, повышение их профессионализма в служебно-прикладных видах спорта;

овладение теоретическими знаниями и практическими навыками самодисциплины и самоконтроля за состоянием здоровья в процессе групповых и самостоятельных занятий физическими упражнениями;

интенсивное внедрение разных форм занятий физическими упражнениями в режиме рабочего дня и отдыха [2].

2. Специальные задачи подготовки сотрудников ФСИН России:

обучение сотрудников высокоэффективным действиям, обеспечивающих успешное выполнение оперативно-служебных и служебно-боевых задач;

поддержание физической подготовленности к действиям в условиях, связанных с применением силы, специальных средств и огнестрельного оружия;

освоение и улучшение навыков выполнения боевых приемов борьбы, в том числе, после существенных физических нагрузок и психических

напряжений в условиях, максимально приближенных к реальным;

воспитание смелости и настойчивости при действиях в трудных и экстремальных ситуациях [2].

Средствами организации профессионально-прикладной физической подготовки для сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний России являются общая и специальная физические подготовки.

Общая физическая подготовка включает в себя такие виды спорта, как:

1. Легкая атлетика:

Занятия по легкой атлетике проводятся с целью разностороннего развития физических качеств сотрудников и выработки прикладных навыков в беге, прыжках и метании (сюда вошли – челночный бег, бег на 3 км).

2. Прикладная гимнастика:

Занятия по прикладной гимнастике используются с целью формирования у сотрудников двигательных умений и навыков служебно-прикладной направленности, физических и психологических качеств, обеспечивающих успешное выполнение служебных обязанностей (сюда вошли – подтягивание на перекладине, удержание положения «угол в висе» на перекладине) [3].

Специальная физическая подготовка включает в себя:

1. Боевые приёмы борьбы.

Данный метод обучения включает показ пяти приёмов борьбы на несопротивляющемся партнёре (бросковая техника; приёмы задержания и сопровождения; освобождение от захватов и обхватов; приёмы защиты от ударов руками и ногами; связывание, надевание наручников).

2. Огневую подготовку.

Выступает неотъемлемым элементом боевой подготовки и занимает одно из ключевых мест в дисциплине физической подготовки. Сотрудники УИС обязаны обладать не только глубокими теоретическими знаниями, но и практическими навыками, а также отточенными умениями в указанной сфере. Основная цель огневой подготовки заключается в обучение личного состава умело использовать табельное оружие для поражения различных целей из различных положений [4].

Круговая тренировка для сотрудников ФСИН России – это комплекс упражнений, направленный на развитие выносливости, силы, ловкости и стрессоустойчивости, включающий элементы тактико-специальной подготовки (передвижение, преодоление препятствий), рукопашного боя, огневой подготовки (скоростная стрельба) и силовых упражнений, выполняемых последовательно с минимальным отдыхом, чтобы имитировать условия реальных операций (массовые беспорядки, задержания, освобождение заложников), формируя готовность к быстрой адаптации и принятию решений в стрессовых ситуациях.

Приведем примеры станций (упражнений):

Разминка: динамическая растяжка, бег, суставная гимнастика.

«Тактическое передвижение»: бег с препятствиями (имитация ограждений), переползание, переноска утяжеления.

«Огневая подготовка»: скоростная стрельба по мишеням после физической нагрузки (например, после отжиманий или бега).

«Рукопашный бой»: отработка ударов, бросков на манекене или партнере.

«Силовой блок»: комплекс упражнений: подтягивания, отжимания от пола/брусьев, выпады, приседания.

«Работа в команде»: переноска тяжелого снаряда в парах или группах, преодоление препятствий в составе группы.

«Антистрессовый блок»: упражнения на саморегуляцию, дыхательные техники.

Пример программы (модифицируемый) с затраченным временем:

10-15 минут: разминка (бег, суставная гимнастика).

30-40 минут: 3-4 круга с минимальным отдыхом:

Станция 1 (сила): 10-15 отжиманий + 15-20 приседаний.

Станция 2 (выносливость): 100-200 м бег + 5 подтягиваний.

Станция 3 (тактика): пробежать полосу препятствий (низкие и высокие барьеры, стенка, лазание).

Станция 4 (стрельба): упражнение скоростной стрельбы (например, 10 выстрелов по мишеням после 20 выпадов).

10 минут: разминка, растяжка, дыхательные упражнения.

Представленный комплекс упражнений разработан для всесторонней физической подготовки сотрудников ФСИН, сочетая силовые, статические, кардио и восстановительные элементы.

Завершающая часть комплекса направлена на восстановление: дыхательные упражнения по Бутейко нормализуют сердечный ритм и повышают устойчивость к гипоксии, а растяжка расслабляет мышцы, улучшает гибкость и снижает риск травм. Такой подход обеспечивает не только физическое развитие, но и адаптацию к специфическим условиям военной службы, где требуются сила, выносливость и умение сохранять работоспособность в различных режимах нагрузки. Все упражнения прошли предварительное тестирование и соответствуют условиям службы в Федеральной службе исполнения наказаний Рос-

сийской Федерации.

Преимущества комплекса упражнений:

мобильность (выполняются даже в коридоре);

универсальность (подходят как для сильных, так и слабо подготовленных сотрудников);

безопасность (минимальный риск травм при правильной технике);

высокий отклик адаптивных систем организма – уже через 2-3 недели наблюдаются улучшения по показателям выносливости и мышечного тонуса.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть, что внедрение комплекса упражнений круговой тренировки будет способствовать росту показателей физической подготовленности сотрудников уголовно-исполнительной системы и, как результат, результативности выполнения ими своих служебных обязанностей.

Список литературы:

[1] Никеров Д.И., Закиров Т.М. Роль физической подготовки в процессе формирования профессионально важных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 2.

[2] Физическая подготовка как основная составляющая физической культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие /под. Ред. Р.В. Пузыревского. – М.: Юрайт, – 2021. – 276 с.

[3] Онучин Л.А. Правовые основы физической культуры и спорта в современной России // Молодой ученый, – 2019, – № 47(285), – С. 346-349.

[4] Шидловский К.С. Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы РФ // Молодой ученый. – 2025. – № 49 (600). – С. 216-221.

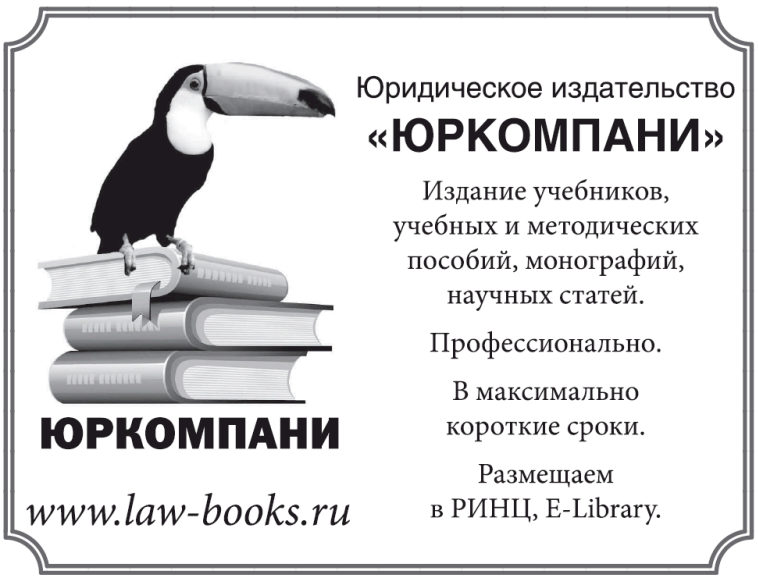
References:

[1] Nikerov D.I., Zakirov T.M. The role of physical training in the process of forming professionally important qualities of employees of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2018. – № 2.

[2] Physical training as the main component of the physical culture of employees of the penitentiary system: training manua l/ under. Ed. R.V. Puzyrevsky. - M.: Yurayt, - 2021. - 276 p.

[3] Onuchin L.A. Legal foundations of physical culture and sports in modern Russia // Young scientist, - 2019, - No. 47 (285), - S. 346-349.

[4] Shidlovsky K.S. Physical training of employees of the penitentiary system of the Russian Federation // Young scientist. – 2025. – № 49 (600). - S. 216-221.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-180-183
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ВАСИЛЬЕВ Роман Викторович,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: roman_vasilev_1972@mail.ru

ПОДГОТОВКА ПОЖАРНЫХ К ОКАЗАНИЮ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы подготовки пожарных к оказанию первой помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях. Раскрываются особенности проведения аварийно-спасательных работ на месте аварии, в сочетании оказания первой помощи пострадавшим. Обосновывается целесообразность практико-ориентированного обучения, включающего отработку отдельных навыков, ситуационные задания и совместные тренировки.*

Ключевые слова: *первая помощь, дорожно-транспортное происшествие, профессиональная подготовка, аварийно-спасательные работы.*

VASILIEV Roman Viktorovich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety, Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

TRAINING OF FIREFIGHTERS TO PROVIDE FIRST AID TO VICTIMS OF ROAD ACCIDENTS

Annotation. *The article discusses the issues of training firefighters to provide first aid to victims of road accidents. The article reveals the specifics of emergency rescue operations at the accident site, combined with first aid to victims. The expediency of practice-oriented training, including the development of individual skills, situational tasks and joint training, is substantiated.*

Key words: *first aid, road transport support, professional training, emergency rescue operations.*

Введение

Дорожно-транспортное происшествие представляет собой сложную ситуацию, в которой состояние пострадавшего зависит не только от характера травмы, но и от условий оказания помощи. По данным ФГБУ ВНИИ ГОЧС только за первое полугодие 2026 года на территории Российской Федерации пожарно-спасательными подразделениями совершено 44720 выездов на дорожно-транспортные происшествия (далее - ДТП), численность людей оказанной первой помощи пожарными исчисляется десятками тысяч человек.

На момент прибытия к месту ДТП пожарно-спасательными подразделениями, пострадавший может находиться в поврежденном автомобиле, быть ограниченным в движениях или оставаться недоступным для полноценного осмотра. При этом на месте ДТП сохраняются внешние опасности: движение транспорта, неустойчивость поврежденного автомобиля, задымление, разлив технических жидкостей и наличие острых элементов кузова, а также горение самого автомобиля или разлитого топлива.

Пожарные, участвующие в ликвидации последствий аварии, должны решать несколько взаимосвязанных задач. Им необходимо обеспечить безопасность места происшествия, стабилизировать устойчивость автомобиля, отсоединить аккумуляторную батарею, получить доступ к пострадавшему, выявить непосредственные угрозы его жизни, деблокировать и оказать первую помощь в пределах своей подготовки. При этом действия по спасению человека и деблокирование его из автомобиля не должны рассматриваться отдельно друг от друга [1].

Актуальность рассматриваемой проблемы связана с различием между знанием приемов оказания первой помощи и способностью применить их в реальной обстановке. На учебном

занятии сотрудник обычно действует в нормальных условиях при хорошем освещении, свободном доступе к манекену (статисту) и отсутствии внешних помех. При этом на месте аварии эти условия могут отсутствовать, а от качества проведения аварийно-спасательных работ зависит жизнь и здоровье пострадавших [2]. Поэтому подготовка специалистов должна включать не только освоение практических навыков, но и обучению безопасным алгоритмам действий. Это требует дополнительной подготовки по сравнению с сотрудниками, не привлекаемых к выполнению таких задач при ДТП [3].

Основная часть

Главная особенность дорожно-транспортного происшествия — сочетание травмы с воздействием окружающей обстановки. Даже правильно выбранный прием помощи может оказаться невыполнимым, если доступ к человеку ограничен деформированными деталями автомобиля. Вместе с тем стремление как можно быстрее извлечь пострадавшего без оценки ситуации способно создать дополнительные риски.

По мнению И.С. Мельниковой, Е.Ю. Шкатовой, первая помощь представляет собой помощь пострадавшим при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях, и заболеваниях, угрожающих жизни и здоровью, до прибытия медицинских специалистов [4]. Применительно к дорожно-транспортным происшествиям это определение подчеркивает значимость подготовки пожарных к действиям в период до передачи пострадавшего бригаде скорой медицинской помощи. Такая подготовка должна формировать не только теоретические знания, но и практические навыки оценки состояния пострадавшего, выявления непосредственных угроз его жизни и выполнения необходимых мероприятий первой помощи с соблюдением требований безопасности.

Поэтому подготовку следует начинать с понимания связи между безопасностью и помощью. Осмотр места происшествия, применение средств индивидуальной защиты, обозначение рабочей зоны и устранение доступных источников опасности являются необходимыми условиями спасательных действий. Пожарный должен уметь распознавать ситуацию, в которой приближение к пострадавшему пока небезопасно, и сообщать об этом руководителю работ.

Другая особенность заключается в ограниченности первоначальной информации. По внешнему виду автомобиля нельзя достоверно определить состояние находящихся в нем людей. Возможность пострадавшего разговаривать также не исключает тяжелой травмы. Задача пожарного состоит не в постановке диагноза, а в выявлении признаков, требующих немедленных действий по оказанию первой помощи. К таким признакам относятся, в частности, сильное наружное кровотечение, отсутствие сознания и отсутствие нормального дыхания. Соответствующие действия должны отрабатываться по утвержденным алгоритмам. Важен и последующий контроль: состояние человека может измениться во время деблокирования из автомобиля, перемещения или ожидания медицинских работников.

Как отмечает А. В. Баранов, своевременное и умелое оказание первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях предупреждает дальнейшее ухудшение их состояния и способно положительно повлиять на последующее лечение и реабилитацию [5]. Эта позиция подчеркивает значимость практической подготовки пожарных: обучение должно формировать умение своевременно выявлять угрожающие жизни состояния, выбирать необходимые действия и безопасно выполнять их в условиях дорожной аварии.

Отдельного внимания требует выбор способа извлечения. Универсальный принцип «извлечь как можно быстрее» не отражает всего разнообразия ситуаций. Необходимо учитывать непосредственные внешние угрозы, состояние пострадавшего и возможность оказания жизненно необходимой помощи в его текущем положении. Учебная программа должна обучать оценке этих обстоятельств, а не механическому применению одного решения [6].

Подготовка должна объединять знания о характерных опасностях ДТП, практические приемы первой помощи и навыки организации совместной работы [7]. Если эти компоненты изучаются изолированно, обучающийся может правильно выполнить отдельное упражнение, но затрудниться при решении комплексной задачи.

Теоретическая часть необходима для понимания причин и целей действий. Пожарный должен знать, какие изменения состояния пострадавшего требуют немедленной реакции, почему нельзя надолго прекращать наблюдение за ним и в каких случаях первоначальный план необходимо пересмотреть. При этом учебный материал не следует перегружать терминологией, не связанной с профессиональными задачами. Сложные понятия целесообразно объяснять через конкретные ситуации.

Практический компонент включает выявление угрожающих жизни состояний, временную остановку наружного кровотечения, действия при отсутствии сознания и нормального дыхания, сердечно-легочную реанимацию и применение дефибриллятора при его наличии. Также необходима отработка оказания первой помощи при других

повреждениях и состояниях, предусмотренных программой подготовки. Обучение перемещению пострадавших должно проходить совместно с освоением спасательных приемов. Важно учитывать ограниченное пространство салона, препятствия для доступа, положение человека и необходимость согласованных действий нескольких сотрудников. Конкретные способы перемещения выбираются в соответствии с обстановкой, оснащением и утвержденной методикой.

Особое место занимает коммуникация. Краткое объяснение предстоящих действий помогает установить контакт с пострадавшим и получить сведения о его самочувствии. При этом недопустимы необоснованные обещания благополучного исхода. Более уместны спокойные сообщения о выполняемых действиях и понятные просьбы, которые человек способен выполнить.

Не менее важна передача информации медицинским работникам. Она должна включать обнаруженное состояние пострадавшего, замеченные изменения, выполненные действия и значимое время их проведения, например время наложения кровоостанавливающего жгута. Этот навык необходимо включать в каждую комплексную тренировку, а не оставлять для отдельного теоретического занятия.

Подготовку пожарных целесообразно выстраивать от простого к сложному. На начальном этапе отдельный прием отрабатывается в условиях, позволяющих сосредоточиться на технике. Инструктор показывает действие, объясняет его назначение, обращает внимание на типичные ошибки и контролирует самостоятельное выполнение.

Следующий этап предполагает объединение приемов в короткие ситуационные задачи. Обучающемуся необходимо не только выполнить действие, но и определить, требуется ли оно в предложенной обстановке. Например, упражнение может включать обнаружение пострадавшего с сильным наружным кровотечением и ограниченным доступом к поврежденной конечности. Оценке подлежит как выбранный способ помощи, так и обеспечение безопасности.

На завершающем этапе проводятся комплексные тренировки, объединяющие оценку места происшествия, доступ к пострадавшему, оказание первой помощи, взаимодействие при его освобождении и передачу медицинским работникам. При наличии подходящей учебной базы полезно использовать специально подготовленный автомобиль (тренажер).

Реалистичность тренировки определяется не количеством имитирующих эффектов, а соответствием учебных трудностей профессиональным задачам. Ограниченный доступ, недостаточное освещение, необходимость работать в защитных перчатках и изменение состояния условного пострадавшего могут иметь большую учебную ценность, чем сложное внешнее оформление сценария.

Усложнение условий должно быть постепенным. Если сотрудник еще не освоил прием в спокойной обстановке, дополнительные помехи способны закрепить ошибки. Поэтому работа при шуме, дефиците времени или ограниченной видимости вводится после достижения устойчивого базового навыка. Очень важно, чтобы все имитационные воздействия оставались безопасными для участников.

Сценарии необходимо варьировать. Постоянное повторение одного задания приводит к запоминанию его последовательности, а не к развитию самостоятельного решения. Полезно менять число пострадавших, доступность оборудования, характер внешних угроз и динамику состояния человека. При этом каждое упражнение должно иметь понятную учебную цель.

Заключение

Подготовка пожарных к оказанию первой помощи при дорожно-транспортных происшествиях должна учитывать условия, в которых эта помощь оказывается: сохраняющиеся внешние угрозы, ограниченный доступ к пострадавшему, необходимость его деблокирования.

Основу обучения целесообразно строить на последовательном освоении приемов, решении ситуационных задач и проведении комплексных тренировок. Обязательными компонентами являются повторная оценка состояния пострадавшего, безопасное взаимодействие при спасательных работах и передача значимой информации медицинским работникам.

Готовность пожарного определяется не количеством воспроизведенных теоретических положений, а способностью своевременно распознать угрозу жизни, выбрать обоснованные действия и выполнить их безопасно. Поэтому практическая проверка, регулярное повторение и содержательный разбор ошибок должны занимать ключевое место в системе подготовки.

Список литературы:

[1] Пеньков А. И. Прогнозирование аварий и минимизация последствий катастроф на пассажироперевозящем автотранспорте / А. И. Пеньков, С. А. Солодский // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 168. – EDN UZJAHD.

[2] Моделирование действий по ликвидации дорожно- транспортных происшествий как способ совершенствования управления деятельностью подразделений МЧС России / П. В. Ширинкин, А. Н. Батуро, Д. В. Иванов,

Е. В. Гуляева // Интернет-журнал Науковедение. – 2016. – Т. 8, № 5(36). – С. 106. – EDN XCMQWJ.

[3] Балабанов В. А. Проблемы и перспективы подготовки обучающихся в вузах МЧС России к оказанию первой помощи в чрезвычайных ситуациях / В. А. Балабанов // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2015. – № 34. – С. 35-38. – EDN TWGYNF.

[4] Мельникова И. С. Уровень готовности сотрудников МЧС России к оказанию первой помощи при дорожно-транспортных происшествиях / И. С. Мельникова, Е. Ю. Шкатова // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2020. – № 4. – С. 42-47. – DOI 10.25016/2541-7487-2020-0-4-42-47. – EDN CUVUIJ.

[5] Баранов А. В. Современный взгляд на состояние оказания первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях / А. В. Баранов // Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н.В. Склифосовского. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 417-421. – DOI 10.23934/2223-9022-2020-9-3-417-421. – EDN NYMYFO.

[6] Оказание первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях водителями транспортных средств. Юридические аспекты, обучение, оснащение / Л. И. Дежурный, А. В. Чурсанова, Б. Ц. Ганжурова, А. М. Халмуратов // Социальные аспекты здоровья населения. – 2008. – № 2(6). – С. 12. – EDN JVYCFN.

[7] Федорков В. И. Опыт разборки транспортных средств, деблокирования и извлечения пострадавших и других работ, выполняемых в ходе ликвидации последствий ДТП с применением технических средств, оборудования и инструмента / В. И. Федорков, С. Ю. Лязер // Технологии гражданской безопасности. – 2007. – Т. 4, № 1(13). – С. 68-70. – EDN KRSJBJ.

References:

[1] Penkov A.I. Predicting accidents and minimizing the consequences of disasters on passenger transport / A.I. Penkov, S.A. Solodsky // Modern problems of science and education. – 2015. – № 2-2. - S. 168. – EDN UZJAHD.

[2] Modeling of actions to eliminate road traffic accidents as a way to improve the management of the activities of units of the Ministry of Emergencies of Russia / P.V. Shirinkin, A.N. Baturo, D.V. Ivanov, E.V. Gulyaeva // Internet journal Science. – 2016. - T. 8, NO. 5 (36). - S. 106. – EDN XCMQWJ.

[3] Balabanov V. A. Problems and prospects for training students in universities of the EMERCOM of Russia to provide first aid in emergency situations / V. A. Balabanov // Problems and prospects for the development of education in Russia. – 2015. – № 34. - S. 35-38. – EDN TWGYNF.

[4] Melnikova I. S. The level of readiness of EMERCOM employees to provide first aid in case of road accidents / I. S. Melnikova, E. Yu. Shkatova // Biomedical and socio-psychological safety problems in emergency situations. – 2020. – № 4. - S. 42-47. – DOI 10.25016/2541-7487-2020-0-4-42-47. – EDN CUVUIJ.

[5] Baranov A. V. A modern view of the state of first aid to victims of road accidents / A. V. Baranov // Emergency medical care. Journal named after N.V. Sklifosovsky. – 2020. - T. 9, NO. 3. - S. 417-421. – DOI 10.23934/2223-9022-2020-9-3-417-421. – EDN NYMYFO.

[6] Providing first aid to road accident victims by vehicle drivers. Legal aspects, training, equipment / L. I. Duty, A. V. Chursanova, B. Ts. Ganzhurova, A. M. Khalmuratov // Social aspects of population health. – 2008. – № 2(6). - S. 12. – EDN JVYCFN.

[7] Fedorkov V.I. Experience in disassembling vehicles, releasing and removing victims and other work performed during the elimination of the consequences of road accidents using technical means, equipment and tools / V.I. Fedorkov, S. Yu. Lyazer // Civil Safety Technologies. – 2007. - T. 4, NO. 1 (13). - S. 68-70. – EDN KRSJBJ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-184-186
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

РЕДИ Елена Владимировна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, e-mail: Russlen90@mail.ru

ПОПОВА Екатерина Дмитриевна,
Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, e-mail: Russlen90@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ЗНАЧИМОСТИ ПРИСУТСТВИЯ РОДИТЕЛЕЙ НА СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ

Аннотация. *Целью исследования было исследовать уровень значимости присутствия родителей на спортивных соревнованиях среди спортсменов – подводников трех возрастных групп. Материалы и методы: в исследовании принимали участие 60 спортсменов, занимающихся плаванием в ластах, условно разделенных на три группы по 20 человек каждая. 1 группа – спортсмены от 6 до 11 лет имеющие спортивный разряд не выше 2 взрослого; 2 группа – спортсмены 12-17 лет имеющие спортивный разряд не выше кандидата в мастера спорта; 3 группа – спортсмены 18-25 лет имеющие спортивное звание не выше мастера спорта России. Каждая группа спортсменов проходила опрос на тему «Важно ли присутствие родителей на соревнованиях». Результаты: спортсмены 6-11 лет: 93% - присутствие родителей на соревнованиях помогает, 7% - не ощущают разницы. Спортсмены 12-17 лет: 51% - присутствие родителей на соревнованиях вызывает большее волнение перед стартом, 28% - присутствие родителей на соревнованиях помогает, 21% - не ощущают разницы. Спортсмены 18-25 лет: 87% - не ощущают разницы от присутствия родителей на соревнованиях, 6% - присутствие родителей на соревнованиях вызывает большее волнение перед стартом, 7% - присутствие родителей на соревнованиях помогает. Заключение. Нельзя сказать, что с возрастом у спортсменов теряется значимость присутствия родителей на соревнованиях или авторитет родителей становится меньше. Спортсмены 3 группы, мастера спорта России – уже имеют огромный опыт выступления на спортивных мероприятиях, это опытные спортсмены, умеющие себя замотивировать и настроить на высокий результат. Для спортсменов этой группы, в первую очередь, важен настрой тренера и поддержка команды. Спортсмены 2 группы, это уже подростки, которые хотят быть более самостоятельными и менее зависимыми от родителей, для них важен настрой тренера. Спортсмены 1 группы, это еще совсем дети, не имеющие достаточного опыта в выступлении на соревнованиях. Для спортсменов в возрасте 6-11 лет родители имеют огромный авторитет наравне с тренером.*

Ключевые слова: *спортсмен, плавание в ластах, соревнования, мотивация, родитель, тренер, спортивный результат, психологическая подготовка, спорт.*

REDI Elena Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

POPOVA Ekaterina Dmitrievna,
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

STUDY OF THE SIGNIFICANCE LEVEL OF PARENTS' PRESENCE AT SPORTS COMPETITIONS

Annotation. *The aim of the study was to investigate the level of significance of the presence of parents at sports competitions among submariners of three age groups. Materials and methods: the study involved 60 athletes engaged in swimming in fins, conditionally divided into three groups of 20 people each. Group 1 – athletes from 6 to 11 years old with a sports rank not higher than 2 adults; group 2 – athletes 12-17 years old with a sports rank not higher than a candidate for master of sports; group 3 – athletes 18-25 years old with a sports title not higher than the master of sports of Russia. Each group of athletes took a survey on the topic "Is it important for parents to be present at competitions". Results: athletes aged 6-11: 93% - the presence of parents at competitions helps, 7% - do not feel the difference. Athletes aged 12-17: 51% - the presence of parents at competitions causes more excitement before the start, 28% - the presence of parents at competitions helps, 21% - do not feel the difference. Athletes aged 18-25: 87% - do not feel the difference from the presence of parents at competitions, 6% - the presence of parents at competitions causes more excitement before the start, 7% - the presence of parents at competitions helps. Conclusion. It cannot be said that with age, athletes lose the importance of the presence of parents at competitions or the authority of parents becomes less. Athletes of the 3rd group, masters of sports of Russia – already have a huge experience of performing at sports events, these are experienced athletes who know how to motivate themselves and set up for a high result. For athletes of this group, first of all, the attitude of the coach and the support of the team are important. Athletes of 2 groups, these are already teenagers who want to be more independent and less dependent on their parents, the attitude of the coach is important for them. The athletes of group 1 are still quite children who do not have enough experience in performing at competitions. For athletes aged 6-11 years, parents have a huge authority on a par with the coach.*

Key words: *athlete, swimming in fins, competitions, motivation, parent, coach, sports result, psychological preparation, sport.*

Введение. Подводное плавание — один из сложных водных видов спорта. Основной задачей спортсменов - подводников является плавание, ныряние и спуски под воду с применением специального снаряжения и оборудования [4]. На сегодняшний день высокий уровень достижений спортсменов на российской и мировой арене предъявляет повышенные требования к уровню тренированности за счет применения новых методик и инновационных технологий [1]. Совершенствование подготовки современных спортсменов – многогранная и многоплановая задача. Она включает в себя ряд направлений, в числе которых и психологическая подготовка. Современная психологическая наука располагает существенным арсеналом методов, технологий и средств, которые в состоянии значительно влиять на эффективность тренировочного и соревновательного процессов [3]. В настоящее время присутствие родителей на спортивных соревнованиях играет не малую роль. Одни психологи отмечают, что спортсмен не должен выступать на соревнованиях в одиночку без поддержки со стороны родителей. Если спортсмен не достиг подросткового возраста, то присутствие родителей на соревнованиях важно. Посещение спортивного мероприятия, это еще один способ доказать ребенку свою любовь и поддержку [2]. Другие же наоборот считают, что спортсмен может ощущать волнение родителей и легко способен перенести это напряжение на себя, тем самым показать результат хуже [5]. Цель нашей работы – исследовать уровень значимости присутствия родителей на спортивных соревнованиях среди спортсменов – подводников трех возрастных групп.

Материалы и методы. В исследовании принимали участие 60 спортсменов занимающихся плаванием в ластах, условно разделенных на три группы по 20 человек. 1 группа – спортсмены от 6 до 11 лет имеющие спортивный разряд не выше 2 взрослого; 2 группа – спортсмены 12-17 лет имеющие спортивный разряд не выше кандидата в мастера спорта; 3 группа – спортсмены 18-25 лет имеющие спортивное звание не выше мастера спорта России. Все спортсмены являются учениками спортивной школы г. Красноярска МАУ СШОР «Спутник». Каждая группа спортсменов проходила опрос на тему «Важно ли присутствие родителей на соревнованиях».

Результаты исследования. Каждая группа спортсменов проходила опрос на тему «Важно ли присутствие родителей на соревнованиях». Результаты опроса представлены на Рисунке 1.

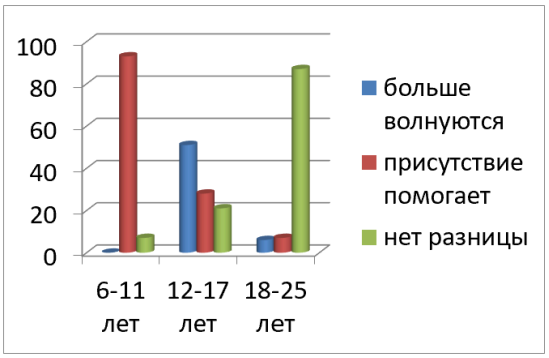

Рисунок 1. Результаты опроса «Важно ли присутствие родителей на соревнованиях».

Спортсмены 6-11 лет: 93% - присутствие родителей на соревнованиях помогает, 7% - не ощущают разницы.

Спортсмены 12-17 лет: 51% - присутствие родителей на соревнованиях вызывает большее волнение перед стартом, 28% - присутствие родителей на соревнованиях помогает, 21% - не ощущают разницы.

Спортсмены 18-25 лет: 87% - не ощущают разницы от присутствия родителей на соревнованиях, 6% - присутствие родителей на соревнованиях вызывает большее волнение перед стартом, 7% - присутствие родителей на соревнованиях помогает.

Заключение. Однозначно нельзя сказать, что с возрастом у спортсменов теряется значимость присутствия родителей на соревнованиях или авторитет родителей становится меньше.

Спортсмены 3 группы, мастера спорта России – уже имеют огромный опыт выступления на спортивных мероприятиях, это опытные спортсмены, умеющие себя замотивировать и настроить на высокий результат. Для спортсменов этой группы, в первую очередь, важен настрой тренера и поддержка команды. Присутствие родителей на соревнованиях их не отвлекает от предстоящего старта. Однако, некоторые спортсмены отмечают, что ценят поддержку родителей и желание присутствовать на соревнованиях, однако присутствие родителей на соревнованиях добавляет груз ответственности и выступать становится тяжелее.

Спортсмены 2 группы, это уже подростки, которые хотят быть более самостоятельными и менее зависимыми от родителей, для них важен настрой тренера. Многие в этом возрасте выступая в присутствии родителей, боятся совершить ошибку, не оправдать их ожидания, тем самым показывая более низкий результат.

Спортсмены 1 группы, это еще совсем дети, не имеющие достаточного опыта в выступлении на соревнованиях. Для спортсменов в возрасте 6-11 лет родители имеют огромный авторитет наравне с тренером. Родители оказывают огромную поддержку и мотивацию к победе.

Поболеть, поддержать, показать, что родители рядом – вот, что важно для спортсмена в любом возрасте. Только так ребенок действительно почувствует заботу, интерес и поддержку своих родителей.

Список литературы:

[1] Анализ закономерности прироста мировых рекордов в подводном спорте (плавание в ластах). / Московченко О.Н., Толстопятов И. А., Реди Е.В., Иваницкий В.В., Захарова Л.В. // Теория и практика физической культуры. – 2019. - № 969. – С. 70-73.

[2] Выдрин В.М. современные проблемы теории физической культуры как вид культуры / В.М. Выдрин,-Спб.ГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2001,-76с.

[3] Гогунов Е.Н. Психология физического воспитания и спорта/Е.Н. Гогунов, Б.И. Мартьянов М.: ACDAEMA, 2000.-288с.

[4] Московченко, О.Н. Подводный спорт и дайвинг: Учебное пособие: Словарь-справочник/сост. О.Н. Московченко, И.А. Толстопятов, А.В. Александров. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2014. – 316 с. : ил. КГПУим. В.П. Астафьева, СибГАУ им. М.Ф. Решетнева, М.: Флинта, М.:Наука.

[5] Холодов Ж.К. Теория и методика физического воспитания и спорта / Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов. - М.: Издательский центр «Академия»,-2000,-480с.

References:

[1] Analysis of the pattern of growth of world records in underwater sports (swimming in fins) / Moskovchenko O.N., Tolstopyatov I.A., Redi E.V., Ivanitsky V.V., Zakharova L.V // Theory and practice of physical culture. – 2019. - № 969. - S. 70-73.

[2] Vydrin V.M. modern problems of the theory of physical culture as a type of culture / V.M. Vydrin, -Spb.GAFK them. P.F. Lesgaft, 2001, -76s.

[3] Gogunov E.N. Psychology of physical education and sports / E.N. Gogunov, B.I. Martyanov M.: ACDAEMA, 2000.-288s.

[4] Moskovchenko, O.N. Underwater sports and diving: Textbook: Dictionary-reference / comp. O.N. Moskovchenko, I.A. Tolstopyatov, A.V. Alexandrov. - Ed. 2nd, revised. and add / Krasnoyar. state. ped. University named after V.P. Astafiev. - Krasnoyarsk, 2014. - 316 p.: Ill. KSPUim. V.P. Astafiev, SibGAU them. M.F. Reshetnev, M.: Flint, M.: Science.

[5] Kholodov J.K. Theory and methodology of physical education and sports / J.K. Kholodov, V.S. Kuznetsov. - M.: Publishing Center "Academy," -2000, -480s.

- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-187-191
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

БЕЗМАТЕРНЫХ Алина Олеговна,
старший преподаватель, Иркутский государственный университет путей сообщения (ИрГУПС),
ORCID ID 0000-0003-4148-4147,
e-mail: alina_bezmaterny@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИКЛА ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА ОСНОВЕ ПРЕДИКТИВНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. *В статье доказывается, что предиктивный анализ является фундаментальным сдвигом в культуре управления. Актуальность исследуемой модели аргументирована переходом от реактивной модели к проактивной. В условиях высокой нестабильности внешней среды директивные модели утрачивают прогностическую и операционную ценность. Исследование демонстрирует эффективность модели через способность организации как системы сохранять динамическую стабильность за счет упорядочивания, формализации, стандартизации когнитивных процедур. Модель «предвидение-действие» рассматривается как когнитивно-поведенческий механизм принятия управленческих решений в условиях нестабильного состояния внешних факторов. Изучены и представлены базовые аспекты формирования модели, а также операционные компоненты и направления для развития эффективного использования организацией модели в практическом направлении. Главной проблемой, освещенной в данной статье, является организационное сопровождение. При реализации модели в практической деятельности ошибка – это не повод для отвержения технологий использования, а основание для развития компетенции. Практическая значимость статьи заключается в разработке инструментария трансформации цикла принятия управленческих решений на основе предиктивного анализа. Работа предполагает аргументацию выбора наиболее предпочтительного подхода работы с персоналом при сопротивлении ими внедрению модели «предвидение-действие».*

Ключевые слова: *предиктивный анализ, управленческие решения, модель «предвидение-действие», культура ответственности, критерии эффективности, структура управления.*

BEZMATERNYKH Alina Olegovna,
Senior Lecturer, Irkutsk State Transport University

TRANSFORMATION OF THE MANAGERIAL DECISION-MAKING CYCLE BASED ON PREDICTIVE ANALYTICS

Annotation. *The article argues that predictive analytics represents a fundamental shift in management culture. The relevance of the model under study substantiated by the transition from a reactive to a proactive approach. Amidst high external environmental instability, directive models lose their predictive and operational value. The study demonstrates the model's effectiveness through the organization's ability-as a system-to maintain dynamic stability by ordering, formalizing, and standardizing cognitive procedures. The «foresight-action» model examined as a cognitive-behavioral mechanism for managerial decision-making amidst the instability of external factors. The article explores the fundamental aspects of the model's formation, as well as its operational components and avenues for developing its effective practical application within an organization. The primary issue addressed in the article is organizational support. When implementing the model in practice, an error is not grounds for rejecting the operational technologies but rather a basis for developing competence. The practical significance of the article lies in the development of tools to transform the managerial decision-making cycle through predictive analysis. The study provides a rationale for selecting the most appropriate approach to personnel management when employees resist the implementation of the «foresight-action» model.*

Key words: *predictive analysis, management decisions, «foresight-to-action» model, culture of accountability, performance criteria, management structure.*

Исследование цикла принятия управленческих решений на сегодняшний день не теряет актуальности. Это вызвано пересмотром управленческих парадигм. Современный цикл характеризуется такими характеристиками, как гибридность, рефлексивность, а также сопровождается цикл сочетанием скорости и критического мышления. Переход от модели «стимул-реакция» к модели «предвидение-действие» обуславливает актуальность применения предиктивного анализа при трансформации цикла принятия управленческого решения. Именно предиктивный анализ позволяет совершенствованный цикл выдерживать удары со стороны внешней и внутренней среды организации, используя их как источники для роста. Отталкиваясь от вышеизложенного, возможно сделать вывод: цикл принятия управленческих решений – это современный критический фактор выживания организаций.

Классическая модель, разработанная Г. Саймоном и Дж. Дьюи, имеет следующую последовательность: диагностика-проектирование-выбор. Поведенческая экономика подчеркивает, что лицо, принимающее решение, подвергается когнитивным искажениям. Поэтому, Д.Канеман, Р. Талер указали на значимость информационного шума. По их мнению, необходимо формировать защитные механизмы, восполняющие иррациональность на каждом этапе, начиная со сбора данных, заканчивая оценкой результатов.

Предиктивная аналитика сокращает временной интервал фаз анализа. Главной задачей становится нахождение узких мест. Сложность возникает в определении, где эффективно применение цифровых технологий, а где требуется экспертиза сотрудника-специалиста. Работа ведется со слабыми сторонами, не обращая внимания на исторические данные. Формируется резерв решений, отрицая наличие единственного оптимального решения. Для избегания ошибок при устранении неструктурированных проблем неактуальными механизмами, требуется научное осмысление описанных этапов.

В таблице 1 представлен классический цикл принятия решения и элементы трансформации на основе предиктивного анализа.

Этап	До трансформации	После трансформации
Планирование (опыт)	Запоздание данных, неспособность отслеживать перелом трендов.	Сценарное моделирование, построение «дерева вероятностей», оценка последствий каждого решения, сопровождающая количественным обоснованием.
Исполнение	Максимальная вовлеченность человеческого ресурса в обработке стандартных ситуаций.	Принятие управленческих решений с минимальным участием человеческого ресурса, сокращение цикла «запрос-действие», получение руководителями готовых решений, а не аналитический материал.
Контроль	Статичные KPI, классический подход: сопоставление плана с фактом по итогам отчетного периода.	Выстраивание «ожидаемого коридора»: выявление факторов, которые вызывают нетипичные ситуации для организации, отклонение от прогноза считается более весомым индикатором проблемной ситуации, чем отклонение от плана, контроль превращается в функцию страхования будущего положения организации на рынке.
Коррекция	Коррекция по факту.	Контур опережающей коррекции.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика цикла принятия управленческих решений до и после трансформации на основе предиктивного анализа.

Модель «предвидение-действие» смещает акцент с простейшего прогнозирования на прогнозирование как процесс моделирования перспективного положения организации на рынке. Управленческие позиции не могут отражать реальное положение дел, но могут моделировать через определенный цикл действий. В таком случае предвидение будет выступать гипотезой, которая требует опытной проверки через способность управленческого аппарата планировать и выстраивать цикл действий, соответствующих целям. Таким образом, извлекается актуальная информация о средах организации, которая скрыта от посредственного наблюдения.

Модель представляет собой связанные компоненты, образующие контуры обратной связи в замкнутой системе при поддержании динамического состояния параметров данной системы. Целесообразно рассмотреть каждый компонент.

Отражение опережения. У организации имеются данные, которым необходимо предать определенный смысл, а также осознанно осуществить последовательную их передачу, сохраняя содержательную нагрузку. Результат данного компонента: формирование поведения системы, учитывая факторы, с которыми предстоит столкнуться при принятии решении. Другими словами, система отвечает на вопрос «Что, если…?».

Поведенческий компонент. Внедрение инструмента, ускоряющего достижение цели или результата. При этом минимизируются ошибки и максимизируется информационная отдача.

Рефлексия. Сопоставление созданной модели с действительным результатом. Если наблюдается разногласие, то это говорит об управленческой ошибке.

Таким образом, предвидение становится непрерывным процессом в управленческой практике. Организация формирует портфель комбинаций решений под определенную цель. Каждая комбинация направлена на подтверждение или опровержение стратегической гипотезы. Модель «предвидение-действие» отображает суть, в которой нет универсального единственного верного метода управления, но при этом подчеркивает неразрывную связь субъекта и объекта управления. Реальность проверяется через поведенческие аспекты. Благодаря использованной модели возможно предопределить управленческую эффективность, при этом сохранять стабильное динамическое состояние за счет операциональной активности в условиях постоянной трансформации, т.е. сменяемость под воздействием новых факторов среды организации. При исследовании данной темы отдельное внимание уделяется анализу барьеров внедрения. Модель «предвидение-действие» сменяет подход, в котором время рассматривают ключевым ресурсом, на постоянное моделирование вероятностного наступления событий. Тем самым нарушается безопасность персонала организации. Ведь вероятностные сценарии откладывают результат их действий при размытых критериях успеха. Именно диссонанс является причиной сопротивления персонала практическому использованию модели. Но руководителям следует рассматривать сопротивление как защитную реакцию на угрозу утраты профессиональных навыков и умений и, как следствие, потери профессионального имиджа. Другими словами, персонал через сопротивление пытается сохранить уровень профессионализма.

Сопротивление персонала при данной модели – системное следствие столкновения алгоритма действий с социальной подсистемой организации. Выходом из подобной ситуации может являться изменение роли персонала: персонал перестает быть пассивным исполнителем, а становится соавтором управленческого смысла. Вторым проблемным вопросом при использовании модели «предвидение-действие» - это изменение культуры принятия управленческих решений. Принятие управленческих решений привычно воспринимать как акт выбора, который осуществляется на основе ранее собранных данных. Модель создает сценарии, которые могут сработать без фактора-стимула. Решение в данном случае уже не ответ, а лицо, принимающее решение, работает не с фактами, а с вероятностями наступления событий. Нагрузка персонала имеет следующий вид: оценка рисков смоделированных сценариев с точностью предупредительных действий. При трансформации культуры принятия управленческих решений формируется гибридный тип мышления: интуиция лица, принимающего решения, используется для постановки задачи на предвидение («Что хотим узнать о будущем состоянии организации?»). Без внимания не должен оставаться вопрос ответственности. На замену единоличного решения приходит культура доверия к контуру управления. Происходит смещение ответственности с этапа выбора на этап предвидения: качество информации и данных, адекватность модели, границы срабатывания возмущающих факторов. При данной культуре ответственности ошибка выступает как сбой в алгоритме прогнозирования, что требует корректирующих действий. Мотивационный механизм при модели «предвидение-действие» основывается на качестве предотвращенных кризисов. Соответственно изменяется система KPI и требуется оценка качества прогнозной инфраструктуры.

На рисунке представлена структура использования рассматриваемой модели по сферам деятельности.

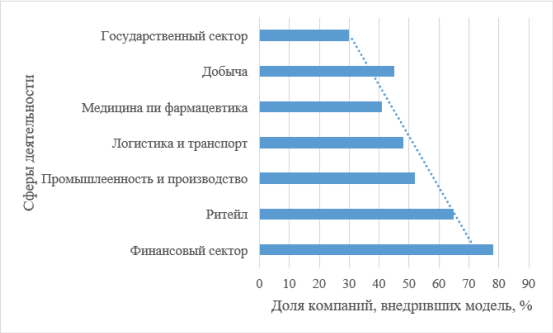

Рисунок. Структура практического использования модели «предвидение-действие» по сферам деятельности, %.

Статистика демонстрирует неравномерное использование модели в зависимости от горизонта принятия управленческих решений. Следует рассмотреть три вида решений и суть использования модели при каждом виде.

Операционные решения (дни, недели): 55% всех кейсов внедрения, модель встроена в бизнес-процессы как сервис.

Тактические решения (месяц, квартал): 35 %; кейсов, модель как инструмент поддержки.

Стратегические решения (годы): 10% кейсов, использование сложных имитационных мо-

делей.

Эффективность модели «предвидение-действие» будет зависеть от того, как лицо, принимающее решение, относиться к ней, уровень доверия. А также, большое значение имеет степень интеграции в операционный и стратегический контур организации. Данные рассуждения подтверждаются средним приростом (8-30%) эффективности решений в рассматриваемых ранее сферах деятельности. Исследуемая модель требует от современного менеджмента не формального принятия, а принятие управленческих решений на основе конкретных и измеримых переменных, то есть, переход от теоретической основы на язык фактов. Для практического внедрения модели в структуры управления современных организаций важен комплекс мер, который разграничивается по этапам управленческого цикла.

Предвидение. Главной проблемой современных управленческих систем является блокировка. Для того, чтобы предвидение было эффективным необходимо снизить неопределенность до уровня просчитанного риска через создание структурных и процедурных условий. А именно:

внедрение стратегических пауз между проблемой (возможностью) и ресурсами, которые планируется использовать: речь идет об «отложенных» решениях, которые перебирают границы бюджета или достаточно рискованные;

обязательный элемент – сценарное планирование: разрабатываются три сценария (базовый, оптимистический, пессимистический), формируется банк факторов-стимулов, которые своевременно информируют о целесообразности реализации того или иного сценария;

создание команды: для снижения рисков эффекта группомыслия и когнитивного искажения подтверждений, задачей является поиск уязвимых мест и опровержение допущений.

Этап оптимизации. Переход от предвидения к действиям. Используются инструменты, обеспечивающие переход прогноза в определенные тактические шаги. Сформированная команда описывает оптимистический сценарий и готовит отчет. Тем самым выявляются риски, которые были упущены на этапе предвидения и, как следствие, скорректировать план заблаговременно до его реализации. Крупные стратегические инициативы разделяются на мелкие эксперименты для проверки гипотез, сформулированных на этапе предвидения.

Развитие компетенций у персонала организации. Модель предъявляет достаточно высокие требования к умственным способностям и навыкам лиц, принимающих решения. Поэтому внедрение модели потребует инвестиций в человеческий капитал. От персонала требуется развивать навык быстрого формирования исходного образца будущего состояния объекта, в отношении которого направлено управленческое решение, а также анализировать необходимые данные, выстраивать вероятностные цепочки событий, характерных для сферы деятельности организации. Для персонала выделяется две роли: мыслитель и деятель.

Критерии эффективности внедрения:

коэффициент точности предвидения: процент реализовавшихся прогнозов от общего числа сформулируемых гипотез;

время реакции: от момента зафиксированного изменения до активации ответного действия;

цена ошибки: динамика среднего ущерба от неэффективных решений.

Делая вывод, возможно утверждать, что происходит смещение фокуса с интуитивных управленческих решений на проактивное управление. Прогноз – это инструмент снижения издержек при активации действий. Успех практического использования зависит от степени готовности организации к упорядочиванию, формализации, стандартизации когнитивных процедур.

Список литературы:

[1] Александрова, Е. В. Внутренняя позиция личности руководителя при принятии управленческих решениях / Е. В. Александрова, А. О. Безматерных // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сборник научных статей 14-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 27 декабря 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 24-29. – EDN HWPRBZ.

[2] Антонов, С. В. Управленческие решения как основа деятельности современной организации в цифровой экономике / С. В. Антонов // ЦИФРОВИЗАЦИЯ в ГЛОБАЛЬНОМ НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ : сборник статей Международной научно-практической конференции, Самара, 10 мая 2023 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2023. – С. 65-72. – EDN CFREGZ.

[3] Безматерных, А. О. Поведенческие аспекты при принятии управленческих решений в сфере торговли / А. О. Безматерных, А. А. Потапова // Управленческий учет. – 2025. – № 11. – С. 68-73. – EDN WNQBCW.

[4] Безматерных, А. О. Оценка подходов и принципов при принятии эффективного управленческого решения / А. О. Безматерных // Экономика и управление: проблемы, тенденции, перспективы развития : Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 19 апреля 2018 года / Редкол-

легия: Б.К. Мейманов [и др.]. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс", 2018. – С. 108-110. – EDN UPVOLW.

[5] Выгодчикова, И. Ю. Управленческие решения в организации: оценка эффективности и рейтинговые модели / И. Ю. Выгодчикова, А. И. Бородин, Н. Н. Наточеева. – Москва : Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2023. – 165 с. – ISBN 978-5-394-05615-4. – EDN MQRQSI..

[6] Соборнов, В. О. Управленческие решения в предпринимательской деятельности коммерческой организации / В. О. Соборнов, В. А. Верховский // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 12. – С. 707-723. – EDN QXYMMV.

[7] Стародубцева, А. А. Инновационные управленческие решения как инструмент повышения эффективности работы организации / А. А. Стародубцева, А. В. Борцов // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 23–24 апреля 2020 года / под общей редакцией Ю. Ю. Логинова. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева", 2020. – С. 802-804. – EDN NTPUSB.

References:

[1] Aleksandrova, E. V. The internal stance of a leader when making managerial decisions / E. V. Aleksandrova, A. O. Bezmaternykh // Research into the innovative potential of society and the shaping of directions for its strategic development: Collection of scientific articles from the 14th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Kursk, December 27, 2024. – Kursk: Universitetskaya Kniga CJSC, 2024. – P. 24–29. – EDN HWPRBZ.

[2] Antonov, S. V. Managerial decisions as the basis for the operations of a modern organization in the digital economy / S. V. Antonov // Digitalization in the Global Scientific Space: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Samara, May 10, 2023. – Ufa: Aeterna LLC, 2023. – P. 65–72. – EDN CFREGZ.

[3] Bezmaternykh, A. O. Behavioral aspects of managerial decision-making in the trade sector / A. O. Bezmaternykh, A. A. Potapova // Management Accounting. – 2025. – No. 11. – P. 68–73. – EDN WNQBCW.

[4] Bezmaternykh, A. O. Evaluation of approaches and principles in making effective managerial decisions / A. O. Bezmaternykh // Economics and Management: Problems, Trends, and Development Prospects: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, April 19, 2018 / Editorial Board: B. K. Meimanov [et al.]. – Cheboksary: "Interactive Plus" Scientific Cooperation Center LLC, 2018. – P. 108–110. – EDN UPVOLW.

[5] Vygodchikova, I. Yu. Managerial Decisions in an Organization: Efficiency Assessment and Rating Models / I. Yu. Vygodchikova, A. I. Borodin, N. N. Natocheeva. – Moscow: Dashkov & Co. Publishing and Trading Corporation, 2023. – 165 p. – ISBN 978-5-394-05615-4. – EDN MQRQSI.

[6] Sobornov, V. O. Managerial decisions in the entrepreneurial activity of a commercial organization / V. O. Sobornov, V. A. Verkhovsky // Current Issues of the Modern Economy. – 2023. – No. 12. – P. 707–723. – EDN QXYMMV.

[7] Starodubtseva, A. A. Innovative management decisions as a tool for improving organizational efficiency / A. A. Starodubtseva, A. V. Bortsov // Young Scientists Addressing Current Scientific Issues: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduate Students, and Young Scientists, Krasnoyarsk, April 23–24, 2020 / ed. by Yu. Yu. Loginov. – Krasnoyarsk: Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, 2020. – P. 802–804. – EDN NTPUSB.

- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-192-199
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ВАСИЛЬЕВ Андрей Сергеевич,
студент специализированного высшего образования Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: andrey.vasileyv.04@mail.ru

СМАРТ-КОНТРАКТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются теоретико-правовые аспекты смарт-контрактов в гражданском праве. Технология блокчейн рассматривается как инфраструктура, на базе которой идея смарт-контракта получила практическое воплощение; изучены четыре доктринальные трактовки его сущности — самостоятельный договор, особая форма договора, способ исполнения обязательства, компьютерная программа. Автор приходит к выводу, что смарт-контракт не образует отдельного договорного типа: это программное средство, с помощью которого договор исполняется (а иногда и заключается) автоматически, и правовой опорой для такого средства в России служит абз. 2 п. 1 ст. 309 ГК РФ. Раскрыта зависимость между смарт-контрактами, токенами (включая NFT) и цифровыми правами по ст. 141.1 ГК РФ. Систематизированы основные трудности применения смарт-контрактов: неизменяемость кода, «проблема оракула», несовпадение кода и воли сторон, защита слабой стороны, разрешение споров. Сравнение регулирования в США, Беларуси, Италии, ЕС и Великобритании, а также анализ Концепции платформы коммерческих смарт-контрактов для цифрового рубля (2026) позволили предложить меры для российского права: ввести легальное определение смарт-контракта, закрепить приоритет согласованных сторонами условий над кодом и установить требования к безопасной остановке программы.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, правовая природа договора, блокчейн, цифровые права, токен, NFT, оракул, автоматическое исполнение, цифровой рубль.*

VASILYEV Andrey S.,
Specialized higher education student of the Law Institute of National Research Tomsk State University

SMART CONTRACT IN CIVIL LAW: TECHNOLOGICAL BASIS, LEGAL NATURE AND DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF REGULATION

Annotation. *The article deals with the theoretical and legal aspects of smart contracts in civil law. Distributed ledger technology (blockchain) is considered as the environment in which the concept of a smart contract emerged and operates. The main doctrinal approaches to its legal nature are analysed: a smart contract as an independent contract, as a special form of contract, as a means of performance of an obligation and as a computer program. The author argues that a smart contract is not an independent type of contract but a software mechanism for the automated performance (and in some cases conclusion) of a civil law contract, and in Russian law its use rests on Article 309(1), paragraph 2, of the Civil Code. The article also shows how smart contracts relate to tokens, NFTs included, and to digital rights under Article 141.1 of the Civil Code. The key problems of the use of smart contracts are identified: immutability of the code, the oracle problem, the gap between*

the code and the will of the parties, the difficulties of protecting the weaker party and of dispute resolution. Based on a comparative analysis of the legislation of the USA, Belarus, Italy, the European Union and the United Kingdom, as well as the Bank of Russia Concept of the commercial smart contract platform for the digital ruble (2026), proposals for the development of Russian regulation are formulated: a statutory definition of a smart contract, the priority of the terms agreed by the parties over the program code, and requirements for the safe termination of the program.

Key words: *smart contract, legal nature of contract, blockchain, digital rights, token, NFT, oracle, automated performance, digital ruble.*

Введение

Цифровизация гражданского оборота привела к появлению инструментов, которые не только фиксируют волю сторон, но и самостоятельно приводят ее в исполнение. Наиболее заметным из них стал смарт-контракт — компьютерная программа, автоматически совершающая заранее заданные действия при наступлении определенных условий. Идея «умного» договора была сформулирована Н. Сабо еще в 1990-х гг., однако практическое воплощение она получила лишь с распространением технологии распределенного реестра (блокчейн) [1; 2].

Для российского права тема приобрела особую актуальность в связи с несколькими обстоятельствами. Во-первых, после вступления в силу 1 октября 2019 г. поправок к ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) ее абз. 2 п. 1 позволяет сторонам предусмотреть исполнение «путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки» [3; 4]; при этом слово «смарт-контракт» законодатель так и не использовал. Во-вторых, оборот цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав строится на информационных системах, в которых автоматизированное исполнение является нормой [5; 6]. В-третьих, в июне 2026 г. Банк России опубликовал Концепцию платформы коммерческих смарт-контрактов для цифрового рубля, предполагающую допуск участников рынка к разработке собственных смарт-контрактов [7]. Тем самым вопрос о правовой природе смарт-контракта перестает быть сугубо доктринальным.

Проблематика смарт-контрактов достаточно активно разрабатывается в отечественной науке (работы А.И. Савельева, Л.Г. Ефимовой, А.А. Волоса, М.А. Рожковой, Л.Ю. Василевской, Л.А. Новоселовой и др.) и в зарубежной литературе (E. Mik, K. Levy, E. Tjong Tjin Tai и др.). Вместе с тем единого понимания правовой природы смарт-контракта не сложилось, а значительная часть исследований выполнена до появления новейших нормативных и регуляторных решений в России и Европейском союзе.

Цель статьи — определить место смарт-контракта среди категорий гражданского права и предложить пути развития его регулирования. Для этого необходимо: описать технологию, на которой основан смарт-контракт; оценить существующие в доктрине взгляды на его природу; показать, как смарт-контракты связаны с токенами; сгруппировать проблемы, возникающие при их использовании; сравнить российский подход с зарубежными.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили нормы ГК РФ и федеральных законов о цифровых финансовых активах и инвестиционных платформах, законодательство ряда штатов США, Республики Беларусь, Италии, акты Европейского союза, доклад Комиссии по праву Англии и Уэльса, документы Банка России, а также труды российских и зарубежных правоведов. Методологическую основу составили анализ, синтез и системный подход; из специальных методов применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой.

Блокчейн как технологическая среда смарт-контракта

Смарт-контракт исторически и функционально связан с технологией блокчейн, хотя и не тождествен ей. Н. Сабо, которому принадлежит сам термин, полагал, что значительную часть договорных условий можно «вшить» в оборудование и программы так, что нарушать договор станет невыгодно, а порой и технически невозможно; простейшим прообразом смарт-контракта он считал торговый автомат [1]. Однако в отсутствие среды, которой стороны могли бы доверять без посредника, эта идея оставалась теоретической.

Такую среду предложила модель, описанная в 2008 г. под псевдонимом Сатоши Накамото: одноранговая сеть, в которой транзакции объединяются в блоки, связанные криптографическими хеш-функциями, а консенсус достигается механизмом «доказательства работы», что исключает необходимость в доверенной третьей стороне [2]. По определению Национального института стандартов и технологий США, блокчейн — это распределенный цифровой реестр, устойчивый к несанкционированной правке, который обычно функционирует без единого места хранения данных и без центрального администратора; смарт-контракт там же охарактеризован как набор кода и данных, развертываемый в сети с помощью криптографически подписанных транзакций [8].

М. Свон выделяет три этапа развития технологии: «Блокчейн 1.0» (криптовалюты), «Блокчейн 2.0» (контракты, в том числе смарт-контракты, и иные финансовые инструменты) и «Блокчейн 3.0» (применение за пределами финансов) [9]. Именно на втором этапе, с появлением платформ, позволяющих исполнять произвольный программный код (прежде всего Ethereum), смарт-контракт превратился в массовый инструмент. С юридической точки зрения из технологии вытекают три значимых свойства: детерминированность исполнения (код исполняется так, как написан), практическая неизменяемость записей и автономность исполнения от воли сторон после запуска программы. Как будет показано далее, эти свойства одновременно составляют и ценность, и главную проблему смарт-контракта.

Правовая природа смарт-контракта

В отечественной науке широко цитируется формулировка А.И. Савельева: смарт-контракт — «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [10]. По мнению этого автора, появление смарт-контрактов знаменует начало перемен в классическом договорном праве. Позднее Л.Г. Ефимова, И.Е. Михеева и Д.В. Чуб, проанализировав российские и зарубежные концепции, насчитали пять подходов к пониманию этого явления и констатировали, что «вне правового регулирования смарт-контракт является обычной компьютерной программой» [11].

Если свести дискуссию воедино, обнаруживаются четыре позиции. Сторонники первой видят в смарт-контракте самостоятельный договор либо особую договорную конструкцию. В частности, О.С. Гринь, Е.С. Гринь и А.В. Соловьев относят его к типовым (специальным) договорным конструкциям: это соглашение, совершенное с применением электронных или иных технических средств, при котором для исполнения обязательств не требуется дополнительного волеизъявления сторон [12]. Вторая позиция связывает смарт-контракт с электронной формой сделки и опирается на абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, по которому письменная форма считается соблюденной и тогда, когда сделка совершена электронными или иными техническими средствами [3; 13]. В рамках третьей позиции смарт-контракт понимается как один из способов исполнения обязательства. Четвертая позиция четко отделяет программу от договора. М.А. Рожкова подчеркивает, что смарт-контракт по своей сути — компьютерная программа и именно поэтому не может быть приравнен к договору; автор предлагает видеть в нем цифровую надстройку над договором, которая служит для его заключения, исполнения либо прекращения [14].

Промежуточную точку зрения отстаивает А.А. Волос: смарт-контракт, по его мнению, не составляет отдельного вида договора, но придает договорному правоотношению особые черты и, в зависимости от обстоятельств, выступает то программой, то формой договора, то способом исполнения обязательства [15]. Ю.В. Трунцевский и В.В. Севальнев полагают, что действующее договорное право в основном справляется с регулированием сделок, совершаемых с помощью смарт-контрактов, и нуждается лишь в точечной адаптации отдельных принципов [16].

Думается, ответ подсказывает сам закон. Абзац 2 п. 1 ст. 309 ГК РФ трактует использование информационных технологий не как самостоятельный договор, а как условие сделки, определяющее порядок исполнения: стороны вправе договориться, что обязательство будет исполнено автоматически, как только наступят оговоренные обстоятельства, и без отдельного волеизъявления на этот счет [3]. Значит, юридически значима не программа сама по себе, а договоренность сторон о ее использовании. Программа же остается объектом прав (программой для ЭВМ по ст. 1261 ГК РФ) и инструментом, посредством которого стороны выражают волю и исполняют обязательства.

Итак, смарт-контракт — не особый вид договора, а программное средство, пригодное для любого договора, условия которого можно формализовать. Оно способно служить: а) формой волеизъявления, если сделка совершается через взаимодействие с программой (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ); б) способом исполнения обязательства (абз. 2 п. 1 ст. 309 ГК РФ). При таком понимании к отношениям сторон применяются общие нормы об обязательствах и договорах, отдельный правовой режим для смарт-контрактов не нужен, а особенности автоматического исполнения учитываются в рамках этих норм.

Смарт-контракт и токен

Смарт-контракты и токены функционально неразделимы: токен, как правило, сам создается и обращается посредством смарт-контракта, который определяет правила его выпуска, передачи и погашения. Л.Ю. Василевская выделяет широкий круг функций токенов — от идентификации управомоченных лиц и учета активов до роли бездокументарных аналогов ценных бумаг и платежного средства — и сопоставляет их с «ценными правами» германской правовой традиции [17]. Л.А. Новоселова рассматривает «токенизацию» объектов гражданского права прежде всего как способ фиксации и передачи прав на эти

объекты [18]; сходным образом Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова анализируют цифровые активы через призму их правового режима, а не технологии [19].

В отечественном законодательстве эта взаимосвязь выразилась в институте цифровых прав. По ст. 141.1 ГК РФ к ним относятся лишь права, прямо названные так в законе; их содержание и порядок осуществления задаются правилами информационной системы, а распоряжаться ими можно исключительно внутри этой системы, без участия третьего лица [3]. Поскольку на практике правила системы воплощаются в программном коде, смарт-контракт оказывается технической оболочкой, в которой «записано» содержание цифрового права [5].

Особое место занимают невзаимозаменяемые токены (NFT), каждый из которых уникален и может быть привязан к определенному объекту, например произведению цифрового искусства [20]. Здесь смарт-контракт может автоматически исполнять условия, характерные для лицензионных и иных договоров (например, выплату вознаграждения автору при каждой перепродаже). Однако запись в реестре о принадлежности токена сама по себе не порождает исключительного права на произведение и не заменяет договор о его отчуждении или лицензионный договор, требующие соблюдения формы и согласования существенных условий. Это еще раз подтверждает, что смарт-контракт обслуживает правоотношение, но не подменяет его правовое основание.

Проблемы использования смарт-контрактов

Первая группа проблем связана с неизменяемостью кода. Гражданское законодательство допускает, что договор будет изменен или расторгнут (гл. 29 ГК РФ), например при существенной перемене обстоятельств (ст. 451 ГК РФ), а должник освобожден от ответственности при непреодолимой силе (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Код смарт-контракта таких механизмов «по умолчанию» не содержит. E. Tjong Tjin Tai показывает, что учет форс-мажора и иных оснований освобождения от исполнения требует заранее программировать соответствующие сценарии [21], а B. Marino и A. Juels предлагают стандарты изменения и «отмены» смарт-контрактов, основанные на классических институтах договорного права [22]. Показательна история проекта The DAO (2016 г.): использование уязвимости в коде привело к выводу значительного объема средств, а последствия были устранены не правовыми средствами, а изменением правил самой сети.

Вторая группа проблем — расхождение между кодом и волей сторон. E. Mik подчеркивает, что программный код не способен адекватно отразить сложность реальных договорных отношений, а сам термин «смарт-контракт» вводит в заблуждение [23]. K. Levy указывает, что значительная часть «социальной работы» права основана на неточных, оценочных и сознательно не исполняемых принудительно условиях, тогда как смарт-контракт исполняет все буквально [24]. Возникает вопрос: что считать содержанием договора при расхождении текста, понятного сторонам, и кода, исполненного программой? Исходя из изложенной выше позиции, приоритет должен иметь согласованный сторонами текст (ст. 431 ГК РФ), а результат исполнения, не соответствующий ему, — квалифицироваться как ненадлежащее исполнение либо неосновательное обогащение (гл. 60 ГК РФ).

Третья группа проблем — «проблема оракула». Смарт-контракт «не видит» внешнего мира и получает сведения о юридических фактах (поставке товара, курсе валюты, наступлении страхового случая) от внешних поставщиков данных, которых называют оракулами. Если оракул ошибся или действовал недобросовестно, программа исполнит договор неправильно, однако кто в таком случае отвечает — стороны, разработчик или поставщик данных, — закон не определяет. Характерно, что Концепция Банка России выделяет доверенных поставщиков внешних данных в качестве самостоятельной роли на платформе [7].

Четвертая группа — защита слабой стороны. А.В. Чирков показывает, что для потребителя автоматизированное исполнение сопряжено с рисками непонимания условий, «зашитых» в код, и невозможности приостановить исполнение [25]. Поэтому к таким отношениям следует применять нормы ст. 428 ГК РФ о присоединении к договору и потребительское законодательство, а условие, лишающее потребителя права на отказ от договора, — признаваться ничтожным.

Пятая группа — разрешение споров. Трансграничность и псевдонимность участников блокчейн-сетей затрудняют определение применимого права и компетентного суда. О.Ф. Засемкова выделяет два направления: рассмотрение споров традиционными арбитражными институтами и создание децентрализованных механизмов разрешения споров в самой цифровой среде, ставящих вопросы об арбитрабельности, месте арбитража, признании и приведении решений в исполнение [26].

Правовое регулирование смарт-контрактов в России и за рубежом

За рубежом сложилось несколько моделей. Первая предполагает закрепление в законе понятия смарт-контракта и прямое признание его юридической силы. Так, закон Аризоны 2017 г. описал смарт-контракт как программу, которая реагирует на события, работает в распределен-

ном реестре и может удерживать и передавать активы; при этом договор не теряет юридической силы только из-за того, что в нем есть условие о смарт-контракте [27]. Похожие нормы появились в Теннесси и Иллинойсе. Декрет № 8 Президента Республики Беларусь понимает под смарт-контрактом программный код, который работает в блокчейне или другой распределенной информационной системе и служит для автоматического совершения и (или) исполнения сделок и иных юридически значимых действий [28]. Итальянский законодатель закрепил определение смарт-контракта в 2019 г. в законе об упрощении (Decreto Semplificazioni) [29].

Вторая модель — отказ от специального законодательства при признании достаточности общих норм договорного права. Комиссия по праву Англии и Уэльса в 2021 г. пришла к выводу, что действующее право способно охватить «умные» юридические договоры без законодательной реформы [30]. Близкий подход характерен для Франции, где урегулированы отдельные области использования распределенного реестра (например, учет ценных бумаг), тогда как сам смарт-контракт специального регулирования не получил [31].

В Европейском союзе сложилась третья модель: к смарт-контрактам предъявляются технические и правовые требования. По Регламенту (ЕС) 2023/2854 (Data Act) смарт-контракт — это компьютерная программа, с помощью которой автоматически исполняется соглашение или его часть. Статья 36 Регламента требует, чтобы смарт-контракты, обслуживающие соглашения об обмене данными, были устойчивы и защищены контролем доступа, допускали безопасную остановку и прерывание, обеспечивали архивирование данных и непрерывность работы и соответствовали условиям соглашения [32]. Тем самым европейский законодатель отказывается считать неизменяемость кода абсолютной.

Российский законодатель избрал путь, близкий ко второй модели. В первоначальном тексте законопроекта № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» смарт-контракт определялся как заключенный в электронной форме договор, права и обязанности по которому исполняются через автоматически совершаемые цифровые транзакции [33]; в итоговую редакцию Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ это определение не вошло [5]. Регулирование ограничилось общим правилом ст. 309 ГК РФ. Вместе с тем Концепция Банка России 2026 г. фактически формирует инфраструктурную модель: смарт-контракты определяются как программы (алгоритмы), автоматически исполняющие условия сделки при наступлении заранее определенных событий; предусматриваются роли разработчиков, организаций, проверяющих код и вправе запретить публикацию при выявлении уязвимостей, доверенных поставщиков данных и пользователей [7]. Это сближает российский подход с европейским, однако на уровне документа регулятора, а не закона.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, смарт-контракт не составляет самостоятельного вида договора; это программное средство, которое в рамках гражданско-правового договора служит формой волеизъявления и (или) инструментом автоматического исполнения обязательства, а правовую основу для его использования в России образуют абз. 2 п. 1 ст. 160 и абз. 2 п. 1 ст. 309 ГК РФ. Во-вторых, смарт-контракты неотделимы от токенов и цифровых прав: именно они воплощают правила информационной системы, определяющие содержание цифровых прав и порядок их осуществления (ст. 141.1 ГК РФ). В-третьих, ключевые проблемы применения смарт-контрактов (неизменяемость кода, «проблема оракула», расхождение кода и воли сторон, защита слабой стороны, разрешение споров) обусловлены разрывом между буквальностью программного исполнения и гибкостью договорного права.

Для их преодоления представляется целесообразным: 1) закрепить в ГК РФ легальное понятие смарт-контракта как компьютерной программы, обеспечивающей автоматизированное совершение и (или) исполнение сделки; 2) установить презумпцию приоритета согласованных сторонами условий сделки над программным кодом при их расхождении; 3) по примеру ст. 36 Регламента (ЕС) 2023/2854 потребовать, чтобы смарт-контракт можно было безопасно остановить, — по крайней мере в договорах с потребителями; 4) урегулировать, как распределяется ответственность между сторонами, автором кода и поставщиком внешних данных. В дальнейшем предполагается исследовать, как смарт-контракты заключаются, исполняются и прекращаются и как они используются в отдельных видах договоров.

Список литературы:

[1] Szabo N. The Idea of Smart Contracts. 1997. URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/idea.html (дата обращения: 06.10.2026).

[2] Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2008. URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (дата обращения: 06.10.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст.

3301.

[4] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

[5] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[6] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

[7] Концепция платформы коммерческих смарт-контрактов для цифрового рубля / Банк России. М., 2026. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/193705/commercial_smart_contract_platform.pdf (дата обращения: 06.10.2026).

[8] Yaga D., Mell P., Roby N., Scarfone K. Blockchain Technology Overview: NISTIR 8202. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2018. DOI: 10.6028/NIST.IR.8202.

[9] Свон М. Блокчейн: схема новой экономики / пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2017.

[10] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

[11] Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105..

[12] Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8. С. 51–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.051-062..

[13] Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 21–28.

[14] Рожкова М.А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 60–72.

[15] Волос А.А. Гражданско-правовая сущность смарт-контракта // Юрист. 2019. № 7. С. 23–28.

[16] Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.118.147..

[17] Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–119. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119..

[18] Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.

[19] Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. М.: 4 Принт, 2020. 303 с.

[20] Кашеварова Н.А., Старикова И.С. Невзаимозаменяемый токен: перспективный цифровой инструмент для бизнеса // Вестник университета. 2022. № 3. С. 44–51.

[21] Tjong Tjin Tai E. Force Majeure and Excuses in Smart Contracts // European Review of Private Law. 2018. Vol. 26, no. 6. P. 787–804.

[22] Marino B., Juels A. Setting Standards for Altering and Undoing Smart Contracts // Rule Technologies. Research, Tools, and Applications. RuleML 2016. Cham: Springer, 2016. P. 151–166. DOI: 10.1007/978-3-319-42019-6_10..

[23] Mik E. Smart contracts: terminology, technical limitations and real world complexity // Law, Innovation and Technology. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 269–300.

[24] Levy K.E.C. Book-Smart, Not Street-Smart: Blockchain-Based Smart Contracts and The Social Workings of Law // Engaging Science, Technology, and Society. 2017. Vol. 3. P. 1–15. DOI: 10.17351/ests2017.107.

[25] Чирков А.В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 180–189. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.180-189..

[26] Засемкова О.Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex russica. 2020. Т. 73, № 4. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.009-020..

[27] Arizona Revised Statutes. Title 44, § 44-7061. URL: https://www.azleg.gov/ars/44/07061.htm (дата обращения: 06.10.2026).

[28] О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2017/december/26958/ (дата обращения: 06.10.2026).

[29] Камалян В.М. Правовое регулирование

криптовалют и блокчейн-технологий в Германии и Италии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 197–206.

[30] Law Commission. Smart legal contracts: Advice to Government (Law Com No 401). London, 2021. URL: https://www.lawcom.gov.uk/project/smart-contracts/ (дата обращения: 06.10.2026).

[31] Чуб Д.В. Правовое регулирование смарт-контрактов во Франции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 151–158. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.151-158..

[32] Regulation (EU) 2023/2854 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 on harmonised rules on fair access to and use of data (Data Act) // Official Journal of the European Union. L series. 22.12.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2854/oj (дата обращения: 06.10.2026).

[33] О цифровых финансовых активах: проект федерального закона № 419059-7 (ред., внесенная в Государственную Думу 20.03.2018). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7 (дата обращения: 06.10.2026).

References:

[1] Szabo N. The Idea of Smart Contracts. 1997. URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/idea.html (дата обращения: 06.10.2026).

[2] Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2008. URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (access date: 06.10.2026).

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[4] On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.03.2019 No. 34-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 12. Art. 1224.

[5] On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of 31.07.2020 No. 259-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part I). Art. 5018.

[6] On attracting investments using investment platforms and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 31. Art. 4418.

[7] The concept of a platform of commercial smart contracts for the digital ruble/ Bank of Russia. M., 2026. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/193705/commercial_smart_contract_platform.pdf (дата обращения: 06.10.2026).

[8] Yaga D., Mell P., Roby N., Scarfone K. Blockchain Technology Overview: NISTIR 8202. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2018. DOI: 10.6028/NIST.IR.8202.

[9] Swan M. Blockchain: scheme of the new economy / trans. From English M.: Olympus Business, 2017.

[10] Savelyev A.I. Contract law 2.0: "smart" contracts as the beginning of the end of classical contract law // Bulletin of Civil Law. 2016. № 3. S. 32-60.

[11] Efimova L.G., Mikheeva IE, Chub D.V. Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 4. S. 78-105. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105..

[12] Grin OS, Grin ES, Soloviev A.V. Legal construction of a smart contract: legal nature and scope // Lex russica. 2019. № 8. S. 51-62. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.051-062..

[13] Efimova L.G., Sizemova O.B. Legal nature of a smart contract // Banking law. 2019. № 1. S. 21-28.

[14] Rozhkova M.A. Smart contract in contract practice: program code and "digital superstructure" of a classic contract // Journal of the Court for Intellectual Rights. 2023. № 1 (39). S. 60-72.

[15] Hair A.A. Civil law essence of a smart contract // Lawyer. 2019. № 7. S. 23-28.

[16] Truntsevsky Yu.V., Sevalnev V.V. Smart contract: from definition to certainty // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 1. S. 118-147. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.118.147..

[17] Vasilevskaya L.Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Actual problems of Russian law. 2019. № 5. S. 111-119. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119..

[18] Novoselova L.A. "Tokenization" of civil law objects // Economy and law. 2017. № 12. S. 29-44.

[19] Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital assets: legal analysis. M.: 4 Print, 2020. 303 pp.

[20] Kashevarova N.A., Starikova I.S. Non-interchangeable token: a promising digital tool for business // University Bulletin. 2022. № 3. S. 44-51.

[21] Tjong Tjin Tai E. Force Majeure and Excuses in Smart Contracts // European Review of Private Law. 2018. Vol. 26, no. 6. P. 787–804.

[22] Marino B., Juels A. Setting Standards for Altering and Undoing Smart Contracts // Rule Technologies. Research, Tools, and Applications. RuleML 2016. Cham: Springer, 2016. P. 151–166. DOI: 10.1007/978-3-319-42019-6_10..

[23] Mik E. Smart contracts: terminology, technical limitations and real world complexity // Law,

Innovation and Technology. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 269–300.

[24] Levy K.E.C. Book-Smart, Not Street-Smart: Blockchain-Based Smart Contracts and The Social Workings of Law // Engaging Science, Technology, and Society. 2017. Vol. 3. P. 1–15. DOI: 10.17351/ests2017.107.

[25] Chirkov A.V. Regulation of consumer risks in the conclusion and execution of a smart contract // Actual problems of Russian law. 2020. № 11. S. 180-189. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.180-189..

[26] Zasemkova O.F. On ways to resolve disputes arising from smart contracts // Lex russica. 2020. T. 73, NO. 4. S. 9-20. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.009-020..

[27] Arizona Revised Statutes. Title 44, § 44-7061. URL: https://www.azleg.gov/ars/44/07061.htm (access date: 06.10.2026).

[28] On the development of the digital economy: Decree of the President of the Republic of Belarus of 21.12.2017 No. 8 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2017/december/26958/ (access date: 06.10.2026).

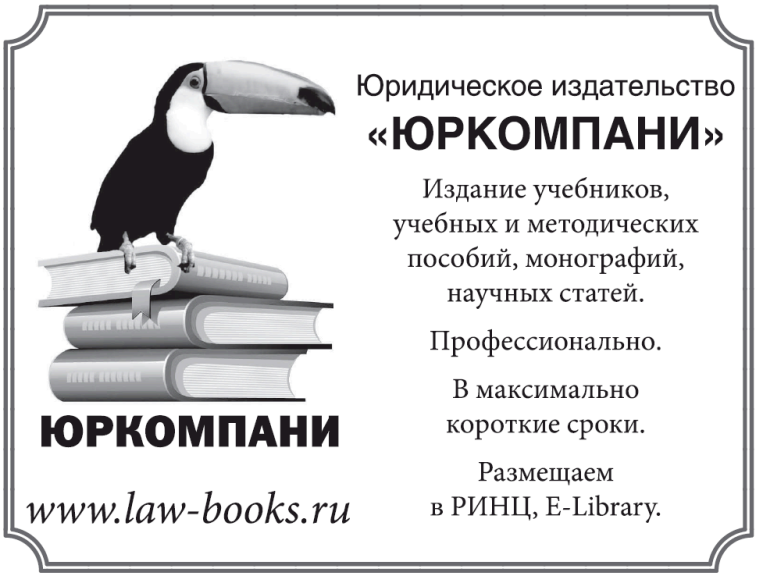
[29] Kamalyan V.M. Legal regulation of cryptocurrencies and blockchain technologies in Germany and Italy // Actual problems of Russian law. 2020. № 7. S. 197-206.

[30] Law Commission. Smart legal contracts: Advice to Government (Law Com No 401). London, 2021. URL: https://www.lawcom.gov.uk/project/smart-contracts/ (дата обращения: 06.10.2026).

[31] Chub D.V. Legal regulation of smart contracts in France // Actual problems of Russian law. 2019. № 8. S. 151-158. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.151-158..

[32] Regulation (EU) 2023/2854 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 on harmonised rules on fair access to and use of data (Data Act) // Official Journal of the European Union. L series. 22.12.2023 URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2854/oj (accessed on: 06.10.2026).

[33] On digital financial assets: draft federal law No. 419059-7 (as amended, submitted to the State Duma 20.03.2018). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7 (access date: 06.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-200-204
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

КУДИНОВА Анастасия Валерьевна,
Аспирант кафедры гражданского права Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», http://orcid.org/0000-0002-3526-0895, e-mail: Nastya-rt@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОГНОЗИРОВАНИИ УСПЕХА ЭКО

Аннотация. *Статья посвящена цивилистическому анализу проблем, возникающих при использовании технологий искусственного интеллекта (ИИ) в прогнозировании экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Актуальность исследования обусловлена стремительным внедрением алгоритмических систем поддержки принятия клинических решений в репродуктивную медицину при практически полном отсутствии специального гражданско-правового регулирования. На основе анализа российского законодательства, законопроектных инициатив и сравнительно-правового опыта Европейского союза и Великобритании выявляются ключевые цивилистические проблемы: неопределенность распределения гражданско-правовой ответственности между медицинской организацией, врачом и разработчиком алгоритма; недостаточность действующей конструкции информированного добровольного согласия; коллизия между потребностями обучения ИИ-моделей и требованиями защиты персональных данных пациентов; алгоритмическая непрозрачность. Предлагаются направления совершенствования гражданско-правового регулирования, включая законодательное закрепление принципа «человек в цикле», формирование дифференцированной модели ответственности и разработку требований к содержанию информированного согласия на использование ИИ-ассистированных репродуктивных технологий.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, ЭКО, цивилистика, гражданско-правовая ответственность, информационное согласие, персональные данные, репродукция.*

KUDINOVA Anastasiia Valeryevna,
Postgraduate student of the Department of Civil Law Federal State Budgetary Educational Institution Higher education Institution "Lebedev Russian State University of Justice"

CIVIL AND LEGAL ASPECTS OF APPLYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PREDICTING THE SUCCESS OF ECO-PROJECTS

Annotation. *The article is devoted to a civil law analysis of the problems arising when using artificial intelligence (AI) technologies in predicting in vitro fertilization (IVF). The relevance of the study is due to the rapid implementation of algorithmic systems to support clinical decision-making in reproductive medicine, in the context of an almost complete absence of special civil law regulation. Based on an analysis of Russian legislation, draft legislative initiatives, and the comparative legal experience of the European Union and the United Kingdom, key civil law issues are identified: the uncertainty regarding the distribution of civil liability between the medical organization, the doctor, and the algorithm developer; the inadequacy of the current framework for informed voluntary consent; the conflict between the needs of training AI models and the requirements for protecting patients' personal data; and algorithmic opacity. Directions for improving civil law regulation are proposed, including the legislative consolidation of the "human in the loop" principle, the development of a differentiated liability model, and the formulation of requirements for the content of informed consent for the use of AI-assisted reproductive technologies.*

Key words: *artificial intelligence, IVF, civil law, civil liability, informed consent, personal data, reproduction.*

Применение технологий искусственного интеллекта в сфере охраны репродуктивного здоровья представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной медицины. В юридической научной литературе репродуктивное здоровье рассматривается в контексте реализации личных прав человека — права на жизнь, права на достоинство, права на охрану здоровья и медицинскую помощь, права на частную и семейную жизнь, а также выделяемых внутри них отдельных групп соматических и репродуктивных прав. Категория «репродуктивное здоровье» занимает особую нишу в системе здравоохранения, что обусловливает повышенные требования к правовому регулированию любых технологических вмешательств в эту сферу.

Алгоритмы машинного обучения все активнее применяются в лабораториях ЭКО для оценки эмбрионов, прогнозирования имплантационного потенциала и оптимизации протоколов лечения. Исследования показывают, что модели ИИ могут достигать на 10–25% более высокой точности в прогнозировании жизнеспособности эмбрионов и потенциала имплантации по сравнению с традиционной морфологической оценкой эмбриологами. Однако технологический прогресс существенно опережает развитие правовых механизмов, способных обеспечить защиту прав пациентов и справедливое распределение ответственности.

Согласно резюме исследования, опубликованного в журнале «Профилактическая медицина» [1], выявлена фрагментарность правового регулирования использования ИИ в российской медицине без применения методов стандартизации. Установлено, что распределение юридической ответственности за ошибки использования ИИ в медицине между врачом, медицинской организацией и разработчиком программного обеспечения остается ключевой нерешенной задачей. В Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» отсутствуют нормы, указывающие на возможности и ограничения применения искусственного интеллекта в репродуктивной медицине в частности.

Актуальность настоящего исследования определяется наличием существенного разрыва между технологической реальностью и гражданско-правовым регулированием в сфере применения ИИ для прогнозирования успеха ЭКО.

Цель исследования — на основе цивилистического анализа выявить правовые проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта в прогнозировании успеха ЭКО, и предложить направления совершенствования гражданско-правового регулирования в данной сфере.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

определить технологические предпосылки правового анализа, охарактеризовав сущность систем ИИ, применяемых в прогнозировании исходов ЭКО и их правовой статус;

проанализировать проблему распределения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный вследствие ошибочного прогноза или рекомендации алгоритма между медицинской организацией, врачом и разработчиком;

исследовать содержание и достаточность действующей конструкции информированного добровольного согласия применительно к ИИ-ассистированным вмешательствам в репродуктивной медицине;

выявить коллизии между потребностями обучения ИИ-моделей на больших массивах данных и требованиями законодательства о защите персональных данных пациентов;

провести сравнительно-правовой анализ регуляторных подходов к применению ИИ в репродуктивной медицине в Российской Федерации, Европейском союзе и Великобритании;

сформулировать предложения по совершенствованию гражданско-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Методологическую основу исследования составляют системный анализ, сравнительно-правовой анализ, формально-догматический метод, а также метод правового моделирования.

Центральная цивилистическая проблема применения ИИ в прогнозировании ЭКО заключается в определении субъекта, несущего гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный пациенту вследствие ошибочного прогноза или рекомендации алгоритма. Сравнительный анализ регуляторных режимов показал, что правовая неопределенность окружает распределение ответственности, когда ИИ вносит вклад в результаты лечения. При этом системы ответственности преимущественно применяют традиционные принципы врачебной небрежности, лишь ограниченное число юрисдикций прямо регулируют вред, опосредованный ИИ.

Доктринальная проблема усугубляется тем, что ответственность может становиться диффузной и фрагментированной при неопределенности отчетности. Когда происходят редкие ошибки, клиника может обвинять разработчика программ-

ного обеспечения, разработчик — производителя аппаратного обеспечения в механическом отказе, а производитель указывает обратно на ошибку пользователя или непредсказуемое поведение программного обеспечения [2]. Это оставляет пациентов и правовые системы в неопределенности относительно того, какое лицо привлекать к ответственности.

В российском правовом поле высказана позиция [3], согласно которой если система ИИ зарегистрирована как медицинское изделие, то ответственность несет держатель регистрационного удостоверения или производитель. Если ошибку в диагнозе допустил ИИ, в результате чего было назначено неправильное лечение, ответственность несет разработчик системы ИИ. Однако применительно к прогнозированию ЭКО ситуация осложняется тем, что прогноз не является диагнозом в строгом смысле; это вероятностная оценка, которая по определению не может быть «ошибочной» в том же смысле, в каком ошибочен диагностический вывод.

В литературе отмечается, что производитель медицинского изделия и разработчик его ИИ-компонента часто являются разными субъектами, что создает дополнительные сложности для определения надлежащего ответчика. Кроме того, адаптивные алгоритмы, способные к самообучению, могут изменять свое поведение после выпуска на рынок, что размывает традиционные границы ответственности производителя.

Информированное добровольное согласие является краеугольным принципом этической медицинской практики, основанным на прозрачности и уважении автономии пациента. Существующие модели согласия в значительной степени предполагают, что клинические решения принимаются исключительно людьми-клиницистами. Интеграция систем ИИ — особенно непрозрачных или вероятностных — модифицирует это предположение, вводя алгоритмические рекомендации, ограничения моделей и обусловленные разработчиком проектные решения в процесс принятия клинических решений.

В российском законодательстве на данный момент прямо не урегулирован вопрос информированного согласия при использовании ИИ. Приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 193н [4] оставляет механизм информирования на усмотрение каждой медицинской организации. Пациент, подписывая форму ИДС, не осознаёт, что его данные будут обработаны алгоритмом, тогда как законодательство не обязывает раскрывать этот факт.

В литературе подчеркивается, что пациент, которому нанесен вред ненадежной рекомендацией, не давал осмысленного согласия на этот риск, если ему было сказано лишь, что клиника использует ИИ для помощи в отборе эмбрионов. Профессиональные сообщества должны разработать четкие руководящие принципы относительно того, когда и как участие ИИ должно раскрываться в рамках процесса информированного согласия.

Применение ИИ в ЭКО неизбежно сопряжено с обработкой значительных объемов особо чувствительных персональных данных — сведений о репродуктивном здоровье, генетической информации, данных о половой жизни. Характер ИИ требует агрегацию и анализ обширных наборов данных, которые часто содержат конфиденциальную информацию пациентов.

Отмечается, что существующие нормативно-правовые барьеры препятствуют обезличиванию и использованию третьими лицами медицинских данных без письменного согласия пациента. Рост утечек медицинских данных на 25% в 2024–2025 гг. [5] демонстрирует возрастающие риски несанкционированного использования информации.

Перспективным технологическим решением, имеющим существенное правовое значение, является федеративное обучение. Этот подход позволяет улучшить результаты ЭКО посредством обучения с сохранением конфиденциальности, децентрализованного в нескольких клинических центрах. С правовой точки зрения федеративное обучение представляет особый интерес, поскольку обработка данных происходит локально, а обмену подлежат лишь обновления модели, что позволяет поддерживать стандарты конфиденциальности данных и способствовать совместным исследованиям при соблюдении нормативных требований.

Проблема алгоритмической непрозрачности приобретает в контексте ЭКО особую остроту. Выявлены пробелы в требованиях к прозрачности, алгоритмической подотчетности и порогах клинической валидации. Обязательства по прозрачности демонстрируют значительные расхождения — от минимальных требований к раскрытию информации до обязательных положений об алгоритмическом объяснении.

Отсутствие прозрачности может подрывать доверие клиницистов и усложнять регуляторное одобрение. Переход от прогностических моделей типа «черный ящик» к интерпретируемым системам, способным обосновывать свои выводы, повысит доверие к этим технологиям со стороны медицинских специалистов и пациентов.

В ответ на описанную проблему представляется необходимым законодательное закрепление принципа «человек в цикле» в качестве императивного требования к клиническому применению

систем ИИ в репродуктивной медицине. Этот принцип означает поддержание участия человека в цикле ИИ для надзора и сохранения надлежащей этики, эмпатии и критического клинического суждения как части клинических решений.

Принципиально важно, что «человек в цикле» должен означать подлинное клиническое суждение, а не видимость надзора. Клиницист или эмбриолог, который последовательно подчиняется алгоритму без независимой оценки, не осуществляет значимого надзора и может нести ответственность за решение, принятое алгоритмом. Реальный тест — способность врача распознать, когда рекомендация ИИ может быть ошибочной, для каких категорий пациентов, при каких условиях визуализации или составе когорты надежность модели снижается.

Предлагается проактивная нормативно-правовая деятельность на национальном уровне с закреплением принципа «человек в цикле», а также создание механизмов компенсации, учитывающих зарубежный опыт регулирования ИИ.

Представляется целесообразным исходить из презумпции ответственности клинициста, действующего на основании рекомендации ИИ, с возможностью регрессного требования к разработчику при доказанности дефекта алгоритма или недостаточности предоставленной информации о его ограничениях. Медицинская организация и медицинский работник имеют право обратиться с регрессным иском к разработчику (правообладателю) ИИ, если имеются доказательства, свидетельствующие о том, что вред, причиненный здоровью пациента, был результатом ошибок в функционировании ИИ, а не отдельных действий самого медицинского работника.

В случае, если ИИ зарегистрирован как медицинское изделие, вред, причиненный здоровью пациента, полностью возмещается медицинской организацией. Однако ни клинические рекомендации, ни установленные законом порядки оказания медицинской помощи не содержат закрепленных правил, позволяющих медицинскому работнику при диагностике или выборе лечения пациента использовать ИИ. Это означает, что медицинского работника, осуществляющего манипуляции на основе выводов, полученных с использованием ИИ о состоянии здоровья пациента, полностью освободить от ответственности не представляется возможным.

Предлагается также рассмотреть возможность применения ст. 1079 ГК РФ, рассматривая ИИ как источник повышенной опасности и возлагая ответственность на владельца такого ИИ, т.е. непосредственно на медицинскую организацию, которая использует его в своей деятельности.

Представляется необходимым разработка требований к содержанию информированного согласия на использование ИИ-ассистированных технологий в ЭКО. Такое согласие должно включать: указание на конкретные ИИ-инструменты, используемые в процессе лечения; описание их роли в принятии решений; информацию о доказанной эффективности и известных ограничениях; указание на возможность отказа от использования ИИ без ущемления в доступе к медицинской помощи; порядок действий при выявлении ненадежной рекомендации.

Предлагается в информированном добровольном согласии указывать факт применения ИИ с учетом существенности вреда и рисков в отношении пациента. Программы должны обеспечивать, чтобы обсуждение информированного согласия с пациентами включало прозрачное описание того, какие инструменты ИИ используются и каковы их реальные возможности и ограничения.

Считаю целесообразным стимулировать развития конфиденциальных технологий, в частности федеративного обучения, посредством создания правовых механизмов, обеспечивающих соответствие таких технологий требованиям законодательства о персональных данных при одновременном снятии избыточных барьеров для мультицентровых исследований.

Для более активного создания новых ИИ-решений и научных исследований в сфере технологий ИИ для здравоохранения критически важным условием является доступность наборов обезличенных медицинских данных [6]. В рамках поручения Президента Российской Федерации Минздравом России совместно с Минэкономразвития России и Минцифры России проработан вопрос необходимости снятия правовых барьеров, ограничивающих возможность использования обезличенных персональных медицинских данных.

Традиционные полисы страхования профессиональной ответственности и страхования продукции могут не в полной мере покрывать риски, связанные с ИИ-медицинскими изделиями, что создает разрыв в покрытии. Один инцидент с участием ИИ может породить иски по нескольким линиям страхования одновременно — профессиональная ответственность, киберриски, технологические ошибки и упущения, общая ответственность [7] Развитие системы страхования ответственности, учитывающей специфические риски ИИ-ассистированной репродуктивной медицины, представляет собой важное направление совершенствования правового регулирования.

На основе анализа действующего законодательства, доктрины и сравнительно-правового опыта представляется возможным сделать следу-

ющие выводы:

применение искусственного интеллекта в прогнозировании успеха ЭКО представляет собой технологически перспективное, но юридически проблемное явление;

основные цивилистические проблемы концентрируются вокруг трех узловых точек: распределения ответственности за вред, причиненный ошибочной рекомендацией алгоритма; содержания и формы информированного согласия пациента в условиях алгоритмического опосредования клинических решений; и соотношения требований защиты персональных данных с потребностями обучения ИИ-моделей на больших массивах чувствительной информации;

действующее российское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих использование ИИ в репродуктивной медицине. Принятые в последнее время акты — ГОСТ на системы ИИ в здравоохранении, проект федерального закона о регулировании ИИ, Кодекс этики применения ИИ — создают основу, но не решают ключевых цивилистических вопросов;

представляется необходимым дальнейшее развитие правового регулирования в направлении, предложенном в настоящей работе: закрепление принципа «человек в цикле», формирование дифференцированной модели ответственности, разработка требований к информированному согласию и стимулирование конфиденциальных технологий.

Решение этих задач требует междисциплинарного подхода, объединяющего усилия цивилистов, разработчиков ИИ-систем и практикующих врачей-репродуктологов. Только такой подход позволит обеспечить баланс между технологическим прогрессом и защитой прав пациентов — баланс, который составляет сущность цивилистического регулирования в эпоху алгоритмов.

Список литературы:

[1] Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С., Дородонова Н.В., Петрова Р.Е. Репродуктивные права человека: содержание и правовая регламентация. Профилактическая медицина. 2024;27(6):22-28. https://doi.org/10.17116/profmed20242706122..

[2] UN General Assembly, Universal Declaration of Human Rights, 10 December 1948, 217 A (III) http://www.refworld.org/docid/3ae6b3712c.html..

[3] Концепция «предсказуемого вреда» при разработке медицинских изделий на основе искусственного интеллекта И. Р. Бегишев , А. А. Шутова, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, Казань, Россия, https://medet.rsmu.press/files/issues/medet.rsmu.press/2025/2025-2_ru.pdf#22#14..

[4] Сайт: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505342/.

[5] Зубрик Д.А., Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в преимплантационной диагностике, Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2025, https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-preimplantatsionnoy-diagnostike/viewer..

[6] Сайт: https://www.natszdrav.ru/jour/article/view/503/0#4.

[7] Правовые гарантии соблюдения врачебной тайны при передаче информации для обработки системам искусственного интеллекта // Юридический мир. 2026. № 4. С. 31–34.

References:

[1] Rybakov O.Yu., Rybakova O.S., Dorodonova N.V., Petrova R.E. Reproductive rights of a person: content and legal regulation. Preventive Medicine. 2024;27(6):22-28. https://doi.org/10.17116/profmed20242706122..

[2] UN General Assembly, Universal Declaration of Human Rights, 10 December 1948, 217 A (III) http://www.refworld.org/docid/3ae6b3712c.html..

[3] The concept of “predictable harm” in the development of medical devices based on artificial intelligence I. R. Begishev, A. A. Shutova, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia, https://medet.rsmu.press/files/issues/medet.rsmu.press/2025/2025-2_ru.pdf#22#14..

[4] Site: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505342/.

[5] Zubrik D.A., Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in Preimplantation Diagnosis, Vestnik Saratovskoy Gosudarstvennoy Yuridicheskoy Akademii, 2025, https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-preimplantatsionnoy-diagnostike/viewer..

[6] Site: https://www.natszdrav.ru/jour/article/view/503/0#4.

[7] Legal guarantees for the protection of medical confidentiality when transferring information for processing by artificial intelligence systems // Legal World. 2026. No. 4. Pp. 31–34.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-205-208
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ИЛЬЧУК Даниил Сергеевич,
аспирант, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», г. Белгород, Россия,
e-mail: daniililchuk@yandex.ru

МАДЫГИНА Ольга Анатольевна,
канд. юр. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», г. Белгород, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Аннотация. *В настоящей статье рассматриваются основные проблемы гражданско-правового регулирования применения искусственного интеллекта при оказании медицинских услуг. Целью данного исследования является изучение гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта и основных его проблем при оказании медицинских услуг. В статье использованы общенаучные и частно-научные методы исследования: анализ, синтез, дедукция и т.д. Полученные выводы о субъектах гражданско-правовой ответственности при ненадлежащем оказании медицинских услуг могут быть использованы как эмпирический материал, а также в законотворческой деятельности.*

Ключевые слова: *Искусственный интеллект, медицина, информатизация, цифровизация, гражданско-правовое регулирование.*

ILCHUK Daniil Sergeevich,
postgraduate student, ANO HE "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law," Belgorod, Russia

MADYGINA Olga Anatolyevna,
cand. jur. Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, ANO HE "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law," Belgorod, Russia

CIVIL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES

Annotation. *This article discusses the main problems of civil regulation of the use of artificial intelligence in the provision of medical services. The purpose of this study is to study the civil regulation of artificial intelligence and its main problems in the provision of medical services. The article uses general and private scientific research methods: analysis, synthesis, deduction, etc. The findings on the subjects of civil liability in the improper provision of medical services can be used as empirical material, as well as in legislative activities.*

Key words: *Artificial intelligence, medicine, informatization, digitalization, civil law regulation.*

Введение

Передовые технологии искусственного интеллекта, внедряемые в сфере здравоохранения способны кардинально изменить область оказания медицинских услуг. На сегодняшний день использование искусственного интеллекта в сфере здравоохранения способно автоматизировать многие рутинные процессы. Анализируя большой объем информации, искусственный интеллект открывает широкие перспективы для его использования в области диагностики и лечения. Однако такие инновационные технологии требуют свое-

временного правового регулирования со стороны государства. При этом в рамках рассматриваемых нами гражданско-правовых отношений возникают вопросы об ответственности, защите прав потребителей медицинских услуг, а также об обеспечении достойного уровня защиты информации и персональных данных граждан. Принимая во внимание стремительный характер развития данного вида технологий в данной сфере важно выработать специальные правовые нормы, нацеленные на динамические свойства развития искусственного интеллекта.

Современное гражданско-правовое регулирование оказания медицинских услуг с использованием достижений искусственного интеллекта имеет ряд дискуссионных вопросов. Так не разграничена гражданская ответственность между создателями нейронных сетей, врачами и медицинскими организациями.

При обучении искусственный интеллект использует большой массив разнообразных данных. При этом современное законодательство не разделяет простой анализ информации и работу алгоритмов искусственного интеллекта, что создает риск неправильного толкования правовых норм.

Материалы и методы исследования

Для изучения юридических аспектов гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта нами была проанализирована современная юридическая литература, касающаяся данной тематики. Одной из ключевых проблем является разграничение гражданской ответственности между врачами, медицинскими организациями и программистами. Не маловажной задачей остается обеспечение безопасности персональных данных граждан и сохранение врачебной тайны при обучении нейронных сетей. Нами был проведен анализ эмпирических материалов, а также международный опыт решения данных проблем.

Результаты и обсуждение

На сегодняшний день искусственный интеллект активно внедряется в сферу здравоохранения. Технологии искусственного интеллекта уже применяются за рубежом. Существует и отечественная практика применения технологий искусственного интеллекта. Так в больницах Москвы искусственным интеллектом были проанализированы более 8,5 млн. рентгеновских снимков пациентов[5]. Внедрение искусственного интеллекта в работу врачей способствует снижению затраченного времени на диагностику типовых случаев. Алгоритмы искусственного интеллекта помогают интерпретировать рентгеновские снимки, выявляя заболевания. Однако возникает закономерный вопрос ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг. Важно отметить, что существующая гражданско-правовая ответственность принимает во внимание человеческие решения. В случае оказания медицинских услуг с использованием искусственного интеллекта, который может принимать решения без участия человека, до конца не определен субъект ответственности, а также степень его вины[2, с. 256].

На сегодняшний день нет единого мнения относительно определения понятия «Искусственный интеллект», его правосубъектности и деликтоспособности. Понятие искусственного интеллекта содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, согласно которой под искусственным интеллектом следует понимать комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

В зарубежной доктрине часто встречается подход, предполагающий распределение ответственности между различными субъектами в зависимости от причины совершения противоправного деяния [1, с. 3–4]. Можно выделить несколько субъектов гражданской ответственности за некачественное оказание медицинских услуг с использование искусственного интеллекта. Первым таким субъектом будут являться сами программисты и разработчики системы искусственного интеллекта. Производитель должен нести полную ответственность за качество поставляемого товара. Так, согласно ч. 4 ст. 469 ГК РФ, если законом или в установленном им порядке предусмотрены обязательные требования к качеству продаваемого товара, то продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязан передать покупателю товар, соответствующий этим обязательным требованиям.

Однако на сегодняшний день отсутствуют, обязательные требования, предъявляемые к системам искусственного интеллекта, применяемые в сфере здравоохранения. Это на наш взгляд является упущением, ведь от качества таких систем напрямую зависит качество оказываемых медицинских услуг.

Вторым субъектом гражданской ответственности будет являться медицинские организации и учреждения, которые приняли решение на внедрение той или иной системы искусственного интеллекта.

К третьему виду субъектов гражданской ответственности можно отнести самих медицинских работников. Безусловно, систему искусственного интеллекта нельзя считать субъектом граждан-

ской ответственности. Им будет являться только физическое или юридическое лицо. Искусственный интеллект при оказании медицинской услуги может выступать лишь как средство. Анализируя и интерпретируя полученные данные, искусственный интеллект диагностирует то или иное заболевание и предлагает медицинскому работнику выбрать тот или иной способ лечения. Однако ответственность за выбор неправильного лечения лежит полностью на враче. Варианты лечения заболевания, полученные благодаря системам искусственного интеллекта, должны носить рекомендательный характер. Так искусственный интеллект выступает в качестве помощника.

Одной из важных проблем гражданско-правового регулирования применения искусственного интеллекта в сфере здравоохранения остается защита персональных данных граждан, обращающихся за медицинской помощью. Так при обучении искусственный интеллект использует большой массив разнообразных данных. При этом современное законодательство не разделяет простой анализ информации и работу алгоритмов искусственного интеллекта, что создает риск неправильного толкования правовых норм[3].

С принятием Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ стало возможным обрабатывать обезличенные персональные данные без согласия субъекта. При этом обработка персональных данных допускается и в отношении медицинских данных. Данный эксперимент был закончен в 2025 году.

В целом обработка обезличенных персональных данных в целях развития искусственного интеллекта, по нашему мнению, допустима. Однако возникает вопрос о возможности восстановления таких данных. В этом случае возникают определенные риски, связанные с доступом к информации и данным третьими лицами. Важно, что такой доступ могут получить без согласия субъекта, а самое главное - без его ведома [3, с. 73]. Нередки случаи совершения кибератак в отношении баз данных, хранящих медицинские данные. Например, в 2021 г. в результате кибератаки во Франции были украдены более 1,4 млн. персональных данных пациентов [4, с. 150]. Данный факт свидетельствует о несовершенстве программного кода и безопасности баз данных.

Заключение

Таким образом, гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта в сфере оказания медицинских услуг в настоящее время имеет ряд проблем. В настоящее время не определён субъект гражданско-правовой ответственности за некачественное оказание медицинских услуг с использованием систем искусственного интеллекта. По нашему мнению, за оказание некачественное оказание услуг и выполнение работ ответственность должно нести лицо, оказывающее данные услуги, выполняющее работы. Искусственный интеллект в данном случае может выступать лишь как помощник, дающий консультацию лечащему врачу.

Также стоит отметить, что каждая система искусственного интеллекта, используемая медицинскими организациями, должна соответствовать определенным требованиям. В настоящее время такие требования к качеству систем искусственного интеллекта не регламентированы. Необходимо разработать порядок сертификации систем искусственного интеллекта для медицинских организаций по определенным требованиям, с целью исключения случаев причинения вреда пациентам в результате решений искусственного интеллекта. В такие требования необходимо внести и соответствие искусственного интеллекта высокому уровню безопасности баз данных, в целях минимизации несанкционированного доступа к персональным данным граждан и сохранению врачебной тайны.

Список литературы:

[1] Атабеков А.Р. Анализ подходов определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта в медицинской сфере: опыт США и России // Юридические исследования. 2023. № 6. С. 1–9.

[2] Ларинская А.В., Шереметьева А.К. Правовые основы гражданско-правового регулирования искусственного интеллекта в здравоохранении // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 12А. С. 255-269.

[3] Окишев Б. А. Особенности правовой охраны персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. № 2. С. 70-75.

[4] Рябцева Е.В. Применение искусственного интеллекта в медицине: вопросы правового регулирования и безопасности (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 3. – С. 147–158.

[5] Искусственный интеллект в столичной медицине будет использоваться более чем в 50 направлениях лучевых исследований. Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mos.ru/

mayor/themes/8991050/, свободный. – (дата обращения 17.05.2026 г.).

References:

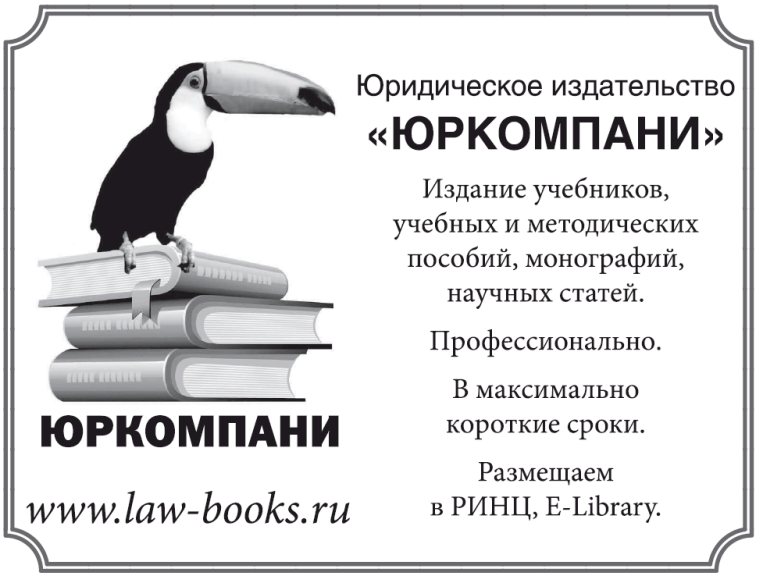
[1] Atabekov A.R. Analysis of approaches to determining legal responsibility for the actions of artificial intelligence in the medical field: the experience of the USA and Russia // Legal research. 2023. № 6. S. 1-9.

[2] Larinskaya A.V., Sheremetyeva A.K. Legal foundations of civil regulation of artificial intelligence in healthcare // Issues of Russian and international law. 2024. Volume 14. No. 12A. PP. 255-269.

[3] Okishev B.A. Features of legal protection of personal data processed using artificial intelligence technologies // Problems of economics and legal practice. 2024. № 2. S. 70-75.

[4] Ryabtseva E.V. Application of artificial intelligence in medicine: issues of legal regulation and security (Review) // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4: State and law. – 2025. – № 3. - S. 147-158.

[5] Artificial intelligence in metropolitan medicine will be used in more than 50 areas of radiation research. The official website of the mayor of Moscow [Electronic resource]. - Access mode: https://www.mos.ru/mayor/themes/8991050/, free. - (accessed 17.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-209-216
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

НАЛЬГИЕВА Радима Микаиловна,
помощник прокурора Западного административного округа г. Москвы, аспирант 3 курса Института аспирантуры и докторантуры, кафедры «Организации судебной и прокурорско-следственной деятельности» Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: asp.nalgievarm@mail.ru

ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС КАК ОСНОВАНИЕ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа участия прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) субъектов предпринимательской деятельности посредством разграничения частноправовых интересов участников дела о банкротстве и охраняемых законом публичных интересов. Обосновывается, что наличие неплатежеспособности должника, задолженности перед кредиторами, имущественного спора либо нарушения субъективного права отдельного участника дела само по себе не образует основания для участия прокурора. Юридически значимым основанием выступает наличие нарушения законодательства, затрагивающего публично значимые отношения либо создающего угрозу их существенного нарушения. Рассмотрено соотношение категорий публичного интереса и публичного порядка, проанализированы отдельные положения закона, а также правовые позиции Верховного Суда РФ, сформулированные в постановлениях Пленума от 23.12.2025 № 41 и № 42. Автором статьи предлагаются критерии, позволяющие отличить ситуации, требующие обязательного участия прокурора при рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве), от обычного частноправового спора. Особое значение имеет вопрос влияния экономических санкций на содержание публичного интереса, включая риски нарушения устойчивости социально значимых видов деятельности, вывода активов, недобросовестного использования процедур банкротства и нарушения установленных государством специальных экономических мер. Автором сформулирована юридическая конструкция определения публичного интереса как основания участия прокурора в деле о несостоятельности (банкротстве).*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, прокуратура, банкротство, несостоятельность, публичный интерес, публичный порядок, права предпринимателей, субъекты предпринимательской деятельности, экономические санкции, субсидиарная ответственность.*

NALGIEVA Radima Mikailovna,
Assistant Prosecutor of the Western Administrative District of Moscow, 3rd year graduate student of the Institute of Graduate Studies and Doctoral Studies, Department of "Organization of Judicial and Prosecutorial-Investigative Activities" of Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

PUBLIC INTEREST AS GROUNDS FOR PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES OF BUSINESS ENTITIES UNDER ECONOMIC SANCTIONS

Annotation. *The article examines the legal nature of the prosecutor's participation in insolvency (bankruptcy) cases of business entities by distinguishing between the private legal interests of bankruptcy participants and the public interests protected by law. It is justified that the*

existence of the debtor's insolvency, debt to creditors, property dispute or violation of the subjective right of an individual participant in the case does not in itself form a basis for the participation of the prosecutor. A legally significant reason is the presence of a violation of legislation affecting publicly significant relations or creating a threat of their significant violation. The correlation of categories of public interest and public order was considered, certain provisions of the law were analyzed, as well as the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation formulated in the decisions of the Plenum of 23.12.2025 No. 41 and No. 42. The author of the article proposes criteria to distinguish situations requiring the mandatory participation of the prosecutor in the consideration of insolvency (bankruptcy) from an ordinary private law dispute. Of particular importance is the issue of the impact of economic sanctions on the content of public interest, including the risks of disruption of the stability of socially significant activities, the withdrawal of assets, unfair use of bankruptcy procedures and violation of special economic measures established by the state. The author formulated the legal construction of the definition of public interest as the basis for the participation of the prosecutor in the insolvency (bankruptcy) case.

Key words: *prosecutorial supervision, prosecutor's office, bankruptcy, insolvency, public interest, public order, rights of entrepreneurs, business entities, economic sanctions, subsidiary liability.*

Институт несостоятельности (банкротства) объединяет частноправовые и публично-правовые начала, что обусловлено самой природой отношений, возникающих при неплатежеспособности должника. С одной стороны, процедура несостоятельности (банкротства) предназначена для защиты имущественных интересов кредиторов, должника и иных участников соответствующих правоотношений. С другой стороны, законодательство о банкротстве устанавливает императивный порядок осуществления процедуры, предусматривает специальные механизмы контроля за действиями ее участников и в отдельных случаях направлено на обеспечение интересов, выходящих за пределы индивидуального имущественного отношения.

Рассмотрение проблемы соотношения частных и публичных интересов в банкротстве с точки зрения сложившихся в научной литературе подходов представляет интерес для настоящего исследования, поскольку влияет на вопрос о возможности участия прокурора в данной категории дел.

Данная проблема приобретает также дополнительное значение в условиях экономических санкций, поскольку изменение условий внешнеэкономической деятельности, ограничение отдельных трансграничных операций и изменение режима распоряжения определенными активами способны воздействовать на имущественное положение хозяйствующих субъектов и структуру процедур несостоятельности. Однако, неблагоприятные экономические последствия санкционных ограничений сами по себе не свидетельствуют о наличии нарушения законодательства и не могут рассматриваться как самостоятельное основание участия прокурора.

Т.В. Борисенкова, исследуя соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании банкротства юридических лиц, рассматривает обеспечение их баланса в качестве одного из принципиальных направлений правового регулирования отношений в сфере несостоятельности (банкротства). По ее мнению, введение и реализация процедур банкротства затрагивают одновременно различные группы частных и публичных интересов, что обусловливает необходимость их соразмерного учета при применении законодательства о несостоятельности [1].

Н.В. Рубцова исходит из того, что баланс частноправовых и публично-правовых интересов – это одна из характеристик современного законодательства о несостоятельности [2].

С.Л. Сергеева рассматривает проявления частного и публичного начал непосредственно в судопроизводстве по делам о банкротстве [3].

Вместе с тем, наличие публично-правовых элементов в процедуре несостоятельности (банкротства) не означает, что каждое дело о банкротстве приобретает публично-правовой характер и требует участия прокурора. Иное понимание привело бы к необоснованному расширению сферы участия органов прокуратуры в хозяйственных спорах.

Процедуры банкротства направлены на урегулирование комплекса отношений, связанных с установлением состава и размера требований кредиторов, формированием конкурсной массы, распоряжением имуществом должника, восстановлением его платежеспособности либо соразмерным удовлетворением требований кредиторов, а также с привлечением к предусмотренной законом ответственности лиц, контролирующих должника. Реализация указанных процедур затрагивает не только частные интересы их участников, но в предусмотренных законом случаях может иметь значение для охраняемых государством и обществом публичных интересов. В част-

ности, с обеспечением стабильности гражданского оборота, исполнением публичных обязательств и защитой социально значимых отношений.

Показательным примером является законодательное регулирование несостоятельности стратегических предприятий и организаций. В отношении данной категории должников законодатель исходит из того, что последствия их финансовой несостоятельности могут затрагивать интересы, выходящие за пределы имущественной сферы самого должника и его кредиторов.

В соответствии со ст. 190 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» к стратегическим предприятиям и организациям относятся, в частности, организации, осуществляющие производство продукции, выполнение работ или оказание услуг, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, а также организации оборонно-промышленного комплекса, деятельность которых связана с выполнением государственного оборонного заказа. Для таких субъектов законодательством предусмотрены специальные правила предупреждения и проведения процедур банкротства.

Само установление специального правового режима несостоятельности стратегических предприятий свидетельствует о том, что законодатель учитывает не только имущественные последствия банкротства для должника и его кредиторов, но и возможное влияние процедуры на иные охраняемые законом общественные отношения. При этом важно понимать, что из особого статуса должника не следует автоматическая необходимость участия прокурора в каждом деле о его банкротстве. Вопрос о содержании публичного интереса непосредственно связан с определением оснований участия прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

В связи с этим, принципиальное значение приобретает вопрос о критериях, позволяющих определить, когда нарушение в рамках процедуры банкротства выходит за пределы индивидуального имущественного отношения и приобретает самостоятельное публично-правовое значение.

Т.А. Гусева и Ю.Н. Игнатова связывают категорию «публичный интерес» с интересами общества, признанными государством и урегулированными правом, одновременно разграничивая его с иными категориями – государственным, общественным интересами и интересом неопределенного круга лиц [4]. Такой подход имеет значение для определения процессуальных оснований участия прокурора, поскольку позволяет не сводить публичный интерес исключительно к имущественному интересу государства.

Применительно к отношениям несостоятельности публичный интерес следует отличать также от публичного порядка. Публичный порядок характеризует совокупность основополагающих требований и принципов правопорядка, соблюдение которых обеспечивается государством. Публичный интерес, напротив, выражает конкретно охраняемую законом социально значимую потребность либо общественное отношение, защита которого может обусловить применение публично-властных полномочий. Данные категории взаимосвязаны, но не являются тождественными.

Разграничение указанных понятийных категорий имеет существенное значение по следующим обоснованиям.

Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 исходит из того, что дела о банкротстве направлены, в том числе, на защиту публичного порядка, а использование процедур банкротства с противоправной целью либо с намерением причинить вред должнику, другим участникам дела или публичным интересам недопустимо [5]. Вместе с тем, в п. 39 указанного выше Постановления используется иная категория: при банкротстве должников, деятельность которых связана с обеспечением обороны и безопасности страны, строительством многоквартирных домов, предоставлением жилищно-коммунальных услуг либо реализацией иных публичных интересов, к участию в деле может быть привлечен прокурор в порядке ст. 52 АПК РФ [5]. Таким образом, Верховный Суд РФ разграничивает публичный порядок как характеристику правового режима и публичный интерес как основание, способное обусловить участие прокурора в конкретном деле.

Исходя из изложенного, автор полагает, что наличие публичного порядка в отношениях, складывающихся в сфере несостоятельности (банкротства), не может рассматриваться абсолютным основанием для участия прокурора.

Представляется, что публичный интерес в рассматриваемой сфере должен характеризоваться совокупностью юридически значимых признаков. Во-первых, соответствующий интерес должен иметь нормативное признание и охрану. Во-вторых, его реализация или защита должна выходить за пределы индивидуального имущественного отношения участников конкретного дела. В-третьих, нарушение либо реальная угроза нарушения такого интереса должны быть связаны с обстоятельствами процедуры несостоятельности. В-четвертых, соответствующее нарушение должно быть способно повлечь существенные последствия для охраняемого законом общественного отношения. При этом наличие неопределен-

ного либо значительного числа лиц, чьи права могут быть затронуты, само по себе недостаточно для квалификации интереса как публичного. Как справедливо отмечается в литературе, категории публичного интереса и интереса неопределенного круга лиц не являются тождественными [4].

Показательным в этом отношении является оспаривание необоснованного включения требования в реестр требований кредиторов. Такое нарушение непосредственно влияет на объем конкурсной массы и очередность удовлетворения требований и потому может затронуть не только заявителя и должника, но и других кредиторов. Однако, сам по себе данный факт не придает спору публично-правового характера: если установленные обстоятельства свидетельствуют лишь о нарушении имущественных прав участников конкретного дела, защита соответствующих прав осуществляется посредством предусмотренных законодательством о несостоятельности процессуальных механизмов.

Иная правовая оценка необходима, если включение требования в реестр является элементом противоправной схемы, направленной, например, на искусственное перераспределение конкурсной массы, создание преимущественного положения аффилированного кредитора либо сокрытие имущества должника и способно вследствие этого повлечь последствия, выходящие за пределы индивидуального имущественного интереса участников дела. В такой ситуации юридическое значение имеет уже не только нарушение порядка формирования реестра, но и его связь с иным охраняемым законом общественным отношением и характер возможных последствий.

Следовательно, сам по себе факт множественности лиц, чьи интересы могут быть затронуты процедурой банкротства, не является достаточным критерием публичного интереса. Необходима дополнительная оценка нормативной основы соответствующего интереса, характера охраняемого отношения и последствий его нарушения.

Для определения публичного интереса важное значение имеют случаи, когда деятельность должника связана с реализацией социально значимых функций. Законодательство о банкротстве предусматривает специальные правила в отношении стратегических предприятий и организаций, деятельность которых связана с обеспечением обороноспособности и безопасности государства, а также с производством продукции, выполнением работ и оказанием услуг, имеющих стратегическое значение. В таких ситуациях имущественное состояние должника не может оцениваться исключительно через отношения между должником и кредиторами. Специальный правовой режим обусловлен необходимостью сохранения определенного вида деятельности и предотвращения последствий, которые могут затронуть охраняемые законом общественные отношения.

Показательным является распоряжение имуществом стратегического предприятия. Само по себе оспаривание сделки, совершенной должником с нарушением требований законодательства о несостоятельности, направлено на восстановление имущественного положения должника и защиту интересов кредиторов. Однако при наличии специального правового режима имущества и установленной законом связи деятельности должника с обеспечением обороны и безопасности государства правовая оценка соответствующей сделки не может ограничиваться ее имущественными последствиями.

Если отчуждение производственного комплекса стратегического предприятия привело к уменьшению конкурсной массы, но не повлекло иных юридически значимых последствий, вопрос о признании сделки недействительной может оставаться в пределах частноправового механизма защиты участников дела. Если же установлено, что отчуждение имущества, необходимого для продолжения деятельности предприятия, нарушает установленный законом режим его использования и создает реальную угрозу прекращения либо существенного ограничения деятельности, имеющей стратегическое значение, предметом правовой оценки становится уже не только имущественное положение должника и кредиторов.

В этом случае затрагивается охраняемый законом порядок осуществления социально значимой деятельности, вследствие чего соответствующая ситуация приобретает самостоятельное публично-правовое значение. Таким образом, одна и та же по внешней форме операция – отчуждение имущества должника – может иметь различную правовую квалификацию в зависимости от характера затрагиваемого правоотношения и последствий нарушения.

Определяющими обстоятельствами выступают не сама категория сделки и не статус ее участников, а наличие специального правового режима, нарушение соответствующего нормативного требования и реальная возможность наступления существенных последствий для охраняемого законом публичного интереса. Такой подход согласуется с положениями, изложенными в п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41, непосредственно связывающим возможность привлечения прокурора к участию в деле с деятельностью должника, имеющей публичное значение [5].

Проблематика участия прокурора в делах о несостоятельности длительное время характеризовалась отсутствием единообразного подхода.

Так, А.А. Романов обращал внимание на дискуссионность вопроса о процессуальном статусе прокурора в банкротстве и соотношении соответствующих полномочий с положениями арбитражного процессуального законодательства [6]. Современное регулирование позволяет рассматривать данный вопрос более определенно. В соответствии со ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор вправе обратиться в суд или вступить в дело, если этого требует защита прав и законных интересов граждан, общества или государства [7]. Ст. 52 АПК РФ устанавливает специальные процессуальные случаи участия прокурора в арбитражном процессе, включая возможность обращения с иском о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением законодательства о специальных экономических мерах, а также вступления в дело при наличии обстоятельств, свидетельствующих о его связи с уклонением от исполнения соответствующих законодательных требований [8].

Особое значение для исследуемой проблематики имеет постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 № 42. Согласно п. 31(1), в целях защиты публичных интересов прокурор вправе обратиться с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, а также вступить в такой процесс на любой его стадии [9]. Данная правовая позиция позволяет разграничить два самостоятельных вопроса: наличие материально-правовых оснований субсидиарной ответственности и наличие публичного интереса, обусловливающего процессуальную активность прокурора. Сам факт причинения вреда имущественным интересам кредиторов еще не означает возникновения публичного интереса.

Показательной является ситуация, при которой контролирующее должника лицо совершает действия, повлекшие невозможность удовлетворения требований кредиторов, а процедура банкротства используется для сокрытия последствий такого поведения либо вывода активов. Само требование о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности направлено на восстановление имущественной сферы должника и обеспечение возможности удовлетворения требований кредиторов, поэтому наличие оснований субсидиарной ответственности еще не свидетельствует о возникновении публичного интереса.

Публично-правовое значение соответствующая ситуация приобретает при установлении дополнительных обстоятельств, свидетельствующих о нарушении охраняемых законом общественных отношений, использовании механизма несостоятельности для достижения противоправной цели либо причинении существенного вреда публично значимому интересу. Например, если действия контролирующего лица по выводу активов осуществлялись посредством сделок, направленных на обход установленных законом специальных экономических мер, правовая оценка таких действий не исчерпывается вопросом о восстановлении имущественных интересов кредиторов. Возникает самостоятельный вопрос об обеспечении законности и защите публично значимого интереса, что при наличии предусмотренных законом процессуальных условий может обусловить участие прокурора. Таким образом, предоставление прокурору процессуального полномочия не отменяет необходимости установления фактических и юридических обстоятельств, свидетельствующих о наличии публичного интереса. Напротив, процессуальная норма и материально-правовое содержание публичного интереса должны рассматриваться во взаимосвязи.

М.В. Маматов и И.А. Маслов связывают соответствующее направление прокурорской деятельности с необходимостью противодействия нарушениям, способным затрагивать более широкий круг охраняемых законом отношений, чем имущественные интересы отдельных кредиторов [10]. Следовательно, самостоятельное участие прокурора оправдано тогда, когда защита публичного интереса не исчерпывается реализацией частноправового способа защиты и требует использования предоставленного прокурору процессуального полномочия.

Экономические санкции изменяют фактическую структуру рисков, с которыми сталкиваются субъекты предпринимательской деятельности. Так, исследование Ю.К. Зайцева и А.Н. Лощенковой показывает наличие существенного воздействия санкционных ограничений на экономические показатели российских компаний [11]. Однако, экономическое ухудшение положения организации, снижение выручки либо нарушение хозяйственных связей вследствие внешних ограничений не являются сами по себе доказательством противоправности действий участников банкротства.

В целях определения правовой природы участия прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) также необходимо разграничивать объективные экономические последствия санкционных ограничений и действия, направленные на нарушение либо обход императивных требований российского законодательства.

Показательна ситуация, когда в рамках процедуры банкротства совершается сделка с активом должника, а ее юридическим результатом становится обход установленных законодательством специальных экономических мер. В отличие от обычной сделки, оспариваемой ис-

ключительно по основаниям законодательства о несостоятельности, в данном случае подлежит оценке также соблюдение императивных требований специального законодательства. Например, если отчуждение принадлежащего должнику имущества осуществляется таким образом, чтобы фактически вывести актив из-под действия установленных ограничений либо обеспечить его передачу лицу, в отношении которого действуют соответствующие запреты, юридическое значение имеет не только имущественный результат сделки. Подлежит установлению соответствие совершенных действий законодательству о специальных экономических мерах, а также наличие предусмотренного законом основания для реализации прокурором соответствующего процессуального полномочия. При этом сам факт наличия иностранного контрагента либо экономической связи с иностранным государством не свидетельствует о нарушении законодательства и требует самостоятельной правовой оценки конкретной сделки, ее условий, субъектного состава и последствий.

Актуальность такого подхода подтверждается тематическим обзором Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026, утвержденным постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17.06.2026 № 11А/2026. В обзоре сформулированы правовые позиции по применению арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, в том числе относительно сделок, совершенных без предусмотренного законодательством согласования, а также действий, направленных на обход установленных ограничений [12].

Соответственно, экономические санкции изменяют круг фактических обстоятельств, подлежащих исследованию при рассмотрении отдельных споров в сфере банкротства, но не создают самостоятельной презумпции противоправности действий участников процедуры. Юридическое значение приобретают конкретные обстоятельства, свидетельствующие о нарушении императивных требований законодательства либо об использовании процедуры банкротства для уклонения от их исполнения.

Данный вывод имеет значение и для определения публичного интереса. Последний не должен отождествляться с необходимостью защиты экономических интересов государства в широком смысле. Если неблагоприятные последствия санкционных ограничений являются результатом объективного изменения условий предпринимательской деятельности и отсутствуют признаки нарушения законодательства, основание для участия прокурора само по себе не возникает. Иная ситуация складывается при установлении конкретных действий, направленных на обход специальных экономических мер, незаконное перераспределение активов, искусственное формирование задолженности либо использование процедуры банкротства для достижения запрещенной законом цели. Таким образом, экономические санкции следует рассматривать как фактор, изменяющий содержание правовых рисков в предпринимательской деятельности и структуру обстоятельств, подлежащих прокурорской оценке, но не как самостоятельный юридический критерий публичного интереса.

Проведенный анализ позволяет предложить критерии, посредством которых может определяться наличие публичного интереса в конкретном деле о несостоятельности (банкротстве).

Первым критерием является нормативная признанность интереса. Публичное значение соответствующего интереса должно следовать из закона либо из установленного законом правового режима охраняемого отношения. Ссылка исключительно на экономическую или социальную значимость деятельности должника недостаточна.

Вторым критерием выступает выход интереса за пределы индивидуального имущественного отношения. Публичный интерес не сводится к защите требования отдельного кредитора, должника или иного участника дела.

Третий критерий – наличие охраняемого законом общественного отношения, на которое направлено соответствующее правовое регулирование. Именно этот критерий позволяет отделить публичный интерес от любого экономического интереса государства либо группы частных лиц.

Четвертым критерием является нарушение либо реальная угроза нарушения соответствующего интереса. Само наличие специального правового режима или социально значимого статуса должника не означает, что публичный интерес уже нарушен.

Пятый критерий заключается в связи нарушения с обстоятельствами процедуры несостоятельности. Участие прокурора должно быть обусловлено конкретными действиями или бездействием, совершенными в рамках процедуры либо непосредственно связанными с ней.

Шестой критерий – существенность возможных последствий. Нарушение должно быть способно повлечь последствия, выходящие за пределы обычного имущественного риска участника предпринимательского оборота.

Наконец, седьмым критерием является наличие предусмотренного законом процессуального полномочия прокурора. Даже наличие публично значимого интереса не устраняет требования о соблюдении установленной законом формы

прокурорского участия.

На основании изложенного публичный интерес как основание участия прокурора в деле о несостоятельности (банкротстве) следует определить следующим образом: публичный интерес как основание участия прокурора в деле о несостоятельности (банкротстве) представляет собой нормативно признанный и охраняемый законом интерес общества, государства либо неопределенного круга лиц, реализация или защита которого выходит за пределы индивидуального имущественного отношения участников дела, а нарушение либо реальная угроза нарушения соответствующего интереса связаны с обстоятельствами процедуры несостоятельности и способны повлечь существенные последствия для охраняемых законом общественных отношений.

Предлагаемая юридическая конструкция позволяет разграничить две группы ситуаций. К первой относятся случаи, в которых нарушение законодательства приводит преимущественно к нарушению имущественных прав конкретного участника дела и может быть устранено посредством предусмотренных законодательством о банкротстве способов защиты. Ко второй относятся случаи, в которых нарушение одновременно затрагивает нормативно охраняемое общественное отношение, имеет последствия, выходящие за пределы индивидуального имущественного спора, и обусловливает применение публично-властного процессуального полномочия прокурора. Такое разграничение позволяет избежать двух крайностей. С одной стороны, недопустимо сводить публичный интерес к любому нарушению, затрагивающему нескольких участников процедуры банкротства. С другой стороны, необоснованно исключать участие прокурора в ситуациях, когда формально имущественный спор является частью более сложного нарушения, затрагивающего установленный законом режим социально значимой деятельности либо специальных экономических мер.

Участие прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) должно рассматриваться как форма реализации публично-властного полномочия, обусловленная не самим фактом существования отношений, а наличием предусмотренного законом основания и публично значимого интереса.

Проведенное исследование позволяет автору сделать вывод, что публичный интерес не тождествен интересу неопределенного круга лиц, государственному имущественному интересу, публичному порядку либо экономической значимости должника. Для его установления необходима совокупная оценка нормативной основы соответствующего интереса, характера охраняемого общественного отношения, факта нарушения либо реальной угрозы его нарушения, связи нарушения с процедурой несостоятельности и существенности возможных последствий.

Пример с необоснованным включением требования в реестр показывает, что множественность лиц, чьи интересы затрагиваются нарушением, сама по себе не превращает частноправовой спор в публичный. Пример со стратегическим предприятием демонстрирует обратную ситуацию: при нарушении специального правового режима имущества и создании угрозы деятельности, имеющей публичное значение, имущественный спор может приобрести самостоятельное публично-правовое содержание. Возможность участия прокурора в спорах о субсидиарной ответственности, закрепленная п. 31(1) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 42, подтверждает необходимость разграничения материальных оснований ответственности и самостоятельного публичного основания процессуальной активности прокурора [9].

Наконец, наличие экономических санкций не заменяет установления нарушения закона: юридическое значение приобретают конкретные действия, направленные на обход или нарушение специальных экономических мер.

В связи с этим, основанием участия прокурора в деле о несостоятельности (банкротстве) следует признавать не сам факт наличия отношений в сфере несостоятельности (банкротства), экономической значимости должника или неблагоприятных последствий санкционных ограничений, а установленную в конкретном деле совокупность юридически значимых обстоятельств, свидетельствующих о нарушении либо реальной угрозе нарушения нормативно признанного публичного интереса, связанного с процедурой несостоятельности, при наличии предусмотренного законом процессуального полномочия прокурора. Предлагаемый подход позволяет обеспечить необходимое разграничение частноправовых и публично-правовых начал в банкротстве и одновременно определить пределы участия прокуратуры в защите прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности в условиях изменяющегося правового регулирования сферы экономики.

Список литературы:

[1] Борисенкова Т.В. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании банкротства юридических лиц: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.

[2] Рубцова Н.В. Обеспечение баланса частноправовых и публично-правовых интересов в процессе несостоятельности (банкротства) // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 75-83.

[3] Сергеева С.Л. Особенности судопроизводства по делам о банкротстве: проявления частного и публичного // Цивилист. 2026. № 2. С. 109-118.

[4] Гусева Т.А., Игнатова Ю.Н. Роль прокурора в защите публичных интересов // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С. 56-61.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника».

[6] Романов А.А. Участие прокурора в делах о несостоятельности (банкротстве) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 109-118.

[7] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации».

[8] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

[10] Маматов М.В., Маслов И.А. Генезис процессуальных полномочий прокурора в сфере противодействия фиктивным и преднамеренным банкротствам // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 84-93.

[11] Зайцев Ю.К., Лощенкова А.Н. Влияние санкций на выручку российских компаний // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2 (63). С. 57-74.

[12] Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026 «О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации», утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17.06.2026 № 11А/2026. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

References:

[1] Borisenkova T.V. The ratio of private and public interests in the legal regulation of bankruptcy of legal entities: ref. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2008. 26 pp.

[2] Rubtsova N.V. Ensuring the balance of private and public legal interests in the process of insolvency (bankruptcy) // Economy and law. 2022. № 2. S. 75-83.

[3] Sergeeva S.L. Features of bankruptcy proceedings: manifestations of private and public // Civilist. 2026. № 2. S. 109-118.

[4] Guseva T.A., Ignatova Yu.N. The role of the prosecutor in protecting public interests // Legislation and economics. 2013. № 6. S. 56-61.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2025 No. 41 "On the establishment in bankruptcy procedures of the claims of the debtor's controlling persons and affiliates of the debtor.".

[6] Romanov A.A. Participation of the prosecutor in insolvency (bankruptcy) cases // Journal of Russian Law. 2022. T. 26. № 11. S. 109-118.

[7] Federal Law No. 17.01.1992 of 2202-I "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation.".

[8] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 24.07.2002 dated 95-FZ.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2025 No. 42 "On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 "On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Justice in Bankruptcy.".

[10] Mamatov M.V., Maslov I.A. Genesis of the procedural powers of the prosecutor in the field of countering fictitious and deliberate bankruptcies // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2025. № 2 (106). S. 84-93.

[11] Zaitsev Yu.K., Loschenkova A.N. The impact of sanctions on the revenue of Russian companies // Journal of the New Economic Association. 2024. № 2 (63). S. 57-74.

[12] Thematic review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8/2026 "On the application by arbitration courts of legislation on special economic measures provided for in order to protect the national interests of the Russian Federation," approved by Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.06.2026 No. 11A/2026. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy).".

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-217-224
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

РЕЙЦ Анна Николаевна,
Юго-Западный Государственный университет,
Курск, Россия,
e-mail: reitsanna@yandex.ru

ШАХОВ Даниил Юрьевич,
Юго-Западный Государственный университет,
Курск, Россия,
e-mail: danilshahov2@yandex.ru

ТАРАСОВ Юрий Александрович,
Кандидат исторических наук, доцент, Юго-Западный
Государственный университет, Курск, Россия,
e-mail: tarasovkursk@rambler.ru

КВАЗИСУБЪЕКТНОСТЬ АДВОКАТСКОГО КАБИНЕТА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТА И РИСКИ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается правовой феномен квазисубъектности адвокатского кабинета, который, не являясь юридическим лицом, фактически участвует в гражданском обороте. Осуществляется детальный анализ проблем имущественной обособленности адвокатского кабинета и их влияния на гражданско-правовую ответственность адвоката. Особое внимание уделяется рассмотрению рисков, возникающих в конкурсном производстве при возбуждении в отношении адвоката процедуры банкротства, в том числе рассматриваются коллизии между этапами конкурсного производства и адвокатской тайной. На основе анализа доктрины, нормативной базы и судебной практики автор приходит к выводу о наличии системного разрыва, возникшего по причине отсутствия у адвокатского кабинета статуса юридического лица. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства: введение обязательной инвентаризации имущества адвокатского кабинета, внесение уточнений в статью 21 Закона об адвокатуре, корректировка статьи 20.3 Закона о банкротстве, разработка механизмов защиты адвокатской тайны и введение обязательного страхования профессиональной ответственности.*

Ключевые слова: *адвокатский кабинет, квазисубъектность, гражданско-правовая ответственность, банкротство, конкурсное производство, адвокатская тайна, имущественная обособленность, оспаривание соглашений, страхование профессиональной ответственности.*

REITZ Anna Nikolaevna,
Southwestern State University, Kursk, Russia

SHAKHOV Daniil Yuryevich,
Southwestern State University, Kursk, Russia

TARASOV Yuri Alexandrovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Southwestern State University, Kursk, Russia

THE QUASI-SUBJECTIVITY OF THE ADVOCATE'S CABINET: CIVIL-LAW LIABILITY OF THE ADVOCATE AND RISKS OF INSOLVENCY PROCEEDINGS

Annotation. *The article examines the legal phenomenon of the "quasi-legal personality" of an attorney's office—an entity that, despite not being a legal person, actively participates in civil*

commerce. It provides a detailed analysis of issues regarding the segregation of the attorney's office's assets and the impact of this status on the attorney's civil liability. Particular attention is paid to risks arising during insolvency proceedings initiated against an attorney, including conflicts between the stages of such proceedings and the requirement of attorney-client privilege. Based on an analysis of legal doctrine, the regulatory framework, and judicial practice, the author concludes that a systemic gap exists due to the attorney's office lacking the status of a legal entity. The author proposes legislative improvements, including the introduction of mandatory inventory-taking for the attorney's office's assets, amendments to Article 21 of the Law on the Bar, adjustments to Article 20.3 of the Law on Insolvency, the development of mechanisms to protect attorney-client privilege, and the introduction of mandatory professional liability insurance.

Key words: *advocate's office, quasi-subjectivity, civil liability, bankruptcy, bankruptcy proceedings, advocate's privilege, property separation, challenging agreements, professional liability insurance.*

Адвокатский кабинет обладает специфическим положением среди организационных форм адвокатских образований, перечисленных в ст. 20 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре). В соответствии с п.3. ст. 21 указанного Закона адвокатский кабинет не является юридическим лицом [1]. Однако такая нормативная конструкция вызывает множество теоретических и практических вопросов, которые до сих пор не разрешены ни в доктрине, ни в практике правоприменения. Адвокатский кабинет, оставаясь наиболее популярной в России формой адвокатского образования, все еще является наименее урегулированной в вопросах имущественных отношений, что порождает весомые риски как для самих адвокатом, так и для их доверителей. На противоречивость такой ситуации обращали внимание уже на начальном этапе создания законодательства об адвокатуре: В.С. Ем и Н.В. Козлова отмечали, что адвокат, создавший кабинет, фактически приравнивается к гражданину, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, что создает конструкцию, при которой субъект, не являющийся юридическим лицом, фактически участвует в гражданском обороте [2]. Но, несмотря на логичность такого вывода, системный разрыв заключается в том, что законодатель прямо установил – адвокатская деятельность не является и не может являться предпринимательской. Указанное противоречие и образует содержание квазисубъектности адвокатского кабинета – положения, при котором образование воспринимается иными субъектами как самостоятельный участник гражданского оборота, не имеющий при этом формально-юридических оснований.

Проблема особенно значима в двух связанных между собой аспектах. Первый – имущественная обособленность: законодательство не устанавливает такого механизма, при котором личное имущество адвоката обособлено от имущества профессионального, что порождает неопределенность в вопросе распределения гражданско-правовой ответственности. Второй – конкурсное производство: при возбуждении процедуры банкротства в отношении адвоката кредиторы не имеют возможности точно идентифицировать надлежащего должника, а профессиональное имущество в таком случае рискует быть включенным в конкурсную массу. Судебная практика по данным вопросам несистемна и неоднозначна, а доктринальные подходы не сформировались окончательно и имеют ряд противоречий. Реформа адвокатуры 2024 года водит дополнительные административные требования, но не избавляет от главной проблемы – имущественной обособленности кабинета. Настоящее исследование рассматривает квазисубъектность адвокатского кабинета как составную правовую проблему, которая особенно обостряется в конкурсных процедурах. Исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом: если кабинет не является юридическим лицом, но действует в обороте, на кого возлагается имущественная ответственность и как она преобразуется при банкротстве адвоката? Ответ на этот вопрос требует последовательного анализа доктринальных подходов, нормативной базы и судебной практики.

Категория «квазисубъект» не является традиционной для отечественной цивилистики, однако в последнее время она активно разрабатывается в теории правоотношений. Под квазисубъектом понимается лицо, не обладающее всеми признаками субъекта права, но фактически участвующее в правовых отношениях с иными участниками. При этом стоит уточнить, что адвокатский кабинет не является юридическим лицом, не обладает статусом индивидуального предпринимателя в полном его смысле. Но несмотря на это законодатель наделяет кабинет отдельными атрибутами для возможности участия в гражданском обороте. Анализ статьи 21 Закона об адвокатуре позволяет выделить несколько элементов квази-

субъектности. Во-первых, учредивший кабинет адвокат может открывать счета в банках в соответствии с законодательством [1]. Во-вторых, он должен иметь штампы, печати и бланки, на которых отражен адрес и наименование адвокатского кабинета, содержать указание на субъект Российской Федерации в котором учрежден соответствующий кабинет [1]. В третьих, поскольку в качестве места осуществления адвокатской деятельности указывается кабинет, то контрагенты обосновано идентифицируют его как самостоятельное образование. Все эти атрибуты формируют видимость того, что у кабинета наличествует собственная правосубъектность.

Судебная практика подтверждает, что отражение в ЕГРЮЛ и ЕГРИП сведений об адвокатском кабинете просто невозможно в связи с тем, что данное образование не подлежит государственной регистрации ни в качестве юридического лица, ни в качестве индивидуального предпринимателя. Спрашивается, почему в таком случае кабинет, обладая персонализирующими элементами, позволяющими отличить одно образование от другого такого же по форме, не может быть отражен в качестве самостоятельного субъекта в соответствующем реестре. Ведь, реализуя адвокатскую деятельность, адвокат может сослаться на кабинет как на место осуществления такой деятельности, поскольку такое право презюмируется ему законодателем. Сложившаяся судебная практика подтверждает, что отражение сведений об адвокатском кабинете в ЕГРЮЛ и ЕГРИП невозможно [3]. Вместе с тем, как следует из Определение Тринадцатого арбитражного апелляционного суда, соглашение об оказании юридической помощи может быть заключено с указанием наименования адвокатского кабинета, что создает видимость наличия у него самостоятельной правосубъектности [3]. Такое противоречие между формальной невозможностью самостоятельного существования как отдельного субъекта права и фактическим участием этого субъекта в договорных отношениях если не самостоятельно, то с крепкой привязкой к личности адвоката, составляет ядро рассматриваемой проблемы. Контрагент, заключая соглашение с «адвокатским кабинетом», добросовестно полагает, что вступает в правоотношения именно с данным поименованным субъектом, который в свою очередь, вероятно, обладает неким имуществом и правоспособностью. В действительности же исполнителем по договору является физическое лицо – адвокат, который в случае наложения на него ответственности будет отвечать всем своим имуществом. Такое расхождение между «видимым» и «реальным» создает почву для злоупотреблений и затрудняет защиту прав как доверителей, так и кредиторов.

Доктринальная оценка квазисубъектности адвокатского кабинета неоднозначна. В.С. Ем и Н.В. Козлова указывали на «слабую теоретическую проработку, низкий уровень законодательной техники и беспомощность большинства формулировок Закона об адвокатуре», отмечая, что далеко не все адвокаты и их клиенты уяснили особенности правового статуса новых адвокатских образований [2]. Спустя два десятилетия после принятия закона эта оценка сохраняет актуальность: законодатель так и не определил, является ли адвокатский кабинет имущественным комплексом, подлежащим обособлению, или весь имущественный риск ложится лично на адвоката. Специфика квазисубъектности кабинета проявляется ткже в налоговых отношениях. Согласно абзацу 4 подпункта 2 пункта 1 статьи 11 Налогового кодекса РФ, адвокаты, учредившие адвокатский кабинет, приравниваются к индивидуальным предпринимателям «только для целей настоящего Кодекса». Эта формулировка подчеркивает условность предпринимательского статуса адвоката: он не приобретает статус ИП в гражданско-правовом смысле, но для налоговых целей рассматривается как таковой. Возникает разрыв между налоговой ми гражданско-правовой квалификацией одного и того же субъекта, что дополнительно усложняет определение его ответственности. Представляется, что подобный разрыв не является случайным: законодатель сознательно избегает придания адвокату статуса предпринимателя, чтобы не подрывать публично-правовую природу адвокатской деятельности. Однако непоследовательность такого подхода порождает новые проблемы, которые проявляются именно в среде имущественных отношений.

Отсутствие статуса юридического лица означает, что адвокатский кабинет не обладает обособленным имуществом. Все имущество, используемое для профессиональной деятельности – офисная техника, библиотека, оборудование – юридически принадлежит адвокату как физическому лицу. Закон об адвокатуре не содержит норм, которые позволяли бы провести границу между личным имуществом и имуществом, предназначенным для профессиональной деятельности. Вопрос о том, подлежит ли такое имущество включению в конкурсную массу при банкротстве адвоката, остается открытым. Эта проблема имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. При наложении ареста на счета, открытые адвокатом для профессиональной деятельности, как того требует законодатель, возникает вопрос: являются ли эти счета личными счетами адвоката или они «принадлежат кабинету»? Судебная практика не дает однозначного ответа. В одном из дел конкурсный управляющий пытал-

ся истребовать у адвоката документы, подтверждающие факт оказания юридической помощи, что также вызвало коллизию между принципом прозрачности конкурсной массы и гарантией адвокатской тайны [4]. Данный прецедент заставляет задуматься о том, чем является оплата за оказание адвокатом квалифицированной помощи: доходом от предпринимательской деятельности она являться не может, поскольку законодательно такое образование из числа «предпринимателей» исключено, но как мы можем отнести такие денежные средства к личному имуществу, если все-таки сделка заключалась от имени «кабинета». Показательно, такие коллизии возникают с завидной регулярностью, а единый подход к их разрешению до сих пор не выработан.

Доктрина предлагает различные подходы к решению проблемы имущественной обособленности. Один из них – введение обязательной инвентаризации имущества кабинета, что позволило бы зафиксировать его состав и стоимость на момент учреждения. Однако, этот подход не решает главной проблемы: даже при наличии инвентаризационной описи имущество остается собственностью адвоката и может быть включено в конкурсную массу. Другой подход – признание адвокатского кабинета особым субъектом права с ограниченной правосубъектностью, что потребовало бы внесения существенных изменений в Закон об адвокатуре и Гражданский кодекс РФ. А.П. Загонников, исследуя страхование профессиональной ответственности адвокатов, отмечает, что отсутствие четкого механизма имущественной обособленности делает позицию адвоката-кабинетчика особенно уязвимой при наступлении ответственности [5]. Страхование риска профессиональной имущественной ответственности, предусмотренное статьей 19 Закона об адвокатуре, является факультативным и не создает гарантий для кредиторов. Более того, страховое возмещение покрывает лишь нарушения условий соглашения об оказании юридической помощи, но не иные обязательства, связанные с деятельностью кабинета. Так, даже добросовестный адвокат, который заключил договора страхования, не может обнадежить себя в том, что его личное имущество защищено от взысканий, возникшим в связи с профессиональной деятельностью.

Вопрос о гражданско-правовой ответственности адвоката, осуществляющего профессиональную деятельность в кабинете, является производным от проблемы имущественной обособленности. Поскольку кабинет не является юридическим лицом, он самостоятельно не может нести ответственность по своим обязательствам. Отсюда следует вывод, что ответственность в таком случае возлагается на учредившего кабинет адвоката и «под прицел» попадает его личное имущество. Это означает, что кредиторы адвоката могут обращать взыскание на любое имущество, в том числе и на профессиональное, что создает угрозу для реализации дальнейшей адвокатской деятельности. Сложившаяся судебная практика даны вывод подтверждает: Арбитражный суд Московского округа указал, что адвокат, действующий в пределах профессиональной деятельности, несет личную ответственность за ее результаты [6].

Особого внимания заслуживает вопрос о субсидиарной ответственности адвоката при банкротстве его доверителя. В последние годы сформировалась устойчивая тенденция, согласно которой адвокатов привлекали в качестве субсидиарных должников в процедурах банкротства их доверителей. Конкурсные управляющие аргументируют это тем, что адвокат, оказывая лицу, находящемуся в преддверии банкротства, юридическую помощь, таким образом, причиняют вред кредиторам, поскольку способствуют уменьшению конкурсной массы должника. Верховный Суд РФ дал разъяснения в Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 год, согласно которым операции по перечислению адвокату денежных средств в счет оплаты юридических услуг, оказанных работнику, не могут быть оспорены по мотиву причинения вреда кредиторам, если помощь была реально оказана [7]. Тем не менее, как справедливо отмечается в Обзоре судебной практики ФПА РФ, арбитражные управляющие и конкурсные кредиторы приводят доводы о причинении вреда соглашениями об оказании юридической помощи, нереальности (мнимости) оказанной помощи, заинтересованности адвокатов по отношению к доверителям, отклонении размера вознаграждения от «среднерыночного уровня» [8]. Все эти доводы являются «надправовыми», подрывающими саму суть профессиональной деятельности адвокатов, ведь отсутствие у лица специальных юридических познаний само по себе определяет надобность в адвокатских услугах в целях достижения справедливого результата при банкротстве. А аргументация позиции указанием на заинтересованность адвоката само по себе оспаривает сущность значения слова «помощь», поскольку в этом вопросе затрагиваются уже не столько правовые, сколько философские и моральные категории. Эти доводы нередко приводят к лишению адвоката заслуженного вознаграждения, что обратным «эффектом» причиняет ущерб ему самому.

Проблема усугубляется отсутствием чётких критериев разграничения добросовестного оказания юридической помощи и соучастия в неправомерном уменьшении конкурсной массы. Как отмечает А.П. Згонников, страхование профессио-

нальной ответственности могло бы стать компенсаторным механизмом, однако на практике оно не обеспечивает достаточной защиты [5]. Более того, отсутствие обязательного страхования для всех адвокатов создаёт неравенство между адвокатами, работающими в коллегиях и бюро, и адвокатами-кабинетчиками, которые несут личный имущественный риск. Представляется, что подобное неравенство противоречит принципу равенства адвокатов, закреплённому в Законе об адвокатуре, и требует законодательного разрешения.

Банкротство адвоката, учредившего кабинет, обнажает все противоречия квазисубъектности. Формально банкротство может быть возбуждено только в отношении самого адвоката как гражданина, поскольку кабинет не является юридическим лицом. Однако кредиторы, заключившие соглашения с «адвокатским кабинетом» как обозначением места деятельности, могут столкнуться с проблемой определения надлежащего должника. Проблема идентификации кредиторов является одной из ключевых при банкротстве адвоката. Состав конкурсной массы определяется ст. 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве): всё имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу [9]. Применительно к адвокату это означает, что в конкурсную массу может быть включено имущество, используемое для профессиональной деятельности: офисная техника, мебель, библиотека, транспортные средства. Это создаёт риск того, что адвокат, признанный банкротом, лишится не только личного имущества, но и инструментов, необходимых для продолжения профессиональной деятельности. Возникает парадоксальная ситуация: процедура банкротства, призванная обеспечить баланс интересов должника и кредиторов, фактически лишает должника возможности восстановить свою платёжеспособность за счёт профессиональной деятельности.

Особую остроту приобретает коллизия между конкурсным производством и адвокатской тайной. Согласно ст. 8 Закона об адвокатуре, адвокатская тайна включает любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю [1]. Эти сведения не подлежат разглашению ни при каких обстоятельствах, включая процедуру банкротства. Однако статья 20.3 Закона о банкротстве предоставляет арбитражному управляющему право запрашивать необходимые сведения о должнике, включая те, что составляют служебную, коммерческую и банковскую тайну [9]. Возникает вопрос: распространяется ли это право на адвокатскую тайну? Как отмечается в доктрине, неупоминание адвокатской тайны в Законе о банкротстве свидетельствует об обязанности ее соблюдать, а не о лакуне в праве [10]. Перечень видов информации с ограниченным доступом, указанный в Законе о банкротстве, является закрытым, и его расширительное толкование недопустимо. Тем не менее судебная практика демонстрирует случаи, когда арбитражные суды удовлетворяли ходатайства конкурсных управляющих об истребовании сведений, составляющих адвокатскую тайну, применяя аналогию закона. Это противоречит принципу lex specialis derogat generali: специальный закон (Закон об адвокатуре) имеет приоритет над общим (Законом о банкротстве) в части регулирования адвокатской тайны. Комиссия ФПА РФ по этике и стандартам в Разъяснении от 30 ноября 2023 года указала, что специальный правовой режим охраны адвокатской тайны сохраняется в ходе процедуры банкротства и истребование от адвоката сведений, связанных с оказанием юридической помощи, не допускается [8]. Однако это разъяснение не имеет обязательной силы для арбитражных судов и не решает проблемы на системном уровне.

Одним из наиболее острых проявлений квазисубъектности адвокатского кабинета является проблема оспаривания соглашений об оказании юридической помощи в процедуре банкротства доверителя. Как отмечается в Обзоре судебной практики ФПА РФ, с 2020 года наблюдается возрастающая тенденция оспаривания соглашений доверителей с адвокатами и вознаграждений, полученных по таким соглашениям [8]. Арбитражные управляющие и конкурсные кредиторы приводят доводы о причинении вреда имущественным правам кредиторов, нереальности (мнимости) оказанной помощи, заинтересованности адвокатов по отношению к доверителям, отклонении размера вознаграждения от «среднерыночного уровня» [8]. Анализ сложившейся судебной практики позволяет выделить наиболее уязвимые с точки зрения защищённости прав адвоката на вознаграждение условия соглашений. Особое внимание уделяется позиции судов в оценке осведомлённости адвоката о финансовой несостоятельности доверителя и предполагаемом в будущем инициировании процедуры его банкротства. В результате адвоката лишают полученного вознаграждения, а в некоторых случаях даже привлекают к уголовной ответственности. Подобные неурегулированные коллизии наносят непоправимый ущерб правозащитному механизму в современной России, подрывает репутацию и эффективность адвокатуры и снижает обоснованную мотивацию субъектов права к получению квалифицированной адвокатской помощи.

В качестве инструмента изменения сложившейся практики предлагается введение дополнительного этапа, предшествующего заключению соглашения, выражающегося в анализе рисков совершения следки и позволяющего обезопасить адвоката в лучшем случае от финансовых потерь, а в худшем – от привлечения его к ответственности за неправомерное уменьшение конкурсной массы. Этот подход представляется обоснованным, однако он не решает проблемы на системном уровне: адвокат, действующий добросовестно, не может нести риск, связанный с неплатёжеспособностью доверителя, если он не знал и не должен был знать о ней. Судебная практика по этому вопросу неоднородна. В одном из дел Арбитражный суд Московского округа отменил решения нижестоящих судов, удовлетворивших требования конкурсного управляющего о признании недействительными соглашений об оказании юридической помощи, указав, что нижестоящие суды необоснованно исходили из презумпции вины адвоката ввиду факта оказания им юридической помощи фирме, находящейся в процедуре наблюдения [6]. Суд подчеркнул, что ни первая инстанция, ни апелляционный суд не смогли дать правового обоснования солидарного взыскания денежных средств с коллегии адвокатов, при этом ими полностью были проигнорированы положения ст. 22 Закона об адвокатуре [6]. Тем не менее в других делах суды занимают противоположную позицию. Конкурсные управляющие активно используют механизмы оспаривания сделок, предусмотренные гл. III.1 Закона о банкротстве, включая ст. 61.2 (подозрительные сделки) и ст. 61.3 (сделки с предпочтением) [9]. При этом бремя доказывания реальности оказания юридической помощи возлагается на адвоката, что создаёт дополнительные сложности, поскольку адвокатская тайна ограничивает возможность раскрытия деталей оказанной помощи. Таким образом, адвокат оказывается в двойственном положении: с одной стороны, он обязан сохранять тайну, с другой — вынужден доказывать реальность оказанной помощи, что невозможно без раскрытия хотя бы части сведений.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства, направленных на преодоление негативных последствий квазисубъектности адвокатского кабинета. Первое: введение обязательной инвентаризации имущества адвокатского кабинета. Это позволило бы зафиксировать состав и стоимость имущества, используемого для осуществления профессиональной деятельности, на момент учреждения кабинета. Однако, как отмечалось выше, этот механизм не решает проблемы включения такого имущества в конкурсную массу. Поэтому предлагается дополнить статью 131 Закона о банкротстве нормой, исключающей из конкурсной массы имущество, необходимое адвокату для осуществления профессиональной деятельности ,в пределах, определяемых судом. Второе: уточнение статьи 21 Закона об адвокатуре в части имущественной ответственности адвоката. Предлагается дополнить статью нормой, устанавливающей, что адвокат, учредивший кабинет, несет ответственность по обязательствам, связанным с осуществлением адвокатской деятельности, в пределах имущества, используемого для такой деятельности, а в случае его недостаточности – всем своим имуществом. Это позволило бы создать хотя бы минимальную защиту личного имущества адвоката от взыскания по обязательствам, связанным с профессиональной деятельностью. Третье: корректировка статьи 20.3 Закона о банкротстве в части защиты адвокатской тайны. Предлагается дополнить перечень сведений, которые арбитражный управляющий не вправе запрашивать, сведениями, составляющими адвокатскую тайну. Это соответствовало бы принципу lex specialis derogat generali и обеспечило бы соблюдение конституционной гарантии права на квалифицированную юридическую помощь. Четвёртое: разработка механизма защиты адвокатской тайны при конкурсных процедурах. Предлагается создать специальный процессуальный механизм, позволяющий адвокату передавать сведения, необходимые для рассмотрения спора, в закрытом режиме, без раскрытия их конкурсному управляющему и кредиторам. Пятое: введение обязательного страхования риска профессиональной имущественной ответственности адвокатов. Данное новшество обеспечило бы компенсацию вреда, причиненного доверителям, без обращения взыскания на личное имущество адвоката. Примером применения такого института является страхование ответственности арбитражного управляющего. Как отмечает А.П. Згонников, страхование профессиональной ответственности является эффективным механизмом защиты как адвоката, так и его доверителей [10]. Представляется, что реализация указанных мер в совокупности позволила бы если не устранить, то существенно смягчить негативные последствия квазисубъектности адвокатского кабинета.

Таким образом, квазисубъектность адвокатского кабинета представляет собой не техническую недоработку законодателя, а системный разрыв, порождающий неопределенность в вопросах имущественной ответственности и создающий значительные риски в конкурсных процедурах. Отсутствие статуса юридического лица не мешает кабинету фактически участвовать в

гражданском обороте, что приводит к противоречию между формальным отсутствием правосубъектности и фактическим участием в договорных отношениях. Это противоречие проявляется в невозможности провести границу между личным имуществом адвоката и имуществом, используемым для профессиональной деятельности, что делает адвоката уязвимым как перед кредиторами, так и перед конкурсными управляющими. Проведённый анализ показывает, что решение проблемы требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательства об адвокатуре, так и корректировку Закона о банкротстве. Предложенные меры — обязательная инвентаризация имущества кабинета, уточнение статьи 21 Закона об адвокатуре, корректировка статьи 20.3 Закона о банкротстве, разработка механизма защиты адвокатской тайны и введение обязательного страхования – направлены на создание правовых гарантий, обеспечивающих баланс интересов адвоката, его доверителей и кредиторов. Представляется, что дальнейшее развитие законодательства об адвокатуре должно идти по пути признания адвокатского кабинета особым субъектом права с ограниченной правосубъектностью, что позволило бы обеспечить имущественную обособленность кабинета и создать эффективные механизмы защиты как профессиональных, так и личных интересов адвоката. Без такого признания квазисубъектность кабинета будет и далее порождать правовую неопределённость, снижая привлекательность индивидуальной адвокатской практики и подрывая гарантии конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

Список литературы:

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[2] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[3] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[4] Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 год : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.02.2023 по делу № А40-185157/20 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).

[6] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2020 № 13АП-6045/20 по делу № А56-53340/2018 // СПС «Гарант».

[7] Обзор судебной практики по проблеме признания недействительным соглашения с адвокатом в процедуре банкротства за период 2022 года и первое полугодие 2023 года : утв. решением Совета ФПА РФ от 30.11.2023, протокол № 8 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2023. № 4.

[8] Богданова, С. Э. Общество с ограниченной ответственностью - как одна из организационно-правовых форм юридических лиц / С. Э. Богданова, Ю. А. Тарасов // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок : в 5 т., Курск, 01 декабря 2021 года. Том 3. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 49-53.

[9] Дидык Э.М. «Банкротство» адвокатской тайны // Образование и право. 2022. № 6. С. 76–81. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-76-81..

[10] Ем В.С., Козлова Н.В. Правовые формы организации адвокатской деятельности (Комментарий к ст. 20–25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») // Законодательство. 2003. № 9. С. 8–20; № 10. С. 5–17.

[11] Згонников А.П. Страхование профессиональной ответственности адвокатов в Российской Федерации: теория и практика применения // Адвокат. 2015. № 10. С. 15–22.

[12] Мальцева, Э. А. Банкротство одного из супругов: проблемы, последствия и пути решения / Э. А. Мальцева, Ю. А. Тарасов // Проблемы развития современного общества : Сборник научных статей 9-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 3-х томах, Курск, 23–24 января 2024 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 299-302.

[13] Тайное становится явным? Неупоминание адвокатской тайны в Законе о банкротстве свидетельствует об обязанности её соблюдать, а не о лакуне в праве // Адвокатская газета. 2022. 15 ноября. URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 08.09.2026).

References:

[1] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated 31.07.1998 No. 146-FZ (as amended

on 08.08.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[2] Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended by 08.08.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[3] Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation" (as amended by 22.04.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[4] 2022 Review of Litigation for Resolution of Insolvency (Bankruptcy) Disputes: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.04.2023 // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[5] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 20.02.2023 in case No. A40-185157/20 // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[6] Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of 13.05.2020 No. 13AP-6045/20 in case No. A56-53340/2018 // SPS "Garant.".

[7] Review of judicial practice on the problem of invalidating an agreement with a lawyer in bankruptcy proceedings for the period 2022 and the first half of 2023: approved. by the decision of the Council of the FPA of the Russian Federation of 30.11.2023, protocol No. 8 // Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 2023. № 4.

[8] Bogdanova, S. E. Limited Liability Company - as one of the organizational and legal forms of legal entities / S. E. Bogdanova, Yu. A. Tarasov // Innovative potential for the development of society: the view of young scientists: a collection of scientific articles of the 2nd All-Russian Scientific Conference of Advanced Developments: in 5 volumes, Kursk, December 01, 2021. Volume 3. - Kursk: Southwestern State University, 2021. - S. 49-53.

[9] Didyk E.M. "Bankruptcy" of attorney-client privilege // Education and law. 2022. № 6. S. 76-81. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-76-81..

[10] Em V.S., Kozlova N.V. Legal forms of organization of advocacy (Commentary to Articles 20-25 of the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation") // Legislation. 2003. № 9. S. 8-20; NO. 10. S. 5-17.

[11] Zgonnikov A.P. Professional liability insurance of lawyers in the Russian Federation: theory and practice of application // Lawyer. 2015. № 10. S. 15-22.

[12] Maltseva, E. A. Bankruptcy of one of the spouses: problems, consequences and solutions / E. A. Maltsev, Yu. A. Tarasov // Problems of the development of modern society: Collection of scientific articles of the 9th All-Russian National Scientific and Practical Conference. In 3 volumes, Kursk, January 23-24, 2024. - Kursk: University Book CJSC, 2024. - S. 299-302.

[13] Does the secret become apparent? Failure to mention attorney-client privilege in the Bankruptcy Law testifies to the obligation to comply with it, and not a gap in the law // Lawyer newspaper. 2022. Nov. 15. URL: https://www.advgazeta.ru (access date: 08.09.2026).

- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-225-233
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

ЩЕРБАКОВ Андрей Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В представленной статье осуществляется комплексный анализ современного состояния функционирования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Проведено исследование нормативно-правового регулирования деятельности пенитенциарных учреждений в Российской Федерации (материалы проведенного исследования содержат анализ ведомственного нормативного регулирования, включая приказы ФСИН России, регламентирующие различного рода аспекты содержания и отбывания наказаний спецконтингентом в учреждениях уголовно-исполнительной системы). Особое внимание уделено проблемам содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, а также осужденным отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы. Исследование представляет интерес для сотрудников правоохранительных органов, научных работников, адъюнктов и курсантов ведомственных образовательных организаций ФСИН России специализирующихся в области обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы и государства.*

Результаты. Полученные выводы могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной практике по вопросам обеспечения безопасности персонала, спецконтингента, а также иных лиц находящихся на режимной территории учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения и следственные изоляторы, сотрудники администрации, подозреваемые, обвиняемые, осужденные.*

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Regime Organization, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

SHCHERBAKOV Andrey Vasilievich,
Candidate of Law, Associate Professor Head of the Department of the Organization of the regime, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE CURRENT STATE OF THE DOMESTIC CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM

Annotation. *The presented article provides a comprehensive analysis of the current state of functioning of institutions and bodies of the penal system. The study examines the legal and*

regulatory framework for the activities of penitentiary institutions in the Russian Federation (the materials of the study include an analysis of departmental regulatory documents, including orders issued by the Federal Penitentiary Service of Russia, which regulate various aspects of the detention and punishment of special categories of individuals in institutions of the penal system).

Special attention is paid to the problems of detention of suspects and accused, as well as convicts serving criminal sentences in places of deprivation of liberty. The study is of interest to law enforcement officers, researchers, adjuncts, and cadets of departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia specializing in ensuring the security of the penal system and the state.

Results. The findings can be used in the legislative and law enforcement practices related to ensuring the safety of personnel, special contingents, and other individuals located in the restricted areas of the institutions and bodies of the Russian Federation's penal system.

Key words: *penal system, correctional facilities and detention centers, administration staff, suspects, accused, and convicts.*

Функционирование современной уголовно-исполнительной системы Российской Федерации основано, прежде всего, на концептуальных правовых документах (Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.»), актах законодательства (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ; Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»; Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»; Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»; Указ Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1314 «Положение о Федеральной службе исполнения наказаний», и др.), а также ведомственной специальной литературы (Приказ Минюста России от 4.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»; Приказ Минюста России от 26 января 2026 г. № 17 «Об утверждении порядка осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»; Приказ Минюста России от 4 сентября 2006 г. № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы»; Приказ Минюста России от 3 сентября 2007 г. № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы»).

Указанное позволяет выделить ключевые базовые принципы и обозначить отправные посылы к пониманию основ её организации и функционирования.

Во-первых, уголовно-исполнительной системе относится к правоохранительным органам, осуществляющим пенитенциарную деятельность, сопряженную с реализацией мер государственного принуждения, необходимую для поддержания и обеспечения правового, политического и социального порядков (так, вывод о схожести правового статуса сотрудников органов внутренних дел и сотрудников иных правоохранительных органов, в частности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, был сделан в Определении Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 года № 173-О).

Во-вторых, уголовно-исполнительная система является социальным институтом, играющим особую роль в системе социального контроля, и, тем самым, выступает важнейшим компонентом системы социальной организации. Важно отметить, что, будучи социальным институтом, уголовно-исполнительная система выполняет паритетно со специальными функциями исправительных учреждений социальные функции: карательную, превентивную, ресоциализирующую и реабилитационную. В свою очередь, социальный характер указанных функций определяется их направленностью (на исправление осуждённого, его

ресоциализацию, а также защиту общества от преступлений и преступников) [11, с. 10, 11].

В-третьих, уголовно-исполнительная система обладает существенной спецификой, производной от своего предназначения, выполняемых функций и задач, условий функционирования, коррелирующей с характером и объектами пенитенциарного воздействия, и проявляющейся в её внутренней организации, правилах уголовно-исполнительной деятельности, её специализации, коммуникативных, инфраструктурных и иных компонентах. Постановочно следует согласиться с суждением, согласно которому современная уголовно-исполнительная система имеет чёткую и строгую иерархию, относительно закрытый характер, при этом взаимодействует с другими структурными компонентами государственного механизма, социальными институтами в строго регламентированных правовых формах.

Позиционно следует согласиться с высказанным в специальной литературе мнением о том, что пенитенциарные учреждения занимают в уголовно-исполнительной системе особое место, поскольку именно они непосредственно обеспечивают достижение ее целевых установок и задач [14, с. 79]. Вместе с тем, в специальной литературе, не без оснований, отмечается значимость правового упорядочения в части легального определения понятия уголовно-исполнительной системы, поскольку нередко в юридической литературе данная система, федеральный орган управления ею и органы, учреждения, которые непосредственно исполняют наказания, рассматриваются как синонимы.

В-четвертых, уголовно-исполнительная система взаимосвязана с социально-правовыми системными объектами, во-вторых, в динамике развития, во взаимосвязи с движением и изменениями социума, государства, а также – в корреляции с интеграционными процессами общемирового и регионального характера. Это, в свою очередь, означает, что уголовно-исполнительная система, оказывая определённое влияние на общество и государство, сама испытывает не себе влияние происходящих в обществе и государстве процессов.

Изучение специальной литературы, в свою очередь, отражающей предпосылки и ход современного реформирования уголовно-исполнительной системы России, позволяет автору, с известной долей обобщения, указать на две основные по сути стратегические взаимосвязанные между собой целевые установки обозначенного процесса:

гуманизация уголовно-исполнительной системы, с учетом международных стандартов и демократизации Российского общества и государства;

повышение эффективности уголовно-исполнительной системы в контексте выполнения ею социальных и специальных функций.

1. Гуманизация уголовно-исполнительной системы, с учетом международных стандартов и демократизации Российского общества и государства. Следует обратить внимание на определённый исторический опыт формирования и практики осуществления, гуманных начал исполнения уголовных наказаний в отечественной пенитенциарной системе, подключения общества к этой проблеме [1, с. 30-32].

Как, не без оснований, отмечается в специальной литературе, уже в 1980-х гг. в русле перестроечных реформ были проведены отдельные мероприятия по демократизации и гуманизации советской пенитенциарной системы. Идея гуманизации уголовно-исполнительной системы, и, в частности, такие её составляющие, как правовая защищённость осуждённых, социальная адаптация лиц, отбывших наказание, необходимость комплексного их решения была озвучена в Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы (Постановление Правительства РФ от 29 августа 2001 г. № 636 «О Федеральной целевой программе «Реформирование уголовно-исполнительной системы на 2002-2006 годы»).

Далее, данная идея конкретизируется в положениях законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов Российского государства (Так, начиная с 1992 г. были приняты многочисленные законы, в том числе, изменения и дополнения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного (ранее называемого исправительно-трудовым) законодательства, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, касающиеся, в том числе, гуманизации уголовно-исполнительной системы. В частности, уже принятый 12 июня 1992 г. Закон РФ о внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР предоставил работающим осуждённым право на отпуск, время работы осуждённого стало засчитываться в трудовой стаж; осуждённым была гарантирована свобода совести и вероисповедования, служители культа разных конфессий получили возможность посещать места лишения свободы с целью отправления религиозных обрядов), концептуально оформляется в Конституции РФ (ст. 2, ст. 17, ст. 20, ст. 21, ст. 46, 50, и другие положения Конституции РФ 1993 г.), последовательно проводится в правовых позициях высших судебных инстанций (в частности, можно указать на ряд решений Конституционного Суда РФ: от 23 июня 1995 г. по делу о проверке конституционности ч. 1

и п. 8 ч. 2 ст. Жилищного кодекса РСФСР (норма действовавшего на тот период жилищного законодательства об утрате гражданином права на жильё при осуждении к наказанию в виде лишения свободы на срок свыше 6 месяцев признана неконституционной) // Вестник Конституционного Суда РФ № 2-3. 1995 от 16 октября 1995 г. (норма действовавшего на тот период пенсионного законодательства в части приостановления выплаты трудовых пенсий на время лишения пенсионера свободы по приговору суда признана противоречащей Конституции РФ).

Не останавливаясь пока на содержании международных правовых актов, касающихся пенитенциарной системы констатируем их важное значение для гуманизации уголовно-исполнительной сферы, признание этого факта на концептуальном, законодательном и доктринальном уровнях, осуществление комплекса мер (не только законодательного (имеется в виду принятие Уголовно-исполнительного кодекса РФ 1997 г., в определённой степени учитывающего международно-правовые обязательства России, а также принятие и других законодательных актов, в частности Уголовного кодекса РФ 1996 г., Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», вносимые в указанные и другие законодательные акты коррективы), но и организационно-правового характера) в этой части (в частности, уже в 2001 г. была создана система ведомственного контроля во главе с Управлением по контролю за соблюдением законности и прав человека в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; на территориальном уровне уголовно-исполнительной системы введены должности помощников начальников управления по правам человека).

В специальной литературе в целом позитивно оценивается современное состояние нормативных положений уголовно-исполнительного законодательства России на предмет соответствия международным стандартам.

Заметим, что сам факт перевода уголовно-исполнительной системы из ведомства МВД в подведомственность Министерства юстиции (Указ Президента РФ от 28.07.1998 № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3841), постепенное снижение в РФ численности контингента лиц, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества (так, для сравнения можно привести следующие данные: если в 2002 г. количество осуждённых в местах лишения свободы составляло 877393 чел., то на 01 января 2026 г. – их количество снизилось до 282000 тыс. чел.), и параллельное расширение альтернативных форм пенитенциарного воздействия (в числе которых, пробация - Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»), правовое упорядочение в части государственного контроля и надзора, общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений (Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ) регламентирует функции судебного контроля (ст. 20), ведомственного контроля (ст. 21), прокурорского надзора (ст. 22), возможности участия общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания (ст. 23). Как уже отмечалось, общественному контролю в пенитенциарной сфере посвящён специальный законодательный акт. Заметим, что общественная форма контроля также свидетельствуют в пользу гуманизации рассматриваемой системы на современном этапе её развития (вопросам обеспечения прав и законных интересов осуждённых уделено внимание в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года).

Резюмируя по первой из обозначенных целевых установок реформирования уголовно-исполнительной системы России, следует признать объективный и значимый характер гуманизации сферы исполнения наказания, необходимость продолжения последовательных законодательных и организационно-правовых мер в данном направлении, с учетом национальных интересов и международно-правовых обязательств России.

Вместе с тем, очевидно, речь не идёт о мифологизации проблемы соблюдения прав осуждённых (как и в целом прав человека), принимая во внимание установленные государством определённые, и в некоторых случаях довольно строгие (и особенно это касается лиц, осуждённых и отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества) ограничения и запреты (на данное обстоятельство обращается внимание в специальной литературе) [6, с. 64-66].

Среди целей их установления – охрана и защита безопасности (отдельных людей, социальных коллективов, общества и государства в целом, в том числе, если речь идёт об ограничениях и запретах, касающихся контингента осуждённых – самой уголовно-исполнительной системы).

Показательно, что современные исследователи рассматривают гуманизацию условий содержания лиц, заключённых под стражу и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы,

повышение гарантий их прав и законных интересов, в том числе и как фактор, способный привести в конечном итоге к сокращению рецидива преступлений [3, с. 13-19]. Как представляется, в контексте проблемы гуманизации уголовно-исполнительной системы и, одновременно, значимости обеспечения безопасности личности, следует рассматривать ситуацию с профилактикой и лечением опасных заболеваний осуждённых и отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях.

В целом недопустимо отождествлять демократические преобразования, и в частности, связанные с демократизацией управления, гуманизацией мест лишения свободы с вседозволенностью. Между тем, такое восприятие имеет место среди контингента осуждённых, о чём косвенно говорят статистические данные (так, к примеру, согласно статистическим данным ГОУ ФСИН России, по состоянию на 01.10.2025 (за 9 месяцев 2025 года) в учреждениях уголовно-исполнительной системы на профилактическом учете как «склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов» состояло 3965 подозреваемых, обвиняемых и осужденных (АППГ – 4253) из которых 974 признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания (АППГ – 1056). Количество допущенных в учреждениях УИС противоправных действий, совершенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в отношении сотрудников администрации составило 388 случаев (АППГ – 540)) [17], и чему, по всей видимости, в определённой степени способствует, в том числе неготовность персонала уголовно-исполнительной системы к работе в новых условиях. Здесь следует перейти ко второй из обозначенных ранее целевых установок реформирования уголовно-исполнительной системы России.

2. Повышение эффективности уголовно-исполнительной системы в контексте выполнения ею социальных и специальных функций.

В современных условиях, как уже было показано выше, уголовно-исполнительная система рассматривается не с позиций карательного инструмента, но, в первую очередь, в плане выполнения ею превентивной, ресоциализирующей и реабилитационной функций. При этом, принимая во внимание широкий спектр задач, возлагаемых на компоненты рассматриваемой системы, справедливо высказанное в специальной литературе суждение о том, что задачи исправительных учреждений, хотя и в значительной мере совпадают с целями наказания, но, вместе с тем, шире последних [7, с. 127-130].

В современных условиях уголовно-исполнительная система входящие в неё исправительные учреждения в процессе функционирования сталкиваются с рядом проблем, формирование и обострение которых обусловлено различными факторами [13, с. 132]. При этом часть из них «задана» самой пенитенциарной системой, а другая часть коррелирует с явлениями и процессами социально-экономического, культурно-идеологического, политико-правового и организационного характера, и проявляется в просчётах уголовной и уголовно-исполнительной политики [10, с. 313] в целом и недостатках функционирования уголовно-исполнительной системы, в частности.

Изучение и обобщение доктринальных источников и эмпирического материала позволяет с определённой долей условности выделить следующие основные группы факторов, коррелирующих с неблагоприятными процессами и явлениями социального характера и негативно влияющих на функционирование уголовно-исполнительной системы в современных условиях.

Омоложение и ухудшение криминологических характеристик контингента осуждённых и отбывающих наказания.

В специальной литературе приводятся данные, согласно которым, среди осуждённых и отбывающих наказание увеличивается удельный вес лиц молодёжного возраста, более половины всех осуждённых отбывают наказание за насильственные преступления. Как следствие - ухудшаются криминогенные характеристики контингента, растёт пенитенциарная преступность (за период с 2011 по 2023 год абсолютное количество преступлений, совершённых осуждёнными, выросло на 53,4%, а показатель в расчёте на 10 000 человек — почти вдвое (с 11,7 в 2010 году до 22,7 в 2023 году соответственно). При этом растёт и доля тяжких и особо тяжких деяний: дезорганизации деятельности учреждений (ст. 321 УК РФ – 2013 год -217 преступлений; 2019 год – 235 преступлений), побегов (ст. 313 УК РФ) в 2013 году – 269 случаев, а в 2019 году – 216 случае) [8, с. 18-24], уклонений от отбывания наказания).

Серьёзные опасения вызывает преступность несовершеннолетних (в том числе, повышение её организованности, высокий удельный вес в ней насильственных преступлений, усиление позиций криминальной и тюремной субкультуры в контингенте несовершеннолетних осуждённых (по данным главы Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина, озвученным 26 июня 2026 года на молодёжном форуме в рамках Петербургского международного юридического форума, в 2025 году преступность среди несовершеннолетних в России выросла на 10%. Число тяжких и особо тяжких преступлений, совершённых подростками, в 2025 году 12 687, что на 21% больше, чем годом ранее)). Кроме того, как

отмечают исследователи [15, с. 478-484], (число зарегистрированных преступлений (то есть выявленных и дошедших до суда) тяжких и особо тяжких в 2025 году составило 627,9 тыс. Это рекорд за полтора десятилетия — такой высокий показатель последний раз фиксировали в 2010 году).

При этом, существенно усилилась активность криминальных лидеров, пытающихся координировать противоправные действия осужденных (значительная часть которых связана с организованной преступностью), в том числе, в части дезорганизации исправительных учреждений, а также в связи с посягательствами на работников уголовно-исполнительной системы (угрозами в их адрес [16, с. 47-54]). Не останавливаясь пока на этом аспекте здесь лишь заметим, что в нейтрализации обозначенной группы факторов исправительным учреждениям отводится важное значение, при этом, параллельно должны формироваться и реализовываться меры по предупреждению преступности, ее ограничению, разрушению преступного мира.

Проблема организации социально полезной занятости осужденных и отбывающих наказания в исправительных учреждениях.

Прежде всего, отметим, что общественно полезный труд выступает одним из средств исправительного воздействия (ч. 2 ст. 9 УИК РФ), кроме того, это – способ включения осуждённого в социально значимые отношения, способствующие его морально-психологической и трудовой ресоциализации (как отмечают исследователи, в целом трудовая адаптация дает возможность осужденным, не имеющим профессии, приобрести трудовые навыки, благодаря чему у них появляются шансы найти работу после освобождения) [12, с. 16-19].

Между тем, вопрос привлечения осужденных к оплачиваемому труду сложный, так как для успешного функционирования производства необходимо регулярно обеспечивать его заказами (объемами работ), а также оперативно закупать сырье и материалы, стабильно выплачивать заработную плату, повышать профессиональную подготовку осужденных. В целом, как отмечают исследователи, в настоящее время в пенитенциарной системе Российской Федерации имеются объективные причины и факторы, связанные с проблемами трудовой занятости осужденных и сдерживающие развитие производства [9, с. 55-62].

Заметим, что в документе, посвящённом реформированию уголовно-исполнительной системы, концептуально обозначен комплекс мер, направленных на её оптимизацию в этой части. При этом в разделе Концепции, посвященному труду и профессиональному обучению, образованию осужденных в местах лишения свободы – главной целью выступает не просто занять чем-то осужденного, а через труд и профессию помочь ему исправиться и успешно адаптироваться в обществе после освобождения. Кроме того, заметим, что пенитенциарные учреждения столкнулись с проблемами общеобразовательного и профессионального обучения осуждённых (во многих исправительных учреждениях происходит закрытие школ и профессиональных технических училищ); серьёзные трудности имеются в организации трудовой занятости несовершеннолетних осуждённых [4, с. 119-121]; на неудовлетворительном уровне находится воспитательная работа с осуждёнными [2, с. 35-41].

Препятствия на пути назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Проблема альтернативных мер уголовно-правового воздействия, имеет особую значимость, в том числе, в плане предупреждения новых преступлений, ресоциализации лиц, совершивших преступления впервые и небольшой тяжести [5, с. 109-115]. Показательно, что в настоящее время, сама система уголовных наказаний выстроена по принципу от менее суровых к более строгим формам уголовно-правового воздействия; как полагают некоторые исследователи, в этом подходе УК РФ (в отличие от УК РСФСР) просматривается предпочтение видам наказания, не связанным с изоляцией от общества: штрафу, обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, ограничению свободы.

Вместе с тем, в специальной литературе обращается внимание на то, что уголовно-исполнительным инспекциям ФСИН РФ приходится контролировать исполнение наказаний все более рецидивоопасного контингента (в свою очередь, повторные правонарушения и преступления со стороны лиц, отбывающих наказание без изоляции от общества, являются тревожным показателем и, одновременно, криминогенным фактором); по мнению отдельных авторов, в настоящее время сложившийся в стране институт исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, переживает системный кризис, имеющий, прежде всего организационную и ресурсную природу. Следует также обратить внимание на то, что сама уголовно-исполнительная система России переживает непростой и коррелирующий с движением Российского общества и государства, интеграцией и международным сотрудничеством в рассматриваемой сфере, процесс трансформации организационных основ и функционирования, в свою очередь, проявляющийся в перепрофили-

ровании системы пенитенциарных учреждений, поэтапной демилитаризации уголовно-исполнительной системы, установлении новых требований к её кадровому обеспечению, и других обстоятельствах, нуждающихся в дополнительной проработке во взаимосвязи с требованием обеспечения безопасности рассматриваемой системы в современных условиях.

Разделяя высказанное в специальной литературе суждение о том, что государство должно иметь адекватную обществу пенитенциарную систему, и, одновременно, хочу обратить внимание на то, что инновационные преобразования, обусловленные динамикой развития Российского общества и государства, интеграционными процессами, не отрицают учёта собственного позитивного опыта.

Обобщение всего вышеизложенного позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, уголовно-исполнительная система занимает важное место в государственном механизме, осуществляет в параметрах, установленных государством пенитенциарную деятельность, сопряжённую с реализацией мер государственного принуждения и необходимую для поддержания и обеспечения порядка (правового, политического, социального), одновременно, является социальным институтом, играющим особую роль в системе социального контроля, и, тем самым, выступает важнейшим компонентом системы социальной организации (общества) в целом.

во-вторых, в современных условиях, уголовно-исполнительная система, входящие в неё исправительные учреждения, в процессе функционирования, сталкиваются с рядом проблем, формирование и обострение которых обусловлено факторами, часть из которых заключена в самой пенитенциарной системе (специфика контингента осуждённых, и особенно, рецидивистов, роль криминальной и тюремной субкультуры, объективные трудности осуществления эффективного контроля в целях обеспечения режимных требований соответствующего учреждения и предупреждения нарушений, в том числе, преступных, со стороны осуждённых, и др.), а другая часть коррелирует с явлениями и процессами социально-экономического, культурно-идеологического, политико-правового и организационного характера, и проявляется в просчётах уголовной и уголовно-исполнительной политики в целом и недостатках функционирования уголовно-исполнительной системы, в частности.

К основным группам факторов, коррелирующих с неблагоприятными процессами и явлениями социального характера и негативно влияющих на функционирование уголовно-исполнительной системы в современных условиях, автором отнесены:

омоложение и ухудшение криминологических характеристик контингента осуждённых и отбывающих наказания (в первую очередь, связанные с изоляцией от общества);

проблема организации социально полезной занятости осуждённых и отбывающих наказания в исправительных учреждениях и мер по их ресоциализации;

препятствия на пути назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Список литературы:

[1] Алексеев В.И. О соотношении карательного, филантропического, исправительного воздействия на осужденных в контексте стратегии пенитенциарной политики (1879 - 1917 гг.) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 30 - 32.

[2] Аверкин С.Д., Кунц Е.В. Проблемы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. Уголовно-исполнительное право. № 1. Т. 18(1-4). 2023. С. 35-41.

[3] Бомбергер И.И. Реформирование и становление российской пенитенциарной системы // Концептуальные направления реформирования уголовно-исполнительной системы: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 13 авг. 2012 г. /под общ. ред. П.И. Остапенко; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, Краснодар. фил., 2012. С. 13-19.

[4] Борченко В.А., Рафикова Э.Р. Проблемные аспекты привлечения к труду несовершеннолетних осужденных. Вестник Самарского юридического института ФСИН России. № 4 (50). 2022. С. 119-121.

[5] Ведерникова О.Н., Гейнце О.В. Влияние практики назначения уголовного наказания на состояние рецидивной преступности: региональный аспект // Уголовное право. 2016. № 2. С. 109 - 115.

[6] Головкин Р.Б. Некоторые проблемы осуществления уголовной и уголовно-исполнительной политики в современной России // Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт: материалы междунар. науч.-практ. Конф., Владимир, 29-30 нояб. 2012 г. /Владимир юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир, 2013. С. 64-66.

[7] Громов В.Г. Обязанности исправительных учреждений // Современное право. 2013. № 4. С. 127 – 130.

[8] Гирько С.И., Долгополов А.А. Пенитенциарная преступность: современное состояние и тенденции. Научный портал МВД России. № 1 (53). 2021. С. 18-24.

[9] Дятлов Ю.Н. Проблемы организации трудовой занятости осужденных на современном этапе развития отечественной пенитенциарной системы. Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика. Право. Управление». № 8. 2018. С. 55-62.

[10] Иванов С.В. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. - Екатеринбург, 2006. - 313 с.

[11] Лелюх В.Ф. Российская уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования: диссертация ... доктора социологических наук: 23.00.02. - Кемерово, 2006. - 508 с.

[12] Лосева С.Н., Гарник С.В. Организация труда осужденных в условиях реформирования УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 16 - 19.

[13] Петров С.М. Государственное управление уголовно-исполнительной системой и пути ее реформирования : Монография / Петров С. М.; Респ. ин-т повышения квалификации работников МВД РФ. - Домодедово: РИПК работников МВД РФ, 1995. - 191 с.

[14] Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительная система России: теоретические, правовые и организационные основы: монография / Л.Б. Смирнов; Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. - Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. - 228 с.

[15] Щербаков А.В., Григоряк А.В. Отечественная пенитенциарная система: теоретический и правовой аспект. Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 478-484.

[16] Щербаков А.В., Ковалев О.Г. Психолого-педагогические и организационно-правовые аспекты речевой агрессии как фактора, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 47-54.

[17] Обзор ГОУ ФСИН России от 07.11.2025 № исх-2-94966 (не был опубликован).

References:

[1] Alekseev V.I. On the ratio of punitive, philanthropic, correctional impact on convicts in the context of the strategy of penitentiary policy (1879-1917) // Penal system: law, economics, management. 2016. № 4. S. 30-32.

[2] Averkin S.D., Kunts E.V. Problems of educational work with convicts to imprisonment. Penal law. № 1. T. 18 (1-4). 2023. S. 35-41.

[3] Bomberger I.I. Reform and formation of the Russian penitentiary system // Conceptual directions for reforming the penal system: materials of the interregional scientific and practical conference, August 13, 2012 under the general. ed. P.I. Ostapenko; Vladimir. jurid. in-t Feder. penitentiary services, Krasnodar. phil., 2012. S. 13-19.

[4] Borchenko V.A., Rafikova E.R. Problematic aspects of attracting juvenile convicts to work. Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. № 4 (50). 2022. S. 119-121.

[5] Vedernikova O.N., Heinze O.V. Impact of criminal sentencing practices on the state of recidivism: regional aspect // Criminal law. 2016. № 2. S. 109-115.

[6] R.B. Golovkin. Some problems of the implementation of criminal and penal policy in modern Russia // Criminal and penal policy at the present stage of the development of society and the state: domestic and foreign experience: materials of international. scientific-practical. Conf., Vladimir, Nov. 29-30 2012 Vladimir Jurid. in-t Feder. services executive. punishments. Vladimir, 2013. S. 64-66.

[7] Gromov V.G. Duties of correctional institutions // Modern law. 2013. № 4. S. 127-130.

[8] Girko S.I., Dolgopolov A.A. Penitentiary crime: current state and trends. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1 (53). 2021. S. 18-24.

[9] Dyatlov Yu.N. Problems of organization of employment of convicts at the present stage of development of the national penitentiary system. Bulletin of Pskov State University. Series "Economics. Right. Management." № 8. 2018. S. 55-62.

[10] S.V. Ivanov. Criminal Policy of the Russian Federation: Political, Criminological and Criminal Law Aspects: Dissertation... Candidate of Law: 12.00.08. - Yekaterinburg, 2006. - 313 p.

[11] Lelyukh V.F. Russian penal system: social problems of reform: dissertation... Doctors of Sociology: 23.00.02. - Kemerovo, 2006. - 508 s.

[12] Loseva S.N., Garnik S.V. Organization of labor of convicts in the context of the reform of the penal system // Criminal executive system: law, economics, management. 2016. № 3. S. 16-19.

[13] S.M. Petrov. State administration of the penal system and ways to reform it: Monograph S.M. Petrov; Rep. Institute of advanced training of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. - Domodedovo: RIPK of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. - 191 s.

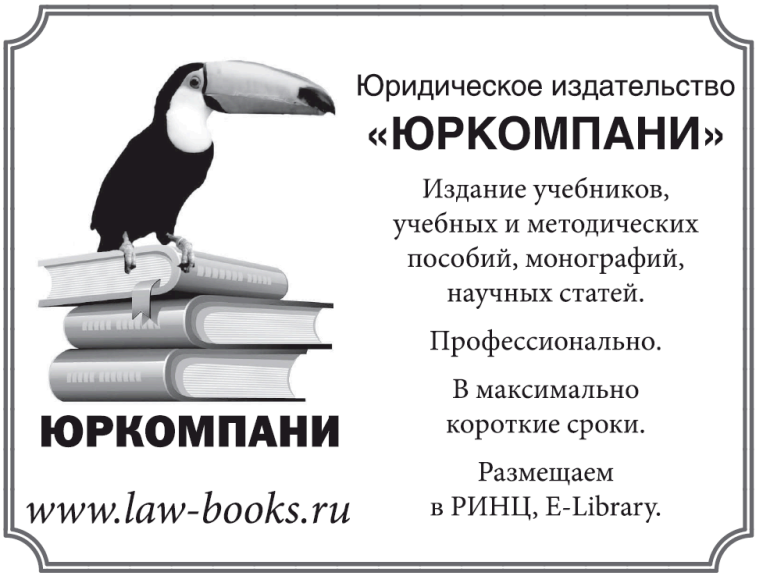
[14] Smirnov L.B. The criminal executive system of Russia: theoretical, legal and organizational foundations: monograph L.B. Smirnov; Leningrad State University named after A.S. Pushkin. - St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2007. - 228 s.

[15] Shcherbakov A.V., Grigoryak A.V. Domestic

penitentiary system: theoretical and legal aspect. International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 478-484.

[16] Shcherbakov A.V., Kovalev O.G. Psychological, pedagogical and organizational and legal aspects of speech aggression as a factor disorganizing the activities of correctional institutions that ensure isolation from society. Statements of the penal system. 2023. № 1 (248). S. 47-54.

[17] Review of the SEI of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 07.11.2025 No. Ref. 2-94966 (was not published).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-234-237
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: morozur@mail.ru

ГРЯЗНОВ Сергей Александрович,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными, Самарский юридический институт ФСИН России, e-mail: sagryaznov@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ, СОВЕРШАЕМОМУ ОСУЖДЕННЫМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются современные способы противодействия мошенничеству, совершаемому осужденными, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Анализируются криминологическая характеристика и детерминанты рассматриваемого вида пенитенциарной преступности, раскрываются типичные способы совершения мошеннических действий, в том числе с использованием средств мобильной связи и сети «Интернет». Особое внимание уделяется системе мер противодействия: режимным и техническим мероприятиям, оперативно-розыскной деятельности, криминологической профилактике, информационно-просветительской работе с потенциальными потерпевшими, а также совершенствованию уголовно-правовой квалификации и межведомственного взаимодействия. Обосновывается вывод о необходимости комплексного подхода к противодействию данным преступлениям, сочетающего оперативно-розыскные, режимные, технические, профилактические и правовые меры.*

Ключевые слова: *мошенничество, осужденные, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, противодействие преступности, телефонное мошенничество, профилактика преступлений.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL), Associate Professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN of Russia

GRYAZNOV Sergey Alexandrovich,
candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, Associate Professor at the Department of Legal Psychology, Pedagogy and Organization of Educational Work with Convicts, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

MODERN METHODS OF COUNTERING FRAUD COMMITTED BY CONVICTS HELD IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines modern methods of countering fraud committed by convicts held in institutions of the penal system of the Russian Federation. The criminological characteristics and determinants of this type of penitentiary crime are analysed, and typical methods of committing fraudulent acts are revealed, including those involving the use of mobile communication devices and the Internet. Particular attention is paid to the system of countermeasures: regulatory and technical measures, operational and investigative activities, criminological prevention, information and educational work with potential victims, as well as improving criminal-legal classification and interdepartmental cooperation. The conclusion is substantiated that a comprehensive approach to countering these crimes is necessary, combining operational and investigative, regulatory, technical, preventive, and legal measures.*

Key words: *fraud, convicts, correctional facilities, the penal system, crime prevention, telephone fraud, crime prevention.*

Мошенничество, совершаемое лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, сегодня выступает одной из наиболее устойчивых и динамично развивающихся категорий пенитенциарной преступности.

Высокая латентность, дистанционный характер большинства посягательств, вовлечение осужденных в схемы, реализуемые с использованием средств мобильной связи и сети «Интернет», а также распространение преступной деятельности за пределы исправительных учреждений обусловливают необходимость поиска и систематизации современных способов противодействия указанным деяниям.

Как отмечает А. Ю. Степанова, мошенничество в местах лишения свободы является одним из наиболее опасных явлений, подрывающих как имущественные интересы граждан и организаций, так и авторитет органов, исполняющих наказания [1].

Криминологическая характеристика данного вида преступности свидетельствует о том, что мошеннические действия осужденных отличаются изощренностью, тщательной подготовкой и многоэпизодностью. Наиболее распространенными способами являются: «телефонное мошенничество», при котором от имени родственников, сотрудников правоохранительных органов либо работников кредитно-финансовых организаций у потерпевших выманиваются денежные средства; совершение хищения с банковских счетов граждан с использованием методов социальной инженерии; предложения о приобретении несуществующих товаров и услуг.

В научной литературе справедливо указывается, что в организации подобных криминальных схем участвует несколько соучастников, часть из которых отбывает наказание в исправительных учреждениях, используя незаконно доставленные на территорию учреждений средства связи.

Устойчивость рассматриваемых преступлений во многом обеспечивается специфической средой исправительных учреждений, характеризующейся наличием неформальной иерархии среди осужденных, конспирацией и противодействием деятельности администрации. В связи

с этим современные способы противодействия мошенничеству не могут ограничиваться исключительно мерами уголовно-правового характера, а должны представлять собой комплексную систему организационных, оперативно-розыскных, режимных, профилактических и информационно-технических мероприятий.

Одним из ключевых направлений является усиление режимных требований и техническое оснащение исправительных учреждений средствами, препятствующими проникновению и использованию средств мобильной связи. Специальные технические средства блокирования сигналов сотовой связи, металлодетекторы, рентгенотелевизионные установки, а также регулярные обысковые мероприятия позволяют существенно снизить возможности осужденных по организации дистанционных мошеннических схем. Одновременно с совершенствованием технических мер следует развивать институт ответственности за доставку, сбыт и использование осужденными запрещенных предметов, включая средства связи, что согласуется с предложениями отдельных ученых о необходимости ужесточения соответствующего правового регулирования [2].

Важное значение в системе противодействия, безусловно, отводится оперативным подразделениям исправительных учреждений, которые в соответствии со статьей 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации выявляют, предупреждают и раскрывают готовящиеся и совершаемые преступления. Именно оперативные аппараты располагают возможностями по документированию противоправных действий осужденных, установлению круга их связей как внутри учреждения, так и за его пределами, а также по выявлению лиц, причастных к организации мошеннических схем. Эффективность данного направления возрастает при тесном взаимодействии оперативных сотрудников с подразделениями по раскрытию дистанционных хищений территориальных органов внутренних дел и организацией кибербезопасности банковского сектора.

Значимым способом противодействия выступает также правовое и информационно-просветительское воздействие на потенциальных потерпевших. Профилактическая работа, проводимая сотрудниками исправительных учреждений совместно с представителями банковских организаций, средств массовой информации и волонтерских объединений, направлена на формирование у граждан навыков безопасного поведения при поступлении сомнительных звонков и сообщений. Разъяснение типовых схем мошенничества снижает вероятность успешного обмана, поскольку совершение мошенничества с использованием сотовой связи в значительной степени зависит от доверчивости жертвы (ст. 159 УК РФ).

Особого внимания заслуживает криминологическая профилактика, охватывающая меры, направленные на устранение причин и условий совершения мошенничества. К их числу относится, прежде всего, обеспечение занятости осужденных общественно полезным трудом и деятельностью по самовоспитанию. Исследователи обоснованно предлагают совершенствовать систему материального стимулирования работающих осужденных, в том числе путем дифференцированного расчета оплаты труда и отчислений на лицевые счета с учетом их поведения и отношения к труду, что способствует снижению криминальной активности. Осужденный, вовлеченный в трудовую и образовательную деятельность, располагает меньшими возможностями и мотивацией для противоправного поведения.

Отдельным направлением противодействия является совершенствование уголовно-правовых и уголовно-процессуальных механизмов. Судебная практика демонстрирует сложность квалификации мошенничеств, совершаемых осужденными, особенно при использовании служебного положения. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации при пересмотре приговора в отношении осужденного Котова А. В. по части 4 статьи 159 УК РФ исключила квалифицирующий признак совершения мошенничества «с использованием своего служебного положения», смягчив назначенное наказание, что свидетельствует о необходимости единообразного подхода к правовой оценке таких деяний и повышения качества предварительного расследования [8].

Наконец, комплексное противодействие мошенничеству должно основываться на совершенствовании межведомственного взаимодействия между учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с территориальными органами МВД России, Следственного комитета России, Прокуратуры РФ и финансовыми организациями.

Обмен оперативной информацией, совместное планирование мероприятий, использование современных криминалистических средств и учетов позволяют своевременно выявлять и пресекать преступные схемы. Таким образом, эффективное противодействие мошенничеству, совершаемому осужденными, возможно только при сочетании режимных, оперативно-розыскных, технических, профилактических и правовых мер, реализуемых согласованными действиями всех заинтересованных субъектов.

Список литературы:

[1] Степанова А. Ю. Противодействие мо-

шенническим действиям осужденных в следственных изоляторах // Теоретический журнал. – 2024. – Т. 10, № 5.

[2] Трунцевский Ю. В., Пенин О. В. Проникновение запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, как нарушение деятельности данных учреждений // Уголовно-исполнительное право. – 2006. – № 1. – С. 41–46.

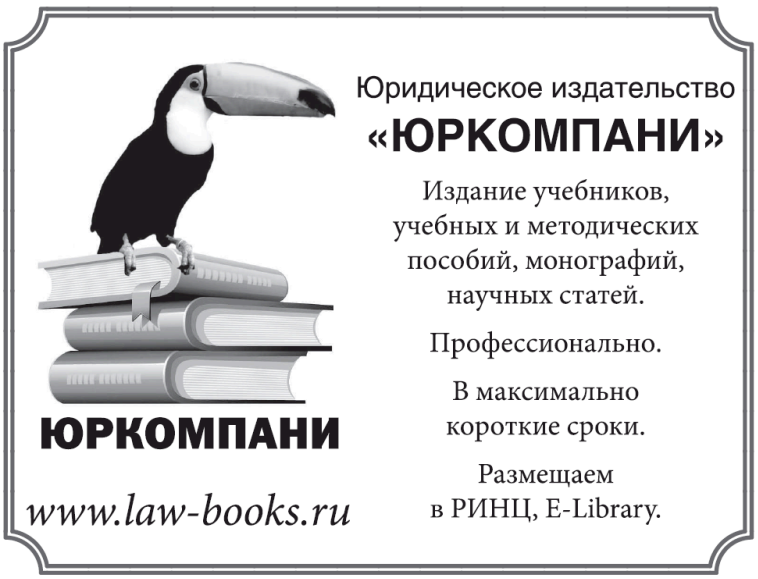
[3] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу в отношении Котова А. В. (квалификация по ч. 4 ст. 159 УК РФ) // Документ опубликован не был ; текст приводится по СПС «КонсультантПлюс». – [Б. м., б. г.]. – Текст : электронный.

References:

[1] Stepanova A. Yu. Countering the fraudulent actions of convicts in pre-trial detention centers // Theoretical Journal. – 2024. - T. 10, NO. 5.

[2] Truntsevsky Yu. V., Penin O. V. Penetration of prohibited items into institutions executing punishments in the form of imprisonment as a violation of the activities of these institutions // Criminal enforcement law. – 2006. – № 1. - S. 41-46.

[3] Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation in the case against A. V. Kotov (qualification under part 4 of article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) // The document was not published; the text is given on ATP "ConsultantPlus." - [B. m., b. g.]. - Text: electronic.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-238-243
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

КОПЫЛОВА О.П.,
доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Тамбовского государственного технического университета, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: op.kop1965@mail.ru

СТРЕЛЬНИКОВА А.А.,
студент кафедры «Системы автоматизированной поддержки принятия решений» Тамбовского государственного технического университета,
e-mail: n.strelnikova06@yandex.ru

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическим и прикладным вопросам института альтернативной подследственности в уголовном судопроизводстве России. Опираясь на положения УПК РФ, правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ и данные пояснительных записок к законопроектам, авторы показывают основные изъяны нормативного регулирования: стирание границ предметной подследственности, конфликты между ведомствами и процессуальную неопределённость. Сформулированы предложения по совершенствованию закона и ведомственных актов.*

Ключевые слова: *подследственность, альтернативная подследственность, предварительное расследование, УПК РФ, Следственный комитет, органы внутренних дел, межведомственные споры.*

KOPYLOVA O.P.,
Associate Professor of the Department «Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence» at Tambov State Technical University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

STRELNIKOVA A.A.,
Student of the Department «Systems of Automated Decision Support» at Tambov State Technical University

ALTERNATIVE JURISDICTION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The paper deals with alternative jurisdiction as an institution of Russian criminal proceedings. Drawing on the Code of Criminal Procedure, the legal positions of the Plenum of the Supreme Court and explanatory notes to draft laws, it shows where the current regulation falls short: the boundaries of subject-matter jurisdiction are eroding, agencies compete over cases, and procedural rules leave too much room for uncertainty. The authors propose amendments to the law and to departmental instructions.*

Key words: *jurisdiction, alternative jurisdiction, preliminary investigation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Investigative Committee, internal affairs bodies, inter-agency disputes.*

Разграничение уголовных дел между органами расследования обеспечивает институт подследственности, без которого невозможна упорядоченная работа следственного аппарата. Теория уголовного процесса обычно выделяет предметную (родовую), территориальную, персональную и альтернативную подследственность. Первые три вида регламентированы достаточно устойчиво и на практике не вызывают разночтений, тогда как именно альтернативная подследственность порождает наибольшее число споров и затруднений.

По мнению С.В. Супруна, предметная подследственность органов предварительного следствия теряет самостоятельность, сливаясь с альтернативной [1]. Между тем законодатель продолжает расширять перечень преступлений, дела о которых вправе расследовать следователи органа, обнаружившего эти деяния (ч. 5 ст. 151 УПК РФ): лишь за два последних года в него были включены новые составы, в частности предусмотренные ст. 178 УК РФ [2].

Целью работы является всесторонний анализ проблем альтернативной подследственности в российском уголовном процессе, выявление недостатков её правового регулирования и подготовка предложений по их устранению. Для этого изучены нормы УПК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, пояснительные записки к законопроектам, а также научная литература по теме.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, системный подход и анализ правоприменительной практики. Обращение к пояснительным запискам к законопроектам, судебным разъяснениям и специальной литературе позволяет сопоставить буквальное содержание норм с тем, как они реально работают в деятельности следственных органов.

Под альтернативной подследственностью понимается такая модель распределения дел, при которой преступление могут расследовать несколько органов предварительного следствия, обладающих для этого равными полномочиями [3]. А.В. Гриненко обращает внимание на то, что решению о начале расследования многих преступлений, как правило, предшествует большой объём подготовительной работы, включая оперативно-розыскные мероприятия [4]. Этим и объясняется существование альтернативной подследственности: ведомство, обнаружившее преступление и располагающее для этого оперативными ресурсами, должно иметь возможность самостоятельно довести дело до конца.

Ключевое правило закреплено в ч. 5 ст. 151 УПК РФ: по перечисленным там составам следствие вправе вести и тот орган, который эти преступления выявил [2].

Норма ч. 5 ст. 151 УПК РФ охватывает несколько групп деяний. К первой относятся экономические преступления: мошенничество, а также присвоение или растрата (ст. 159–159.6, 160 УК РФ). Вторую образуют посягательства на собственность – квалифицированные виды кражи и грабежа, разбой (ч. 3, 4 ст. 158, ч. 2, 3 ст. 161, ст. 162 УК РФ). Третья связана с терроризмом и экстремизмом (ст. 205.4, 205.5, 208–210.1, 282.1–282.3 УК РФ). Четвёртая включает компьютерные преступления (ст. 272–274.1 УК РФ) [2; 4]. Показательно, что во всех этих группах объединяющим признаком служит не однородность объекта посягательства, а особенность выявления преступлений: как представляется, они обнаруживаются в ходе оперативной или контрольной деятельности разных ведомств. Поэтому альтернативная подследственность носит скорее организационный, чем предметный характер, чем отчасти и объясняются трудности её отграничения от предметной.

Первая и наиболее серьёзная проблема – стирание границ предметной (родовой) подследственности. Ранее она рассматривалась как исключительная компетенция определённого следственного органа по конкретным категориям дел. Но по мере расширения альтернативной подследственности одно и то же преступление стало подследственно и следователям Следственного комитета, и следователям органов внутренних дел, а порой – и следователям ФСБ России.

С.В. Супрун обоснованно отмечает, что орган предварительного следствия может расследовать преступление, которое подследственно ему наряду с другими органами [1]. Конфликт компетенций решается по принципу приоритета: дело возбуждает и ведёт тот, кто обнаружил преступление первым. Практика, однако, показывает, что у такого правила есть серьёзные издержки.

Показательный пример – ст. 215.3 УК РФ (самовольная врезка в трубопроводы). Как следует из пояснительной записки к законопроекту № 282503-8, следствие по этому составу подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ отнесено к ведению СК России, тогда как кражи из нефтепроводов (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) по п. 3 ч. 2 той же статьи расследуют следователи МВД России [5].

В пункте 20 постановления от 27.12.2002 № 29 Пленум Верховного Суда РФ указал: если хищение нефти путём врезки сопровождается повреждением трубопровода, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 215.3 УК РФ [5]. В итоге одно и то же событие обязывает следователей разных ведомств вести по нему параллельные дела.

Масштаб проблемы виден из статистики: с 01.01.2020 по 31.10.2022 по фактам незаконных врезок в трубопроводы органами МВД России и СК России возбуждено 456 уголовных дел, из которых 309 – МВД России по ст. 158 УК РФ, а 147 – СК России по ст. 215.3 УК РФ. Заметная часть дел по ст. 215.3 УК РФ (65 дел) возбуждалась со значительным опозданием, по событиям прошлых лет [5].

Правило «первого выявившего» создаёт и другой риск: выбор органа, который будет вести дело, зависит от случайности – от того, чьё сообщение или оперативная информация поступили раньше, – а не от объективных особенностей самого дела, например его сложности или потребности в специальных знаниях. Неудивительно, что при параллельных проверках ведомства нередко дублируют работу друг друга.

Вторая группа проблем – споры о подследственности между ведомствами. М.Р. Чапаев указывает на многочисленные трудности определения подследственности в деятельности правоохранительных органов, особенно когда она носит альтернативный характер [6]. Из-за отсутствия ясных критериев возникает конкуренция компетенций: либо несколько ведомств одновременно претендуют на одно дело, либо каждое стремится уйти от возбуждения дела, ссылаясь на отсутствие полномочий. Хотя ч. 8 ст. 151 УПК РФ и устанавливает, что споры о подследственности разрешает прокурор, критерии такого разрешения в законе не раскрыты.

З.З. Ложис, анализируя расследование преступлений экстремистской и террористической направленности, констатирует, что такие дела в зависимости от вида преступления подведомственны Следственному комитету РФ, ФСБ или органам внутренних дел, причём многие из них допускают альтернативную подследственность [7]. Вследствие этого сложно сформировать единообразные подходы, методики и тактику раскрытия и расследования таких деяний.

Отдельную проблему составляет перебрасывание дел между ведомствами. Пояснительная записка к законопроекту № 282503-8 фиксирует, что сообщения о преступлениях без достаточных оснований пересылаются из одного ведомства в другое, процессуальные решения затягиваются, а проверки по одному и тому же событию параллельно ведут следователи СК России и МВД России [5]. Известны случаи, когда СК России прекращал производство по ч. 2–5 ст. 215.3 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, после чего материалы возвращались в органы МВД России для расследования по ст. 158 УК РФ [5].

Подобная практика не только снижает результативность расследования, но и ущемляет права потерпевших, поскольку откладывает принятие процессуальных решений и возмещение причинённого ущерба.

Неопределённость подследственности затрагивает и конституционно значимые интересы участников процесса. Потерпевший, обратившийся с заявлением о преступлении, вправе рассчитывать на то, что оно будет рассмотрено уполномоченным органом и в разумный срок; когда же вопрос о компетенции остаётся открытым, эта предсказуемость теряется, а доверие к следственным органам снижается. Следовательно, ясные правила подследственности – это не только вопрос внутриведомственного удобства, но и условие доступа к правосудию.

Третья группа проблем связана с соотношением альтернативной и территориальной подследственности. Особенно остро они проявляются при расследовании дистанционных преступлений, то есть совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Как отмечает А. Новиков, согласно пояснительной записке к законопроекту № 792475-8, при хищениях денежных средств с использованием платёжных карт место преступления обычно связывают с местом, где совершены действия по изъятию денег: например, где виновный снял наличные в банкомате по чужой либо поддельной карте, расплатился ею за товар или перевёл средства на другой счёт. Установление такого места нередко требует значительного времени [8].

С.Б. Россинский полагает, что ст. 152 УПК РФ несовершенна: её гипотеза не в состоянии охватить все практические нюансы, вследствие чего правоприменитель фактически вырабатывает собственные правила территориальной подследственности, которые нередко формально расходятся с законом [9]. Он критически оценивает отказ законодателя от модели УПК РСФСР (ст. 132), допускавшей расследование и по месту совершения деяния, и по месту его обнаружения [9].

Для преодоления этих трудностей Государственная Дума в первом чтении одобрила поправки в ст. 152 УПК РФ [10], а Федеральным законом от 20.02.2026 № 39-ФЗ они были приняты: предварительное расследование допускается проводить и по месту нахождения большинства потерпевших [11]. Помимо этого, закон наделяет руководителя следственного органа полномочием определять место расследования, если деяние совершено за пределами РФ иностранным гражданином или лицом без гражданства, не проживающими постоянно в РФ, и направлено против интересов РФ.

В литературе, однако, справедливо указы-

вают, что ориентация на место нахождения большинства потерпевших не всегда оправданна: основная масса доказательств связана не с личностью потерпевших и их показаниями, а со следами, которые лицо могло оставить в момент действий по незаконному изъятию денежных средств [8]. Этот довод говорит о необходимости взвешенного подхода к реформированию территориальной подследственности.

Проблема усугубляется тем, что следы дистанционных преступлений, как правило, рассредоточены по нескольким регионам, а нередко и по нескольким государствам. В таких условиях ведомственная принадлежность органа, первым обнаружившего преступление, сама по себе мало говорит о том, где расследование будет наиболее эффективным. Это дополнительно подкрепляет довод в пользу единых межведомственных правил определения места и органа расследования.

Единого понимания правовой природы альтернативной подследственности в науке нет. Наиболее радикальную позицию занимает С.Б. Россинский: по его убеждению, правила распределения уголовных дел между органами расследования носят чисто технический характер и вовсе не нуждаются в закреплении в федеральном законе [9]. Существующий порядок регулирования он связывает с недостаточной теоретической проработкой вопроса и ошибками национальной нормотворческой политики.

Иные авторы высказываются осторожнее: соглашаясь, что правила подследственности должны быть закреплены в законе, они ставят вопрос об их совершенствовании. Так, Д.Г. Горобец отмечает, что при альтернативной и исключительной подследственности соответствующих статей следственные органы в ходе расследования обязаны оценивать наличие или отсутствие их признаков [12].

Представляется более перспективным не отказываться от законодательной регламентации подследственности, а систематизировать и упорядочить её. С.В. Супрун предлагает сохранить самостоятельность предметной подследственности, перенеся часто повторяющиеся виды преступлений в альтернативную [1]. Такой подход сохранил бы логическую стройность системы и необходимую гибкость.

Важно и то, что любые предлагаемые изменения следует оценивать по единому критерию – по их влиянию на сроки и качество расследования и на защиту прав участников процесса. Если новая норма не сокращает число межведомственных споров и не ускоряет принятие процессуального решения, она лишь усложнит и без того громоздкую систему. Поэтому корректировка ст. 151 и 152 УПК РФ должна сопровождаться оценкой практики применения этих норм.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы и предложения.

Во-первых, альтернативная подследственность объективно необходима для эффективного расследования многих категорий преступлений, однако в нынешнем виде она порождает серьёзные проблемы применения: размывание предметной подследственности, споры между ведомствами и процессуальную неопределённость.

Во-вторых, закон должен чётко определять критерии выбора органа, ведущего расследование при альтернативной подследственности. Предлагается дополнить ст. 151 УПК РФ положением о критериях, которыми прокурор руководствуется при разрешении спора о подследственности (в частности, о первоочерёдности органа, выявившего преступление), и о сроке его разрешения. Это избавит от затяжных межведомственных согласований.

В-третьих, чтобы упорядочить расследование преступлений, подследственных разным органам по совокупности (как в случае ст. 158 и 215.3 УК РФ), целесообразно изменить ст. 151 УПК РФ и закрепить приоритет расследования по месту выявления основного (наиболее тяжкого) преступления. Альтернативой может служить расширение практики передачи дел для соединения в одном производстве, когда подследственность определяется решением прокурора [5].

В-четвёртых, в связи с принятием поправок в ст. 152 УПК РФ о расследовании по месту нахождения большинства потерпевших нужны ведомственные разъяснения, уточняющие порядок применения этого правила и учитывающие необходимость сохранения доказательственной базы [8; 10; 11].

В-пятых, Следственному комитету РФ, МВД России и ФСБ России целесообразно выработать единый межведомственный регламент взаимодействия при расследовании преступлений с альтернативной подследственностью. В нём следует определить сроки передачи материалов, порядок разрешения споров и механизмы согласования следственных действий.

Альтернативная подследственность – не дань законодательной моде, а объективная потребность, вызванная усложнением современной преступности и появлением новых её форм, в том числе связанных с информационно-телекоммуникационными технологиями. Однако существующую модель регулирования необходимо существенно доработать.

С.Б. Россинский обоснованно замечает, что действующий УПК РФ перегружен нормами организационного и технического свойства [9]. Это в полной мере касается и норм об альтернативной

подследственности: многие из них по своей природе ближе к ведомственному нормотворчеству, чем к предмету федерального закона. Тем не менее полный отказ от законодательной регламентации выглядит чрезмерно радикальным; оптимально систематизировать и рационализировать действующие нормы, устранив дублирование и противоречия.

Лишь комплексный подход – сочетание законодательных изменений с ведомственными нормативными актами – способен превратить альтернативную подследственность из источника межведомственных споров в действенный инструмент борьбы с преступностью.

Список литературы:

[1] Супрун, С. В. Предметная подследственность органов предварительного следствия нуждается в ревизионном пересмотре и дополнительном регулировании / С. В. Супрун // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 4. С. 58–62.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Валиев, Э. А. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости / Э. А. Валиев, З. З. Шайхутдинова // Актуальные вопросы права, экономики и управления : сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием. Чебоксары: ИД «Среда», 2025. С. 462–464.

[4] Гриненко, А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / А. В. Гриненко. 5-е изд. Москва: Проспект, 2026.

[5] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 282503-8 «О внесении изменения в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/282503-8 (дата обращения: 30.09.2026).

[6] Чапаев, М. Р. Трансформация правового регулирования механизмов разграничения спорной подследственности в Российской Федерации / М. Р. Чапаев // Российский следователь. 2022. № 4. С. 36–39.

[7] Ложис, З. З. Применение специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, а также преступлений террористического характера в практике Следственного комитета Российской Федерации / З. З. Ложис // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 6, № 6 (127). С. 178–192.

[8] Новиков, А. Поправки в ст. 152 УПК: спорные аспекты / А. Новиков // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. 2025. 25 марта. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/popravki-v-st-152-upk-spornye-aspekty/ (дата обращения: 29.09.2026).

[9] Россинский, С. Б. Правилам подследственности не место в Уголовно-процессуальном кодексе / С. Б. Россинский // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 92–99.

[10] Поправки в УПК о месте расследования кибермошенничества приняли в I чтении // Уголовный процесс [Электронный ресурс]. 2025. 20 марта. – URL: https://www.ugpr.ru/news/8546-popravki-v-upk-o-meste-rassledovaniya-kibermoshennichestva-prinyali-v-i-chtenii (дата обращения: 29.09.2026).

[11] Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в статью 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 8. Ст. 765.

[12] Горобец, Д. Г. Новый порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях – старые проблемы их расследования / Д. Г. Горобец // Налоги. 2023. № 1. С. 24–27.

[13] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024) [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 нояб. 2024 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491650/ (дата обращения: 29.09.2026).

[14] Загорский, Г. И. Судебные и правоохранительные органы: курс лекций / Г. И. Загорский, К. И. Попов. 2-е изд. Москва: Проспект, 2023.

[15] О проекте федерального закона № 125168-4 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части уточнения альтернативной подследственности) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/125168-4 (дата обращения: 29.09.2026).

References:

[1] Suprun, S.V. Subject jurisdiction of the preliminary investigation bodies needs revision and additional regulation / S.V. Suprun // Legal science and law enforcement practice. 2022. № 4. S. 58-62.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 26.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52

(part I). Art. 4921.

[3] Valiev, E. A. Electronic evidence in criminal proceedings: admissibility problems/E. A. Valiev, Z. Z. Shaikhutdinova // Topical issues of law, economics and management: collection of materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference of students, graduate students and young scientists with international participation. Cheboksary: Publishing House "Sreda," 2025. S. 462-464.

[4] Grinenko, A.V. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: article-by-article scientific and practical commentary / A.V. Grinenko. 5th ed. Moscow: Prospect, 2026.

[5] Explanatory note to the draft federal law No. 282503-8 "On Amending Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource] // System for ensuring the legislative activities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/282503-8 (access date: 30.09.2026).

[6] Chapaev, M. R. Transformation of the legal regulation of the mechanisms for delimiting disputed jurisdiction in the Russian Federation/ M. R. Chapaev // Russian investigator. 2022. № 4. S. 36-39.

[7] Lozhis, Z.Z. The use of special knowledge in the investigation of extremist crimes committed on the Internet, as well as crimes of a terrorist nature in the practice of the Investigative Committee of the Russian Federation/Z. Z. Lozhis // Actual problems of Russian law. 2021. T. 6, NO. 6 (127). S. 178-192.

[8] Novikov, A. Amendments to Art. 152 Code of Criminal Procedure: controversial aspects/A. Novikov // Lawyer newspaper [Electronic resource]. 2025. March 25. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/popravki-v-st-152-upk-spornye-aspekty/ (дата обращения: 29.09.2026).

[9] Rossinsky, S. B. The rules of jurisdiction have no place in the Criminal Procedure Code/ S. B. Rossinsky // Forensic Library. 2016. № 6. S. 92-99.

[10] Amendments to the Code of Criminal Procedure on the place of investigation of cyber fraud were adopted in the first reading // Criminal process [Electronic resource]. 2025. March 20. – URL: https://www.ugpr.ru/news/8546-popravki-v-upk-o-meste-rassledovaniya-kibermoshennichestva-prinyali-v-i-chtenii (дата обращения: 29.09.2026).

[11] Federal Law of February 20, 2026 No. 39-FZ "On Amendments to Article 152 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2026. № 8. Art. 765.

[12] Gorobets, D. G. The new procedure for initiating criminal cases on tax crimes is the old problems of their investigation / D. G. Gorobets // Taxes. 2023. № 1. S. 24-27.

[13] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2, 3 (2024) [Electronic resource]: approved Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation November 27 2024 - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491650/ (accessed on: 29.09.2026).

[14] Zagorsky, G.I. Judicial and law enforcement agencies: lecture course / G.I. Zagorsky, K.I. Popov. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2023.

[15] On the draft federal law No. 125168-4 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (in terms of clarifying alternative jurisdiction) [Electronic resource] // System for ensuring the legislative activities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/125168-4 (access date: 29.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-244-247
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

БОГАТОВА Елена Валерьевна,
доцент кафедры публичного права, к.ю.н Уральского Государственного Экономического Университета, г. Екатеринбург , РФ, e-mail: mail@law-books.ru

СПИРИНА Анастасия Сергеевна,
магистрант 2 курса, ЦПДО, юриспруденция, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург , РФ, e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС РАБОТНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ЕГО СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос правового статуса сотрудника УИС, нормативно-правовая база, регламентирующая правовой статус сотрудника УИС, особенность правового статуса сотрудников УИС, структура и содержание правового статуса работника УИС.*

Ключевые слова: *правовой статус; работник УИС; уголовно-исполнительная система; права; обязанности; ограничения; гарантии; структура; содержание.*

BOGATOVA E.V.,
PhD in Law, Associate Professor of the Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

SPIRINA Anastasia Sergeevna,
2nd-year master's student, CPD, law, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

LEGAL STATUS OF A PENITENTIARY SYSTEM EMPLOYEE, ITS STRUCTURE AND CONTENT

Annotation. *The article examines the issue of the legal status of a UIS employee, the regulatory framework governing the legal status of a UIS employee, the specifics of the legal status of UIS employees, the structure and content of the legal status of a UIS employee.*

Key words: *legal status; UIS employee; penal system; rights; obligations; restrictions; guarantees; structure; content.*

Проблема. В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (далее УИС) Российской Федерации, возрастания требований к эффективности деятельности ее сотрудников, а также расширения спектра решаемых ими задач, вопрос правового статуса работника УИС приобретает особую актуальность. Существующие нормативные правовые акты, регулирующие данный вопрос, не всегда в полной мере отражают специфику и сложность служебной деятельности, не учитывают современные тенденции развития законодательства и не обеспечивают достаточной правовой защиты сотрудникам УИС. Наблюдается недостаточная теоретическая разработка элементов структуры и содержания правового статуса работника УИС, что затрудняет его практическую реализацию и создает предпосылки для нарушений законности.

Научная новизна. Статья представляет собой комплексное исследование правового статуса работника УИС с учетом современных тенденций развития законодательства и практики его применения. В работе уточняется понятие правового статуса работника УИС, выявляются особенности его структуры и содержания.

Правовой статус работника уголовно-исполнительной системы (УИС) – это комплекс прав, обязанностей, ограничений, запретов и ответ-

ственности, установленных законодательством Российской Федерации для лиц, проходящих службу в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания. Он определяется спецификой деятельности УИС, связанной с обеспечением правопорядка и законности в местах лишения свободы, а также с ресоциализацией осужденных [1].

Структура правового статуса работника УИС включает в себя несколько основных элементов. Во-первых, это общие права и свободы, гарантированные Конституцией РФ и другими федеральными законами такими как Трудовой кодекс РФ, Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция), Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N 59-ФЗ (последняя редакция) и другие нормативно-правовые акты, регулирующие различные аспекты трудовых отношений и защиты прав личности [1]. Во-вторых, специальные права, обусловленные характером службы в УИС, такие как право на ношение и применение оружия, специальные средства, а также на социальную защиту и обеспечение. В-третьих, обязанности, связанные с исполнением должностных функций, соблюдением законности, обеспечением безопасности и порядка в учреждениях УИС. В-четвертых, ограничения и запреты, направленные на предотвращение коррупции и злоупотреблений властью, а также на поддержание высокого морального облика сотрудников УИС.

Содержание правового статуса работника УИС раскрывается в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы прохождения службы в УИС, в частности, в Законе РФ от 21 июля 1993 г. N 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), Положении о службе в органах внутренних дел РФ, а также в ведомственных приказах и инструкциях [2]. Эти документы устанавливают конкретные требования к сотрудникам УИС, определяя их права и обязанности в различных ситуациях, порядок применения физической силы, специальных средств и оружия, а также меры ответственности за нарушение служебной дисциплины и совершение правонарушений.

Юридическая ответственность интегрирована в систему служебной дисциплины и служит не только санкционным механизмом, но и средством профилактики нарушений, укрепляя правовую культуру внутри системы. В таблице 1 представлены основные элементы правового статуса сотрудника УИС и их нормативное закрепление.

Элемент статуса	Содержание	Нормативный документ
Права	Реализация властных полномочий, доступ к служебной информации, условия для профессионального развития	Ст. 11 ФЗ № 197-ФЗ
Обязанности	Обеспечение режима, исполнение приказов, соблюдение служебной этики	Ст. 12 ФЗ № 197-ФЗ
Ограничения и запреты	Недопустимость предпринимательской деятельности, участия в политике, конфликта интересов	Ст. 14 ФЗ № 197-ФЗ
Гарантии и соцзащита	Денежное довольствие, жильё, медицина, льготы	ФЗ № 283-ФЗ, ст. 3 ФЗ № 197-ФЗ
Ответственность	Дисциплинарная, административная, гражданско-правовая, уголовная	Ст. 47–53 ФЗ № 197-ФЗ, КоАП РФ, УК РФ

Таблица 1 – Элементы правового статуса сотрудника УИС и их нормативное закрепление [3, 4, 5]

Также внимание уделяется вопросам социальной защиты работников УИС, включая предоставление льгот и компенсаций, обеспечение жильем, медицинское обслуживание, страхование жизни и здоровья, а также пенсионное обеспечение. Это связано с тем, что служба в УИС сопряжена с повышенным риском для жизни и здоровья, а также с психологической нагрузкой. Правовой статус работника УИС представляет собой сложную и многогранную систему, направленную на обеспечение эффективного функционирования уголовно-исполнительной системы, защиту прав и законных интересов осужденных, а также на создание условий для профессионального развития и социальной защиты сотрудников УИС. В таблице 2 рассмотрим соотношение общего и специального статуса сотрудника УИС.

Критерий	Общий статус госслужащего	Специальный статус сотрудника УИС
Правовая природа	Государственная гражданская служба	Правоохранительная служба с элементами военной
Полномочия	Управленческие, контрольно-надзорные	Применение мер принуждения, обеспечение режима
Ограничения	Стандартные для госслужбы	Расширенные (ношение оружия, спецсредства, режим секретности)
Гарантии	Базовые социальные гарантии	Усиленные (рисковые надбавки, льготная выслуга, защита семьи)
Ответственность	Дисциплинарная, материальная	Повышенная, включая ответственность за действия подчинённых

Таблица 2 – Соотношение общего и специального статуса сотрудника УИС [6]

Функциональность сотрудников УИС ориентирована на гарантиях осуществлении ключевых целей нацеленных на реализацию функций принудительной изоляции от окружающих, их корректировка и устранение новых правонарушений. Данные миссии имеют все шансы быть достигнуты только лишь посредством соблюдения порядка нахождения под стражей, что определяет конкретные задачи и принципы поведения, какие

считаются обязательными для лиц, содержащихся в учреждениях и органах УИС [7].

В целом, правовой статус работника УИС направлен на обеспечение эффективного выполнения служебных обязанностей по поддержанию правопорядка в учреждениях УИС, соблюдению законности и прав осужденных, а также на защиту прав и законных интересов самих работников [8]. Этот статус включает в себя право на достойные условия труда, своевременную и в полном объеме выплату денежного довольствия, социальное обеспечение, медицинское обслуживание, обязательное государственное страхование жизни и здоровья, а также на пенсионное обеспечение [6]. Особенности правового статуса работников УИС связаны с повышенными требованиями к их профессиональной подготовке, физической и психологической устойчивости, а также с необходимостью соблюдения строгой дисциплины и законности. Они обязаны проходить специальную подготовку, аттестацию и периодическую проверку на пригодность к несению службы в УИС.

Исходя из всего вышесказанного сформулируем вывод о том, что правовой статус работника уголовно-исполнительной системы является сбалансированной системой, которая сочетает публичные интересы государства в обеспечении правопорядка и частные интересы сотрудника как субъекта права, где каждый элемент взаимообусловлен и направлен на эффективное выполнение задач по исполнению уголовных наказаний при соблюдении принципов законности, справедливости и социальной защищённости персонала. В заключение, правовой статус работника УИС является важным элементом функционирования всей системы исполнения наказаний. Он обеспечивает правовую основу для выполнения работниками своих служебных обязанностей, а также гарантирует защиту их прав и законных интересов. Совершенствование правового статуса работников УИС является постоянной задачей, направленной на повышение эффективности и гуманизацию деятельности системы исполнения наказаний

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 01.07.2020).

[2] Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21.07.1993 N 5473-1 (последняя редакция).

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 28.12.2024).

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025).

[5] Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изменениями и дополнениями).

[6] Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2012 N 283-ФЗ (последняя редакция).

[7] Тоскин Г.Н. Формирование и развитие системы наказания в уголовном праве России и СССР 1917 – 1926 гг. Диссертация кандидата юрид. наук 12.00.08. / Галина Тоскина. – Ульяновск, 2021. – С. 189. – 2021.

[8] Корчагина А.Ю. Проблемы реализации в России международных стандартов при применении наказаний, не связанных с лишением свободы // Международные стандарты исполнения наказаний и российская пенитенциарная практика: материалы международной научно-практической конференции 25 мая. – 2021. – С. 97–102.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by 01.07.2020).

[2] Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies of the Penitentiary System of the Russian Federation" dated 21.07.1993 N 5473-1 (latest edition).

[3] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 N 1-FZ (ed. 28.12.2024).

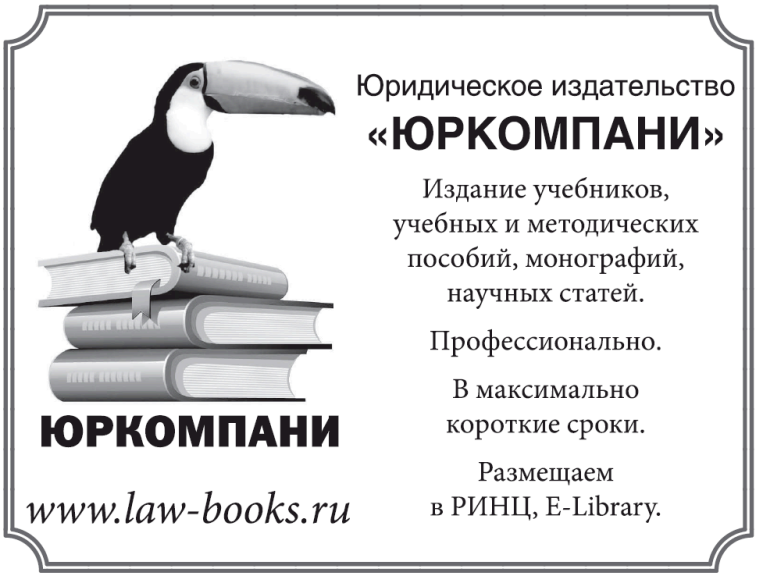
[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 N 195-FZ (rev. dated 24.06.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 01.07.2025).

[5] Federal Law of July 19, 2018 No. 197-FZ "On Service in the Penitentiary System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" (as amended and supplemented).

[6] Federal Law "On Social Guarantees for Employees of Certain Federal Executive Bodies and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" of 30.12.2012 N 283-FZ (latest edition).

[7] Toskin G.N. The formation and development of the punishment system in the criminal law of Russia and the USSR 1917-1926. Dissertation candidate Juris. Sciences 12.00.08. Galina Toskina. - Ulyanovsk, 2021. - S. 189. – 2021.

[8] Korchagina A.Yu. Problems of implementing international standards in Russia when applying punishments not related to imprisonment // International standards for the execution of punishments and Russian penitentiary practice: materials of an international scientific and practical conference on May 25. – 2021. - S. 97-102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-248-253
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ЛЯПИН Виктор Михайлович,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социально – гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОЦЕНКО Наталья Анатольевна,
старший преподаватель кафедры социально – гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ СЛУЖЕБНОЙ И БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. *Важное значение в деятельности исправительных учреждений имеет служебная и боевая подготовка в уголовно-исполнительной системе. Этот аспект играет ключевую роль в обеспечении безопасности и эффективности работы учреждений. Служебная и боевая подготовка персонала способствует поддержанию дисциплины и контролю в исправительных учреждениях. Эффективная служебная и боевая подготовка в уголовно-исполнительной системе требует постоянного мониторинга и анализа результатов. Регулярные тренировки и симуляции помогают улучшить навыки персонала и повысить уровень профессионализма в исправительных учреждениях.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, служебная подготовка, боевая подготовка, сотрудники исправительных учреждений, осужденные.*

LYAPIN Viktor Mikhailovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Socio-Humanitarian and Natural Sciences, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

DOTSENKO Natalya Anatolyevna,
Senior Lecturer, Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences, North Caucasus Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

ON THE IMPLEMENTATION OF PROFESSIONAL AND COMBAT TRAINING IN THE PENAL CORRECTION SYSTEM

Annotation. *Service and combat training in the penal system is of great importance in the activities of correctional institutions. This aspect plays a key role in ensuring the safety and efficiency of the institutions. Service and combat training of personnel helps maintain discipline and control in correctional institutions. Effective service and combat training in the penal system requires constant monitoring and analysis of results. Regular training and simulations help improve the skills of personnel and increase the level of professionalism in correctional institutions.*

Key words: *penal system, correctional institution, service training, combat training, correctional institution employees, convicts.*

Служебная и боевая подготовка является одним из главных компонентов профессиональной деятельности сотрудника уголовно - исполнительной системы. Это обусловлено необходимостью быть в постоянной готовности и действовать в различных чрезвычайных и жизненных ситуациях.

Сотрудникам Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации при исполнении своих служебных задач в повседневной деятельности нужно постоянно быть готовым к различным ситуациям, в том числе, когда придется применить физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие [1, С. 214-216]. С целью совершенствования и поддержания на высоком уровне своих профессиональных знаний, умений и навыков, с сотрудниками уголовно – исполнительной системы Российской Федерации по месту нахождения службы проводится профессиональная, служебная, боевая и физическая подготовка.

Во-первых, профессиональная подготовка сотрудников УИС ориентирована на выполнение задач в условиях как обычных, так и внештатных ситуаций, и в этой связи органично соединяет общее и специальное направления. При этом следует учитывать, что в целом работа сотрудников УИС, связанная с исполнением уголовных наказаний, сопряжена с действием стресс-факторов, производных, в первую очередь, от пенитенциарной среды, в условиях которой данная деятельность осуществляется. Во-вторых, содержание, формы и методы профессиональной подготовки сотрудников УИС конкретизируются с учетом вида обучения, профиля обучаемых кадров. В-третьих, организация профессиональной подготовки сотрудников УИС находится во взаимосвязи с теми социальными явлениями и процессами, которые оказывают многогранное влияние на функционирование УИС в современных условиях.

Обусловленные социально-трансформационными процессами трудности и противоречия реформирования УИС России, несомненно, проявляют себя в кадровой составляющей рассматриваемой системы, оказывают влияние на морально-психологическое и нравственное состояние сотрудников УИС, а также подготавливаемых для работы в УИС кадров.

К основным задачам профессиональной подготовки сотрудников можно отнести:

подготовка квалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы в соответствии с современными требованиями;

обучение сотрудников умелым и эффективным действиям, обеспечивающим успешное выполнение оперативно-служебных задач;

формирование профессионального сознания сотрудников, чувства ответственности за свои действия, стремления и поступки, совершенствование своего профессионального мастерства с учётом специфики деятельности в конкретных подразделениях УИС;

выработка и постоянное совершенствование у сотрудников практических умений и навыков соблюдения норм законодательства РФ и прав человека.

Можно сказать, что на какой стадии своей службы не находился бы сотрудник уголовно – исполнительной системы, он в обязательном порядке проходит тот или иной вид служебной подготовки. Так, например, после приема на службу сотрудник УИС обязан пройти первоначальную подготовку специального первоначального обучения в подведомственных ФСИН России или территориальным органам ФСИН России образовательных учреждениях. Здесь сотрудник УИС приобретает знания и представления об уголовно – исполнительной службе, об основах служебной деятельности по различным направлениям деятельности. Также с сотрудниками УИС в их учреждениях на постоянной основе проводятся учебные занятия по служебно-боевой подготовке. Ответственность за подготовку и уровень служебно – боевой подготовки личного состава несут руководители учреждения исполнения наказаний. Они обязаны: организовать СБП и лично проводить занятия по отдельным видам подготовки, также не допускать упрощения в организации и проведении занятий, необходимо создавать наиболее благоприятную обстановку и условия, стимулирующие потребность личного состава в постоянном повышении профессиональных знаний и совершенствование умений. Иные виды профессиональной подготовки сотрудников УИС также связаны с развитием знаний, умений и навыков, что, безусловно, указывает на то, что служба в УИС имеет профессиональный формат деятельности.

Профессиональная готовность сотрудников пенитенциарной системы: ключевые аспекты подготовки

В современных условиях функционирования системы исполнения наказаний особенно важно обеспечить высокий уровень компетентности персонала. Профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) требует комплексного подхода и непрерывного совершенствования навыков [2, С. 29-33].

Физическая и огневая подготовка выступают фундаментальными компонентами профессионального становления специалистов пенитенциарных учреждений. Именно эти направления получают приоритетное внимание при формировании программ профессионального развития

персонала УИС. Готовность действовать в экстремальных ситуациях невозможна без систематических тренировок и отработки практических навыков.

Вступая в ряды сотрудников уголовно-исполнительной системы, каждый специалист берет на себя ответственность за качественное выполнение служебных обязанностей и поддержание высоких профессиональных стандартов. Такие обязательства требуют постоянной работы над собой и совершенствования профессиональных компетенций.

Формирование высококвалифицированных кадров, способных оперативно принимать решения в сложных ситуациях служебной деятельности, является стратегической задачей системы подготовки персонала УИС [3, С. 321-323]. Это позволяет обеспечить эффективность функционирования всей пенитенциарной системы и безопасность как сотрудников, так и спецконтингента.

Важно подчеркнуть, что умение правомерно применять физическую силу и огнестрельное оружие в ситуациях, предусмотренных законодательством, является не только профессиональным навыком, но и серьезной юридической ответственностью. Именно поэтому подготовка в этих направлениях должна включать не только практические аспекты, но и глубокое изучение нормативно-правовой базы.

Стратегии эффективной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к экстремальным условиям работы.

В современном мире профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) сопряжена с высоким уровнем стресса и психологического напряжения. Экстремальные ситуации в пенитенциарных учреждениях требуют от персонала особой психологической готовности и устойчивости.

Комплексное исследование методик подготовки кадров УИС к деятельности в критических условиях демонстрирует, что превентивные меры и стратегии противодействия стрессовым состояниям играют ключевую роль в обеспечении эффективности работы персонала. Среди наиболее результативных подходов выделяется многоуровневая система психологического сопровождения сотрудников.

Фундаментальное значение имеет качественный профессиональный отбор кандидатов, учитывающий специфические характеристики нервной системы, эмоциональную стабильность и психическую резистентность к стрессорам. Данный этап позволяет сформировать кадровый состав из лиц, изначально обладающих необходимым потенциалом для работы в напряженных условиях [4, С. 176-178].

Не менее важным компонентом является систематическая диагностика профессиональных затруднений и проблемных зон в развитии сотрудников. Своевременное выявление психологических барьеров позволяет предотвратить развитие профессиональной деформации и эмоционального выгорания.

Для преодоления выявленных трудностей особую ценность представляет персонализированное психологическое консультирование. Индивидуальный подход к решению проблем каждого сотрудника значительно повышает эффективность психологической поддержки [5, С. 85-88].

Комплексная оценка и целенаправленное развитие мотивационной сферы, эмоционально-волевого компонента и когнитивных способностей персонала, в сочетании с формированием навыков психологической саморегуляции, завершают систему подготовки к экстремальным ситуациям.

Реализация данных стратегий в практике подготовки персонала УИС требует системного подхода и интеграции усилий психологической службы, руководства учреждений и образовательных подразделений. Только комплексное решение задачи психологической подготовки способно обеспечить высокий уровень профессиональной надежности сотрудников в условиях экстремальных ситуаций.

В современных условиях динамично меняющейся бизнес-среды критически важно инвестировать в развитие человеческого капитала. Формирование комплексной системы профессионального развития сотрудников является фундаментальной основой для укрепления конкурентоспособности организации. Ключевой задачей выступает обеспечение персонала фундаментальной теоретической базой и практическими компетенциями, что значительно повышает их профессиональную самооценку и эффективность.

Система подготовки должна быть направлена на идентификацию и культивирование адаптивных навыков, позволяющих сотрудникам гибко реагировать на трансформации внешней среды. Особое внимание следует уделять развитию способности персонала достигать стратегически выверенных целей даже в условиях неопределенности. Это требует не только технических знаний, но и развития когнитивной гибкости, эмоционального интеллекта и стратегического мышления.

Результатом такого комплексного подхода становится формирование профессионалов, способных уверенно действовать в нестандартных ситуациях и эффективно адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры, что в конечном итоге обеспечивает устойчивое развитие

всей организации в долгосрочной перспективе [6, С. 27-30].

В соответствии с новым приказом Федеральной службы исполнения наказаний России, опубликованным 13 июня 2023 года под номером 382, был утвержден новый порядок подготовки специалистов для работы в системе уголовно-исполнительной службы Российской Федерации. Документ определяет ключевые аспекты и методы, которые будут применяться для квалификации и подготовки кадров, предназначенных для занятия вакантных должностей в данной сфере.

Это изменение подчеркивает стремление к повышению стандартов подготовки и профессионализма сотрудников, что является критически важным для улучшения общей эффективности уголовно-исполнительной системы. Оно включает в себя детализацию процессов отбора, обучения и аттестации кандидатов, что позволит обеспечить высокий уровень компетенции и готовности к выполнению профессиональных обязанностей.

Важно отметить, что приказ вносит в процесс подготовки новые элементы, направленные на улучшение качества подготовки, включая использование современных образовательных технологий и методик. Приказ также отражает актуальные требования к сотрудникам, которые должны быть готовы адаптироваться к быстро меняющимся условиям в сфере уголовного исполнения.

Данный приказ ФСИН России является значимым шагом в динамичном развитии системы подготовки кадров и способствует созданию крепкой основы для реализации задач уголовно-исполнительной системы в будущем. Это подчеркивает серьезность подхода к образованию и тренингу сотрудников, что направлено на достижение более высоких результатов в их профессиональной деятельности.

Важно отметить, что постоянное совершенствование профессиональных квалификаций сотрудников способствует не только улучшению индивидуальной работы, но и укрепляет в целом структуру Федеральной службы исполнения наказаний. В конечном итоге, эффективность и профессионализм персонала напрямую влияют на качество исполнения уголовных наказаний и безопасность в обществе.

Таким образом, созданная в рамках ФСИН России система профессиональной подготовки представляет собой комплексный механизм, обеспечивающий непрерывное совершенствование кадрового потенциала уголовно-исполнительной системы, что в конечном итоге способствует повышению эффективности деятельности всех структурных подразделений ФСИН.

Список литературы:

[1] Нохрин, М. Ю. Оздоровительная роль физической подготовки в служебной деятельности сотрудников УИС / М. Ю. Нохрин, Е. В. Кошкин, А. С. Михайлов // IV Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина : Сборник материалов, Пермь, 02–04 октября 2018 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 214-217. – EDN ZBQRYD. Нохрин, М. Ю. Оздоровительная роль физической подготовки в служебной деятельности сотрудников УИС / М. Ю. Нохрин, Е. В. Кошкин, А. С. Михайлов // IV Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина : Сборник материалов, Пермь, 02–04 октября 2018 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 214-217. – EDN ZBQRYD.

[2] Майстренко, Г. А. Профессиональная подготовка сотрудников УИС как залог успешного выполнения поставленных перед ними служебных задач в современных условиях / Г. А. Майстренко // Образование и право. – 2023. – № 2. – С. 269-272. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-2-269-272. – EDN TCFRDQ.Денисенко, О. И. Применение средств дистанционного надзора за осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми на примере Красноярского края / О. И. Денисенко, А. Н. Ноев // Вестник Самарского юридического института. – 2023. – № 4(55). – С. 29-33. – DOI 10.37523/SUI.2023.55.4.005. – EDN OGVPNK.

[3] Мазалева, Л. В. Значимость боевой и служебной подготовки в отделах безопасности учреждений УИС / Л. В. Мазалева, В. В. Лютин // Научный вестник Крыма. – 2024. – № 1(47). – EDN LHOAOA.Пхитиков, Р. Б. К вопросу о необходимости совершенствования контрольно-надзорной деятельности за исполнением законодательства органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы / Р. Б. Пхитиков // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 321-325. – EDN UOICFV.

[4] Ширяев, Д. А. Специфика особенностей совершенствования подготовки сотрудников специальных подразделений УИС по конвоированию к исполнению служебных обязанностей в условиях низких температур (на примере сравнения обеспечения форменным обмундированием военнослужащих Министерства обороны РФ и сотрудников ФСИН России) / Д. А. Ширяев, Д. И. Зиникова // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: проблемы и перспективы : Сборник научных трудов / Под общей редакцией А.А. Середина. – Вологда : Вологодский институт права и экономики Федеральной служ-

бы исполнения наказаний, 2019. – С. 176-180. – EDN TZZHHO.Денисенко, О. И. Дистанционный надзор за осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: организационно-правовой аспект / О. И. Денисенко, И. С. Жаров, К. А. Бочкарева // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2025. – № 1(43). – С. 76-80. – EDN WEWVZF.

[5] Мамаев, П. А. Организация и проведение боевой и служебной подготовки в отделах охраны учреждений УИС: проблемы и пути их решения / П. А. Мамаев // Инновационные технологии в деле обеспечения безопасности Российской Федерации : Сборник материалов научных мероприятий, проведенных на кафедре режима и охраны в уголовно-исполнительной системе ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России: межвузовского круглого стола; олимпиады, посвященной Дню отделов безопасности ФСИН России, а также мероприятий, организованных в рамках вузовской Недели науки курсантов и студентов, посвященной Году преподавателя и наставника в Российской Федерации, Пермь, 01 января – 31 2023 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 85-88. – EDN PJYSKZ.

[6] Казначеев, В. А. Влияние физической подготовки на физическое состояние сотрудника уголовно-исполнительной системы / В. А. Казначеев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2020. – Т. 22, № 74. – С. 26-30. – DOI 10.37313/2413-9645-2020-22-74-26-30. – EDN TYRCPT.

References:

[1] Nokhrin, M. Yu. The health-improving role of physical training in the official activities of the UIS employees / M. Yu. Nokhrin, E.V. Koshkin, A.S. Mikhailov // IV Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin: Collection of materials, Perm, October 02-04, 2018. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2018. - S. 214-217. – EDN ZBQRYD. Nokhrin, M. Yu. The health-improving role of physical training in the official activities of UIS employees / M. Yu. Nokhrin, E.V. Koshkin, A.S. Mikhailov // IV Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin: Collection of materials, Perm, October 02-04, 2018. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2018. - S. 214-217. – EDN ZBQRYD.

[2] Maistrenko, G. A. Professional training of penal system employees as a guarantee of successful fulfillment of their official tasks in modern conditions/G. A. Maistrenko // Education and law. – 2023. – № 2. - S. 269-272. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-2-269-272. - EDN TCFRDQ. Denisenko, O.I. The use of means of remote supervision of convicts, suspects and accused on the example of the Krasnoyarsk Territory / O.I. Denisenko, A.N. Noev // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2023. – № 4(55). - S. 29-33. – DOI 10.37523/SUI. 2023.55.4.005. – EDN OGVPNK.

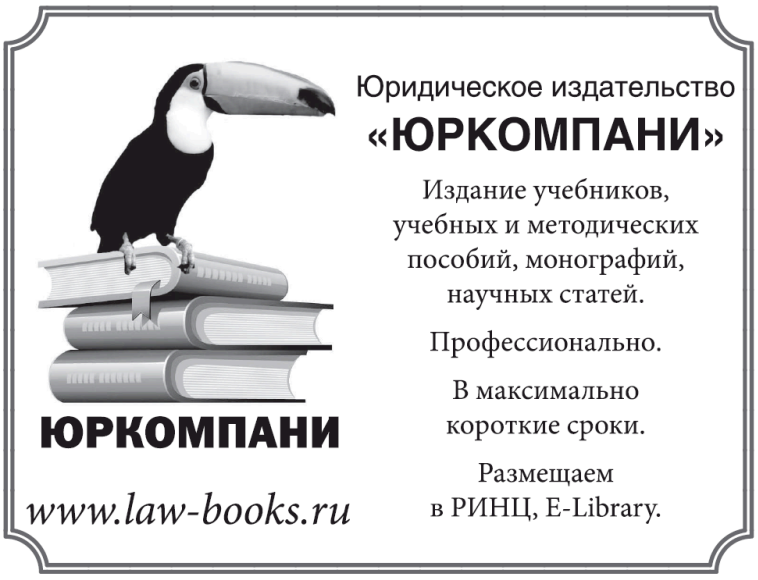
[3] Mazaleva, L.V. Significance of combat and service training in the security departments of penal institutions L.V. Mazaleva, V.V. Lyutin // Scientific Bulletin of Crimea. – 2024. – № 1(47). - EDN LHOAOA. Pkhitikov, R. B. On the need to improve control and supervisory activities for the implementation of legislation by bodies and institutions of the penal system / R. B. Phitikov // Gaps in Russian legislation. – 2023. - T. 16, NO. 4. - S. 321-325. – EDN UOICFV.

[4] Shiryaev, D. A. Specifics of improving the training of employees of special units of the penal system for escorting to the performance of official duties in low temperatures (for example, comparing the provision of uniforms for servicemen of the Ministry of Defense of the Russian Federation and employees of the Federal Penitentiary Service of Russia) / D. A. Shiryaev, D. I. Zinikova // Current issues of the penitentiary system at the present stage: problems and prospects: Collection of scientific works / Edited by A.A. Seredina. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2019. - S. 176-180. - EDN TZZHHO. Denisenko, O. I. Remote supervision of convicts in institutions of the penitentiary system of the Russian Federation: organizational and legal aspect / O. I. Denisenko, I. S. Zharov, K. A. Bochkareva // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. – 2025. – № 1(43). - S. 76-80. – EDN WEWVZF.

[5] Mamaev, P. A. Organization and conduct of combat and service training in the security departments of penal institutions: problems and ways to solve them / P.A. Mamaev // Innovative technologies in ensuring the security of the Russian Federation: Collection of materials of scientific events held at the department of regime and protection in the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: interuniversity round table; Olympiad dedicated to the Day of Security Departments of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as events organized as part of the University Science Week of cadets and students dedicated to the Year of the Teacher and Mentor in the Russian Federation, Perm, January 01- 31,2023. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2023. - S. 85-88. – EDN PJYSKZ.

[6] Kaznacheev, V. A. The influence of physical training on the physical condition of an employee of the penitentiary system / V. A. Kaznacheev // Izvestia of the

Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, biomedical sciences. – 2020. - T. 22, NO. 74. - S. 26-30. – DOI 10.37313/2413-9645-2020-22-74-26-30. – EDN TYRCPT.

- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-254-257
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ТРЕТЬЯКОВ Александр Сергеевич,
к.пед.н., доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта, Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
e-mail: tretyakoval@yandex.ru

НАКОНЕЧНАЯ Екатерина Владимировна,
к.псих.,н., доцент кафедры клинической психологии и педагогики с курсом ПО Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого" Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕШКОВА Светлана Сергеевна,
д.б.н., доцент, профессор кафедры психологии Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
e-mail: mail@law-books.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, КАК СРЕДСТВО СНИЖЕНИЯ УЧЕБНОГО СТРЕССА И ПОВЫШЕНИЯ РАБОТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *Обучение в высшем учебном заведении для многих обучающихся носит стрессогенный характер. Причин для этого множество: расхождение требований вуза и возможностей (психофизических, интеллектуальных, волевых) студента, низкий адаптационный потенциал обучающегося, высокий уровень учебной нагрузки и др. Рассмотрение данного вопроса обусловлено ростом количества студентов с различными психоэмоциональными проблемами, что подтверждает статистика обращений в психологические службы вузов. Целью статьи является уточнение влияния учебной деятельности на возникновение учебного стресса у студентов, и помощи по устранению влияния стресса на студентов с помощью физических упражнений.*

Ключевые слова: *физическая культура, студенты, работоспособность, учебная нагрузка, стресс.*

TRETYAKOV A.S.,
PhD in Pedagogy, docent, associate professor, department of physical education and sports, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev", Krasnoyarsk, Russia

NAKONECHNAYA E.V.,
PhD in Psychology, associate professor, department of clinical psychology and pedagogy with a course of professional education, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation

MESHKOVA S.S.,
Grand PhD in Biological sciences, docent, professor
Department of Psychology, Krasnoyarsk State Pedagogical
University Named After V.P. Astafiev

PHYSICAL EDUCATION AS A MEANS OF REDUCING ACADEMIC STRESS AND INCREASING STUDENT PERFORMANCE

Annotation. *Higher education for many students is stressful. There are many reasons for this: the discrepancy between the requirements of the university and the capabilities (psychophysical, intellectual, strong-willed) of the student, the low adaptive potential of the student, the high level of educational load, etc. Consideration of this issue is due to an increase in the number of students with various psycho-emotional problems, which is confirmed by the statistics of appeals to psychological services of universities. The aim of the article is to clarify the impact of educational activities on the occurrence of educational stress in students, and to help eliminate the impact of stress on students through exercise.*

Key words: *physical education, students, performance, workload, stress.*

Обучение в высшем учебном заведении для многих обучающихся носит стрессогенный характер. Причин для этого множество: расхождение требований вуза и возможностей (психофизических, интеллектуальных, волевых) студента, низкий адаптационный потенциал обучающегося, высокий уровень учебной нагрузки и др. Рассмотрение данного вопроса обусловлено ростом количества студентов с различными психоэмоциональными проблемами, что подтверждает статистика обращений в психологические службы вузов. Осознание проблемы влияния учебного стресса на включенность обучающихся в образовательный процесс позволит преподавателям вузов изменить стратегию проведения занятий, принятия форм отчетности, а психологическим службам университетов – провести целенаправленную работу по созданию условий выработки адаптивных возможностей обучающихся. Целью статьи выступает уточнение влияния учебной деятельности на возникновение учебного стресса у студентов, и помощи по устранению влияния стресса на студентов путём физической активности. [2]

Физическая культура - это часть общей культуры общества, представляющая собой совокупность материальных и духовных ценностей, создаваемая обществом для физического совершенствования человека, укрепления его здоровья и физических способностей.

Основные формы физической активности студентов:

Учебные занятия физической культуры

Самостоятельные упражнения

Спортивные секции и соревнования

Оздоровительно-рекреативная деятельность: прогулки, плаванье, туризм и так далее.

Сочетание различных форм физической активности способствует укреплению здоровья студентов, способствует снижению стресса и повышению умственной работоспособности. [1]

Наиболее часто основными факторами возникновения стресса у студентов являются высокая учебная нагрузка, недостаток сна и отдыха, отсутствие смены деятельности, социальная адаптация, малая физическая активность и эмоциональное напряжение. В следствие этого, стресс начинает влиять на повышение тревожности и беспокойства, апатии и усталости. [1] Потому, нахождение студента в постоянном стрессе влияет на психологическое состояние, приводит к умственному напряжению и чувству неуверенности. Обучающиеся часами проводят за компьютером и учебниками находясь в постоянном поиске информации для подготовки к экзаменам, просмотром и изучением лекций, а также за выполнением заданий. Со временем это вызывает не только умственное, но и физическое переутомление, так как из-за долгого нахождения в положении сидя нарушается кровообращение, возникает спазм в мышцах спины и шеи, могут возникнуть проблемы с дыханием и нервами. [2] Малоподвижный образ жизни напрямую влияет на переутомление, организм становится более слабым и снижает способность борьбы со стрессом, сон становится менее качественным, кислорода поступает в недостаточном количестве, что может повлечь за собой головные боли, проблемы с желудочно-кишечным трактом, повлиять на общую раздражительность и не только.

Регулярные занятия спортом являются эффективными средством снижения стресса у студентов. Во время физических упражнений улучшается работа нервной системы, снижается эмоциональное напряжение и повышается стрессоустойчивость, физическая деятельность способ-

ствует выработке гормонов, что влияет настроение, сон и общее самочувствие. [2]

Внедрение физической активности в учебный процесс также является сменой деятельности, которая положительно сказывается и позволяет снизить риск переутомления.

Занятия физической культурой способствуют повышению работоспособности студента. Физические нагрузки способствуют поддержанию хорошего настроения, улучшению качества сна. Помимо этого, повышает усидчивость, тем самым увеличивает способность к обучению.

Кроме всех благ физической культуры, которые были описаны выше, это отличный способ социализироваться на первых этапах обучения в вузе, ведь существует огромное количество командных видов спорта, в которых студент сможет найти себе друзей по интересам и сразу познакомиться с жизнью внутри университета, помимо учебы. Студенты должны поддерживать дисциплину в отношении к физическим нагрузкам, для исправления малоподвижного образа жизни. Следует начинать с более простых нагрузок, для избегания возможных травм, добавляя в свой комплекс упражнений более сложные виды активностей. У каждого интересы могут быть разными: тренажерный зал, туризм, походы в бассейн, единоборство и т.д. Видов физической активности огромное множество, и чем бы не интересовался студент, он сможет найти себе занятие по душе. [3]

Несмотря на пользу физической активности для снижения стресса и улучшения работоспособности, большинство студентов не занимаются физической культурой. Можно выделить несколько основных причин.

Первое: организация физического воспитания в вузах не всегда соответствует потребностям студентов. Спортивные секции необходимы для подготовки спортсменов для участия в соревнованиях, а не на благополучие студентов.

Вторая причина, у студентов наблюдается низкий уровень физической подготовленности. При выполнении физических упражнений студенты чувствуют себя не комфортно и не получают поддержки, из-за этого снижается их мотивация к дальнейшим занятиям.

Третья причина: студенты сталкиваются с недостатком времени из-за совмещения учёбы с работой. В их расписании физическая активность отодвигается на последний план, уступая место отдыху, общению или решению задач по дому.

Четвертое: большинство форм физической нагрузки в вузе не учитывают предпочтения множества студентов, в особенности девушек. Интерес студенток не проявляется к привычным видам нагрузок, тогда как востребованные виды - плавание, танцы, йога, оздоровительная ходьба, часто не представлены в системе физкультурного образования.

Таким образом, частым препятствием для занятий физической культурой является не отсутствие желания у студентов, а наличие более приоритетных задач, к которым они привыкли в своем распорядке дня.

Физическая активность помогает повысить студентам работоспособность, концентрацию внимания и, как ранее упоминалось, улучшает сон, снижает стресс и повышает способность воспринимать новые учебные нагрузки. Для любого человека, в особенности студента, физическая культура должна занимать важное место в жизни, так как в первую очередь она повысит качество жизни, благоприятно скажется на мироощущении студента в позитивном русле.

Список литературы:

[1] Близгарева, С. А Влияние физической культуры на работоспособность и умственную деятельность студентов / С. А. Близгарева, Э. В. Круглякова, Е. И. Коробейников // Автономия личности. – 2023. – № 1 (29). – С. 120-130. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-fizicheskoy-kultury-na-rabotosposobnost-i-umstvennuyu-deyatelnost-studentov.

[2] Учебная деятельность как фактор возникновения стресса у студентов / Т.Ю. Артюхова, Т.И. Петрова, О.А. Бенькова, Е.П. Федорова // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2020. – Т. 52, № 2 (52). – URL: https://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/296.

[3] Щетинина С. Ю. Влияние занятий физической культурой и спортом на снижение стресса у студентов вуза / С. Ю. Щетинина // Ученые записки университета Лесгафта. – 2025. – № 4(242). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zanyatiy-fizicheskoy-kulturoy-i-sportom-na-snizhenie-stressa-u-studentov-vuza (дата обращения: 23.09.2026).

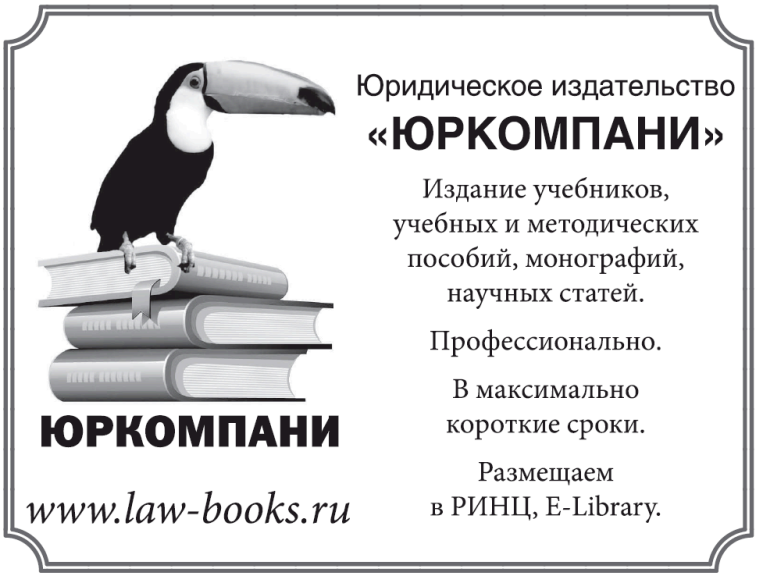
References:

[1] Blizgareva, S. A. The influence of physical culture on the performance and mental activity of students / S. A. Blizgarev, E. V. Kruglyakov, E. I. Korobeinikov // Autonomy of personality. – 2023. – № 1 (29). - S. 120-130. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-fizicheskoy-kultury-na-rabotosposobnost-i-umstvennuyu-deyatelnost-studentov.

[2] Educational activity as a stress factor in students / T.Yu. Artyukhova, T.I. Petrova, O.A. Benkova, E.P. Fedorov // Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev. – 2020. - T. 52, NO. 2 (52). – URL: https://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/296.

[3] Shchetinina S. Yu. The effect of physical

education and sports on stress reduction in university students / S. Yu. Shchetinin // Scientific notes of the University of Lesgaft. – 2025. – № 4(242). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zanyatiy-fizicheskoy-kulturoy-i-sportom-na-snizhenie-stressa-u-studentov-vuza (дата обращения: 23.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-258-261
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

АЛЕЕВСКАЯ Александра Олеговна,
старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Академии ФСИН России,
e-mail: aleyevskaya.al@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические аспекты нравственного воспитания курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний России. Обосновывается необходимость опоры на традиционные российские ценности в процессе формирования профессионально-нравственной личности будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы в контексте государственной политики. Представлена авторская система дифференциации нравственных ценностей курсантов образовательных организаций ФСИН России. Особое внимание уделяется специфике ведомственного образования и условиям формирования нравственных ценностей курсантов образовательных организаций ФСИН России.*

Ключевые слова: *нравственное воспитание, курсанты, вузы ФСИН России, традиционные российские ценности, нравственные ценности.*

ALEYEVSKAYA Aleksandra Olegovna,
senior lecturer of the department of Russian and foreign languages of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

FORMATION OF MORAL VALUES OF CADETS OF EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES

Annotation. *The article examines the theoretical aspects of moral education of cadets of universities of the Federal Penal Service of Russia. The necessity of relying on traditional Russian values in the process of forming the professional and moral personality of a future penal system officer in the context of state policy is substantiated. The author's system of differentiation of moral values of cadets of educational establishments of the Federal Penal Service of Russia is presented. Particular attention is paid to the specifics of departmental education and the conditions for the formation of moral values of cadets of educational establishments of the Federal Penal Service of Russia.*

Key words: *moral education, cadets, universities of the Federal Penal Service of Russia, traditional Russian values, moral values.*

Вопросы воспитания личности в современном российском обществе приобретают особую остроту в силу ряда причин: возрастает кризис нравственности и морали, наблюдается дефицит консолидирующих ценностных ориентиров, усиливается деградация молодого поколения в условиях информационной войны и насаждения псевдоценностей. В этих условиях особенно актуальной становится задача целенаправленного нравственного воспитания молодежи, приобщения ее к проверенным временем духовным основам национальной культуры.

Особую значимость данная проблема приобретает в контексте подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы России. Ведомственные вузы ФСИН готовят сотрудников для работы с осужденными в местах лишения свободы, что предъявляет повышенные требования не только к профессиональной компетентности выпускников, но и к их морально-нравственному облику. Сотрудник пенитенциарной системы должен быть носителем тех нравственных качеств, которые он призван формировать у осужденных: честности, справедливости, ответственности, гуманизма, уважения к человеческому достоинству.

За последние годы российское государство

всё активнее закрепляет свою роль в воспитании подрастающего поколения. Одним из ключевых шагов считается Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]. Этот документ стратегического планирования нормативно закрепил ценностную парадигму развития российского государства и общества на долгосрочную перспективу. Данный акт ознаменовал собой переход от этапа теоретического осмысления национальной ценностной проблематики к этапу системной государственной политики в этой сфере, что нашло отражение во всех направлениях внутренней политики, в том числе в системе образования всех уровней.

Содержательное ядро Указа № 809 составило определение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению и лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности. К числу таких ценностей отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (пункт 4 Указа № 809). Перечисленные ценностные категории образуют аксиологический фундамент, на котором выстраивается вся система воспитательной и образовательной деятельности в современных российских образовательных организациях.

Исследователи подчёркивают, что Указ № 809 стал концептуальным основанием для переосмысления содержания и организации воспитательной работы в образовательных организациях [2, с. 8].

Для системы высшего образования, в том числе ведомственного, Указ № 809 задал чёткие ценностные ориентиры, трансформировавшие целевые установки образовательного процесса. Если ранее воспитательная составляющая профессиональной подготовки зачастую носила факультативный или вспомогательный характер, то после принятия данного документа она приобрела статус нормативно закреплённого приоритета. Как отмечается в научной литературе, Указ № 809 представляет собой «системный ответ на угрозы размывания культурного суверенитета и направлен на консолидацию общества вокруг объединяющих смыслов» [3, с. 96]. В этом контексте образование рассматривается не только как механизм трансляции профессиональных знаний и умений, но и как институт ценностного воспроизводства нации.

Применительно к образовательным организациям высшего образования интеграция ценностного содержания, закреплённого Указом № 809, осуществляется по нескольким направлениям. Первое направление предполагает встраивание ценностной проблематики в содержание общепрофессиональных и специальных дисциплин, что обеспечивает не декларативное, а деятельностное усвоение традиционных ценностей в контексте будущей профессиональной деятельности. Второе направление связано с проектированием воспитательной среды образовательной организации как целостного ценностно-ориентированного пространства, в котором уклад жизни студентов, система отношений и внеучебная деятельность подчинены задачам нравственного развития личности. Третье направление включает разработку и реализацию социальных проектов, волонтёрских практик и студенческих движений, в рамках которых ценностные установки получают деятельностное воплощение.

Особую значимость положения Указа № 809 приобретают для ведомственных образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров для силовых структур и правоохранительной системы. Для вузов ФСИН России ценностные ориентиры, закреплённые в данном документе, органично соотносятся с профессионально-этическими требованиями, предъявляемыми к сотрудникам уголовно-исполнительной системы. Такие ценности, как служение Отечеству, справедливость, гуманизм, милосердие, коллективизм и взаимопомощь, составляют не только общенациональное достояние, но и ядро профессиональной морали сотрудника уголовно-исполнительной системы. Это создаёт объективные предпосылки для интеграции общероссийской ценностной повестки в систему профессионального воспитания курсантов.

Ключевым теоретическим основанием рассматриваемой проблемы является аксиологический подход, согласно которому воспитание есть процесс приобщения личности к нравственным ценностям и формирования на их основе устойчивой системы личностных смыслов. Применительно к ведомственному образованию этот подход означает необходимость целенаправленной трансляции профессиональных и общечеловеческих ценностей в процессе подготовки будущих сотрудников.

Основой для воспитательной работы с курсантами должны стать, в первую очередь, нацио-

нальные ценности, закрепленные в Конституции Российской Федерации. К ним относятся: установление прав и свобод человека, гражданского мира и согласия; суверенная государственность и демократическая основа; память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость; равноправие и самоопределение народов; благополучие и процветание Отечества; ответственность за свою Родину перед прошлым, нынешним и будущими поколениями; осознание себя частью мирового сообщества.

Проведенный сравнительный анализ существующих классификаций и содержания нравственных ценностей позволил разработать авторскую систему их дифференциации для курсантов как будущих офицеров уголовно-исполнительной системы, критерием отбора для которой послужила значимость ценностных элементов (таблица 1).

Основные группы нравственных ценностей курсантов

общечеловеческие	**личностно-поведенческие**	**организационные**	**профессионально-волевые**
гуманное отношение к человеку	патриотизм	взаимовыручка	воинский долг
любовь к своему народу	мужество	воинское братство	офицерская честь
толерантность	ответственность	решительность	верность военной присяге
совесть	дисциплинированность	гордость за избранную профессию	единоначалие
благородство и доброта	трудолюбие	сплоченность	дружба и войсковое товарищество
социальная справедливость	активная жизненная позиция	достоинство	сочетание высокой требовательности с заботой о подчиненных
	тактичность	исключительность	организованность
	альтруизм		командирская воля
	сопереживание		
	честность и порядочность		

Данная классификация нравственных ценностей курсантов представляет собой многоуровневую, иерархически организованную систему, отражающую специфику военно-профессиональной деятельности и социализации личности в условиях ведомственного вуза. Мы выделяем 4 блока ценностей, каждый из которых выполняет определенные регулятивные функции в процессе профессионализации:

Общечеловеческие ценности (аксиологический фундамент). Данная группа задает универсальный гуманистический контекст профессиональной деятельности. Включает категории, отражающие отношение к человеку как высшей ценности (гуманность, толерантность, социальная справедливость, благородство), а также моральные регуляторы совести и доброты. Эти ценности формируют мировоззренческую базу, обеспечивающую соответствие деятельности курсанта международным гуманитарным стандартам и этическим нормам.

Личностно-поведенческие ценности (индивидуально-характерологический уровень). Данный кластер аккумулирует качества, определяющие социальную зрелость и гражданскую позицию личности: патриотизм, активная жизненная позиция, ответственность, дисциплинированность, трудолюбие, честность, порядочность, тактичность, альтруизм, мужество и сопереживание. Эти ценности выступают личностными факторами социально одобряемого поведения, обеспечивая адаптацию в воинском коллективе и устойчивость к деструктивным внешним воздействиям.

Организационные ценности (институционально-коллективистский уровень). Отражают специфику жизнедеятельности ведомственного социума: взаимовыручка, воинское братство, сплоченность, организованность, исключительность (как чувство принадлежности к определенной профессиональной группе) и достоинство. Данные ценности выполняют интегрирующую функцию, обеспечивая единство ведомственного коллектива, субординационные отношения и готовность к взаимоподдержке в экстремальных условиях.

Профессионально-волевые ценности (деятельностно-регулятивный уровень). Наиболее специфичная группа, непосредственно детерминирующая эффективность служебной деятельности: воинский долг, офицерская честь, верность военной присяге, единоначалие, дружба и войсковое товарищество, сочетание требовательности с заботой о подчиненных, командирская воля и решительность. Эти ценности выступают инструментальными регуляторами профессионального поведения, закрепляя корпоративные нормы и обеспечивая выполнение служебных задач в условиях повышенной ответственности и риска.

Следует отметить, что ценности в данной классификации не изолированы, а образуют взаимопроникающую систему: так, патриотизм (личностно-поведенческая группа) коррелирует с воинским долгом (профессионально-волевой), а толерантность (общечеловеческая) находит практическое воплощение в дружбе и войсковом товариществе (организационная группа). Такая структурная организация свидетельствует о глубокой интеграции нравственного сознания курсанта, где общечеловеческие идеалы опредмечиваются в конкретных профессиональных действиях через систему организационных и поведенческих норм.

При построении педагогической модели формирования нравственных ценностей курсантов необходимо учитывать специфику организации их учебной и служебной деятельности. Курсанты ведомственных вузов находятся в услови-

ях постоянного сочетания образовательного процесса с элементами служебной деятельности, что накладывает отпечаток на их ценностные ориентации и модели поведения.

Нравственное воспитание курсантов образовательных организаций ФСИН России представляет собой системный и целостный процесс, детерминированный рядом педагогических условий. Среди них следует выделить содержание образования, ценностно-ориентированную воспитательную среду ведомственного вуза, а также единство учебных и профессиональных традиций [4, с. 287].

В системе высшего образования уголовно-исполнительной системы дисциплины гуманитарного цикла создают наиболее благоприятные педагогические условия для возникновения ситуаций развития нравственного сознания обучающихся [4, с. 288]. Однако формирование нравственных ценностей не может быть ограничено исключительно аудиторной работой. Необходим комплексный подход, предполагающий интеграцию учебной и внеаудиторной воспитательной деятельности, использование различных средств воспитательного воздействия.

Таким образом, нравственное воспитание курсантов вузов ФСИН России в контексте традиционных российских ценностей представляет собой сложный и многоаспектный процесс, требующий системного подхода и учета специфики ведомственного образования. Опора на национальные ценности создает содержательную основу для формирования личности будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы. Эффективность формирования нравственных ценностей курсантов образовательных организаций ФСИН России достигается через интеграцию учебной и внеаудиторной деятельности, создание ценностно-ориентированной воспитательной среды.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 29.08.2026).

[2] Аксенова Г. И., Елистратова Н. Н. Духовно-нравственные основы развития личности курсантов: психолого-педагогический аспект / Г. И. Аксенова, Н. Н. Елистратова // Прикладная юридическая психология. – 2026. – № 2(75). – С. 5-17.

[3] Полякова М.А., Позубенкова Э.И., Гурьянова Н.М., Куликова Е.С. Направления реализации долгосрочного проекта по сохранению и укреплению российских духовно-нравственных ценностей // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2026. – № 16(4) – С. 96-108.

[4] Алеевская, А. О. Формирование нравственных ценностей курсантов образовательных организаций ФСИН России / А. О. Алеевская // Управленческий учет. – 2025. – № 6. – С. 285-289.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // Official Internet portal of legal information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001202211090019 (access date: 29.08.2026).

[2] Aksenova G. I., Elistratova N. N. Spiritual and moral foundations of the development of the personality of cadets: psychological and pedagogical aspect/G. I. Aksenova, N. N. Elistratova // Applied legal psychology. – 2026. – № 2(75). - S. 5-17.

[3] Polyakova M.A., Pozubenkova E.I., Guryanova N.M., Kulikova E.S. Directions for the implementation of a long-term project to preserve and strengthen Russian spiritual and moral values // Humanities. Bulletin of the University of Finance. – 2026. - NO. 16 (4) - S. 96-108.

[4] Aleevskaya, A. O. Formation of moral values of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia / A. O. Aleevskaya // Management accounting. – 2025. – № 6. - S. 285-289.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-262-268
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

НЕЦВЕТАЕВА Виктория Олеговна,
старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Академии ФСИН России,
e-mail: Sincera91@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ МОДЕЛИ «4К» В СИСТЕМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Имплементация концептуальной модели «4К» (критическое мышление, креативность, коммуникация, кооперация) в вузах ФСИН России выступает ключевым вектором модернизации профессионально-педагогической подготовки курсантов. Гуманизация уголовно-исполнительной системы и профилактика рецидивной преступности детерминируют запрос на развитие у офицерского состава когнитивной гибкости, стрессоустойчивости и оперативно-тактической компетентности. Специфика оперативно-служебной деятельности, протекающей в условиях психоэмоционального напряжения и жесткой иерархичности, требует смены образовательной парадигмы: отхода от узкоспециализированной мономодели (hard skills) к синергии юридических знаний и над профессиональных компетенций (soft skills). Эмпирический анализ выявил дисбаланс между нормативно-теоретической подготовкой курсантов и их готовностью к принятию нешаблонных решений в экстремальных ситуациях. Для его устранения обоснован комплекс педагогических условий, включающий цифровизацию среды, ситуационное и полигонное обучение (Case-study), а также трансформацию роли преподавателя в фасилитатора.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, модель «4К», критическое мышление, креативность, профессиональная коммуникация, кооперация, гибкие навыки, профессиональная подготовка.*

NETSVETAEVA Victoria O.,
a senior lecturer at the Department of Russian and Foreign Languages at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

INTEGRATION OF THE "4C" MODEL INTO THE SYSTEM OF PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL TRAINING OF FUTURE OFFICERS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The implementation of the conceptual "4C" model (critical thinking, creativity, communication, and collaboration) in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia serves as a key vector for modernizing the professional and pedagogical training of cadets. The humanization of the penal system and the prevention of recidivism determine the demand for developing cognitive flexibility, stress tolerance, and operational-tactical competence among the officer corps. The specific nature of operational and service activities, which take place under conditions of psycho-emotional tension and strict hierarchy, requires a shift in the educational paradigm: moving away from a highly specialized single model (hard skills) toward a synergy of legal knowledge and cross-professional competencies (soft skills). Empirical analysis has revealed an imbalance between the normative-theoretical training of cadets and their readiness to make non-standard decisions in extreme situations. To address this issue, a comprehensive set of pedagogical conditions has been substantiated, including the digitalization of the environment, situational and simulation-based training (case studies), as well as the transformation of the instructor's role into that of a facilitator.*

Key words: *penal system, "4C" model, critical thinking, creativity, professional communication, collaboration, soft skills, professional training.*

Динамика социально-экономических и правовых институтов российского общества определяет необходимость трансформации подходов к обеспечению государственной службы. Наиболее отчетливо это проявляется в сфере функционирования правоохранительных ведомств. Процесс модернизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации нацелен на достижение баланса между исполнением установленных режимов изоляции и созданием условий для эффективной ресоциализации осужденных. Эффективность выполнения этих сложных, а порой и противоречивых задач находится в прямой зависимости от качества профессионально-личностного развития и уровня когнитивной гибкости будущих офицеров, формирование которых осуществляется в ведомственных высших учебных заведениях ФСИН России.

Сложившаяся система подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы традиционно опиралась на приоритетное освоение узкоспециализированных («жестких») компетенций: детальное усвоение норм уголовно-исполнительного права, овладение огневой, физической и тактико-специальной выучкой, а также алгоритмизацию действий при исполнении типовых служебных задач. Однако практическая деятельность выпускаемых специалистов протекает в условиях высокой неопределенности, постоянно возникающих межличностных конфликтов, психоэмоционального давления и вероятности возникновения чрезвычайных ситуаций. В подобной обстановке слепое следование шаблонным инструкциям при отсутствии развитых навыков критического анализа и гибкого взаимодействия нередко приводит к управленческим ошибкам, депрофессионализации и профессиональному выгоранию сотрудников [1].

В современной пенитенциарной педагогике назрела объективная необходимость трансформации пенитенциарной педагогической науки в части внедрения образовательных концептов, ориентированных на формирование у курсантов устойчивых надпрофессиональных компетенций (soft skills). В ряду научно обоснованных и апробированных подходов особое место занимает модель «4К», выступающая интегративным инструментом развития четырех ключевых характеристик специалиста: критического мышления (Critical Thinking), креативности (Creativity), коммуникативной компетентности (Communication) и способности к кооперации (Cooperation) [2].

Объектом исследования является система профессиональной подготовки курсантов в высших образовательных организациях ФСИН России.

Предметом исследования выступают педагогические условия, методологические подходы и дидактические механизмы системной интеграции компетенций модели «4К» в образовательный процесс и внеучебную деятельность будущих офицеров УИС.

Цель исследования состоит в теоретико-методологическом обосновании, эмпирической валидации и проектировании педагогической модели формирования компетенций «4К» у курсантов ведомственных вузов с учетом специфики и рисков оперативно-служебной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в реализации комплексной декомпозиции и содержательной профилизации элементов модели «4К» применительно к специфике пенитенциарной сферы; раскрытии дидактического потенциала цифровых технологий во внеучебной практике ведомственного образовательного контура; разработке сравнительной матрицы традиционного и компетентностно-ориентированного обучения; систематизации критериев и уровней сформированности надпрофессиональных навыков в условиях закрытого образовательного учреждения.

Методологическую основу исследования формируют системный и компетентностный подходы к анализу профессионального образования, субъект-субъектная концепция воспитательного процесса, а также комплекс методов теоретического анализа, синтеза, дедуктивного моделирования, педагогического наблюдения и интерпретации эмпирических данных.

Проблематика формирования и развития надпрофессиональных компетенций (soft skills) выступают предметом междисциплинарного анализа в современной педагогике, психологии и теории государственного управления. В академических исследованиях под данными компетенциями понимается комплекс социально-психологических, когнитивных и саморегуляционных качеств личности, определяющих ее адаптационный потенциал, эффективность коммуникативного взаимодействия и способность к разрешению нетипичных задач в динамичной среде [3]. Трансформация образовательных парадигм в условиях постиндустриального общества детерминирует смещение приоритетов высшей школы с традиционной ретрансляции предметных знаний на развитие метапредметных механизмов, где модель «4К» выполняет функцию базовой дидактической матрицы.

Специфика научно-педагогического дискурса в ведомственной системе образования обусловлена особым характером функционирования силовых структур. На протяжении длительного периода основные исследования были сосредоточены на изучении психологической готовности курсантов к выполнению служебно-боевых

задач в экстремальных условиях, развития эмоционально-волевой устойчивости, навыков саморегуляции и оперативно-тактической выучки [4]. Несмотря на доказанную значимость жесткой нормативной регламентации и дисциплины, представляющих собой базис ведомственной педагогики, современные исследователи все чаще подчеркивают ограниченность исключительно авторитарно-дисциплинарной модели, не подкрепленной когнитивно-коммуникативной гибкостью обучающихся, что снижает итоговую продуктивность правоохранительной деятельности.

Весомый вклад в разработку научно-методических основ развития гибких навыков у обучающихся ведомственных образовательных организаций внесли представители Владимирского юридического института ФСИН России и Владимирского государственного университета. В научных трудах Л. К. Фортовой и С. В. Комиссаровой обосновано, что внеучебная деятельность, интегрированная с современными цифровыми инструментами, обладает высоким педагогическим потенциалом в контексте формирования элементов модели «4К» у курсантов [3]. Исследователями подчеркивается, что гибкость и вариативность внеучебного пространства позволяют нивелировать жесткие рамки уставной регламентации образовательного процесса, создавая условия для реализации творческого, когнитивного и коммуникативного потенциала обучающихся.

Проблематика гуманизации уголовно-исполнительного процесса, превенции деструктивных проявлений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, модернизации воспитательных практик и реализации личностно-профессионального потенциала личного состава выступает устойчивым предметом научного осмысления на страницах ведущих рецензируемых изданий, в частности журнала «Человек: преступление и наказание». Анализ профильных исследовательских публикаций демонстрирует последовательную трансформацию образовательных концептов — от авторитарно-трансляционных форм подготовки к внедрению продуктивных, интерактивных и проблемно-ориентированных педагогических технологий.

Несмотря на наличие исследований, раскрывающих изолированные аспекты профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы (в частности, стрессоустойчивость или навыки ведения переговоров), комплексный научно-педагогический анализ интеграции модели «4К» как целостной дидактической платформы в процесс подготовки специалистов в высшей школе ФСИН России представлен фрагментарно, что определяет актуальность и научно-практическую значимость настоящего исследования.

Интеграция модели «4К» в систему подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы определяется необходимостью учета специфического характера ведомственного образования. С одной стороны, образовательные организации ФСИН России функционируют в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС ВО), обеспечивающих единство образовательного пространства и реализующих компетентностную парадигму. С другой стороны, учебно-воспитательный процесс регламентирован требованиями специальных уставов, ведомственных нормативных правовых актов и условий прохождения службы, что накладывает определенные ограничения на свободу выбора форм и методов обучения.

Методологический базис исследования строится на понимании того, что традиционная парадигма «знания-умения - навыки» (ЗУН) в современном пенитенциарном контексте оказывается исчерпанной. Специалист, досконально знающий статьи кодексов и инструкции, но не обладающий навыками критической оценки информации и эмоционального интеллекта, становится уязвимым перед психологическими манипуляциями со стороны спецконтингента. Концепция «4К» позволяет трансформировать процесс обучения так, чтобы усвоение нормативно-правовой базы происходило параллельно с развитием универсальных способов мышления и действия.

Исторический анализ свидетельствует, что сами истоки развития системного формирования гибких навыков и критического мышления восходят к методам интенсивной подготовки специалистов в условиях повышенного риска и неопределенности. В современной ведомственной высшей школе внедрение модели «4К» в процесс обучения не означает отказа от строгой дисциплины или специальной физической подготовки; напротив, она выступает интеллектуальным и социально-психологическим усилителем профессионального мастерства будущих офицеров.

Для успешного внедрения модели «4К» в практику подготовки курсантов необходима содержательная адаптация каждого из ее элементов к реалиям оперативно-служебной деятельности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Критическое мышление – это компетенция, включающая навыки поиска информации, подбора аргументов, формулировки доказательных выводов [5, С. 39]. Критическое мышление сотрудника УИС представляет собой когнитивный процесс анализа, синтеза и объективной оценки поступающей оперативной и служебной информации в условиях потенциального противодействия или дезинформации. В процессе выполнения опера-

тивно-служебных задач личный состав регулярно подвергается воздействию провокационных ситуаций, симулированных конфликтов и попыток вовлечения в деструктивные коммуникативные связи. Развитое критическое мышление позволяет курсанту — будущему офицеру — отделять достоверные факты от эмоциональных интерпретаций, выявлять скрытые причинно-следственные связи в поведении осужденных, оценивать законность и обоснованность отдаваемых распоряжений и прогнозировать последствия принимаемых управленческих решений.

Креативность в условиях жесткой уставной системы зачастую ложно воспринимается как склонность к нарушению правил. Вместе с тем в пенитенциарной педагогике креативность трактуется как над ситуативная активность и способность к нестандартному, изобретательному решению служебно-боевых и воспитательных задач в строгих рамках действующего законодательства. Офицер УИС, обладающий креативным мышлением, способен находить новые индивидуализированные методы воспитательного воздействия на осужденных с целью их эффективной ресоциализации, разрабатывать нестандартные планы оперативных мероприятий и оптимизировать рутинные процессы управления подчиненным личным составом.

Коммуникативные отношения, определяются как взаимодействие двух личностей, выступающих полноценными субъектами информационного обмена и восприятия [6, С. 78]. Коммуникативная компетентность в сфере исполнений наказаний является базовым профессиональным инструментом, поскольку подавляющее большинство рабочих ситуаций разрешается вербальным путем. Профессионально-пенитенциарная коммуникация включает навыки установления психологического контакта в деструктивной среде, владение техниками нейтрализации агрессивных проявлений, искусством ведения переговоров при захвате заложников или массовых беспорядках, а также строгое соблюдение норм служебной этики. Умение четко, грамотно и убедительно аргументировать свою позицию позволяет офицеру предотвращать эскалацию напряженности в исправительном учреждении без задействования силового ресурса и специальных средств.

Кооперация выражается в способности курсантов к эффективной командной работе, консолидации усилий и подчинению личных амбиций выполнению общей оперативно-служебной задачи. В специфике пенитенциарной службы командная работа имеет жизненно важное значение: функционирование дежурных смен, обысковых групп, оперативных подразделений и сводных отрядов при ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств требует безупречной согласованности, взаимовыручки и высокого уровня межличностного доверия. Несформированность навыков кооперации в экстремальной обстановке напрямую создает угрозу жизни и здоровью сотрудников и граждан.

Для определения исходного уровня сформированности гибких навыков у будущих офицеров обратимся к результатам социолого-педагогических исследований, проведенных в ведомственных институтах ФСИН России [3]. Данные диагностики показывают значительную неоднородность в уровне развития критического мышления среди обучающихся (см. таблицу 1).

Таблица 1. Уровень сформированности гибких навыков у будущих офицеров

Уровень развития критического мышления	Доля курсантов (%)	Поведенческие маркеры и проявление в служебной деятельности	Риски для оперативно-служебной деятельности
Высокий уровень (7–10 баллов)	52%	Способность к системному анализу информации, распознаванию психологических манипуляций, быстрому принятию самостоятельных правовых решений в условиях давления[3].	Минимальные. Высокая адаптивность к нештатным и экстремальным ситуациям.
Удовлетворительный уровень (4–7 баллов)	42%	Успешное решение типовых задач по шаблону; затруднения при необходимости критического анализа нестандартных вводных и работы в условиях острого дефицита времени.	Склонность к ошибкам при усложнении оперативной обстановки, уязвимость к изощренным манипуляциям.
Недостаточный уровень (до 4 баллов)	6%	Ригидность мышления, полная зависимость от внешних указаний, неспособность выявить логические противоречия в легендированных легендах спецконтингента.	Высокий риск совершения профессиональных ошибок, подверженность провокациям и психологическому выгоранию.

Источник: Составлено автором на основании результатов исследования Фортовой Л. К. и Комиссаровой С. В.

Анализ эмпирических данных показывает, что суммарно 48% курсантов испытывают сложности при необходимости выходить за рамки стандартных алгоритмов мышления и нуждаются в целенаправленном педагогическом воздействии. Сравнительный анализ традиционной парадигмы обучения и инновационной модели с интеграцией «4К» позволяет продемонстрировать векторы необходимым трансформаций (см. таблицу 2).

Таблица 2. Векторы трансформации модели обучения

Критерий сравнения	Традиционная модель подготовки	Модель подготовки с интеграцией «4К»
Целевая установка	Овладение знанием нормативной базы и алгоритмами стандартных действий (hard skills).	Формирование гармоничного сочетания жестких профессиональных и гибких надпрофессиональных компетенций.
Преобладающие методы	Иллюстративно-объяснительные, монологические лекции, репродуктивные семинары.	Проблемные лекции, анализ ситуаций (Case-study), полигонные тренинги, деловые игры[4].
Позиция обучающегося	Пассивный recipient информации, исполнитель установленных нормативных инструкций.	Активный субъект образовательного процесса, исследователь, участник командного поиска решений.
Характер учебных задач	Типовые задачи, предполагающие единственный правильный ответ по образцу.	Открытые, многоальтернативные задачи, симулирующие неопределенность реальной службы.
Оценка результатов	Полнота воспроизведения учебного материала и выполнение нормативных показателей.	Комплексный мониторинг приращения знаний, уровня критического анализа, коммуникации и командного взаимодействия.

Источник: Составлено автором

Реализация модели «4К» в образовательных организациях высшего образования ФСИН России требует формирования комплекса взаимосвязанных педагогических условий. Первым условием выступает активное использование потенциала цифровых технологий во внеучебной и научно-исследовательской работе курсантов. Создание специализированных цифровых образовательных платформ, организация виртуальных дискуссионных клубов, разработка курсантами мультимедийных проектов и участие в сетевых хакатонах позволяют развивать навыки коммуникации и креативности в неформальной, высоко интерактивной среде.

Вторым условием является широкое внедрение в образовательный процесс технологий ситуационного и полигонно-симуляционного обучения. Кафедры тактико-специальной, огневой и специальной технической подготовки должны сместить акцент на проведение практических занятий на специализированных полигонах, полностью имитирующих инфраструктуру исправительного учреждения. Погружение курсантов в моделируемые кризисные ситуации (например, пресечение доставки запрещенных предметов, ликвидация групповых неповиновений, проведение сложных переговоров) заставляет их активно применять критическое мышление и кооперацию в реальном времени.

Третьим условием становится обеспечение межпредметной интеграции. Формирование компетенций «4К» не может быть ограничено изолированным спецкурсом. Требуется сквозное проектирование рабочих программ дисциплин юридического, психологического и специального циклов, предполагающее проведение бинарных занятий и межкафедральных комплексных учений.

Четвертым условием является непрерывное совершенствование психолого-педагогической квалификации профессорско-преподавательского состава. Преподаватель ведомственного вуза должен овладеть методологией фасилитации, модерации и менторства, уметь организовывать конструктивные дискуссии, поддерживать инициативу обучающихся и грамотно проводить дебрифинг — глубокий рефлексивный разбор причин успехов и ошибок, допущенных курсантами в ходе командного решения задач.

Формирование гибких навыков у курсантов не должно ограничиваться рамками аудиторных занятий. В условиях закрытого ведомственного вуза с круглосуточным пребыванием обучающихся огромным развивающим потенциалом обладает внеучебная, служебная и воспитательная работа.

В рамках внеучебной деятельности целесообразно стимулировать развитие курсантских научных обществ, юридических клиник, брейн-рингов, дебатных клубов и творческих коллективов. Участие в дебатах, посвященных актуальным проблемам уголовно-исполнительного права и пенитенциарной психологии, напрямую развивает критическое мышление и публичную коммуникацию, формируя у обучающихся навыки аргументированно отстаивать свою точку зрения с опорой на нормативную базу и этические нормы.

В процессе несения суточных нарядов и выполнения служебно-боевых задач развитие компетенций «4К» происходит через делегирование курсантам старших курсов командных и организаторских функций. Назначение курсантов младшими командирами с проведением последующего психолого-педагогического анализа их управленческих решений позволяет формировать навыки кооперации, ответственности за коллективный результат и оперативность коммуникации в иерархической среде. Оценка эффективности процесса формирования компетенций «4К» должна носить мониторинговый и пролонгированный характер. Для этого рекомендуется использовать комплекс диагностических методик, включая тестирование уровня критического мышления, оценивание решения профессиональных кейсов в ходе практических экзаменов, а также получение обратной связи от руководителей органов ФСИН России в период прохождения курсантами производственной и преддипломной практики. Проведенное теоретико-методологическое и

прикладное исследование проблемы интеграции модели «4К» в систему подготовки будущих офицеров уголовно-исполнительной системы позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы:

Доказано, что масштабная модернизация уголовно-исполнительной системы Российской Федерации требует кардинального обновления подхода к подготовке офицерских кадров через гармоничное объединение традиционных специализированных навыков (hard skills) и надпрофессиональных гибких компетенций (soft skills), синтезированных в модели «4К»

Осуществлена содержательная профилизация компонентов модели «4К» с учетом специфики пенитенциарной деятельности: критическое мышление выступает механизмом защиты от манипуляций спецконтингента и средством принятия правовых решений; креативность обеспечивает поиск законных нетривиальных способов воспитания и управления; коммуникация служит главным инструментом профилактики и деэскалации конфликтов; кооперация гарантирует высокую слаженность личного состава в экстремальных условиях.

Результаты эмпирической диагностики свидетельствуют о том, что значительная доля обучающихся (48%) характеризуется удовлетворительным либо недостаточным уровнем развития критического мышления и гибких навыков, что обусловливает необходимость трансформации традиционной репродуктивной модели обучения в интерактивную и субъект-ориентированную.

Обоснован комплекс педагогических условий эффективной имплементации модели «4К», включающий цифровизацию внеучебной среды, широкое внедрение ситуационного и полигонно-симуляционного обучения, обеспечение сквозной междисциплинарности и трансформация роли преподавателя в качестве фасилитатора образовательного процесса.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что разработанные выводы могут быть непосредственно использованы при актуализации образовательных стандартов, разработке рабочих программ дисциплин, разработке учебно-методических комплексов и планировании воспитательной работы в ведомственных образовательных организациях высшего образования ФСИН России.

Список литературы:

[1] Гладнева С. Г. Метод 4К в обучении // АНО ДПО «ВГАППССС»: [официальный сайт]. URL: https://vgaps.ru/news/metod-4k (дата обращения: 28.09.2026).

[2] Концепция 4К: навыки будущего для работы и учебы // Высшая школа предпринимательства: [официальный сайт]. URL: https://vshp.online/blog/posts/1087-kontseptsiya-4k-navyki-buduschego-dlya-raboty-i- (дата обращения: 15.09.2026).

[3] Фортова Л. К., Комиссарова С. В. Формирование гибких навыков курсантов образовательных организаций ФСИН России с применением цифровых технологий во внеучебной деятельности // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2023. Т. 9. № 1. С. 18–31. https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gibkih-navykov-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-fsin-rossii-s-primeneniem-tsifrovyh-tehnologiy-vo-vneuchebnoy (дата обращения: 19.09.2026).

[4] Башмакова, А. В. Проблема психологической готовности курсантов ФСИН к будущей профессиональной деятельности / А. В. Башмакова // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2021. — Т. 14, № 4. — С. 45–48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologicheskoy-gotovnosti-kursantov-fsin-k-buduschey-professionalnoy-deyatelnosti (дата обращения: 20.09.2026).

[5] Корешникова Ю. Н., Авдеева Е.А. Заинтересовать нельзя заставить. Роль академической мотивации и стилей преподавания в развитии критического мышления студентов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 36-66. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49593232_22223336.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

[6] Овчинников О.М., Фортова Л.К. К вопросу о содержательном наполнении коммуникативной культуры обучающихся высшей школы // Глобальный научный потенциал. 2020. № 8 (113). С. 78. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44194970_24807870.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

References:

[1] Gladneva S. G. Method of 4K in training // ANO DPO "VGAPPSSS": [official website]. URL: https://vgaps.ru/news/metod-4k (access date: 28.09.2026).

[2] The concept of 4K: the skills of the future for work and study // Graduate School of Entrepreneurship: [official website]. URL: https://vshp.online/blog/posts/1087-kontseptsiya-4k-navyki-buduschego-dlya-raboty-i- (дата обращения: 15.09.2026).

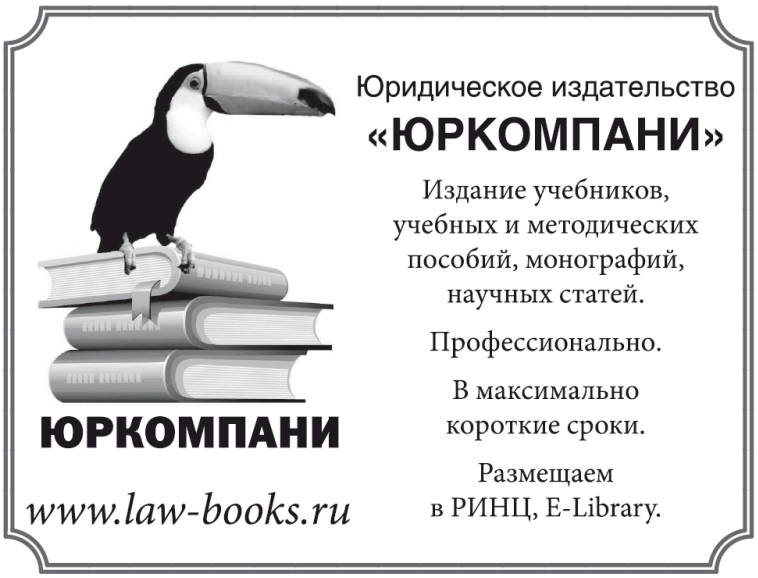
[3] Fortova L.K., Komissarova S.V. Formation of flexible skills of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia using digital technologies in extracurricular activities // Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2023. VOL. 9. № 1. S. 18-31. https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gibkih-

navykov-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-fsin-rossii-s-primeneniem-tsifrovyh-tehnologiy-vo-vneuchebnoy (дата обращения: 19.09.2026).

[4] Bashmakova, A.V. The problem of the psychological readiness of FSIN cadets for future professional activities / A.V. Bashmakov // Theoretical and experimental psychology. — 2021. - T. 14, NO. 4. - S. 45-48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologicheskoy-gotovnosti-kursantov-fsin-k-buduschey-professionalnoy-deyatelnosti (дата обращения: 20.09.2026).

[5] Koreshnikova Yu. N., Avdeeva E.A. You can't get interested. The role of academic motivation and teaching styles in the development of critical thinking of students // Education issues. 2022. № 3. S. 36-66. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49593232_22223336.pdf (access date: 10.09.2026).

[6] Ovchinnikov O.M., Fortova L.K. On the content of the communicative culture of higher education students // Global scientific potential. 2020. № 8 (113). S. 78. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44194970_24807870.pdf (access date: 10.01.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-269-274
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ВЕТРОВА И.В.,
доцент кафедры методики преподавания спортивных дисциплин и национальных видов спорта Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева,
e-mail: roma.ira65@mail.ru

ЛОЗОВАЯ А.И.,
старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва,
e-mail: loz_a_9898@mail.ru

ЛОЗОВОЙ А.А.,
старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва,
e-mail: 89235731323@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: ПРОБЛЕМА ВОВЛЕЧЁННОСТИ СТУДЕНТОВ И ПРОФИЛАКТИКА ГИПОДИНАМИИ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому анализу цифровизации физического воспитания в российских вузах в контексте проблемы вовлечённости студентов и профилактики гиподинамии. Рассматриваются теоретические основы цифровизации физического воспитания, выявляется двойственный характер цифровых технологий, которые одновременно выступают фактором усугубления гиподинамии и инструментом её профилактики. Анализируются причины низкой вовлечённости студентов в физкультурно-спортивную деятельность, включая дефицит времени, слабую внутреннюю мотивацию и недостаточную педагогическую встроенность цифровых решений. Сделан вывод об условной эффективности цифровых инструментов и необходимости их комплексного педагогического сопровождения.*

Ключевые слова: *цифровизация образования, физическое воспитание, российские вузы, вовлечённость студентов, гиподинамия, профилактика гиподинамии, цифровые технологии, физическая активность, мотивация, здоровый образ жизни, геймификация, фитнес-трекеры.*

VETROVA I.V.,
Associate Professor of the Department of Methods of Teaching Sports Disciplines and National Sports, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

LOZOVAYA A.I.,
Senior Lecturer of the Department of Physical Education and Sports, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

LOZOVOY A.A.,
Senior Lecturer of the Department of Physical Education and Sports, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

DIGITALIZATION OF PHYSICAL EDUCATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES: THE PROBLEM OF STUDENT ENGAGEMENT AND PREVENTION OF HYPODYNAMIA

Annotation. *The article is devoted to a theoretical analysis of the digitalization of physical education in Russian universities in the context of the problem of student engagement and the prevention of hypodynamia. The theoretical foundations of the digitalization of physical education are considered, and the dual nature of digital technologies is revealed, which simultaneously act as a factor in aggravating hypodynamia and a tool for its prevention. The reasons for low student engagement in physical culture and sports activities are analyzed, including lack of time, weak intrinsic motivation, and insufficient pedagogical integration of digital solutions. A conclusion is drawn about the conditional effectiveness of digital tools and the need for their comprehensive pedagogical support.*

Key words: *digitalization of education, physical education, Russian universities, student engagement, hypodynamia, prevention of hypodynamia, digital technologies, physical activity, motivation, healthy lifestyle, gamification, fitness trackers.*

Цифровая трансформация высшего образования, интенсивно развернувшаяся в России в последнее десятилетие, затронула все без исключения дисциплины учебного плана, включая физическую культуру. Этот процесс, с одной стороны, открывает принципиально новые возможности для персонализации обучения, мониторинга физического состояния студентов и повышения их мотивации к двигательной активности. С другой стороны, цифровизация сама по себе стала мощным фактором, усугубляющим проблему гиподинамии: увеличение времени работы с электронными устройствами, интенсификация учебного труда, сокращение свободного времени и трансформация досуговых предпочтений студентов формируют устойчивую тенденцию к снижению двигательной активности.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью преодоления фундаментального противоречия между декларируемой значимостью физического воспитания в системе высшего образования и реальным уровнем вовлечённости студентов в физкультурно-спортивную деятельность. По данным эмпирических исследований, «ограниченную или низкую двигательную активность» демонстрируют 50,0% юношей и 62,0% девушек, обучающихся в российских вузах. При этом среди студентов высших и средних профессиональных учебных заведений в возрасте старше 20,5 лет отмечена высокая частота гиподинамии — 76,9%. Параллельно фиксируется низкий уровень вовлечённости студентов в спортивные мероприятия и недостаточная эффективность традиционных методов физического воспитания.

Целью настоящей статьи является теоретический анализ взаимосвязи цифровизации физического воспитания в российских вузах, проблемы вовлечённости студентов и профилактики гиподинамии, а также выявление ключевых противоречий и перспективных направлений их разрешения.

Цифровизация физического воспитания представляет собой многоаспектный процесс, включающий внедрение цифровых платформ и мобильных приложений, использование технологий виртуальной и дополненной реальности, геймификацию образовательного процесса, применение фитнес-трекеров и носимых устройств для мониторинга физической активности, а также создание индивидуализированных онлайн-курсов. Исследователи отмечают, что цифровые технологии в практике физического воспитания студентов демонстрируют значимые эффекты, связанные с повышением точности контроля нагрузки, возможностью дистанционного сопровождения обучающихся и расширением арсенала средств физической подготовки.

Вместе с тем, научное осмысление цифровизации физического воспитания выявляет её принципиальную двойственность. С одной стороны, цифровые технологии способствуют персонализации обучения и повышению его доступности. С другой — они выступают фактором, усугубляющим гиподинамию, поскольку сама цифровая образовательная среда предполагает длительное пребывание в статичном положении. Как отмечается в научной литературе, «цифровизация образования и создает вызовы, и предоставляет новые возможности: с одной стороны, использование цифровых устройств способствует снижению двигательной активности», с другой — открывает новые инструменты для её стимулирования.

Концептуальной основой настоящего исследования выступает представление о «цифровой гиподинамии студентов» как педагогически значимом феномене, отражающем снижение двигательной активности обучающихся вследствие

цифровизации образовательного процесса. Данный феномен требует комплексного педагогического ответа, предполагающего не отказ от цифровых технологий, а их переосмысление в качестве инструмента профилактики малоподвижного образа жизни.

Проблема вовлечённости студентов в занятия физической культурой имеет многомерный характер и не может быть сведена исключительно к цифровизации. В университетской среде сохраняется устойчивый разрыв между декларируемой значимостью физической культуры и регулярным участием студентов в соответствующих занятиях. Исследования показывают, что при осознании значимости физической активности интерес к обязательным занятиям остаётся умеренным, а ключевым ограничением выступает дефицит времени.

Цифровые инструменты демонстрируют условную эффективность в решении проблемы вовлеченности. Они повышают вовлечённость при наличии педагогической встроенности, однако сами по себе не способны компенсировать отсутствие внутренней мотивации и системной организационной поддержки. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что цифровые решения, включающие механизмы самонаблюдения, целеполагания и обратной связи, способны повышать уровень физической активности студентов, однако устойчивость этих эффектов во времени требует дополнительного изучения.

Перспективным направлением повышения вовлечённости представляется интеграция элементов геймификации и соревновательности в образовательный процесс. Исследователи отмечают, что модернизация учебного процесса через внедрение элементов персонализации, цифровизации и соревновательности является эффективным инструментом повышения внутренней мотивации и вовлечённости студентов в занятия физической культурой. Так, по данным отдельных исследований, использование VR-тренажёров позволило повысить вовлечённость студентов на 48%, а применение ИИ-алгоритмов — снизить травматизм на 32%. Однако эти данные требуют осторожной интерпретации в силу ограниченности выборок и специфичности условий экспериментов.

Гиподинамия в студенческой среде перестала быть побочным эффектом и превратилась в системную характеристику образа жизни современного обучающегося. Цифровизация образования неизбежно влияет на уровень двигательной активности студентов: в условиях цифрового обучения многие из них сталкиваются с проблемами малоподвижного образа жизни. Исследования фиксируют, что большинство студентов демонстрируют пассивное (сидячее) поведение с низким уровнем физической активности, которая составляет 83–92% их общего времени. При этом показатели двигательной активности снижаются от первого курса к третьему.

Особую тревогу вызывает динамика физического состояния студентов в процессе обучения в вузе. По данным опросов, 75% студентов выпускного курса факультета физической культуры и спорта уже не занимаются так активно спортом, как на первом курсе. Около 65% студентов испытывают дефицит двигательной активности. Среди респондентов 23,8% признались, что ведут гиподинамический образ жизни, а 60% студентов не занимаются спортом вообще. Эти данные свидетельствуют о том, что проблема имеет не локальный, а системный характер и требует пересмотра подходов к организации физического воспитания в целом [2,5].

Негативные последствия гиподинамии для студенческой молодёжи носят комплексный характер и затрагивают как соматическое здоровье, так и когнитивные способности. Исследователи подчёркивают негативное влияние гиподинамии на здоровье и когнитивные способности студентов. Хронический дефицит двигательной активности повышает риск развития заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы, а также способствует росту психоэмоционального напряжения и снижению академической успеваемости.

Парадоксальным образом цифровые технологии, будучи одним из факторов усугубления гиподинамии, одновременно предоставляют инструменты для её профилактики. Фитнес-трекеры (Fitbit, Xiaomi Mi Band и аналогичные устройства) фиксируют количество шагов и затраченных калорий, повышая регулярность занятий на 25–40%. Носимые устройства обеспечивают возможность измерения шагов, частоты сердечных сокращений и энергозатрат в режиме реального времени, предоставляя студентам и преподавателям мгновенную обратную связь. Такие цифровые решения, как мобильные приложения с интерактивными заданиями и онлайн-табло рекордов, создают дополнительные стимулы для поддержания физической активности [3].

Перспективным направлением профилактики гиподинамии является внедрение практики регулярных «активных перерывов» в длительном сидении. Цифровые физкультминутки во время длинных лекций, организуемые с использованием мобильных приложений, способны частично компенсировать негативные эффекты статичной учебной нагрузки. Кроме того, интеграция цифровых технологий в программу физического воспитания с использованием мобильных фитнес-при-

ложений, онлайн-тренировок и трекеров активности значительно увеличивает заинтересованность и вовлечённость студентов в занятия физическими упражнениями [1,6,9].

Однако эффективность цифровых инструментов профилактики гиподинамии не является безусловной. Исследователи указывают на риск «цифровой усталости» и восприятия новых технологий как дополнительной сложности, что требует обеспечения удобных интерфейсов и возможности выбора технологий для использования. Кроме того, цифровые решения не могут заменить реальную двигательную активность: они выступают лишь вспомогательным средством, эффективность которого определяется степенью педагогической встроенности в образовательный процесс.

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать ряд принципиальных положений. Цифровизация физического воспитания в российских вузах представляет собой противоречивый процесс, в рамках которого одни и те же технологические факторы выступают одновременно и причиной усугубления гиподинамии, и инструментом её профилактики. Проблема вовлечённости студентов в физкультурно-спортивную деятельность не может быть решена исключительно за счёт внедрения цифровых инструментов: последние демонстрируют условную эффективность и требуют системной педагогической поддержки.

Ключевым направлением разрешения выявленных противоречий представляется разработка и внедрение инновационной модели цифрового физического воспитания, ориентированной на преодоление гиподинамии среди молодёжи в условиях технологической трансформации. Подобная модель должна носить комплексный, многоуровневый характер и учитывать как педагогические, так и организационные, технологические и психологические аспекты образовательного процесса.

Первым и во многом определяющим звеном предлагаемой модели выступает система непрерывной диагностики, позволяющая своевременно выявлять студентов, подверженных риску развития гиподинамии. Такой мониторинг должен включать несколько взаимосвязанных блоков: оценку исходного уровня физической подготовленности и функционального состояния организма; анализ субъективной мотивации к занятиям физической культурой и спортом; фиксацию объективных показателей двигательной активности с помощью носимых устройств и мобильных приложений; а также учёт психоэмоционального состояния обучающихся. На основе полученных данных целесообразно формировать «группы риска» — категории студентов, характеризующихся устойчиво низкой двигательной активностью, слабой мотивацией, наличием хронических заболеваний или выраженным дефицитом времени. Персонализированный подход к каждой такой группе позволит адресно корректировать образовательные траектории и своевременно предотвращать усугубление гиподинамических тенденций [2, 8].

Важнейшим условием эффективности модели является встраивание цифровых инструментов не в качестве внешнего дополнения, а в качестве органичной части учебного процесса. Речь идёт о системном использовании фитнес-трекеров, мобильных приложений для мониторинга активности, онлайн-дневников самоконтроля и платформ для постановки индивидуальных целей. Студент должен не просто получать рекомендации преподавателя, но и самостоятельно отслеживать динамику собственного физического состояния, ставить краткосрочные и долгосрочные цели, анализировать их достижение и корректировать свою активность. Такой подход формирует у обучающихся субъектную позицию по отношению к собственному здоровью и способствует развитию навыков саморегуляции, что особенно значимо в условиях возрастающей учебной нагрузки и цифровой среды.

Учитывая, что проблема вовлечённости студентов в физкультурно-спортивную деятельность остаётся одной из наиболее острых, предлагаемая модель должна опираться на игровые и соревновательные механизмы, доказавшие свою эффективность в повышении внутренней мотивации. К числу таких механизмов относятся: система баллов и достижений за регулярную физическую активность; онлайн-табло рекордов и рейтинги между учебными группами и факультетами; челленджи и марафоны физической активности с элементами командного взаимодействия; виртуальные награды и уровни, стимулирующие поддержание достигнутого результата. Геймификация позволяет трансформировать рутинные занятия физической культурой в увлекательный процесс, снижает психологический барьер перед началом тренировок и создаёт устойчивую положительную обратную связь, что особенно важно для студентов с исходно низкой мотивацией.

Поскольку значительная часть учебного времени студентов проходит в статичном положении за компьютером, необходимым компонентом модели становится организация регулярных «активных перерывов» непосредственно в ходе аудиторных занятий и самостоятельной работы. Цифровые физкультминутки, реализуемые через мобильные приложения или специализированные платформы, позволяют ненавязчиво прерывать длительные периоды сидения, активизировать

кровообращение, снять мышечное и зрительное напряжение, а также повысить общую работоспособность. Подобные практики могут носить как обязательный, так и рекомендательный характер, встраиваясь в расписание учебного дня и сопровождаясь напоминаниями и мотивирующими сообщениями. Систематическое применение таких перерывов способно частично компенсировать негативные эффекты цифровой образовательной среды и сформировать привычку к регулярной двигательной активности в течение дня [7].

Завершающим и одновременно интегративным компонентом модели выступает целенаправленное формирование у студентов устойчивых навыков здорового образа жизни, неразрывно связанных с цифровой грамотностью и осознанным использованием технологий. Это предполагает не только обучение приёмам самоконтроля и планирования физической активности, но и развитие критического отношения к цифровым устройствам, понимание их возможностей и ограничений, умение выстраивать баланс между экранным временем и реальной двигательной деятельностью. Важно, чтобы цифровые инструменты воспринимались студентами не как самоцель, а как средство поддержания собственного здоровья и повышения качества жизни. Формирование такой культуры требует согласованных усилий преподавателей физической культуры, кураторов, психологов и администрации вуза, а также создания поддерживающей образовательной среды, в которой ценности здоровья и активности занимают приоритетное место. Таким образом, предлагаемая инновационная модель цифрового физического воспитания представляет собой целостную систему взаимосвязанных компонентов, реализация которых позволяет не только снизить негативное влияние цифровизации на двигательную активность студентов, но и превратить цифровые технологии в действенный инструмент профилактики гиподинамии и повышения вовлечённости молодёжи в физкультурно-спортивную деятельность. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на эмпирическую верификацию эффективности различных цифровых инструментов профилактики гиподинамии, изучение долгосрочных эффектов их применения, а также на разработку критериев оценки педагогической эффективности цифровизации физического воспитания с учётом специфики российских вузов.

Список литературы:

[1] Александров А. Ю. Цифровые технологии в практике физического воспитания студентов: значимые эффекты, перспективы и барьеры на пути успешного использования / А. Ю. Александров, И. А. Смольянова // Российский журнал прикладной экологии. — 2026. — № 1. — С. 49–56.

[2] Волкова К. Р. Цифровые технологии в преподавании дисциплины «Физическая культура и спорт» в Казанском (Приволжском) федеральном университете / К. Р. Волкова // Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация. — 2025. — С. 112–117.

[3] Кузнецов А. И. Моделирование концептуального подхода организации оздоровительной физической культуры в системе высшего образования / А. И. Кузнецов, Балт В. А. // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2025. — № 12 (238). — С. 49–56.

[4] Петкевич В. Н. Феномен «цифровой гиподинамии» студенчества: педагогический анализ причин и теоретические пути преодоления / В. Н. Петкевич, С. Ю. Власенко // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2026. — № 6. — С. 1–15.

[5] Петкевич В. Н. The Phenomenon of "Digital Hypodynamia" Among Students: Pedagogical Analysis of Causes and Theoretical Pathways for Overcoming It / В. Н. Петкевич, С. Ю. Власенко // PH Sreda. — 2026.

[6] Хортик В. А. Роль спорта в жизни студентов в эпоху цифровизации / В. А. Хортик // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2025.

[7] Влияние гиподинамии на здоровье студентов: современные вызовы и стратегии профилактики // Молодой учёный. — 2026. — № 5 (400). — С. 45–52.

[8] Профилактика гиподинамии студенческой молодёжи средствами физической культуры // CyberLeninka. — 2026.

[9] Роль интерактивных занятий в профилактике гиподинамии у студентов // Электронная библиотека БГУ. — 2025.

References:

[1] Aleksandrov A. Yu. Digital technologies in the practice of physical education of students: significant effects, prospects and barriers to successful use / A. Yu. Alexandrov, I. A. Smolyanova // Russian Journal of Applied Ecology. — 2026. — № 1. - S. 49-56.

[2] Volkova K. R. Digital technologies in teaching the discipline "Physical Culture and Sports" at Kazan (Volga) Federal University / K. R. Volkova // Problems of physical education: content, orientation, methodology, organization. — 2025. - S. 112-117.

[3] Kuznetsov A.I. Modeling of the conceptual approach to the organization of health-improving physical culture in the higher education system / A.I. Kuznetsov, Balt V.A. // Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. — 2025. — № 12 (238). - S. 49-56.

[4] Petkevich V. N. The phenomenon of "digital hypodynamics" of students: pedagogical analysis of the reasons and theoretical ways to overcome / V. N. Petkevich, S. Yu. Vlasenko // Pedagogy. Questions of theory and practice. — 2026. — № 6. - S. 1-15.

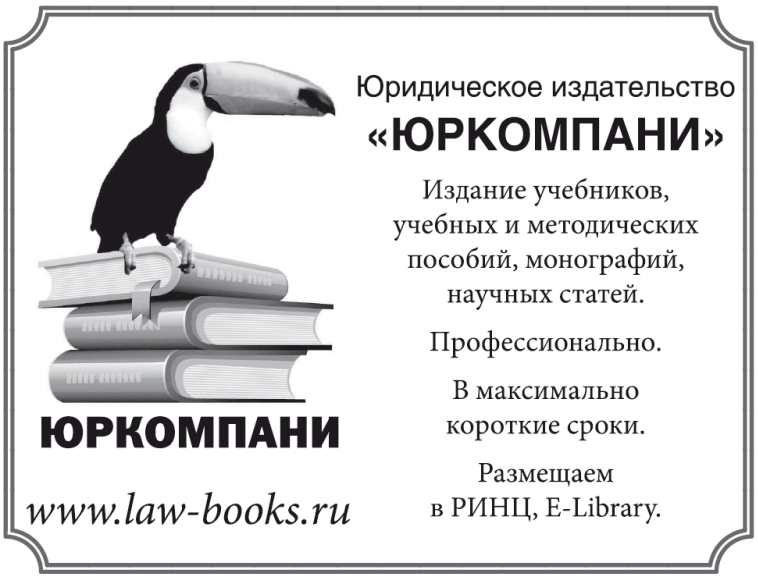
[5] Petkhevich B. H. The Phenomenon of "Digital Hypodynamia" Among Students: Pedagogical Analysis of Causes and Theoretical Pathways for Overcoming It / B. H. Petkhevich, C. Ю. Vlasenko // PH Sreda. — 2026.

[6] Khortik V. A. The role of sports in the life of students in the era of digitalization / V. A. Khortik // Pedagogy. Questions of theory and practice. — 2025.

[7] The effect of physical inactivity on student health: modern challenges and prevention strategies // Young scientist. — 2026. — № 5 (400). - S. 45-52.

[8] Prevention of student hypodynamics by means of physical education // CyberLeninka. — 2026.

[9] The role of interactive classes in the prevention of physical inactivity in students // BSU Electronic Library. — 2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-275-279
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ДЕМИДОВ Олег Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,
Доцент Института Академии ФСИН России кафедра физической подготовки и спорта,
e-mail: o.krapivin@list.ru

СОБОЛЕВ Егор Александрович,
преподаватель кафедры физической подготовки факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются педагогические аспекты применения дистанционных образовательных технологий (ДОТ) в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) и в ведомственных образовательных организациях ФСИН России. Автор анализирует двойственную природу цифровизации пенитенциарного образования: с одной стороны, ДОТ расширяют доступ осуждённых к образовательным программам и повышают гибкость подготовки курсантов, с другой — порождают специфические педагогические риски, связанные с ограниченностью педагогического контакта, снижением воспитательного воздействия и технической опосредованностью обучения. Особое внимание уделяется разграничению двух контуров применения ДОТ: обучения осуждённых и подготовки сотрудников. Предлагается комплекс педагогических условий, минимизирующих выявленные риски.*

Ключевые слова: *дистанционные образовательные технологии, пенитенциарная система, педагогические риски, цифровизация образования, обучение осуждённых, профессиональная подготовка сотрудников УИС, воспитательное воздействие.*

DEMIDOV Oleg Gennadyevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines and Organization of the Execution of Non-Custodial Sentences, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

KAZNACHEEV Valery Alexandrovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department of Physical Training and Sports

SOBOLEV Egor Alexandrovich,
Lecturer, Department of Physical Training, Faculty of Psychology and Probation, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

DISTANCE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE PENITENTIARY SYSTEM: PEDAGOGICAL RISKS AND OPPORTUNITIES

Annotation. *The article examines the pedagogical aspects of implementing distance educational technologies (DET) within institutions of the penal system and departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia. The author analyzes the dual nature of the digitalization of penitentiary education: on the one hand, DET expand convicts' access to educational programs and increase the flexibility of cadet training; on the other, they give rise to specific pedagogical risks associated with limited pedagogical interaction, a reduction in the educational/upbringing impact, and the technology-mediated nature of learning. Particular attention is paid to distinguishing between the two spheres of DET application: the education of convicts and the training of personnel. A set of pedagogical conditions designed to minimize the identified risks is proposed.*

Key words: *distance educational technologies, penitentiary system, pedagogical risks, digitalization of education, education of convicts, professional training of penal system personnel, educational/upbringing impact.*

Реформирование уголовно-исполнительной системы России, закреплённое в Концепции развития УИС до 2030 года, предполагает широкое внедрение цифровых и дистанционных форм работы, в том числе в сфере образования. Образование осуждённых рассматривается как один из ключевых факторов ресоциализации, а подготовка сотрудников — как условие эффективного исполнения наказаний. В обоих случаях дистанционные образовательные технологии (ДОТ) выступают инструментом, позволяющим преодолеть территориальную изолированность учреждений и дефицит педагогических кадров.

Однако перенос образовательного процесса в цифровую среду в условиях пенитенциарной системы не является нейтральным [1, С. 234-236]. Он порождает комплекс педагогических рисков, связанных со спецификой контингента, режимными ограничениями и самой природой опосредованного обучения. Цель настоящей статьи — выявить и систематизировать педагогические риски применения ДОТ в пенитенциарной системе, а также обосновать педагогические возможности и условия их продуктивного использования [2, С. 20-23].

Методологическую базу исследования составляют:

компетентностный подход (И. А. Зимняя, А. В. Хуторской), задающий целевую рамку обучения;

теория дистанционного обучения (Е. С. Полат, А. А. Андреев), описывающая дидактические особенности опосредованной коммуникации;

андрагогическая модель (М. Ш. Ноулз), значимая при работе

со взрослым контингентом осуждённых;

концепции педагогики пенитенциарной системы, раскрывающие воспитательный потенциал образовательной деятельности в местах лишения свободы.

Ключевым для настоящего анализа является положение о том, что ДОТ не заменяют, а трансформируют педагогическое взаимодействие, смещая акцент с трансляции знания на его самостоятельное освоение и сопровождение.

При анализе рисков и возможностей необходимо разграничивать два принципиально разных контура.

Первый контур — обучение осуждённых (получение общего, среднего профессионального и высшего образования). Здесь ДОТ позволяют компенсировать отсутствие преподавателя-предметника в учреждении, расширить перечень доступных профессий и образовательных программ, обеспечить непрерывность обучения при переводе осуждённого в другое учреждение.

Второй контур — подготовка и повышение квалификации сотрудников УИС (курсантов ведомственных вузов, действующих сотрудников).

Здесь ДОТ решают задачи территориальной доступности, экономии ресурсов и оперативного обновления содержания обучения в связи с изменением законодательства.

Педагогические риски в этих контурах частично совпадают, но имеют разную природу и разную степень остроты.

Педагогические риски применения ДОТ:

1. Редукция педагогического общения и воспитательного воздействия:

Дистанционный формат сокращает долю живого взаимодействия «преподаватель — обучающийся». В пенитенциарной системе это особенно значимо, поскольку образование осуждённых выполняет не только обучающую, но и воспитательную, ресоциализирующую функцию. Педагог выступает носителем социально одобряемых норм; при опосредованном контакте сила личностного влияния снижается.

2. Снижение учебной мотивации и саморегуляции:

Осуждённые, как правило, имеют прерванный образовательный опыт, низкую учебную мотивацию и несформированные навыки самоорганизации. Дистанционное обучение требует высокой степени самостоятельности, что для данного контингента является барьером. Аналогичная проблема, хотя и в меньшей степени, характерна для части сотрудников, совмещающих обучение со службой.

3. Ограниченность педагогической диагностики:

Опосредованный контроль знаний затрудняет достоверную оценку сформированности компетенций. Возрастает риск имитации учебной деятельности, формального выполнения заданий, использования внешней помощи. Педагог лишён возможности наблюдать за процессом решения задачи, фиксировать промежуточные затруднения.

4. Технико-режимные ограничения как педагогический фактор:

Режимные требования учреждений УИС ограничивают доступ к сети Интернет, использование отдельных устройств и программного обеспечения. Это сужает набор доступных дидактических средств и вынуждает упрощать образовательные технологии, что снижает их педагогическую эффективность.

5. Риск «цифрового разрыва» и неравенства условий:

Различия в технической оснащённости учреждений, скорости каналов связи и уровне цифровой грамотности как обучающихся, так и преподавателей создают неравные образовательные условия. Это противоречит принципу равенства доступа к образованию.

6. Обезличивание и унификация содержания:

Массовые дистанционные курсы тяготеют к унифицированным шаблонам, слабо учитывающим индивидуальные образовательные траектории и специфику контингента. Для пенитенциарной системы, где особенно важны дифференциация и учёт личностных особенностей, это является существенным ограничением.

7. Методическая неготовность преподавателей:

Значительная часть преподавателей ведомственных вузов и школ при исправительных учреждениях не обладает достаточной подготовкой в области проектирования дистанционных курсов и использования цифровых инструментов. Перенос традиционных методик в онлайн-среду без их переработки воспроизводит недостатки очного обучения и утрачивает его достоинства.

Наряду с рисками, ДОТ обладают значительным педагогическим потенциалом.

Расширение доступа к образованию. Осуждённые получают возможность осваивать программы, недоступные в данном учреждении, включая профессиональную переподготовку по востребованным на рынке труда специальностям.

Индивидуализация образовательных траекторий. Цифровые платформы позволяют выстраивать гибкие маршруты обучения с учётом уровня подготовки, темпа освоения материала и образовательных запросов.

Непрерывность и преемственность обучения. При переводе осуждённого или сотрудника в другое учреждение образовательный процесс может быть продолжен без потери накопленных результатов.

Актуализация содержания. Электронные ресурсы позволяют оперативно обновлять учебные материалы в соответствии с изменениями законодательства и практики УИС.

Развитие цифровых компетенций. Освоение ДОТ формирует у обучающихся навыки работы с цифровыми сервисами, что повышает их конкурентоспособность после освобождения и в служебной деятельности.

Экономия ресурсов. Сокращаются затраты на командирование преподавателей, организацию очных сессий и содержание инфраструктуры.

На основе проведённого анализа могут быть сформулированы педагогические условия, позволяющие реализовать возможности ДОТ при снижении связанных с ними рисков.

Смешанная модель обучения. Сочетание дистанционных форм с очными встречами (консультациями, практическими занятиями, воспитательными беседами) сохраняет педагогический кон-

такт и усиливает воспитательный эффект.

Специально разработанный учебный контент. Материалы должны учитывать уровень подготовки контингента, быть предельно структурированными, визуализированными и снабжёнными пошаговыми инструкциями.

Усиление тьюторского сопровождения. Функция преподавателя смещается к сопровождению, консультированию и поддержке учебной самостоятельности; необходима подготовка тьюторов из числа сотрудников учреждения.

Многоуровневая педагогическая диагностика. Сочетание автоматизированного тестирования с проектными заданиями, портфолио и устными собеседованиями (в том числе в режиме видеоконференции) повышает достоверность оценки.

Методическая подготовка преподавателей. Целесообразна организация повышения квалификации по проектированию дистанционных курсов и использованию цифровых дидактических инструментов.

Учёт режимных ограничений при проектировании. Дидактические решения должны изначально разрабатываться с учётом технических и режимных возможностей конкретных учреждений.

Мониторинг качества и обратная связь. Систематический сбор данных об удовлетворённости и результативности обучения позволяет корректировать образовательный процесс.

Дистанционные образовательные технологии в пенитенциарной системе представляют собой амбивалентное явление. Они открывают значительные педагогические возможности — расширение доступа к образованию, индивидуализацию, непрерывность и актуализацию обучения, — но одновременно порождают риски, связанные с редукцией педагогического общения, снижением мотивации, ограниченностью диагностики и технико-режимными барьерами [3, С. 72-74].

Ключевым условием продуктивного применения ДОТ является не их противопоставление традиционному обучению, а продуманная интеграция в смешанную модель, сохраняющую воспитательный потенциал пенитенциарного образования. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку критериев оценки эффективности ДОТ в УИС и на создание типовых моделей смешанного обучения для различных категорий обучающихся.

Список литературы:

[1] Скворцов, Н. А. Проблемные вопросы реализации дистанционного обучения в образовательных организациях высшего образования (взгляд курсантов ВЮИ ФСИН России) / Н. А. Скворцов // Российское общество и государство на современном этапе: сборник научных трудов, Владимир, 26–30 апреля 2021 года / ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний». – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 233-237. – EDN LIEBJY.

[2] Бортник, Л. А. Дистанционное обучение курсантов в ведомственном вузе (на примере курсантов психологического факультета ВИПЭ ФСИН России) / Л. А. Бортник // Актуальные вопросы совершенствования образовательной деятельности ВИПЭ ФСИН России: Сборник статей / Под общей редакцией В.Н. Некрасова. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 19-25. – EDN CQJQJJ.

[3] Родионов, К. В. К вопросу использования дистанционных образовательных технологий в процессе обучения огневой подготовки в образовательных организациях ФСИН России / К. В. Родионов, А. О. Кузьминова // Проблемы научной мысли. – 2022. – Т. 1, № 8. – С. 71-75. – EDN WTNOYU.

[4] Злобин, С. И. Возможности использования дистанционного обучения при подготовке кадров для уголовно-исполнительной системы / С. И. Злобин // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 4(29). – С. 31-33. – EDN SBMYFJ.

[5] Вилкова, А. В. Дистанционное профессиональное обучение сотрудников уголовно-исполнительной системы: монография / А. В. Вилкова. – Москва: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2018. – 104 с. – ISBN 978-5-6041614-5-6. – EDN PIBADQ.

[6] Коршунова, А. А. Дистанционное обучение как перспективное направление получения образования осужденными / А. А. Коршунова // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 2. – С. 71-73. – EDN WCCMSN.

[7] Колесов, В. И. К проблеме цифровизации образования в вузах ФСИН России / В. И. Колесов, И. А. Кузнецова // Проектирование. Опыт. Результат. – 2026. – № 1. – С. 14-20. – EDN UNACRY.

[8] Тимощук, А. С. Цифровизация ведомственного образования / А. С. Тимощук // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021. – № 2(77). – С. 124-131. – EDN NCLTMO.

[9] Иванова, А. Н. Дистанционные образовательные технологии в контексте ведомственного дополнительного профессионального образования: тенденции и перспективы / А. Н. Иванова,

Т. Н. Коголь // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2022. – № 10(245). – С. 34-40. – DOI 10.51522/2307-0382-2022-245-10-34-40. – EDN CSQENX.

References:

[1] Skvortsov, N. A. Problematic issues of distance learning in educational institutions of higher education (view of cadets of the VUI FSIN of Russia) / N. A. Skvortsov // Russian society and the state at the present stage: collection of scientific papers, Vladimir, April 26-30, 2021 / FKOU HE "Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service." - Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. - S. 233-237. – EDN LIEBJY.

[2] Bortnik, L. A. Distance learning of cadets at a departmental university (on the example of cadets of the psychological faculty of the VIP of the Federal Penitentiary Service of Russia) / L. A. Bortnik // Topical issues of improving the educational activities of the VIP of the Federal Penitentiary Service of Russia: Collection of articles / Edited by V.N. Nekrasov. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2021. - S. 19-25. – EDN CQJQJJ.

[3] Rodionov, K.V. On the use of distance educational technologies in the process of training fire training in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia / K.V. Rodionov, A.O. Kuzminova // Problems of scientific thought. – 2022. - T. 1, NO. 8. - S. 71-75. – EDN WTNOYU.

[4] Zlobin, S. I. Possibilities of using distance learning in training personnel for the penal system / S. I. Zlobin // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2013. – № 4(29). - S. 31-33. – EDN SBMYFJ.

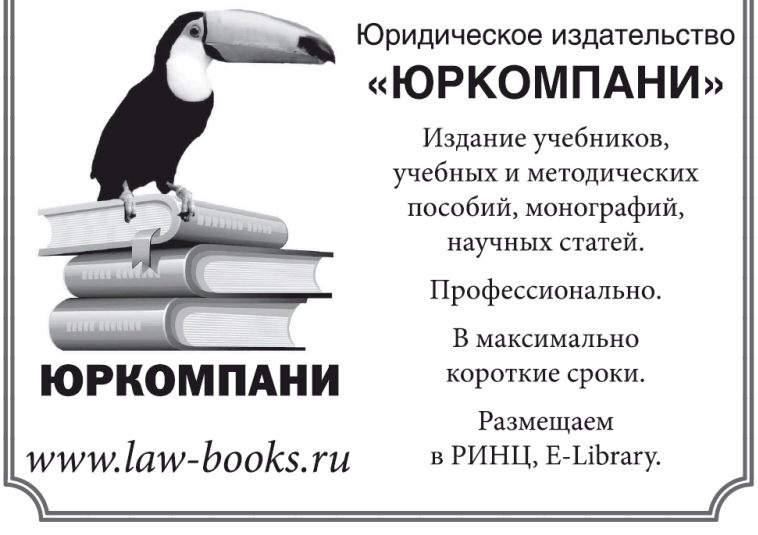
[5] Vilkova, A. V. Distance professional training of employees of the penitentiary system: monograph / A. V. Vilkova. - Moscow: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 2018. - 104 p. - ISBN 978-5-6041614-5-6. – EDN PIBADQ.

[6] Korshunova, A. A. Distance learning as a promising direction for education for convicts / A. A. Korshunova // International Penitentiary Journal. – 2016. – № 2. - S. 71-73. – EDN WCCMSN.

[7] Kolesov, V. I. On the problem of digitalization of education in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia / V. I. Kolesov, I. A. Kuznetsova // Design. Experience. Result. – 2026. – № 1. - S. 14-20. – EDN UNACRY.

[8] Tymoshchuk, A. S. Digitalization of departmental education / A. S. Tymoshchuk // Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. – 2021. – № 2(77). - S. 124-131. – EDN NCLTMO.

[9] Ivanova, A. N. Distance educational technologies in the context of departmental additional professional education: trends and prospects / A. N. Ivanova, T. N. Kogol // Vedomosti of the penal system. – 2022. – № 10(245). - S. 34-40. – DOI 10.51522/2307-0382-2022-245-10-34-40. – EDN CSQENX.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-280-284
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

КОКШАРОВ Евгений Владимирович,
доцент, доцент кафедры физической культуры и спорта,
Уральский института ГПС МЧС России,
e-mail: mail@law-books.ru

САПАРОВ Байрамгельды Муджевурович,
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий
кафедрой Физического воспитания и спорта Уральский
государственный аграрный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ ВУЗОВ МЧС РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические подходы к физической подготовке курсантов вузов МЧС России и направления ее совершенствования. Сопоставляются общеразвивающий, профессионально-прикладной и индивидуально-дифференцированный подходы, раскрываются противоречия между нормативной оценкой физической подготовленности и требованиями профессиональной деятельности. В качестве направлений совершенствования предлагаются моделирование профессионально значимых двигательных действий, дифференциация тренировочных нагрузок и педагогический мониторинг.*

Ключевые слова: *курсанты, вузы МЧС России, физическая подготовка, профессионально-прикладная физическая подготовка, индивидуализация, педагогический мониторинг.*

KOKSHAROV Evgeny Vladimirovich,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Physical Culture and Sports, Ural Institute of State Emergency
Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

SAPAROV Bayramgeldy Mudzhevurovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head
of the Department of Physical Education and Sports Ural
State Agrarian University

PHYSICAL TRAINING OF UNIVERSITY CADETS OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA: THEORETICAL APPROACHES AND AREAS OF IMPROVEMENT

Annotation. *The article discusses theoretical approaches to the physical training of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia and the directions of its improvement. The general development, professionally applied and individually differentiated approaches are compared, and the contradictions between the normative assessment of physical fitness and the requirements of professional activity are revealed. Modeling of professionally significant motor actions, differentiation of training loads and pedagogical monitoring are proposed as areas of improvement.*

Key words: *cadets, universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia, physical training, professionally applied physical training, individualization, pedagogical monitoring.*

Физическая подготовка курсантов вузов МЧС России занимает особое место в системе профессионального образования. Ее назначение не ограничивается развитием физических качеств и обеспечением успешного выполнения упражнений. Она должна создавать предпосылки для освоения профессиональных двигательных действий, сохранения работоспособности и безопасного выполнения задач, связанных с физическими нагрузками и воздействием неблагоприятных факторов будущей профессиональной деятельности [1].

О.Р. Карабанова под физической подготовкой понимает целенаправленный процесс развития физических качеств, необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности в ходе выполнения своих должностных функций [2].

М.А. Канзафаров считает, что физическую подготовку необходимо осуществлять с учетом требований и рекомендаций, реализуемых в образовательном процессе [3].

По нашему мнению, физическая подготовка является целенаправленным организованным педагогическим процессом развития физических качеств, формирования двигательных умений и совершенствования функциональных возможностей, необходимых для решения образовательных и профессиональных задач.

Физическая подготовленность характеризует достигнутое состояние соответствующих качеств и возможностей. Она оценивается посредством конкретных показателей, каждый из которых отражает определенную сторону результата.

Профессионально-прикладная физическая подготовка отличается целевой связью содержания занятий с требованиями профессиональной деятельности. Однако такая связь не должна устанавливаться исключительно по внешнему сходству тренировочного упражнения и служебного действия. Существенны структура усилий, продолжительность работы, режим повторения действий, требования к координации и условия сохранения качества выполнения задачи. Так, А.В. Уколов в рамках профессионально-прикладного подхода физическую подготовку рассматривает во взаимосвязи с условиями и содержанием будущей профессиональной деятельности. Автор подчеркивает необходимость повышения общей выносливости, подготовки нервной системы к специфической деятельности при тушении пожаров и спасении людей посредством специальных упражнений, в том числе, выполняемых с партнером, а также воспитания настойчивости и упорства [4].

И. В. Машошина, С. Н. Шуткин, А. В. Чижов выделяют противоречие между традиционными формами занятий и необходимостью моделирования условий выполнения профессионально-прикладных заданий. В такой постановке физическая подготовка должна обеспечивать не только развитие отдельных качеств, но и формирование способности применять их в профессионально значимых ситуациях [5].

Сильная сторона подхода состоит в содержательном обосновании целей: отправной точкой выступает не перечень доступных упражнений, а характеристика деятельности. Это позволяет обсуждать профессиональную значимость физических качеств и требования к специализированным тренировочным программам. Дифференциация интенсивности, объема и координационной сложности упражнений позволяет учитывать и индивидуальные возможности обучающихся в рамках группового занятия [6].

Профессиональная готовность является более широким образованием, чем физическая подготовленность. Помимо физических возможностей, она предполагает владение профессиональными действиями, знаниями, способами взаимодействия и саморегуляции. Следовательно, физическую подготовленность правомерно рассматривать как важную составляющую готовности, но не как ее полный эквивалент.

Р.М. Шипилов, Е.Е. Маринич, В.А. Смирнов, А.В. Кулагин, Н.А. Кращенко в своем исследовании рассматривают модель профессионально-прикладной физической подготовки обучающихся во взаимосвязи с двигательными задачами пожарно-спасательной деятельности. По мнению ученых, такой подход в развитии физических качеств приобретает профессионально ориентированный характер: значимым становится не только повышение результатов в отдельных упражнениях, но и формирование способности использовать достигнутый уровень подготовленности при выполнении служебных действий. Это позволяет рассматривать общую физическую подготовку как основу для освоения и совершенствования профессионально значимых двигательных навыков [7].

Комплексное развитие физических качеств не равнозначно одновременному достижению максимального тренировочного эффекта по всем направлениям. Оно предполагает распределение приоритетов и согласование воздействий во времени. При этом следует учитывать различие между тренировочной нагрузкой и общими затратами ресурсов курсанта. Учебные занятия, практическая подготовка, выполнение служебных обязанностей и особенности распорядка могут изменять условия восстановления даже тогда, когда формально установленный объем физических упражнений остается прежним.

С позиции педагогического управления со-

вершенствование физической подготовки заключается не в безусловном увеличении нагрузки, а в повышении ее целесообразности. Дополнительное упражнение оправданно, если понятны его задача, место в программе, допустимые условия выполнения и критерий ожидаемого результата. В связи с этим особый интерес представляет позиция В. А. Смирнова, А. А. Сорокина, Г. П. Соколова и А. В. Ермилова, которые считают физическую выносливость и устойчивость к физической усталости ключевыми профессионально важными качествами пожарных, необходимыми для эффективной работы в чрезвычайных ситуациях. Для целенаправленного развития этих качеств авторы предлагают создание трехсекционной открытой спортивной площадки, каждая зона которой предназначена для формирования определенных физических качеств и профессионально значимых навыков. По мнению исследователей, такое решение позволит оптимизировать профессионально-прикладную физическую подготовку и разнообразить учебно-воспитательный процесс, способствуя повышению мотивации курсантов к улучшению физического состояния и укреплению здоровья [8].

В.В. Тимощенков, А.Д. Низяков особое внимание в развитии физических качеств курсантов уделят самостоятельной физической подготовке. Ученые отмечают значимость надлежащих материально-технических условий, методического сопровождения, использования цифровых образовательных ресурсов и формирования навыков самоконтроля, что позволяет учитывать индивидуальные возможности обучающихся, обеспечивать осознанный выбор физической нагрузки и формировать ответственное отношение к поддержанию собственной физической готовности [9].

Организация самостоятельных занятий требует баланса автономии и контроля. Избыточная регламентация может ограничивать развитие навыков самоуправления, тогда как отсутствие сопровождения затрудняет выбор адекватной нагрузки и повышает вероятность ошибок.

Самостоятельность целесообразно формировать постепенно. На начальном этапе курсант выполняет подробно заданную программу и осваивает способы фиксации результатов. Затем получает возможность выбирать задания из согласованного набора. Более высокий уровень предполагает аргументированное планирование собственного занятия с последующим обсуждением с преподавателем. При этом цифровые средства могут облегчать доступ к материалам, ведение дневника и обратную связь, однако их наличие не является самостоятельным доказательством качества подготовки [10]. Педагогическое значение определяется тем, какие решения принимаются на основании полученных сведений и насколько эти решения будут обоснованными.

На основе сравнительного анализа предлагается модель, связывающая требования профессиональной деятельности, возможности курсанта и условия реализации подготовки. Основное положение предлагаемой модели состоит в том, что качество программы определяется не суммой используемых упражнений, а согласованностью целей, содержания, нагрузки и критериев оценки.

Целевой компонент включает перевод профессиональных требований в проверяемые образовательные результаты. Формулировки должны указывать не только требуемое качество, но и действие, в котором оно проявляется, условия выполнения и допустимые ограничения. Например, оценка прикладной работоспособности может предусматривать выполнение последовательности учебных операций с учётом времени, технических ошибок и соблюдения требований безопасности.

Диагностический компонент обеспечивает определение исходных возможностей и ограничений. Наряду с результатами физических тестов учитываются качество базовых двигательных действий, опыт тренировок и сведения о допуске к нагрузкам. Педагогическая диагностика не подменяет медицинские решения.

Проектировочный компонент определяет соотношение общей, специальной и самостоятельной подготовки. Для каждого блока устанавливаются задача, параметры нагрузки, условия усложнения и способ контроля. Корректировка осуществляется на основании заранее определённых признаков, а не только по итоговой оценке.

Организационный компонент связывает программу с расписанием, инфраструктурой и ресурсами сопровождения. Особое значение имеет доступность безопасных условий для самостоятельных занятий и возможность консультации с преподавателем.

Оценочно-корректирующий компонент объединяет сведения о результативности, качестве действий и переносимости нагрузки. Его функция заключается не только в выставлении оценки, но и в принятии решения о продолжении, изменении или временном ограничении отдельных воздействий.

Проверка предлагаемой модели должна быть направлена на установление того, улучшает ли согласованное управление подготовкой результаты по сравнению с используемой программой при сопоставимых условиях. Для этого необходимы исходная диагностика, описание состава

групп, подробная характеристика тренировочных воздействий и регистрация фактического выполнения программы. Следует учитывать дополнительные занятия, пропуски и изменения состояния, способные повлиять на результат.

Основным показателем целесообразно выбрать заранее определенный результат профессионально ориентированного учебного задания. Дополнительными показателями могут выступать динамика физических качеств, число технических ошибок, соблюдение требований безопасности, переносимость нагрузки и сохранение эффекта после завершения основного этапа.

Список литературы:

[1] Низяков, А. Д. Профессиональная и физическая подготовка курсантов вузов МЧС России / А. Д. Низяков, В. В. Тимощенков // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук : Сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 18–19 сентября 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 198-200. – EDN VTRYYY.

[2] Карабанова, О. Р. Физическая подготовка как основа овладения профессиональной деятельностью курсантов военного вуза / О. Р. Карабанова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы современной науки, достижения и инновации : Сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции, Уфа, 08 ноября 2022 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2022. – С. 249-254. – EDN WERAJK.

[3] Канзафаров, М. А. Физическая подготовка курсантов слушателей образовательных учреждений МВД России / М. А. Канзафаров // Modern Science. – 2021. – № 10-1. – С. 319-322. – EDN ZOGITR.

[4] Уколов, А. В. О проблеме слабой физической подготовки курсантов 1 курса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России / А. В. Уколов // Молодой ученый. – 2011. – № 5-2. – С. 269-270. – EDN NUBHFN.

[5] Машошина, И. В. Совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки курсантов в вузах ГПС МЧС России / И. В. Машошина, С. Н. Шуткин, А. В. Чижов // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. – 2018. – Т. 1, № 9. – С. 591-592. – EDN YQIHJJ.

[6] Кокшаров, Е. В. Комплексное развитие физических качеств курсантов вузов МЧС России в условиях образовательного процесса / Е. В. Кокшаров // Международный научный вестник. – 2026. – № 1. – С. 387-391. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-1-387-391. – EDN BDJZOB.

[7] Модель профессионально-прикладной физической подготовки обучающихся образовательных организаций высшего образования МЧС России / Р. М. Шипилов, Е. Е. Маринич, В. А. Смирнов [и др.] // Пожарная и аварийная безопасность. – 2022. – № 4(27). – С. 136-145. – EDN RBONXS.

[8] К вопросу совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки курсантов вузов МЧС России / В. А. Смирнов, А. А. Сорокин, Г. П. Соколов, А. В. Ермилов // Пожарная и аварийная безопасность. – 2026. – № 1(40). – С. 50-58. – EDN LMKOKB.

[9] Тимощенков, В. В. Особенности организации самостоятельной физической подготовки курсантов МЧС России в современных условиях / В. В. Тимощенков, А. Д. Низяков // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 100-108. – DOI 10.20310/1810-231X-2026-25-1-100-108. – EDN YXKINE.

[10] Кокшаров, Е. В. Цифровые технологии в системе физической подготовки курсантов вузов МЧС России: Актуальность, проблематика и направления исследования / Е. В. Кокшаров // Правовая информатика. – 2026. – № 1. – С. 167-174. – DOI 10.24412/1994-1404-2026-1-00-18. – EDN IGGOBV.

References:

[1] Nizyakov, A. D. Professional and physical training of cadets of universities EMERCOM of Russia / A. D. Nizyakov, V. V. Tymoshchenkov // Actual problems of the humanities and social sciences: Collection of articles of the X All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, September 18-19, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 198-200. – EDN VTRYYY.

[2] Karabanova, O. R. Physical training as the basis for mastering the professional activities of cadets of a military university / O. R. Karabanova // Fundamental and applied scientific research: topical issues of modern science, achievements and innovations: Collection of scientific articles based on materials from the IX International Scientific and Practical Conference, Ufa, November 08, 2022. - Ufa: Limited Liability Company "Scientific and Publishing Center "Bulletin of Science," 2022. - S. 249-254. – EDN WERAJK.

[3] Kanzafarov, M. A. Physical training of cadets of students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia / M. A. Kanzafarov // Modern Science. – 2021. – № 10-1. - S. 319-322. – EDN ZOGITR.

[4] Ukolov, A. V. On the problem of weak physical training of 1st year cadets of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia / A. V. Ukolov // Young scientist. – 2011. – № 5-2. - S. 269-270. –

EDN NUBHFN.

[5] Mashoshina, I.V. Improving the professional and applied physical training of cadets at the universities of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia / I.V. Mashoshina, S.N. Shutkin, A.V. Chizhov // Fire safety: problems and prospects. – 2018. - T. 1, NO. 9. - S. 591-592. – EDN YQIHJJ.

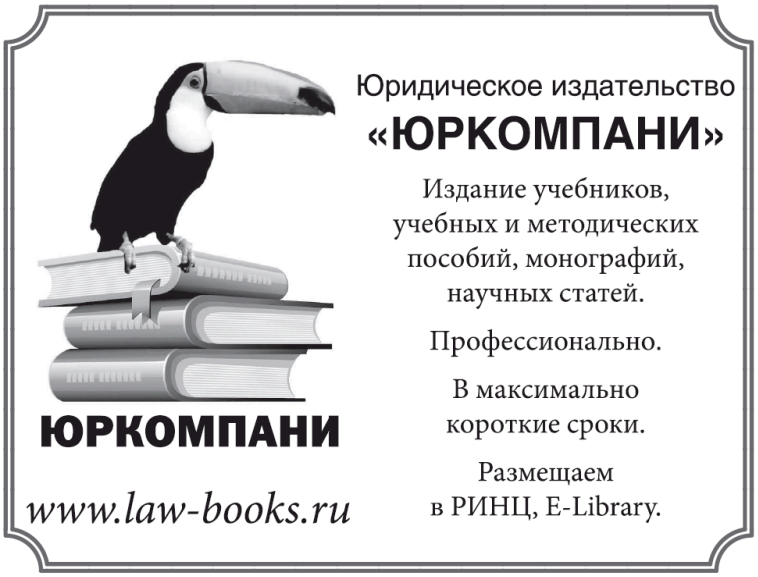
[6] Koksharov, E.V. Comprehensive development of the physical qualities of cadets of universities of the Ministry of Emergencies of Russia in the conditions of the educational processs / E.V. Koksharov // International Scientific Bulletin. – 2026. – № 1. - S. 387-391. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-1-387-391. – EDN BDJZOB.

[7] Model of vocational-applied physical training of students of educational institutions of higher education EMERCOM of Russia / R. M. Shipilov, E. E. Marinich, V. A. Smirnov [et al.] // Fire and emergency safety. – 2022. – № 4(27). - S. 136-145. – EDN RBONXS.

[8] On the issue of improving the professional and applied physical training of cadets of universities of the Ministry of Emergencies of Russia / V. A. Smirnov, A. A. Sorokin, G. P. Sokolov, A. V. Ermilov // Fire and emergency safety. – 2026. – № 1(40). - S. 50-58. – EDN LMKOKB.

[9] Tymoshchenkov, V.V. Features of the organization of independent physical training of cadets of the Ministry of Emergencies of Russia in modern conditions / V.V. Tymoshchenkov, A.D. Nizyakov // Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus. – 2026. - T. 25, NO. 1. - S. 100-108. – DOI 10.20310/1810-231X-2026-25-1-100-108. – EDN YXKINE.

[10] Koksharov, E.V. Digital technologies in the system of physical training of cadets of universities EMERCOM of Russia: Relevance, problems and areas of research / E.V. Koksharov // Legal informatics. – 2026. – № 1. - S. 167-174. – DOI 10.24412/1994-1404-2026-1-00-18. – EDN IGGOBV.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-285-288
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ТРЕТЬЯКОВ Александр Сергеевич,
к.пед.н., доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта, Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
e-mail: tretyakoval@yandex.ru

НАКОНЕЧНАЯ Екатерина Владимировна,
к.псих.,н., доцент кафедры клинической психологии и педагогики с курсом ПО Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого" Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: m2735582@yandex.ru

СУВОРОВА Наталия Владимировна,
к.пед.н., декан факультета психологии Автономной некоммерческой организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАНЯТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ, КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию влияния регулярных занятий физической культурой и спортом на психологическое благополучие студентов высших учебных заведений. Рассмотрены основные аспекты воздействия физической активности на психоэмоциональное состояние: улучшение настроения, снижение уровня стресса, профилактика депрессивных состояний, повышение самооценки и улучшение социальной адаптации. В современных условиях обучения в вузе проблема поддержания психологического благополучия студентов приобретает особую актуальность. Студенческий возраст часто сопряжен с повышенными учебными нагрузками, стрессовыми ситуациями в период сессий, необходимостью адаптации к новым социальным условиям.*

Ключевые слова: *физическая культура, спорт, высшее учебное заведение, студент, психологическое благополучие.*

TRETYAKOV A.S.,
PhD in Pedagogy, docent, associate professor, department of physical education and sports, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev", Krasnoyarsk, Russia

NAKONECHNAYA E.V.,
PhD in Psychology, associate professor, department of clinical psychology and pedagogy with a course of professional education, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation

SUVOROVA N.V.,
PhD in Pedagogy, dean of Faculty of Psychology, Siberian Institute of Business, Management and Psychology

PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS AS A FACTOR IN THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENTS

Annotation. *The article is devoted to the study of the influence of regular physical education and sports on the psychological well-being of students of higher educational institutions. The main aspects of the impact of physical activity on the psycho-emotional state are considered: improving mood, reducing stress, preventing depressive states, increasing self-esteem and improving social adaptation.*

Key words: *physical education, sports, higher educational institution, student, psychological well-being.*

Обучающиеся в высших учебных заведениях в такие периоды испытывают колоссальные нагрузки на эмоциональную сферу, и при длительном воздействии может привести к снижению успеваемости и развитию тревожных состояний. Параллельно с этим молодые люди не уделяют должного внимания физической активности, так как проводят большое количество своего времени за учебниками и компьютером.

Цель исследования. Поиск эффективных, а главное доступных способов укрепления психического здоровья студентов.

Одним из факторов, положительно влияющих психическое состояние студентов, являются занятия физической культурой и спортом. Научные исследования показывают, что физическая активность улучшает настроение, снижает уровень стресса и служит средством профилактики эмоциональных расстройств у молодых людей [1][4]. Занятия физическими упражнениями выступают как естественный «антидепрессант», способствующий повышению психологической устойчивости студентов к учебным нагрузкам.

Регулярная систематическая физическая нагрузка положительно влияет на эмоциональное состояние человека. Во время выполнения физических упражнений в организме человека усиливается выработка «гормонов счастья» - эндорфинов, которые и отвечают за улучшение настроения и вызывают чувство бодрости и удовлетворения. Одновременно с этим происходит снижение уровня гормонов стресса (кортизола и адреналина), тем самым уменьшается тревожность и нервное напряжение. После занятий активными видами деятельности студенты ощущают прилив энергии, повышение общего тонуса организма. Научно доказано, что у студентов, ведущих малоактивный образ жизни, показатели эмоционального благополучия значительно ниже. Таким образом, физическая активность выступает в качесвте естественного механизма коррекции настроения и стресса у студентов.[2].

Следует отметить, что положительное влияние физических упражнений на эмоциональную сферу проявляется при разных видах нагрузки. Даже умеренные аэробные нагрузки (ходьба, бег, плавание, ходьба на лыжах) при регулярном выполнении вызывают заметный антистрессовый эффект [5]. Кроме этого физическая активность помогает нормализовать сон, так как усталость (но не чрезмерная!) после интенсивной нагрузки способствует быстрому засыпанию и более глубокому сну, а это в свою очередь положительно сказывается на психологическом самочувствии студентов. Полноценный отдых восстанавливает нервную систему, повышает концентрацию внимания и снижает раздражительность. Следовательно систематические занятия физической культурой и спортом напрямую улучшают эмоциональное состояние студентов, делая их более спокойными, уравновешенными и стрессоустойчивыми.

Физическая культура и спорт играем важную роль в профилактике психологических срывов и расстройств, связанных со стрессом во время интенсивной учебной деятельности. Регулярные физические нагрузки умеренной мощности служат «разрядкой» для нервной системы. Во время тренировки психическое напряжение переключается на работу мышц, позволяя снизить уровень переживаемого стресса. Занятия физическими упражнениями с оптимальной нагрузкой создают контролируемый физический стресс, который вытесняет накопившееся эмоциональное напряжение и способствует стабилизации психического состояния. Студент после спортивной тренировки испытывает состояние расслабленности и эмоционального отдыха, у него пропадает чувство тревожности, нормализуется психологическое и функциональное состояние.

Систематические физические нагрузки снижают риск развития депрессии и тревожных

расстройств [2]. Физическая нагрузка умеренной интенсивности включены в рекомендации по поддержанию психического здоровья молодежи, как один из немедикаментозных методов профилактики депрессивных состояний. Физические упражнения улучшают кровообращение головного мозга, способствуют нормализации биохимических процессов, связанных с регуляцией психологического состояния. Кроме того, участие в спортивных соревнованиях отвлекает студентов от проблем, связанных с учебной деятельностью, создает дополнительные положительные эмоции, способствуют психологической разгрузке.

Систематические занятия по дисциплине «Физической культуре», работа спортивных секций в вузе организованы не только по требованию учебных планов и рабочих планов воспитательной работы, но и для профилактики стресса и сохранения психического здоровья обучающихся. Учебные занятия и спортивные тренировки позволяют студентам переключиться с умственной работы на двигательную активность. В период экзаменационной сессии двигательная активность не менее важна. Тренировочная нагрузка позволяет снизить уровень тревоги и стресса, а также повысить эмоциональное состояние студента [3].

Спорт оказывает влияние и на социальное благополучие занимающихся. Занятия спортом расширяют круг общения, обеспечивает эмоциональную поддержку со стороны других спортсменов, создают условия для налаживания межличностных связей, развития коммуникабельности и навыков работы в команде. Первокурсникам занятия спортом помогают успешно адаптироваться к университетской среде, помогая найти друзей и почувствовать себя частью группы. Все это положительно сказывается на психологическом самочувствии, снижает чувство отчужденности и одиночества.

Согласно опросам, студенты, занимающиеся командными видами спорта, демонстрируют более высокий уровень жизненной удовлетворенности и оптимизма, чем те, кто предпочитает индивидуальные тренировки [5].

Спорт выполняет еще и важную социально-психологическую функцию, способствуя интеграции студентов в сообщество и формированию здорового микроклимата в студенческой среде.

Вывод. Подводя итоги, можно утверждать, что занятия физической культурой и спортом являются значимым фактором психологического благополучия студентов. Регулярные занятия физической культурой и спортом положительно влияют на психологическое благополучие студентов. улучшают настроение, уменьшают уровень стресса и тревожности, служат средством профилактики депрессии, а также повышают уверенность в себе и качество социальных взаимодействий. Студенты, ведущие активный образ жизни, как правило, легче справляются с эмоциональными нагрузками, проявляют более высокий уровень стрессоустойчивости и удовлетворенности жизнью. Более того, физические упражнения способствуют улучшению когнитивных функций – внимания, памяти, работоспособности, что опосредованно повышает академическую успеваемость и снижает интеллектуальное напряжение.

Список литературы:

[1] Артёмова, Т. С. Как влияют физические нагрузки на психику человека / Т. С. Артёмова, Ю. В. Кормилицин // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 12(69). – С. 1282-1285. – URL : https: //www.вестник-науки.рф/article/12017 (дата обращения: 25.09.2025).

[2] Максимова, Е. Н. Физическая активность и психическое состояние человека / Е. Н. Максимова, А. Е. Алексеенков // Наука-2020: Физическая культура, спорт, туризм: проблемы и перспективы. – 2020. – № 4(29). – С. 73-76. – URL : http://nauka-2020.ru/MKN_4(29)2019.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

[3] Ермакова, Е. Г. Формирование позитивной самооценки студента посредством участия в командных видах спорта / Е. Г. Ермакова // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 4-1(43). – С. 53-56. – URL : http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2020/05/Ermakova2.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

[4] Чусов, Р. А. Влияние занятий фитнесом на физическое и психическое здоровье студентов / Р. А. Чусов, Г. И. Семенова // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 6. – URL : https://eduherald.ru/article/view?id=21378(дата обращения: 25.09.2025).

[5] Кузнецов, А. В. Влияние физической активности на психическое здоровье / А. В. Кузнецов // Журнал спортивной науки. – 2020. – Т.12, № 3. – С. 45-52. – URL : https://apni.ru/article/8305-vliyanie-fizicheskikh-uprazhnenij-na-psikhich (дата обращения: 25.09.2025).

References:

[1] Artyomova, T. S. How physical activity affects the human psyche / T. S. Artyomova, Yu. V. Kormilitsin // Bulletin of Science. – 2023. - T. 4, NO. 12 (69). - S. 1282-1285. - URL: https://www.вестник-науки.рф/article/12017 (access date: 25.09.2025).

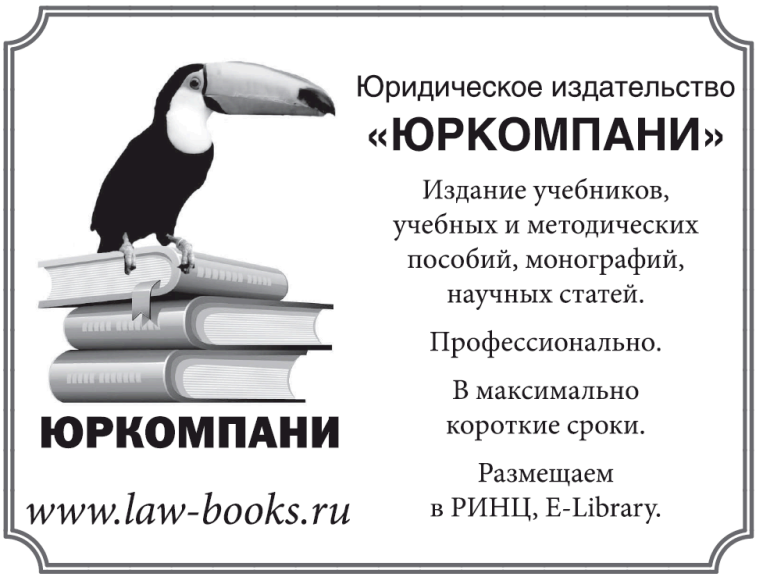
[2] Maksimova, E. N. Physical activity and mental state of a person/E. N. Maksimova, A. E. Alekseenkov // Science-2020: Physical culture, sports, tourism: problems and prospects. – 2020. – № 4(29). - S. 73-76. - URL: http://nauka-2020.ru/MKN_4 (29) 2019.pdf (accessed on: 25.09.2025).

[3] Ermakova, E. G. Formation of a student's positive self-esteem through participation

in team sports / E. G. Ermakova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 4-1(43). - S. 53-56. - URL: http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2020/05/Ermakova2.pdf (access date: 25.09.2025).

[4] Chusov, R. A. The effect of fitness classes on the physical and mental health of students/ R. A. Chusov, G. I. Semenova // International Student Scientific Bulletin. – 2017. – № 6. - URL: https://eduherald.ru/article/view?id=21378 (access date: 25.09.2025).

[5] Kuznetsov, A.V. The influence of physical activity on mental health / A.V. Kuznetsov // Journal of Sports Science. – 2020. - T.12, No. 3. - S. 45-52. – URL: https://apni.ru/article/8305-vliyanie-fizicheskikh-uprazhnenij-na-psikhich (access date: 25.09.2025).

- ИННОВАЦИИ В МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-289-291
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

РЕДИ Елена Владимировна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск,
e-mail: Russlen90@mail.ru

СПОРТ И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. *В данной статье рассматривается важность спорта и физической культуры в современном обществе. Проанализировано положительное воздействие занятий спортом на физическое здоровье, психологическое благополучие и социальную адаптацию. Физическая культура занимает важное место в жизни каждого человека и общества, поскольку забота о здоровье всегда была приоритетной задачей. Большинство людей осознанно занимаются физической активностью, будь то занятия спортом, участие в физкультурных мероприятиях или выбор активного отдыха. Однако, не все полностью осведомлены об отрицательном влиянии недостатка двигательной активности на организм, что может иметь негативные последствия.*

Ключевые слова: *спорт, физическая культура, социальная адаптация, психологическое состояние, здоровье.*

REDI Elena Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

SPORTS AND PHYSICAL EDUCATION IN MODERN SOCIETY

Annotation. *This article examines the importance of sports and physical education in modern society. The positive impact of sports activities on physical health, psychological well-being and social adaptation is analyzed. Physical education occupies an important place in the life of every person and society, since health care has always been a priority. Most people consciously engage in physical activity, whether it's playing sports, participating in physical education activities, or choosing outdoor activities. However, not everyone is fully aware of the negative effects of lack of physical activity on the body, which can have negative consequences.*

Key words: *sport, physical culture, social adaptation, psychological state, health.*

Актуальность. Физическая культура — сфера социальной деятельности, направленная на сохранение и укрепление здоровья, развитие психофизических способностей человека в процессе осознанной двигательной активности [1].

Цель исследования. Целью данной научной статьи является рассмотрение важности спорта и физической культуры в современном обществе. Физические упражнения оказывают комплексное воздействие на все группы мышц, суставы и связки, делая их крепкими и гибкими, а также увеличивая их объем, эластичность, силу и скорость сокращения. Подвергаясь усиленной мышечной активности, сердце, легкие и другие органы и системы нашего организма вынуждены работать с дополнительной нагрузкой, что способствует повышению функциональных возможностей организма и его сопротивляемости неблагоприятным факторам внешней среды. Регулярные занятия физическими упражнениями в первую очередь оказывают влияние на опорно-двигательный аппарат и мышцы. В процессе выполнения упражнений в организме образуется тепло, что стимулирует усиленное потоотделение. Во время физических нагрузок также усиливается кровоток, что способствует доставке кислорода и питательных веществ к мышцам, обеспечивая им энергией для работы. Это также приводит к улучшению обмена веществ, поскольку увеличивается количество циркулирующей крови, что способствует

более эффективной транспортировке питательных веществ и удалению метаболических отходов из тканей. В ответ на физическую нагрузку наш организм активирует кору головного мозга, которая регулирует работу основных систем организма. Упражнения способствуют функциональной адаптации опорно-двигательного аппарата и других систем, улучшают процессы обмена веществ в тканях. Умеренные физические упражнения улучшают работу сердца, повышают уровень гемоглобина и количество эритроцитов в крови, а также улучшают функцию фагоцитов - клеток, ответственных за борьбу с инфекциями. Они также содействуют улучшению функций и структуры внутренних органов, а также облегчают пищеварение и процессы перемещения пищи по кишечнику. Нервная система регулирует совместную работу мышц и внутренних органов, что улучшается при регулярных физических упражнениях. Но если мышцы не используются, они начинают утрачивать силу, эластичность и тонус, что в конечном итоге может привести к ослаблению их состояния. Недостаточная двигательная активность оказывает негативное воздействие на все ткани организма, снижает его защитные функции и увеличивает риск возникновения различных заболеваний.

Реакция организма на значительные физические нагрузки индивидуальна и зависит от различных факторов, таких как уровень подготовленности, возраст, пол и другие. Важно понимать, что высокоинтенсивные спортивные тренировки оказывают глубокое воздействие на все физиологические процессы, и в результате может возникнуть состояние переутомления. При переутомлении необходимо изменить содержание и интенсивность тренировок, сократить их продолжительность или временно приостановить занятия. Для восстановления полезны прогулки, массаж, прием поливитаминных комплексов и другие методы. Следует также отметить, что переутомление может проявляться не только физически, но и нервно, что может привести к неврозу. Это также увеличивает риск травм, особенно связанных с опорно-двигательным аппаратом, и снижает общую защитную функцию организма, делая его более уязвимым к инфекциям и простудным заболеваниям. Важно понимать и учитывать свои физические и психологические возможности, чтобы избежать переутомления и поддерживать свое здоровье и благополучие в процессе тренировок и занятий физической активностью.

В течение многих столетий регулярная физическая активность считалась важным аспектом здорового образа жизни. Современные научные исследования лишь подтвердили это убеждение, показав, что физическая активность оказывает благотворное воздействие не только на физическое, но и на психическое здоровье человека. Кроме того, она стала важным фактором профилактики рецидивов хронических заболеваний, включая заболевания кишечника. Многочисленные научные исследования подтверждают позитивное влияние физической активности на психологическое состояние человека. Например, исследования американских авторов, которые изучали влияние физических нагрузок на психические процессы и состояния человека (Уэнберг Р.С., Гоулд Д., 2001), представляют собой одно из таких подтверждений (таблица 1).

Таблица 1. Положительные психологические воздействия физических нагрузок на клинических больных и обычных людей

Увеличение	Снижение
Умственной активности	Абсентеизма
Настойчивости	Злоупотребления алкоголем
Уверенности	Чувства гнева
Эмоциональной устойчивости	Тревожности
Успеваемости	Чувства смущения
Внутреннего локуса контроля	Депрессии
Памяти	Головной боли
Восприимчивости	Враждебности
Положительных образов	Фобии (чувства страха)
Самоконтроля	Психотического поведения
Ощущения благополучия	Количества ошибок при выполнении работы
Эффективности работы	

Психологи также изучали долгосрочное положительное влияние физических нагрузок, опираясь, в частности, на аксиому «в здоровом теле - здоровый дух». В рамках следующего исследования участников случайным образом распределили на несколько групп с различной интенсивностью физических занятий: высокоинтенсивные аэробные упражнения, занятия средней интенсивности, силовые тренировки и упражнения на растяжку. Все группы выполняли занятия с одинаковой частотой (4 раза в неделю) и продолжительностью (10 недель).

Исследование выявило, что у участников, занимавшихся физическими упражнениями средней интенсивности, отмечалось снижение уровня тревожности, в отличие от участников из других групп. Эти результаты указывают на то, что высокие физиологические показатели не всегда соответствуют значимым изменениям на психологическом уровне (таблица 2).

Таблица 2. Длительные физические нагрузки и психическое здоровье

№ п/п	Влияние физических нагрузок на психическое здоровье человека
1	Уровень физической подготовленности характеризуется положительной взаимосвязью с психическим здоровьем и самочувствием.
2	Физические нагрузки взаимосвязаны со снижением уровня тревожности.
3	Тревожность и депрессия — характерные симптомы неспособности справиться с психическим стрессом; физические нагрузки взаимосвязаны со снижением уровня депрессии и тревожности.
4	Продолжительные физические нагрузки, как правило, взаимосвязаны со сниженными уровнями тревожности и фобий.
5	Сильно выраженная депрессия требует профессионального лечения, физические нагрузки могут быть использованы как вспомогательное средство.
6	Адекватные физические нагрузки обусловливают снижение различных показателей стресса, таких, как нервно-мышечное напряжение, ЧСС в покое, содержание некоторых гормонов.
7	По мнению современных медиков, физические нагрузки оказывают положительное эмоциональное воздействие на людей любого возраста и пола.
8	Физически здоровые люди, принимающие психотропные препараты, могут выполнять физические упражнения под наблюдением врачей.

Кроме того, физическая культура и спорт положительно воздействуют на социализацию личности. Социальная адаптация - это универсальный процесс, когда социальные единицы, такие как индивиды, группы, сообщества или организации, приспосабливаются к изменениям в окружающей среде путем соответствующих изменений [2].

Занятия спортом представляют собой мощный инструмент в помощи людям, пережившим миграцию или столкнувшимся с другими социокультурными изменениями, в процессе адаптации к новым условиям. Спорт создает платформу для формирования позитивной общностной атмосферы, где люди могут найти общие интересы, что способствует их интеграции в новое социальное окружение. Участие в спортивных мероприятиях и тренировках также способствует развитию навыков коммуникации, управления конфликтами и созданию дружеских связей [3]. Эти навыки особенно важны для тех, кто оказался в новой среде, поскольку помогают им легче адаптироваться и находить общий язык с новыми знакомыми. В общем, занятия спортом играют значительную роль в процессе адаптации к новым социокультурным условиям, помогая людям не только найти свое место в новом обществе, но и развить необходимые навыки для успешного взаимодействия с окружающими. Таким образом, спорт и физическая культура играют невероятно важную роль в жизни людей. Они способствуют укреплению здоровья, формированию характера, развитию дисциплины и усиливают связь между людьми. Поддерживая физическую активность, мы также поддерживаем свое психическое здоровье. Спорт — это не только средство достижения физической формы, но и возможность раскрыть свой потенциал, научиться работать в команде, преодолевать трудности и достигать поставленных целей. Он объединяет людей разных возрастов, культур и национальностей в общем стремлении к здоровому образу жизни и достижению успеха.

Список литературы:

[1] Физическая культура [Электронный ресурс]. URL: https://multiurok.ru/blog/poniatiie-fizichieskaia-kul-tura.html.

[2] Социальная адаптация [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-adaptatsiia-e96767.

[3] Спорт [Электронный ресурс]. URL: https://phsreda.com/cv/article/109778/discussion_platform.

References:

[1] Physical education [Electronic resource]. URL: https://multiurok.ru/blog/poniatiie-fizichieskaia-kul-tura.html.

[2] Social adaptation [Electronic resource]. URL: https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-adaptatsiia-e96767.

[3] Sports [Electronic Resource]. URL: https://phsreda.com/cv/article/109778/discussion_platform.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-292-299
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

СПИРИЦА Евгений Валерьевич,
директор Международного центра детекции лжи и профайлинга (ICDS-GROUP), преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, юрист, психолог, антрополог, педагог, эксперт-профайле-верификатор, Москва, Россия,
e-mail: info@icds-group.com

ЯЗЫК БЕЗ РЕЧИ: НАВЫК КАК ПРОПУЩЕННОЕ ЗВЕНО МЕЖДУ СХЕМОЙ И ОПЫТОМ В ПОДГОТОВКЕ ПРОФАЙЛЕРОВ

Аннотация. *Подготовка специалистов поведенческого анализа опирается на модели компетентности, которые описывают, чем специалист должен обладать, но не называют операций, которым он обучается. Настоящая работа устанавливает, что экспликация состава компетентности не восполняет пропущенного звена — тренируемого навыка — и потому не приводит к профессиональному опыту. Материалом послужил один документированный случай: диссертационное исследование развития социально-психологической компетентности сотрудников службы профайлинга (специальность 19.00.05, Москва, 2010) вместе с его измерительным аппаратом; метод — структурный анализ работы по трём позициям: состав предъявляемой модели, наличие в программе дискретных операций с критерием приёмки и тип показателя, по которому измеряется результат. Показано, что модель построена как замкнутая знаковая система: одни и те же компоненты приписаны всем категориям сотрудников без различения задач поста, среднего состава и руководства. Установлено, что программа развивает подложку профессионального действия — внимание, память, стрессоустойчивость, — но не содержит ни одной операции досмотра, принимаемой по внешнему критерию, вследствие чего результат измеряется прокси подложки, а не исходом деятельности. Предложено различение трёх звеньев — предписание, навык, опыт — и двухточечная схема проверки практики: приёмка навыка на входе и регистрируемый исход на выходе; условия её применимости уточнены по критерию Канемана—Кляйна. Разобран единичный случай, выводов о распространённости описанной конструкции работа не делает; приводимые оценки результативности навыкового подхода имеют предварительный статус и подлежат документальному подтверждению.*

Ключевые слова: *поведенческий анализ; авиационная безопасность; предполётный досмотр; профессиональная компетентность; критерий приёмки; критериальная валидность; экспертная интуиция; обратная связь; выявление угроз; langue и parole.*

SPIRITSA Evgeny Valeryevich,
Director of the International Center for Deception Detection and Profiling (ICDS-GROUP), Lecturer at Lomonosov Moscow State University, Lawyer, Psychologist, Anthropologist, Educator, Expert Profiler-Verifier, Moscow, Russia

LANGUAGE WITHOUT SPEECH: SKILL AS THE MISSING LINK BETWEEN SCHEME AND EXPERIENCE IN PROFILER TRAINING

Annotation. *Training in applied behavioural analysis rests on competence models that describe what a specialist should possess but do not name the operations the specialist is taught. This paper establishes that making the composition of competence explicit does not supply the missing link — the trainable skill — and therefore does not produce professional experience. The material is a single documented case: a dissertation study on developing the socio-psychological competence of profiling service personnel (speciality 19.00.05, Moscow, 2010) together with its measurement apparatus; the method is a structural analysis along three positions: the composition of the model advanced, the presence in the programme of discrete operations with an acceptance criterion, and*

the type of indicator by which the result is measured. The model is shown to be built as a closed sign system: identical components are ascribed to all categories of personnel without distinguishing the tasks of the checkpoint, of middle staff and of management. The programme is found to develop the substrate of professional action — attention, memory, stress tolerance — while containing no screening operation accepted against an external criterion; the result is accordingly measured by a substrate proxy rather than by the outcome of the activity. A distinction between three links — prescription, skill, experience — is proposed, together with a two-point test of practice: acceptance of the skill at entry and a recorded outcome at exit, with the conditions of its applicability specified through the Kahneman–Klein criterion. A single case is examined; no claim is made about how widespread the described construction is, and the figures on the effectiveness of the skills-based approach are preliminary and subject to documentary confirmation.

Key words: *behavioural analysis; aviation security; pre-flight screening; professional competence; acceptance criterion; criterion validity; expert intuition; feedback; threat detection; langue and parole.*

Декларация конфликта интересов. Автор профессионально занят в подготовке специалистов поведенческого анализа и является разработчиком навыковой программы, положения которой излагаются в разделах 4 и 5. Работа должна читаться с учётом указанного обстоятельства. В связи с этим приняты следующие ограничения: (1) разбираемая работа излагается исключительно по её опубликованному тексту и автореферату, доступным для независимой проверки; (2) оценка квалификации, добросовестности и профессиональной репутации автора разбираемой работы не производится и предметом настоящего исследования не является; (3) эмпирические оценки результативности собственного подхода приводятся с прямым указанием их предварительного статуса (раздел 5.3).

Финансирование. Внешнего финансирования исследование не имело.

Введение. Два языка, которые не стыкуются

Подготовка специалиста, работающего с поведением человека в прикладной задаче — на предполётном досмотре, на пограничном контроле, при отборе персонала, — строится на некоторой модели того, чем такой специалист должен обладать. Модели компетентности описывают состав требуемого: мотивацию, знание, операциональную готовность, эмоционально-волевую устойчивость. Необходимость такого описания не оспаривается: программа подготовки, не знающая, к чему она ведёт, не может быть построена вовсе.

Состояние вопроса, однако, задано не этой традицией. Условия, при которых экспертной интуиции можно доверять, сформулированы Д. Канеманом и Г. Кляйном [9]: среда должна быть достаточно регулярной, а обратная связь — достаточно быстрой, чтобы регулярности можно было выучить. Характеристики задач, при которых экспертиза не формируется независимо от стажа, описаны Дж. Шантё [11]. Роль структурированной практики с обратной связью в формировании мастерства показана К. Эрикссоном с соавторами [8], а стадии перехода от следования правилу к нерефлексивному действию — Х. и С. Дрейфусами [7]. В прикладной области досмотра накоплены данные обоего знака: протоколы, построенные на наблюдении «подозрительных признаков», не дают проверяемого результата [13; 15], тогда как протокол, построенный как структурированная беседа, в контролируемом испытании даёт результат, существенно превосходящий их [14].

Лакуна располагается между этими двумя традициями. Литература о подготовке профайлеров описывает состав компетентности и описывает результат, которого от специалиста ждут, но не описывает промежуточного звена: перечня дискретных операций, которым обучают и выполнение которых принимают по внешнему критерию. Отсутствие этого звена нигде не обозначено как требующее обоснования — оно не оспаривается, а просто не замечается.

Тезис работы формулируется так: модель компетентности, не содержащая перечня тренируемых операций с критерием приёмки, не порождает профессионального опыта, а её внутренняя логическая связность является не свидетельством качества, а признаком замкнутости системы на себя.

Работа построена следующим образом. Раздел 1 описывает материал и процедуру. Раздел 2 вводит понятийную рамку — различение языка и речи и различение предписания и правила. Раздел 3 содержит разбор случая. Раздел 4 эксплицирует пропущенное звено. Раздел 5 разбирает измерение результата. Раздел 6 соотносит полученное с литературой и называет ограничения. Раздел 7 излагает практические следствия.

Оговорка, без которой разбор был бы некорректен, делается здесь же. Разбираемая работа выполнена добросовестно и в рамках избранного ею предмета — развития общих психических функций у сотрудников службы — решает

поставленную задачу. Развитие внимания, памяти и устойчивости к стрессу является реальной и осмысленной задачей подготовки. Предметом критики служит не качество исполнения, а конструкция: то, что между развиваемой подложкой и ожидаемым результатом деятельности в работе отсутствует звено, без которого переход от первого ко второму не совершается.

1. Материал и метод

1.1. Материал

Основной материал — диссертационное исследование Н. В. Чаленко «Развитие социально-психологической компетентности сотрудников службы профайлинга» (специальность 19.00.05 — социальная психология, Москва, 2010) [1] вместе с изложенной в нём теоретической моделью компетентности, программой её развития и аппаратом измерения результата. Выбор материала определяется не содержанием выводов работы, а её конструкцией: работа формально завершена, внутренне связна и потому пригодна как чистый случай разбираемого типа.

Дополнительный материал привлекается в разделе 6 для соотнесения результата с литературой: экспериментальное испытание протокола досмотра, построенного как структурированная беседа [14]; отчёт органа государственного аудита о программе поведенческого обнаружения [15]; аналитический обзор применения невербальных признаков в задачах безопасности и правосудия [13].

1.2. Процедура

Метод — структурный анализ работы по трём позициям. Первая: состав предъявляемой модели компетентности и её дифференцированность — различает ли модель категории сотрудников, решающих разные задачи. Вторая: наличие в программе развития дискретных операций профессиональной деятельности, каждая из которых допускает постановку в учебной ситуации и приёмку по описанному критерию. Третья: тип показателя, по которому измеряется результат программы, — измеряется ли подложка профессионального действия или его исход. По каждой позиции фиксируется, что в тексте присутствует и что отсутствует, с указанием структурного элемента работы, на котором это устанавливается.

1.3. Границы метода

Процедура не оценивает научной добросовестности разбираемой работы, качества её выполнения в рамках избранного ею предмета и квалификации её автора. Она не устанавливает и эффективности разбираемой программы: для такого вывода требуется независимое испытание, которого не проводилось ни автором разбираемой работы, ни автором настоящей. Процедура не является выборочным исследованием: разобран один случай, и заключения о распространённости описанной конструкции из него не следуют. Наконец, процедура устанавливает наличие или отсутствие звена в конструкции подготовки, а не истинность положений, на которых эта конструкция построена.

2. Понятийная рамка

2.1. Язык и речь

Ф. де Соссюр развёл язык (langue) — формальную систему знаков, которую, чтобы изучить, следует очистить от ситуативной вариативности, — и речь (parole), то есть живое высказывание в его текучести и зависимости от контекста [2]. Предметом своей науки Соссюр сделал язык; речь осталась его несовершенной реализацией.

Различение переносится на профессиональную подготовку буквально. Начинающему аналитику поведения выдают свод соответствий «знак — значение»: скрещённые руки означают закрытость, направление взгляда — конструирование. Это язык: система, очищенная от ситуации. Затем обучаемый выходит к живому человеку — к речи — и система рассыпается, поскольку скрещённые руки в холодном помещении означают чаще всего, что человеку холодно. Прочность системы при этом не страдает: она была построена так, чтобы не зависеть от ситуации.

Различение устного и письменного регистров профессионального знания разобрано автором отдельно [16]; здесь оно привлекается лишь в той части, которая необходима для оценки конструкции подготовки. Существенно, что внутренняя связность такой системы не является её достоинством. Связность достигается тем же средством, каким достигается независимость от контекста, — отказом от него. Поэтому логическая безупречность схемы, предъявляемая как аргумент в её пользу, является в действительности диагностическим признаком: так связен именно язык, не имеющий речи.

2.2. Предписание и правило

Второе необходимое различение восходит к позднему Л. Витгенштейну и П. Уинчу [3; 4]. В обыденной речи мы говорим «правила дорожного движения», но записанное в инструкции есть предписание, тогда как правило — то, чему участники практики действительно следуют, нередко расходясь с буквой предписания. Предписание существует до ситуации и помимо неё; правило возникает внутри ситуации и опознаётся участниками без того, чтобы быть записанным. Этнометодологическая традиция описывает этот же зазор как невозможность полной экспликации плана действия: план не содержит и не может содержать того, что решается на месте [5; 6].

Отсюда обычно делается вывод, который настоящая работа не принимает: раз инструкции

не воспроизводят практики, подлинное профессиональное знание невыразимо и сводится к выстраданному чутью. Дилемма «либо мёртвое предписание, либо невыразимый опыт» ложна, поскольку имеет третий член, снимающий противоречие. Этот член — навык; именно его отсутствие в разбираемой конструкции и составляет предмет дальнейшего анализа.

3. Разбор случая: модель компетентности как замкнутая система

3.1. Состав модели

Ядро разбираемой работы — теоретическая модель социально-психологической компетентности, разложенная на функции (побудительную, исполнительную, регулирующую), компоненты (мотивационно-ценностный, когнитивный, операционально-деятельностный, эмоционально-волевой) и критерии сформированности (мотивационный, технологический, интеракционный, регулятивный) [1]. Модель внутренне непротиворечива: каждый компонент соотнесён с функцией, каждому компоненту сопоставлен критерий.

Отношение этой системы к работе поста, однако, остаётся ровно таким, каким является отношение грамматики к живому разговору: описано устройство языка, на котором никто не говорит. Названы качества, которыми специалист должен обладать, но не названо ни одного действия, которое он должен уметь произвести.

3.2. Единая модель для всех категорий сотрудников

Наиболее показательная особенность конструкции состоит в том, что одна и та же модель прилагается ко всем сотрудникам службы. Практика различает линейного сотрудника на посту, средний состав и руководителя, который на посту не стоит: это разные задачи, разные операции и разные основания для отбора. Модель этого различия не проводит.

Существенно, что здесь не обнаруживается ошибки в пределах избранного предмета. Абстрактность есть свойство языка, а не дефект его описания: грамматика не обязана различать говорящих. Но именно поэтому модель, стирающая различие, очевидное любому практику на смене, свидетельствует о том, что перед нами замкнутая знаковая система, а не описание деятельности.

3.3. Программа развития как свод предписаний

Программа развития компетентности построена как алгоритм должного: она описывает, каким образом требуемые качества надлежит формировать, и требует от обучаемого соответствия модели [1]. В терминах раздела 2.2 это предписание в чистом виде. Предписание не является дефектом само по себе — вопрос в том, что стоит между ним и деятельностью. В разбираемой работе между ними не стоит ничего: программа переходит от описания должного состава компетентности к измерению общих психических функций, минуя уровень операций.

4. Пропущенное звено: навык

4.1. Навык как структурированное действие с критерием приёмки

Навык не является ни предписанием, ни чутьём. Это структурированное действие с критерием приёмки: оно раскладывается на операции, ставится в учебной ситуации, принимается по шкале «выполнено — не выполнено» и допускает измерение доли ошибок. Навык проходит ту границу, которую философия практического знания объявила непроходимой: он начинается как эксплицируемая форма — скрипт, чек-лист, алгоритм распознавания — и через наработку с обратной связью заканчивается как встроенное в действие умение. Именно в этом смысле он является мостом между языком и речью, а тренировка — именем этого моста (табл. 1).

Таблица 1. Предписание, навык и опыт как три звена профессиональной подготовки

Признак	Предписание	Навык	Опыт
Форма существования	Записанный текст: инструкция, методика, схема	Структурированное действие, разложенное на операции	Нерефлексивное умение, реализуемое в действии
Способ передачи	Чтение, заучивание, зачёт по содержанию	Постановка в учебной ситуации с обратной связью	Наработка: повторение принятого навыка в условиях задачи
Критерий проверки	Соответствие тексту предписания	Приёмка по описанной шкале, доля ошибок	Регистрируемый исход деятельности
Отношение к ситуации	Существует до ситуации и помимо неё	Воспроизводится в контролируемых условиях	Реализуется внутри ситуации

Различение трёх звеньев (табл. 1) позволяет сформулировать положение, ради которого оно вводится: опыт не противоположен навыку, а является его отложившейся формой. Интуиция не приходит вместо структуры — она есть то, во что структура превращается после достаточного числа повторений с обратной связью. Это положение не является метафорой: оно совпадает с описанием приобретения мастерства через структурированную практику [8] и с описанием стадий перехода от следования правилу к нерефлексивному действию [7].

4.2. Перечень операций поста

Прикладная навыковая программа подготовки сотрудников служб авиационной безопасности строится не вокруг абстрактной компетентности, а вокруг перечня дискретных, тренируемых и принимаемых операций [17]. Их состав для предполётного досмотра включает:

операцию корректной коммуникации в контакте с пассажиром;

операцию опросной беседы на посту и работы с опросным скриптом;

операцию распознавания признаков подделки проездных и удостоверяющих документов;

операцию выявления скрытоносимых предметов, запрещённых к перевозке;

операцию фиксации признаков стрессового состояния в потоке досмотра — с прямым указанием на то, что такой признак является основанием для продолжения беседы, а не выводом о причастности.

Каждая из перечисленных операций ставится в учебной ситуации, где поведение дискретно, неуклюже и открыто для коррекции, и принимается по критерию, сформулированному до начала обучения. Существенно, что последняя операция сформулирована так, чтобы не допускать вывода, который эмпирически не обоснован: точность распознавания лжи по поведению при изолированном наблюдении не превышает уровня, незначительно отличающегося от случайного [12], и признак стресса поэтому не может служить основанием вывода — только основанием следующего вопроса.

4.3. Что обнаруживается в разбираемой работе

В разбираемой конструкции не заложено ни одной такой операции. Присутствует развитие подложки — внимания, памяти, стрессоустойчивости [1], — но отсутствует действие поста, которому обучают и выполнение которого принимают. Следовательно, отлагаться в опыт нечему: из общей стрессоустойчивости не возникает умения распознать поддельный документ, как из исправного вестибулярного аппарата не возникает умения парковаться. Программа развивает то, что лежит под навыком, в предположении, что из подложки вырастет результат.

Здесь необходима симметричная оговорка. Подложка не является лишней: устойчивость внимания входит в условия выполнения операции досмотра, и программа, её развивающая, делает полезную вещь. Утверждается не то, что развитие общих функций бесполезно, а то, что оно не замещает постановки операций и не может измеряться вместо неё.

5. Измерение результата: прокси подложки и прокси исхода

5.1. Что измеряет разбираемая работа

Результат программы измеряется в разбираемой работе показателями общих психических функций: устойчивостью и переключаемостью внимания, показателями восприятия и памяти, личностными характеристиками, устойчивостью к стрессу [1]. Цепочка обрывается на первом звене: показатель вырос — и связь этого роста с результатом деятельности поста не установлена и не обсуждается. Между тем, служба существует не ради показателей по корректурной пробе, а ради предотвращения проноса запрещённых предметов, выявления лиц, находящихся в розыске, и обнаружения каналов перевозки.

5.2. Что измеряет навыковый подход

Навыковая программа строит измерение от исхода: результатом считается изменение операционального показателя службы — доли предотвращённых проносов, числа выявленных разыскиваемых лиц, числа перехватов по линии запрещённых веществ. Такой показатель имеет документальный след и, что существенно, подтверждается внешней стороной: базы розыска являются независимым от обучающей организации критерием [18] (табл. 2).

Таблица 2. Два типа показателя результата подготовки

Параметр	Прокси подложки	Прокси исхода
Что измеряется	Общие психические функции: внимание, память, устойчивость к стрессу	Операциональные показатели деятельности поста
Инструмент	Таблицы Шульте, корректурная проба, личностные опросники	Учётные данные службы за сопоставимые периоды
Источник подтверждения	Измерение внутри обучающей программы	Внешняя по отношению к программе сторона: учётные системы, базы розыска
Что остаётся неустановленным	Связь показателя с результатом деятельности	Вклад отдельной операции в суммарный результат

Оба показателя являются прокси: прямой «золотой стандарт» — предотвращённый террористический акт — в этой области недостижим, поскольку событие сверхредко, а базовая частота близка к нулю. Различие не в том, что один показатель является прямым, а другой косвенным, а в том, что прокси подложки не привязан к результату деятельности, тогда как прокси исхода с ним совпадает по предмету. Отсюда двойная асимметрия: навыковая программа проверяема дважды — приёмкой операции на входе и исходом на выходе; программа, развивающая абстрактную компетентность, не проверяема ни на одном из этих концов.

5.3. Статус приводимых эмпирических оценок

По наблюдаемым внедрениям навыкового метода на действующих досмотровых службах рост показателей противодействия составлял порядка четверти и воспроизводился при каждом внедрении. [Приводимая оценка имеет предварительный статус. Точные значения, периоды сопоставления и документальные основания подлежат приведению из первичной отчётности досмотровых служб; до их приведения оценка не может рассматриваться как эмпирическое подтверждение и в обоснование основного тезиса настоящей

работы не кладётся.]

Оговорка не является формальной. Работа, предъявляющая оппоненту требование измеримого исхода, обязана выполнить это требование в собственной части: пока первичная отчётность не приведена, утверждение об исходе имеет тот же статус, что и оспариваемое утверждение о росте показателей подложки, — статус заявления, а не результата.

6. Обсуждение

6.1. Что результат означает

Разобранный случай показывает конструкцию, в которой звенья подготовки соединены не последовательно, а через пропуск. Модель компетентности описывает должный состав; программа развивает подложку; измерение фиксирует подложку; результат деятельности не входит в схему ни на одном шаге. Внутренняя связность при этом сохраняется полностью — и именно она позволяет пропуску остаться незамеченным: система отвечает на собственные вопросы, не обращаясь к деятельности, о которой говорит.

Практическое следствие формулируется как проверочный вопрос к любой программе подготовки: какие операции обучаемый умеет выполнять по её завершении и по какому критерию это установлено. Вопрос не предполагает содержательного согласия с той или иной школой и применим к программам, построенным на любых теоретических основаниях.

6.2. Соотношение с литературой

Полученное согласуется с критерием подлинности интуитивной экспертизы, сформулированным Д. Канеманом и Г. Кляйном [9]: доверять интуиции можно там, где среда достаточно регулярна, и где обратная связь позволяет выучить регулярности. Описание того, как решение принимается в естественных условиях профессиональной деятельности, даёт Г. Кляйн [10]. Досмотровый пост с регистрируемым исходом — среда, в которой условие Канемана—Кляйна выполнимо, а учебная постановка операции есть не что иное, как искусственно сжатая петля обратной связи, спроектированная для того, чтобы выполнимость обеспечить. Напротив, распознавание лжи по универсальным признакам вне петли обратной связи — среда, в которой интуиция преимущественно иллюзорна, что согласуется с метааналитическими оценками точности такого распознавания [12] и с описанием стадий, на которых мастерство не формируется [11].

Согласуется оно и с прикладными данными. Отчёт органа государственного аудита о программе поведенческого обнаружения констатировал отсутствие достаточных доказательств того, что наблюдение поведенческих признаков позволяет надёжно выявлять угрозу [15]; тот же вывод в отношении применения невербальных признаков в задачах безопасности и правосудия сформулирован в аналитическом обзоре [13].

Вместе с тем, контролируемое испытание протокола, построенного как структурированная беседа, показало существенное превосходство такого протокола над протоколом наблюдения признаков [14]. Расхождение этих результатов не является противоречием: в первом случае измерялся исход программы, не содержавшей приёмки операций, во втором — исход программы, построенной вокруг операции с описанным критерием.

6.3. Что результат не означает

Из разобранного не следует, что модели компетентности не нужны: без описания того, к чему ведёт подготовка, программа не может быть построена. Не следует и того, что развитие общих психических функций бесполезно. Не следует, что разбираемая работа выполнена недобросовестно или что её выводы ложны в пределах избранного ею предмета. Наконец, не следует, что навык исчерпывает профессиональное действие: он доводит специалиста до порога, за которым решение принимается в ситуации и скрещённые руки читаются как холод, а не как «защита».

Сведение речи целиком к языку остаётся ошибкой и в том случае, когда языком объявлен перечень навыков.

6.4. Ограничения

Ограничения работы должны быть названы прямо. Разобран единичный случай, и статистических обобщений о распространённости описанной конструкции он не позволяет; выбор случая не является случайным — работа отбиралась как формально завершённая и внутренне связная, то есть как крайний, а не типичный представитель.

Разбор выполнен по опубликованному тексту и автореферату; постраничные отсылки к полному тексту диссертации подлежат приведению при подготовке окончательного варианта. Эффективность навыковой программы, предлагаемой в качестве альтернативы, независимым испытанием не проверялась, а приводимые оценки имеют предварительный статус (раздел 5.3).

Автор является разработчиком этой программы, что зафиксировано в декларации конфликта интересов. Наконец, работа не оценивает разбираемое исследование в целом и не касается тех его частей, которые не связаны с разобранной конструкцией.

7. Практические следствия: проверочные вопросы к программе подготовки

Из разобранного следует процедура оценки программы подготовки, не требующая ни доступа к её содержательным основаниям, ни согласия с ними. Она применима заказчику обучения, атте-

стующему органу и разработчику программы при её самопроверке (табл. 3).

Таблица 3. Проверочные вопросы к программе подготовки специалиста

Вопросы таблицы 3 применяются к любой программе, включая ту, которую отстаивает настоящая работа. Для неё невыполненной на сегодняшний день остаётся последняя строка первой колонки измерения: приводимые оценки исхода не подтверждены документально (раздел 5.3), и до их подтверждения программа отвечает на пять вопросов из шести.

Заключение

Установлено, что разбираемая конструкция подготовки содержит модель должного и измерение подложки, но не содержит звена, которое соединяет их с деятельностью, — перечня операций, принимаемых по внешнему критерию. Внутренняя связность такой конструкции не является свидетельством её адекватности: так связна именно система, замкнутая на себя. Из этого следует, что проверка программы подготовки проводится не экспликацией её теоретических оснований, а в двух точках: приёмкой операции на входе и регистрируемым исходом на выходе. Обе точки доступны наблюдению и не требуют от проверяющего согласия с теорией, на которой программа построена; тем самым спор о школах заменяется проверяемым вопросом.

Требование	Проверочный вопрос	Признак невыполнения
Дифференциация по категориям	Различает ли программа задачи линейного сотрудника, среднего состава и руководителя?	Одна модель предъявлена всем категориям
Перечень операций	Названы ли действия, которым обучают, а не качества, которые развивают?	Перечислены качества и функции; действий нет
Критерий приёмки	Как фиксируется, что операция поставлена?	Приёмка не описана либо сведена к зачёту по теории
Петля обратной связи	Узнаёт ли обучаемый результат своего решения и насколько быстро?	Обратная связь отсутствует или отсрочена настолько, что не связывается с решением
Показатель результата	Измеряется ли исход деятельности, а не только подложка?	Измеряются общие психические функции
Условия валидности интуиции	Регулярна ли среда и позволяет ли она выучить регулярности?	Условия не проверялись, а стаж предъявлен как основание доверия

Открытым остаётся вопрос о вкладе отдельных операций в суммарный исход: наличная отчётность досмотровых служб фиксирует результат в целом и не позволяет разделить вклад коммуникативной операции, операции документального контроля и операции наблюдения. Экспериментальная схема, разделяющая эти вклады, и документальное подтверждение приводимых оценок составляют предмет дальнейшей работы.

Список литературы:

[1] Чаленко Н. В. Развитие социально-психологической компетентности сотрудников службы профайлинга: дис. … канд. психол. наук: 19.00.05. — М., 2010. — 235 с.

[2] Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.

[3] Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. — М.: Гнозис, 1994.

[4] Уинч П. Идея социальной науки и её отношение к философии. — М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

[5] Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. — СПб.: Питер, 2007.

[6] Suchman L. A. Plans and Situated Actions: The Problem of Human-Machine Communication. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

[7] Dreyfus H. L., Dreyfus S. E. Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in the Era of the Computer. — New York: Free Press, 1986.

[8] Ericsson K. A., Krampe R. T., Tesch-Römer C. The Role of Deliberate Practice in the Acquisition of Expert Performance // Psychological Review. — 1993. — Vol. 100, no. 3. — P. 363–406.

[9] Kahneman D., Klein G. Conditions for Intuitive Expertise: A Failure to Disagree // American Psychologist. — 2009. — Vol. 64, no. 6. — P. 515–526.

[10] Klein G. Sources of Power: How People Make Decisions. — Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

[11] Shanteau J. Competence in Experts: The Role of Task Characteristics // Organizational Behavior and Human Decision Processes. — 1992. — Vol. 53, no. 2. — P. 252–266.

[12] Bond C. F. Jr., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, no. 3. — P. 214–234.

[13] Denault V., Plusquellec P., Jupe L. M. [et al.] The Analysis of Nonverbal Communication: The Dangers of Pseudoscience in Security and Justice Contexts // Anuario de Psicología Jurídica. — 2020. — Vol. 30, no. 1. — P. 1–12.

[14] Ormerod T. C., Dando C. J. Finding a Needle in a Haystack: Toward a Psychologically Informed Method for Aviation Security Screening // Journal of Experimental Psychology: General. — 2015. — Vol. 144, no. 1. — P. 76–84.

[15] Aviation Security: TSA Should Limit Future Funding for Behavior Detection Activities: Report GAO-14-159. — Washington, D. C.: U.S. Government Accountability Office, 2013.

[16] [Собственная работа автора о различении устного и письменного регистров профессио-

нального знания — подставить выходные данные].

[17] [Собственная работа автора о навыковой программе подготовки сотрудников служб авиационной безопасности — подставить выходные данные].

[18] [Собственная работа автора (или первичная отчётность досмотровых служб) в подтверждение оценок раздела 5.3 — подставить выходные данные].

References:

[1] Chalenko N.V. Development of social and psychological competence of profiling service employees: dis.... cand. psychol. sciences: 19.00.05. - M., 2010. - 235 s.

[2] Saussure F. de. Course of general linguistics // Works on linguistics. - M.: Progress, 1977.

[3] Wittgenstein L. Philosophical Studies // Philosophical Works. PART 1. - M.: Gnosis, 1994.

[4] Winch P. The idea of social science and its relation to philosophy. - M.: Russian Phenomenological Society, 1996.

[5] Garfinkel G. Studies in ethnomethodology. - St. Petersburg: Peter, 2007.

[6] Suchman L. A. Plans and Situated Actions: The Problem of Human-Machine Communication. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

[7] Dreyfus H. L., Dreyfus S. E. Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in the Era of the Computer. — New York: Free Press, 1986.

[8] Ericsson K. A., Krampe R. T., Tesch-Römer C. The Role of Deliberate Practice in the Acquisition of Expert Performance // Psychological Review. — 1993. — Vol. 100, no. 3. — P. 363–406.

[9] Kahneman D., Klein G. Conditions for Intuitive Expertise: A Failure to Disagree // American Psychologist. — 2009. — Vol. 64, no. 6. — P. 515–526.

[10] Klein G. Sources of Power: How People Make Decisions. — Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

[11] Shanteau J. Competence in Experts: The Role of Task Characteristics // Organizational Behavior and Human Decision Processes. — 1992. — Vol. 53, no. 2. — P. 252–266.

[12] Bond C. F. Jr., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, no. 3. — P. 214–234.

[13] Denault V., Plusquellec P., Jupe L. M. [et al.] The Analysis of Nonverbal Communication: The Dangers of Pseudoscience in Security and Justice Contexts // Anuario de Psicología Jurídica. — 2020. — Vol. 30, no. 1. — P. 1–12.

[14] Ormerod T. C., Dando C. J. Finding a Needle in a Haystack: Toward a Psychologically Informed Method for Aviation Security Screening // Journal of Experimental Psychology: General. — 2015. — Vol. 144, no. 1. — P. 76–84.

[15] Aviation Security: TSA Should Limit Future Funding for Behavior Detection Activities: Report GAO-14-159. — Washington, D. C.: U.S. Government Accountability Office, 2013.

[16] [The author's own work on distinguishing between oral and written registers of professional knowledge - substitute output].

[17] [The author's own work on the aviation security training program - substitute output].

[18] [Author's own work (or initial reporting of inspection services) in support of the assessments of section 5.3 - substitute output].

- ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-300-304
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

МУРАВЬЕВ Алексей Валентинович,
кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры физической подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

СУХИНИН Игорь Викторович,
старший преподаватель кафедры физического воспитания, лечебной физкультуры и спортивной медицины Рязанского Государственного Медицинского Университета имени Ивана Петровича Павлова,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ШАРИПОВ Адик Накиевич,
доцент кафедры физической подготовки и спорта Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования "Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации" г. Пермь,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ НА УСТОЙЧИВОСТЬ СТУДЕНТОВ И КУРСАНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ФСИН РОССИИ К УЧЕБНЫМ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫМ НАГРУЗКАМ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема повышения устойчивости студентов и курсантов высших учебных заведений к учебным и психоэмоциональным нагрузкам посредством систематической физической подготовки. Актуальность исследования обусловлена увеличением объема учебной информации, высокой интенсивностью образовательного процесса, необходимостью длительной концентрации внимания, а для курсантов — дополнительным воздействием регламентированных физических, дисциплинарных и психоэмоциональных нагрузок. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании влияния систематических занятий физической подготовкой на устойчивость обучающихся к различным видам нагрузок.*

В работе проведен анализ научной литературы, посвященной взаимосвязи физической активности, функционального состояния организма, стрессоустойчивости, когнитивной работоспособности и психоэмоционального состояния обучающихся. Показано, что регулярная физическая активность может способствовать повышению общей и специальной работоспособности, улучшению процессов восстановления, снижению выраженности субъективного стресса и формированию более эффективных механизмов адаптации к нагрузкам. Особое значение имеют аэробные нагрузки умеренной интенсивности, силовая подготовка, интервальные упражнения и комплексы, направленные на развитие общей выносливости.

Обоснована необходимость дифференцированного построения физической подготовки студентов и курсантов с учетом возраста, уровня физической подготовленности, функционального состояния и специфики учебной деятельности. Сделан вывод о целесообразности

рассматривать физическую подготовку не только как средство развития двигательных качеств, но и как один из компонентов системы профилактики негативных последствий учебного и психоэмоционального перенапряжения.

Ключевые слова: *физическая подготовка, студенты, курсанты, психоэмоциональная нагрузка, учебная нагрузка, стрессоустойчивость, физическая активность, работоспособность, адаптация, выносливость.*

MURAVYOV Alexey Valentinovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head of the Department of Physical Training, Faculty of Law,VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor at the Institute for Training State and Municipal Officials, Academy of FSIN of Russia

SUKHININ Igor Viktorovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education, Therapeutic Physical Culture and Sports Medicine Ryazan State Medical University named after Ivan Petrovich Pavlov

SHARIPOV Adik Nakievich,
Associate Professor at the Department of Physical Training and Sports Federal State Budgetary Military Educational Institution of Higher Education "Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation", Perm

THE IMPACT OF PHYSICAL FITNESS ON THE RESISTANCE OF STUDENTS AND CADETS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FSIN OF RUSSIA TO ACADEMIC AND PSYCHOEMOTIONAL STRESS

Annotation. *The article examines the influence of systematic physical training on the resilience of university students and cadets to academic and psycho-emotional loads. The relevance of the study is determined by the increasing amount of educational information, high intensity of the educational process, the need for prolonged concentration, and, in the case of cadets, additional physical, disciplinary and psycho-emotional demands.*

The purpose of the study is to provide a theoretical justification of the role of systematic physical training in improving students' and cadets' resistance to various types of workload.

The study analyzes scientific literature addressing the relationship between physical activity, functional state, stress resilience, cognitive performance and psycho-emotional well-being. The analysis indicates that regular physical activity can contribute to improved general and specific work capacity, more effective recovery processes, reduced perceived stress and enhanced adaptation to demanding conditions.

The necessity of a differentiated approach to physical training is substantiated, taking into account age, initial physical fitness, functional state and the specific characteristics of educational activities. Physical training should therefore be considered not only as a means of developing motor abilities but also as an important component of preventing the negative consequences of academic and psycho-emotional overload.

Key words: *physical training, university students, cadets, psycho-emotional load, academic workload, stress resilience, physical activity, work capacity, adaptation, endurance.*

Современная система высшего образования предъявляет высокие требования к физическим, интеллектуальным и психоэмоциональным ресурсам обучающихся. Значительный объем учебной информации, необходимость постоянной концентрации внимания, соблюдение сроков выполнения заданий и экзаменационные нагрузки могут сопровождаться накоплением утомления и снижением общей работоспособности.

Физическая культура в системе высшего образования традиционно рассматривается как важное средство укрепления здоровья, повышения физической работоспособности и формирования устойчивой мотивации к регулярной двигательной активности [1; 2]. Согласно положениям теории и методики физической культуры, систематическая физическая деятельность должна обеспечивать не только развитие двигательных способностей, но и повышение функциональных возможностей организма [1].

Для курсантов высших учебных заведений проблема приобретает дополнительную значимость. Помимо стандартных требований образовательного процесса, они сталкиваются с регламентированным распорядком дня, повышенными требованиями к дисциплине, физической подготовленности и выполнению профессионально ориентированных задач. В этой связи физическая подготовка рассматривается как один из компонентов профессиональной подготовки будущего специалиста.

Исследования в области физического воспитания студентов показывают, что рационально организованная двигательная активность может положительно влиять на физическую работоспособность и функциональное состояние организма [3; 4]. При этом эффективность тренировочного воздействия во многом определяется систематичностью занятий, правильным дозированием нагрузки и учетом индивидуальных особенностей занимающихся [1; 5].

Важным аспектом является взаимосвязь физической активности и психоэмоционального состояния. Современные исследования указывают на то, что регулярная двигательная активность может быть связана с улучшением психологического благополучия и снижением субъективного восприятия стресса [8; 9].

Цель исследования:

Целью исследования является теоретическое обоснование влияния систематической физической подготовки на устойчивость студентов и курсантов высших учебных заведений к учебным и психоэмоциональным нагрузкам.

Задачи исследования:

Проанализировать научные представления о влиянии физической активности на функциональное и психоэмоциональное состояние студентов и курсантов.

Рассмотреть механизмы взаимосвязи физической подготовленности и устойчивости к стрессовым нагрузкам.

Определить наиболее целесообразные средства физической подготовки для повышения общей работоспособности и устойчивости к нагрузкам.

Обосновать необходимость индивидуализации тренировочного процесса в образовательной среде. сниж

В исследовании использовались анализ и обобщение научно-методической литературы, сравнительный анализ отечественных и зарубежных научных публикаций, а также систематизация научных положений в области физического воспитания, физиологии, психологии стресса и спортивной подготовки.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения теории и методики физической культуры, рассматривающие физическую подготовку как целенаправленный педагогический процесс развития физических качеств и совершенствования функциональных возможностей организма [1; 5].

При организации последующих экспериментальных исследований целесообразно использовать комплекс методов, включающий оценку физической подготовленности, функционального состояния и психоэмоционального состояния обучающихся.

Анализ научной литературы позволяет рассматривать физическую подготовку как многофакторное средство воздействия на организм студентов и курсантов. Ее значение выходит за рамки непосредственного развития силы, быстроты, выносливости и других двигательных качеств.

В отечественной теории физической культуры физическая подготовка рассматривается как процесс направленного развития физических качеств и формирования двигательных навыков, обеспечивающих готовность человека к различным видам деятельности [1; 5]. С этой точки зрения физическая подготовленность может рассматриваться как один из факторов, определяющих способность обучающегося эффективно выполнять учебные и профессионально ориентированные задачи.

Одним из наиболее существенных эффектов регулярной физической активности является повышение общей функциональной работоспособности. Развитие выносливости способствует совершенствованию функциональных возможностей сердечно-сосудистой и дыхательной систем, что создает предпосылки для более эффективно-

го выполнения продолжительной работы [1; 6].

Для студентов это имеет особое значение в условиях продолжительной учебной деятельности. Сохранение работоспособности в течение длительного времени связано не только с интеллектуальными способностями, но и с общим функциональным состоянием организма.

Систематическая физическая нагрузка является одним из факторов формирования адаптационных возможностей организма. При рациональном построении тренировочного процесса повторяющееся воздействие физической нагрузки приводит к формированию адаптационных изменений, повышающих способность организма переносить последующие нагрузки [6; 7].

Важное значение имеет принцип постепенного повышения тренировочной нагрузки. Л.П. Матвеев отмечает необходимость учета закономерностей адаптации организма к физическим воздействиям и рационального построения тренировочного процесса [1]. Следовательно, увеличение объема и интенсивности физических упражнений должно соответствовать функциональным возможностям занимающихся.

Особого внимания заслуживает взаимосвязь физической активности и психоэмоционального состояния. Физические упражнения могут выступать одним из средств регулирования психического состояния человека. В отечественной литературе подчеркивается значение физической культуры в формировании культуры здоровья, способности к самоконтролю и регуляции физического состояния [2; 3].

Современные зарубежные исследования также указывают на связь между регулярной физической активностью и психическим благополучием [8; 9]. В частности, физические упражнения рассматриваются как один из факторов, способных способствовать снижению субъективного уровня стресса и улучшению эмоционального состояния.

При этом необходимо учитывать, что положительный эффект определяется адекватностью тренировочной нагрузки. Чрезмерная физическая нагрузка в сочетании с недостаточным восстановлением способна привести к накоплению утомления и снижению функциональных резервов организма. Поэтому организация физической подготовки должна учитывать не только тренировочные воздействия, но и восстановительные процессы.

Для студентов и курсантов особое значение имеет развитие общей выносливости. Данное качество характеризует способность длительно выполнять физическую работу при сохранении необходимого уровня эффективности. Средствами развития выносливости могут выступать бег, ходьба, плавание, циклические упражнения и различные варианты интервальной тренировки [1; 4].

Силовая подготовка также занимает важное место в структуре физической подготовленности. Ее применение позволяет развивать мышечную силу и силовую выносливость, повышать функциональные возможности опорно-двигательного аппарата и расширять двигательные возможности обучающихся [3; 5].

Перспективным является сочетание аэробной и силовой подготовки. Комплексное использование различных средств физического воспитания позволяет воздействовать на несколько компонентов физической подготовленности одновременно.

Для курсантов особое значение имеет профессионально-прикладная направленность физической подготовки. В зависимости от характера будущей профессиональной деятельности могут применяться упражнения, моделирующие специфические двигательные действия и физические нагрузки. Такой подход позволяет приблизить содержание занятий к требованиям будущей профессиональной деятельности [4; 10].

Отдельного внимания заслуживает проблема восстановления. Эффективность физической подготовки невозможно рассматривать независимо от режима сна, питания и чередования учебной и двигательной активности. В отечественной системе физического воспитания восстановительные мероприятия рассматриваются как важная составляющая рациональной организации физической нагрузки [1; 6].

Таким образом, физическую подготовку студентов и курсантов целесообразно рассматривать в рамках комплексной системы управления состоянием обучающихся. Такая система может включать регулярный мониторинг физической подготовленности, оценку субъективного уровня утомления, контроль тренировочной нагрузки и анализ динамики функционального состояния.

Для повышения устойчивости студентов и курсантов к учебным и психоэмоциональным нагрузкам целесообразно:

обеспечить систематичность занятий физическими упражнениями;

сочетать аэробные и силовые нагрузки;

постепенно увеличивать тренировочную нагрузку;

учитывать исходный уровень физической подготовленности;

соблюдать оптимальное соотношение нагрузки и восстановления;

контролировать субъективные признаки утомления;

учитывать особенности учебного режима;

использовать периодический мониторинг

физического и психоэмоционального состояния;

применять индивидуализированные программы физической подготовки.

Для экспериментальной проверки эффективности предложенного подхода целесообразно организовать педагогический эксперимент с контрольной и экспериментальной группами. Продолжительность программы может составлять 8–12 недель.

До и после эксперимента рекомендуется оценивать уровень физической подготовленности, показатели выносливости и силы, субъективный уровень стресса, утомляемость, качество сна и отдельные показатели психоэмоционального состояния.

Таким образом, систематическая и рационально организованная физическая подготовка является значимым фактором поддержания функционального и психоэмоционального состояния студентов и курсантов высших учебных заведений.

Регулярная двигательная активность создает предпосылки для повышения общей работоспособности, развития выносливости, совершенствования функциональных возможностей организма и повышения его адаптационных резервов [1; 6].

Особое значение имеют рациональное сочетание различных видов физических упражнений, индивидуализация тренировочной нагрузки и соблюдение принципов постепенности и восстановления. Для курсантов физическая подготовка дополнительно приобретает профессионально-прикладное значение.

Перспективным направлением дальнейших исследований является проведение контролируемого педагогического эксперимента, позволяющего количественно оценить влияние различных программ физической подготовки на физическую работоспособность, субъективный уровень стресса, утомляемость, качество сна и психоэмоциональное состояние студентов и курсантов.

Список литературы:

[1] Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры: учебник для высших учебных заведений физкультурного профиля. 4-е изд. М.: Спорт, 2021. 520 с. (Российская медицинская библиотека).

[2] Евсеев Ю. И. Физическая культура: учебное пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2018.

[3] Ильинич В. И. Физическая культура студента: учебник. М.: Гардарики, 2014.

[4] Курамшин Ю. Ф. Теория и методика физической культуры: учебник. М.: Советский спорт, 2010.

[5] Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физической культуры и спорта: учебник. М.: Академия, 2014.

[6] Солопов И. Н. Физиология физического воспитания и спорта: учебное пособие. Волгоград: ВГАФК, 2019.

[7] Баевский Р. М., Берсенева А. П. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний. М.: Медицина, 1997.

[8] Виленский М. Я., Горшков А. Г. Физическая культура и здоровый образ жизни студента: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2016.

[9] Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие. М.: Академия, 2010.

[10] Ратов И. П., Ратов И. И. Двигательные возможности человека: современные представления и практические подходы к их развитию. М.: Физкультура и спорт, 1994.

References:

[1] Matveev L.P. Theory and methodology of physical culture: a textbook for higher educational institutions of physical education. 4th ed. M.: Sport, 2021. 520 p. (Russian Medical Library).

[2] Evseev Yu. I. Physical education: a textbook. Rostov n/D: Phoenix, 2018.

[3] Ilyinich V.I. Student physical culture: textbook. M.: Gardariki, 2014.

[4] Kuramshin Yu. F. Theory and methodology of physical culture: textbook. M.: Soviet Sport, 2010.

[5] Kholodov Zh. K., Kuznetsov V. S. Theory and methodology of physical culture and sports: textbook. M.: Academy, 2014.

[6] Solopov I.N. Physiology of physical education and sports: a textbook. Volgograd: VGAFK, 2019.

[7] Baevsky R.M., Berseneva A.P. Assessment of the adaptive capabilities of the body and the risk of developing diseases. M.: Medicine, 1997.

[8] Vilensky M. Ya., Gorshkov A. G. Physical culture and a healthy lifestyle of a student: a textbook. M.: KNORUS, 2016.

[9] Lubysheva L.I. Sociology of physical culture and sports: a textbook. M.: Academy, 2010.

[10] Ratov I.P., Ratov I.I. Human motor capabilities: modern ideas and practical approaches to their development. M.: Physical education and sports, 1994.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-305-308
Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

ТРЕТЬЯКОВ Александр Сергеевич,
к.пед.н.,доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта, Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, e-mail: tretyakoval@yandex.ru

НАКОНЕЧНАЯ Екатерина Владимировна,
к.псих.,н., доцент кафедры клинической психологии и педагогики с курсом ПО Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого" Министерства здравоохранения Российской Федерации, e-mail: mail@law-books.ru

СУВОРОВА Наталия Владимировна,
к.пед.н., декан факультета психологии Автономной некоммерческой организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», e-mail: mail@law-books.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ (МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ) И ТЕХНОЛОГИИ НЕЙРОСТИМУЛЯЦИИ (tDCS) НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПОСЛЕ ФИЗИЧЕСКИХ НАГРУЗОК В ПЕРИОД ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ СЕССИИ

Аннотация. *Обучение студентов в высшем учебном заведении характеризуется высокой физической и психологической нагрузкой, особенно в период экзаменационной сессии, что приводит к необходимости поиска действенных способов для восстановления работоспособности студентов после физическихз нагрузок. Цель исследования являлось изучение роли мобильных приложений в восстановлении после физических нагрузок и оценить перспективы внедрения нейростимуляции в практику физического воспитания студентов. Проведенное исследование подтвердило актуальность проблемы восстановления после физических нагрузок у студентов в период экзаменов: хотя боль отмечают только 25%, приложения не используются совсем, а интерес к tDCS умеренный (44.4% готовности). Перспектива внедрения tDCS оценивается как многообещающая, особенно в сочетании с приложениями.*

Ключевые слова: *студенты, нейростимуляция, мобильные приложения, физические нагрузки, восстановление.*

TRETYAKOV A.S.,
PhD in Pedagogy, docent, associate professor, department of physical education and sports, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev", Krasnoyarsk, Russia

NAKONECHNAYA E.V.,
PhD in Psychology, associate professor, department of clinical psychology and pedagogy with a course of professional education, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation

SUVOROVA N.V.,
PhD in Pedagogy, dean of Faculty of Psychology, Siberian Institute of Business, Management and Psychology

IMPACT OF DIGITAL TOOLS (MOBILE APPS) AND NEUROSTIMULATION TECHNOLOGY (tDCS) ON STUDENTS 'RECOVERY FROM PHYSICAL ACTIVITY DURING THE EXAM SESSION

Annotation. *The training of students in a higher educational institution is characterized by high physical and psychological stress, especially during the examination session, which leads to the need to find effective ways to restore students' performance after physical stress. The purpose of the study was to study the role of mobile applications in recovery from physical activity and assess the prospects for introducing neurostimulation into the practice of physical education of students. The study confirmed the relevance of the problem of recovery after physical activity among students during exams: although only 25% note pain, applications are not used at all, and interest in tDCS is moderate (44.4% readiness). The prospect of implementing tDCS is assessed as promising, especially when combined with applications.*

Key words: *students, neurostimulation, mobile apps, exercise, recovery.*

Актуальность темы обусловлена высокой физической и психологической нагрузкой на студентов в период экзаменационной сессии. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, 78% студентов отмечают снижение физической активности во время подготовки к экзаменам, что приводит к накоплению мышечной усталости, болевым ощущениям после занятий физической культурой и общему снижению работоспособности [1]. Например, типичная ситуация: студент после 2-часового семинара по физкультуре (бег, приседания) на следующий день не может нормально сидеть на лекции из-за боли в ногах, особенно если накануне готовился к экзамену до 3 ночи.

Цель работы — изучить роль мобильных приложений в восстановлении после физических нагрузок и оценить перспективы внедрения нейростимуляции (tDCS) в практику физического воспитания студентов.

Восстановление после физических нагрузок представляет собой комплекс физиологических и психологических процессов, направленных на устранение утомления, восполнение энергетических ресурсов и возвращение организма к состоянию гомеостаза. Основные механизмы включают: ресинтез АТФ, удаление лактата, нормализацию кислотно-щелочного баланса, восстановление гликогена в мышцах и печени.

Классические методы восстановления: пассивный отдых, гидротерапия (контрастный душ), массаж, дыхательные практики, полноценный сон. Например, контрастный душ (30 сек горячей + 30 сек холодной воды) снижает воспаление в мышцах на 25% [3].

В последние годы активно развиваются цифровые технологии: мобильные приложения RecoverFast, Calm, StretchIt предлагают персонализированные программы медитации, растяжки, контроля сна и дыхания. Приложение RecoverFast, например, использует аудио-медитации длительностью 10–15 минут, которые снижают уровень кортизола на 18% [5].

Особое внимание привлекает метод транскраниальной стимуляции постоянным током (tDCS). Это неинвазивная технология, использующая слабый электрический ток (1–2 мА) через электроды, размещённые на коже головы. Анод повышает возбудимость нейронов в целевой зоне, катод – снижает. tDCS ускоряет нейропластичность, улучшает кровоток, снижает восприятие боли, способствует более быстрому восстановлению мышечной ткани [2]. В США и Южной Корее tDCS применяется в спортивной реабилитации с 2020 года, в России – с 2024 года (поставки устройств Brainstorm, Нейростим). Устройство Brainstorm стоит около 15 000 руб. и работает от аккумулятора.

Kim et al. (2025) провели рандомизированное контролируемое исследование (n=30, студенты-спортсмены). Группа с tDCS (15 минут после тренировки) показала снижение мышечной боли на 38% через 24 часа по сравнению с контрольной группой (p <0.05). Эффект объясняется активацией опиоидных систем и снижением воспаления [2]. Участники отмечали, что боль в квадрицепсах снижалась с 7 до 4 баллов по шкале VAS.

Park (2024) изучал комбинированное применение tDCS и мобильного приложения для медитации у студентов Сеульского университета (n=25). Результат: восстановление мышечной выносливости на 42% быстрее, чем при пассивном отдыхе. Авторы подчёркивают синергетический эффект: tDCS улучшает кровоток, а медитация снижает стресс [4].

В Российской Федерации исследования tDCS в контексте студенческой физической культуры малоисследованы, что подчёркивает научную новизну настоящей работы.

В октябре 2025 года проведён анонимный опрос студентов 2 курса, технической специальности с использованием Google Формы. Выборка случайная. Опрос содержал 5 вопросов.

Вопросы:

Испытываете ли вы боль в мышцах после физкультуры во время сессии? (Да/Нет)

Используете ли мобильные приложения для восстановления (RecoverFast, Calm)? (Да/Нет)

Знаете ли вы, что такое tDCS (нейро-стики для восстановления)? (Да/Нет)

Готовы ли пробовать нейро-стики (tDCS) для ускорения восстановления? (Да/Нет)

Ваш уровень стресса во время сессии (по шкале 1–10)

Таблица 1. Результаты опроса студентов

Вопросы	Да / Знают	Нет / Не знаю	Среднее (шкала 1–10)
Боль после физ-ры на сессии	3 (25%)	9 (75%)	—
Используют приложения	0 (0%)	12 (100%)	—
Знают tDCS	3 (25%)	9 (75%)	—
Готовы к tDCS после описания	4 (44,4%)	5 (55,6%)	—
Стресс на сессии	—	—	5,6

Для удобства анализа результатов составлены диаграммы по данным Google Формы (См. Рис. 1–5 в приложениях).

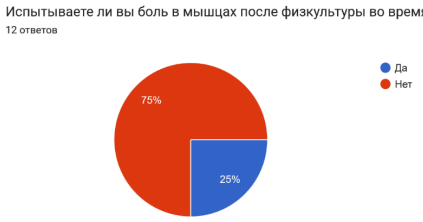

Рис. 1. Диаграмма ответов на вопрос 1: Боль в мышцах (скриншот с 25% Да, 75% Нет).

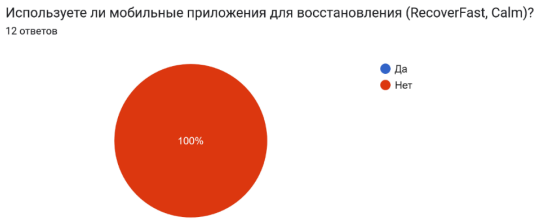

Рис. 2. Диаграмма ответов на вопрос 2: Использование приложений (0% Да, 100% Нет).

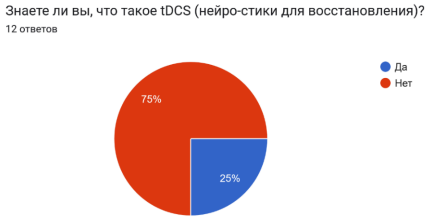

Рис. 3. Диаграмма ответов на вопрос 3: Знание tDCS (25% Да, 75% Нет).

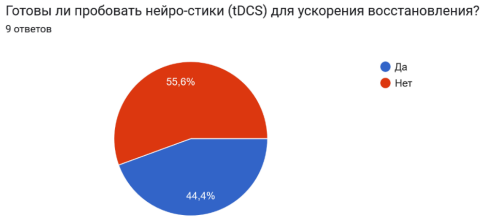

Рис. 4. Диаграмма ответов на вопрос 4: Готовность к tDCS (44.4% Да, 55.6% Нет).

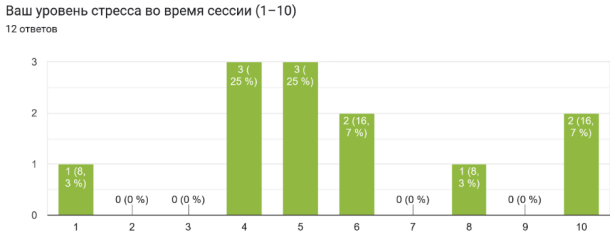

Рис. 5. Диаграмма ответов на вопрос 5: Уровень стресса (среднее 5.6 по шкале).

На основе этих данных проведён анализ. Опрос показал: только 25% студентов испытывают боль после физической нагрузки на сессии — возможно, из-за низких нагрузок в вузе или адаптации. Однако 100% не используют приложения, а 75% не знают о tDCS, что подтверждает гиподинамию и отсутствие информации. После описания 44.4% готовы к tDCS — это ниже ожидаемого, но показывает потенциал: если объяснить, интерес вырастет. Средний стресс 5.6 баллов указывает на умеренное напряжение, которое можно снизить технологиями.

В заключение, проведённое исследование подтвердило актуальность проблемы восстановления после физических нагрузок у студентов в период экзаменов: хотя боль отмечают только 25%, приложения не используются совсем, а интерес к tDCS умеренный (44.4% готовности). Перспектива внедрения tDCS оценивается как многообещающая, особенно в сочетании с приложениями.

Выводы:

Мобильные приложения недостаточно интегрированы в практику физической культуры.

tDCS обладает научным обоснованием и высоким потенциалом в студенческой среде.

Стресс на сессии усиливает проблему восстановления.

Необходима просветительская работа среди студентов и преподавателей.

Опрос показал скепсис, но готовность к инновациям.

Список литературы:

[1] Biddle Stuart Physical activity and mental health: evidence is growing / Stuart Biddle // World Psychiatry. – 2016. – № 15(2). – P. 176-177. – URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27265709/ (дата обращения: 05.10.2025).

[2] Kim, S. tDCS for muscle recovery in athletes / S. Kim, J. Park, L. Brown [et al.] // Journal of Neuroengineering. – 2025. – Vol. 12, No. 1. – P. 45-52.

[3] Лубышева, Л. И. Физическая культура студентов : учебное пособие / Л. И. Лубышева. – Москва : Спорт, 2021. – 145 с.

[4] Park, J. Digital recovery tools in student population / J. Park // Korean Journal of Sports Medicine. – 2024. – Vol. 8, No. 2. – P. 5-10.

[5] RecoverFast App : [мобильное приложение] / разработчик RecoverTech Inc. – Версия 2.5.1. – 2025. – Режим доступа: https://recoverfast.app. (дата обращения: 05.10.2025).

References:

[1] Biddle Stuart Physical activity and mental health: evidence is growing / Stuart Biddle // World Psychiatry. – 2016. – № 15(2). – P. 176-177. - URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27265709/ (access date: 05.10.2025).

[2] Kim, S. tDCS for muscle recovery in athletes / S. Kim, J. Park, L. Brown [et al.] // Journal of Neuroengineering. – 2025. – Vol. 12, No. 1. – P. 45-52.

[3] Lubysheva, L. I. Physical culture of students: textbook/L. I. Lubysheva. - Moscow: Sport, 2021. - 145 s.

[4] Park, J. Digital recovery tools in student population / J. Park // Korean Journal of Sports Medicine. – 2024. – Vol. 8, No. 2. – P. 5-10.

[5] RecoverFast App: [mobile app]/developer RecoverTech Inc. - Version 2.5.1. - 2025. - Access mode: https ://recoverfast.app. (accessed on: 05.10.2025).